
Жюль Верн
Дунайский лоцман
Необыкновенные приключения экспедиции Барсака
Московский рабочий
1958

Жюль Верн

Дунайский лоцман

Необыкновенные приключения экспедиции Барсака

Московский рабочий
1958

Перевод с французского и послесловие
Александра ВОЛКОВА

Дунайский лоцман

Роман

НА СОРЕВНОВАНИИ В ЗИГМАРИНГЕНЕ

В этот день, в субботу 5 августа 1876 года, шумная многочисленная толпа наполняла кабачок под вывеской «Свидание рыболовов». Песни, звон стаканов, аплодисменты, возгласы смешивались в ужасающий шум, среди которого время от времени выделялись крики «хох!», выражавшие радость, дошедшую до предела.

Окошки кабачка выходили прямо на Дунай, у окраины очаровательного маленького городка Зигмарингена, столицы прусского владения Гогенцоллернов, расположенного почти у истоков великой реки Центральной Европы.

Прочитав вывеску, начертанную красивыми готическими буквами над входной дверью, в кабачок входили члены «Дунайской лиги», международного общества рыболовов, принадлежавших различным прибрежным нациям. Не бывает веселых сборищ без знатной выпивки. Итак, там пили отличное мюнхенское пиво и доброе венгерское вино полными кружками и полными стаканами. Там курили, и в большой зале было темно от ароматного дыма, который выбрасывали без устали длинные трубки. Если собеседники не видели друг друга, то они друг друга слышали, по крайней мере те, кто не был глух.

Спокойные и молчаливые за делом, рыболовы-удильщики становятся самыми шумными людьми на свете, когда откладывают в сторону свои принадлежности. В рассказах о великих подвигах они не уступают охотникам, а этим уже немало сказано.

Дело шло к концу весьма существенного завтрака, который собрал вокруг столов сотню приглашенных рыба-

рей удилища, ярых приверженцев воды, фанатиков крючка. Утренние подвиги, без сомнения, иссушили их глотки, судя по количеству бутылок, появившихся за десертом. Потом пришла очередь многочисленных ликеров, которыми эти люди решили заменить кофе.

Пробило три часа после полудня, когда приглашенные покинули стол. Говоря по правде, некоторые из них пошатывались и совсем не могли идти без помощи соседей. Но большая часть крепко держалась на ногах, как твердые и храбрые завсегдатаи долгих священных заседаний, которые ежегодно возобновлялись несколько раз по случаю соревнования «Дунайской лиги».

Слава этих, превращенных в праздники, частых соревнований была велика на всем протяжении знаменитой реки, желтой, а не голубой, как поется в известном вальсе Штрауса. Соперники стекались на них из герцогства Баденского, из Вюртемберга, Баварии, Австрии, Венгрии, из Румынии, Сербии и даже из турецких провинций Болгарии и Бессарабии.

Общество существовало уже пять лет. Прекрасно управляемое своим президентом, венгерцем Миклеско, оно процветало. Его возрастающие средства позволяли предлагать значительные призы на соревнованиях, и его знамя блистало многочисленными медалями, завоеванными в упорной борьбе с другими рыболовными обществами. Комитет его директоров, хорошо знакомый с законами о рыбной ловле на реках, поддерживал единомышленников то против государства, то против частных лиц и защищал их права и привилегии с особой настойчивостью, можно сказать, с особым профессиональным упорством, свойственным тем двуногим, которых стоит выделить в особый разряд человечества за склонность к рыбной ловле на удочку.

Соревнование, которое только что состоялось, было вторым в 1876 году. В пять часов утра конкуренты покинули городок и собрались на левом берегу Дуная чуть пониже Зигмарингена. Они были в форме Общества: короткая блуза, не стеснявшая движений, панталоны, заправленные в сапоги на толстых подошвах, фуражка с большим козырьком. Само собой разумеется, они владели полным набором различных орудий, перечисленных в «Руководстве рыболова»: удилищами, подсачками, лес-

ками, упакованными в замшевые чехольчики, поплавками, глубомерами, свинцовыми дробинками всевозможных размеров для грузил, искусственными мушками, шнурками, флорентийской жилкой. Ловля была свободной в том смысле, что всякая пойманная рыба шла в счет, и каждый рыболов мог прикармливать ее, как заблагорассудится.

Когда пробило шесть часов, девяносто семь соперников заняли места с удочками в руках, готовые забросить крючки. Труба проиграла сигнал, и девяносто семь лесок одновременно взвились над рекой.

На конкурсе было объявлено несколько призов; два первые, по сто флоринов каждый, назначались тому рыболову, который поймает самое большое количество рыбы, и тому, кто изловит самый большой экземпляр.

До второго сигнала трубы не случилось никаких происшествий. Соревнование закончилось в одиннадцать часов. Добыча каждого была представлена жюри, состоявшему из президента Миклеско и четырех членов «Дунайской лиги». Хотя у рыболовов-удильщиков самые горячие головы на свете, никто ни на мгновенье не сомневался, что эти высокие и могущественные особы примут решение со всем беспристрастием, так что никакие возражения не будут возможны. Приходилось только вооружиться терпением, чтобы узнать результаты добросовестного расследования; распределение различных призов по весу или по числу должно было оставаться в секрете до момента выдачи, предшествуемого братской трапезой всех конкурентов.

Этот час настал. Рыболовы, не говоря о любопытных зигмарингенцах, ожидали, комфортабельно усевшись, перед эстрадой, на которой находились президент и другие члены Лиги.

И в самом деле, если хватало стульев, скамеек и табуреток, то было достаточно и столов, а на столах стояли кружки с пивом, бутылки с различными напитками, маленькие и большие стаканы.

Когда каждый занял место и трубки задымили вовсю, президент встал.

— Слушайте! Слушайте! — раздалось со всех сторон.

Господин Миклеско осушил кружку пива, и пена еще висела на кончиках его усов.

— Мои дорогие коллеги, — начал он по-немецки, на языке, понятном всем членам «Дунайской лиги», без различия национальностей, — не ждите от меня классически построенного рассуждения с введением, главной частью и заключением. Нет, мы здесь не для того, чтобы упиваться торжественными официальными речами, и я буду говорить только о наших маленьких делах по-товарищески, скажу даже, по-братски, если такое выражение подходяще для международного общества.

Эти две фразы, чересчур длинные, как все те, какими обычно начинается речь, даже когда оратор не хочет быть многословным, вызвали единодушные аплодисменты, к которым присоединились многочисленные «очень хорошо!» и «хох!», прерываемые икотой. Потом президент поднял бокал, и все наполненные стаканы были выпиты.

Продолжая речь, господин Миклеско поместил рыболова-удильщика в первый разряд человечества. Он подчеркнул все качества, все добродетели, которыми наградила удильщика щедрая природа. Он указал, сколько нужно терпения, изобретательности, хладнокровия, высокой интеллигентности, чтобы преуспевать в рыболовном искусстве, так как это больше, чем ремесло, это именно искусство, и оно намного выше подвигов, которыми понапрасну хвалятся охотники.

— Разве можно сравнивать, — вскричал он, — охоту с рыбной ловлей?!

— Нет, нет! — хором ответили присутствующие.

— Какая заслуга убить куропатку или зайца, когда видишь их на расстоянии выстрела и когда собака — а разве мы имеем собак? — отыскивает для вас дичь? Эту дичь вы замечаете издалека, вы не спеша целитесь в нее и выпускаете бесчисленное количество дробинок, большая часть которых пропадает напрасно!.. Напротив, за рыбой вы не можете следить взглядом... Она скрывается под водой... Сколько нужно искусных маневров, уловок, ума и хитрости, чтобы заставить рыбу взять крючок, чтобы ее подсечь, чтобы вытащить из воды, то недвижно висящую на конце лески, то трепещущую и как бы аплодирующую вам за победу!

На этот раз ответом были громовые возгласы «браво!» Решительно, президент Миклеско умел затронуть чувства членов «Дунайской лиги». Понимая, что невозмож-

но зайти слишком далеко в похвалах своим сотоварищам, он осмелился, не боясь быть обвиненным в преувеличениях, поставить их благородное занятие выше всех других, вознес до небес горячих приверженцев научного рыболовства и даже обратился к памяти великолепной богини, которая являлась во главе юных любителей древнего Рима на праздниках рыболовов.

Были ли поняты эти намеки? Вероятно, так как они вызвали настоящую бурю энтузиазма.

Потом, переведя дыхание и осушив еще кружку пенистого пива, он продолжал:

— Мне остается только поздравить вас с растущим процветанием Общества, которое каждый год пополняется новыми членами и репутация которого прочно установлена во всей Центральной Европе. Я вам не буду говорить о наших успехах. Вы их знаете, вы в них участвуете, и это большая честь выступать на соревнованиях. Немецкая печать, чешская печать, румынская печать не скупятся на похвалы, столь драгоценные, и я добавлю, столь заслуженные! Я поднимаю тост, и прошу поддержать меня, за журналистов, преданных международному делу «Дунайской лиги»!

Конечно, все откликнулись на призыв президента Миклеско. Бутылки опорожнились в стаканы, а стаканы опрокинулись в глотки с такой же легкостью, с какой вода великой реки и ее притоков изливается в море.

Можно бы на этом остановиться, если бы речь президента окончилась на последнем тосте. Но предлагались и другие тосты, очевидно, столь же своевременные.

В самом деле, президент выпрямился во весь рост между секретарем и казначеем, которые тоже встали. Каждый из них в правой руке держал бокал шампанского, а левую прижимал к сердцу.

— Я пью за «Дунайскую лигу»! — воскликнул господин Миклеско, окидывая взглядом присутствующих.

Все встали, подняв бокалы. Некоторые рыболовы влезли на скамейки, другие на столы и все ответили с великолепным единодушием на предложение господина Миклеско.

А президент начал снова после того, как было сделано пополнение из неисчерпаемых бутылок, стоявших перед ним и его сотоварищами:

— За различные народы: за баденцев, за вюртембержцев, за баварцев, за австрийцев, за венгров, за сербов, за валахов, за молдаван, за болгар, за бессарабов, которых «Дунайская лига» объединяет в своих рядах!

И бессарабы, болгары, молдаване, валахи, сербы, венгры, австрийцы, баварцы, вюртембержцы, баденцы ответили ему, как один человек, поглотив содержимое своих бокалов.

Наконец, президент закончил выступление, объявив, что пьет за здоровье каждого члена Общества. Но так как их количество достигает четырехсот семидесяти трех, он, к несчастью, вынужден объединить здравицу за них.

Ему ответили тысячью «хох!», которые продолжались до полного истощения голосовых средств.

Следующий номер программы завершился традиционными возлияниями рыболовов. Под конец должны были объявить имена лауреатов.

Каждый ожидал этого с беспокойством, вполне естественным, потому что, как уже сказано, секрет жюри хранился строго. Но момент пришел, и сейчас все откроется.

Президент Миклеско приготовился читать официальный список наград.

В соответствии с уставом Общества наименьшие призы объявлялись первыми, что придавало чтению наградного списка все возрастающий интерес.

При оглашении имен лауреаты низших премий по количеству пойманных рыб представали перед эстрадой. Президент обменивался с ними рукопожатием, вручал диплом и денежный приз сообразно занятому месту.

Рыбы, содержавшиеся в их сетках, были те, каких может поймать каждый рыболов в водах Дуная: колюшки, плотва, пескари, окуни, лини, щуки, карпы и другие. Валахи, венгры, баденцы, вюртембержцы фигурировали в перечне низших премий.

Второй приз вручили за семьдесят семь пойманных рыб немцу, по имени Вебер, успех которого был встречен горячими рукоплесканиями. Вебера, в самом деле, хорошо знали сотоварищи. Уже много и много раз на предыдущих соревнованиях имя его стояло в первых рядах, и в этот день ждали, что он, как всегда, получит первый приз по количеству.

Нет, только семьдесят семь рыб было в его садке, семьдесят семь хорошо сосчитанных и пересчитанных, тогда как его конкурент, если не более искусный, то, по крайней мере, более счастливый, предъявил девяносто девять рыб.

Имя этого мастера рыбной ловли было провозглашено. Им оказался венгр Илиа Бруш.

Удивленное собрание, услышав незнакомое имя этого венгра, лишь недавно вступившего в «Дунайскую лигу», не аплодировало.

Так как лауреат не счел нужным явиться за получением премии в сто флоринов, президент Миклеско незамедлительно перешел к чтению списка победителей по весу выловленных рыб. Премии получили румыны, славяне, австрийцы. Когда было произнесено имя получившего второй приз, оно было встречено аплодисментами, как и имя немца Вебера. Господин Иветозар, один из соревнователей, восторжествовал над карпом в три с половиной фунта весом, который наверняка ускользнул бы от менее искусного и хладнокровного рыболова. Господин Иветозар был одним из самых видных, самых деятельных, самых преданных членов Общества и имел в эту пору самое большое количество премий. Потому-то его и приветствовали единодушными рукоплесканиями.

Оставалось только присудить первый приз по этой категории, и все сердца затрепетали в ожидании имени лауреата.

Каково же было удивление, даже больше, чем удивление, — всеобщее остолбенение, когда президент Миклеско голосом, дрожь которого не мог сдержать, с трудом произнес:

— Первый приз по весу за щуку в семнадцать фунтов присуждается венгру Илиа Брушу!

Гробовое молчание наступило в собрании. Руки, собравшиеся хлопать, остались неподвижными, рты, готовые кричать в честь победителя, молчали. Все присутствующие замерли на месте от любопытства.

Появится ли, наконец, Илиа Бруш? Придет ли он получить от президента Миклеско почетные дипломы и присоединенные к ним двести флоринов?

Внезапно по собранию пронесся ропот.

Один из рыболовов, который до того держался в стороне, направился к эстраде.

Это и был венгр Илиа Бруш.

Судя по тщательно выбритому лицу, над которым поднималась густая черная шевелюра, Илиа Бруш был не старше тридцати лет. Роста выше среднего, с широкими плечами, крепко стоящий на ногах, он, вероятно, обладал редкой силой. Можно было, в самом деле, удивляться, как молодец такой закалки увлекся мирным занятием — рыбной ловлей на удочку да еще и приобрел в этом трудном искусстве мастерство, неопровержимым доказательством которого служили результаты конкурса.

Другая достаточно странная особенность: Илиа Бруш, очевидно, страдал каким-то недостатком зрения. В самом деле, большие темные очки скрывали его глаза, цвет которых невозможно было определить. А ведь зрение самое драгоценное из чувств для тех, кто живо интересуется чуть заметными движениями поплавка и кому необходимо разгадывать многочисленные рыбьи хитрости.

Но, каково бы ни было удивление, приходилось подчиняться. Беспристрастие жюри не вызывало сомнений, Илиа Бруш являлся победителем соревнования, и при таких обстоятельствах, каких еще не встречалось на памяти членов Лиги. Собрание, наконец, ожило, и достаточно звучные рукоплескания приветствовали триумфатора в момент, когда он получал дипломы и премии из рук президента Миклеско.

После этого Илиа Бруш, поговорив с президентом, не спустился с эстрады, а повернулся к заинтересованному собранию и жестом потребовал молчания, которое наступило точно по волшебству.

— Господа и дорогие коллеги, — начал Илиа Бруш,— я прошу позволения обратиться к вам с несколькими словами, что мне разрешил наш президент.

Можно было услышать, как пролетит муха в зале, только что перед этим такой шумной. Что означает это выступление, не предусмотренное программой?

— Я сначала желаю вас поблагодарить, — продолжал Илиа Бруш, — за ваше сочувствие и за аплодисменты, но прошу вас верить, что я не возгордился сверх меры двойным успехом, которого мне удалось достигнуть. Я сознаю, что успех, приличествующий наиболее

достойному, должен был бы принадлежать кому-нибудь из старейших членов Лиги, столь богатой выдающимися рыболовами, и что я обязан не столько моим заслугам, сколько счастливому случаю.

Скромность этого вступления понравилась собранию; раздалось несколько приглушенных возгласов: «Очень хорошо!»

— Этот благоприятный случай я должен оправдать, и я составил с этой целью проект, который, надеюсь, по своему характеру заинтересует присутствующих здесь знаменитых рыболовов. Вы знаете, дорогие коллеги, сейчас мода на рекорды. Почему не последуем мы примеру чемпионов других видов спорта и не попытаемся установить рекорд рыбной ловли на удочку?

Заглушенные восклицания пробежали по аудитории. Слышалось: «Ах, ах!», «Слушайте, слушайте!», «Почему бы и не так?» Каждый член Общества выражал впечатления сообразно своему темпераменту.

— Когда эта мысль, — продолжал тем временем оратор, — пришла мне впервые в голову, я ее тотчас одобрил и понял, при каких условиях она должна быть осуществлена. Мое звание члена «Дунайской лиги», впрочем, ограничивает задачу. Я член «Дунайского общества» и только на Дунае должен искать счастливого исхода моего предприятия. И я составил проект спуститься по нашей знаменитой реке от самого ее истока до Черного моря и питаться во время этого пробега в три тысячи километров исключительно плодами моей рыбной ловли.

Сегодняшняя удача еще более увеличила мое желание выполнить путешествие, интерес которого, я уверен, вы оцените; вот почему я решил отправиться 10 августа, то есть в ближайший четверг, и назначаю вам свидание в этот день в самом том месте, где начинается Дунай.

Легче вообразить, чем описать энтузиазм, который вызвало это неожиданное сообщение. В продолжение пяти минут гремела буря возгласов «хох!» и бешеных рукоплесканий.

Такое важное событие должно было получить достойное завершение. Господин Миклеско это понял и, верный себе, поступил, как настоящий председатель. Немного тяжеловато, быть может, он встал еще раз, поддержанный двумя помощниками.

— За нашего коллегу Илиа Бруша! — воскликнул он взволнованным голосом, размахивая бокалом шампанского.

— За нашего коллегу Илиа Бруша! — отозвалось собрание, как раскат грома, за которым немедленно последовало полное молчание, так как человеческие существа, к сожалению, неспособны кричать и пить в одно и то же время.

Однако молчание продолжалось недолго. Пенящееся вино придало пересохшим глоткам новую силу, что позволило провозгласить еще бесчисленное множество здравиц до того момента, когда закрылся при всеобщем веселье знаменитый конкурс рыболовов, открытый в этот же день, 5 августа 1876 года, «Дунайской лигой» в очаровательном маленьком городке Зигмарингене.

В ВЕРХОВЬЯХ ДУНАЯ

Хотел ли добиться славы Илиа Бруш, когда объявил коллегам, собравшимся в «Свидании рыболовов», о своем намерении спуститься по Дунаю с удочкой в руке? Если такова была его цель, он мог похвалиться, что достиг ее.

Печать заговорила об этом случае, и все газеты дунайской области посвятили соревнованию в Зигмарингене статьи своих репортеров, более или менее обширные и, во всяком случае, способные приятно пощекотать самолюбие победителя, имя которого становилось популярным.

Уже на следующий день, в номере от 6 августа, венская «Нейе Фрайе Пресс» писала:

«Последнее соревнование «Дунайской лиги» по уженью закончилось вчера в Зигмарингене настоящим театральным эффектом, героем которого был венгр по имени Илиа Бруш, вчера еще никому не известный, а сегодня почти знаменитый.

Вы спросите: что же такое сделал Илиа Бруш, чтобы заслужить такую внезапную славу?

Во-первых, этот искусник сумел заслужить два первых приза — по весу и по количеству рыбы, далеко оставив позади конкурентов, чего, кажется, не случалось

за все время, как существуют подобные соревнования. Это уже не плохо. Но дальше будет еще лучше.

Когда он собрал богатую жатву лавров и одержал такую блестящую победу, казалось, он вправе насладиться заслуженным отдыхом. Нет, не таково было мнение этого удивительного венгра, который приготовился поразить нас еще больше.

Если мы хорошо осведомлены, — а точность нашей информации известна, — Илиа Бруш объявил коллегам, что он намерен спуститься с удочкой в руке вниз по Дунаю, от его верховья в герцогстве Баденском до устья в Черном море, сделав путешествие приблизительно в три тысячи километров.

Мы будем держать наших читателей в курсе всех перипетий этого оригинального предприятия.

Илиа Бруш должен отправиться в путь 10 августа, в следующий четверг. Пожелаем ему счастья, но попросим также ужасного рыболова не истреблять вплоть до последнего представителя водяное население великой интернациональной реки!»

Так писала венская «Нейе Фрайе Пресс». Не меньше горячности проявила будапештская «Пестер Ллойд», а также и белградская «Србске Новине» и бухарестская «Романул», в которой заметка разрослась до размеров настоящей статьи.

Все эти заметки и статьи, умело написанные, привлекли внимание к Илиа Брушу, и если правда, что печать есть отражение общественного мнения, то можно было ожидать, что путешествие по мере его продолжения будет возбуждать все возрастающий интерес.

В самом деле, разве в городах, расположенных на берегах реки, не проживают члены «Дунайской лиги», которые сочтут долгом принять участие в славе своего сотоварища? Нет сомнения, что он получит от них в случае надобности сочувствие и поддержку.

Пока что комментарии печати имели большой успех у рыболовов-удильщиков. В глазах этих профессионалов предприятие Илиа Бруша имело огромную важность, и некоторые члены Лиги, участники конкурса в Зигмарингене, задержались, чтобы присутствовать при отправлении чемпиона «Дунайской лиги».

Хозяину «Свидания рыболовов» не приходилось жало-

ваться на продолжение их пребывания в Зигмарингене. После полудня 8 августа, за два дня до срока, назначенного лауреатом для начала оригинального путешествия, более тридцати собутыльников продолжали веселиться в большой зале кабачка, владелец которого, предоставляя этой избранной клиентуре неограниченные возможности для выпивки, получал непредвиденные доходы.

Однако, несмотря на приближение события, задержавшего любопытных в столице Гогенцоллернов, вечером 8 августа в «Свидании рыболовов» разговаривали не о герое дня. Другое событие, еще более важное для обитателей берегов великой реки, служило темой общего разговора и приводило всех в волнение.

Это волнение было вполне понятным, и его оправдывали серьезные события.

Дело в том, что уже в течение многих месяцев берега Дуная подвергались постоянным грабежам. Не счесть было обокраденных ферм, разграбленных замков, обворованных деревушек. Были и убийства: несколько человек заплатили жизнью за сопротивление, которое они пытались оказать неуловимым злодеям.

По всей вероятности, столько преступлений не могло совершить несколько отдельных лиц. Ясно, что речь шла о хорошо организованной банде, без сомнения, очень многочисленной, судя по ее «подвигам».

Странным казалось, что банда действовала только в непосредственной близости от Дуная. Уже за два километра от берегов реки никакое преступление нельзя было отнести на ее счет. Зато поле ее деятельности, по-видимому, было ограничено только в ширину, и берега австрийские, венгерские, сербские или румынские одинаково подвергались нападениям бандитов, которых никогда не удавалось захватить на месте.

Сделав свое дело, бандиты исчезали до ближайшего преступления, совершаемого в другом месте, иногда за сотни километров от предыдущего, и о них ничего не было слышно. Казалось, они улетучивались, а с ними и их добыча, иногда очень громоздкая.

Заинтересованные правительства в конце концов были взволнованы этими последовательными ударами, которые, по всей вероятности, можно было приписать недо-

статочной связи между полицией придунайских стран. По этому поводу произошел обмен дипломатическими нотами, и, как сообщила печать в тот самый день 8 августа, переговоры привели к созданию интернациональной полиции, которая должна была действовать под управлением одного начальника на всем течении Дуная. Выбор начальника представил большие трудности, но в конце концов согласились на кандидатуре венгра Карла Драгоша, полицейского комиссара, хорошо известного в тех краях. Карл Драгош считался, в самом деле, замечательным сыщиком, и нельзя было выбрать более достойного. Ему исполнилось сорок пять лет; это был человек среднего роста, худощавый, наделенный более моральной стойкостью, чем физической силой. Однако он обладал достаточной силой, чтобы выносить профессиональные трудности службы, и храбростью, чтобы не бояться ее опасностей. Он числился на жительстве в Будапеште, но чаще всего находился в провинции, занятый какими-нибудь щекотливыми расследованиями. Прекрасное знание всех языков Юго-Восточной Европы — немецкого, румынского, сербского, болгарского и турецкого, не говоря уже о родном венгерском, позволяло ему выходить из всяких затруднений. Будучи холостяком, он не боялся, что семейные заботы стеснят свободу его передвижений.

Как сказано, печать хорошо отозвалась о назначении Драгоша. Публика тоже одобрила его единодушно.

В большой зале «Свидания рыболовов» новость приняли крайне лестным образом.

— Нельзя было лучше выбрать, — утверждал в тот момент, когда в кабачке зажглась лампа, господин Иветозар, обладатель второго приза по весу рыбы на только что закончившемся конкурсе. — Я знаю Драгоша. Это — человек.

— И искусный человек, — добавил президент Миклеско.

— Пожелаем, — вскричал кроат с трудно произносимым именем Сврб, владелец красильни в предместьях Вены, — чтобы ему удалось оздоровить берега реки! Жизнь здесь стала прямо невозможной!

— У Карла Драгоша сильный противник, — сказал немец Вебер, покачивая головой. — Посмотрим его за работой.

— За работой!.. — вскричал господин Иветозар. — Он уже за ней, будьте спокойны!

— Конечно, — поддержал господин Миклеско. — Не в духе Карла Драгоша терять время. Если его назначение произошло четыре дня назад, как утверждают газеты, то он, по крайней мере, уже три дня делает свое дело.

— С чего бы ему начать? — спросил господин Писсеа, румын, самой своей фамилией[1] предназначенный стать рыболовом. — На его месте, признаюсь, я был бы в крайнем затруднении.

— Потому вас и не поставили на его место, мой дорогой, — благодушно заметил серб. — Будьте уверены, что Драгош не затруднится. А уж докладывать вам свой план, это извините. Быть может, он направился в Белград, быть может, остался в Будапеште... Если только не предпочел явиться как раз сюда, в Зигмаринген, и если его нет в этот момент среди нас в «Свидании рыболовов»!

Это предположение вызвало бурный взрыв веселья.

— Среди нас! — вскричал Вебер. — Вы смеетесь над нами, Михаил Михайлович! Зачем он явится сюда, где на людской памяти никогда не совершалось ни малейшего преступления?

---

[1] По-латыни *piscis* — рыба.

— Гм! — возразил Михаил Михайлович. — А может, для того, чтобы присутствовать послезавтра при отправлении Илиа Бруша. Может, он его интересует, этот человек... Если только Илиа Бруш и Карл Драгош не одно лицо.

— Как это, одно лицо! — закричали со всех сторон. — Что вы под этим подразумеваете?

— Черт возьми! А это было бы здорово... Никто не заподозрит полицейского в шкуре лауреата, и он будет инспектировать Дунай на полной свободе.

Эта фантастическая выдумка заставила всех собутыльников широко открыть глаза. Уж этот Михаил Михайлович! Только у него и могут явиться подобные идеи!

Впрочем, Михаил Михайлович не очень держался за предположение, которое только что рискнул высказать.

— Если только... — начал он оборотом, который, очевидно, был его излюбленным.

— Если только?

— Если только Карл Драгош не имеет другой причины присутствовать здесь, — продолжал он, переходя без передышки к другому, не менее фантастическому предположению.

— Какой причины?

— Предположите, например, что этот проект спуститься по Дунаю с удочкой в руке кажется ему подозрительным.

— Подозрительным!.. Почему подозрительным?

— Черт побери! Да ведь это было бы совсем не глупо для мошенника скрыться под маской рыболова, и особенно рыболова, столь известного. Такая известность стоит любого инкогнито в мире. Можно нанести сто ударов, где только захочется, а в промежутках ловить рыбку. Хитрая выдумка!

— Но надо уметь удить, — поучительно заметил президент Миклеско, — а это привилегия честных людей.

Такой моральный вывод, быть может, немножко чересчур смелый, был встречен горячими рукоплесканиями этих страстных рыболовов. Михаил Михайлович с замечательным тактом воспользовался всеобщим энтузиазмом.

— За здоровье президента! — вскричал он, поднимая свой стакан.

— За здоровье президента! — повторили собутыльники, опустошив стаканы, как один человек.

— За здоровье президента! — повторил один из посетителей, одиноко сидевший за столом и в течение некоторого времени, казалось, с живым интересом прислушивавшийся к происходившему вокруг него разговору.

Господин Миклеско был тронут любезным поступком незнакомца и, чтобы его отблагодарить, поднял в его честь бокал.

Одинокий посетитель, считая, без сомнения, что этим вежливым поступком лед сломан, решил, с позволения почтенного собрания, выразить и свое мнение.

— Хорошо сказано, честное слово! — заметил он. — Да, конечно, уженье — удовольствие порядочных людей.

— Мы имеем честь говорить с коллегой? — спросил господин Миклеско, обращаясь к незнакомцу.

— О! — скромно ответил этот последний. — Всего лишь любитель, который восхищается блестящими подвигами, но не имеет дерзости им подражать.

— Тем хуже, господин...

— Иегер.

— Тем хуже, господин Иегер, так как я должен заключить, что мы никогда не будем иметь чести считать вас в числе членов «Дунайской лиги».

— Кто знает? — возразил господин Иегер. — Может быть, и я когда-нибудь решусь протянуть руку к пирогу... к удочке, хотел я сказать, и в этот день я, конечно, буду вашим, если только сумею удовлетворить условиям, необходимым для принятия в ваше Общество.

— Не сомневайтесь в этом, — горячо заверил господин Миклеско, воодушевленный надеждой завербовать нового приверженца. — Эти условия очень просты, и их всего четыре. Первое — платить скромный ежегодный взнос. Это — главное.

— Разумеется, — смеясь подтвердил господин Иегер.

— Второе — это любить уженье. Третье—быть приятным компаньоном, и мне кажется, что это третье условие уже выполнено.

— Очень любезно с вашей стороны! — заметил господин Иегер.

— Что же касается четвертого, то оно состоит во вне-

сении своей фамилии и адреса в список Общества. Имя ваше известно, и когда я буду иметь ваш адрес...

— Вена, Лейпцигерштрассе, номер сорок три.

— ...вы будете полноправным членом Лиги за двадцать крон в год.

Оба собеседника рассмеялись от чистого сердца.

— И больше никаких формальностей? — спросил господин Иегер.

— Никаких.

— И не надо удостоверения личности?

— Ну, господин Иегер, — возразил президент, — чтобы ловить рыбу на удочку!..

— Это верно, — заметил господин Иегер. — Впрочем, это неважно. Ведь все должны знать друг друга в «Дунайской лиге».

— Как раз наоборот, — заверил господин Миклеско. — Вы только подумайте! Некоторые из наших товарищей живут здесь, в Зигмарингене, а другие на берегу Черного моря. Не так-то легко поддерживать добрососедские отношения.

— В самом деле!

— Так, например, нашего поразительного лауреата последнего конкурса...

— Илиа Бруша?

— Его самого. И что ж? Его никто не знает.

— Невозможно!

— Но это так, — уверил господин Миклеско. — Ведь он всего две недели назад вступил в Лигу. Совершенно для всех Илиа Бруш удивительное... — что я говорю! — подлинное откровение.

— Это то, что на скачках называют «темная лошадка»?

— Именно.

— А из какой страны эта темная лошадка?

— Это венгр.

— Так же, как и вы. Потому что вы венгр, как я полагаю, господин президент?

— Чистокровный, господин Иегер, венгр из Будапешта.

— А Илиа Бруш?

— Из Сальки.

— Где эта Салька?

— Это местечко, маленький городок, если хотите, на правом берегу Ипеля, реки, которая впадает в Дунай на несколько лье [1] выше Будапешта.

— С ним, по крайней мере, господин Миклеско, вы можете считаться соседями, — смеясь заметил Иегер.

— Не раньше, чем через два или три месяца, — таким же тоном возразил президент «Дунайской лиги». — Столько времени ему понадобится для путешествия...

— Если только оно состоится! — ядовито молвил веселый серб, бесцеремонно вмешиваясь в разговор.

Другие рыболовы придвинулись к ним. Иегер и Миклеско оказались в центре маленькой группы.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил господин Миклеско. — У вас блестящее воображение, Михаил Михайлович!

— Простая шутка, господин президент, — ответил спрошенный. — Впрочем, если Илиа Бруш, по-вашему, ни полицейский, ни преступник, почему он не может посмеяться над нами и оказаться просто хвастуном?

Господин Миклеско взглянул на дело серьезно.

— У вас недоброжелательный характер, Михаил Михайлович, — возразил он. — Когда-нибудь он сыграет с вами скверную шутку. Илиа Бруш производит на меня впечатление человека честного и положительного. Кроме того, он член «Дунайской лиги». Этим все сказано.

— Браво! — закричали со всех сторон.

Михаил Михайлович, казалось, совсем не сконфуженный уроком, с замечательным присутствием духа воспользовался новым предлогом и провозгласил тост.

— В таком случае, — сказал он, схватив стакан, — за здоровье Илиа Бруша!

— За здоровье Илиа Бруша! — хором ответили присутствующие, не исключая господина Иегера, который добросовестно осушил стакан до последней капли.

Последняя выходка Михаила Михайловича была, впрочем, не менее лишена здравого смысла, чем предыдущие. Объявив о своем проекте с большим шумом, Илиа Бруш больше не показывался. Никто ничего о нем не слышал. Не было ли странно, что он держался где-то

---

[1] *Лье* — старинная французская мера длины, около четырех километров.

в стороне, и возникало вполне законное предположение, что он хотел одурачить своих чересчур легковерных товарищей. Как бы то ни было, ожидать придется недолго. Через тридцать шесть часов все разрешится.

Тем, которые интересовались проектом, нужно было только подняться на несколько лье выше Зигмарингена. Там они, без сомнения, встретят Илиа Бруша, если он, действительно, такой серьезный человек, как утверждал президент Миклеско.

Но здесь могла возникнуть одна трудность. Было ли установлено местонахождение истока великой реки? В точности ли указывали его карты? Не существовала ли неуверенность в этом вопросе, и, когда попытаются встретить Илиа Бруша в одном пункте, не окажется ли он в другом?

Конечно, нет сомнений в том, что Дунай, Истр древних, берет начало в великом герцогстве Баденском. Географы даже утверждают, что это происходит на шести градусах десяти минутах восточной долготы и сорока семи градусах сорока восьми минутах северной широты. Но даже это определение, допуская, что оно справедливо, доведено только до дуговой минуты, а не до секунды, и это допускает широкие разногласия. Ведь дело шло о том, чтобы забросить удочку в том самом месте, где первая капля дунайской воды начинает скатываться к Черному морю.

Согласно одной легенде, которая долго считалась географической истиной, Дунай рождался в саду принца Фюрстенберга. Колыбелью его будто бы был мраморный бассейн, в котором многочисленные туристы наполняли свои кубки. Не у края ли этого неисчерпаемого водоема нужно ожидать Илиа Бруша утром 10 августа?

Нет, не там подлинный источник великой реки. Теперь известно, что он образован слиянием двух ручьев, Бреге и Бригаха, которые ниспадают с высоты в восемьсот семьдесят пять метров и протекают через Шварцвальдский лес[1]. Их воды смешиваются у Донауэшингена, на несколько лье выше Зигмарингена, и объединяются под общим названием Дунай.

---

[1] *Шварцвальдский лес* — горный массив, составляющий часть Альпийской горной системы.

Если какой-либо из ручьев больше другого заслуживает считаться рекой, то это Бреге, длина его тридцать семь километров, и начинается он в Брисгау.

Но, без сомнения, наиболее осведомленные сказали себе, что местом отправления Илиа Бруша, — если он все же отправится, — будет Донауэшинген, и там они собрались, в большинстве члены «Дунайской лиги», во главе с президентом Миклеско.

С утра 10 августа они выстроились, как на часах, у берега Бреге, при слиянии двух ручьев. Но часы проходили, а героя дня не было видно.

— Он не явится, — сказал один.

— Это просто мистификатор, — молвил другой.

— А мы настоящие простаки! — добавил Михаил Михайлович, который скромно торжествовал.

Только президент Миклеско настойчиво защищал Илиа Бруша.

— Нет, — уверял он, — я никогда не допущу мысли, что член «Дунайской лиги» вздумает дурачить своих товарищей!.. Илиа Бруш запоздал. Будем терпеливы. Мы вот-вот его увидим.

Господин Миклеско был прав в своем доверии. Незадолго до девяти часов из группы, собравшейся при слиянии Бреге и Бригаха, донесся крик:

— Вот он!.. Вот он!..

В двухстах шагах из-за поворота показалась лодка, направляемая кормовым веслом вдоль берега, минуя быстрину. На корме стоял человек.

Этот человек и был тот самый, который несколько дней назад появился на конкурсе «Дунайской лиги» и завоевал два первых приза, венгр Илиа Бруш.

Когда лодка достигла слияния ручьев, она остановилась, и на берег был выброшен небольшой якорь. Илиа Бруш высадился, и любопытные собрались вокруг него. Без сомнения, он не ожидал встретить такую многочисленную компанию и казался несколько смущенным.

Президент Миклеско подошел к нему и протянул руку, которую Илиа Бруш почтительно пожал, сняв шапку из меха выдры.

— Илиа Бруш, — сказал господин Миклеско с чисто президентской важностью, — я счастлив видеть великого победителя на нашем последнем конкурсе.

Великий победитель поклонился в знак благодарности. Президент продолжал:

— Раз мы встретились с вами у истоков нашей интернациональной реки, мы заключаем, что вы начинаете приводить в исполнение проект спуститься до устья с удочкой в руке.

— Конечно, господин президент, — ответил Илиа Бруш.

— И вы начинаете ваше плавание сегодня?

— Именно сегодня, господин президент.

— Как вы рассчитываете совершить путешествие?

— Спускаясь по течению.

— В этой лодке?

— В этой лодке.

— Никогда не причаливая к берегу?

— Нет, кроме как ночью.

— Но вы ведь знаете, что речь идет о трех тысячах километров?

— По десять лье в день это займет около двух месяцев.

— В таком случае, счастливого пути, Илиа Бруш!

— Благодарю вас, господин президент!

Илиа Бруш поклонился в последний раз и вошел в свое суденышко, а любопытные теснились, чтобы увидеть, как он отправится.

Он взял удочку, насадил наживку, положил удилище на скамейку, поднял якорь на борт, оттолкнул лодку сильным ударом багра, потом, сев на корме, закинул удочку.

Мгновение спустя он ее вытащил. На крючке бился усач. Это показалось счастливым предзнаменованием, и, когда он повернул нос лодки, вся компания приветствовала бешеными криками «хох!» лауреата «Дунайской лиги».

ПАССАЖИР ИЛИА БРУША

Он начался, этот спуск по великой реке. Илиа Брушу предстояло путешествие через одно герцогство — Баден, через два королевства — Вюртемберг и Баварию, через две империи — Австро-Венгрию и Турцию, через три кня-

жества — Гогенцоллерн, Сербию и Румынию[1]. Оригинальный рыболов мог не страшиться усталости во время этого долгого плаванья протяженностью более семисот лье. Течение Дуная должно было донести его до самого устья со скоростью немного больше лье в час, то есть в среднем пятьдесят километров в день. Через два месяца он будет, таким образом, у цели своего путешествия при условии, что никакая случайность не задержит его в пути. Но почему он должен подвергнуться задержкам?

Лодка Илиа Бруша была двенадцати футов[2] длины. Это был род плоскодонной баржи, шириной в четыре фута посредине. Впереди под круглой крышей — рубка, каюта, если хотите, в которой могли укрыться два человека. Внутри этой рубки два ящика по бокам содержали скромный гардероб владельца и по желанию могли превращаться в кушетки. Задняя часть сундуков образовала скамейку, и на ней помещались кухонные принадлежности.

Бесполезно говорить, что баржа была снабжена всеми снастями, которые составляют инвентарь настоящего рыболова. Илиа Бруш не мог без этого обойтись, потому что, как он заявил своим товарищам в день конкурса, он должен был во время путешествия существовать исключительно плодами ловли, если не питаясь рыбой, то меняя ее на звонкую монету, которая позволит ему составлять более разнообразное меню, не нарушая своего плана.

С этой целью Илиа Бруш намеревался продавать по вечерам рыбу, пойманную днем, а эта рыба найдет ценителей на том или другом берегу после шума, какой создался возле имени рыболова.

Так протек первый день. Впрочем, наблюдатель, который не сводил бы глаз с Илиа Бруша, был бы по праву удивлен тем малым усердием, с каким лауреат «Дунайской лиги», казалось, относился к ужению, которое, однако, являлось единственным оправданием его эксцентрического предприятия. Когда он чувствовал, что

---

[1] Эти два княжества были потом возведены в королевства: Румыния — в 1881 году и Сербия — в 1882 году.—*Прим. Ж. Верна.*

[2] *Фут* — старинная мера длины, около тридцати сантиметров.

за ним не следят посторонние взгляды, он спешил сменить удочку на весло и греб изо всех сил, как будто стараясь ускорить бег лодки. Напротив, когда несколько любопытных появлялись на одном из берегов или встречался перевозчик, он тотчас схватывал свое профессиональное орудие и с обычной ловкостью немедленно вытаскивал из воды прекрасную рыбу, что доставляло ему аплодисменты зрителей. Однако, как только зевак скрывало течение реки, а паромщик исчезал за поворотом, он снова брался за весло и разгонял тяжелую баржу.

Имел ли Илиа Бруш причину сократить срок путешествия, которое, впрочем, никто не вынуждал его предпринимать? Но что об этом ни говори, он продвигался довольно быстро. Увлекаемый течением, быстрым у начала реки, а в дальнейшем более медленным, гребя всегда, когда представлялся благоприятный случай, он делал восемь километров в час, если не больше.

Миновав несколько мелких поселений, он оставил позади Тутлинген, более значительный центр, не останавливаясь, хотя несколько почитателей делали ему с берега знаки причалить. Илиа Бруш, отклонив жестом приглашение, отказался прервать свой путь.

В четыре часа пополудни он очутился близ маленького городка Фридингена, в сорока восьми километрах от места отправления. Он охотно пронесся бы мимо Фридингена, если только можно употребить такое выражение, когда следуешь по воде, но энтузиазм публики не позволил ему этого. Как только он появился, несколько барок, откуда доносились бесчисленные восклицания «хох!», отделились от берега и окружили знаменитого лауреата.

Илиа Бруш принял их приветливо. Разве не нужны были ему покупатели для рыбы, которую он наловил в те моменты, когда занимался ужением? Усачи, подлещики, плотва бились в его садке, не считая нескольких голавлей. Явно, он не мог съесть все это один. Да об этом не было и речи. Любителей явилось много. Как только остановилась баржа, вокруг нее столпилось полсотни баденцев, приглашая Бруша, воздавая ему почет, приличествующий лауреату «Дунайской лиги».

— Эй! Сюда, Бруш!

— Кружку доброго пива, Бруш!
— Мы покупаем вашу рыбу, Бруш!
— За эту двадцать крейцеров!
— За эту — флорин!

Лауреат не знал, кому и отвечать, и быстро получил за рыбу несколько приятных звонких монет. С той премией, которую он заработал на конкурсе, это, в конце концов, составит хорошую сумму, если его с таким же энтузиазмом будут встречать от истока великой реки до ее устья.

А почему он прекратится? Разве не почетно владеть хотя бы одной штукой, вышедшей из его рук? Конечно, ему не придется ходить по домам, предлагая свой товар, раз публика спорит из-за его рыбы на месте. Решительно, такая продажа — гениальная идея.

В этот вечер, помимо того, что он легко продал рыбу, не было недостатка в приглашениях. Илиа Бруш, который, по-видимому, хотел покидать судно как можно реже, отклонил их все и так же энергично отказался от добрых стаканов вина и добрых кружек пива, хотя его и звали со всех сторон зайти выпить в береговом кабачке. Его почитатели вынуждены были от этого отказаться и расстались со своим героем, назначив ему свидание назавтра, в момент отплытия.

Однако утром они уже не нашли баржи. Илиа Бруш отправился до рассвета, и, одинокий в этот утренний час, усердно греб, держась посреди реки, на равном расстоянии от довольно крутых берегов.

Пользуясь быстрым течением, он миновал в пять часов утра Зигмаринген, пройдя в нескольких метрах от «Свидания рыболовов». Без сомнения, немного позже кто-нибудь из членов «Дунайской лиги» выйдет постоять на балконе трактира, чтобы подстеречь появление прославленного сочлена. Но он станет сторожить напрасно. Рыболов будет уже далеко, если не уменьшится скорость его баржи.

В нескольких километрах от Зигмарингена остался позади первый приток Дуная, простой ручеек Лушат, впадающий слева.

Благодаря тому, что населенные центры были сравнительно редки в этой части его пути, Илиа Бруш весь

день ускорял бег своего суденышка и уделил ужению самое малое время. Поймав лишь столько рыбы, сколько требовалось для собственного пропитания, он остановился ночевать в поле, немного выше маленького городка Мундеркингена, обитатели которого, конечно, не думали, что рыболов так близко.

За этим вторым днем плаванья последовал третий, во всем ему подобный. Илиа Бруш быстро проплыл перед Мундеркингеном до восхода солнца и рано утром оставил позади большой город Эшинген. В четыре часа он миновал Иллер, значительный приток справа, и еще не пробило пяти часов, как он отшвартовался у железного кольца, вделанного в набережную Ульма, самого большого города в королевстве Вюртемберг после его столицы Штутгарта.

Прибытие знаменитого лауреата не было замечено. Его ждали только к вечеру следующего дня. Поэтому не было обычной суматохи. Очень довольный своим инкогнито, Илиа Бруш решил употребить конец дня на общее знакомство с городом.

Впрочем, надо сказать, что набережная была не совсем пустынна. Там находился один гуляющий, и все заставляло думать, что он поджидал Илиа Бруша, потому что, когда баржа показалась, он следовал за ней вдоль реки. Весьма вероятно, лауреату «Дунайской лиги» не удастся избежать обычной овации.

Когда баржа пришвартовывалась к набережной, одинокий прохожий не подошел к ней. Он остановился на некотором расстоянии и, казалось, наблюдал, стараясь быть незамеченным. Это был человек среднего роста, одетый по венгерской моде, сухой, с живым взглядом, хотя, наверное, прожил более сорока лет. Он держал в руке кожаный чемодан.

Илиа Бруш, не обращая на него внимания, крепко привязал судно, уверился, что сундуки заперты висячими замками, прикрыл дверь каюты, затем спрыгнул на землю и направился по первой улице, ведущей в город.

Человек, быстро положив в баржу свой кожаный чемодан, тотчас пошел за ним.

Пересекаемый Дунаем, Ульм — это вюртембергский

город на левом берегу и баварский на правом, но на обоих берегах это город типично немецкий.

Илиа Бруш шел по старинным улицам, окаймленным лавками; в эти лавки покупатели не входят, и сделки происходят через форточки в застекленных витринах. А когда свистит ветер, тяжелые железные вывески, вырезанные в форме медведей, оленей, крестов и корон, качаются, шумят и звенят.

Илиа Бруш, миновав древнюю ограду, прошел в квартал, где мясники, торговцы требухой и колбасники имеют свои заведения, и потом, прогуливаясь, очутился перед собором. Его колокольня имела претензию подниматься выше страсбургской колокольни. Эта честолюбивая претензия рушилась, как и многие другие, более скромные: было доказано, что высота вюртембергского шпица не превышает трехсот тридцати семи футов [1].

Илиа Бруш не был альпинистом, ему не пришло в голову подняться на колокольню, откуда его взгляд мог бы охватить город и прилегающие поля. Если бы он это сделал, за ним наверняка последовал бы неизвестный, который не покидал его, стараясь оставаться незамечен-

[1] Колокольня страсбургского собора поднимается на высоту около четырехсот футов.

ным. По крайней мере, он сопровождал Бруша и тогда, когда тот вошел в собор и удивлялся дарохранительнице[1], которую французский путешественник Дюруи сравнил с бастионом, с ячейками и машикулями[2], а также любовался сиденьями на хорах, которые художник XV века населил изображениями знаменитых особ той эпохи.

Преследуемый и преследующий прошли мимо городской ратуши, почтенного здания XII века, и снова спустились к реке.

Прежде чем пройти на набережную, Илиа Бруш остановился на несколько мгновений — посмотреть на компанию горожан, взгромоздившихся на ходули; этот вид спорта весьма уважают в Ульме, хотя он и не предписан его обитателям в обязательном порядке, как водится еще сейчас в старинном университетском городке в Тюбингене из-за влажной и изрытой почвы, затрудняющей обычное пешее хождение.

Чтобы удобнее наслаждаться представлением, участниками которого были веселые молодые люди, юноши и девушки, Илиа Бруш занял место в кафе. Незнакомец не замедлил усесться за соседний стол, и оба приказали подать себе по кувшину знаменитого местного пива.

Через десять минут они пустились в путь, но уже в обратном порядке. Незнакомец теперь шел вперед скорым шагом. Когда Илиа Бруш, следуя за ним без всяких подозрений, пришел к барже, то нашел там посетителя, который сидел с таким видом, как будто дожидается очень давно.

Было еще совсем светло. Илиа Бруш издалека заметил непрошенного посетителя, комфортабельно усевшегося на заднем ящике с желтым чемоданом у ног. Очень удивившись, он ускорил шаг.

— Простите, сударь, — сказал он, прыгая в лодку, — вы, по-моему, ошиблись?

— Ничуть, — ответил незнакомец. — Именно с вами я желаю говорить.

— Со мной?

---

[1] *Дарохранительница* — предмет церковной утвари, употребляемый при богослужении.

[2] *Машикули* — навесные бойницы, закрытые сверху и с боков.

— С вами, господин Илиа Бруш.

— О чем?

— Хочу сделать вам предложение.

— Предложение! — вскричал крайне удивленный рыболов.

— И даже превосходное предложение, — уверил незнакомец, который жестом пригласил собеседника сесть.

По правде, это приглашение было не совсем приличным, так как не в обычае предлагать сесть тому, кто при-

нимает вас у себя. Но посетитель говорил с такой решительностью и спокойной уверенностью, что это подействовало на Илиа Бруша. Не говоря ни слова, он повиновался.

— Я, как и все, — снова заговорил незнакомец, — знаю ваш проект и, следовательно, знаю, что вы рассчитываете спуститься по Дунаю, существуя исключительно за счет рыбной ловли. Я сам страстный любитель рыболовного искусства и хочу быть кровно заинтересованным в вашем предприятии.

— Каким образом?

— Я и собираюсь сказать это вам. Но сначала позвольте предложить один вопрос. В какую сумму оцениваете вы стоимость рыбы, которую предполагаете поймать в продолжение путешествия?

— Что может принести мне рыбная ловля?

— Да. Я подразумеваю то, что вы продадите, не считая того, что съедите сами.

— Может быть, сотню флоринов.

— Я предлагаю пятьсот.

— Пятьсот флоринов! — вскричал ошеломленный Илиа Бруш.

— Да, пятьсот флоринов, и плачу вперед.

Илиа Бруш был поражен этим странным предложением, и, видимо, взгляд его был так красноречив, что его собеседник ответил на мысль, не высказанную рыболовом.

— Успокойтесь, господин Бруш. Я в здравом уме.

— Но тогда какова же ваша цель? — спросил малоубежденный лауреат.

— Я вам это сказал, — объяснил незнакомец. — Я хочу интересоваться вашими успехами, даже присутствовать при них. А потом, есть и волнение игрока. Оценив ваши шансы в пятьсот флоринов, я буду наслаждаться, видя, как эта сумма возвращается ко мне частями по вечерам после окончания продажи.

— По вечерам? — настойчиво переспросил Илиа Бруш. — Значит, вы имеете намерение отправиться со мной?

— Безусловно, — ответил незнакомец. — Разумеется, мой проезд не входит в наши условия и будет о

такой же суммой в пятьсот флоринов, что составит в целом тысячу флоринов, полностью оплаченных авансом.

— Тысяча флоринов! — повторил Илиа Бруш, все более и более изумляясь.

Конечно, предложение было соблазнительное. Но, надо полагать, рыболов предпочитал одиночество, так как коротко ответил:

— Сожалею, сударь! Я отказываюсь!

Перед таким категорическим ответом, высказанным решительным тоном, приходилось только уступить. Но, без сомнения, не таково было мнение страстного любителя рыбной ловли, который совсем не казался обескураженным ясностью отказа.

— Вы позволите мне, господин Бруш, узнать причину? — спокойно спросил он.

— Мне нечего объяснять. Я отказываю, и все тут. Я думаю, это мое право, — отвечал Илиа Бруш, начиная проявлять нетерпение.

— Конечно, это ваше право, — продолжал его собеседник, не трогаясь с места. — Но и я в своем праве, когда прошу вас объяснить мотивы вашего решения. Мое предложение отнюдь не является нелюбезным, и, естественно, со мной надо обращаться вежливо.

Эти слова были сказаны без всякой угрозы, но таким твердым, даже авторитетным тоном, что Илиа Бруш был поражен. Он не только дорожил уединением, он, без сомнения, еще больше старался избежать нескромных расспросов.

— Вы правы, сударь, — молвил он. — Я вам прежде всего скажу, что мне просто совестно вовлекать вас в такую невыгодную операцию.

— Это мое дело.

— Но также и мое, потому что я намерен удить не более часа ежедневно.

— А остальное время?

— Я буду грести, чтобы ускорить ход моего судна.

— Значит, вы спешите?

Илиа Бруш кусал себе губы.

— Спешу или нет, — сухо ответил он, — но это так. Вы должны понять, что принимать при таких условиях пятьсот флоринов — настоящее воровство.

— Ничуть, раз я предупрежден, — настаивал покупатель, не теряя своего непоколебимого спокойствия.

— Все-таки, — возразил Илиа Бруш, — я не хочу быть вынужденным ловить рыбу каждый день, хотя бы и в течение часа. Нет, я не могу принять на себя такое обязательство. Я намерен действовать по своей фантазии. Я хочу быть свободным.

— Вы и будете, — объявил незнакомец. — Вы станете удить, когда вам захочется, и только тогда. Это даже увеличит прелесть игры. Впрочем, я знаю, вы достаточно искусны, чтобы двумя или тремя счастливыми забросами принести мне выгоду, и я все же рассматриваю эту сделку, как превосходную. Я настаиваю на своем предложении: пятьсот флоринов за рыбу и тысяча флоринов, включая проезд.

— А я настаиваю на своем отказе.

— Ну, тогда я вновь повторяю свой вопрос: почему?

В такой настойчивости было что-то неуместное. Илиа Бруш, по природе очень спокойный, начал терять терпение.

— Почему? — более живо ответил он. — Я, кажется, вам уже сказал. И я добавляю, раз вы требуете, что я не хочу никого на борту. Я думаю, никому не запрещено любить одиночество.

— Конечно, — согласился его собеседник, не показывая ни малейших признаков того, что намерен оставить скамейку, к которой точно прирос. — Но со мной вы и будете один. Я не тронусь с места и даже не скажу ни слова, если вы поставите мне такие условия.

— А ночью? — возразил Илиа Бруш, которого стал разбирать гнев. — Уж не думаете ли вы, что двоим будет удобно в моей каюте?

— Она достаточно велика для двоих, — сказал незнакомец. — Впрочем, тысяча флоринов может несколько вознаградить за тесноту.

— Я не знаю, может она или нет, — отпарировал Илиа Бруш, все более и более раздражаясь. — Нет, сто раз нет, тысячу раз нет. Это ясно, по-моему.

— Очень ясно, — согласился незнакомец.

— Итак? — спросил Илиа Бруш, указывая рукой на набережную.

Но его собеседник, казалось, не понял столь ясного

жеста. Он вытащил из кармана трубку и начал заботливо раскуривать. Такой апломб взбесил Илиа Бруша.

— Вы хотите, чтобы я вас высадил на землю? — вне себя вскричал он.

Незнакомец кончил раскуривать трубку.

— Вы будете не правы, — молвил он, и в голосе его не было ни малейшей боязни. — И вот вам три довода. Первый: драка не замедлит вызвать вмешательство полиции. Нас обоих заставят отправиться к полицейскому комиссару, чтобы мы объявили наши имена и фамилии и отвечали на нескончаемые вопросы. Это совсем не забавно, признаюсь, и, кроме того, такое приключение совсем не ускорит ваше путешествие, как вы того хотите.

Рассчитывал ли упрямый любитель рыбной ловли на этот аргумент? Если у него был такой расчет, он оправдался. Внезапно укрощенный Илиа Бруш, казалось, решил выслушать защитительную речь до конца. Впрочем, речистый оратор, очень занятый разжиганием трубки, не заметил эффекта своих слов. Он собирался продолжать свои доказательства, но в этот самый момент на баржу спрыгнул второй посетитель, приближения которого Илиа Бруш, поглощенный спором, не заметил. Вновь пришедший носил форму немецкого жандарма.

— Господин Илиа Бруш? — спросил этот представитель публичной власти.

— Это я, — ответил спрошенный.

— Ваши документы, пожалуйста.

Вопрос упал как камень в середину спокойного болота. Илиа Бруш был, видимо, уничтожен.

— Мои документы? — забормотал он. — Но у меня нет документов, если не считать конвертов от адресованных мне писем и квитанций в уплату за квартиру, где я жил в Сальке. Этого достаточно?

— Это не документы, — строго возразил жандарм. — Свидетельство о крещении, проездной служебный билет, рабочая книжка, паспорт — вот документы! Есть у вас что-нибудь в этом роде?

— Абсолютно ничего, — в отчаянии признался Илиа Бруш.

— Это печально для вас, — пробормотал жандарм, который, казалось, был искренне раздосадован необходимостью прибегнуть к суровым мерам.

— Для меня! — протестовал рыболов. — Но прошу вас поверить, что я честный человек.

— Я в этом убежден, — заявил жандарм.

— И я ничего и никого не боюсь. Меня, наконец, хорошо знают. Ведь я лауреат последнего рыболовного конкурса «Дунайской лиги» в Зигмарингене, о котором говорила вся печать, и даже здесь я, конечно, найду поручителей.

— Будьте спокойны, они найдутся, — заверил жандарм. — А пока я вынужден попросить вас последовать к комиссару, который удостоверится в вашей личности.

— К комиссару! — вскричал Илиа Бруш. — Но в чем меня обвиняют?

— Совершенно ни в чем, — объяснил жандарм. — Но только я имею приказ. Мне предписано наблюдать за рекой и приводить к комиссару всех, у кого бумаги окажутся не в порядке. Вы на реке? Да. Имеете бумаги? Нет. Ну что ж, я вас увожу. Остальное меня не касается.

— Но это оскорбление! — в отчаянии протестовал Илиа Бруш.

— Пусть так, — флегматично заявил жандарм.

Кандидат в пассажиры, убедительную речь которого внезапно прервали, прислушивался к разговору с таким вниманием, что у него даже погасла трубка. Он решил, что для него пришел момент вмешаться.

— А если я поручусь за господина Илиа Бруша, — сказал он, — этого будет достаточно?

— Ну, еще посмотрим, — произнес жандарм. — Кто вы такой?

— Вот мой паспорт, — ответил любитель рыбной ловли, протягивая развернутый лист.

Жандарм пробежал документ глазами, и его обращение сразу изменилось.

— Это совсем другое дело, — сказал он.

Он бережно свернул паспорт и протянул владельцу. После этого выпрыгнул на берег и сказал, отвесив почтительный поклон компаньону Илиа Бруша:

— До свиданья, господа!

Илиа Бруш, удивленный как внезапностью этого неожиданного инцидента, так и его разрешением, следил глазами за отступавшим неприятелем.

А в это время его спаситель, начав нить своего рассуждения с пункта, где оно было прервано, продолжал неумолимо:

— Второй мотив, господин Бруш, это тот, что по причинам, вам, может быть, неизвестным, за рекой тщательно следят, как вы в этом только что убедились. Надзор станет еще более строгим по мере того, как вы будете спускаться вниз, и даже усилится, если только это возможно, когда вы будете пересекать Сербию и болгарские провинции Оттоманской империи, страны, охваченные смутой и даже официально находящиеся в состоянии войны с 1 июля. Я полагаю, что еще немало инцидентов случится на вашем пути и что вы не будете досадовать, если к вам, в случае надобности, придет помощь честного горожанина, который, к счастью, обладает некоторым влиянием.

Искусный оратор мог надеяться, что этот второй аргумент, ценность которого сейчас была доказана, окажется очень убедительным. Но он, без сомнения, не рассчитывал на такой полный успех. Илиа Бруш, совершенно убежденный, только и искал случая уступить. Затруднение состояло лишь в том, чтобы найти удобный предлог для отступления.

— Третья и последняя причина, — продолжал, между тем, кандидат в пассажиры, — это та, что я обращаюсь к вам от имени вашего президента, господина Миклеско. Так как вы поставили свое предприятие под покровительство «Дунайской лиги», то она, по меньшей мере, должна иметь наблюдение за его выполнением, чтобы иметь возможность засвидетельствовать, в случае нужды, соблюдение его условий. Когда господин Миклеско узнал о моем намерении составить вам компанию в путешествии, он дал мне почти официальный мандат в этом смысле. Я сожалею о том, что, не предвидя вашего непонятного сопротивления, отказался от рекомендательного письма, которое он мне предлагал для вас.

Илиа Бруш испустил вздох облегчения. Мог ли найтись лучший предлог, чтобы согласиться на то, от чего он так яростно отказывался?

— Нужно было сказать об этом! — вскричал он. — Это совсем другое дело, и я виноват в том, что так долго отклонял ваши предложения.

— И так, вы их принимаете?

— Я принимаю.

— Очень хорошо! — сказал любитель ужения, добившийся исполнения своих желаний, и вытащил из кармана несколько банковых билетов. — Вот тысяча флоринов.

— Нужна расписка? — спросил Илиа Бруш.

— Если это вас не затруднит.

Рыболов вытащил из ящика чернила, перо и записную книжку, из которой вырвал листок, потом при последнем свете дня начал писать расписку, которую в то же время громко читал.

— «Получил в уплату за рыбу, которую я поймаю на удочку в течение моего настоящего путешествия, и в уплату за проезд от Ульма до Черного моря сумму в тысячу флоринов от господина...» От господина?.. — повторил он вопросительным тоном, подняв перо.

Пассажир Илиа Бруша снова принялся раскуривать трубку.

— Иегера, Вена, Лейпцигерштрассе, номер сорок три, — отвечал он в промежутке между двумя затяжками табаку.

СЕРГЕЙ ЛАДКО

Из различных стран земного шара, которые с начала исторического периода особенно подвергались военным испытаниям, — если бы только какая-нибудь страна могла похвалиться тем, что она извлекала из этого хоть маленькую пользу! — нужно упомянуть в первую очередь Юг и Юго-Восток Европы. Вследствие географического положения эти страны, вместе с частью Азии, заключенной между Черным морем и Индом, являлись ареной, где роковым образом сталкивались соперничавшие расы, населяющие старый материк.

Финикийцы, греки, римляне, персы, гунны, готы, славяне, мадьяры, турки и многие другие спорили за право владеть этими злополучными странами. Там проходили племена, чтобы потом осесть в Центральной или Западной Европе, где, после медленного развития, они породили современные национальности.

Если судить по многочисленным пророчествам ученых, будущее улыбается им не больше, чем их трагиче-

ское прошлое. По этим пророчествам желтое нашествие обязательно приведет когда-нибудь к резне, какие бывали в древности или в средние века. Когда придет такой день, Южная Россия, Румыния, Сербия, Болгария, Венгрия и даже Турция, удивленная тем, что ей приходится играть такую роль (если только страна, которую так называют сегодня, будет еще в эту эпоху под властью сынов Османа [1]), в силу обстоятельств станут передовым оплотом Европы и вынесут первые удары.

В ожидании подобных катастроф, наступление которых представляется, однако, весьма отдаленным, различные расы, в течение веков наслаивавшиеся одна на другую между Средиземным морем и Карпатами, кончили тем, что осели со всем своим добром, и в восточных странах стал утверждаться мир, относительный мир между так называемыми цивилизованными нациями. Местные смуты, грабежи, убийства, кажется, с этих пор ограничились частью Балканского полуострова, еще управляемой турками.

Появившиеся впервые в Европе в 1356 году, хозяева Константинополя в 1453 году, турки столкнулись с предшествующими завоевателями, которые, придя прежде них из Центральной Азии и давно уже приняв христианство, начали сливаться с туземными народами и превращаться в устойчивые, постоянные нации. В постоянно возобновлявшейся вечной борьбе за существование эти рождающиеся нации защищались с ожесточением, которому научились у других. Славяне, мадьяры, греки, кроаты, тевтоны противопоставили турецкому нашествию живой барьер, который местами прогибался, но нигде не был полностью опрокинут.

Задержанные по сю сторону Карпат и Дуная, турки оказались даже неспособными удержаться в этих границах, и так называемый «восточный вопрос» [2] есть история их векового отступления.

В отличие от тех завоевателей, которые им предшествовали и которых они хотели заменить, этим азиатским мусульманам никогда не удавалось ассимилировать

---

[1] Сынами Османа в старину называли турок.

[2] Восточный вопрос XVIII—XIX веков — борьба великих держав за преобладающее влияние в Турции и на Балканах.

народы, подпавшие под их власть. Водворившись путем победы, они и остались победителями, распоряжаясь, как господа рабами. При различии религий такой метод управления мог иметь последствием только постоянные восстания угнетенных.

В самом деле, история полна такими восстаниями, которые после столетий борьбы завершились в 1875 году более или менее полной независимостью Греции, Черногории, Румынии и Сербии. Что же касается других христианских народов, они продолжали терпеть владычество последователей Магомета.

Это владычество в первые месяцы 1875 года было еще более тяжелым, чем обычно. Под влиянием мусульманской реакции, которая тогда торжествовала при дворе султана, христиане Оттоманской империи были обременены налогами, их убивали, подвергали тысяче мучений. Ответ не заставил себя ждать! В начале лета снова поднялась Герцеговина.

Отряды патриотов вышли на бой и под предводительством таких храбрых командиров, как Пеко Павлович и Любибратич, отвечали ударом на удар посланных против них регулярных войск.

Скоро пожар распространился, захватил Черногорию, Боснию, Сербию. Новое поражение, которое турецкие войска потерпели в ущельях Дуга в январе 1876 года, воспламенило мужество патриотов, и народный гнев начал подниматься в Болгарии. Как всегда, он начался скрытыми заговорами, тайными объединениями, где собиралась пылкая молодежь страны.

В этих тайных сообществах быстро выделялись вожди и утверждали свой авторитет над более или менее многочисленными товарищами, одни — красноречием, другие — силой ума или горячностью патриотизма.

Группы создавались в короткое время, и в каждом городе все группы объединялись в одну.

В Рущуке [1], значительном болгарском центре, расположенном на берегу Дуная почти напротив румынского города Журжево [2], наибольший авторитет завоевал лоц-

[1] Теперь этот город носит название Русе.
[2] Теперь Джурджу.

ман Сергей Ладко. Заговорщики не могли сделать лучший выбор.

Достигший примерно тридцати лет, высокого роста, белокурый, как истый северный славянин, геркулесовской силы, необыкновенной ловкости, привычный ко всяким телесным упражнениям, Сергей Ладко обладал всеми физическими качествами, которые так нужны командиру. Но, что было важнее, он имел и моральные качества, необходимые для вождя: энергию в решениях, благоразумие при выполнении, страстную любовь к своей стране.

Сергей Ладко родился в Рущуке, где изучил профессию дунайского лоцмана, и покидал город только для того, чтобы проводить в Вену или еще выше или ниже — к волнам Черного моря — баржи и шаланды, которые доверялись его превосходному знанию великой реки. В промежутках между этими полуречными, полуморскими плаваниями он посвящал свои досуги ружению и, пользуясь своими исключительными природными данными, достиг удивительной ловкости в этом искусстве, доходы от которого, присоединенные к лоцманскому заработку, обеспечивали ему полное довольство.

Работа лоцмана и страсть к рыболовству вынуждали Ладко проводить четыре пятых жизни на реке, и он стал считать воду родной стихией. Переплыть Дунай, который у Рущука широк, как морской пролив, он считал просто игрой, и не счесть было спасенных этим отважным пловцом.

Такое достойное и честное существование еще до антитурецких волнений сделало Сергея Ладко популярным в Рущуке. Бесчисленны были его друзья, которых он иногда даже не знал. Можно было бы даже сказать, что эти друзья составляли все городское население, если бы не существовал Иван Стрига.

Он был уроженцем Болгарии, этот Иван Стрига, как и Сергей Ладко, с которым, однако, у Стриги не было ничего общего.

Наружность их была совершенно различна, но в паспорте, который содержит лишь общие приметы, пришлось бы употребить одинаковые термины, чтобы описать и того и другого.

Так же как и Ладко, Стрига был высок, широк в плечах, силен, имел белокурые волосы и бороду. У него также были голубые глаза. Но этими общими чертами и ограничивалось сходство. Насколько лицо одного с благородными чертами выражало откровенность и сердечность, настолько грубые черты другого говорили о лукавстве и холодной жестокости.

В нравственном отношении различие еще более увеличивалось. В то время как Ладко жил открыто, никто не мог сказать, как добывает Стрига то золото, которое он тратил, не считая. Так как об этом ничего не было известно, людское воображение давало себе полную волю. Говорили, что Стрига предатель своей страны и народа, служит наемным шпионом у турецких угнетателей; говорили, что к занятию шпионажем он добавляет контрабанду, когда представляется случай, и что всевозможные товары переправляются благодаря ему с румынского берега на болгарский и обратно без уплаты таможенных сборов; говорили даже, покачивая головой, что всего этого еще мало и что Стрига обычно добывает средства грабежом и разбоем; говорили еще... Но чего не скажут? По правде, никто ничего не знал о делах этой подозрительной личности, и, если обидные предположения публики отвечали действительности, он, во всяком случае, был очень ловок и никогда не попадался.

Впрочем, об этих предположениях говорили друг другу по секрету. Никто не рискнул бы громко сказать слово против человека, жестокость и цинизм которого всех устрашали. Стрига мог притворяться, что не знает мнения, какое о нем создалось, и приписывать всеобщему восхищению дружеское расположение, которое многие выказывали ему из трусости; он проходил по городу, как завоеватель, и возмущал его скандалами и оргиями в компании самых развращенных городских обитателей.

Между таким субъектом и Ладко, который вел совсем другой образ жизни, не могло быть никаких отношений, и, в самом деле, они знали друг друга только понаслышке. Логически рассуждая, так должно было и остаться. Но судьба смеется над тем, что мы зовем логикой, и, видно, где-то было предписано, что эти два человека встретились лицом к лицу и стали непримиримыми противниками.

Натче Грегоревич, известной всему городу своей красотой, исполнилось двадцать лет. Сначала с матерью, потом одна, она жила по соседству с Ладко, который знал ее с детства. В течение долгого времени в доме не хватало мужской руки. За пятнадцать лет до начала нашего рассказа отец пал под ударами турок, и воспоми-

нание об этом отвратительном убийстве еще заставляло дрожать от негодования угнетенных, но не порабощенных патриотов. Его вдова, вынужденная рассчитывать только на себя, смело принялась за работу. Опытная в искусстве вязания кружев и вышивок, которыми у славян самая бедная крестьянка охотно украшает скромный наряд, она сумела обеспечить свое существование.

Для бедняков особенно мрачными являются периоды смуты, и не раз уже кружевница страдала бы от постоянной анархии в Болгарии, если бы Ладко тайно не приходил ей на помощь. Мало-помалу большая дружба установилась между молодым человеком и двумя женщинами, которые предлагали юноше убежище под своим мирным кровом во время его досуга. Часто он стучался вечером в их дверь, и часы протекали у кипящего самовара. Иногда он предлагал в благодарность за их сердечный прием развлечение в виде прогулок или рыбной ловли на Дунае.

Когда умерла госпожа Грегоревич, истощенная беспрестанной работой, Ладко продолжал покровительствовать сироте. Это покровительство стало даже более неусыпным, и благодаря ему никогда девушка не страдала от разлуки с матерью, которой она обязана была тем, что не погибла от голода.

Итак, со дня на день любовь закрадывалась в сердца двух молодых людей. Они поняли это благодаря Стриге.

Заметив ту, которую обычно называли «красавицей Рущука», Стрига увлекся ею внезапно и яростно, что хорошо характеризовало его необузданную натуру. Как человек, привыкший, чтобы все склонялись перед его капризами, он явился к девушке и без всяких формальностей предложил ей руку. Впервые в жизни он столкнулся с непобедимым сопротивлением. Натча с риском навлечь на себя ненависть такого ужасного человека объявила, что ничто не заставит ее решиться на подобное замужество. Стрига напрасно возобновлял попытки. Он только добился, что при третьем предложении перед ним наглухо закрыли дверь.

Тогда его злоба перешла границы. Дав волю своей дикой натуре, он разразился такими проклятиями, что Натча испугалась. В тревоге она поделилась своими опасениями с Сергеем Ладко, и доверие девушки зажгло

его гневом, таким же сильным, как испугавший ее гнев Ивана Стриги. Не желая ничего слушать, Ладко в необычайно резких выражениях бранил человека, осмелившегося поднять взор на Натчу.

Однако Ладко дал себя успокоить. Последовало туманное объяснение, но результат его был совершенно ясен. Часом позднее Сергей и Натча радостно обменялись первыми поцелуями жениха и невесты.

Когда Стрига узнал новость, он чуть не умер от ярости. Он смело явился в дом Грегоревичей с оскорблениями и угрозами. Выброшенный железной рукой, он понял, что отныне здесь есть мужчина, который будет защищать этот дом.

Быть побежденным!.. Найти укротителя ему, Стриге, который так гордился своей атлетической силой!.. Этого унижения он не мог вынести и решил отомстить. С несколькими авантюристами того же сорта он поджидал Ладко вечером, когда тот поднимался с берега реки. На этот раз дело шло не о простой драке, а об умышленном убийстве. Нападающие размахивали ножами.

Это новое нападение имело не больше успеха, чем предыдущее. Действуя веслом, как дубиной, лоцман отразил нападение противников, и Стрига, преследуемый, был принужден постыдно бежать.

Через год после свадьбы Сергея и Натчи, в начале 1876 года, разразились события в Болгарии. Как ни была глубока любовь, которую питал Сергей Ладко к жене, она не заставила его забыть долг перед родиной. Без колебаний он присоединился к тем, которые начали собираться и изыскивать средства прекратить несчастья родной страны.

Прежде всего надо было достать оружие. Многочисленные молодые люди эмигрировали с этой целью, перебрались через реку, поселились в Румынии и даже в России. Среди них находился Сергей Ладко. С сердцем, разрываемым сожалениями, но твердый в исполнении долга, он отправился, оставив далеко от себя любимую, подвергавшуюся всем опасностям, угрожающим во время революции жене партизанского вождя.

В это время ему пришло на ум воспоминание о Стриге, еще увеличившее его опасения. Не воспользуется ли бандит отсутствием счастливого соперника, чтобы пора-

зить его в том, что ему дороже всего? В самом деле, это было возможно. Но Сергей Ладко не стал считаться с этой законной боязнью. Впрочем, Иван Стрига, по-видимому, покинул страну несколько месяцев назад без намерения возвратиться.

Судя по тому, что говорили в городе, он перебрался куда-то на север. Россказней было много, но они оставались несвязными и противоречивыми. Общественное мнение обвиняло его во всех преступлениях, но в точности никто не знал ни об одном.

Однако отъезд Стриги казался верным фактом, а это и было важно для Ладко.

События оправдали его уверенность. Во время его отсутствия ничто не угрожало безопасности Натчи.

Вскоре после его возвращения появилась необходимость отправиться снова. Вторая экспедиция обещала быть продолжительнее первой. До этого повстанцам удавалось добывать только незначительное количество оружия. Транспорты, доставляемые из России, перевозились по сухопутью через Венгрию и Румынию, то есть через страны, совсем лишенные в то время железных дорог. Болгарские патриоты надеялись легче достигнуть желанного результата, если один из них отправится в Будапешт — собирать посылки с оружием, приходящие по железной дороге, и перегружать его на шаланды, которые будут быстро спускаться по Дунаю.

Ладко, которому доверили это важное поручение, отправился в путь в тот же вечер. В компании одного соотечественника, который должен был вернуть лодку на болгарский берег, он пересек реку, чтобы достигнуть столицы Венгрии наиболее быстрым путем, через Румынию. В этот момент произошел случай, который заставил очень призадуматься посланца заговорщиков.

Его компаньон и он находились не дальше пятидесяти метров от берега, как раздался выстрел. Пуля была, очевидно, предназначена им, так как просвистела мимо их ушей; лоцман в этом почти не сомневался, тем более, что в стрелкѐ, неясно видном в сумерках, он как будто узнал Стригу. Значит, тот вернулся в Рущук?

Смертельная тоска, которую Ладко испытал при этом осложнении, не поколебала его решимости. Прежде всего родине он должен пожертвовать свою жизнь. Он знал

также, что, если нужно, он пожертвует для нее своим счастьем, в тысячу раз более драгоценным. При звуке ружейного выстрела он упал на дно лодки. Но это была военная хитрость, предназначенная для того, чтобы избежать новой атаки, и эхо еще не перестало звучать в поле, как его рука, сильнее опираясь на весло, быстрее погнала лодку к румынскому берегу, в Журжево, огни которого блестели в сгущающемся мраке.

Прибыв к месту назначения, Ладко деятельно занялся выполнением своего поручения.

Он вошел в сношения с посланцами русского царя, одни из которых оставались на русской границе, а другие пробрались инкогнито в Будапешт или Вену. Несколько шаланд, нагруженных благодаря его заботам оружием и боеприпасами, спустились по течению Дуная.

Он часто получал от Натчи письма, посылаемые на его вымышленное имя и передаваемые на румынскую территорию под покровом ночи. Вести, сначала добрые, под конец стали очень беспокойными. Натча, правда, не называла имени Стриги. Казалось, она даже не знала, что бандит возвратился в Болгарию, и Ладко начал сомневаться в обоснованности своих страхов. Но вскоре стало очевидно, что Стрига донес на него турецким властям, потому что полиция ворвалась в его жилище и сделала обыск, впрочем, безрезультатный. Следовательно, он не должен был спешить с возвращением в Болгарию, так как это оказалось бы подлинным самоубийством. Его роль знали, его выслеживали день и ночь, и стоило ему показаться в городе, чтобы его арестовали при первом же шаге. Арест у турок означал казнь, и Ладко вынужден был отказаться от возвращения на родину до того времени, когда широко развернется восстание и когда не будет опасений навлечь самые худшие несчастья на себя и на жену, которую пока не беспокоили. Этот момент не замедлил наступить. Болгария поднялась в мае. По мнению лоцмана, это было слишком преждевременно.

Но каково бы ни было его суждение на этот счет, он должен был спешить на помощь своей стране. Поезд доставил его в Сомбор, последний венгерский город на железной дороге, наиболее близкий к Дунаю. Там он сядет на судно, и ему только останется отдаться на волю течения.

Известия, которые он получил в Сомборе, заставили его прервать путешествие. Его опасения оказались чересчур верны. Болгарская революция была раздавлена в зародыше. Турки уже сконцентрировали многочисленные войска в обширном треугольнике, вершинами которого были Рущук, Видин и София, и их железная рука тяжко легла на несчастную Болгарию.

Ладко вынужден был вернуться назад и ждать лучших дней в маленьком городке, где он устроился на жительство.

Письма Натчи, которые он вскоре получил, показали ему невозможность принять иное решение. За его домом следили больше, чем когда-либо, и Натча оказалась настоящей пленницей; больше, чем когда-либо, его подстерегали, и приходилось в общих интересах старательно воздерживаться от неблагоразумных поступков.

Ладко изнывал от нетерпения в своем бездействии; пересылка оружия сделалась невозможной после неудачи восстания и сосредоточения турецких отрядов на берегу реки. Но это ожидание, тягостное само по себе, сделалось для него совершенно невыносимым, когда в конце июня он перестал получать известия от своей Натчи.

Он не знал, что и подумать, и его беспокойство сменилось мучительной тоской по мере того, как шло время. Действительно, он вправе был опасаться всего. Первого июля Сербия официально объявила войну султану, и с тех пор дунайскую область наводнили войска, постоянные передвижения которых сопровождались самыми ужасными насилиями. Оказалась ли Натча в числе жертв этой смуты, или, быть может, турецкие власти заключили ее в тюрьму, как заложницу или как предполагаемую сообщницу своего мужа?

После месяца такого молчания он не мог больше терпеть и решил пренебречь всеми опасностями и проникнуть в Болгарию, чтобы узнать его истинную причину.

Но в интересах самой Натчи ему нужно было действовать благоразумно. Бессмысленно рисковать попасть в руки турецких часовых, если его возвращение не принесет пользы, если он не сумеет проникнуть в Рущук и свободно разгуливать там, невзирая на то, что его подозревают. Нужно действовать умно, смотря по обстоятель-

ствам. В худшем случае, если придется быстро возвратиться за границу, он, по крайней мере, будет иметь радость прижать к сердцу жену.

Несколько дней Сергей Ладко искал разрешения трудной задачи. Ему, наконец, показалось, что он его нашел, и, не доверяясь никому, немедленно принялся за выполнение задуманного им плана.

Удастся ли этот план? Это покажет будущее. Следовало, во всяком случае, попытать судьбу, и вот почему утром 28 июля 1876 года ближайшие соседи лоцмана, из которых никто не знал его настоящего имени, увидели наглухо закрытым маленький домик, где он одиноко проживал в последние месяцы.

Каков был план Ладко, каким опасностям он шел навстречу, пытаясь его осуществить, каким образом события в Болгарии, и в частности в Рущуке, оказались связанными с соревнованием удильщиков в Зигмарингене, читатель узнает при дальнейшем чтении этого ничуть не вымышленного рассказа, главные герои которого еще живут в наши дни[1] на берегах Дуная.

КАРЛ ДРАГОШ

Положив расписку в карман, господин Иегер начал устраиваться. Получив разрешение расположиться на кушетке, он исчез в каюте, унося чемодан. Десять минут спустя он вышел из нее, преобразившись с головы до ног. Одетый, как настоящий рыболов — грубая куртка, высокие сапоги, шапка из меха выдры, — он казался копией Илиа Бруша.

Господин Иегер был немного удивлен, что за время его краткого отсутствия хозяин покинул баржу. Верный взятому на себя обязательству, он не позволил себе ни одного вопроса, когда тот вернулся через полчаса. Но без хлопот со своей стороны он узнал, что Илиа Бруш счел долгом послать несколько писем в газеты, чтобы объявить о своем прибытии в Ратисбон на следующий день и в Нейштадт послезавтра вечером. Теперь, когда в игру вмешались интересы господина Иегера, не следова-

[1] Роман Жюля Верна «Дунайский лоцман» был написан в последние годы жизни писателя, в конце XIX или начале XX века.

ло, в самом деле, пренебрегать публичными встречами, как получилось в Ульме. Илиа Бруш даже выразил сожаление, что он не сможет остановиться в городах, которые он минует до Нейштадта, а именно в Нейбурге и Ингольштадте, довольно значительных пунктах. К несчастью, эти остановки не входили в его план, и он принужден от них отказаться.

Господин Иегер был восхищен заботой о его выгоде и не показал досады, что им не придется остановиться в Нейбурге и Ингольштадте. Напротив, он одобрил своего хозяина и еще раз заявил, что ничуть не желает стеснять его свободу, как они условились.

Два компаньона поужинали, сидя лицом к лицу на одной из скамеек. Господин Иегер достал все из того же неистощимого чемодана великолепный окорок, и это произведение города Майнца было по достоинству оценено Илиа Брушем, который начал признавать, что его гость добрый малый.

Ночь прошла без приключений. Перед восходом солнца Илиа Бруш поднял якорь, не смущая глубокого сна, в который был погружен его приятный пассажир.

В Ульме, где Дунай покидает маленькое королевство Вюртемберг, чтобы перебраться в Баварию, это очень скромная река. Дунай еще не принял больших притоков, которые увеличивают его мощь в нижнем течении, и ничто не предсказывает, что он сделается одной из самых значительных рек Европы.

Быстрота течения, уже очень укротившегося, едва достигала одного лье в час. Барки всевозможных размеров, среди которых было несколько тяжелых судов, нагруженных до предела, спускались по течению, иногда помогая себе широкими парусами, раздуваемыми северо-западным ветром. Погода обещала быть прекрасной, без дождя.

Оказавшись посреди потока, Илиа Бруш принялся действовать веслом, ускоряя бег суденышка. Несколько часов спустя проснувшийся господин Иегер нашел его за этим занятием, и рыболов предавался ему до вечера, кроме короткого перерыва для завтрака, во время которого спуск по реке не прекращался. Пассажир не сделал никакого замечания и если удивлялся такой поспешности, то делал это про себя.

Мало слов было сказано во время этого дня. Илиа Бруш энергично греб. А господин Иегер наблюдал за судами, бороздившими Дунай, с таким вниманием, которое, конечно, удивило бы его хозяина, если бы тот был менее поглощен своим занятием; иногда же Иегер пробегал взглядом по обоим берегам Дуная. Эти берега значительно понизились. Река даже частью расширилась за счет окрестностей. Левый берег, наполовину затопленный, уже нельзя было ясно различать; по правому же берегу, искусственно поднятому для прокладки железной дороги, бежали поезда, пыхтели паровозы, смешивая свой дым с дымом пароходов, колеса которых били по воде с большим шумом.

У Оффингена, перед которым прошли после полудня, железная дорога уклонилась к югу, решительно уйдя от реки, и правый берег, в свою очередь, превратился в обширные болота, которым не видно было конца. Ночевать остановились в Диллингене.

На следующий день, после такого же трудного перехода, как и предыдущий, якорь бросили в пустынной местности, в нескольких километрах выше Нейбурга, и снова, когда наступил рассвет 15 августа, баржа уже была посреди потока.

Как раз на вечер этого дня Илиа Бруш назначил прибытие в Нейштадт. Было бы стыдно явиться туда с пустыми руками. Погода благоприятствовала, переход оказался значительно короче, чем предшествующие, и Илиа Бруш решил заняться рыбной ловлей.

Утром он тщательно проверил свои снасти. Его компаньон, сидя на корме баржи, с интересом следил за его приготовлениями, как и полагается истинному любителю.

Работая, Илиа Бруш не пренебрегал разговором.

— Сегодня, как видите, господин Иегер, я рассчитываю удить, и приготовления к ловле немного затянулись. Рыбы недоверчивы по натуре, и не может быть слишком много предосторожностей, чтобы их привлечь. Некоторые из них крайне хитры, и среди них линь. С ним надо сражаться хитростью же, и губы у него такие жесткие, что он может оборвать лесу.

— Не слишком замечательная рыба линь, как мне кажется, — заметил господин Иегер.

— Нет, потому что он предпочитает болотистую воду, и она придает его мясу неприятный вкус.

— А щука?

— Щука превосходна, — объявил Илиа Бруш, — но при условии, что она весит не менее пяти-шести фунтов, а в маленьких одни кости. Во всяком случае, щуку нельзя поместить в разряд хитрых, умных рыб.

— В самом деле, господин Бруш? Итак, акулы пресной воды, как их называют...

— Так же глупы, как акулы соленой воды, господин Иегер. Настоящие скоты, на том же уровне, как акулы и угри! Их ловля может доставить выгоду, но славу — никогда... Как заметил один тонкий знаток, это рыбы, «которые ловятся», а не такие, «которых ловят».

Господину Иегеру осталось только удивляться такому убедительному рассуждению Илиа Бруша, а равно тщательному вниманию, с каким он готовил свои снасти.

Прежде всего, он взял удилище одновременно легкое и гибкое, которое, будучи согнуто до того, что чуть не ломалось, снова становилось прямым, как прежде. Это удилище состояло из двух колен; первое имело в основании диаметр в четыре сантиметра и уменьшалось до сантиметра в том месте, где начинался кончик из тонкого упругого дерева. Сделанное из орешника, оно имело больше четырех метров длины, что позволяло рыболову, не покидая берега, ловить рыб глубокой воды, таких, как лещ и красноперка.

Илиа Бруш, показывая господину Иегеру крючки, которые он привязал один над другим к леске из флорентийской жилки, сказал:

— Вы видите, господин Иегер, это крючки номер одиннадцатый, с очень тонким стержнем. Для плотвы самая лучшая приманка поджаренные зерна, проколотые с одной стороны и очень размягченные... Ну! Все готово, и остается только попытать счастье.

В то время как господин Иегер прислонился к кровле каюты, рыболов сел на скамейку с подсачком под рукой, потом забросил удочку после методичного покачивания, которому нельзя было отказать в грациозности. Крючки погрузились в желтоватую воду, и грузило придало им вертикальное положение, что является наиболее желательным, по мнению всех профессионалов. Над ними

плавал поплавок из лебединого пера, который не смачивается водой и потому превосходен.

Понятно, что глубокое молчание воцарилось в лодке с этого момента. Шум голосов отпугивает рыбу, да, впрочем, у серьезного рыболова есть другое занятие, помимо болтовни. Он должен внимательно следить за всеми движениями поплавка и не упустить момент, когда следует подсекать добычу.

В это утро Илиа Бруш мог быть довольным. Он не только поймал два десятка плотвы, но и дюжину карпов и несколько подлещиков. Если господин Иегер в действительности был страстным любителем, каким он старался себя показать, ему оставалось лишь восхищаться быстротой и точностью, с которой его хозяин подсекал так, как это требовалось для данного сорта рыбы. Как только он замечал, что рыба взяла, он остерегался тотчас выводить добычу на поверхность воды, он давал ей походить в глубине и устать от напрасных усилий освободиться и показывал непоколебимое хладнокровие — необходимое качество рыболова, достойного этого звания.

Ужение закончилось около одиннадцати часов. В хорошее время года рыба, в самом деле, перестает клевать, когда солнце, поднимаясь до высшей точки, заставляет блестеть поверхность воды. Добыча, впрочем, была доста-

точно обильна. Илиа Бруш даже опасался, что ее слишком много, из-за незначительности городка Нейштадта, где баржа остановилась в пять часов вечера.

Он ошибся. Человек двадцать пять или тридцать сторожили его появление и приветствовали аплодисментами, как только причалило судно. Ему не пришлось много хлопотать, и в несколько мгновений рыба была продана за двадцать семь флоринов, которые Илиа Бруш немедленно вручил господину Иегеру в качестве первого дивиденда.

Этот последний, сознавая, что не имеет никаких прав на публичное восхищение, скромно укрывался в каюте, где к нему присоединился Илиа Бруш, отделавшись от своих восторженных почитателей. Нужно было, в самом деле, не терять времени для сна, так как ночь предстояла очень короткая. Желая добраться пораньше до Ратисбона, до которого считалось около семидесяти километров, Илиа Бруш решил отправиться в час утра, что давало ему возможность поудить днем, несмотря на продолжительность перегона.

Тридцать фунтов рыбы поймал Илиа Бруш до полудня, так что зеваки, толпившиеся на набережной Ратисбона, прождали не напрасно. Энтузиазм публики, видимо, увеличивался. Любителями был устроен на свежем воздухе аукцион, и тридцать фунтов рыбы принесли не менее сорока одного флорина лауреату «Дунайской лиги».

Он и не мечтал о подобном успехе, и ему пришла в голову мысль, что господин Иегер, пожалуй, заключил превосходную сделку. В ожидании, пока это дело выяснится, он готов был вручить сорок один флорин законному владельцу, но Илиа Брушу оказалось невозможно выполнить свой долг. Господин Иегер, в самом деле, скромно оставил баржу, предупредив компаньона, что его не надо ждать ужинать и что он вернется поздно вечером.

Илиа Бруш нашел вполне естественным, что господин Иегер хочет посетить город, который был в продолжение полустолетия местопребыванием имперского сейма. Может быть, он испытал бы меньше удовлетворения и больше удивления, если бы мог видеть, каким занятиям предавался тогда пассажир, и если бы он узнал его подлинное имя.

«Господин Иегер, Вена, Лейпцигерштрассе, номер 43» — послушно написал Илиа Бруш под диктовку незнакомца. Но этот последний очутился бы в большом затруднении, если бы рыболов оказался более любопытным и если бы, предприняв со своей стороны расследование, неприятность которого только что испытал на себе, он, по примеру нескромного жандарма, попросил господина Иегера предъявить документы.

Илиа Бруш пренебрег предосторожностью, законность которой ему, однако, продемонстрировали, и это пренебрежение должно было повлечь для него ужасные последствия.

Какое имя немецкий жандарм увидел на паспорте, показанном ему господином Иегером, никто не знал; но, если это было действительно имя настоящего владельца паспорта, жандарм прочитал имя Карла Драгоша.

Страстный любитель рыбной ловли и начальник дунайской полиции были в действительности одним и тем же человеком. Решившись попасть во что бы то ни стало в лодку Илиа Бруша и предвидя возможность непобедимого сопротивления, Карл Драгош заранее принял меры. Вмешательство жандарма было подготовлено, и сцену разыграли, как в театре.

Этот случай показал, что Карл Драгош действовал наверняка, потому что Илиа Бруш рассматривал теперь как счастливый случай возможность иметь могущественного покровителя среди опасностей, которые перед ним открылись.

Успех был такой полный, что Драгош даже смутился. Почему, прежде всего, Илиа Бруш так сильно взволновался после приказа жандарма? Почему он так боялся быть вовлеченным в приключение подобного рода, что из-за этого страха даже пожертвовал любовью к одиночеству, причем самая сила этой любви представлялась чрезмерной? Честный человек, черт возьми, не боится до такой степени появления перед полицейским комиссаром. Самое худшее, что могло из этого выйти, — задержка на несколько часов, и когда не спешишь... Правда, Илиа Бруш спешил, над чем тоже стоило поразмыслить.

Недоверчивый, как всякий хороший полицейский, Карл Драгош размышлял. Но он был достаточно наделен здравым смыслом, чтобы придавать значение слу-

чайным обстоятельствам. Он просто регистрировал эти мелкие замечания в своей памяти и прилагал все силы своего ума к разрешению более серьезной задачи, которую возложил на себя.

Проект, который Карл Драгош приводил в исполнение, напросившись к Илиа Брушу в качестве пассажира, не зародился целиком в его мозгу. Настоящим творцом его был Михаил Михайлович, который, впрочем, об этом совсем не подозревал. Когда этот веселый серб от нечего делать намекал в «Свидании рыболовов», что лауреат «Дунайской лиги» может оказаться либо преследуемым преступником, либо преследующим полицейским, Карл Драгош обратил серьезное внимание на это предположение, брошенное наудачу. Конечно, он не принял его буквально. Он-то прекрасно знал, что между рыболовом и сыщиком Карлом Драгошем нет ничего общего. Следуя далее по аналогии, он соображал, что вероятность какой-либо связи между рыболовом и разыскиваемым преступником бесконечно мала. Но если ничего не случилось, то из этого не следует, что ничего не может случиться. Карл Драгош тотчас подумал, что благодушный серб прав, и что сыщик, желающий наблюдать Дунай на полной свободе, оказался бы очень искусным, появившись под маской рыболова, настолько известного, чтобы никто не мог заподозрить обман.

Но как ни соблазнительна была такая комбинация, от нее пришлось отказаться. Конкурс в Зигмарингене прошел, Илиа Бруш, победитель турнира, объявил публично о своем проекте, и, конечно, он не согласится по доброй воле на подмен его персоны, подмен тем более сомнительный, что черты лауреата отныне стали известны большому количеству его коллег.

И все же, если приходилось отказаться от мысли, что Илиа Бруш позволит другому выполнить под своим именем задуманное им путешествие, быть может, существовало средство достигнуть той же цели. Раз невозможно стать Илиа Брушем, не может ли Карл Драгош удовольствоваться проездом у него на борту? Кто обратит внимание на компаньона человека, который почти прославился и поэтому употребляет себе на пользу всеобщее сочувствие? И даже, если кто-нибудь нечаянно бросит взгляд на незаметного компаньона, придет ли ему в голо-

ву подумать о связи между этой неопределенной личностью и полицейским, который, таким образом, будет выполнять свою миссию в спасительной тени?

Подробно обдумав проект, Карл Драгош нашел его превосходным и решил осуществить. Уже известно, с каким искусством он разыграл первоначальную сцену, но за этой сценой, при надобности, могли последовать другие. Если бы потребовалось, Илиа Бруша потащили бы к комиссару, даже посадили бы в тюрьму под удобным предлогом, запугали бы сотней способов. И можно быть уверенным, что Карл Драгош без всяких угрызений совести разыграл бы роль посредника, и устрашенный рыболов увидел бы спасителя в пассажире, которого он оттолкнул.

Сыщик был, впрочем, доволен, что восторжествовал без такого жестокого нравственного насилия, и не продолжил комедию дальше первого акта.

Теперь он занял место, и настолько прочно, что, если бы сделал вид, что хочет покинуть хозяина, тот воспротивился бы его уходу с такой же энергией, с какой сопротивлялся водворению. Оставалось извлекать пользу из своего положения.

Для этого Карлу Драгошу пришлось только отдаться на волю течения. Пока его компаньон удил или греб, он наблюдал за рекой, где ничто более или менее важное не ускользало от его опытного взора. Во время пути он виделся со своими людьми, рассеянными вдоль реки. При первом же известии о преступлении он покинет Илиа Бруша, чтобы броситься по следам злодеев; но если при отсутствии преступлений какое-нибудь подозрительное событие привлечет его внимание, он и этим сумеет воспользоваться.

Все это было задумано умно, и чем больше об этом размышлял Карл Драгош, тем больше хвалил себя за идею, которая обеспечила ему инкогнито на всем протяжении Дуная и увеличила шансы на успех.

К несчастью, рассуждая таким образом, сыщик не думал о случайностях. Он не подозревал, что совокупность самых странных событий через немногие дни повернет розыски в непредвиденном направлении и придаст его миссии неожиданную широту.

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА

Оставив баржу, Карл Драгош направился в центр города. Он знал Ратисбон и без колебаний шел по молчаливым улицам, где по бокам там и сям возвышались феодальные дворцы в десять этажей, останки некогда шумного города, население которого теперь упало до двадцати шести тысяч.

Карл Драгош не думал осматривать город, как предполагал Илиа Бруш. Он шел не в качестве туриста. Невдалеке от моста он очутился перед кафедральным собором с неоконченными башнями, но он не бросил рассеянного взгляда на любопытный портал конца XV века. И, конечно, он не шел восхищаться дворцом князей Тур и Таксис[1], готической капеллой и стрельчатым монастырем или коллекцией трубок, курьезной достопримечательностью этого древнего монастыря. Тем более, он не вздумал посетить ратушу, где некогда помещался сейм. Зала этого здания украшена старинными коврами, и привратник не без гордости показывает камеру пыток с различными приспособлениями. Драгошу не пришлось давать «на водку», чтобы оплатить услуги проводника. Он в этом не имел нужды и без посторонних указаний нашел почтовое отделение, где его ждало несколько писем на условленные инициалы. Когда Карл Драгош прочитал письма, причем на лице его не отразилось никаких ощущений, он направился к выходу, но у двери его остановил довольно плохо одетый человек.

Этот человек и Драгош узнали друг друга, так как сыщик жестом остановил вновь пришедшего, когда тот собрался заговорить. Очевидно, этот жест обозначал: «Не здесь!» Оба направились на соседнюю площадь.

— Почему ты не ждал меня на берегу? — спросил Карл Драгош, удостоверившись в отсутствии нескромных ушей.

— Я боялся проглядеть вас, — ответил тот. — И так как я знал, что вы придете на почту...

---

[1] *Тур* и *Таксис* — германская княжеская фамилия, представители которой прославились устройством почтовых сообщений в Германии.

— Ладно, ты здесь, это главное, — перебил Карл Драгош. — Ничего нового?

— Ничего.

— Даже самого простенького налета в окрестностях?

— Ни в окрестностях, ни в других местах по всему Дунаю.

— Давно ли получены последние новости?

— Телеграмма из Будапештского центрального бюро пришла не больше двух часов назад. По всей линии спокойно.

Карл Драгош немного подумал.

— Ты сошлешься в прокуратуре на меня. Ты назовешься своим именем, Фридрих Ульман, и попросишь, чтобы тебя держали в курсе всех событий, вплоть до самых мелких. Затем отправишься в Вену.

— А наши люди?

— Я сам ими займусь. Я увижу их в пути. Встретимся в Вене через неделю. Это приказ.

— Значит, вы оставляете верхнее течение без надзора? — спросил Ульман.

— Местной полиции там достаточно, — ответил Драгош, — и мы появимся при малейшей тревоге. До сих пор, впрочем, выше Вены не случалось ничего такого, что

входило бы в нашу компетенцию. Не так они глупы, эти молодчики, чтобы действовать так далеко от своей базы.

— От базы? — переспросил Ульман. — Вы получили какие-нибудь сведения?

— У меня, во всяком случае, есть мнение.

— Какое?

— Ты слишком любопытен! Как бы то ни было, я тебя предупреждаю, что нам придется дебютировать между Веной и Будапештом.

— Почему там, а не в другом месте?

— Потому что там совершено последнее преступление. Ты помнишь этого фермера, которого они «поджаривали» и который был найден обожженным до колен.

— Тем более причин, чтобы они стали действовать в другом месте в ближайший раз.

— Почему?

— Да ведь они скажут себе, что район, где совершено последнее преступление, будет особенно тщательно охраняться. Они пойдут пытать счастья подальше. Нет смысла действовать дважды подряд в одном месте.

— Тогда они будут рассуждать, как ослы, и ты им подражаешь, Фридрих Ульман, — возразил Карл Драгош. — Я как раз и рассчитываю на их глупость. Все газеты, как ты знаешь, приписывают мне такое намерение: они единодушно опубликовали, что я покину верхний Дунай, так как, по-моему, преступники не рискнут туда вернуться. Поэтому я отправлюсь в южную Венгрию. Бесполезно тебе говорить, что во всем этом нет ни слова правды, но можешь быть уверен, эти тенденциозные сообщения не минуют заинтересованных лиц.

— Вы так думаете?

— Они не направятся в южную Венгрию, чтобы не броситься в волчью пасть.

— Дунай велик, — заметил Ульман. — Есть Сербия, Румыния, Турция...

— А война? Там им нечего делать. Впрочем, увидим.

Карл Драгош немного помолчал.

— Мои инструкции выполняются точно? — спросил он.

— Точно.

— Надзор за рекой продолжается?

— День и ночь.

— И не открыли ничего подозрительного?

— Абсолютно ничего. У всех барж и шаланд бумаги в порядке. По этому поводу я должен сказать, что проверка вызывает много недовольства. Речники протестуют, и, если хотите знать мое мнение, они правы. На судах не найдешь того, что мы ищем. Ведь преступления совершаются не на воде.

Карл Драгош нахмурил брови.

— Я придаю большое значение посещению барж, шаланд и даже маленьких суденышек, — повторил он сухим тоном. — Повторяю последний раз для всех, что я не люблю возражений.

— Хорошо, сударь, — степенно согласился Ульман.

Карл Драгош сказал:

— Я еще не знаю, что буду делать... Может быть, я задержусь в Вене. Может быть, доеду до Белграда... Я пока не решил. Так как очень важно не терять связи, держи меня в курсе дела при помощи сообщений, посланных в стольких экземплярах, сколько необходимо для наших людей, рассеянных между Ратисбоном и Веной.

— Слушаюсь, сударь, — ответил Ульман. — А я?.. Где я увижу вас снова?

— В Вене через неделю, как я тебе сказал.

Драгош размышлял несколько мгновений.

— Ты можешь идти, — добавил он. — Не забудь зайти в прокуратуру и садись на первый поезд.

Ульман уже удалялся, когда Драгош снова позвал его.

— Ты слышал о некоем Илиа Бруше? — спросил он.

— Это рыболов, который решил спуститься по Дунаю с удочкой?

— Вот именно. Так если увидишь меня с ним, не показывай вида, что знаешь меня.

Когда они расстались, Фридрих Ульман исчез в верхней части города, а Карл Драгош направился в гостиницу «Золотой крест», где заказал обед.

Десяток застольников уже разговаривали о том, о сем, когда Карл Драгош занял место. Он ел с большим аппетитом и не вмешивался в разговор. Напротив, он слушал как человек, имеющий привычку не пропускать мимо ушей всего, что говорится вокруг него. И он услышал, как один из собеседников спросил у другого:

— Ну, что новенького об этой знаменитой банде?

— Не больше, чем о знаменитом Бруше, — ответил тот. — Его ждут в Ратисбоне, но, кажется, он еще не появлялся.

— Это странно.

— Если только Бруш и глава шайки не одно и то же лицо.

— Вы смеетесь?

— Гм... Кто знает?

Карл Драгош широко раскрыл глаза. Вот уж второй раз предлагалась его вниманию эта гипотеза, очевидно, висевшая в воздухе. Но он ответил на нее незаметным пожатием плеч и окончил обед, не сказав ни слова. Все это шутки. Видно, он хорошо осведомлен, этот болтун, который даже не знает о прибытии Илиа Бруша в Ратисбон.

Окончив обед, Карл Драгош спустился на набережную. Там, вместо того чтобы сразу направиться к барже, он задержался на старом каменном мосту, соединяющем Ратисбон и Штадт-ам-Хоф, его пригород, и задумчиво смотрел на реку, где еще скользили суда, спешившие воспользоваться угасающим светом дня.

Он совершенно забылся в своем созерцании, когда чья-то рука ударила его по плечу, и он услышал знакомый голос:

— Можно подумать, господин Иегер, что все это вас интересует.

Карл Драгош повернулся и увидел перед собой улыбающееся лицо Илиа Бруша.

— Да, — отвечал он, — это движение по реке очень любопытно. Я не перестаю его наблюдать.

— Ну, господин Иегер, оно вас заинтересует гораздо больше, когда мы спустимся в нижнюю часть реки, где судов намного больше. Вот увидите, когда мы будем у Железных ворот... Вы их знаете?

— Нет, — ответил Драгош.

— Нужно это видеть, — заявил Илиа Бруш. — Если нет в мире реки прекраснее Дуная, то на всем протяжении Дуная самое красивое место — Железные ворота!..

Тем временем мрак совсем сгустился. Большие часы Илиа Бруша показывали более девяти часов.

— Я был внизу, на барже, когда заметил вас на мосту, господин Иегер, — сказал он. — Я подошел сюда на-

помнить, что завтра мы отправляемся очень рано, и потому сделаем хорошо, если ляжем спать.

— Я с вами согласен, господин Бруш, — ответил Карл Драгош.

Оба спустились к реке. Когда они обогнули мост, пассажир спросил:

— А как с продажей нашей рыбы, господин Бруш? Довольны вы?

— Скажите, я очарован, господин Иегер! Я вам вручу не менее сорока одного флорина!

— Что составит уже шестьдесят восемь с полученными ранее двадцатью семью. И мы еще только в Ратисбоне!.. Ого, господин Бруш, дельце кажется мне не совсем плохим!

— Я тоже начинаю так думать, — согласился рыболов.

Спустя четверть часа они спали друг против друга, и с восходом солнца суденышко было уже в пяти километрах от Ратисбона.

Ниже этого города берега Дуная совершенно различны. На правом расстилаются до горизонта плодородные равнины, богатая сельская местность, где нет недостатка ни в фермах, ни в деревнях; левый берег изобилует глухими лесами, и там поднимаются холмы, сливающиеся с Богемским лесом [1].

Проезжая, господин Иегер и Илиа Бруш могли заметить повыше городка Донаустауф летний дворец князей Тур и Таксис и старинный епископский дворец Ратисбона. Далее, на горе Савальтор возвышалась Валгалла, или «Жилище избранных», род Парфенона [2], построенная королем Людвигом под баварским небом и не имеющая ничего общего с греческим. Внутри музей, где находятся бюсты германских героев, но музей не так восхищает, как прекрасная внешность здания. Если Валгалла и не может равняться с афинским Парфеноном, она лучше того здания, которое воздвигли шотландцы на одном из холмов Эдинбурга, этой «старой коптильни».

---

[1] *Богемский лес*, правильнее Чешский лес, — горный массив на границах Чехословакии, Германии, Австрии.

[2] *Парфенон* — величайший памятник древнегреческого искусства, храм богини Афины, построенный в Афинах в V веке до нашей эры.

Велико расстояние от Ратисбона до Вены, особенно по извилинам Дуная. На этом водном пути длиной около четырехсот семидесяти пяти километров значительные города редки. Можно отметить только Штраубинг, складочное место земледельческих продуктов Баварии, где баржа остановилась вечером 18 августа, Пассау, куда она прибыла 20-го, и Ленц, который она миновала днем 21-го. Помимо этих городов, из которых два последних имеют некоторое стратегическое значение, но не насчитывают и по двадцать тысяч жителей, больше нет значительных поселений.

За отсутствием созданий рук человеческих турист может бороться со скукой, наблюдая разнообразное зрелище берегов великой реки. Ниже Штраубинга, где Дунай достигает ширины в четыреста метров, он снова начинает суживаться, меж тем как первые отроги Ретийских Альп мало-помалу подымают его правый берег.

В Пассау, построенном при слиянии трех рек — Дуная, Инна и Ильса, из которых две первые входят в число самых значительных в Европе, Германия остается позади, и правый берег становится австрийским чуть пониже города; левый же берег начинает входить в империю Габсбургов только на несколько километров ниже. Здесь ложе реки представляет собой долину шириной всего около двухсот метров, а дальше, на пути к Вене, оно то расширяется, образуя настоящие озера, усеянные островами и островками, то еще больше суживается, и тогда воды глухо шумят среди крутых берегов.

Илиа Бруш, казалось, совсем не интересовался этой сменой разнообразных и всегда прелестных картин и лишь старался во всю силу своих мускулов ускорить бег лодки. Впрочем, такое равнодушие вполне можно было объяснить тем вниманием, с которым нужно было следить за движением суденышка. Помимо трудностей, представляемых песчаными мелями, трудностей, являющихся, так сказать, разменной монетой дунайской навигации, приходилось бороться и с более серьезными. За несколько километров до Пассау Бруш должен был преодолеть стремнины Вильсхофена, а ста пятьюдесятью километрами ниже, за Грейном, одним из самых жалких городков Верхней Австрии, находились ужасные пороги Штрудель и Вирбель.

В этом месте долина превращается в узкий коридор, зажатый дикими крутизнами, между которыми кипят стремительные воды. В старину многочисленные подводные камни делали проход еще более опасным, и нередко суда терпели там большой ущерб. Теперь опасность значительно уменьшилась. Сильнее всего мешавшие движению скалы, тянувшиеся от одного берега до другого, взорваны. Пороги утратили былую ярость, водовороты перестали так сильно кружить суда, и катастрофы сделались значительно реже. Все же и большие шаланды и маленькие лодки должны принимать серьезные предосторожности.

Все это не могло затруднить Илиа Бруша. Он проходил теснины, избегал песчаных отмелей, побеждал водовороты и пороги, и все с поразительной ловкостью. Эта ловкость восхищала Карла Драгоша, но вместе с тем он удивлялся, что простой рыболов так превосходно знает Дунай с его предательскими сюрпризами.

Если Илиа Бруш удивлял Карла Драгоша, то удивление было взаимным. Рыболов восхищался, ничего в этом не понимая, обширностью связей своего пассажира. Каким бы незначительным ни было местечко, выбранное для ночлега, редко случалось, чтобы господин Иегер не находил там знакомого. Едва лишь причаливала баржа, он выскакивал на землю, и почти тотчас же к нему подходили один или двое. Обменявшись несколькими словами, собеседники исчезали, а господин Иегер возвращался на баржу.

Наконец, Илиа Бруш не мог сдержаться.

— Вы всюду имеете понемногу друзей, господин Иегер? — спросил он однажды.

— Конечно, господин Бруш, — ответил Карл Драгош. — Я ведь часто проезжал по этим краям.

— Как турист, господин Иегер?

— Нет, господин Бруш, не как турист. Я путешествовал в то время по делам одного будапештского торгового дома, а при этом занятии не только видишь страну, но и заводишь многочисленные знакомства.

Таковы были немногие события, — если только можно назвать их событиями, — которые отметили путешествие с 18 по 24 августа. В этот день после ночи, проведенной на реке, вдали от жилья, ниже маленького городка Тульи,

Илиа Бруш пустился в путь до зари, как обычно. Этот день не должен был походить на предыдущие. В самом деле, вечером они будут в Вене, и в первый раз за неделю Илиа Бруш собирался удить, чтобы не разочаровать поклонников, которые, без сомнения, найдутся в столице, так как он позаботился известить их о своем прибытии через стоголосую прессу.

Впрочем, разве он не должен был подумать об интересах господина Иегера, забытых во время этой недели отчаянной гонки? Хоть тот и не жаловался, помня условие, но и не мог быть довольным, и Илиа Бруш это хорошо понимал. Он возымел намерение дать пассажиру хоть некоторое удовлетворение и решил проплыть в этот последний день не более тридцати километров. Тогда они прибудут в Вену рано и успеют продать рыбу.

В момент, когда Карл Драгош вышел из каюты, улов уже был обильный, но рыболов не успокоился. Около одиннадцати часов он выудил щуку в двадцать фунтов. Это была царская добыча, за которую венские любители, без сомнения, дадут высокую цену.

Ободренный успехом, Илиа Бруш решил попытать счастья в последний раз, и в этом была его ошибка, как показали события.

Как это получилось? Он не мог сказать. Дело было в том, что он, всегда такой ловкий, сделал неудачный заброс. Был ли это результат мгновенной рассеянности или другая причина, но его леска получила неверное направление, и крючок после сильного размаха впился ему в лицо и прочертил кровавый след. Илиа Бруш испустил крик от боли.

Расцарапав щеку, крючок продолжал свой путь, зацепил очки с большими темными стеклами, которые рыболов носил день и ночь, и эта принадлежность проделала опасную дугу в нескольких сантиметрах от поверхности воды.

Заглушив восклицание досады, Илиа Бруш бросил беспокойный взгляд на господина Иегера, быстро подтащил блуждающие по воздуху очки и поспешил водворить их на прежнее место. После этого он, казалось, успокоился.

Этот инцидент продолжался несколько секунд, но в эти секунды Карл Драгош успел заметить, что у его

хозяина великолепные голубые глаза, живой взгляд которых вряд ли говорил о плохом зрении.

Сыщик не мог не подумать об этой странности, так как привык размышлять надо всем, что привлекало его внимание. Размышления Драгоша еще не пришли к концу, как голубые глаза снова исчезли под темным занавесом, который их обычно скрывал.

Бесполезно говорить, что Илиа Бруш в этот день больше не удил. Тщательно перевязав рану, он собрал удочки. Пока лодка плыла вниз по течению, ее пассажиры позавтракали.

Незадолго до этого они миновали подножие Калемберга, горы в триста пятьдесят метров высотой, вершина которой господствует над Веной. Теперь чем ниже они спускались, тем больше оживление берегов говорило о близости большого города. Сначала шли деревни, чем дальше, тем ближе одна к другой. Потом заводы стали загрязнять небо дымом своих высоких труб. Скоро Илиа Бруш и его компаньон заметили на берегу несколько фиакров, которые придали этой пригородной местности совершенно городской вид.

В первые часы после полудня баржа оставила позади Нусдорф, пункт, где останавливаются паровые суда из-за своей осадки. Для скромного суденышка рыболова не существовало таких препятствий. Впрочем, на нем не было, как на пароходах, пассажиров, которые потребовали бы, чтобы их перевезли по каналу в центр города.

Ничем не стесненный в своих действиях, Илиа Бруш плыл по главному рукаву Дуная. Около четырех часов он остановился у берега и зацепил якорь за одно из деревьев Пратера, знаменитого парка, который для Вены то же, что Булонский лес для Парижа.

— Что у вас с глазами, господин Бруш? — спросил в это время Карл Драгош, который после случая с очками не произнес ни одного слова.

Илиа Бруш прервал работу и обернулся к пассажиру.

— С глазами? — повторил он вопросительным тоном.

— Да, с глазами, — сказал господин Иегер. — Ведь, я полагаю, вы не для удовольствия носите эти темные очки?

— Ах, — молвил Илиа Бруш, — мои очки?.. У меня слабое зрение, и свет мне вреден, вот и все.

Слабое зрение?.. С такими глазами!..

Дав объяснение, Илиа Бруш закончил устанавливать баржу на якорь. Его пассажир смотрел на него с задумчивым видом.

ОХОТНИКИ И ДИЧЬ

В это послеполуденное августовское время несколько гуляющих оживляли набережную Дуная, которая образует на северо-востоке оконечность парка Пратер. Дожидались ли эти гуляющие Илиа Бруша? Вероятно, потому что этот последний предупредил через газеты о месте и о вероятном часе своего прибытия. Но как эти любопытные, рассеянные по такому обширному пространству, узнают баржу, которая ничем не привлечет их внимание?

Илиа Бруш предвидел эту трудность. Как только его суденышко причалило, он поспешил прикрепить к мачте большой плакат, на котором было написано: «Илиа Бруш, лауреат «Дунайской лиги». Потом на кровле каюты он устроил из пойманной утром рыбы нечто вроде выставки, где щука заняла почетное место.

Эта реклама в американском вкусе имела немедленный результат. Несколько зевак остановились против баржи и глазели на нее от нечего делать. Эти первые зеваки привлекли других. Сборище быстро приняло такие размеры, что подлинно интересующиеся не могли его не заметить. Одни стали собираться, видя, что все люди спешат в одном и том же направлении, а другие, следуя их примеру, побежали сами не зная почему. Менее чем через четверть часа пятьсот человек собрались возле баржи. Илиа Бруш даже не мечтал о таком успехе.

Между публикой и рыболовом не замедлил завязаться разговор.

— Господин Илиа Бруш? — спросил один из присутствующих.

— К вашим услугам, — отвечал спрошенный.

— Позвольте представиться. Клавдиус Рот, один из ваших коллег по «Дунайской лиге».

— Очень приятно, господин Рот!

— Здесь, впрочем, несколько наших коллег. Вот

господа Ханиш, Тьетце, Гуго Цвидинек, не считая тех, с которыми я незнаком.

— Я, например, Матиаш Касселик из Будапешта, — сказал один из зрителей.

— А я, — прибавил другой, — Вильгельм Бикель из Вены.

— Я восхищен, господа, что оказался среди знакомых! — воскликнул Илиа Бруш.

Вопросы и ответы быстро чередовались. Разговор сделался всеобщим.

— Как плыли, господин Бруш?

— Превосходно.

— Быстро, во всяком случае. Вас не ждали так скоро.

— Однако я уже пятнадцать дней в пути.

— Да, но ведь так далеко от Донауэшингена до Вены!

— Около девятисот километров, что в среднем составляет шестьдесят километров в сутки.

— Течение делает их едва ли не в двадцать четыре часа.

— Это зависит от местности.

— Верно. А ваша рыба? Легко ли вы ее продаете?

— Прекрасно.

— Тогда вы довольны?

— Очень доволен.

— Сегодня у вас отличный улов. Особенно великолепна щука.

— Да, она в самом деле, не плоха.

— Сколько за щуку?

— Как вам будет угодно уплатить. Я хотел бы, с вашего позволения, пустить рыбу с аукциона, оставив щуку к концу.

— На закуску! — пояснил один шутник.

— Превосходная идея! — вскричал господин Рот. — Покупатель щуки вместо того, чтобы съесть мясо, может, если захочет, сделать чучело на память об Илиа Бруше!

Эта маленькая речь имела большой успех, и оживленный аукцион начался. Четверть часа спустя рыболов положил в карман кругленькую сумму; знаменитая щука принесла не менее тридцати пяти флоринов.

Когда продажа закончилась, между лауреатом и его почитателями продолжался разговор. Узнав о прошлом, они интересовались его намерениями на будущее. Илиа

Бруш отвечал, впрочем, любезно и объявил, не делая из этого секрета, что он посвятит следующий день Вене и завтра вечером остановится на ночлег в Пресбурге.

Мало-помалу с приближением вечера количество любопытных уменьшалось, каждый спешил обедать. Принужденный подумать и о своем обеде, Илиа Бруш исчез в каюте, предоставив публике восхищаться пассажиром.

Вот почему двое гуляющих, привлеченных сборищем, которое все еще насчитывало сотню людей, заметили только Карла Драгоша, одиноко сидевшего под плакатом, возвещавшим для всеобщего сведения имя и звание лауреата «Дунайской лиги».

Один из вновь пришедших был высокий детина лет тридцати, с широкими плечами, с волосами и бородой того белокурого цвета, который кажется достоянием славянской расы; другой, тоже крепкий по внешности и замечательный необычайной шириной плеч, казался старше, и его седеющие волосы показывали, что ему перевалило за сорок.

При первом взгляде, который младший из двух бросил на баржу, он задрожал и, быстро отступив, увлек за собой компаньона.

— Это он, — молвил младший глухим голосом, как только они выбрались из толпы.

— Ты думаешь?

— Конечно! Разве ты не узнал?

— Как я его узнаю, если я никогда его не видел!

Последовал момент молчания. Оба собеседника размышляли.

— Он один в барже? — спросил старший.

— Совершенно один.

— И это баржа Илиа Бруша?

— Ошибиться невозможно. Фамилия написана на плакате.

— Тогда это непонятно.

После нового молчания заговорил младший:

— Значит, это он делает такое путешествие с большим шумом под именем Илиа Бруша?

— С какой целью?

Человек с белокурой бородой пожал плечами:

— С целью проехать по Дунаю инкогнито, это ясно.

— Черт! — сказал старший из компаньонов.

— Это меня не удивляет, — заметил другой. — Драгош — хитрец, и его замысел превосходно удался бы, если бы случай не привел нас сюда.

Старший из собеседников еще не совсем убедился.

— Так бывает только в романах, — пробормотал он сквозь зубы.

— Правильно, Титча, правильно, — согласился его товарищ, — но Драгош любит романтические приемы. Мы, впрочем, выведем дело начистоту. Около нас говорили, что баржа останется завтра в Вене на весь день. Нам придется вернуться. Если Драгош еще будет тут, значит это он влез в шкуру Илиа Бруша.

— И что мы сделаем в этом случае? — спросил Титча.

Его собеседник ответил не сразу.

— Мы посмотрим, — молвил он.

Оба удалились в сторону города, оставив баржу, окруженную все более рассеивающейся публикой.

Ночь прошла спокойно для Илиа Бруша и его пассажира. Когда этот последний вышел из каюты, он увидел, что Бруш собирается подвергнуть рыболовные принадлежности основательной проверке.

— Хорошая погода, господин Бруш, — сказал Карл Драгош вместо приветствия.

— Хорошая погода, господин Иегер, — согласился Илиа Бруш.

— Не рассчитываете ли вы ею воспользоваться, господин Бруш, чтобы посетить город?

— Честное слово, нет, господин Иегер. Я не любопытен по природе и буду занят целый день. После двух недель плавания не мешает навести немножко порядка.

— Как хотите, господин Бруш! А я не намерен подражать вашему равнодушию и думаю остаться на берегу до вечера.

— И хорошо сделаете, господин Иегер, — одобрил Илиа Бруш, — потому что вы ведь венский житель. Быть может, у вас тут семья, которая рада будет увидеть вас.

— Заблуждение, господин Бруш, я — холостяк.

— Тем хуже, господин Иегер, тем хуже. Даже и вдвоем не так легко нести жизненную ношу.

Карл Драгош разразился хохотом.

— Черт возьми, господин Бруш, вы невесело настроены сегодня утром!

— Я всегда таков, господин Иегер, — ответил рыболов. — Но пусть это не мешает вам забавляться как можно лучше.

— Я попытаюсь, господин Бруш, — сказал Карл Драгош, удаляясь.

Идя по Пратеру, он вышел на Главную аллею, место прогулок элегантных венцев в хорошую погоду. Но в августе, в тот час, Главная аллея была почти пустынна, и он мог ускорять шаги, не теснясь в толпе.

Но все же там было достаточно публики, и Драгош не заметил двоих прогуливающихся, с которыми встретился, когда миновал Константиновский холм, искусственное возвышение, которым постарались придать разнообразие перспективе Пратера. Не обращая внимания на двоих гуляющих, Карл Драгош спокойно продолжал свой путь и десять минут спустя вошел в маленькое кафе на круглой площади «Пратер Штерн» [1]. Его там ждали. Один из посетителей, уже сидевший за столом, поднялся, увидев его, и подошел встретить.

— Здравствуй, Ульман! — сказал Карл Драгош.

— Здравствуйте, сударь! — ответил Фридрих Ульман.

— Все еще ничего нового?

— Ничего.

— Это хорошо. На этот раз у нас в распоряжении целый день, и мы зрело обсудим, что нам делать.

Если Карл Драгош не заметил двоих гуляющих по Главной аллее, то они, — как раз те два субъекта, которых накануне случай привел к барже Илиа Бруша, — наоборот, превосходно видели его. Одновременно они сделали крутой поворот, разминувшись с начальником дунайской полиции, и последовали за ним на достаточном расстоянии, чтобы не быть замеченными. Когда Драгош исчез в маленьком кафе, они вошли в такое же заведение, расположенное напротив, с другой стороны круга, решив оставаться в засаде, если понадобится, целый день.

Их терпение подверглось большому испытанию. Потратив несколько часов, чтобы подробно договориться о будущих действиях, Драгош и Ульман не спеша позавтракали. Окончив завтрак и желая покинуть душную

[1] *«Пратер Штерн»* по-немецки означает «Звезда Пратера».

залу, они устроились на свежем воздухе и приказали подать по чашке кофе, которое сделалось необходимым заключением каждой еды. Они уже начали наслаждаться им, когда внезапно Карл Драгош сделал жест удивления и, словно не желая быть замеченным, быстро скрылся в глубине ресторана, откуда через оконные занавески стал наблюдать за человеком, пересекавшим площадь.

— Это он, прокляни меня боже! — бормотал Драгош, следя глазами за Илиа Брушем.

И в самом деле, это был Илиа Бруш, которого легко было узнать по бритому лицу, темным очкам и волосам, черным, как у южного итальянца.

Когда рыболов повернул на Кайзер-Иозефштрассе, Драгош присоединился к Ульману, оставшемуся на террасе, отдал приказ дожидаться, сколько потребуется, и устремился по следу.

Илиа Бруш шел, не думая оглядываться, со спокойствием чистой совести. Неторопливым шагом он достиг конца Кайзер-Иозефштрассе, потом через парк Аугартен попал в Бригиттенау. Несколько мгновений он как будто колебался, потом вошел в грязную лавчонку, бедная витрина которой выходила на одну из самых невзрачных улочек этого рабочего района.

Полчаса спустя он снова появился. Все время незаметно преследуемый Карлом Драгошем (проходя мимо, тот прочитал вывеску лавки, в которой побывал его компаньон по путешествию), Илиа Бруш прошел на Рембрандтштрассе, потом, идя левым берегом канала, достиг Пратерштрассе и по ней проследовал до круга. Там он решительно повернул направо и удалился по Главной аллее под сень деревьев Пратера. Очевидно, он возвращался на борт баржи, и Карл Драгош счел бесполезным продолжать слежку.

Он вернулся в маленькое кафе, где его ждал верный Фридрих Ульман.

— Знаешь ли ты еврея по имени Симон Клейн? — спросил сыщик.

— Конечно, — ответил Ульман.

— Что он собой представляет?

— Мало хорошего. Старьевщик, ростовщик, при надобности укрыватель краденого; я думаю, это обрисовывает его с головы до ног.

— Так я и думал, — пробормотал Драгош, казалось, погруженный в глубокие размышления. После недолгого молчания он спросил: — Сколько у нас здесь людей?

— Около сорока, — ответил Ульман.

— Этого достаточно. Слушай меня внимательно. Надо похерить все, о чем мы говорили сегодня утром. Я меняю план, так как чем дальше, тем больше я предчувствую, что дело, где бы оно ни произошло, случится при мне.

— При вас? Я не понимаю.

— Это тебе ни к чему. Ты расставишь людей попарно по левому берегу Дуная через каждые пять километров, начав за двадцать километров ниже Пресбурга. Их единственная цель — наблюдать за мной. Заметив меня, последняя пара должна опередить переднюю на пять километров и так далее. Понятно? И пусть они не зевают!

— А я? — спросил Ульман.

— А ты устраивайся, чтобы не терять меня из виду. Когда я буду в лодке посреди реки, это не так трудно... Что же касается твоих людей, то они, отправляясь на посты, должны быть возможно лучше осведомлены. В случае надобности тот пост, который узнает о важном событии, должен назначить место сбора и предупредить других.

— Понятно.

— Отправляйтесь в путь сегодня вечером, чтобы завтра я нашел людей на постах.

— Они там будут, — сказал Ульман.

Два или три раза Карл Драгош без устали повторял свой план, и только, когда уверился, что подчиненный его превосходно понял, он решил вернуться на баржу, так как уже наступил вечер.

В маленьком кафе на противоположной стороне площади двое гулявших по Пратеру не прекращали свою слежку. Они видели, как Драгош вышел из кафе, но не поняли причины, потому что Илиа Бруш не привлек их внимания, как и всякий другой прохожий. Их первое движение было пуститься в погоню, но присутствие Фридриха Ульмана их от этого удержало. Успокоенные, они решили ждать, в уверенности, что Карл Драгош вернется.

Возвращение сыщика доказало, что они поступили правильно, и, когда Драгош исчез с Ульманом внутри кафе, они оставались на страже вплоть до момента, когда начальник полиции и его подчиненный расстались.

Предоставив Ульману направиться к центру, два субъекта снова прицепились к Карлу Драгошу и проследовали за ним по Главной аллее, где утром шли в обратном направлении. После сорокапятиминутной ходьбы они остановились. Уже показалась линия деревьев, окаймлявшая берег Дуная. Не было сомнений, что Драгош возвращается на свое судно.

— Бесполезно идти дальше, — сказал младший. — Теперь мы знаем, что Карл Драгош и Илиа Бруш одно и то же лицо. Доказательства надежны, а, следуя дальше, мы рискуем, что нас самих заметят.

— Что же теперь делать? — спросил его компаньон с наружностью борца.

— Мы еще об этом поговорим, — ответил другой. — У меня есть идея.

Пока два незнакомца так усердно занимались особой Карла Драгоша и, удаляясь по направлению к «Пратер Штерн», вырабатывали планы, исполнение которых откладывалось не слишком далеко, сыщик возвратился на баржу, не подозревая о том, что за ним самим следили весь этот день. Он нашел Илиа Бруша, поглощенного приготовлением обеда, который оба компаньона час спустя разделили, как обычно, сидя верхом на скамейке.

— Ну, господин Иегер, довольны вы прогулкой? — спросил Илиа Бруш, когда трубки начали выпускать тучи дыма.

— Восхищен, — ответил Карл Драгош. — А вы, господин Бруш, не изменили своих намерений и не решились немножко прогуляться по Вене?

— Нет, господин Иегер, — заверил Илиа Бруш. — Я здесь никого не знаю. Пока вы отсутствовали, я даже не выходил на берег.

— В самом деле?

— Да, это так. Я не покидал лодки, где у меня, впрочем, хватило работы до вечера.

Карл Драгош ничего не сказал. Мысли, которые внушила ему явная ложь хозяина, он предпочел сохранить при себе, и они разговаривали о посторонних вещах, пока не пробил час сна.

ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ

Был ли Илиа Бруш виновен в предумышленной лжи или он изменил намерения просто по капризу? Как бы то ни было, то, что он сообщил о себе, отличалось исключительной неточностью.

Отправившись за два часа до рассвета утром 26 августа, он не остановился в Пресбурге, хотя объявил об этом накануне. Двадцать часов отчаянной гребли привели его к пункту на пятнадцать километров ниже города, и он возобновил свои сверхчеловеческие усилия после краткого отдыха.

Илиа Бруш не считал себя обязанным объяснять господину Иегеру, почему он так лихорадочно стремится ускорить свое путешествие, хотя интересы последнего серьезно страдали; а тот, со своей стороны, верный данному слову, не проявлял никаких признаков досады, которую должен был испытывать от такой поспешности.

Занятия Карла Драгоша отвлекали, впрочем, внимание господина Иегера. Маленькие неприятности, которым мог подвергнуться второй, ничего не стоили в сравнении с заботами первого.

В это утро, 26 августа, Карл Драгош сделал, в самом деле, еще одно наблюдение, совершенно необычное, которое, вместе с фактами предшествующих дней, его глубоко смутило. Случилось это около десяти часов утра. В этот момент Карл Драгош, погруженный в размышления, машинально смотрел, как Илиа Бруш, стоя на корме баржи, греб с упорством рабочего вола. Вследствие извилистости русла, по которому они как раз плыли к сезеро-западу, солнце было позади рыболова. Голова его была обнажена, так как, буквально истекая потом, он бросил к ногам меховую шапку, которую обычно носил, и яркий свет проходил насквозь через его обильную черную шевелюру.

Внезапно Карла Драгоша поразила особенность, самая странная. Илиа Бруш был брюнетом, но только частично. Черные на концах, его волосы у корней неопровержимо оказывались на протяжении нескольких миллиметров белокурыми.

Такое различие цвета было ли природным явлением? Возможно. Но вероятнее, вовремя не была возобновлена окраска волос.

Однако, если на этот счет у Карла Драгоша было сомнение, оно исчезло утром следующего дня, потому что волосы Илиа Бруша потеряли двойную окраску. Рыболов заметил свою небрежность и исправил ее ночью.

Эти глаза, которые их владелец так тщательно скрывал за непроницаемыми стеклами, эта явная ложь на венской пристани, эти белокурые волосы, превращенные в черные, эта непонятная поспешность, не совместимая с целью путешествия, — все это составляло совокупность улик, из которых следовало заключить... В самом деле,

что же следовало заключить? В конце концов, Карл Драгош ничего не знал. Верно, что поведение Илиа Бруша казалось подозрительным, но какой отсюда можно сделать вывод?

Однако предположение, сто раз отвергнутое прежде, в конце концов подействовало на Карла Драгоша, который не переставал раздумывать над задачей, предложенной его догадливости. И это предположение было то самое, которое уже дважды подсказывал ему случай. Сначала веселый серб Михаил Михайлович, потом собеседники в ратисбонском отеле, разве они полушутя, полусерьезно не высказывали мысли, что под маской лауреата скрывается атаман шайки злодеев, терроризующей целый край? Должен ли он серьезно рассматривать гипотезу, которой сами ее авторы не придавали ни малейшего вероятия?

А в конце концов, почему бы и нет? Правда, факты до сих пор не оправдали такую уверенность. Но они оправдывали всевозможные подозрения. И в действительности, если последующие наблюдения установят основательность подозрений, получится очень забавное приключение, когда одно и то же судно будет везти на такое далекое расстояние атамана бандитов и полицейского, которому предстоит его арестовать.

Этой своей стороной драма обещала превратиться в водевиль, и Карлу Драгошу противно было допустить мысль о возможности такого чудесного совпадения. Но специальные водевильные приемы разве не состоят единственно лишь в концентрации в одном и том же месте и на кратком отрезке времени недоразумений и сюрпризов, которых не замечают или которые кажутся менее веселыми в действительной жизни, по причине их разбросанности и, если можно так выразиться, их состояния разжиженности? Ведь совсем не логично попросту отбрасывать факт лишь на том основании, что он кажется ненормальным. Нужно быть более скромным и допустить бесконечное богатство случайных стечений обстоятельств.

Под властью этих забот Карл Драгош утром 28 августа после ночи, проведенной в поле, в нескольких километрах южнее Комарно, завел разговор по вопросу, которого до сих пор никогда не касался.

— Доброе утро, господин Бруш, — сказал он, выходя утром из каюты, где готовил план атаки.

— Доброе утро, господин Иегер, — ответил рыболов, который, как всегда, энергично греб.

— Вы хорошо спали, господин Бруш?

— Превосходно. А вы, господин Иегер?

— Гм... Гм... Так себе.

— Неужели? — сказал Илиа Бруш. — Почему же вы не сказали мне, если плохо себя чувствовали?

— Я совершенно здоров, господин Бруш, — возразил Иегер. — Но, тем не менее, ночь показалась мне чересчур длинной. Я совсем не огорчился, признаюсь, когда она кончилась.

— Потому что?..

— Потому что я немного побаивался, в чем хочу теперь признаться.

— Побаивались? — повторил Илиа Бруш тоном самого чистосердечного изумления.

— Это уже не в первый раз я боялся, — объяснил господин Иегер. — Мне всегда было не по себе, когда вам приходила фантазия ночевать вдали от города или деревни.

— Ба! — сказал Илиа Бруш, который точно свалился с облаков. — Нужно было сказать мне, и я бы устраивался по-другому.

— Вы забываете, что я обязался предоставить вам полную свободу действий. Обещанное надо выполнять, господин Бруш. Это не мешает мне по временам беспокоиться. Что поделаешь? Я горожанин, и на меня действуют это молчание и эта пустынная природа.

— Дело привычки, господин Иегер, — весело ответил Илиа Бруш. — Вы к этому тоже привыкнете, когда мы подольше попутешествуем. На самом-то деле меньше опасностей в чистом поле, чем в центре большого города, где бродят убийцы и грабители.

— Вероятно, вы правы, господин Бруш, но впечатлениями не распоряжаешься. Тем более, что мои страхи не совсем безрассудны в данном случае, потому что мы пересекаем область, пользующуюся особенно дурной славой.

— Дурной славой? — вскричал Илиа Бруш. — Откуда вы это взяли, господин Иегер? Я здесь живу, ваш

покорный слуга, и я никогда не слышал, что у этой местности дурная слава!

Теперь была очередь господина Иегера выразить живейшее удивление.

— Вы серьезно говорите, господин Бруш? — воскликнул он. — Тогда вы единственный человек, которому неизвестно то, что знают все от Баварии до Румынии.

— А что же именно? — спросил Илиа Бруш.

— Черт возьми! Что банда неуловимых злодеев регулярно опустошает берега Дуная от Пресбурга и до устья!

— Я впервые слышу об этом, — заявил Илиа Бруш с чистосердечным видом.

— Невозможно! — поразился господин Иегер. — Да ведь по всей реке ни о чем другом не говорят.

— Новости появляются каждый день, — спокойно заметил Илиа Бруш. — И давно начались эти грабежи?

— Уже около восемнадцати месяцев, — отвечал господин Иегер. — И если бы речь шла только о грабежах!.. Но негодяи не ограничиваются грабежами. Если им понадобится, они убивают. За эти восемнадцать месяцев совершено по меньшей мере десять убийств, виновники которых остались неизвестными. Как раз последнее убийство случилось менее чем в пятидесяти километрах отсюда.

— Я теперь понимаю ваше беспокойство, — сказал Илиа Бруш. — Может быть, и я разделял бы его, если бы был лучше осведомлен. В будущем мы станем останавливаться по вечерам как можно ближе к какой-либо деревне или городу, начиная с сегодняшнего ночлега, который устроим в Гроне.

— О, — одобрил господин Иегер, — там мы будем спокойны. Грон — значительный город.

— Я буду очень доволен, — продолжал Илиа Бруш,— что вы окажетесь там в безопасности; я ведь намерен покинуть вас в следующую ночь.

— Вы будете отсутствовать?

— Да, господин Иегер, но всего несколько часов. Из Грона, где я надеюсь быть довольно рано, я хочу съездить в Сальку, которая оттуда недалеко. Я ведь там живу, как вы знаете. Я, впрочем, вернусь еще до рассвета, и наше отправление завтра утром не задержится.

— Будь по-вашему, господин Бруш, — согласился господин Иегер. — Я понимаю, что вам хочется побывать у себя, а в Гроне, повторяю, мне нечего бояться.

На полчаса разговор прекратился. После перерыва Карл Драгош начал снова.

— Очень любопытно, — сказал он, — что вы никогда не слыхали разговоров об этих дунайских злодеях. Это тем любопытнее, что делом особенно занимались за несколько дней до рыболовного конкурса в Зигмарингене.

— По какому поводу? — спросил Илиа Бруш.

— По поводу создания специальной полицейской бригады под командованием очень искусного, как утверждают, начальника, некоего Карла Драгоша, сыщика из Будапешта.

— Ему хватит работы, — заметил Илиа Бруш, на которого это имя, по-видимому, не произвело никакого впечатления. — Дунай велик, и очень неудобно разыскивать людей, о которых ничего неизвестно.

— Вы ошибаетесь, — возразил господин Иегер. — Полиция кое-что знает. Совокупность собранных свидетельств дает, прежде всего, почти полную уверенность насчет атамана шайки.

— И каков же этот субъект? — спросил Илиа Бруш.

— Вообще говоря, это человек, внешне похожий на вас...

— Очень благодарен, — смеясь перебил Илиа Бруш.

— Да, — продолжал господин Иегер, — он примерно вашего роста и вашего телосложения, но в остальном как будто никакого сходства.

— Ну, это еще хорошо, — вздохнул Илиа Бруш с видом облегчения, который мог показаться смешным.

— Говорят, что у него прекрасные голубые глаза, и ему не приходится, как вам, носить очки. Впрочем, тогда как вы сильный брюнет и тщательно бреетесь, он ходит с бородой, как утверждают, белокурой. Насчет этого последнего пункта свидетельства, кажется, не очень достоверны.

— Конечно, это является указанием, — заметил Илиа Бруш, — но еще достаточно неясным. Блондинов много, и нельзя всех подозревать в преступлениях.

— Знают и другое. Прежде всего, говорят, что этот атаман болгарин... как и вы, господин Бруш!

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Илиа Бруш взволнованным голосом.

— По вашему акценту, — объяснил Карл Драгош с невинным видом, — я заключаю о вашем болгарском происхождении... Но, быть может, я ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь, — подтвердил Илиа Бруш после краткого колебания.

— Значит, этот атаман — ваш соотечественник. В народе его имя даже переходит из уст в уста.

— Даже!.. Так его знают?

— Разумеется, но это совсем не официально.

— Официально или полуофициально, но каково же имя этой подозрительной личности?

— Правильно или нет, но прибрежные жители относят злодеяния, от которых им столько приходится страдать, на счет некоего Ладко.

— Ладко!.. — повторил Илиа Бруш и, охваченный живейшим волнением, внезапно перестал грести.

— Ладко, — удостоверил Карл Драгош, наблюдая за собеседником уголком глаза.

Но тот уже овладел собой.

— Это странно, — сказал он просто, в то время как весло снова заработало в его руках.

— Что же здесь странного? — настаивал Карл Драгош. — Вы знаете этого Ладко?

— Я? — возразил рыболов. — Меньше всего на свете. Но ведь Ладко — это не болгарская фамилия. Вот что я вижу здесь странного.

Карл Драгош не стал продолжать разговора, который рисковал сделаться опасным и результаты которого уже удовлетворили его. Удивление рыболова, когда он услышал описание наружности преступника, смущение, когда была названа его предполагаемая национальность, волнение, когда он услышал имя, — всего этого нельзя было отрицать, и это давало новую силу первоначальным подозрениям, но не являлось, однако, решительным доказательством.

Как и предвидел Илиа Бруш, еще не было двух часов пополудни, когда баржа прибыла в Грон. За пятьдесят метров до ближайших домов рыболов причалил к левому берегу, чтобы его не задержали любопытные, как он объяснил, и попросил господина Иегера одного

переправиться на правый берег, где он окажется в центре города, на что пассажир согласился охотно.

Выполнив эту задачу, последний превратился в сыщика. Поставив баржу на якорь, он выпрыгнул на набережную в поисках своих людей.

Он не сделал и двадцати шагов, как столкнулся с Фридрихом Ульманом. Между двумя полицейскими произошел быстрый разговор.

— Все идет хорошо?

— Да.

— Нужно замыкать круг, Ульман. Отныне посты наших людей ставь через километр один от другого.

— Значит, становится горячо?

— Да.

— Тем лучше.

— На завтра задача — не терять меня из виду. У меня есть мысль ускорить дело.

— Понятно.

— И чтоб у меня не спали! Ухо востро! Спешить!

— Рассчитывайте на меня.

— Если что-нибудь узнаешь, сигнал с берега, не так ли?

— Условлено.

Собеседники разошлись, и Карл Драгош вернулся на суденышко.

Если бы отдых Драгоша не смущало беспокойство, которое он испытывал, то его нарушил бы в эту ночь оглушительный шум стихий. В полночь с востока пришла гроза и усиливалась с часу на час, а дождь свирепо хлестал.

В то время, когда Илиа Бруш вернулся на баржу, около пяти часов утра, дождь лил потоками, и ветер яростно дул как раз против течения. Рыболов, впрочем, отплыл, не колеблясь. Вытащив якорь, он выбрался на середину реки и возобновил свою привычную греблю. Нужна была подлинная смелость, чтобы приняться за работу в таких условиях после утомительной ночи.

В продолжение первых часов утра буря не показывала никакого намерения утихнуть, наоборот, она усиливалась. Баржа, несмотря на помощь течения, с трудом подвигалась против бешеного ветра, и после четырех часов усиленной работы она прошла только двенадцать

километров от Грона. Приток Ипель, на правом берегу которого расположена Салька, где, по словам Илиа Бруша, он побывал ночью, находился уже не очень далеко.

В это время гроза удвоила ярость, и положение сделалось очень опасным. Если Дунай и нельзя сравнить с морем, он все же достаточно широк, чтобы на нем могли возникать большие волны при сильном ветре. Так было и в этот день, и сила бури заставила Илиа Бруша искать убежища у левого берега.

Он до него не добрался.

Его отделяло от берега еще более пятидесяти метров, когда произошло ужасное и редкое явление природы. Несколько выше баржи деревья, росшие на берегу, внезапно устремились в реку, словно начисто срезанные гигантской косой. В то же время вода, поднятая неизмеримой мощью, набросилась на берег и отхлынула от него огромной волной, подхватившей и закружившей баржу.

Очевидно, в верхних слоях атмосферы образовался смерч и присосался к поверхности реки с неотразимой силой.

Илиа Бруш понял опасность. Энергичным ударом весла повернув лодку, он направил ее к правому берегу. Если этот маневр и не дал желанного результата, то все же рыболов и пассажир были ему обязаны спасением.

Подхваченная смерчем, продолжавшим свой яростный бег, баржа, по крайней мере, избежала поднимавшейся перед нею водяной горы. Поэтому ее не затопило, что стало бы неизбежно без маневра Илиа Бруша. Увлеченная наружным краем воздушного водоворота, баржа помчалась по дуге большого радиуса.

Слегка задетая воздушным осьминогом, щупальца которого на этот раз промахнулись, лодка не была засосана. В несколько секунд смерч пронесся мимо, и волны с ревом покатились вниз по реке, а сопротивление воды понемногу уменьшало скорость суденышка.

К несчастью, прежде чем эта скорость стала обычной, неожиданно возникла новая опасность. Прямо перед лодкой, рассекавшей воду со скоростью экспресса, рыболов внезапно заметил одно из вырванных деревьев, которое медленно плыло по течению вверх корнями.

Суденышко, налетев на корни, могло опрокинуться или, по меньшей мере, получить серьезные повреждения. Илиа Бруш испустил крик ужаса, заметив это непредвиденное препятствие.

Но Карл Драгош также увидел опасность и понял ее неизбежность. Не колеблясь, он устремился к носу лодки, схватил руками корни, торчавшие из воды, и, согнувшись дугой, чтобы лучше бороться с напором судна, силился избежать нежелательной встречи.

Ему это удалось. Баржа, отклонившись в сторону, пролетела, как стрела, задев сначала за корни, потом за верхушку дерева, покрытую листьями. Мгновение спустя она должна была оставить позади дерево, мягко увлекаемое потоком; но в это время одна из последних ветвей ударила Карла Драгоша прямо в грудь. Напрасно он сопротивлялся удару. Потеряв равновесие, он перелетел через борт и исчез в воде.

За его падением последовало другое, на этот раз добровольное. Илиа Бруш, увидев несчастье с пассажиром, без колебаний бросился на помощь.

Нелегко было рассмотреть что-либо в грязной воде, к тому же взволнованной недавним яростным смерчем. Целую минуту потратил Илиа Бруш напрасно и уже начал отчаиваться в спасении господина Иегера, когда нашел, наконец, этого несчастного под водой в бесчувственном состоянии.

Но это было к лучшему. Утопающий обычно бьется и бессознательно мешает спасти себя. Человек в обмороке — только неподвижная масса, спасение которой зависит исключительно от ловкости спасателя.

Илиа Бруш тотчас же поднял над водой голову господина Иегера и быстро поплыл к барже, которая в это время удалилась метров на тридцать. Он к ней приблизился в несколько взмахов, что показалось игрой для искусного пловца. Одной рукой он схватился за борт, а другой поддерживал все еще бесчувственного пассажира.

Оставалось теперь втащить господина Иегера на борт лодки, что было трудной задачей. Илиа Бруш ценой тысячи усилий благополучно справился с делом.

Положив утопленника на одну из кушеток в каюте, он снял с него одежду и, достав из сундука кусок шерстяной материи, начал энергичные растирания.

Вскоре господин Иегер открыл глаза и пришел в чувство. В общем, погружение в воду было непродолжительным и можно было надеяться, что оно обойдется без серьезных последствий.

— Ну, ну, господин Иегер, — вскричал Илиа Бруш, когда его пациент пришел в сознание, — вы решили понырять!

Господин Иегер слабо улыбнулся, не отвечая.

— Это ничего, — продолжал Илиа Бруш, не прекращая энергичных растираний. — Нет ничего лучше для здоровья, чем августовское купанье!

— Спасибо, господин Бруш, — пробормотал Карл Драгош.

— Не за что, — весело ответил рыболов. — Это я должен вас благодарить, господин Иегер, потому что вы дали мне превосходный предлог искупаться.

Силы Карла Драгоша возрастали на глазах. Хороший глоток водки, и все будет в порядке. К несчастью, Илиа Бруш, более взволнованный, чем старался показать, напрасно перерывал свои сундуки. Запасы спиртного истощились, и на борту баржи не осталось ни капли.

— Вот это досадно! — вскричал Илиа Бруш. — Ни капли водки в нашей кухне!

— Неважно, господин Бруш, — говорил Карл Драгош слабым голосом. — Мне стало гораздо лучше, уверяю вас.

Однако Карла Драгоша трясло, несмотря на его уверения, и прием подкрепительного был бы ему весьма полезен.

— Вы ошибаетесь, — отвечал Илиа Бруш, который не питал иллюзий насчет состояния пассажира, — это так просто не пройдет, господин Иегер. Предоставьте мне действовать. Это не займет много времени.

Мгновенно рыболов переменил мокрую одежду на сухую, потом несколькими ударами весла пригнал баржу к левому берегу, где крепко привязал ее.

— Немножко терпения, господин Иегер, — сказал Илиа Бруш, соскочив на берег. — Я знаю эту местность, так как вижу приток Ипель. Менее чем в полутора километрах есть деревня, где я найду все нужное. Я вернусь через полчаса.

Сказав это, Илиа Бруш удалился, не ожидая ответа.

Оставшись один, Карл Драгош опустился на постель. Он был разбит больше, чем хотел признаться, и, утомленный, закрыл глаза.

Но жизнь быстро брала свое; кровь билась в его жилах. Скоро он открыл глаза и посмотрел вокруг себя.

Прежде всего его еще смутный взор привлек один из сундуков, который Илиа Бруш в спешке перед уходом забыл закрыть. Внутренность этого сундука, разво-

роченная в бесполезных поисках, представляла сборище разных вещей. Грубое белье, одежда, сапоги с толстыми подошвами громоздились там в беспорядке.

Почему глаза Карла Драгоша внезапно заблестели? Неужели это зрелище, способное, однако, вызвать мало восторга, заинтересовало его до такой степени, что он после нескольких секунд внимательного рассматривания поднялся на локте, чтобы лучше видеть внутренность ящика?

Конечно, ни одежда, ни белье не могли возбудить такое любопытство нескромного пассажира, но среди этих предметов испытующий взгляд сыщика увидел нечто более достойное его внимания.

Это был наполовину раскрытый портфель, из которого вываливались многочисленные бумаги. Портфель! Бумаги! Здесь, без сомнения, был ответ на те вопросы, которые Карл Драгош задавал себе уже несколько дней.

Сыщик не мог сдержаться. После короткого колебания он нарушил закон благодарности за гостеприимство, рука его потянулась в сундук и вытащила соблазнительный портфель с его содержимым, которое он тотчас начал рассматривать.

Прежде всего письма, которые Карл Драгош немедленно начал читать; они были адресованы Илиа Брушу в Сальку. Затем документы, среди которых квитанции в оплате квартиры на то же имя. Во всем этом не было ничего интересного.

Карл Драгош уже хотел все это бросить, но последний документ заставил его задрожать. Не было, однако, ничего более невинного, и следовало быть полицейским, чтобы испытать перед таким «документом» иное чувство, кроме глубокой симпатии.

Это был портрет, портрет молодой женщины, совершенная красота которой вдохновила бы живописца. Но полицейский не был художником, и не от восторга перед этим восхитительным лицом забилось сердце Карла Драгоша. Он даже едва рассмотрел его черты. По правде говоря, он ничего не заметил в этом портрете, кроме простой надписи, сделанной по-болгарски внизу фотографии. «Моему дорогому мужу от Натчи Ладко» — таковы были слова, которые прочитал ошеломленный Карл Драгош.

Итак, его подозрения оправдались, и заключения, основанные на замеченных им странностях, оказались логичными. Ладко! Это все-таки с Ладко он спускался по Дунаю столько дней. Это все-таки был опасный преступник, напрасно разыскиваемый до сих пор и скрывшийся под безобидной внешностью лауреата «Дунайской лиги».

Как же должен вести себя Карл Драгош после такого открытия? Он еще не успел принять решения, как шум шагов на берегу заставил его быстро бросить портфель в глубину сундука, крышку которого он закрыл. Но вновь пришедший не мог быть Илиа Брушем, который ушел всего десять минут назад.

— Господин Драгош! — позвал голос снаружи.

— Фридрих Ульман! — пробормотал Карл Драгош, который с трудом поднялся и шатаясь вышел из каюты.

— Извините, что я вас позвал, — сказал Фридрих Ульман, увидев начальника. — Но я заметил, что ваш компаньон ушел, и знал, что вы один.

— Что у тебя? — спросил Карл Драгош.

— Новости, сударь. В эту ночь совершено преступление.

— В эту ночь! — вскричал Карл Драгош, тут же подумав об отсутствии Илиа Бруша в предшествующую ночь.

— Поблизости отсюда разгромлена вилла. Пострадал сторож.

— Убит?

— Нет, тяжело ранен.

— Хорошо, — сказал Карл Драгош, сделав подчиненному знак молчать.

Он погрузился в глубокое раздумье. Что делать? Конечно, действовать, и для этого у него хватало сил. Новость, которую он только что получил, оказалась наилучшим лекарством. Не осталось даже следов от случая, жертвой которого он только что чуть не сделался. Ему даже не пришлось опираться на крышу каюты. От нервного возбуждения кровь волнами приливала к его лицу.

Да, надо действовать, но как? Дождаться ли возвращения Илиа Бруша, или, вернее, Ладко, потому что таково было настоящее имя его компаньона по путешествию, и неожиданно положить ему руку на плечо именем закона? Это было бы наиболее благоразумным, потому что отныне не было никакого сомнения в виновности так называемого рыболова. Старание скрыть свою настоящую личность, тайна, его окружавшая, имя, которое оказалось его собственным и которое народная молва приписывала атаману бандитов, его отсутствие в прошлую ночь, совпавшее с совершением нового преступления, — все говорило Карлу Драгошу, что Илиа Бруш и есть разыскиваемый бандит.

Но этот бандит спас ему жизнь!.. Вот что осложнило положение!

Как могло получиться, что грабитель, более того — убийца бросился в воду, чтобы вытащить его? И если эта невероятная вещь произошла, возможно ли было только что вырванному от смерти так ответить на преданность своего спасителя? Какой риск, в самом деле, отсрочить арест? Теперь, когда фальшивый Илиа Бруш разоблачен, когда его личность установлена, ему невозможно ускользнуть от полицейских агентов, разбросанных по реке, и если расследование приведет в самом деле к так называемому рыболову, у Карла Дра-

гоша под руками окажется более многочисленный персонал, и арест легче будет произвести.

В продолжение пяти минут Карл Драгош на всякие лады обдумывал решение, которое ему предстояло принять.

Отправиться, не повидав Илиа Бруша? Или остаться, спрятать Фридриха Ульмана в засаду в каюте и, когда рыболов появится, неожиданно броситься на него, отложив объяснения на дальнейшее?.. Нет, решительно нет. Ответить таким предательством на самоотверженный поступок — это разрывало ему сердце. Лучше было, рискуя дать виновному возможность спастись, начать розыски и на время забыть то, что он знал. Если следствие все-таки приведет его, в конце концов, к Илиа Брушу, если долг заставит его рассматривать своего спасителя как врага, тогда по крайней мере они станут биться лицом к лицу и после того, как Драгош даст ему время приготовиться к защите.

Одобрив жестом все последствия, вытекавшие из его решения, Карл Драгош скрылся в каюте. Поспешно набросанной запиской он предупредил Илиа Бруша о необходимости отлучиться, и просил хозяина подождать его по меньшей мере сутки. Потом он собрался уходить.

— Сколько у нас людей? — спросил он, выйдя из кабины.

— На месте двое, но уже объявлен сбор. В этот вечер у нас будет двенадцать.

— Хорошо, — одобрил Карл Драгош. — Ты, кажется, сказал, что место преступления недалеко?

— Всего в двух километрах, — ответил Ульман.

— Веди меня, — сказал Карл Драгош и выпрыгнул на берег.

ДВА ПОРАЖЕНИЯ КАРЛА ДРАГОША

В северной части Венгрии Карпаты описывают огромную дугу, западная оконечность которой разделяется на две второстепенные ветви. Одна из них кончается у Дуная на высоте Пресбурга; другая достигает реки в окрестностях Грона, где она оканчивается на правом берегу горой Пилиш в семьсот шестьдесят шесть метров высоты.

Преступление совершилось у подножия этой невысокой горы, куда отправился Карл Драгош, чтобы попытаться отыскать виновников ужасных преступлений, которые ему поручили расследовать.

Украдкой покинув баржу, он сделал над собой усилие и, несмотря на слабость, принял приглашение Фридриха Ульмана. А за несколько часов до того тяжело нагруженная телега остановилась перед плохонькой гостиницей, построенной у подножия одного из холмов, которыми гора Пилиш спускается в долину Дуная.

Положение этого постоялого двора было очень удачно выбрано с коммерческой точки зрения. Он стоял на скрещении трех путей, которые направлялись — один к северу, другой — к юго-востоку и третий — к северо-западу. Эти три пути примыкали к Дунаю: северный — к дуге, которую он описывает перед горой Пилиш, юго-восточный — у города Сентендре, а северо-западный — у города Грон; гостиница была расположена как бы между ножками огромного циркуля, образованного рекой, и ее не могли миновать ломовики, подвозившие товар для перегрузки на суда.

Дунай, который после Грона течет с запада на восток, уклоняется к югу на некотором расстоянии от притока Ипель, потом направляется к северу, описав полуокружность небольшого радиуса. Но почти тотчас он снова извивается, чтобы принять направление с севера на юг, по которому затем следует достаточно долго.

В момент, когда повозка остановилась, солнце едва поднялось. Все еще спали в доме, толстые ставни которого были крепко закрыты.

— Эй там, в трактире! — закричал один из двоих людей, сопровождавших повозку, колотя в дверь рукояткой бича.

— Сейчас! — отвечал изнутри внезапно разбуженный трактирщик.

Через мгновение всклокоченная голова показалась в окне первого этажа.

— Чего вам? — бесцеремонно спросил трактирщик.

— Сначала есть, потом спать, — ответил возчик.

— Сейчас, — сказал хозяин, исчезая внутри.

Повозка въехала во двор через широко открытые ворота. Возчики поспешили отпрячь лошадей и отвести

в конюшню, где им был засыпан обильный корм. Все это время хозяин не переставал вертеться около ранних посетителей. Очевидно, ему хотелось завязать разговор, но ломовики, напротив, не желали отвечать.

— Вы очень рано приехали, друзья, — не унимался трактирщик. — Наверно, были в дороге ночью?

— Наверно, — ответил один из возчиков.

— И далеко направляетесь?

— Далеко или близко — это наше дело, — был ответ.

Трактирщик воздержался от замечаний.

— Зачем ты мучишь этого добряка, Фогель? — вмешался другой возчик, до того не открывавший рта. — У нас нет причин скрывать, что мы направляемся в Сентендре.

— Возможно, что мы и не скрываем, — грубо возразил Фогель, — но, я думаю, это не касается никого.

— Конечно, — согласился трактирщик, угодливый, как истый коммерсант. — Я расспрашивал просто по привычке... Господа желают кушать?

— Да, — ответил тот из двух ломовиков, который казался менее грубым. — Хлеба, сала, окорок, сосиски — все, что у тебя есть.

Повозка, очевидно, прошла длинный путь, так как голодные возчики усердно налегли на еду. Они устали и потому не засиделись за столом. Съев последний кусок, они отправились спать, один на соломе в конюшне, близ лошадей, другой под покрышкой повозки.

Был полдень, когда они появились снова. Они опять потребовали еды, и им подали обед, как и в первый раз, в большой зале трактира. Теперь они отдыхали и не торопились. За десертом последовали стаканы с водкой, которая исчезала в их грубых глотках, как вода.

После полудня несколько телег останавливалось возле трактира, и многочисленные пешеходы заходили выпить глоточек. Это были по большей части крестьяне, которые с котомкой за спиной и с посохом в руке возвращались в Грон. Почти все они были завсегдатаи, и трактирщику приходилось только радоваться, что у него столь необходимая в его профессии крепкая голова, так как он выпивал почти со всеми клиентами. Это называлось делать коммерцию. Разговаривая, выпивали, а

за разговором пересыхали глотки, и это требовало новых возлияний.

Как раз в этот день для разговоров хватало пищи. Совершенное ночью преступление занимало все умы. Новость была принесена первыми прохожими, и каждый добавлял какую-нибудь неизвестную еще подробность или выражал личное мнение.

Так трактирщик постепенно узнал, что великолепная вилла графа Хагенау, расположенная в пятистах метрах от Дуная, была ограблена и что сторожа Христиана серьезно ранили; что преступление, без сомнения, дело неуловимой банды преступников, которым приписывались все нераскрытые злодейства, и что бандитов ищет бригада, недавно созданная для надзора за рекой.

Два возчика не вмешивались в крикливые разговоры и рассуждения о событии. Они молчаливо оставались в сторонке, но, по-видимому, немало были заинтересованы тем, что волновало всех.

Однако шум понемногу утих, и к половине седьмого вечера они снова остались одни в большой зале, откуда только что удалился последний посетитель. Один из них позвал трактирщика, который старательно полоскал стаканы за стойкой. Тот немедленно подбежал.

— Что угодно господам? — спросил он.

— Ужинать, — отвечал возчик.

— А потом, конечно, спать? — спросил трактирщик.

— Нет, хозяин, — ответил тот из ломовиков, который казался более общительным. — Мы рассчитываем отправиться к ночи.

— К ночи?.. — удивился трактирщик.

— Конечно, чтобы к рассвету быть на месте назначения.

— В Сентендре?

— Или в Гроне. Это будет зависеть от обстоятельств. Мы ожидаем приятеля, который принесет нам нужные сведения. Он скажет, где выгоднее сбыть товар.

Трактирщик вышел из комнаты, чтобы приготовить кушанья.

— Ты слышал, Кайзерлик? — тихо сказал младший возчик, наклоняясь к компаньону.

— Да.

— Дело открыто.

— Но ты же не рассчитывал, я полагаю, что оно останется в тайне?

— И полиция повела кампанию.

— Пусть себе ведет.

— Под начальством Драгоша, как утверждают.

— Это другое дело, Фогель. По-моему, те, которые боятся только Драгоша, могут спать спокойно.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что я сказал, Фогель.

— Значит, Драгош будет...

— Что?

— Устранен?

— Завтра увидишь. А пока молчок! — кончил возчик, увидев входящего трактирщика.

Тот, кого ждали ломовики, появился только с наступлением ночи. Между тремя сообщниками состоялся быстрый разговор.

— Уверяют, что полиция на следу, — тихо сказал Кайзерлик.

— Она ищет, но не найдет.

— А Драгош?

— Захвачен.

— Кто сделал дело?

— Титча.

— Тогда все хорошо... А нам что делать?

— Немедленно запрягать.

— Чтобы отправиться...

— В Сентендре. Но за полкилометра отсюда повернете назад. Трактир уже закроется, вы проедете незаметно и направитесь на север. Когда вас будут считать в той стороне, вы окажетесь в противоположной.

— Где шаланда?

— В бухте у Пилиша.

— Встреча там?

— Нет, поближе, на поляне, слева от дороги. Ты ее знаешь?

— Да.

— Полтора десятка наших будут там. Вы их встретите.

— А ты?

— Я вернусь за остальными, которых оставил сторожить. Приведу их с собой.

— Тогда в путь, — согласились возчики.

Пять минут спустя телега двинулась. Хозяин, полуоткрыв створку ворот, вежливо поклонился клиентам.

— Итак, решено, вы в Грон? — спросил он.

— Нет, — ответили возчики, — в Сентендре, приятель.

— Счастливого пути, ребята!

— Спасибо, друг!

Повозка покатилась направо, к западу, по дороге в Сентендре. Когда она скрылась в темноте, субъект, которого ждали весь день Кайзерлик и Фогель, в свою очередь удалился в противоположном направлении по дороге в Грон.

Трактирщик ничего не заметил. Не занимаясь проезжими, которых, вероятно, никогда больше не увидит, он спешил закрыть дом и улечься на покой.

Телега, которую не спеша везли лошади, через полкилометра повернула, следуя приказу, и направилась назад по только что пройденному пути.

Когда она снова оказалась против гостиницы, все было уже, в самом деле, закрыто, и телега могла миновать это место без всяких происшествий, но собака, уснувшая посреди дороги, сорвалась с места с таким

громким лаем, что испуганная пристяжная рванулась к обочине дороги. Возчики быстро направили лошадь куда следует, и телега исчезла в темноте.

Было около половины одиннадцатого, когда, оставив наезженную дорогу, телега проникла в лесок, темная масса которого поднималась налево. Она вскоре остановилась.

— Кто идет? — спросил голос из потемок.

— Кайзерлик и Фогель, — отозвались возчики.

— Проезжайте, — ответил голос.

Миновав первые ряды деревьев, телега въехала на поляну, где спали десятка полтора людей, растянувшись на мху.

— Атаман здесь? — спросил Кайзерлик.

— Нет еще.

— Он нам приказал тут ждать.

Ожидание было недолгим. Через какие-нибудь полчаса атаман, тот самый субъект, которого так долго ждали в трактире, появился в свою очередь с дюжиной сообщников, так что численность членов шайки превысила два с половиной десятка.

— Все здесь? — спросил он.

— Да, — ответил Кайзерлик, который, казалось, пользовался в банде некоторой властью.

— А Титча?

— Я здесь, — послышался звучный голос.

— Ну? — с беспокойством спросил атаман.

— Полный успех. Птичка в клетке, на борту шаланды.

— В таком случае отправляемся да побыстрее, — приказал атаман. — Шесть человек на разведку, остальные позади, повозка в середине. До Дуная не более пятисот метров, и перегрузку сделаем одним махом. Тогда Фогель уведет телегу, и все местные спокойно возвратятся к себе. Прочие сядут на шаланду.

Едва лишь начали выполнять приказ, как один из людей, оставленных настороже близ дороги, прибежал во всю прыть.

— Тревога! — тихо сказал он.

— Что там такое? — спросил главарь банды.

— Слушайте!..

Все навострили уши. С дороги послышался шум иду-

щих людей. К этому шуму примешался звук голосов. Расстояние не превышало сотни туазов [1].

— Оставаться на поляне, — приказал атаман. — Эти люди пройдут, не заметив нас.

Конечно, их не увидят в полной тьме, но дело могло стать более серьезным: если, на их несчастье, по дороге шел взвод полиции, то он направится к реке. Может быть, судно даже найдут, однако все предосторожности были приняты. Пусть агенты полиции переворошат его сверху донизу, они не обнаружат ничего подозрительного. Но если полиция не подозревает о присутствии шаланды, она, возможно, останется в засаде в окрестностях, а в этом случае было бы неблагоразумно отправить повозку.

В конце концов, придется действовать по обстоятельствам. Прождав следующий день на поляне, если потребуется, некоторые из людей спустятся ночью к Дунаю и удостоверятся в отсутствии полицейских.

В данный момент самое важное не быть обнаруженными и ничем не выдать себя приближавшейся группе.

Эта последняя не замедлила достигнуть места, где дорога шла вдоль поляны. Несмотря на темноту ночи, можно было рассмотреть, что она состоит из дюжины людей, и многозначительное позванивание стали показывало, что они были вооружены. Группа уже почти миновала поляну, когда неожиданный случай совершенно изменил положение вещей. Одна из лошадей, испуганная появлением людей на дороге, испустила звонкое ржание, которое повторила ее товарка.

Маршировавшая группа остановилась.

Это действительно был наряд полиции, который спускался к реке под начальством Карла Драгоша, совершенно исцелившегося от последствий утреннего происшествия.

Быть может, если бы люди на поляне знали эту подробность, их беспокойство возросло бы. Но, как уже сказано, их атаман считал, что страшный полицейский вышел из строя. Как он допустил такую ошибку, почему он думал, что ему не придется считаться с противником,

---

[1] *Туаз* — старинная французская мера длины, равная 1 метру 95 сантиметрам.

который как раз стоял лицом к лицу с ним, это читатель скоро узнает из продолжения нашего рассказа.

Когда утром этого дня Карл Драгош выпрыгнул на берег, подчиненный повел его вверх по реке. Метров через двести-триста они нашли спрятанную у берега лодку, в которую и сели. Тотчас же весла, которыми сильно греб Фридрих Ульман, понесли легкое суденышко на другой берег реки.

— Значит, преступление совершено на правом берегу? — спросил Карл Драгош.

— Да, — ответил Фридрих Ульман.

— Где?

— Вверху. В окрестностях Грона.

— Как? В окрестностях Грона? — вскричал Драгош. — Ведь ты мне только что говорил, что это недалеко.

— Это недалеко, — сказал Ульман. — Тут не больше трех километров.

На самом деле там было четыре, и этот длинный переход не без труда совершил человек, только что ускользнувший от смерти. Несколько раз Карл Драгош должен был останавливаться, чтобы перевести дыхание. Было около трех часов пополудни, когда он достиг, наконец, виллы графа Хагенау, где его ждали служебные обязанности.

Как только ему стало лучше благодаря принятому лекарству, Карл Драгош приказал вести себя к постели сторожа Христиана Хоэля. Перевязанный несколько часов назад хирургом из окрестностей, сторож лежал с бледным лицом, с закрытыми глазами, тяжело дыша. Хотя рана была очень серьезной и затронула легкое, можно было надеяться, что Хоэль поправится, если его не будут беспокоить.

Все же Карлу Драгошу необходимо было получить некоторые сведения, и сторож дал их задыхающимся, прерывистым голосом. Путем терпеливых расспросов сыщик узнал, что шайка преступников в составе пятишести человек, самое меньшее, ворвалась в виллу, взломав дверь. Сторож Христиан Хоэль, разбуженный шумом, едва успел подняться, как получил удар кинжалом между лопаток. Поэтому он не знал, что было дальше, и не мог дать никаких указаний насчет нападавших.

Впрочем, он услыхал, что их атаманом был некий Ладко, имя которого сообщники назвали несколько раз с непонятным бахвальством. Лицо Ладко закрывала маска, это был высокий здоровяк с голубыми глазами и большой белокурой бородой.

Эта последняя подробность, способная укрепить подозрения, которые он питал против Илиа Бруша, однако, смутила Карла Драгоша. Илиа Бруш тоже был блондин, это несомненно, но этот блондин перекрасился в брюнета, а краску нельзя снять вечером, чтобы восстановить ее завтра, как можно сделать с париком. В этом было серьезное затруднение, которое Карл Драгош решил выяснить на досуге.

Сторож Христиан не мог, впрочем, дать ему более подробных сведений. Он ничего не мог сказать о других нападавших; они, как и их вожак, из осторожности замаскировались.

Заполучив эти данные, сыщик предложил несколько вопросов о вилле графа Хагенау. Как он узнал, это было очень богатое жилище, обставленное с княжеской роскошью. Драгоценностями, серебром и ценными предметами изобиловали шкафы, на каминах и столах были произведения искусства, на стенах старинные ковры и картины мастеров живописи. Ценные бумаги оставались на хранении в несгораемом шкафу, в первом этаже. Нет сомнений, что похитители получили прекрасную добычу.

Это Карл Драгош мог, в самом деле, легко установить, пройдясь по комнатам виллы. Грабеж был полный, совершенный с замечательной методичностью. Громилы, как люди со вкусом, не обременяли себя малоценными вещами. Дорогие предметы исчезли; большие голые квадраты на стенах остались на месте содранных ковров; лишенные лучших полотен, искусно вырезанных, печально висели пустые рамы. Грабители присвоили картины из числа самых дорогих и ковры, самые роскошные. Несгораемый шкаф был взломан, и его содержимое исчезло.

«Это все не унести людям на спине, — сказал сам себе Карл Драгош, осмотрев опустошения. — Здесь было чем нагрузить целую повозку. Нужно ее искать».

Допрос и первоначальный осмотр по необходимости отняли много времени. Приближалась ночь. Важно было

до полного ее наступления обнаружить следы телеги, которой, по мнению полицейского, обязательно должны были воспользоваться грабители. Сыщик поспешил выйти из виллы. Ему не пришлось далеко идти. В обширном дворе виллы он нашел на земле следы колес, отпечатавшиеся перед разбитой дверью, и почва была там изрыта копытами долго ожидавших лошадей.

Заметив все это с одного взгляда, Карл Драгош приблизился к месту, где стояли лошади, и внимательно осмотрел почву. Потом, оставив двор, он снова тщательно осмотрел на протяжении сотни метров дорогу, ведущую от решетки виллы к шоссе, и самое шоссе.

Вернувшись обратно, он позвал:

— Ульман!

— Сударь? — ответил агент, приблизившись к начальнику.

— Сколько у нас людей?

— Одиннадцать.

— Мало, — заметил Драгош.

— Однако, — заметил Ульман, — сторож Христиан считает, что нападавших было не более пяти-шести.

— У сторожа Христиана свое мнение, а у меня свое, — возразил Драгош. — Что ж, придется довольствоваться тем, что есть. Ты оставишь одного человека здесь, десять возьмешь с собой. С нами двумя будет дюжина. Это уже кое-что.

— У вас есть какие-нибудь указания? — спросил Фридрих Ульман.

— Я знаю, где наши грабители... По крайней мере, в какой стороне.

— Осмелюсь ли спросить?.. — начал Ульман.

— Откуда я взял такую уверенность? — закончил Карл Драгош. — Ну, это детская забава. Прежде всего, я увидел, что вещей взято слишком много, — значит, нужна была повозка. Я искал эту повозку и нашел ее след. Это телега на четырех колесах, в которую запряжены две лошади; у пристяжной недостает гвоздя на правой передней подкове.

— Как вы смогли все это узнать? — спросил Фридрих Ульман.

— Потому что прошлой ночью шел дождь, и плохо просохшая почва сохранила отпечатки. Я также

узнал, что телега, оставив виллу, повернула налево, в направлении, противоположном дороге на Грон. Мы пойдем туда по следу лошади с приметной подковой. Вряд ли вероятно, чтобы наши молодчики путешествовали днем. Они, без сомнения, прячутся где-нибудь до вечера. А эта область мало населена, и дома здесь немногочисленны. Мы перероем все те, какие попадутся на дороге. Собирай людей, так как уже наступает ночь и дичь должна выбираться на волю.

Карл Драгош и его подчиненные шли медленно, ища новых следов преступников. Было около половины одиннадцатого, когда, напрасно посетив две-три фермы, они добрались до трактира на скрещении трех путей, где два возчика провели день и откуда они отправились всего за три четверти часа до того. Карл Драгош повелительно застучал в дверь.

— Именем закона! — провозгласил Карл Драгош, когда в окне показался трактирщик, сон которого вторично нарушался в этот день, как было предписано судьбой.

— Именем закона!.. — повторил трактирщик, испуганный тем, что его дом окружила многочисленная группа людей. — А что я такое сделал?

— Спускайся, и тебе все объяснят. Но не мешкай, — нетерпеливо сказал Драгош.

Когда полуодетый трактирщик открыл дверь, полицейский быстро его допросил. Прибыла ли сюда утром повозка? Сколько людей ее сопровождало? Останавливалась ли она здесь? Куда отправилась?

Ответы не заставили себя ждать. Да, повозка с двумя людьми прибыла в гостиницу рано утром. Она там оставалась до вечера и отбыла только по прибытии третьего лица, которого ждали два возчика. Уже пробило половину десятого, когда она удалилась в направлении Сентендре.

— В Сентендре? — настойчиво переспросил Карл Драгош. — Ты в этом уверен?

— Уверен, — утверждал трактирщик.

— Тебе сказали или сам видел?

— Сам видел.

— Гм!.. — пробормотал Карл Драгош и прибавил: —

Хорошо. Ложись спать, приятель, да держи язык за зубами.

Трактирщик не заставил просить себя дважды. Дверь закрылась, и наряд полиции остался на дороге.

— Минутку! — скомандовал Карл Драгош своим людям, которые неподвижно ждали, и с фонарем в руке тщательно исследовал почву.

Сначала он не заметил ничего подозрительного, но вот, пересекая дорогу, он подошел к ее обочине. Здесь земля, менее изрытая проезжающими телегами и не так основательно замощенная, сохранила некоторую мягкость. С первого же взгляда Карл Драгош открыл отпечаток подковы, где не хватало гвоздя, и увидел, что лошадь, обладательница приметной подковы, направлялась не к Сентендре и не к Грону, но прямо к реке по северной дороге. По этой же дороге устремился Карл Драгош во главе своих людей.

Три километра были пройдены без всяких происшествий по совершенно пустынной местности, когда налево от дороги раздалось лошадиное ржанье. Удержав людей жестом, Карл Драгош направился к опушке леска, который неясно различался в темноте.

— Кто идет? — вскричал громкий голос.

Никакого ответа не было на этот вопрос. Один из агентов по приказу начальника зажег смолистый факел. Его дымное пламя живо озарило безлунную ночь, но свет угасал в нескольких шагах, бессильный рассеять мрак, еще более сгустившийся под деревьями.

— Вперед! — скомандовал Драгош, проникая в заросли во главе взвода.

Но лес имел своих защитников. Едва только они миновали опушку, как повелительный голос произнес:

— Ни шагу дальше, иначе мы стреляем!

Эта угроза не могла остановить Карла Драгоша, тем более, что при смутном свете факела он, казалось, различил неподвижную массу, без сомнения, повозку, а вокруг нее группировались люди, численность которых сыщик не мог определить.

— Вперед! — скомандовал он снова.

Повинуясь приказу, полицейские продолжали продвигаться, правда неуверенно, в этом незнакомом лесу. Трудности еще увеличились. Внезапно факел был выбит из рук агента, который его нес. Тьма сделалась полной.

— Увалень! — заворчал Драгош. — Свету, Франц, свету!

Его досада была тем больше, что при последнем мерцании угасавшего факела он увидел, как повозка начала отступать, удаляясь под деревья. К несчастью, о преследовании не могло быть и речи. Взвод полиции встретил живую стену. Перед каждым агентом было два-три противника, и Драгош немного поздно понял, что не располагает достаточными силами для победы. До сих пор еще не было сделано ни одного выстрела ни с той, ни с другой стороны.

— Титча! — позвал в это время голос из мрака.

— Здесь! — отвечал другой голос.

— Повозка?

— Отправилась.

— Тогда надо с этим кончать.

Эти голоса Драгош запомнил. Он никогда их не забудет.

Когда кончился этот краткий разговор, в ход пошли револьверы, сотрясая воздух сухим треском выстрелов. Пули ранили нескольких полицейских, и Карл Драгош,

поняв, что упорствовать бессмысленно, скомандовал отступление.

Наряд полиции выбрался на дорогу, и победители не рискнули его преследовать; ночь обрела утраченный покой.

Сначала нужно было заняться ранеными. Трое полицейских были задеты пулями. После перевязки их отправили назад в сопровождении четырех товарищей. Драгош с Ульманом и тремя другими агентами устремились через поле к Дунаю, слегка уклоняясь в направлении Грона. Сыщик без труда нашел место, где причалил за несколько часов перед этим, и лодку, в которой они с Ульманом переплыли реку. В нее сели пять человек и, перебравшись на левый берег Дуная, стали спускаться по течению.

Карл Драгош потерпел поражение, но задумал взять реванш. Что Илиа Бруш и слишком известный Ладко были одним и тем же человеком, в этом сыщик теперь не сомневался; он убедил сам себя, что тот был виновником преступления предыдущей ночи. Очевидно, Ладко спрятал добычу и, не зная, что его шайка открыта, поспешит снова принять фальшивый облик, который до сих пор позволял ему обманывать полицию. Перед рассветом он, конечно, вернется на баржу и станет ждать отсутствующего пассажира, как сделал бы безобидный и честный рыболов, каким Ладко хотел казаться.

Пять решительных людей будут тогда в засаде. Эти пятеро, побежденные Ладко и его бандой, легко восторжествуют над сопротивлением, которое может оказать им этот Ладко, принужденный в одиночестве играть роль Илиа Бруша.

Этот хорошо задуманный план, к несчастью, был неисполним. Карл Драгош и его люди могли как угодно обследовать реку, но баржу рыболова оказалось невозможно разыскать. Драгош и Ульман без труда нашли место, где была стоянка Бруша, но не обнаружили ни малейших следов баржи. Баржа исчезла, и Илиа Бруш вместе с ней.

С Карлом Драгошем сыграли злую шутку, и это наполнило его яростью.

— Фридрих, — сказал он подчиненному, — я выдохся до конца и не в силах сделать больше ни шагу. Мне

надо уснуть на траве, чтобы набраться немного сил. Но один из наших людей должен взять лодку и немедленно подняться в Грон. Как только откроется почтовое отделение, он должен послать телеграмму. Зажги фонарь. Я буду диктовать, пиши.

Фридрих Ульман молча повиновался.

— «Этой ночью совершено преступление в окрестностях Грона. Добыча погружена на шаланду. Строго проводить предписанные обыски».

Вот одна, — сказал Драгош, прерывая диктовку. — А теперь другая:

«Мандат на арест так называемого Ладко, ложно именующего себя Илиа Брушем и играющего роль лауреата «Дунайской лиги» на последнем конкурсе в Зигмарингене. Упомянутый Ладко, он же Илиа Бруш, обвиняется в грабежах и убийствах».

Пусть эта телеграмма будет немедленно передана во все без исключения прибрежные населенные пункты, — приказал Карл Драгош и в изнеможении растянулся на земле.

ПЛЕННИК

Подозрения Карла Драгоша, которые открытие женского портрета окончательно подкрепило, не были целиком ошибочны, время сказать об этом читателю для лучшего понимания нашего рассказа. В одном пункте, по крайней мере, Карл Драгош рассуждал правильно. Да, Илиа Бруш и Сергей Ладко — одно лицо. Напротив, Драгош серьезно ошибался, когда приписывал своему компаньону по путешествию целый ряд грабежей и убийств, которые столько месяцев нарушали спокойствие дунайской области, и, в частности, последнее преступление — разграбление виллы графа Хагенау и ранение сторожа Христиана. Ладко, впрочем, не думал, что его пассажир имел подобные мысли. Он только знал, что его фамилией называли известного преступника, и не мог понять, как могло получиться такое недоразумение.

Сперва Ладко был поражен сообщением об ужасном однофамильце, который, к довершению несчастья, оказался его соотечественником, и испытал инстинктивный

страх. Но что ему, в конце концов, до преступника, с которым у него общим было только имя? Невиновному нечего бояться. О, он, конечно, был невиновен во всех этих преступлениях.

Вот почему Сергей Ладко, которому мы отныне присвоим его настоящее имя, спокойно оставил баржу в предыдущую ночь, чтобы побывать в Сальке, как он и объявил. Он, в самом деле, скрывался в этом маленьком городке после отъезда из Рущука; там он в течение долгих недель ждал под именем Илиа Бруша известий от своей дорогой Натчи.

Ожидание, как уже известно, сделалось для него невыносимым, и он напрасно искал средства проникнуть инкогнито в Болгарию, когда ему случайно попал на глаза номер газеты «Пестер Ллойд», где с большой сенсацией сообщалось о предстоящем рыболовном конкурсе в Зигмарингене. Читая статью, посвященную соревнованию, изгнанник, такой же искусный рыболов, как и признанный лоцман, составил план, самая причудливость которого обещала, быть может, успех.

Под именем Илиа Бруша, которое он носил в Сальке, он вступит в «Дунайскую лигу», явится на конкурс в Зигмарингене и, благодаря виртуозному искусству рыболова, завоюет первый приз. Придав, таким образом, своему вымышленному имени известность, он с большим шумом и даже с возможным заключением пари объявит о намерении спуститься по Дунаю с удочкой от истоков до устья. Не было сомнений, что этот проект взволнует любителей-рыболовов и создаст его автору репутацию среди остальной публики.

Обеспечив себе бесспорное гражданское положение, так как обычно к «звездам» питают слепое доверие, Сергей Ладко в самом деле начнет спускаться по Дунаю. Разумеется, он будет, насколько возможно, ускорять ход своей лодки и станет терять на рыбную ловлю минимум времени. И все же он заставит говорить о себе во время плавания, чтобы о нем не забывали и чтобы он мог открыто высадиться в Рущуке под защитой приобретенной известности.

Чтобы благополучно достигнуть этой единственной цели его предприятия, никто не должен будет заподоз-

рить его настоящее имя или в наружности рыболова Илиа Бруша узнать черты лоцмана Сергея Ладко.

Первое условие легко было осуществить. Достаточно, преобразившись в лауреата «Дунайской лиги», безошибочно играть эту роль. Сергей Ладко поклялся самому себе оставаться Илиа Брушем наперекор всему, что бы ни случилось во время путешествия. Можно было, впрочем, предполагать, что путешествие совершится медленно, но верно, и что никакие приключения не сделают его клятву трудной для выполнения. Удовлетворить второму условию оказалось еще проще. Бритва снесла его бороду, краска изменила цвет волос, большие темные очки скрыли глаза, и этого было достаточно. Сергей Ладко совершенно переменил наружность в ночь перед отъездом из Сальки и пустился в путь до рассвета, уверенный, что его никто не узнает.

В Зигмарингене события развернулись по его плану. Когда он стал бесспорным лауреатом конкурса, его проект был благосклонно принят печатью прибрежных стран. Став достаточно известной личностью для того, чтобы никто не мог заподозрить его подлинное имя, и уверенный, с другой стороны, что рассеянные по реке члены «Дунайской лиги» в случае надобности помогут ему, Сергей Ладко пустился по течению.

В Ульме его постигло первое разочарование: он убедился, что относительная известность не спасает его от зорких глаз администрации. И он был совершенно счастлив, приняв на борт пассажира с бумагами в полном порядке, по-видимому пользующегося уважением полиции. Конечно, когда он будет в Рущуке и спуск по Дунаю придется прекратить, присутствие постороннего представит известные трудности. Но тогда он объяснится, а до того общество пассажира увеличит шансы на успех путешествия, которое Сергей Ладко страстно желал привести к счастливому концу.

Известие о том, что он носит такое же имя, как ужасный бандит, и что этот бандит тоже болгарин, заставило Сергея Ладко снова испытать неприятное волнение. Какова бы ни была его невиновность, а следовательно, и безопасность, он понимал, что тождество имен могло вызвать самые прискорбные ошибки и даже важные осложнения.

Если имя, которое он скрывает под псевдонимом Илиа Бруша, откроется, это не только помешает высадке в Рущуке, но можно будет бояться долгой отсрочки.

Против этой опасности Сергей Ладко ничего не мог сделать. Впрочем, если она и была серьезной, не следовало ее преувеличивать. В действительности, было маловероятно, чтобы полиция без особых причин обратила внимание на безобидного рыболова-удильщика, и особенно на рыболова, увенчанного лаврами зигмарингенского конкурса.

Прибыв в Сальку после захода солнца и оставив ее до рассвета, так что никто его не видел, Сергей Ладко только побывал в доме, чтобы удостовериться в отсутствии известий от Натчи. В продолжительности молчания было что-то страшное. Почему молодая женщина не писала уже два месяца? Что с ней случилось? Времена общественных потрясений влекут за собой бедствия отдельных людей, и лоцман говорил себе с тоской, что если он высадится счастливо в Рущуке, то, быть может, появится слишком поздно.

Эта мысль, разбивая ему сердце, в то же время удесятеряла силу его мускулов. Это она дала ему после отправления из Грона силу бороться с грозой и остервенелым ветром. Это она заставляла его ускорять шаги, когда он возвращался к барже, неся подкрепительное для господина Иегера.

Велико было его удивление, когда он не нашел пассажира, оставленного в таком тяжелом состоянии, и найденная записка это удивление не уменьшила. Какая важная причина заставила господина Иегера уйти при такой слабости? Какие могли быть у обитателя Вены настоятельные дела в чистом поле, далеко от населенных центров? Здесь была загадка, которую размышления лоцмана вряд ли могли разрешить.

Но какова бы ни была причина отсутствия господина Иегера, оно, во всяком случае, создавало неудобство и удлиняло путешествие, и без того долгое. Без этого непредвиденного происшествия баржа уже была бы посредине реки, и к вечеру много километров прибавилось бы к тем, которые остались за ее кормой.

Очень было сильно искушение не считаться с просьбой господина Иегера, отчалить и без потери времени

продолжать путешествие, цель которого притягивала Сергея Ладко, как магнит железо.

Лоцман, однако, решился ждать. Он обязался перед своим пассажиром, и, со всех точек зрения, лучше было потерять день, чтобы не доставлять предлогов к позднейшим протестам.

Чтобы с пользой употребить остаток дня, ему, к счастью, хватило работы. Надо было привести в порядок баржу и исправить повреждения, причиненные бурей.

Сергей Ладко сначала принялся укладывать содержимое сундуков, которые перерыл во время утренних бесполезных поисков. Это у него не потребовало много времени, и, когда он уложил второй сундук, его взгляд упал на портфель, который незадолго перед этим привлек внимание Карла Драгоша. Лоцман открыл портфель, как и полицейский, и как он же, но с совершенно другими чувствами вытащил портрет с трогательной надписью, который Натча дала ему в момент расставанья. Сергей Ладко долго созерцал это очаровательное лицо. Натча!.. Да, это она!.. Это ее дорогие черты, ее чистые глаза, ее губы, полуоткрытые, точно она хочет заговорить.

Со вздохом он положил дорогое изображение в портфель и портфель в сундук, который старательно закрыл; он спрятал ключ в карман и вышел из каюты, чтобы заняться другой работой.

Но работа не шла ему на ум. Скоро руки его опустились, и, сев на скамейку спиной к берегу, он устремил взгляд на реку. Его мысль улетела в Рущук. Он видел свою жену, свой дом, веселый, полный песен... Нет, он не жалел ни о чем. Он снова пожертвует своим счастьем для блага родины, если это понадобится... И, однако, как он страдал, что такая горестная жертва принесена бесполезно! Революция вспыхнула преждевременно и безжалостно раздавлена. Сколько лет суждено еще Болгарии изнывать под игом угнетателей? И, если он сможет пересечь границу, найдет ли ту, которую любит? Не захватили ли ее турки, как заложницу, как жену одного из своих непримиримых противников? Если это так, что они сделали с Натчей?

Увы! Следы этой скромной семейной драмы затеряются среди грозных событий, потрясающих балканскую область. Кому какое дело до несчастья двух существ среди всеобщего народного отчаяния? Свирепые орды наводнили полуостров. От дикого топота лошадей дрожит земля, и даже самые бедные деревушки опустошены войной.

Против турецкого колосса поднялись два пигмея — Сербия и Черногория. Сможет ли этот Давид победить Голиафа?[1] Ладко понимал, до какой степени неравны силы, и возлагал надежды на отца всех славян, великого русского царя, который, быть может, соблаговолит протянуть мощную руку на помощь угнетенным сынам.

Погруженный в свои мысли, Сергей Ладко совершенно забыл о том, где находится. По берегу мог промаршировать целый полк, а он бы не обернулся. Тем более он не заметил приближения трех людей, которые подкрадывались сверху с большой осторожностью.

Но, если Ладко их не видел, они его прекрасно заметили, как только баржа показалась из-за поворота реки. Трое тотчас остановились и стали тихо совещаться.

Один из этих троих уже представлен читателю в венской гавани под именем Титчи. Это он в сопровождении спутника крался за Карлом Драгошем, пока сыщик в свою очередь выслеживал Илиа Бруша; а тот шел посетить одного из посредников, принимавших участие в доставке оружия в Болгарию. Если читатель помнит, слежка привела обоих шпионов к барже; уверившись, что они узнали плавучее обиталище полицейского, люди удалились с намерением извлечь пользу из этого открытия. Теперь они решили осуществить свой проект.

Три человека затаились в прибрежной траве и оттуда следили за Сергеем Ладко. А тот, погруженный в размышления, не подозревал об их присутствии и о грозившей ему опасности. А опасность в самом деле была велика, так как люди, скрывавшиеся в засаде,

---

[1] В библии рассказывается, как слабый юноша Давид победил свирепого великана Голиафа.

состояли в шайке преступников, грабивших дунайскую область, и не очень-то приятно было встретиться с ними в темном уголке. В этой банде Титча играл значительную роль; он являлся первым после атамана, «подвиги» которого доставили лоцману Ладко незаслуженно постыдную славу. Двое других, Сакман и Церланг, были простыми исполнителями.

— Это он! — пробормотал Титча, останавливая жестом сообщников, как только перед ними открылась баржа.

— Драгош? — спросил Сакман.

— Да.

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно.

— Но ведь лица не видно, а только спину, — возразил Церланг.

— Мне не к чему смотреть ему в лицо, — сказал Титча. — Я его лица не знаю, я едва заметил его в Вене.

— Так как же...

— Но я превосходно знаю судно, — перебил Титча, — я его очень хорошо рассмотрел, пока я и Ладко скрывались в толпе. Я уверен, что не ошибаюсь.

— Тогда за дело! — сказал один из людей.

— За дело, — согласился Титча, развертывая узел, который держал в руках.

Лоцман даже не подозревал, что за ним подсматривают. Он не заметил, как приблизились трое врагов; он не слышал их шагов, заглушенных густой травой. Погруженный в мечты, он мысленно спешил по реке к Натче и родной стране.

Внезапно множество крепких веревок сразу обвилось вокруг него, ослепило, оглушило, парализовало его члены.

Порывисто вскочив, он инстинктивно бился в напрасных усилиях, когда жестокий удар по голове ошеломил его и сбросил на дно баржи. Он, впрочем, успел заметить, что запутался в ячейках рыболовной сети, какими иногда сам ловил рыбу.

Когда Сергей Ладко вышел из полуоцепенения, он уже не был опутан сетью. Его связали крепкой веревкой, и он не мог пошевельнуться; затычка во рту должна была заглушать его крики, непроницаемая повязка закрывала глаза. Первым чувством Сергея Ладко, когда он вернулся к сознанию, было непередаваемое изумление. Что с ним произошло? Что означало это необъяснимое нападение и что с ним хотят сделать? В одном он был по крайней мере уверен: если бы его собирались убить, это было бы уже сделано. Раз он еще в этом мире, значит, на его жизнь не покушаются, и нападающие, кто бы они ни были, только хотели завладеть его особой.

Но зачем, какая цель в таком захвате?

Ответить на вопрос было нелегко. Грабители? Они не стали бы трудиться и так старательно упаковывать жертву, когда удар ножа был бы быстрее и вернее. Впрочем, какие это жалкие, должно быть, грабители, если их привлекло содержимое бедной баржи!

Мщение? Это еще более невозможно. У Илиа Бруша не было врагов. Единственные враги Ладко, турки, не могли подозревать, что болгарский патриот скрывается под именем рыболова, а если бы даже узнали об этом, не такой он был важной персоной, чтобы они рискнули на это насилие так далеко от границы, в центре Австрийской империи. Кроме того, турки умертвили бы его с бо́льшим вероятием, чем простые разбойники.

Убедившись, что в данный момент тайна неразрешима, Сергей Ладко, как человек дела, перестал об этом раздумывать и стал наблюдать за событиями и искать средства возвратить свободу, если только будет возможно.

По правде говоря, его положение не способствовало наблюдениям. Крепко обмотанный веревкой, он совсем не мог двигаться, а повязка закрывала глаза так плотно, что он не мог бы отличить дня от ночи. Весь уйдя в слух, он убедился, что лежит на дне судна, своего, без сомнения, и что это судно быстро движется под усилиями крепких рук. Он явственно слышал скрип весел об уключины и плеск воды о борта судна.

Куда направлялась баржа? Такова была вторая задача, которую он разрешил довольно легко, определив заметную разницу температур своего левого и правого бока. Толчки, которые испытывала баржа при каждом ударе весел, показали, что он лежал в направлении движения, а в момент нападения неизвестных солнце еще не удалилось от меридиана, Ладко без труда заключил, что половина его туловища находится в тени от борта лодки и что она плывет с востока на запад, следуя, таким образом, по течению, как и в то время, когда она повиновалась законному владельцу.

Те, кто держал его в своей власти, не обменялись ни словом. Шум людских голосов не достигал его слуха, кроме «ха!» гребцов, налегающих на весла. Это молчаливое плавание продолжалось часа полтора, когда солнечные лучи упали на его лицо, и он понял, что повернули к югу. Лоцман не удивился. Превосходное знание малейших извилин реки дало ему понять, что они плывут мимо горы Пилиш. Скоро они направятся на восток, потом на север до того места, откуда Дунай начинает спускаться на Балканский полуостров.

Эти предвидения оправдались только частично. В момент, когда Сергей Ладко рассчитывал, что они достигли середины бухты Пилиш, шум весел внезапно прекратился. Баржа поплыла по течению, и раздался грубый голос.

— Примите крюк, — приказал один из находившихся в лодке.

Почти тотчас же послышался удар, за которым последовал скрип борта о твердую поверхность, а затем Сергея Ладко подняли и стали передавать из рук в руки.

Очевидно, баржа причалила к большому судну, на борт которого пленника погрузили, словно тюк. Ладко напрасно напрягал слух, чтобы уловить хоть какие-нибудь слова. Не было сказано ни слова. Тюремщики обнаруживали себя только прикосновением грубых рук и прерывистым дыханием. Связанного Сергея Ладко дергали туда и сюда, но не лишили возможности размышлять. Его сначала подняли, потом спустили по лестнице, ступеньки которой он пересчитал поясницей. По ударам и толчкам он понял, что его протащили сквозь узкое отверстие; наконец, освободив от затычки во рту и повязки на глазах, его сбросили, как узел, и над ним, глухо стукнув, захлопнулся трап.

Прошло много времени, прежде чем Сергей Ладко, оглушенный падением, пришел в чувство. Он понял, что его положение не улучшилось, хотя к нему вернулись речь и слух. Если у него вынули затычку изо рта, это означало, что его криков никто не услышит, и снятие повязки с глаз тоже не пошло на пользу. Напрасно он открыл глаза. Вокруг была темнота. И какая темнота! Пленник, который по последовательно пережитым ощущениям предполагал, что его поместили в трюм судна, напрасно старался уловить хотя бы малейший луч света, пробившийся через щель обшивки. Он не различал ничего. Это не была темнота погреба, где глаз все же может различить смутный свет: это была тьма полная, абсолютная, какая бывает только в могиле.

Сколько часов прошло таким образом? Сергей Ладко думал, что была уже полночь, когда до него донесся шум, заглушенный расстоянием. Где-то бегали, топали

ногами. Потом шум приблизился. Прямо над его головой волочили тяжелые тюки, и от грузчиков его отделяла всего лишь толщина одной доски.

Шум еще более приблизился. Теперь говорили возле него, без сомнения за одной из переборок, разделявших его тюрьму, но он не мог уловить смысла слов.

Скоро, впрочем, шум прекратился, и молчание снова водворилось вокруг несчастного лоцмана, окруженного непроницаемой тьмой.

Сергей Ладко заснул.

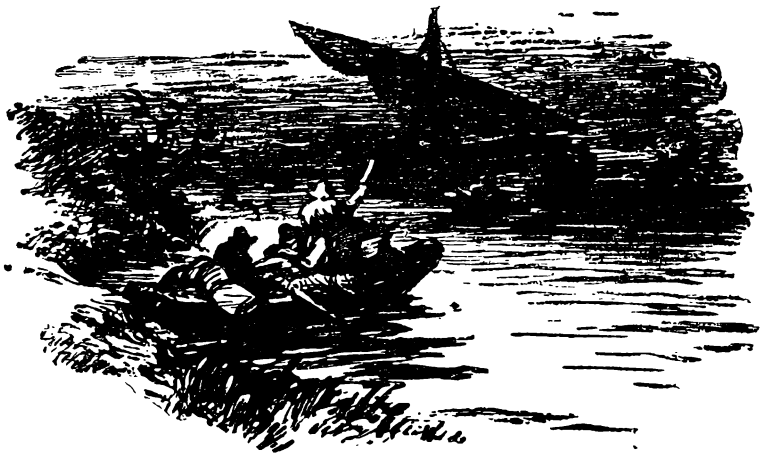
ВО ВЛАСТИ ВРАГА

После того как Карл Драгош и его люди отступили, победители сначала оставались на месте битвы, готовые сопротивляться новому нападению, а в это время повозка удалялась к Дунаю. Прошло достаточное время, чтобы убедиться, что полиция удалилась, и банда преступников по приказу атамана двинулась в путь.

Они скоро достигли реки, протекавшей всего в пятистах метрах. Телега ждала их перед шаландой, темная масса которой виднелась в нескольких метрах от берега. Расстояние было невелико, а работников много. Две лодки быстро перевезли на борт шаланды содержимое повозки. Она сейчас же удалилась и исчезла в темноте, и большинство сражавшихся на поляне рассеялись по окрестностям, получив плату за свою долю добычи. От только что совершенного преступления не осталось никаких следов, кроме тюков, нагроможденных на палубе судна, где осталось всего восемь человек.

В действительности, знаменитая дунайская банда состояла только из этих восьми человек. Распущенные по домам составляли лишь малую долю бесчисленного количества сообщников, которых использовали в районах, где совершалось преступление. Эти последние никогда не участвовали непосредственно в деле и только выполняли обязанности носильщиков, караульщиков или конвоиров с момента, когда нужно было переправить к реке награбленную добычу.

Такая организация была очень остроумной. Благодаря ей банда располагала на всем течении Дуная мно-

жеством соучастников, мало понимавших характер операций, которым они содействовали. Набранные из самого темного слоя общества, очень невежественные, они думали, что участвуют просто в перевозке контрабанды, и ни о чем не допытывались. Они не пытались установить какую-нибудь связь между распорядителем экспедиций, в которых они участвовали, и знаменитым Ладко, который скрывал от них свое имя и в то же время как будто находил странное удовольствие оставлять следы своего пребывания на месте каждого преступления.

Их равнодушие менее удивит читателя, если принять во внимание, что преступления происходили на всем огромном протяжении Дуная. Волнение публики постепенно успокаивалось после каждого из них. Зато в полицейских отделениях, где собирались все жалобы прибрежных жителей, имя Ладко приобрело печальную известность. В городах мещане уделяли ему особое внимание из-за жирных заголовков газетных статей, посвященных Ладко. Но в массе народа, и тем более среди крестьян, он был таким же преступником, как и всякий другой, с которым сталкиваются лишь однажды.

Восемь человек, оставшихся на шаланде, были тесно связаны и образовывали настоящую шайку. На своем

судне они поднимались и спускались по Дунаю. Если где-нибудь предстояла выгодная операция, они останавливались, набирали сообщников, потом, когда добыча была в безопасности в плавучем тайнике, отправлялись на новые «подвиги».

Когда шаланда наполнялась, они спускались к Черному морю, где находившийся в их распоряжении пароход ждал в назначенный день. Награбленные богатства, перевезенные на этом пароходе и добытые иногда ценой убийства, превращались в честный груз, который вполне открыто продавался в далеких странах.

Это был исключительный случай, когда в предшествующую ночь о банде заговорили на таком близком расстоянии от места совершенного преступления. Обычно грабители не допускали такой ошибки: она, в случае повторения, могла открыть глаза их несознательным сообщникам. На этот раз атаман шайки имел особую причину не сразу удалиться, и, если причина была и не та, какую ему приписал Карл Драгош, разговаривая в Ульме с Фридрихом Ульманом, все же личность сыщика играла здесь роль.

Когда главарь банды, сопровождаемый помощником Титчей, узнал в Вене Драгоша, за сыщиком начали тайно следить местные сообщники шайки, которые знали лишь самое существенное, и шаланда плыла перед баржей, опережая ее всего на несколько километров. Шпионаж, очень затрудненный в открытой местности, наводненной полицейскими, часто прерывался, и случаю было угодно, чтобы Карла Драгоша и его хозяина ни разу не видели вместе. Ничто не заставляло предполагать, что в барже два обитателя и, следовательно, есть возможность ошибки.

Установив такую слежку, атаман бандитов считал себя хозяином положения. Убить сыщика? Он этого не хотел. Он решил им завладеть хотя бы на время. Когда Карл Драгош окажется в его власти, у преступника появится хорошая возможность вести переговоры в случае серьезных осложнений.

Похищение приходилось откладывать в течение нескольких дней. Или баржа останавливалась на ночлег слишком близко от населенного пункта, или неподалеку оказывались полицейские агенты, рассеянные по

берегу, личность которых легко устанавливал опытный бандит.

Наконец утром 29 августа обстоятельства оказались вполне благоприятными. Буря, которая в предыдущую ночь способствовала банде в нападении на виллу графа Хагенау, должна была разогнать полицейских, следовавших за начальником по реке. Вероятно, он на время останется один, без защиты. Этим можно будет воспользоваться.

Как только повозка была нагружена имуществом из виллы, Титча выбрал из своих людей двоих наиболее решительных. Читатель уже видел, как три авантюриста выполнили поручение и как лоцман Сергей Ладко стал их пленником вместо сыщика Карла Драгоша.

После этого Титча мог сообщить атаману об успешном исходе предприятия лишь немногими краткими словами, сказанными на поляне, в момент, когда взвод полиции находился поблизости. Разговор на эту тему обязательно должен был возобновиться на шаланде, но в ту пору было не до того. Прежде всего надлежало скрыться и спрятать многочисленные тюки, разбросанные по палубе, и этим немедленно занялись восемь человек, составлявших экипаж судна. Эти люди быстро снесли или скатили по доскам внутрь судна свою добычу, что потребовало всего несколько минут; потом приступили к окончательной укладке. Для этого пол трюма был поднят, и в нем оказалось зияющее отверстие на том месте, где следовало бы увидеть воду Дуная. Фонарь, опущенный в это второе отделение, позволял различать там нагромождение всевозможных предметов, которые заполняли лишь часть его. Там оставалось достаточно места, чтобы награбленное у графа Хагенау в свою очередь поместилось в оригинальном тайнике.

Замечательно было устроено, в самом деле, это судно, служившее одновременно средством транспорта, жилищем и неприкосновенным складом. Под судном, видимым снаружи, было приделано другое, меньших размеров, палуба которого образовывала дно первого. Это второе судно, глубиной метра в два, имело такое водоизмещение, что могло нести первое, подняв его на фут или два над поверхностью воды. Чтобы хитрость не разоблачилась, внутреннее судно нагружали балластом,

достаточным, чтобы затопить его целиком, так что ватерлиния шаланды оказывалась на должном месте.

Когда в тайник погружали награбленные товары, выбрасывалась часть балласта, и осадка судна не изменялась. Поэтому судно, которое при средней нагрузке должно было сидеть в воде едва на фут, погружалось на семь футов. Это не могло представить больших трудностей при плавании по Дунаю и только требовало опытного лоцмана. Такой лоцман у шайки был — Якуб Огул, еврей из Рущука. Прекрасно изучив реку, Якуб Огул мог соперничать с самим Сергеем Ладко в прекрасном знании проходов, рукавов и песчаных мелей; он проводил шаланду уверенной рукой через пороги, усеянные скалами, которые встречались на реке.

Полиция могла обыскивать судно сколько угодно. Она могла измерять внутреннюю и наружную высоту шаланды, не находя никакой разницы. Даже измеряя глубину вокруг судна, нельзя было найти подводный тайник с меньшим обводом и линиями, быстро убегавшими вкось. Всякие обследования приводили к заключению, что шаланда пустая и что эта пустая шаланда сидит в воде настолько, чтобы только сохранять равновесие.

В отношении бумаг все предосторожности были приняты. Во всех случаях, поднималось ли по реке или спускалось судно, оно или шло за товаром, или возвращалось в порт приписки, выгрузив товар. Смотря по обстоятельствам, оно принадлежало то господину Константинеско, коммерсанту из Галаца, то господину Венцелю Мейеру, предпринимателю из Вены. Бумаги, в изобилии снабженные казенными печатями, были в порядке, и никому не приходило в голову их проверять. Впрочем, проверка лишь показала бы, что в указанных городах живут некие Константинеско и Венцель Мейер.

В действительности владелец назывался Иваном Стригой. Читатель, быть может, помнит, что это имя принадлежит одному из наименее достойных обитателей Рущука, который исчез из города после того, как напрасно пытался помешать свадьбе Сергея Ладко и Натчи Грегоревич. О Стриге шли дурные слухи, и людской голос обвинял его во всевозможных преступлениях.

На этот раз народная молва не ошиблась. С семью негодяями такой же закалки Иван Стрига образовал банду пиратов, и она уже долгое время разбойничала по обоим берегам Дуная.

Найти таким образом путь к легкому обогащению, это уже было кое-что; обеспечить себе безопасность — еще лучше. Для этой цели, вместо того чтобы скрывать свое имя и внешность, как сделал бы обыкновенный преступник, он решил устроить так, чтобы жертвы его знали. Разумеется, они узнавали не собственное его имя. Нет, то, которое он с бесстыдной ловкостью оставлял позади себя, было имя Сергея Ладко.

Скрываться под чужим именем, совершая преступления, давно известная уловка, но Стрига очень хитро выбрал себе псевдоним.

Имя Ладко, как и любое другое имя, способно было создать путаницу на месте преступления и отвести подозрение от действительного виновника; но оно имело только ему свойственные преимущества.

Во-первых, Сергей Ладко не был вымышленной личностью. Он существовал, если только ружейная пуля, пущенная в Ладко при его отъезде из Рущука, не прекратила навсегда его существование. Хотя Стрига и хвалился, что уничтожил своего врага, в действительности он этого не знал. Да это было и не важно. Если вздумают производить розыск в Рущуке и окажется, что Ладко мертв, полиция не поймет, почему на него пало обвинение. Если же лоцман жив, следователи найдут человека из плоти и крови с такой безукоризненной репутацией, что дело, по всей вероятности, этим и кончится. Тогда, без сомнения, начнут искать тех, кто имеет несчастье быть его однофамильцем. Но, прежде чем просеют через решето всех Ладко в мире, много воды утечет в Дунае!

Если же случайно подозрения против Сергея Ладко пробьют броню его честности, это будет для Стриги вдвойне счастливый результат. Бандиту всегда приятно, когда вместо него судят другого; помимо того, подмена будет еще приятнее и потому, что он питал к своей жертве смертельную ненависть.

Быть может, эти рассуждения были не вполне справедливы, но отсутствие Сергея Ладко делало их логич-

ными, так как никто не знал его патриотической миссии. Почему лоцман исчез незаметно? Местная бригада речной полиции уже начала как раз задавать себе этот вопрос в то время, когда Карл Драгош, как ему показалось, открыл истину; а как известно, если полиция начинает задавать себе вопросы, она редко отвечает на них благожелательно.

Итак, положение разъяснено читателю во всей его драматической сложности. Длинная цепь преступлений, которые плохо осведомленные люди приписывают некоему Ладко из Рущука; исчезнувший из родного города лоцман с той же фамилией, которого в Рущуке начинают подозревать, правда, пока еще смутно; в это же время за сотни километров оттуда Ладко, обвиняемый Драгошем на основе серьезных улик, скрывается под маской рыболова Илиа Бруша; и, в завершение всего, Стрига, принимающий после каждого преступления свое подлинное имя, чтобы свободно разъезжать по Дунаю.

Существенное условие безопасности для преступников — исчезновение всяких компрометирующих следов в самое короткое время. Вот почему в этот вечер вновь захваченную добычу, как обычно, упрятали в тайник. Шум погрузки слышал настоящий Сергей Ладко в своей темнице, в том самом подводном трюме, в глубине которого к нему не могла прийти никакая человеческая помощь. Затем, поставив на место пол, люди поднялись на палубу. Теперь полиция могла являться.

Было около трех часов утра. Экипаж судна, утомленный тревогами этой и предыдущей ночи, крайне нуждался в отдыхе, но об этом не могло быть и речи. Стрига, желая поскорее удалиться от места последнего преступления, приказал пуститься в путь, пользуясь наступающим рассветом; приказ был выполнен без ропота, так как каждый понимал его резонность.

Пока поднимали якорь и выводили шаланду на середину реки, Стрига осведомился о подробностях утренней операции.

— Он был совсем один, — ответил Титча. — Драгош сразу запутался в сеть, как простая щука.

— Видел он вас?

— Не думаю. У него были другие заботы.

— Не сопротивлялся он?

— Попробовал, каналья. Пришлось его приструнить, чтобы успокоить.

— Но ты его не убил? — живо спросил Стрига.

— Совсем нет! Только оглушил. Я этим воспользовался, чтобы связать его покрепче. Я еще не кончил упаковку, как он не мог бы позвать ни папу, ни маму.

— А теперь?

— Он в трюме, понятно, с двойным дном.

— Знает он, куда его перенесли?

— Ну, тогда он чересчур большой хитрец, — объявил Титча с грубым смехом. — Я ведь не забыл ни затычки во рту, ни повязки на глазах. Их убрали только в трюме. Там, если ему угодно, он может распевать романсы и восхищаться пейзажем.

Стрига молча ухмыльнулся. Титча продолжал:

— Я сделал все по твоему приказу, но куда это нас заведет?

— По крайней мере приведет в расстройство бригаду, лишенную начальника, — ответил Стрига.

Титча пожал плечами.

— Назначат другого, — сказал он.

— Не спорю, но новый, быть может, будет хуже того, которого мы схватили. И, во всяком случае, мы сможем договориться. При надобности мы потребуем паспорта, которые нам необходимы. Очень важно сохранить его живым.

— Он жив, — заверил Титча.

— А подумал ты накормить его?

— Черт... — Титча почесал в затылке. — Совсем об этом позабыли. Но двенадцать часов воздержания никому не повредят, и я отнесу ему обед, когда мы тронемся... Если только ты не захочешь отнести сам и кстати посмотреть на него.

— Нет, — быстро возразил Стрига. — Я предпочитаю, чтобы он меня не видел. Я его знаю, а он меня нет. Это — козырь, которого я не хочу терять.

— Ты можешь надеть маску.

— Это не пройдет с Драгошем. Он не нуждается в том, чтобы видеть лицо. Он узнает человека по росту, ширине плеч и другим приметам.

— Значит, это на свою голову я должен носить ему пищу!

— Нужно же кому-то это делать... Впрочем, Драгош сейчас не опасен, а когда станет опасен снова, мы уже скроемся.

— Аминь! — сказал Титча.

— Пока, — начал опять Стрига, — надо держать его в коробке. Но не очень долго, иначе он умрет от удушья. Поднимите его в каюту на палубе, когда минуем Будапешт, завтра утром после моего отъезда.

— Ты намерен оставить нас? — спросил Титча.

— Да, — отвечал Стрига. — Я буду время от времени покидать шаланду, чтобы собирать сведения на берегу. Я узнаю, что говорят о нашем последнем деле и об исчезновении Драгоша.

— А если тебя сцапают? — возразил Титча.

— Опасности нет. Никто меня не знает, а речная полиция должна бездействовать. Но вообще я появлюсь в совершенно новом виде.

— В каком?

— В виде знаменитого Илиа Бруша, знатного рыболова и лауреата «Дунайской лиги».

— Вот это мысль!

— Превосходная! У меня лодка Илиа Бруша. Я заимствую его шкуру по примеру Карла Драгоша.

— А если у тебя попросят рыбу?

— Я ее куплю, если понадобится, чтобы продать.

— У тебя есть ответ на все.

— Еще бы, черт возьми!

На этом разговор прекратился. Шаланда плыла по течению. Дул легкий ветерок с севера, который стал попутным, когда чуть выше Визеграда Дунай повернул к югу. До этого, напротив, северный ветер сильно задерживал судно, и Стрига, спеша удалиться от места своих преступлений, приказал грести двумя длинными веслами, которые помогали спускаться против ветра.

Потребовалось три часа, чтобы пройти десять километров и достигнуть первого изгиба реки, потом еще два часа шаланда следовала по дуге, описанной Дунаем, прежде чем он начинает свободно течь на юг. Немного выше Вайцена греблю, наконец, прекратили, и ход судна под парусом значительно ускорился.

Около одиннадцати часов миновали Сентендре, куда будто бы собирались отправиться возчики Кайзерлик и

Фогель в предыдущую ночь. Не было и речи о том, чтобы остановиться, и шаланда продолжала держать путь к Будапешту, до которого оставалось еще километров тридцать.

По мере того как спускались вниз, вид берегов становился более суровым. Увеличивалось количество тенистых зеленых островов, иногда разделяемых узкими каналами, где нельзя было пройти шаландам и проходили только увеселительные яхты.

В этой части Дуная судоходство становится довольно бойким. Часто на реке бывает тесно, так как ее ложе сжато между первыми отрогами Норрийских Альп и последними холмами Карпат. Иногда случаются посадки на мель или столкновения, если внимание лоцмана отвлечется хотя бы ненадолго. Впрочем, такие происшествия не опасны и сводятся просто к потере времени. Но сколько криков и споров при таких приключениях!

Шаландой, где Стрига был капитаном, следовало управлять очень хорошо. Размеры ее были значительны, так как водоизмещение превышало двести тонн. На палубе находилась надстройка — спардек, передняя часть его образовывала рубку, где помещался экипаж. Впереди на мачте поднимали национальный флаг, а у кормы был укреплен длинный брус, при помощи которого поворачивали руль.

Оживление на реке все увеличивалось, как всегда при подходе к большим городам. Легкие паровые или парусные суда с гуляющими или туристами скользили между островами. Вдали дым фабричных труб затемнил горизонт, указывая на приближение к предместьям Будапешта.

В этот момент произошло странное событие. По знаку Стриги Титча прошел в рубку с одним из членов экипажа. Они скоро возвратились, ведя стройную женщину, черты лица которой под повязкой нельзя было рассмотреть. Женщина шла между двумя конвоирами с руками, связанными за спиной, и не пыталась сопротивляться, очевидно зная по опыту, что это бесполезно. Она послушно спустилась по лестнице в трюм, а затем в отделение с двойным дном, и над ней захлопнулся трап.

После этого Титча и его компаньон возвратились к своим делам.

Около трех часов пополудни шаланда оказалась против набережной венгерской столицы. Направо развертывалась Буда, старинный турецкий город; налево современный город Пешт. В ту эпоху Буда была одним из старинных живописных городов, которые начинают исчезать в наши дни при торжестве все уравнивающего прогресса. Напротив, Пешт, хотя его значение уже стало немаловажным, тогда еще не достиг того удивительного развития, которое сделало его одной из самых значительных и прекрасных столиц Восточной Европы.

На обоих берегах, и в особенности на левом, следовали друг за другом дома с аркадами и террасами, над которыми возвышались позолоченные солнцем колокольни церквей; длинная цепь набережных отличалась величием и благородством.

Экипаж шаланды не обращал внимания на это очаровательное зрелище. Плавание мимо Будапешта могло грозить этим сомнительным людям неприятными сюрпризами, и они следили только за рекой, где скрещивались многочисленные суда. Эта благоразумная осторожность позволила Стриге заблаговременно различить среди других лодку с четырьмя людьми, которая направлялась прямо к шаланде. Узнав катер речной полиции, он мигнул Титче, который без дальнейших объяснений ринулся в трюм.

Стрига не ошибся. Через несколько минут катер причалил к судну. Два человека поднялись на борт.

— Капитан? — спросил один из вновь прибывших.

— Это я, — отвечал Стрига, выходя вперед.

— Ваше имя?

— Иван Стрига.

— Национальность?

— Болгарин.

— Откуда судно?

— Из Вены.

— Куда?

— В Галац.

— Его владелец?

— Господин Константинеско из Галаца.

— Груженая?

— Нет ничего. Возвращаемся пустыми.

— Ваши бумаги?

— Вот они, — сказал Стрига, вручая чиновнику необходимые документы.

— Все в порядке, — одобрил тот, возвращая бумаги после тщательного рассмотрения. — Мы заглянем в ваш трюм.

— Прошу вас, — пригласил Стрига. — Осмелюсь только заметить, что это уже четвертое посещение после нашего отплытия из Вены. Очень неприятно.

Полицейский снял с себя жестом личную ответственность за приказы, исполнителем которых он являлся, и, не отвечая, спустился по лестнице. Сойдя, он сделал несколько шагов по трюму, окинул его взглядом и вновь поднялся. Ему не пришло в голову, что под его ногами находятся два человеческих существа, мужчина и женщина, бессильные позвать на помощь. Осмотр не мог быть более добросовестным и долгим. Шаланда, действительно, оказалась совершенно пустой, не приходилось перерывать груз, что значительно упрощало дело.

Полицейский возвратился наверх и, не задавая других вопросов, отбыл на катере осматривать другие суда, а шаланда медленно продолжала путь вниз по реке.

Когда последние дома Будапешта остались позади, пришло время заняться пленницей из трюма. Титча и его компаньон исчезли внизу, затем возвратились, ведя женщину, которую несколько часов назад запрятали в темницу; теперь она снова была водворена в рубке. Из других членов экипажа никто не обратил на этот случай ни малейшего внимания.

Остановились только ночью между городами Эрксин и Адони, в тридцати километрах ниже Будапешта, и отплыли на рассвете. В этот день 31 августа спуск по реке перемежался несколькими остановками, во время которых Стрига покидал судно, пользуясь лодкой, захваченной, как полагали бандиты, у Карла Драгоша. Не думая скрываться, он причаливал к деревням, представлялся их обитателям, как знаменитый лауреат «Дунайской лиги», заводил разговоры, которые ловко направлял на интересующие его темы. Сведения оказывались очень скудными. Имя Илиа Бруша не было популярным в этих краях. Конечно, в Мохаче, Апатине, Нейзаце, Землине или Белграде — в этих значительных городах—дело будет обстоять иначе. Но Стрига не намеревался рисковать, по-

казываясь там, и ограничивался собиранием сведений в деревушках, где полиция менее бдительна. К несчастью, крестьяне вообще не знали о конкурсе в Зигмарингене и не любили, когда их расспрашивали. Да, впрочем, от них ничего нельзя было и выпытать. Карла Драгоша они знали не больше, чем Илиа Бруша, и Стрига напрасно пускал в ход свои дипломатические тонкости.

Как было условлено накануне, во время отсутствия Стриги Сергея Ладко перевели наверх и поместили в маленькой каюте, дверь которой старательно закрыли. Может быть, это была излишняя предосторожность, так как пленник оставался тщательно связанным.

Дни от первого до шестого сентября протекли без происшествий. Гонимая течением и попутным ветром, шаланда продолжала спускаться, делая до шестидесяти километров в сутки. Это расстояние могло стать значительно больше, если бы не частые остановки, вызываемые отлучками Стриги.

Если его вылазки и были бесплодными из-за невозможности собрать нужные сведения, то одну из них Стрига сделал выгодной с другой точки зрения, пустив в ход свои профессиональные «таланты».

Это случилось 5 сентября. В этот день шаланда остановилась на ночлег против маленького местечка Шушек; Стрига отправился на берег, как обычно. Наступил вечер. Крестьяне, которые ложатся спать с солнышком, по большей части уже ушли в свои жилища. Стрига разгуливал в одиночестве, когда заметил дом с виду побогаче других, хозяин которого, всецело доверяя публичной честности, оставил дверь открытой, а сам ушел куда-то по делам.

Стрига, не колеблясь, проник в дом, где оказалась мелочная лавочка, на что указывало наличие полок с товарами. Вытащить из кассы дневную выручку было делом одного мгновения. Не довольствуясь этой скромной добычей, бандит обнаружил во внутренней комнате сундук, открыть который оказалось для Стриги детской игрой; из него он извлек кругленький мешочек, издававший приятный металлический звон.

Так вознагражденный, Стрига поспешил возвратиться на шаланду, которая с рассветом ушла далеко.

Это было единственное приключение в пути.

На борту Стригу занимали другие дела. Время от времени он исчезал в рубке и входил в каюту, расположенную против той, где поместили Сергея Ладко. Иногда его посещение продолжалось всего несколько минут, иногда значительно дольше. В последнем случае нередко на палубу доносился отзвук жестокого спора, где можно было различить спокойный голос женщины и злобный мужской. Результат был всегда одинаков: полное равнодушие экипажа и возвращение разъяренного Стриги, который спешил покинуть судно, чтобы успокоиться.

Обычно он высаживался на правом берегу. На левом берегу города и деревни встречались редко; там до самого горизонта тянулась неизмеримая «пушта» [1].

Пушта, как по преимуществу называют венгерскую равнину, граничит на протяжении более чем в сто лье с Трансильванскими горами.

Железные дороги, которые по ней проходят, пересекают бесконечные пространства пустынных степей, обширных лугов, бескрайних болот, где изобилует водяная дичь. Пушта — это всегда щедро накрытый стол для бесчисленного количества четвероногих гостей, тысяч и тысяч животных, составляющих главное богатство венгерского королевства. Редко кое-где встречаются поля пшеницы или кукурузы.

Ширина реки становится здесь очень значительной, и ее течение разделяют многочисленные острова и островки. Часто Дунай разделяется ими на длинные рукава, где поток приобретает довольно большую скорость.

Эти острова неплодородны. На них растут березы, осины, ивы среди ила, наносимого многочисленными наводнениями. Там скашивают много травы, и барки, нагруженные до краев, перевозят сено на прибрежные фермы.

6 сентября шаланда стала на якорь с наступлением ночи. Стрига в это время отсутствовал. Он не рискнул появиться ни в Нейзаце, ни в Петервардейне, многолюдство которых было для него опасным. Но он избрал для расспросов городок Карловиц, расположенный в двадцати километрах ниже. Он приказал шаланде остановиться за

---

[1] По-венгерски «пуста».

два-три лье от города и ждать своего капитана, который спустится по течению.

Около девяти часов вечера Стрига был еще недалеко от города. Он не торопился. Пустив баржу по воде, он отдался своим мыслям, вообще довольно приятным. Его уловка вполне удалась. Никто его не подозревал, и ничто не мешало собирать сведения. По правде говоря, эти сведения были не очень богаты. Но всеобщее незнание, граничившее с равнодушием, само по себе было благоприятным признаком. Разумеется, в этой местности ходили только смутные слухи о дунайской банде, и никто не знал о существовании Карла Драгоша, а значит, и его исчезновение не могло никого взволновать.

С другой стороны, быть может, по причине исчезновения начальника, быть может, из-за бедности этой местности активность полиции, казалось, значительно уменьшилась. В течение нескольких дней Стрига не встретил никого, кто имел бы наружность агента, и ничто не говорило о бдительности речной полиции, такой деятельной за двести — триста километров выше по реке.

Все шансы были за то, что шаланда благополучно достигнет цели своего путешествия — Черного моря, где ее груз будет передан на известный пароход. Завтра они минуют Землин и Белград. Нужно только плыть вдоль сербского берега, чтобы избежать всяких прискорбных сюрпризов. В самом деле, в Сербии из-за войны с Турцией должен быть беспорядок, и вряд ли речные власти заинтересуются судном, без груза спускающимся по течению.

Кто знает? Быть может, это последнее путешествие Стриги. Быть может, он укроется в дальних краях, богатый, уважаемый — и счастливый, думал он, вспоминая о пленнице, заключенной на судне.

Таковы были размышления Стриги, когда его взгляд упал на сундуки, крышки которых так долго служили кушетками Карлу Драгошу и его хозяину. Внезапно ему пришла мысль, что вот уже восемь дней он владеет баржей и не подумал обследовать ее содержимое. У него было время исправить эту непонятную забывчивость.

Прежде всего он набросился на сундук с правого борта и мигом взломал его. Он нашел там только белье и

одежду, сложенную в порядке. Стрига не нуждался в таком старье, он закрыл сундук и принялся за второй.

Во втором сундуке тоже оказались предметы несложного хозяйства рыболова-путешественника, и разочарованный Стрига уже хотел все это бросить, как вдруг открыл в углу более интересный предмет. От одежды не было толку, но в этом туго набитом портфеле были, по всей вероятности, бумаги. И если бумаги часто бывают немыми, то в некоторых случаях ничто не может сравниться с их красноречием.

Стрига открыл портфель, и оттуда вывалились документы, которые он внимательно рассмотрел. Попадались квитанции и письма, все на имя Илиа Бруша, потом его глаза, став круглыми от изумления, остановились на портрете, который прежде вызвал подозрение у Карла Драгоша.

Сначала Стрига ничего не понял. Что в барже были бумаги только на имя Илиа Бруша и не нашлось ни одной на имя сыщика, уже это казалось довольно удивительным. Но все же объяснение этой странности могло быть самым естественным. Может быть, Карл Драгош вместо того, чтобы завоевать роль лауреата «Дунайской лиги», как до сих пор думал Стрига, заменил его личность по полюбовному соглашению, и в этом случае он мог сохранить, с согласия настоящего Илиа Бруша, документы для удостоверения личности. Но почему здесь написано имя Ладко, то самое имя, которым Стрига с дьявольской ловкостью метил свои преступления? И почему здесь портрет женщины, от которой Стрига до сих пор не отказался, несмотря на неудачи предыдущих попыток? Кто был настоящий владелец этой баржи, если у него хранится такой интимный и такой странный документ? Кому она, в конце концов, принадлежит — Карлу Драгошу, Илиа Брушу или Сергею Ладко — и кого из этих трех людей, двое из которых его так интересовали, держит он пленником на шаланде? Впрочем, Сергея Ладко он сам объявил убитым в тот вечер, когда ружейная пуля свалила одного из двух рущукских беглецов. Но, быть может, он тогда плохо прицелился? О, если бы держать в руках не полицейского, а лоцмана! Во второй раз он не уйдет от Стриги... Этого не надо хранить, как заложника.

Камень на шее сделает дело, и, освободившись от смертельного врага, Стрига устранит главное препятствие для осуществления своих планов.

Присвоив найденный портрет, бандит нетерпеливо начал грести, стремясь поскорее выяснить дело.

Скоро во мраке показался силуэт судна. Стрига быстро причалил, выпрыгнул на палубу и, направившись к каюте пленника, вложил ключ в замочную скважину.

Менее осведомленный, чем его тюремщик, Сергей Ладко не мог строить разные предположения для объяснения своего приключения. Тайна казалась ему непроницаемой, и он отказался строить гипотезы насчет причин, по которым его похитили.

Когда, после лихорадочной дремоты, он очнулся в глубине темницы, его первым ощущением был голод. Он не ел уже более суток, а природа не любит нарушения своих прав, как бы ни были тягостны наши переживания.

Сперва он терпел, потом, когда голод становился все более повелительным, он потерял спокойствие, которое его до этого поддерживало. Может быть, его решили уморить? Он позвал. Никто не отвечал. Он позвал громко. Тот же результат. Он закричал — никакого отклика.

Разъяренный, он попытался разорвать свои веревки. Но они были крепки, и Ладко напрасно катался по полу, напрягая мускулы. При одном из конвульсивных движений его лицо наткнулось на положенный около него предмет. Нужда обостряет чувства. Сергей Ладко немедленно узнал хлеб и кусок сала, без сомнения, положенный здесь, когда он спал. Воспользоваться вниманием тюремщиков было нелегко в его положении. Но необходимость — мать изобретательности, и после нескольких бесплодных попыток пленнику удалось обойтись без помощи рук.

Когда голод был удовлетворен, потянулись медленные, монотонные часы. В тишине ропот, легкая дрожь, подобная дрожи листьев, взволнованных ветерком, коснулись его слуха. Судно, на котором он находился, очевидно, плыло, рассекая воду. Сколько часов прошло таким образом до тех пор, когда над ним был снова поднят трап? Подвешенная на конце бечевки порция, подобная первой,

закачалась в отверстии, освещенном смутным светом, и легла возле него.

Еще протекли часы, и трап опять открылся. Спустился человек, приблизился к неподвижному телу, и Сергей Ладко почувствовал во второй раз, что ему затыкают рот. Очевидно, его криков боялись, и где-то близко была помощь? Без сомнения, это было так: едва ушел человек, пленник услышал, что по потолку его темницы ходят. Он хотел позвать... ни звука не вылетело из его уст... Шум шагов прекратился.

Помощь уже нельзя было получить, когда, немного позднее, у него без всяких объяснений вытащили затычку изо рта. Раз ему позволено звать, значит, для них это неопасно. А тогда к чему кричать?

После третьей порции еды, похожей на две первые, ожидание оказалось наиболее долгим. Без сомнения, была ночь. Сергей Ладко рассчитал, что его заключение продолжалось около сорока восьми часов, когда трап снова открылся и спустилась лестница, по которой в трюм сошли четверо.

Сергей Ладко не имел времени разглядеть этих людей. Быстро ему заткнули рот, завязали глаза и, ослепив его и сделав немым, стали, как в первый раз, передавать из рук в руки.

По ушибам и толчкам он узнал узкое отверстие, трап, как он понял, через который его уже протаскивали раньше. Снова он пересчитал своими боками ступеньки лестницы. Короткий горизонтальный переход, затем его бросили на пол, и он почувствовал, что у него вытаскивают затычку изо рта и снимают повязку с глаз. Едва он открыл глаза, как дверь с шумом захлопнулась.

Сергей Ладко огляделся. Хотя он только переменил тюрьму, но эта была неизмеримо лучше. Через маленькое окошко сюда входил свет, позволяя рассмотреть положенную перед ним обычную пищу, которую до сих пор приходилось разыскивать на ощупь. Солнечный свет вернул ему бодрость, и положение показалось ему менее безнадежным. За этим окошком была свобода. Он постарается ее завоевать.

Долго и безуспешно искал он средство, когда, наконец, в тысячный раз обшаривая взглядом тесную каюту, служившую ему тюремной камерой, он заметил у стенки

нечто вроде железной полосы, которая, выходя из пола и вертикально поднимаясь к потолку, вероятно, скрепляла доски обшивки. Эта полоса образовывала выступ, и хотя он не представлял острого угла, все же казалось возможным если не перерезать об него веревку, то перетереть. Такое трудное для выполнения предприятие заслуживало того, чтобы попытаться. С большим трудом подобравшись к этому железному выступу, Сергей Ладко тотчас начал тереть об него веревку, связывавшую ему руки. Почти полная неподвижность, к которой его принуждали путы, делала эту работу тягостной, и движение рук, производимое только толчками всего тела, имело очень короткий размах. И мало того, что работа была медленной, — она крайне утомляла, и уже через пять минут лоцману пришлось отдыхать.

Дважды в день, в часы еды, он прерывал свою работу. Все один и тот же тюремщик приносил ему пищу, и, хотя он скрывал лицо под полотняной маской, Сергей Ладко без колебаний признавал его по седеющим волосам и замечательной ширине плеч. Впрочем, хоть он и не мог разглядеть лицо, общий вид этого человека создавал впечатление, что Ладко где-то его видел. Он не мог сказать точно, но эти могучие плечи, грубая походка, седеющие волосы под маской казались ему знакомыми.

Пища приносилась в определенные часы, а в другое время никто не ходил в его тюрьму. Ничто не нарушало бы тишины, если бы время от времени он не слышал, как отворялась дверь напротив. И потом до него доносился звук двух голосов — мужского и женского. Сергей Ладко бросал работу и напрягал слух, пытаясь различить голоса, вызывавшие в нем смутные и далекие воспоминания.

Только эти попытки узнать отдаленные голоса и прием пищи отрывали пленника от его занятия.

Пять дней прошли таким образом. Ладко уже начал спрашивать себя, достигнет ли он чего-нибудь, как вечером 6 сентября веревка, связывавшая его кисти, внезапно лопнула. Лоцман чуть не испустил крик радости. Дверь открылась. Все тот же человек вошел в келью и положил перед ним обычную пищу.

Оставшись один, Сергей Ладко попытался двинуть освобожденными членами. Сначала это оказалось невоз-

можно. Остававшиеся неподвижными в течение долгой недели, его руки и кисти были точно парализованы. Мало-помалу способность движения вернулась к ним и постепенно усиливалась. После часа усилий он мог уже кое-как работать руками и развязал ноги. Он был свободен или, по крайней мере, сделал первый шаг к свободе. Второй — это было выбраться наружу через окно, которое он теперь мог достать и через которое он видел если не берег, скрытый темнотой, то дунайскую воду. Обстоятельства ему благоприятствовали. Ночь была темна. Кто поймает его в такую ночь, когда ничего не видно в десяти шагах? Впрочем, в каюту вернутся только завтра. Когда заметят его исчезновение, будет уже поздно.

Серьезная трудность, более чем трудность, — физическая невозможность остановила первую попытку. Достаточно просторное для гибкого, тонкого юноши, окно оказалось слишком узким, чтобы пропустить мужчину в цвете лет и одаренного такими достойными зависти плечами, как у Сергея Ладко. И он, напрасно истощив силы, должен был признать препятствие непреодолимым и, задыхаясь, упал обратно в каюту.

Неужели ему не суждено выйти отсюда? Он долго созерцал темный квадрат ночи в неумолимом окне, потом, решившись на новые усилия, снял одежду и яростным порывом устремился в зияющее отверстие, решив прорваться во что бы то ни стало.

У него текла кровь, трещали кости, но сначала одно плечо, потом рука прошли, и косяк окна уперся в его левое бедро. К несчастью, правое плечо тоже застряло, да так, что каждое новое усилие оказывалось бесполезным.

Одна часть тела освободилась и висела над рекой, а другая оставалась в плену; бока Сергея Ладко были так стиснуты, что он нашел положение невыносимым. Если бежать таким образом оказалось невозможно, следовало искать другие средства. Может быть, ему удастся вырвать один из косяков окна и расширить отверстие?

Однако для этого надо вернуться в тюрьму, а Ладко понял, что и это невыполнимо. Он не мог двигаться ни вперед, ни назад и, если не позовет на помощь, неизбежно принужден будет оставаться в этой мучительной позе.

Напрасно он бился. Все было бесполезно. Он попался в ловушку.

Сергей Ладко перевел дыхание, когда необычный шум шагов заставил его задрожать. Приближалась новая грозная опасность; произошло то, чего не случалось за время его пребывания в тюрьме: у двери остановились, шарили ключом у замочной скважины, вставили ключ...

Движимый отчаянием, лоцман напряг мускулы в сверхчеловеческом усилии...

Тем временем ключ повернулся в замке... щелкнул пружиной... оставалось только толкнуть дверь.

ИМЕНЕМ ЗАКОНА

Открыв дверь, Стрига в нерешительности остановился на пороге. В келье было совершенно темно. Он ничего не видел, кроме смутно вырисовывающегося на более темном фоне прямоугольника окна. Где-то в углу валяется пленник, но его не различишь.

— Титча! — нетерпеливо позвал Стрига. — Свету!

Титча поспешил принести фонарь, дрожащий свет которого осветил каюту. Два человека обежали ее быстрым взглядом, удивленно посмотрели друг на друга. Каюта была пуста. На полу обрывки веревок, небрежно брошенная одежда; и никаких следов пленника.

— Ты объяснишь мне... — начал Стрига.

Вместо ответа Титча бросился к окну и провел пальцем по косяку.

— Удрал, — сказал он, показывая окровавленный палец.

— Удрал! — с проклятием повторил Стрига.

— Но недавно, — продолжал Титча. — Кровь еще свежая. Впрочем, не прошло и двух часов, как я приносил ему еду.

— И ты ничего не заметил в то время?

— Совершенно ничего. Он был связан, как сосиска.

— Дурак, — заворчал Стрига.

Титча, раскрыв руки, ясно выразил этим жестом, что он не понимает, как произошло бегство, и что, во всяком случае, не считает себя виноватым. Стрига этим не удовлетворился.

— Да, дурак, — повторил он яростно, вырвал фонарь

из рук компаньона и провел им по каюте. — Надо было почаще посещать пленника и не доверять видимости... Ага! Смотри на этот кусок железа, отполированный трением. Это им он перетер веревку... Ему понадобились на это дни и дни... И ты не заметил ничего!.. Можно ли быть таким ослом!

— Когда ты кончишь? — возразил Титча, в свою очередь рассердившись. — Что я тебе, собака?.. Раз уж тебе так нужен был этот Драгош, сторожил бы его сам!

— Я хотел сделать лучше, — сказал Стрига. — Но прежде всего, Драгоша ли мы тут держали?

— Так кто же это по-твоему?

— А я знаю? Я вправе предполагать все, раз ты так выполняешь поручения. Ты его узнал, когда схватил?

— Не могу сказать, что узнал, — сознался Титча, — потому что он сидел спиной...

— Эх!..

— Но я прекрасно узнал лодку. Это та самая, которую ты мне показывал в Вене. Уж в этом-то я уверен.

— Лодка!.. Лодка!.. Наконец, каков он был, твой пленник? Высокий?

Сергей Ладко и Иван Стрига были совершенно одинакового роста. Но человек лежащий кажется, неизвестно почему, гораздо выше стоящего, а Титча видел лоцмана только распростертым на полу тюрьмы. Вот почему он без всяких колебаний ответил:

— На голову выше тебя!

— Это не Драгош! — пробормотал Стрига, который знал, что он выше сыщика. Он раздумывал несколько мгновений, потом спросил: — Походил он на кого-нибудь из твоих знакомых?

— Моих знакомых? — возразил Титча. — Ничуть!..

— Например, не смахивал ли он на Ладко?

— С чего ты взял? — вскричал Титча. — За каким чертом Драгош будет смахивать на Ладко?

— А если нашим пленником был не Драгош?

— Тем более он не мог быть Ладко, которого я знаю достаточно, черт побери, чтобы не ошибиться.

— Отвечай на мои вопросы, — настаивал Стрига. — Походил он на Ладко?

— Ты бредишь, — протестовал Титча. — Прежде всего, у Ладко есть борода, а у пленника не было.

— Бороду можно сбрить, — заметил Стрига.

— Я не спорю... А потом, пленник носил очки.

Стрига пожал плечами.

— Брюнет он или блондин?

— Брюнет, — убежденно ответил Титча.

— Ты в этом уверен?

— Вполне!

— Тогда это не Ладко!.. — снова проворчал Стрига. — Это должен быть Илиа Бруш...

— Какой Илиа Бруш?

— Рыболов.

— Ба! — воскликнул ошеломленный Титча. — Но если пленник не был ни Ладко, ни Драгошем, неважно, что он выбрался на свободу.

Стрига, не отвечая, приблизился, в свою очередь, к окну. Осмотрев следы крови, он перевесился наружу и напрасно пытался рассмотреть что-нибудь в темноте.

— Давно ли он скрылся? — спросил он вполголоса.

— Не больше двух часов, — ответил Титча.

— Ну, тогда он далеко! — вскричал Стрига, с трудом подавляя гнев. После момента раздумья он прибавил: — Сейчас делать нечего. Ночь слишком темна. Птичка улетела, доброго пути! А мы пустимся в путь перед рассветом, чтобы как можно скорее оставить позади Белград.

Мгновение он оставался в задумчивости, потом, не говоря ни слова, оставил каюту и вошел в противоположную. Титча навострил уши. Сначала он не слышал ничего; но скоро через закрытую дверь до него донеслись постепенно усиливающиеся раскаты голоса. С презрением пожав плечами, Титча пошел спать.

Стрига неверно рассуждал о бесполезности немедленных поисков. Может быть, эти поиски и не были бы напрасны, так как беглец ушел недалеко.

Услышав скрип ключа в замке, Сергей Ладко, отчаянно рванувшись, преодолел препятствие. Под яростным усилием мускулов сначала плечо, потом бедро проскочили; он проскользнул сквозь узкое окошко, как стрела, и упал головой в дунайскую воду, которая бесшумно расступилась и сомкнулась над ним. Когда он вынырнул на поверхность, течение уже отнесло его от места паде-

ния. Мгновение спустя он был за кормой шаланды, перед ним лежал свободный путь.

Ладко не колебался. Он решил дать потоку отнести себя подальше. Когда он будет вне досягаемости, он быстро поплывет к одному из берегов. Правда, он явится туда голым, и это создаст большие трудности, но у него не было выбора. Самое важное — удалиться от плавучей тюрьмы, где он провел такие тягостные дни. А на берегу будет видно.

Внезапно перед ним во мраке возникла небольшая темная масса другого судна. Каково же было его волнение, когда он узнал свою баржу, которая шла за шаландой на буксире! Он инстинктивно уцепился за руль и на мгновение замер неподвижно.

В ночной тишине он услышал звук голосов. Без сомнения, спорили об обстоятельствах его бегства. Он ждал, высунув только голову из темной воды, скрывавшей его своим непроницаемым покровом.

Голоса усилились, потом стихли, и вновь наступило молчание. Сергей Ладко медленно взобрался на баржу и исчез в каюте. Там, насторожившись, он продолжал слушать. Он не услышал ничего, никакого шума вокруг.

В каюте ночная тьма была еще гуще. Ничего не видя, Сергей Ладко шарил, как слепой, чтобы узнать знакомые предметы. Казалось, здесь ничего не тронули. Вот рыболовные снасти. На гвозде все еще висит шапка из меха выдры, которую он сам повесил. Направо его кушетка; налево — та, на которой так долго спал господин Иегер... Но почему открыты сундуки? Их, значит, взломали?.. Невидимые во мраке, его руки неуверенно перебирали скромное имущество... Нет, у него ничего не взяли. Белье и одежда лежали в том порядке, как он их оставил; даже нож оказался на обычном месте... Открыв этот нож, Сергей Ладко пополз на животе к носу лодки.

Как он передвигался! Уши настороже, глаза напряженно впиваются во тьму, дыхание замирает при каждом всплеске воды... Не меньше десяти минут потратил он, прежде чем добрался до цели. Потом схватил канат и перерезал его одним взмахом.

Перерезанная веревка шлепнулась в воду с большим шумом. Ладко с бьющимся сердцем снова упал в бар-

жу. Невозможно, чтобы не услышали падения каната в такой глубокой тишине...

Нет... Ничто не движется... Лоцман, мало-помалу выпрямляясь, заметил, что он уже далеко от своих врагов. В самом деле, освободившись, баржа поплыла по течению, и через мгновение ее и стоявшую на якоре шаланду разделила непроницаемая стена мрака.

Когда Сергей Ладко был достаточно далеко, чтобы не бояться погони, он взял весло, и несколько ударов быстро увеличили расстояние. Только тогда он заметил, что дрожит, и решил одеться. Решительно ничто не было тронуто в его сундуке, и он без труда нашел белье и необходимую одежду. Потом схватил весло и принялся яростно грести.

Где он был? Он не имел ни малейшего представления. Ничто не указывало, в каком направлении шло судно, на котором он был заточен. Поднималась или спускалась по реке его плавучая тюрьма, он не знал.

Во всяком случае, теперь он снова поплывет вниз, потому что там Рущук и Натча. Если его увезли назад, он наверстает время усиленной работой рук, вот и все. Он решил грести всю ночь, чтобы как можно дальше удалиться от неведомых врагов. Он мог рассчитывать еще на семь часов темноты. За семь часов можно проплыть много. Когда настанет день, он остановится отдохнуть в первом попавшемся городке.

Сергей Ладко сильно греб минут двадцать, когда среди ночи раздался крик, заглушенный расстоянием. Что он выражал — радость, гнев или ужас? Ничего нельзя было сказать об этом смутном отдаленном крике. И, однако, как ни был слаб голос, долетевший к нему издалека, он наполнил сердце лоцмана неясной тревогой. Где он слышал такой голос?.. Еще немного, и он поклялся бы, что это голос Натчи... Он перестал грести и прислушивался к глухим звукам ночи.

Крик не повторился. Пространство оставалось немым вокруг баржи, которая плыла, увлекаемая течением. Натча!.. Только это имя было у него в голове... Сергей Ладко движением плеч отбросил эту навязчивую идею и принялся за работу.

Время шло. Около полуночи на правом берегу смутно обрисовались дома. Это была деревня Шланкамент; Ладко миновал ее, не узнав.

Несколько часов спустя, на рассвете, показалось другое поселение, Нове Бановице. Он и его не узнал и тоже проехал мимо.

Заря разгоралась, а берега опять стали пустынными.

Лишь только начало светать, Сергей Ладко поспешил исправить недостатки в своей маскировке, которые появились в результате долгого заточения. Через несколько минут его волосы снова сделались черными от корней до кончиков, бритва снесла отросшую бороду, а пропавшие очки были заменены новыми. Сделав это, он принялся грести с неистощимой бодростью.

Время от времени он бросал взгляд назад, но не ви-

дел ничего подозрительного. Очевидно, враги остались далеко.

Когда он покончил с неотложными заботами, ощущение завоеванной безопасности позволило ему снова подумать о странности его положения. Кто были враги, от которых ему удалось бежать? Чего они от него хотели? Почему держали так долго в своей власти? Столько вопросов, и он не мог на них ответить. Но кто бы ни были эти враги, он должен, во всяком случае, бояться их в будущем, и эта забота осложнит его путешествие, если только он, несмотря на опасность такого поступка, не попросит защиты полиции от неизвестных похитителей в первом же встречном городе.

Какой это будет город? Он не знал, и ничто не давало ему указаний на пустынных берегах, где далеко одна от другой лепились бедные деревушки.

Только около восьми часов утра опять же на правом берегу обрисовались на небе высокие колокольни, а на горизонте показался отдаленный город. Сергей Ладко привскочил от радости. Он хорошо знал эти места. Ближе к нему был Землин, последний придунайский город Австро-Венгерской империи; вдали виднелся Белград, сербская столица, тоже расположенная на правом берегу после внезапного изгиба реки, при впадении Савы.

Итак, во время заточения он продолжал спускаться по реке, плавучая тюрьма приблизила его к цели, и, не подозревая об этом, он проделал более пятисот километров.

Сейчас Землин — это спасение. Если понадобится, он найдет там помощь и покровительство. Но решится ли он просить помощи? Если он пожалуется, если расскажет о своем необъяснимом приключении, не начнется ли розыск, первой жертвой которого станет он сам? Быть может, пожелают узнать, кто он такой, куда направляется и, возможно, им удастся узнать имя, которое он поклялся не открывать, что бы ни случилось.

Так и не приняв решения, Сергей Ладко ускорил ход своего суденышка. На колокольнях города пробило половину девятого, когда он привязал лодку к кольцу набережной. Он навел в барже порядок и снова занялся решением проблемы: говорить или молчать. Наконец, он решил воздержаться. Принимая во внимание все, лучше

хранить молчание, отдохнуть в каюте, в чем он очень нуждался, и удалиться из Землина незамеченным, как туда явился.

В этот момент четыре человека показались на набережной и остановились перед баржей. Эти люди спрыгнули в нее, и один из них, приблизившись к Сергею Ладко, смотревшему на него с удивлением, спросил:

— Ваше имя Илиа Бруш?

— Да, — ответил лоцман, с беспокойством глядя на чиновника.

Этот последний приоткрыл свое одеяние, чтобы показать шарф, окрашенный в государственные цвета Венгрии, опоясывавший его талию.

— Именем закона я вас арестую! — сказал он, кладя руку на плечо лоцмана.

СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ

Карл Драгош не помнил, чтобы в продолжение своей деятельности он занимался делом, столь богатым неожиданными инцидентами и столь загадочным, как дело дунайской банды. Невероятная подвижность неуловимой банды, внезапность ее ударов имели в себе что-то необычайное. И вдобавок, ее атаман, только что выслеженный, сделался недосягаемым и, казалось, смеялся над мандатами на его арест, разосланными по всем направлениям!

Сначала можно было подумать, что он просто испарился. Никаких следов ни в верхнем, ни в нижнем течении реки. В частности, будапештская полиция, несмотря на усиленные розыски, ничего не могла открыть. И, однако, он должен был миновать Будапешт, потому что его видели 31 августа у Дюны Фольдвар, на девяносто километров ниже венгерской столицы. Не зная, что роль рыболова в это время разыгрывал Иван Стрига, которому шаланда обеспечивала верное убежище, Карл Драгош не мог ничего понять.

В следующие дни его присутствие было замечено в Шекшарде, Вуковаре, Черевиче, Карловице. Илиа Бруш не скрывался. Далекий от этого, он объявлял свое имя всякому, кто хотел его знать, и даже иногда продавал несколько фунтов рыбы. Правда, другие очень удивля-

лись, заставая его за покупкой рыбы, что было достаточно странно.

Так называемый рыболов показывал, во всяком случае, дьявольскую ловкость. Полиция, предупреждаемая о его появлении, очень спешила и всегда появлялась слишком поздно. Напрасно бороздили реку по всем направлениям, ни малейшего следа баржи не обнаруживалось; казалось, она буквально улетучивалась.

Карл Драгош приходил в отчаяние, узнавая о постоянных неудачах своих подчиненных. Неужели дичь ускользнет у него из рук?

Две вещи можно было утверждать наверняка. Первая — так называемый лауреат продолжал спускаться по реке. Вторая — он, по-видимому, избегал городов, где опасался полиции.

Карл Драгош приказал удвоить бдительность во всех сколько-нибудь значительных городах ниже Будапешта: в Мохаче, Апатине и Нейзаце, а свою штаб-квартиру устроил в Землине. Эти города стали барьерами на пути беглеца.

К несчастью, казалось, что этот последний смеется над всеми препятствиями, нагроможденными перед ним.

Сначала его присутствие заметили ниже Будапешта, затем оно было констатировано, но всегда слишком поздно, ниже Мохача, Апатина и Нейзаца. Драгош, кипя гневом и сознавая, что ставит последнюю карту, собрал настоящую флотилию. По его приказу более тридцати судов крейсировали день и ночь в окрестностях Землина. Уж очень ловок будет противник, если сумеет прорвать эту плотную преграду.

Но как ни были остроумны эти распоряжения, они не имели бы ни малейшего успеха, если бы Сергей Ладко остался пленником в шаланде Стриги. К счастию для спокойствия Драгоша, этого не случилось.

При таких условиях прошел день 6 сентября, и ничего нового не было замечено; Драгош 7-го утром собирался отправиться к флотилии, как вдруг прибежал агент. Преступника арестовали и повели в землинскую тюрьму.

Он поспешил в прокуратуру. Агент был прав. Чересчур знаменитый Ладко, действительно, был под замком.

Новость мгновенно распространилась и взволновала

весь город. Только об этом и говорили, и на набережной целый день толпы народа торчали перед баржей известного преступника. Зеваки не обратили никакого внимания на судно, которое три часа спустя прошло мимо Землина. Это судно, самым невинным образом спускавшееся по реке, было шаландой Стриги.

— Что случилось в Землине? — спросил Стрига у своего верного Титчи, заметив оживление на набережной. — Уж не бунт ли?

Он взял зрительную трубу, которую отнял от глаз после внимательного всматривания.

— Дьявол меня забери, Титча, — вскричал он, — если это не лодка нашего молодчика!

— Ты думаешь? — спросил Титча, овладев трубой.

— Надо все разузнать, — объявил очень взволнованный Стрига. — Я отправлюсь на берег.

— Чтоб тебя схватили? Драгош — хитрец! Если это его баржа, значит, Драгош в Землине. Ты бросишься в пасть волку.

— Ты прав, — согласился Стрига, исчезая в рубке. — Я приму свои меры.

Через четверть часа он явился мастерски «камуфлированный», если позволительно употребить здесь это выражение, заимствованное из жаргона, общего для воров и полицейских. Бороду он сбрил и заменил фальшивыми бакенбардами, волосы спрятал под париком, широкая повязка закрывала один глаз, он с трудом опирался на палку, как человек, едва оправившийся от тяжкой болезни.

— Ну? — спросил он не без гордости.

— Великолепно! — восхитился Титча.

— Слушай, — сказал Стрига. — Пока я буду в Землине, продолжайте ваш путь. На два-три лье ниже Белграда остановитесь и ждите меня.

— Когда ты рассчитываешь вернуться?

— Не беспокойся об этом и скажи Огулу, чтобы он перевез меня на берег в челноке.

В это время шаланда уже миновала Землин. Высадившись на берег достаточно далеко от города, Стрига направился к нему большими шагами. Но, подойдя к окраине, заковылял и, смешавшись с толпой, наполнявшей набережную, жадно прислушивался к разговорам.

Ему недолго пришлось ждать, чтобы войти в курс дела. Никто среди этих оживленных групп не говорил о Драгоше. Не слышно было ничего и об Илиа Бруше. Рассуждали только о Ладко. О каком Ладко? Не о лоцмане из Рущука, имя которого использовал для своих целей Стрига, но о том воображаемом Ладко, каким его создали газетные статьи, о Ладко-злодее, о Ладко-пирате, то есть о нем самом, Стриге. Это его собственный арест служил темой всеобщих разговоров.

Он ничего не мог понять. По-видимому, полиция допустила ошибку, арестовав невинного вместо виновного, и в этом не было ничего удивительного. Но как была связана эта ошибка, понятная ему лучше всякого другого, с присутствием лодки, которую его шаланда вела на буксире еще накануне?

Без сомнения, можно подумать, что Стрига проявил слабость, интересуясь этой стороной вопроса. Существенно было то, что вместо него преследовали другого. Пока подозревают этого, не подумают заняться им самим. Это главный пункт. Остальное его не касается.

Все было бы верно, если бы у Стриги не нашлось своих причин осведомиться на этот счет. Судя по всему, можно было думать, что его пленник и хозяин баржи были одним лицом. Но кто же тогда был незнакомец, находившийся в заключении на шаланде и после этого так любезно заместивший ее владельца в когтях полиции? Понятно, Стрига не покинет Землина, пока не разберется в этом вопросе.

Ему пришлось вооружиться терпением. Господин Изар Рона, которому поручили это дело, казалось, не собирался быстро заняться следствием. Три дня протекло, прежде чем он подал признаки жизни. Такое предварительное ожидание составляло часть его системы. По его мнению, лучше всего было выдержать виновного в одиночестве. Одиночество — великий разрушитель нравственной стойкости, и несколько дней секретной камеры превосходно обезоружат противника, которого судья увидит перед собой.

Господин Изар Рона через двое суток после ареста объяснил свои идеи Карлу Драгошу, который пришел за информацией. Сыщику поневоле пришлось одобрить теорию своего начальника.

— Ну, а все-таки, господин судья, — рискнул он спросить, — когда вы рассчитываете устроить первый допрос?

— Завтра.

— Тогда я зайду завтра вечером, чтобы узнать результаты... Я думаю, бесполезно напоминать, на чем основываются наши предположения?

— Бесполезно, — заверил господин Рона. — Я помню наши предыдущие разговоры, а, впрочем, мои записи очень подробны.

— Вы все-таки позволите мне, господин судья, напомнить вам о моем желании, которое я осмеливаюсь высказать?

— О каком желании?

— Чтобы обо мне не упоминалось в этом деле, по крайней мере, до нового решения. Как я вам докладывал, обвиняемый знает меня только под именем Иегера. Это еще может пригодиться. Очевидно, когда он предстанет перед судом, придется открыть мою подлинную фамилию. Но до этого еще не дошло, и, чтобы удобнее разыскивать виновников, не следует предварять события.

— Это решено, — обещал судья.

В камере, где его заключили, Сергей Ладко дожидался, пока им займутся.

Последовавшее за предыдущим приключением новое несчастье, такое же непостижимое, не сломило его бодрости. Не пытаясь оказать ни малейшего сопротивления в момент ареста, он позволил отвести себя в тюрьму, после того как напрасно задавал вопросы. Чем он, впрочем, рисковал? Этот арест обязательно должен оказаться ошибкой, которая выяснится при допросе.

К несчастью, первый допрос странно откладывался. Сергей Ладко, помещенный в строжайшую одиночку, день и ночь оставался в камере, куда время от времени сторож бросал беглый взгляд через «глазок», просверленный в двери. Повинуясь приказу господина Изара Рона, этот сторож, быть может, надеялся заметить возрастающие результаты метода изоляции. Во всяком случае, он не получил удовлетворения. Протекали часы и дни, а в позе заключенного ничто не показывало изменения его настроения. Сидя на табуретке, опершись руками на колени, с опущенными глазами и холодным ли-

цом, он сохранял почти абсолютную неподвижность, не выказывая никаких признаков нетерпения. С первой же минуты Сергей Ладко решил быть спокойным, и ничто не могло его взволновать. Но, по мере того как шло время, он начинал сожалеть о плавучей тюрьме, которая, по крайней мере, приближала его к Рущуку.

Наконец, на третий день — это уже было 10 сентября — дверь открылась, и его пригласили выйти из камеры. Окруженный четырьмя солдатами со штыками наперевес, он проследовал по длинному коридору, спустился по нескончаемой лестнице, потом пересек улицу, по которой прошел во Дворец Правосудия, построенный против тюрьмы.

Улица кишела народом, теснившимся позади наряда полицейских агентов. Когда показался узник, из толпы донеслись свирепые выкрики ненависти к страшному преступнику, который так долго оставался безнаказанным. Каковы бы ни были чувства Сергея Ладко, подвергшегося таким незаслуженным оскорблениям, он их не показал. Твердым шагом он вошел во дворец и после нового ожидания, наконец, очутился перед судьей.

Господин Изар Рона, маленький, тщедушный человечек, белокурый, с редкой бородкой, с желчным цветом лица, был чиновником с грубыми манерами.

Оперируя смелыми утверждениями, резкими отрицаниями, он нападал на противника внезапно, более желая внушить страх, чем вызвать доверие.

Конвоиры вышли по знаку судьи. Стоя посреди комнаты, Сергей Ладко ждал, когда судья соблаговолит начать допрос. В углу писарь приготовился вести протокол.

— Садитесь, — приказал господин Рона брюзгливым тоном.

Сергей Ладко повиновался. Чиновник продолжал:

— Ваше имя?

— Илиа Бруш.

— Местожительство?

— Салька.

— Профессия?

— Рыболов.

— Вы лжете, — заявил судья, устремив взор на обвиняемого.

Легкая краска покрыла лицо Сергея Ладко, а глаза его блеснули. Но он принудил себя к спокойствию.

— Вы лжете, — повторил господин Рона. — Вас зовут Ладко. Ваше местожительство — Рущук.

Лоцман задрожал. Итак, его настоящее имя стало известно. Как это могло случиться? А судья, от которого волнение подсудимого не ускользнуло, продолжал резким голосом:

— Вы обвиняетесь в трех простых ограблениях, в девятнадцати грабежах со взломом, совершенных при отягчающих обстоятельствах, в трех убийствах и шести покушениях на убийство, и все эти преступления совершены умышленно в течение менее чем трех лет. Что вы можете на это сказать?

Ошеломленный лоцман слушал этот невероятный перечень.

Как! Путаница, которой он опасался, узнав от господина Иегера о существовании своего зловещего однофамильца, все-таки произошла. А если так, зачем же ему соглашаться, что он Сергей Ладко? Перед этим у него была мысль во всем признаться и просить судью не выдавать его туркам. Сейчас он понял, что такое признание было бы скорее вредным, чем полезным. Ведь именно его, Сергея Ладко из Рущука, а не кого другого, обвиняют в этой ужасной цепи преступлений. Без сомнения, назвав свое настоящее имя, он добьется, что его невиновность будет доказана. Но сколько на это уйдет времени? Нет, лучше играть до конца роль рыболова Илиа Бруша, потому что это имя человека, ни в чем не замешанного.

— Вы ошибаетесь, — заявил твердо лоцман. — Меня зовут Илиа Бруш, и я живу в Сальке. Вы легко можете в этом убедиться.

— Это будет сделано, — сказал судья, беря бумагу. — А пока вы должны узнать некоторые из обвинений, которые на вас тяготеют.

Сергей Ладко стал внимательнее. Это его заинтересовало.

— На данный момент, — начал судья, — мы оставим в стороне главные преступления, в которых вас обвиняют, и займемся самыми свежими, совершенными во время вашего путешествия, закончившегося арестом. — Переведя дыхание, господин Рона продолжал: — Ваше

присутствие впервые было замечено в Ульме. Мы считаем, что там и началось ваше путешествие.

— Простите, сударь, — живо перебил Сергей Ладко. — Мое путешествие началось значительно раньше Ульма, потому что я завоевал два первых приза на рыболовном конкурсе в Зигмарингене, и я начал спускаться по реке из Донауэшингена.

— В самом деле, верно, — согласился судья, — что некий Илиа Бруш был провозглашен лауреатом зигмарингенского конкурса, устроенного «Дунайской лигой», и что этого Илиа Бруша видели в Донауэшингене. Но или вы явились в Зигмаринген под вымышленной фамилией, или подменили указанного Илиа Бруша в то время, когда он плыл из Донауэшингена в Ульм. Этот пункт мы в свое время выясним, будьте уверены.

Сергей Ладко с глазами, широко раскрытыми от удивления, слушал, как во сне, эти фантастические умозаключения. Еще немного, и воображаемого Илиа Бруша внесут в список его жертв! Не желая отвечать, он презрительно пожал плечами, а судья, устремив на него пристальный взгляд, внезапно спросил:

— Что вы делали в Вене 25 августа у еврея Симона Клейна?

Сергей Ладко невольно задрожал во второй раз. Знали даже и это посещение! Правда, в нем не было ничего предосудительного, но признаться — это означало открыть свою подлинную личность, и раз он уже решил все отрицать, нужно до конца идти по этому пути.

— У Симона Клейна? — переспросил он, точно не понимая.

— Вы отпираетесь? — молвил господин Рона. — Я этого ожидал. Так я вам скажу, что, отправляясь к еврею Симону Клейну, — говоря это, судья приподнялся на кресле, чтобы придать своим словам сокрушительную силу, — вы шли туда, чтобы условиться с постоянным укрывателем вашей шайки.

— Моей шайки!.. — повторил остолбеневший лоцман.

— Да, ведь верно, — иронически согласился судья, — вы не понимаете, что я хочу сказать, вы не участник банды, вы не Ладко, а безобидный рыболов-удильщик Илиа Бруш. Но, если вы в самом деле Илиа Бруш, почему вы скрываетесь?

— Я скрываюсь?.. — запротестовал Сергей Ладко.

— Черт побери! — вскричал господин Изар Рона. — А для чего же, в таком случае, вы прячете под темными очками свои глаза, самые лучшие на свете, — да, кстати, потрудитесь их снять, эти очки! Зачем вы красите в черный цвет свои белокурые волосы?..

Сергей Ладко был уничтожен.

Полиция знала все, и сеть чем дальше, тем плотнее окружала его; как будто не замечая его смущения, господин Рона продолжал атаку:

— Ну, ну! Вы сбавили прыть, приятель! Вы не знали, что нам столько известно... Но я продолжаю. В Ульме вы взяли пассажира?

— Да, — ответил Сергей Ладко.

— Его имя?

— Господин Иегер.

— Правильно. Не можете ли вы сказать, что случилось с этим господином Иегером?

— Я этого не знаю. Он покинул баржу почти у впадения Ипеля. Я был очень удивлен, не найдя его, когда возвратился к барже.

— Возвратившись, говорите вы. А куда вы уходили?

— В деревушку в окрестностях, чтобы достать подкрепительного для моего пассажира.

— Он был болен?

— Очень болен. Перед этим он чуть не утонул.

— И это вы его спасли, я думаю?

— А кто же это мог быть, если не я?

— Гм!.. — сказал судья, немного смущенный. Потом он овладел собой. — Вы рассчитываете, без сомнения, растрогать меня этой историей о спасении?

— Я? — запротестовал Ладко. — Вы допрашиваете, я отвечаю. Вот и все.

— Хорошо, — подытожил Изар Рона. — Но скажите, до этого случая вы никогда не покидали вашу баржу, как я полагаю?

— Один раз, чтобы побывать у себя в Сальке.

— Можете вы точно сказать мне дату этой отлучки?

— Почему же нет, только немного подумаю.

— Я вам помогу. Не случилось ли это в ночь на двадцать девятое августа?

— Возможно.

— Вы это не отрицаете?

— Нет.

— Вы в этом признаетесь?

— Если хотите.

— Итак, мы договорились... Салька находится на левом берегу Дуная, как мне кажется? — спросил господин Рона с простодушным видом.

— Да.

— И, кажется, было темно в ночь на двадцать девятое августа?

— Очень темно. Была ужасная погода.

— Это и объясняет вашу ошибку. По вполне понятному заблуждению, вы, думая причалить к левому берегу, высадились на правом.

— На правом берегу?

Господин Изар Рона внезапно встал и, смотря обвиняемому прямо в глаза, произнес:

— Да, на правом берегу, прямо против виллы графа Хагенау!

Сергей Ладко напрасно перебирал свои воспоминания. Хагенау? Он не знал этого имени.

— Вы очень упорны, — объявил судья, обманутый в попытке запугать допрашиваемого. — Вы, понятно, в первый раз услышали имя графа Хагенау, и если в ночь на двадцать девятое августа его вилла была ограблена, а сторож Христиан Хоэль серьезно ранен, это все произошло без вашего ведома. Где, к черту, у меня голова? Как можете вы знать о преступлениях, совершенных неким Ладко? Ладко, кой дьявол! Ведь это не ваше имя!

— Мое имя Илиа Бруш, — заявил лоцман, голосом менее уверенным, чем в первый раз.

— Прекрасно, превосходно! Это решено! Но тогда, если вы не Ладко, почему вы скрылись после совершения этого преступления, чтобы нарушить инкогнито, — и очень скромно при том! — только на весьма приличном расстоянии от виллы Хагенау? Почему вы, прежде так открыто демонстрировавший свою персону, не были замечены ни в Будапеште, ни в Нейзаце, ни в другом сколько-нибудь значительном городе? Почему вы забросили роль рыболова до такой степени, что даже иногда покупали рыбу в деревнях, где соизволили останавливаться?

Все это было китайской грамотой для несчастного лоцмана. Ведь он исчез против своей воли. После той ночи на 29 августа разве не был он все время пленником? При таких условиях что удивительного, если он исчез? Напротив, удивительно, что есть люди, которые обратили на это внимание.

Но это заблуждение полиции, по крайней мере, легко рассеять. Достаточно чистосердечно рассказать о непонятном приключении, жертвой которого он стал. Может быть, правосудие окажется более проницательным и распутает темное дело. Решив все это рассказать, Сергей Ладко нетерпеливо ожидал, когда господин Рона позволит ему вставить слово. Но судья несся на всех парах. Теперь он ходил по кабинету из угла в угол и бросал в лицо обвиняемому поток аргументов, которые считал неотразимыми.

— Если вы не Ладко, — продолжал он с возрастающей горячностью, — как это получилось, что после ограбления виллы Хагенау, совершенного, по несчастной случайности, как раз в то время, когда вы покидали вашу баржу, произошло воровство — да, простое воровство! — в деревне Шушек в ночь на шестое сентября, именно в ту ночь, которую вы должны были провести против этой деревни? Если, наконец, вы не Ладко, зачем находился в вашей лодке портрет, подаренный мужу вашей женой Натчей Ладко?

Господин Рона целил метко, и его последний аргумент имел поразительный эффект. Уничтоженный лоцман опустил голову, и по его лицу катились крупные капли пота.

А судья продолжал еще громче:

— Если вы не Ладко, почему этот портрет исчез в тот день, когда вы почувствовали, что вам грозит опасность? Этот портрет был в вашем сундуке, в сундуке у правого борта. Его там больше нет. Его присутствие вас обвиняло; его отсутствие вас приговаривает. Что вы на это скажете?

— Ничего, — глухо пробормотал Ладко. — Я совершенно не понимаю, что со мной происходит.

— Прекрасно поймете, если захотите! Прервем на время наш интересный разговор. Вас отведут обратно в камеру, где вы можете предаваться размышлениям. А по-

ка подведем итоги сегодняшнему допросу. Вы заявляете: 1. Вас зовут Илиа Бруш. 2. Вы получили приз на конкурсе в Зигмарингене. 3. Проживаете в Сальке. 4. Ночь с 28 на 29 августа вы провели у себя в Сальке. Все это будет проверено. Со своей стороны я заявляю: 1. Ваше имя — Ладко. 2. Ваше местожительство — Рущук. 3. В ночь с 28 на 29 августа с помощью многочисленных сообщников вы ограбили виллу Хагенау и вы виновны в покушении на убийство сторожа Христиана Хоэля. 4. Вам приписывается воровство в ночь с 5 на 6 сентября в Шушеке, жертвой которого стал некий Келлерман. 5. Вы обвиняетесь в других многочисленных грабежах и убийствах, совершенных в придунайских областях. Начато расследование этих преступлений. Вызваны свидетели, будут устроены очные ставки... Подпишете протокол допроса?.. Нет?.. Как хотите!.. Стража, увести обвиняемого!

Чтобы вернуться в тюрьму, Сергею Ладко снова пришлось пройти через толпу и услышать враждебные выкрики. Народный гнев, казалось, еще увеличился за время долгого допроса, и полиция с трудом охраняла заключенного.

В первых рядах ревущей толпы стоял Стрига. Он пожирал глазами узника, так предупредительно занявшего его место. Но он не узнал этого человека, бритого, с черными волосами, в темных очках, и поставленная перед ним загадка не разрешилась.

Стрига задумчиво удалился вместе с толпой, когда закрылись двери тюрьмы. Решительно, он не знал арестованного. Это не был, во всяком случае, ни Драгош, ни Ладко. А если так, то какое ему дело до Илиа Бруша или всякого другого? Кто бы ни был обвиняемый, важно, что он отвлек внимание правосудия, и у Стриги не было больше причин задерживаться в Землине. И он решил завтра же отправиться на свою шаланду.

Но утром чтение газет заставило его изменить свои намерения. Дело Ладко велось в строгом секрете, и потому печать настоятельно стремилась разведать тайну. Ей это удалось. Жатва сведений была очень обильна.

В самом деле, газеты излагали достаточно подробно первый допрос и сопровождали отчеты комментариями, неблагоприятными для обвиняемого. Вообще, журнали-

сты удивлялись упорству, с которым этот последний старался представиться простым рыболовом Илиа Брушем из маленького городка Салька. Какой интерес держаться подобной системы защиты, хрупкость которой очевидна? По сведениям прессы, господин Изар Рона уже послал в Грон следственную комиссию. Вскоре в Сальку отправится чиновник и произведет розыск, который разобьет все утверждения обвиняемого. Илиа Бруша будут искать и найдут... если он существует, что очень сомнительно.

Эта новость изменила проекты Стриги. Пока он продолжал чтение, странная мысль пришла ему в голову и вполне сложилась, когда он кончил читать. Конечно, очень хорошо, что правосудие схватило невиновного. Но будет еще лучше, если оно его не выпустит. А что для этого нужно? Представить им Илиа Бруша во плоти и крови и тем самым уличить в обмане настоящего Илиа Бруша, заточенного в Землине. Это обвинение добавится к тем, которые уже привели к аресту, и, может быть, окажется достаточно веским для его решительного обвинения, к большой пользе подлинного преступника.

Стрига немедленно оставил город, но не вернулся на шаланду. Наняв экипаж, он отправился на железную дорогу, и поезд помчал его на север, к Будапешту.

В это время Сергей Ладко в привычной неподвижности считал часы. С первого свидания с судьей он вернулся, испуганный важностью предъявленных ему обвинений. Со временем он сумеет доказать свою невиновность. Но надо вооружиться терпением, так как обстоятельства, видимо, сложились против него, а правосудие не руководится логикой, когда возводит сооружение из гипотез.

Все-таки от простых подозрений до формальных доказательств далеко. А таких доказательств против него никогда не будет. Единственным свидетелем, которого он мог бояться, и только потому, что тот знал тайну его имени, был еврей Симон Клейн. Но Симон Клейн из чувства профессиональной честности, вероятно, не согласится его признать. Впрочем, захотят ли устраивать очную ставку с его старым венским посредником? Разве судья не объявил, что он прикажет произвести расследование в Сальке? Результат его будет превосходным, и заключенный получит свободу.

Прошло несколько дней, в продолжение которых Сергей Ладко возвращался к этим мыслям с лихорадочной настойчивостью. Салька недалеко, и не нужно столько времени для розысков. Только на седьмой день после первого допроса его снова ввели в кабинет господина Изара Рона.

Судья сидел за столом и, казалось, был очень занят. Он оставил лоцмана стоять на ногах минут десять, как будто не замечая его присутствия.

— Мы получили ответ из Сальки, — сказал он, наконец, равнодушно, не поднимая глаз на обвиняемого, которого наблюдал тайком сквозь опущенные ресницы.

— А! — с удовлетворением воскликнул Сергей Ладко.

— Вы были правы, — продолжал господин Рона. — В Сальке действительно есть Илиа Бруш, который пользуется прекрасной репутацией.

— А! — еще раз воскликнул лоцман, которому уже казалось, что перед ним раскрываются двери тюрьмы.

Судья прикинулся еще более равнодушным и незаинтересованным и пробормотал, как будто не придавая своим словам никакого значения:

— Полицейский комиссар из Грона произвел дознание, и ему удалось говорить с ним самим.

— С ним самим? — повторил, не понимая, Сергей Ладко.

— С ним самим, — подтвердил судья.

Сергею Ладко показалось, что он бредит. Как могли найти в Сальке другого Илиа Бруша?

— Это невозможно, сударь, — пробормотал он, — произошла ошибка.

— Судите сами, — возразил судья. — Вот рапорт полицейского комиссара из Грона. Из него видно, что этот чиновник, исполняя поручение, отправился четырнадцатого сентября в Сальку и явился в дом, расположенный на углу набережной и будапештской дороги. Ведь вы, кажется, этот адрес давали? — перебил себя судья.

— Да, сударь, — ответил Сергей Ладко с остолбенелым видом.

— И будапештской дороги, — повторил судья. — Он был принят в этом доме господином Илиа Брушем лично, и тот объявил, что он только недавно возвратился

после довольно продолжительного отсутствия. Комиссар добавляет, что сведения, которые он собрал о господине Илиа Бруше, устанавливают его безупречную порядочность и тот факт, что никакой другой обитатель Сальки не носит это имя... Имеете вы что-нибудь сказать? Прошу вас, не стесняйтесь.

— Нет, сударь, — пробормотал Сергей Ладко, чувствуя, что сходит с ума.

— Вот первый пункт и выяснен, — с удовлетворением заключил господин Рона и посмотрел на узника, как кот на мышь.

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

После второго допроса Сергей Ладко вернулся в камеру, не отдавая себе отчета в том, что делает. Он едва слышал вопросы судьи после того, как ему прочитали донесение полицейского комиссара из Грона, и отвечал на них с тупым видом. То, что случилось, превосходило его понимание. Чего хотели от него в конце концов? Похищенный, заточенный на борту шаланды неведомыми врагами, он только что добился свободы, чтобы сразу ее потерять; и вот теперь нашелся в Сальке другой Илиа Бруш, другой он сам, в его собственном доме!.. Это переходило в фантасмагорию!..[1]

Ошеломленный, сведенный с ума последовательностью необъяснимых событий, он чувствовал, что является игрушкой могущественных враждебных сил, что он, как безвольная и беззащитная добыча, втянут в колеса ужасной машины, называемой правосудием.

Это отчаяние, это исчезновение всякой энергии так красноречиво выражалось на его лице, что один из сопровождающих его тюремщиков растрогался, хотя и считал узника самым отвратительным злодеем.

— Видно, дело идет не так, как вы хотите, приятель? — спросил, вкладывая в звуки голоса некоторое желание ободрить заключенного, этот служитель, хотя и пресыщенный по своей профессии зрелищем людских бедствий.

---

[1] *Фантасмагория* — невероятные, фантастические картины, которые рисует человеку расстроенное воображение.

Он мог говорить с глухим, результат был бы тот же.

— Ну, — снова начал добродушный страж, — не теряйте головы. Господин Изар Рона славный малый, и, может быть, все устроится лучше, чем вы думаете... А пока я оставляю вам вот это... Тут есть кое-что о вашей родной стране... это вас развлечет...

Узник сидел неподвижно. Он ничего не понимал.

Он не слышал, как снаружи застучали засовы, и не видел газеты, которые тюремщик, выдавая без дурных намерений строгий секрет, хранимый его пленником, положил на стол уходя.

Протекали часы. Кончился день, потом прошла ночь, и опять наступил рассвет. Прикованный к стулу, Ладко не чувствовал, как бежит время.

Однако, когда солнечный свет ударил ему в лицо, он как будто вышел из своего оцепенения. Он открыл глаза, и его блуждающий взгляд обежал камеру. Первое, что он заметил, была газета, оставленная накануне жалостливым тюремщиком.

Газета лежала на столе так, что открывала заголовок, напечатанный огромными буквами. «Резня в Болгарии» — объявлял этот заголовок, на который упал взгляд Сергея Ладко. Он задрожал и лихорадочно схватил газету. Сознание быстро возвращалось к нему. Его глаза метали искры, пока он читал.

События, о которых он таким образом узнал, в то время обсуждались целой Европой и возбуждали всеобщий ропот негодования. С тех пор они стали достоянием истории и отнюдь не составляют одну из славных ее страниц.

Как уже говорилось в начале этого рассказа, вся балканская область была тогда в волнении. Летом 1875 года восстала Герцеговина, и турецкие войска, посланные против нее, не могли ее усмирить. В мае 1876 года поднялась, в свою очередь, Болгария; Порта[1] ответила на восстание сосредоточением многочисленной армии в треугольнике, вершинами которого служили Рущук, Видин и София. Наконец, 1 и 2 июля того же 1876 года Сербия и Черногория выступили на сцену и

[1] *Порта* — старинное название Турецкой империи.

объявили Турции войну. Сербы под предводительством русского генерала Черняева сначала достигли некоторых успехов, но потом им пришлось с боями отступить к своей границе, и 1 сентября князь Милан вынужден был просить перемирия на десять дней, во время которого умолял о вмешательстве могущественных христианских монархов, на что те, к несчастью, долго не решались.

«Тогда, — пишет Эдуард Дрио в своей «Истории восточного вопроса», — произошел самый ужасный эпизод этой борьбы; он напоминает резню в Кио во время греческого восстания. Порта, воюя с Сербией и Черногорией, боялась, что болгарское восстание в тылу армии помешает военным операциям. Отдал ли губернатор Болгарии Шефкат-паша приказ подавить восстание, не считаясь со средствами? Это возможно. Банды башибузуков и черкесов, вызванные из Азии, были брошены на Болгарию и затопили ее морем крови. Они дали полную волю своим разнузданным страстям, жгли деревни, убивали мужчин после самых утонченных пыток, распарывали животы женщинам, резали на куски детей. Насчитывалось от двадцати пяти до тридцати тысяч жертв...»

Крупные капли пота катились по лицу Сергея Ладко, когда он читал газету. Что сталось с Натчей среди этих ужасных потрясений?.. Жива ли она еще? Может быть, она погибла, и ее труп с разрезанным животом, искрошенный на куски, вместе с телами стольких невинных жертв валяется в грязи, в крови, попираемый копытами лошадей?

Сергей Ладко встал и, как дикий зверь в клетке, яростно забегал по камере, точно ища выхода, чтобы улететь на помощь Натче.

Этот порыв отчаяния был недолгим. Придя в чувство, он заставил себя успокоиться и с ясной головой стал искать средства вернуть свободу.

Обратиться к судье, открыть ему без обиняков всю правду, умолять о снисхождении?.. Неверный ход. Какие у него шансы добиться доверия у предубежденного человека после того, как он долго упорствовал во лжи? В его ли власти разрушить одним словом подозрения, тяготеющие над именем Ладко? Нет. Все равно, понадобится следствие, и оно займет недели, месяцы,

Надо бежать.

В первый раз, когда он сюда вошел, Сергей Ладко исследовал свою камеру. На это не понадобилось много времени. Четыре стены с двумя отверстиями: с одной стороны дверь, с другой — окно. За тремя из этих стен другие камеры, та же тюрьма. Только за окном была свобода.

Ширина этого окна, верхний косяк которого упирался в потолок, составляла метра полтора; доступ к подоконнику преграждали толстые железные прутья, вделанные в стену. Но, если и победить эту трудность, возникала другая. Снаружи род навеса или колпака, боковые края которого прикреплялись к той и другой стороне окна, закрывал вид, оставляя маленький кусочек неба. Не для того, чтобы убежать, а только чтобы изыскать средства к побегу, нужно прежде всего пробраться сквозь решетку, затем подтянуться на руках на вершину колпака для осмотра окрестностей.

Судя по длине лестниц, которые он проходил во время вызовов к судье, Сергей Ладко считал, что он помещается на четвертом этаже тюрьмы. По крайней мере двенадцать — четырнадцать метров отделяло его от земли. Возможно ли их преодолеть? Нетерпеливо стремясь разрешить этот вопрос, он решил приняться за работу немедленно.

Понятно, прежде всего надо было раздобыть инструмент. Когда его схватили, у него все отобрали, а в тюрьме не было ничего подходящего. Стол, табуретка и постель — каменный свод, накрытый тощим соломенным матрацем, — вот вся меблировка.

Сергей Ладко долго и напрасно искал, когда, в сотый раз обшаривая свою одежду, наткнулся на что-то твердое. Как его тюремщики, он и сам до сих пор не думал о такой незначительной вещи, как пряжка от брюк. Но какой нужной показалась ему эта ничтожная вещь, единственный металлический предмет, которым он располагал!

Сняв эту пряжку и не теряя ни минуты, Сергей Ладко принялся за подоконник около одного из прутьев, и камень, упорно царапаемый шпеньками пряжки, начал пылью осыпаться на пол. Эта работа, медленная и тяжелая сама по себе, еще осложнялась беспрестан-

ным надзором, которому подвергался узник. Не проходило и часа без того, чтобы тюремщик не заглядывал в дверной глазок. И поэтому приходилось все время прислушиваться к наружным шумам, при малейшем признаке опасности прекращать работу и уничтожать подозрительные следы.

Для этой цели Сергей Ладко употреблял свой хлеб. Этот хлеб, смешанный с пылью, падавшей из стены, вполне походил цветом на камень и становился настоящей замазкой, под которой скрывалась выковыриваемая дырка. Остатки от выцарапывания он скрывал под сводом своего ложа.

После двенадцатичасовой работы прут был подкопан на глубину в три сантиметра, но шпеньки сточились. Сергей Ладко сломал пряжку и употребил в дело обломки. Еще через двенадцать часов эти стальные кусочки исчезли.

К счастью, удача, которая улыбнулась узнику, точно не хотела его покидать. Когда принесли еду, он рискнул спрятать столовый ножик, и, так как никто не заметил хищения, он повторил его так же успешно на следующий день. У него оказались два орудия, значительно более надежные, чем то, каким он до сих пор располагал. По правде говоря, это были скверные ножи грубой фабричной работы. Но лезвия их оказались довольно хорошими, а ручки облегчали пользование ими.

С этого времени работа пошла скорее, хотя и недостаточно быстро. Цемент со временем приобрел твердость гранита и лишь с большим трудом крошился. Часто приходилось бросать работу то из-за обхода тюремщиков, то из-за приглашений к судье, который участил допросы.

Результат этих допросов был всегда один и тот же. При каждом вызове проходила вереница свидетелей, показания которых не вносили в дело никакой ясности. Если некоторые находили смутное сходство между Сергеем Ладко и преступником, которого они более или менее ясно разглядели в день, когда стали его жертвами, другие категорически отрицали всякое сходство. Господин Рона напрасно приставлял обвиняемому фальшивые бакенбарды, подстриженные на всевозможные манеры, заставлял показывать глаза или прятать их под темны-

ми стеклами очков, ему не удалось получить ни одного формального свидетельства.

Сергей Ладко совсем не интересовался допросами. Он послушно подчинялся экспериментам судьи, наряжался в парики и фальшивые бороды, снимал и надевал очки, не позволяя себе ни малейших замечаний. Его мысли были далеко от этого кабинета. Они оставались в камере, где железный прут, отделявший его от свободы, мало-помалу вылезал из камня.

Четыре дня работы потребовалось, чтобы обнажить его целиком. Это случилось вечером 23 сентября. Теперь оставалось перепилить верхний конец.

Эта часть работы оказалась наиболее трудной. Уцепившись одной рукой за решетку, Сергей Ладко другой рукой водил взад и вперед свое орудие. Простой нож плохо выполнял роль пилы и очень медленно вгрызался в железо. Да и утомительная поза требовала частого отдыха.

Наконец, 29 сентября, после шести дней героических усилий, Сергей Ладко почувствовал, что глубина надреза достаточна. Еще несколько миллиметров, и железо будет перепилено целиком. Значит, не будет труда переломить металл, когда он согнет прут. И было время. Лезвие второго ножа уже обратилось в ниточку.

На следующее утро после обхода, свободно располагая целым часом, Сергей Ладко настойчиво продолжал свое предприятие. Как он и предполагал, прут согнулся без труда. Через отверстие он вылез за решетку и, пустив в ход руки, достиг вершины колпака. Он жадно осмотрелся.

Как предполагал узник, от земли его отделяло четырнадцать метров. Это расстояние можно было преодолеть, только располагая веревкой достаточной длины. Но спуск на землю был наименее трудной частью задачи, и она от этого не приближалась к решению.

Сергей Ладко установил, что тюрьму окружала дорога для часовых, с другой стороны примыкавшая к стене высотой метров в восемь, за которой виднелись крыши домов. Спустившись, нужно было перебраться через стену, а это с первого взгляда казалось невыполнимым.

Судя по дальности домов, тюрьму, очевидно, окружала улица. Оказавшись на этой улице, беглец почув-

ствует себя спасенным. Но как до нее добраться живым-здоровым?

В поисках выхода из положения Сергей Ладко стал внимательно разглядывать все, что открывалось слева. Если он еще и не нашел такого выхода, все же его сердце забилось от волнения. В этом направлении он увидел Дунай, желтые воды которого были покрыты бесчисленными судами всевозможных размеров. Одни из них поднимались или спускались по реке, другие стояли на якорях у набережной. Среди этих последних лоцман с первого взгляда заметил свою баржу. Она ничем не выделялась среди соседних судов, и ничто не показывало, что ее охраняли. Это будет счастливая случайность, если Сергею Ладко удастся ею завладеть. Благодаря барже беглец менее чем через час пересечет границу, а на сербской территории он будет смеяться над австро-венгерским судом.

Сергей Ладко снова взглянул направо, и то, что он там увидел, заставило его насторожиться. Поддерживаемый на определенных расстояниях солидными скобами, вделанными в стену, с крыши спускался железный стержень, — очевидно, проводник громоотвода, — и проходил не очень далеко от его окна, чтобы потом уйти в землю. Этот стержень сделает спуск довольно легким, если удастся до него дотянуться.

По-видимому, это можно было сделать. На высоте пола его камеры род карниза, одно из архитектурных украшений здания, проходил вдоль стены, образуя выступ шириной в двадцать — двадцать пять сантиметров. При хладнокровии и энергии, может быть, удастся по нему пройти и, таким образом, достигнуть стержня громоотвода.

К несчастью, если и увенчается успехом такая безумно смелая попытка, от этого наружная стена все-таки останется недоступной. Заключенный в камере или во дворе тюрьмы все равно узник.

Сергей Ладко, осматривая стену с таким вниманием, какого он ей до того не уделял, заметил, что ее верхняя часть, чуть пониже конька, была украшена с обеих сторон рядом квадратных выступов, выходивших из камня. Он внимательно рассмотрел этот архитектурный орнамент, потом, соскользнув на подоконник, вернулся в ка-

меру и постарался уничтожить все подозрительные следы.

Он принял решение. Средство завоевать свободу наперекор всему было найдено. Каким бы оно ни казалось рискованным, оно могло, оно должно было преуспеть. В конце концов лучше смерть, чем продолжение подобной муки.

Он терпеливо ждал второго обхода. Убедившись в том, что у него есть время, он принялся заканчивать свои приготовления. Пользуясь обломком ножа, он нарезал из простынь полсотни полос в несколько сантиметров шириной. Чтобы не привлечь внимания тюремщиков, он оставил часть полотна, и постель сохранила внешний вид. Ведь не придет же им в голову поднимать одеяло.

Нарезанные полосы он сплел по четыре в форме тесьмы, в которой отдельные волокна, налегая друг на друга, у концов вплетаются последовательно. Целый день ушел на эту работу. Наконец, 1 октября, незадолго до полудня, у Сергея Ладко оказалась прочная веревка длиной от четырнадцати до пятнадцати метров, которую он тщательно спрятал под кроватью.

Все было готово, и он решил, что бегство совершится в этот же вечер, в девять часов.

В этот последний день Сергей Ладко продумывал мельчайшие подробности своего предприятия, перебирая в уме счастливые случайности и опасности. Что его ждет: свобода или смерть? Это решит ближайшее будущее. Во всяком случае, он рискнет.

Вдруг, перед тем как пробил час действия, судьба приготовила ему последнее испытание. Было около трех часов пополудни, когда засовы его камеры откинулись с большим шумом. Чего от него хотят? Опять поведут к господину Изару Рона? Впрочем, обычный час для допросов уже прошел.

Нет, это был не вызов на допрос. Через открытую дверь Сергей заметил в коридоре, помимо тюремщика, группу из трех незнакомых ему особ. Одной из них была молодая женщина лет двадцати, с нежным и добрым лицом. Из двух сопровождавших ее мужчин один, очевидно, был ее мужем. Обращение и поза тюремщика позволили угадать в другом директора тюрьмы.

Дело, видимо, шло о посещении. Судя по почтитель-

ному обращению с ними, посетители были люди высокого круга, быть может, даже путешествующая княжеская чета, при которой директор играл роль чичероне [1].

— Сейчас занимающий эту камеру, — объяснил он гостям, — не кто иной, как знаменитый Ладко, атаман дунайской банды, имя которого, конечно, дошло и до вас.

Молодая женщина пугливо взглянула на знаменитого злодея. Но он совсем не имел ужасного вида, этот прославленный преступник. Нельзя было представить себе атамана бандитов такой легендарной жестокости с чертами исхудалого, изможденного человека, с бледным лицом, глаза которого выражали отчаяние и глубокую тоску.

— Правда, он упорно настаивает на своей невиновности, — беспристрастно добавил директор, — но мы привыкли к таким песням.

Потом он указал посетителям на порядок в келье и на ее превосходную чистоту. В пылу рассуждений он даже перешел порог и приготовился прислониться к окну, чтобы стать лицом к слушателям.

Сердце Сергея Ладко внезапно перестало биться. Сам того не подозревая, оратор слегка прикоснулся к тому месту, где работал узник, и цемент уже начал сыпаться тонкой струйкой. Другим движением он тронул затычку из хлеба и она вывалилась из камня и упала на пол. Сергей Ладко задрожал от ужаса, заметив, что обнаженная оконечность прута ясно показалась в глубине ячейки.

Заметил ли это кто-нибудь? Да! Пока ее муж и директор рассматривали жалкий стол, как предмет высочайшего интереса, а тюремщик, почтительно отвернувшись, глядел в глубину коридора, посетительница устремила взор в углубление, выдолбленное в стене, и выражение ее лица показало, что она поняла его скрытое значение.

Она собирается заговорить... одним сказанным словом разрушить столько трудов... Сергей Ладко ждал и чувствовал, что жизнь по капелькам уходит от него.

---

[1] *Чичероне* (итал.) — проводник.

Немного побледнев, молодая женщина подняла глаза на узника и охватила его всего своим ясным взглядом. Увидела ли она крупные слезы, медленно катившиеся из-под ресниц несчастного? Уловила ли его молчаливую мольбу? Поняла ли его ужасное отчаяние?

Прошло десять трагических секунд, и молодая женщина внезапно повернулась, испустив крик боли. Ее спутники устремились к ней. Что случилось? Ничего серьезного, объяснила она дрожащим голосом, пытаясь улыбнуться. Просто она глупо подвернула себе ногу, вот и все.

Пока Сергей Ладко незаметно поместился перед обвиняющим прутом, муж, директор и тюремщик засуетились. Двое первых вышли, поддерживая мнимо пострадавшую; третий поспешил задвинуть засов. Сергей Ладко остался один.

Какой порыв благодарности к пожалевшему его нежному созданию переполнил грудь Сергея Ладко! Он спасен благодаря ей. Он обязан ей жизнью, больше, чем жизнью, — свободой.

Обессиленный, он упал на кровать. Волнение было слишком жестоким. Его мозг ослабел под этим последним ударом судьбы.

День завершился без происшествий, и, наконец, пробило девять часов на городской башне. Ночь была самая подходящая. Густые тучи покрывали небо и увеличивали темноту.

Отдаленный шум в коридоре возвестил о приближении обхода. Стража перед дверью остановилась. Тюремщик заглянул в глазок и, удовлетворенный, удалился. Заключенный спал, укрывшись одеялом до подбородка. Обход удалился, шум шагов затих.

Момент действовать настал.

Сергей Ладко тотчас вскочил с постели и сложил под одеялом матрац так, чтобы в полумраке камеры он походил на спящего человека. Сделав это, он взял веревку и, снова выскользнув за решетку, сел верхом, как и в прошлый раз, на верхний край колпака.

Карнизы, украшавшие здание, были расположены на высоте пола каждого этажа; таким образом, Сергею Ладко предстояло спуститься на четыре метра. Он предвидел это затруднение. Закинув веревку за один из

прутьев и держа оба её конца, он легко спустился на выступ.

Опираясь спиной о стену, держась левой рукой за веревку, которая его поддерживала, беглец отдыхал. Как сохранить равновесие на узком карнизе? Едва пытался он оставить веревку, как ему казалось, что он летит вниз.

Он благоразумно принудил себя к крайней медлительности движения, и ему удалось перехватить веревку правой рукой, а левой он ощупал боковую стенку колпака. Колпак не был прикреплен непосредственно к окну, и у него должны были существовать какие-то опоры. И в самом деле, рука Ладко нащупала препятствие, в котором он признал крюк, вделанный в стену.

Как ни слаба была точка опоры, представляемая крюком, ею поневоле пришлось удовлетвориться. Зацепившись за него концами пальцев, Сергей Ладко медленно притянул к себе один из двух концов веревки, которая понемногу свалилась ему на плечи. Теперь, если бы даже беглец и захотел, он не смог бы вернуться в камеру. В силу необходимости нужно было доводить дело до конца.

Сергей Ладко рискнул повернуть голову к стержню громоотвода, в котором рассчитывал найти поддержку при спуске. Каков же был его ужас, когда он увидел, что более двух метров отделяло стержень от колпака, который он не решался покинуть, боясь свалиться с высоты!

И, однако, надо было принять решение. Он стоял на узком выступе, опираясь спиной о стену, поддерживаемый над пустотой ничтожным куском железа, готовым выскользнуть из его пальцев, и в таком положении не мог оставаться до бесконечности. Лучше погибнуть, но надо сделать последнюю попытку спастись.

Отклонившись от окна, беглец распрямил левую руку, как спущенную пружину, потом, оставив опору, ринулся направо.

Он упал. Его плечо ударилось о карниз. Но его протянутые руки схватились за громоотвод.

Первая трудность была побеждена. Оставалось справиться со второй.

Сергей Ладко скользил вниз по стержню и останав-

ливался у скобок, прикреплявших его к стене. Там он переводил дух и размышлял.

Земли не видно было во мраке, но снизу до беглеца доносился регулярный звук шагов. Очевидно, там ходил караульный солдат. Судя по звуку, который то усиливался, то утихал, часовой, пройдя часть дорожки, примыкавшей здесь к зданию тюрьмы, поворачивал, чтобы обойти другой фасад, и снова возвращался, беспрерывно маршируя взад-вперед. Сергей Ладко рассчитал, что отсутствие солдата продолжалось три-четыре минуты. За это время нужно преодолеть расстояние, отделявшее его от наружной стены.

Он различал под собой гребень стены, белый цвет которой смутно обрисовывался в темноте, но не мог разглядеть выступов, украшавших ее верхушку.

Сергей Ладко, соскользнув ниже, остановился у одной из скоб. Здесь он был еще на два-три метра выше гребня стены, до которой ему предстояло добраться.

Он держался крепко и мог позволять себе резкие движения. Сложив веревку вдвое, Сергей Ладко сделал на ней скользящую петлю и получил подобие лассо. Держа его за два свободных конца, беглец начал метать лассо на верхушку стены, стараясь зацепить за один из выступов.

Предприятие было трудным. Полный мрак скрывал цель, и следовало рассчитывать только на счастливую случайность. Больше двадцати раз он безрезультатно бросал веревку и, наконец, почувствовал сопротивление. Сергей Ладко напрягал мышцы, веревка держалась крепко. Итак, попытка удалась: петля захлестнулась вокруг выступа. Беглец крепко затянул ее. Он пропустил один из свободных концов веревки между стеной и стержнем громоотвода и надежно связал его с другим. Теперь воздушный мостик пролег над дорожкой для караула.

Уж очень это был ненадежный мостик! Не порвется ли веревка, не отцепится ли от камня, который ее держит? В первом случае совершится ужасное падение с десятиметровой высоты; во втором — он понесется к стене тюрьмы, наподобие маятника, и разобьется об нее.

Ни на одно мгновение Сергей Ладко не поколебался перед такими опасностями. Веревка держалась крепко,

он лучше связал ее концы, потом, готовый устремиться в пространство, стал прислушиваться к шагам караульного солдата.

Тот как раз был под беглецом. Потом завернул за угол здания, и его шаги затихли. Надо было, не теряя ни секунды, воспользоваться его отсутствием.

Сергей Ладко пустился по воздушной дороге. Вися между небом и землей, он продвигался осторожно и равномерно, не беспокоясь о том, что веревка провисала под его тяжестью и ее провисание увеличивалось по мере приближения к середине перехода. Он хочет пройти. Он пройдет.

Он прошел. Менее чем в минуту он преодолел головокружительную бездну и достиг гребня стены.

Не беспокоясь об отдыхе, он спешил все больше и больше, опьяненный уверенностью в успехе. Вряд ли десять минут прошло с тех пор, как он покинул камеру, но они ему показались длиннее часа, и он боялся, как бы обход не вздумал войти в камеру. Не откроют ли тогда его исчезновение, хотя он подложил под одеяло свернутый матрац? Нужно быть в этот момент далеко. Баржа здесь, в двух шагах от него! Несколько ударов весла, и он будет недосягаем для преследователей.

Прервав свою работу при приближении караульного, Сергей Ладко лихорадочно перетянул к себе узел веревки, развязал и подтащил веревку к себе; потом он связал ее снова, обмотал вокруг выступа и начал спуск, уверившись, что улица пустынна.

Благополучно достигнув земли, он заставил веревку упасть к своим ногам и свернул ее в узел. Все было кончено. Он свободен, и никаких следов не осталось от его смелого бегства.

Но, когда он собрался идти разыскивать свою баржу, из мрака донесся голос.

— Черт побери! — послышалось менее чем в десяти шагах. — Да это господин Илиа Бруш, честное слово!

Сергей Ладко вздрогнул от радости. Судьба решительно стала на его сторону и посылает ему помощь друга.

— Господин Иегер! — вскричал он в восхищении, в то время как прохожий вышел из темноты и направился к нему.

ЦЕЛЬ БЛИЗКА!

10 октября рассвет наступил уже в девятый раз, с тех пор как баржа снова начала спускаться по Дунаю. За восемь предшествующих дней она оставила позади более семисот километров. Уже приближался Рущук, они будут там вечером.

На борту ничего не изменилось. Баржа несла, как и прежде, тех же двух пассажиров, Сергея Ладко и Карла Драгоша, снова превратившихся — один в рыболова Илиа Бруша, другой в добродушного господина Иегера.

Впрочем, манера, с которой первый играл теперь свою роль, делала более трудной роль второго. Загипнотизированный желанием приблизиться к Рущуку, работающий веслом день и ночь, Сергей Ладко пренебрегал самыми элементарными предосторожностями. Он не только сбросил очки, но и забыл о бритье и о краске; изменения, происходившие в его наружности по мере плавания, обличали мнимого Бруша со все возрастающей силой. Его черные волосы бледнели со дня на день, а белокурая борода начинала принимать вполне почтенный вид.

Было бы вполне естественным, если бы Карл Драгош показал некоторое изумление при таком превращении. Однако он ничего не говорил. Решив проделать путешествие до конца, как он обязался, он вознамерился не видеть ничего, что могло бы оказаться неудобным. К тому моменту, когда он встретился лицом к лицу с Сергеем Ладко под стеной тюрьмы, прежние мнения Карла Драгоша уже сильно поколебались, и он был меньше склонен верить в виновность старого товарища по путешествию.

Случай со следствием в Сальке был первой причиной этой перемены. Карл Драгош сам произвел повторное расследование. Не так легко удовлетворяющийся, как полицейский из Грона, он долго расспрашивал жителей городка, и их ответы очень его смутили.

Что некий Илиа Бруш, который вел правильную жизнь, обитал в Сальке и оставил ее незадолго до конкурса в Зигмарингене, было неоспоримо установлено. Возвращался ли домой этот Илиа Бруш после конкурса,

и именно в ночь на 29 августа? По этому пункту сведения были неясны. Если ближайшие соседи как будто припоминали, что в конце августа ночью виднелся свет в окнах дома рыболова, тогда закрытых уже более месяца, они все-таки не могли этого определенно утверждать. Такие сведения, хотя смутные и нерешительные, естественно, увеличили раздумье полицейского.

Оставалось выяснить третий пункт. Кто же был тот, с кем, как с Илиа Брушем, говорил комиссар из Грона в доме, указанном обвиняемым. На этот счет Драгош не мог получить никаких сведений. Илиа Бруша достаточно знали в Сальке, и если он еще раз побывал там, то, очевидно, и прибыл и отправился обратно ночью, так как его никто не видел. Такая таинственность, уже сама по себе подозрительная, стала еще подозрительнее, когда Карл Драгош принялся за хозяина трактира. Оказалось, что вечером 12 сентября, за тридцать шесть часов до визита полицейского комиссара из Грона, неизвестный спросил в трактире адрес Илиа Бруша. Положение запутывалось. Оно еще более осложнилось, когда допрошенный трактирщик описал наружность незнакомца в таких чертах, которые соответствовали чертам атамана дунайской банды, как их рисовала народная молва.

Все это заставило Карла Драгоша еще более задуматься. Он инстинктивно чувствовал, что дело нечисто, что произошла какая-то грязная махинация, цель которой была ему еще неясна, но, возможно, что подсудимый как раз и явился ее жертвой.

Это впечатление еще более укрепилось, когда по возвращении в Землин он узнал ход следствия. В конце концов, после двадцати дней оно не продвинулось ни на шаг. Не открыли ни одного сообщника, ни один свидетель формально не признал узника, против которого не оказалось других улик, кроме того, что он изменил свою внешность и владел портретом, на котором стояло имя Ладко.

Эти обвинения, присоединенные к другим, могли бы стать важными, но в отдельности теряли всякую ценность. Может быть, даже и переодевание и присутствие портрета имели законную причину.

Карл Драгош в таком состоянии духа склонялся к снисхождению. Вот почему он невольно глубоко растро-

гался от наивного доверия Сергея Ладко, проявленного в таких обстоятельствах, когда было бы извинительно не довериться даже самому близкому другу.

Но разве невозможно было совместить чувство жалости с профессиональным долгом, заняв, как прежде, место на барже? Если Илиа Бруш в действительности звался Ладко и если этот Ладко был преступником, Карл Драгош, присоединившись к нему, выследит его сообщников. Если же, напротив, лауреат «Дунайской лиги» невиновен, быть может, он все-таки приведет к настоящему преступнику, который воспользовался расследованием в Сальке, чтобы отвести от себя подозрения.

Эти рассуждения, как будто не совсем обоснованные, однако, не были лишены логики. Жалкий вид Сергея Ладко, сверхчеловеческая смелость, которую он проявил, совершив свое фантастическое бегство, и особенно воспоминание об услуге во время бури, оказанной ему рыболовом с такой героической простотой, сделали остальное. Карл Драгош был обязан жизнью этому несчастному, который, задыхаясь, стоял перед ним с окровавленными руками, с исхудалым лицом, по которому струился пот. Мог ли он в награду за все это ввергнуть его обратно в ад? Сыщик на это не решился.

— Идем! — просто сказал он в ответ на радостное восклицание беглеца и увлек его к реке.

Немногими словами обменялись компаньоны за восемь дней, прошедших с тех пор. Сергей Ладко обычно хранил молчание и тратил все силы на то, чтобы увеличить скорость лодки.

Отрывистыми фразами, которые приходилось у него вырывать, он все-таки рассказал о своих непонятных приключениях, начавшихся у притока Ипель. Он рассказал о долгом заключении в землинской тюрьме, последовавшем за еще более странным заключением на борту неизвестной шаланды. Те, кто утверждал, что видели его между Будапештом и Землином, лгали, так как во время этого переезда он был заточен в шаланде со связанными руками и ногами. Во время этого рассказа прежние взгляды Карла Драгоша все более и более менялись. Он невольно устанавливал связь между нападением, жертвой которого стал Илиа Бруш, и вмешательством его двойника в Сальке. Без сомнения, рыболов кому-то ме-

шал и подвергался ударам неведомого врага, наружность которого соответствовала описаниям подлинного бандита.

Так, мало-помалу Карл Драгош приближался к истине. Он не мог проверить свои умозаключения, но чувствовал, по крайней мере, как тают со дня на день его старые подозрения.

Однако он ни на один момент не подумал оставить баржу, чтобы вернуться и начать розыски сызнова. Его нюх полицейского говорил ему, что этот след хорош и что рыболов, быть может невиновный, тем или иным образом связан с историей дунайской банды. Впрочем, в верхнем течении реки все было спокойно, и последовательность совершенных преступлений доказывала, что их виновники тоже спускались по реке, по крайней мере до Землина. И были все шансы за то, что они продолжали спускаться во время заключения Илиа Бруша.

В этом предположении Карл Драгош не ошибался. Иван Стрига действительно приближался к Черному морю, обогнав на двенадцать дней баржу в момент ее отправления из Землина. Но эти двенадцать дней выигрыша он постепенно терял, и расстояние, разделявшее два судна, постепенно уменьшалось. День за днем, час за часом, минута за минутой баржа неумолимо догоняла шаланду под яростными усилиями Сергея Ладко.

У этого последнего была одна цель: Рущук. Одна мысль: Натча. Если он пренебрегал предосторожностями, которые принимал раньше, чтобы поддерживать инкогнито, это потому, что он больше о них не думал. Зачем они ему теперь? После ареста, после бегства называться Илиа Брушем было так же опасно, как и Сергеем Ладко. Под тем или под другим именем он отныне сможет только тайно пробраться в Рущук под угрозой быть схваченным на месте. Поглощенный одной мыслью, он за все эти восемь дней не обращал никакого внимания на берега реки. Если он заметил, что они миновали Белград — белый город, поднимающийся по холму, над которым господствовал княжеский дворец Конак, и оставили позади его пригород, где перегружается огромное количество товаров, то лишь потому, что Белград указывал сербскую границу, где кончалась власть господина Изара Рона. А потом он уже не замечал ничего. Он не

видел ни Семендрии [1], древней столицы Сербии, славящейся виноградниками, которыми она окружена; ни Коломбалы, где показывают пещеру, в которой, по преданиям, святой Георгий похоронил труп дракона, убитого его собственными руками; ни Орсовы, после которой Дунай течет между двумя старинными турецкими провинциями, позднее сделавшимися независимыми королевствами; ни Железных ворот, этого знаменитого прохода, окаймленного вертикальными стенами в четыреста метров высоты, где Дунай бешено мчится и с яростью разбивается о скалы, которыми усеяно его ложе; ни Видина, первого довольно значительного болгарского города; ни Никополя, ни Систова [2], ни других известных болгарских городов, которые он должен был миновать перед Рущуком.

Он предпочитал держаться сербского берега, где чувствовал себя в бóльшей безопасности, и, в самом деле, до Железных ворот полиция его не беспокоила.

Только у Орсовы в первый раз катер речной полиции приказал барже остановиться. Обеспокоенный Сергей Ладко повиновался, ожидая, что ему неминуемо придется отвечать на вопросы. Его совсем не допрашивали. По одному слову Карла Драгоша командир патруля почтительно поклонился, и об обыске не было и речи.

Лоцман даже не успел удивиться, как это горожанин из Вены распоряжается по своей воле полицейскими силами. Слишком счастливый, что так хорошо отделался, он нашел вполне естественным могущество, пошедшее ему на пользу, и не выразил никакого изумления, а просто возрастающее нетерпение во время долгого разговора его пассажира с агентом.

В соответствии с приказами как господина Изара Рона, взбешенного бегством арестанта, так и самого Карла Драгоша, речная полиция удвоила бдительность. На определенных дистанциях суда должны были проходить заграждения, и среди них Орсова играла главную роль. Узость реки в этом месте облегчала надзор, так что никакому судну не удавалось проскользнуть здесь без тщательного осмотра.

---

[1] Теперь Смередево.
[2] Теперь Свиштов.

Карл Драгош, допрашивая подчиненного, с досадой узнал, что обыски не дали никаких результатов; более того, новое преступление, очень серьезное ограбление, произошло пять дней назад на румынской территории, при впадении Жиу, против болгарской деревни Рахова.

Итак, дунайская банда снова проскользнула через петли сети. Эта банда забирала не только золото и серебро, но и ценности всякого рода, их добыча была очень громоздкой, и казалось просто невероятным, что ее не могли обнаружить при условиях, когда ни одно судно не могло избавиться от обыска.

И, однако, это было так.

Карл Драгош поражался такой ловкости. Но приходилось считаться с очевидностью; преступление показывало, что бандиты спускаются по реке.

Единственный вывод из этих событий — следовало спешить. Место и день последнего грабежа показывали, что его виновники опередили баржу рыболова километров на триста. Подсчитав время, проведенное Илиа Брушем в тюрьме, то есть время, выигранное дунайской шайкой, можно было убедиться, что скорость шаланды вполовину меньше скорости баржи. Значит, возможно настичь бандитов.

Они немедленно отправились в путь, и утром 6 октября была пересечена болгарская граница. До того Сергей Ладко старался держаться правого берега. Теперь он, по возможности, прижимался к румынской стороне; впрочем, начиная от Лом-Паланки вдоль реки тянулась цепь болот шириной от восьми до десяти километров, мешавшая приближаться к берегу.

Как ни углублялся в свои мысли Сергей Ладко, но с тех пор, как он вошел в болгарские воды, река должна была внушить ему опасения. Ее беспрестанно бороздили паровые шлюпки, миноноски и даже канонерки под турецким флагом. Предвидя, что раньше или позже разразится война с Россией, Турция начала наблюдать за Дунаем и наполнила его своими флотилиями.

И там и здесь был риск, однако лоцман старался держаться подальше от турецких судов, если это даже грозило столкновением с румынскими властями; но Ладко надеялся, что господин Иегер сможет его защитить, как это случилось в Орсове.

Однако не случилось таких происшествий, которые снова доказали бы могущество пассажира; последняя часть путешествия прошла спокойно, и 10 октября, около четырех часов пополудни, баржа приблизилась, наконец, к Рущуку, который неясно показался на другом берегу. Лоцман выплыл на середину реки и, впервые за много дней бросив работать веслом, спустил якорь.

— Что случилось? — спросил изумленный Карл Драгош.

— Я прибыл, — лаконически ответил Сергей Ладко.

— Прибыл? Но мы ведь не у Черного моря?

— Я вас обманывал, господин Иегер, — без обиняков заявил Сергей Ладко. — У меня никогда не было намерения плыть до Черного моря.

— Ба! — сказал сыщик с возрастающим вниманием.

— Это так. Я отправился с мыслью кончить путь в Рущуке. Мы прибыли.

— А где же Рущук?

— Там, — ответил лоцман, показывая на дома отдаленного города.

— Почему же в таком случае мы не отправляемся туда?

— Потому что я должен дождаться ночи. Меня ищут, преследуют. Днем я рискую, что меня арестуют при первом шаге.

Это становилось интересным. Неужели все-таки оправдываются первоначальные подозрения Драгоша?

— Как в Землине, — пробормотал вполголоса сыщик.

— Как в Землине, — спокойно согласился Сергей Ладко, — но по другим причинам. Я честный человек, господин Иегер.

— Я в этом не сомневаюсь, господин Бруш, хотя причины бояться ареста редко вызывают сочувствие порядочных людей.

— Мои как раз таковы, господин Иегер, — холодно уверил Сергей Ладко. — Извините, что я не могу их открыть. Я поклялся хранить тайну и сохраню ее.

Карл Драгош выразил жестом полнейшее равнодушие. Лоцман продолжал:

— Я понимаю, господин Иегер, что вы не захотите вмешиваться в мои дела. Если желаете, я высажу вас на

румынской территории, и вы избежите опасностей, которым я могу подвергнуться.

— Сколько времени вы рассчитываете оставаться в Рущуке? — спросил вместо ответа Карл Драгош.

— Не знаю, — ответил Сергей Ладко. — Если все пойдет, как я желал бы, я вернусь на лодку до утра, и в этом случае буду не один. Если получится по-другому, неизвестно, что я стану делать.

— Я последую за вами до конца, господин Бруш, — не колеблясь объявил Карл Драгош.

— Воля ваша, — молвил Сергей Ладко и больше не сказал ни слова.

Когда наступила ночь, он взялся за весло и приблизился к болгарскому берегу. Была полная темнота, когда он причалил немного ниже последних домов города.

Всем существом стремясь к заветной цели, Сергей Ладко действовал, как под гипнозом. Его четкие и точные движения вели к тому, что нужно было делать, чего он не мог не делать. Слепой ко всему окружающему, он не видел, как его компаньон исчез в каюте, когда якорь был поднят на борт. Внешний мир потерял для него всякую реальность. Для него существовала единственная мечта. И этой мечтой был весь освещенный солнцем, несмотря на тьму ночи, его дом, и в этом доме Натча!.. Кроме Натчи, для него ничего не было под небом.

Как только нос суденышка коснулся берега, он спрыгнул на землю, закрепил баржу и удалился быстрыми шагами.

Карл Драгош тотчас вышел из каюты. Он не потерял времени. Кто мог бы узнать энергичного и подтянутого полицейского в этом увальне с тяжелой поступью, превосходно изображавшем венгерского крестьянина.

Сыщик в свою очередь сошел на берег и, следуя за лоцманом, снова отправился на охоту.

ОПУСТЕВШИЙ ДОМ

Через пять минут Сергей Ладко и Карл Драгош очутились около домов. В Рущуке в ту пору, несмотря на его торговое значение, не существовало уличного освещения, и при всем желании трудно было составить по-

нятие о городе, беспорядочно разбросанном по берегу Дуная. Близ пристани теснились ветхие сараи, служившие складами или кабачками. По правде говоря, Ладко и Драгош на все это не обращали внимания. Первый шел быстрым шагом, смотря прямо перед собой, как будто его привлекала цель, сверкающая во тьме. А второй старался не отставать от лоцмана, и потому не сразу заметил двух людей, вышедших из улочки, мимо которой он проходил.

Когда эти двое оказались на дороге, ведущей к реке, они разделились. Один пошел направо, вниз по реке.

— До свиданья, — сказал он по-болгарски.

— До свиданья, — отвечал другой и, повернув налево, двинулся в сторону Карла Драгоша.

При звуке этого голоса сыщик задрожал. Секунду он колебался, невольно замедлив шаг, потом, перестав следовать за лоцманом, круто остановился и повернулся.

Вся совокупность природных и благоприобретенных способностей необходима сыщику, питающему честолюбивую мечту не застыть на нижних ступеньках служебной лестницы. Но наиболее драгоценны из многих качеств, которыми он должен владеть, превосходная зрительная и слуховая память.

Карл Драгош владел этими преимуществами в высокой степени. Его слуховые и зрительные нервы представляли собой настоящие регистрирующие аппараты, и своих зрительных и слуховых ощущений сыщик никогда не забывал. Через месяцы и годы он узнавал с первого взгляда едва рассмотренное лицо и голос, который когда-то прозвучал в его ушах.

Это был как раз один из тех голосов, которые Драгош слышал, и не так давно, чтобы ошибиться. Этот голос донесся до его слуха на поляне, у подножия горы Пилиш, и он будет той путеводной нитью, которую сыщик так долго искал. Какими бы ни казались изобретательными умозаключения, относившиеся к компаньону по путешествию, это все-таки были только гипотезы. Напротив, голос принес ему, наконец, уверенность. Колебаться между вероятностью и уверенностью было невозможно, и вот почему сыщик оставил Ладко и устремился за новой добычей.

— Добрый вечер, Титча, — сказал по-немецки Карл Драгош, когда человек приблизился к нему.

Тот остановился, стараясь рассмотреть его в темноте.

— Кто это? — спросил он.

— Я, — отвечал Драгош.

— Да кто вы?

— Макс Рейнольд.

— Не знаю такого.

— Но я вас знаю, раз назвал по имени.

— Это верно, — согласился Титча. — Видно, у вас хорошие глаза, приятель?

— Они, в самом деле, превосходны!

Разговор на мгновение прервался.

— Чего вы от меня хотите? — спросил Титча.

— Говорить с вами, — объявил Драгош. — С вами или с другим. Я только для этого в Рущуке.

— Значит, вы нездешний?

— Нет, я приехал сегодня.

— Хорошенькое время выбрали, — насмешливо заметил Титча, очевидно, намекая на анархию, царившую в Болгарии.

Драгош, сделав равнодушный жест, добавил:

— Я из Грона.

Титча молчал.

— Вы не знаете Грона? — настаивал Драгош.

— Нет.

— Это удивительно, ведь вы были так близко от него.

— Близко? — повторил Титча. — Откуда вы взяли, что я был близко от Грона?

— Черт возьми! — смеясь воскликнул Карл Драгош. — Да ведь она недалеко оттуда, вилла Хагенау.

Титча задрожал. Он попробовал отделаться смелым отрицанием.

— Вилла Хагенау? — пробормотал он, стараясь попасть в насмешливый тон. — Странный разговор, приятель! Я не знаю такой.

— Правда? — иронически сказал Драгош. — А поляну у Пилиша знаете?

Титча, быстро приблизившись, схватил за руку собеседника.

— Да тише же, — сказал он, уже не пытаясь скрыть волнения. — Вы с ума сошли, что так кричите!

— Здесь нет никого, — возразил Драгош.

— Кто знает? И, наконец, чего же вы хотите?

— Говорить с Ладко, — ответил Драгош, не снижая голоса.

Титча крепче сжал его руку.

— Тише, — сказал он, бросая вокруг испуганные взгляды. — Вы дали клятву, чтобы нас повесили?

Карл Драгош расхохотался.

— Ну, — сказал он, — нам трудно будет договориться, если мы станем изображать немых!

— Тогда, — глухо проворчал Титча, — не нужно нападать на людей среди ночи без предупреждения. Есть вещи, о которых лучше не говорить на улице.

— А я и не собираюсь этого делать, — возразил Драгош. — Идем в другое место.

— Куда?

— Все равно. Есть тут где-нибудь кабачок?

— В нескольких шагах отсюда.

— Идем туда.

— Ладно, — согласился Титча. — Следуйте за мной.

Через полсотни метров два компаньона вышли на небольшую площадь. Перед ними в темноте слабо светилось окно.

— Здесь, — сказал Титча.

Они вошли в пустынную залу скромной кофейни, всю обстановку которой составляла дюжина столиков.

— Тут будет превосходно, — промолвил Драгош.

Хозяин поспешил к неожиданным посетителям.

— Чего мы выпьем? Я угощаю, — объявил сыщик, хлопая себя по жилету.

— Стакан ракии? [1] — предложил Титча.

— Идет ракия! А можжевеловой? Это вам нравится?

— Хороша и можжевеловая, — согласился Титча.

Карл Драгош обернулся к хозяину, ожидавшему приказаний.

— Вы слышали, дружище? Ну, живо!

Пока хозяин суетился, Карл Драгош с одного взгляда оценил противника, с которым предстояла борьба. Он быстро разгадал его. Широкие плечи, бычачья шея, низкий лоб, на который свисали густые седеющие волосы,

[1] *Ракия* — род болгарской водки.

одним словом, превосходный экземпляр ярмарочного борца низшего сорта, настоящее животное.

Когда были принесены бутылки и два стакана, Титча начал разговор с первоначального пункта.

— Вы сказали, что знаете меня?

— А вы в этом сомневаетесь?

— И что вам известно дело в Гроне?

— Конечно, мы там работали вместе.

— Невозможно!

— Но верно.

— Я ничего не понимаю, — бормотал Титча, напрасно стараясь вспомнить. — Нас было все-таки только восемь...

— Простите, — перебил Драгош, — нас было девять, потому что я был там.

— Вы приложили там руку? — настаивал мало убежденный Титча.

— Да, и в вилле, и на поляне. Это я вел повозку.

— С Фогелем?

— С Фогелем.

Титча одно мгновенье раздумывал.

— Этого не может быть, — запротестовал он. — С Фогелем был Кайзерлик.

— Нет, я, — не смущаясь, возразил Драгош. — Кайзерлик оставался с вами.

— Вы в этом уверены?

— Вполне! — заявил Драгош.

Титча, казалось, заколебался. Бандит не блистал сообразительностью. Не замечая, что он сам открыл существование Фогеля и Кайзерлика так называемому Максу Рейнольду, он считал доказательством, что тот знает их имена.

— Стаканчик можжевеловки? — предложил Драгош.

— От этого не отказываются, — молвил Титча.

Потом, опорожнив стакан одним духом, он пробормотал, наполовину убежденный:

— Это любопытно. Мы в первый раз замешали чужака в наши дела.

— Надо же когда-то начинать, — возразил Карл Драгош. — Я не буду чужаком, когда меня примут в шайку.

— В какую шайку?

— Бесполезно хитрить, приятель. Ведь это уже решено.

— Что решено?

— Что я буду вашим.

— С кем решено?

— С Ладко.

— Да тише вы, — грубо перебил Титча. — Я уже вас предупреждал, что надо хранить это имя для себя.

— На улице! — возразил Драгош. — А здесь?

— Здесь, как и везде, как во всем городе, понятно?

— Почему? — спросил Драгош наудачу.

Но Титча еще сохранил остатки недоверия.

— Если вас спросят, — молвил он осторожно, — говорите, что вы его не знаете, приятель. Вам многое известно, но не все, как я вижу, и не вам водить за нос такую старую лисицу, как я.

Титча ошибался: не ему было тягаться с таким игроком, как Драгош, и старая лисица нашла своего хозяина. Трезвость не была главным качеством бандита, и сыщик, как только это открыл, изобретательно решил использовать слабое место противника. Его настойчивым предложениям бандит сопротивлялся, но слабо. Стаканы можжевеловой следовали за стаканами ракии и наоборот. Влияние алкоголя уже начало сказываться. Глаза Титчи начали блуждать, язык отяжелел, благоразумие исчезало. Как известно, путь пьянства скользок, и обычно чем больше утоляют жажду, тем она сильнее возрастает.

— Итак, мы говорили, — начал Титча немного вялым голосом, — что это условлено с атаманом?

— Условлено, — объявил Драгош.

— Он хорошо сделал... атаман, — заявил Титча, который в опьянении начал разговаривать с собеседником на ты. — У тебя вид настоящего парня, товарищ.

— Ты смело можешь это утверждать, — в тон ему ответил Драгош.

— Тогда, вот!.. Ты его не увидишь... атамана...

— Почему?

Прежде чем ответить, Титча заметил бутылку ракии и осушил ее двумя глотками. Потом хрипло сказал:

— Атаман... отправился.

— Его нет в Рущуке? — настойчиво спросил сильно разочарованный Драгош.

— Нет больше.

— Значит, он здесь был?

— Четыре дня назад.

— А теперь?

— Отправился к морю на шаланде.

— Когда он должен вернуться?

— Недели через две.

— Две недели отсрочки! Эх, вот мое счастье! — вскричал Драгош.

— Ты, верно, очень раззадорился войти в компанию? — с грубым смехом спросил Титча.

— Черт! — ответил Драгош. — Я — крестьянин, а дельце в Гроне принесло мне за одну ночь больше, чем за целый год копанья в земле.

— Это тебя и разлакомило! — решил Титча с раскатистым хохотом.

Драгош сделал вид, будто заметил, что стакан его собутыльника был пуст, и поспешил его наполнить.

— Ты совсем не пьешь, товарищ! — вскричал он. — За твое здоровье!

— За твое! — повторил Титча, опоражнивая стакан одним махом.

Сведения, полученные полицейским, были обильны. Он узнал, сколько сообщников в дунайской шайке: восемь, по словам Титчи; имена трех из них и даже четырех, считая атамана; назначение шаланды: море, где, без сомнения, судно заберет добычу; базу для операций: Рущук. Когда Ладко вернется сюда через две недели, все будет готово, чтобы арестовать его немедленно, если не удастся схватить бандитов в устье Дуная.

Но все-таки еще немало оставалось неразрешенных вопросов. Карл Драгош подумал, что, может быть, ему удастся осветить, по крайней мере, один из них, пользуясь опьянением собеседника.

— Почему же, — спросил он равнодушным тоном после некоторого молчания, — ты не хотел сейчас, чтобы я произносил имя Ладко?

Совершенно пьяный, Титча бросил мутный взгляд на компаньона, потом, в приливе внезапной нежности, протянул ему руку:

— Я все тебе скажу, ведь ты друг! — пробормотал он.
— Да!
— Брат!
— Да!
— Молодец, боевой парень!
— Да!
Титча взглянул на бутылки.
— По стаканчику можжевеловки? — предложил он.
— Нет больше, — ответил Драгош.
Видя состояние противника и опасаясь, что тот упадет мертвецки пьяным, сыщик старался выливать на пол добрую часть содержимого бутылок. Но это не устраивало Титчу, который, узнав, что можжевеловой уже нет, скорчил кислую гримасу.
— Тогда ракии! — умолял он.
— Вот, — согласился Карл Драгош и придвинул бутылку, в которой оставалось несколько капель жидкости. — Но осторожно, товарищ! Мы не должны опьянеть.
— Я! — запротестовал Титча, завладев бутылкой. — Я знаю, что могу и чего не могу!
— Мы говорили, что Ладко... — напомнил Драгош, осторожно направляя извилистый путь собеседника к цели.
— Ладко? — повторил Титча, забыв, о чем шла речь.
— Да... Почему нельзя его называть?
Титча пьяно рассмеялся.
— Это тебя интересует, сынок! Это значит, что здесь Ладко произносится Стрига, вот и все.
— Стрига? — повторил Драгош, ничего не понимая. — Почему Стрига?
— Потому что так зовется это дитятко... Ну, вот ты, тебя зовут... В самом деле, как тебя зовут?
— Рейнольд.
— Ага... Рейнольд... Ну, хорошо! Тебя зовут Рейнольд... Его зовут Стрига... Это ясно.
— Однако в Гроне... — настаивал Драгош.
— Хо! — перебил Титча. — В Гроне это был Ладко... Но в Рущуке это Стрига!
Он подмигнул с хитрым видом.
— Да уж так, ты понимаешь, не пойман — не вор!
Что преступник принимает вымышленное имя, которым прикрывает свои злодеяния, это не может удивить

полицейского, но почему именно фамилия Ладко, фамилия, написанная на портрете, найденном в барже?

— Однако существует и настоящий Ладко! — нетерпеливо вскричал Драгош, выразив, таким образом, свое предположение.

— Черт возьми! — сказал Титча. — Это-то и есть самое смешное.

— Но кто же тогда этот Ладко?

— Каналья! — энергично заявил Титча.

— Что он тебе сделал?

— Мне?.. Ничего... Стриге...

— А что он сделал Стриге?

— Отнял у него женщину... Прекрасную Натчу.

Натча! Имя, написанное на портрете! Драгош, уверенный, что он на хорошем следу, жадно слушал Титчу, который продолжал, не дожидаясь, чтобы его просили:

— Потом они совсем не друзья, понимаешь! Вот почему Стрига взял его имя. Он хитрец, Стрига!

— Я все-таки не понимаю, — упорствовал Драгош,— почему нельзя называть имя Ладко.

— Потому что это опасно, — объяснил Титча. — В Гроне... и в других местах, ты знаешь, что оно означает... А здесь, Ладко — имя лоцмана, который восстал против правительства... он устраивает заговоры, бездельник... А улицы в Рущуке полны турок!

— Что с ним случилось? — спросил Драгош.

Титча жестом показал незнание.

— Он исчез. Стрига думает, что умер.

— Умер!

— И, вероятно, это правда, потому что женщина у Стриги.

— Какая женщина?

— Ну! Прекрасная Натча... Сначала имя, потом жена... Она недовольна, голубка... Но Стрига держит ее на борту шаланды...

Все стало ясно Драгошу. Он проводил долгие дни не в обществе заурядного преступника, но с изгнанником-патриотом. Какова же в этот момент скорбь несчастного, который, явившись к себе после стольких усилий, нашел опустевший дом?.. Нужно спешить к нему на помощь... А дунайскую банду Драгош, отныне хорошо осведомленный, без труда найдет и уничтожит.

— Жарко, — вздохнул он, притворяясь опьяневшим.

— Очень жарко, — согласился Титча.

— Все ракия... — пробормотал Драгош.

Титча ударил кулаком по столу.

— У тебя слабая голова, малыш! — насмешливо сказал он. — Я... Ты видишь... Готов начать снова...

— Не могу состязаться с тобой...

— Воробышек... — издевался Титча. — Ладно, идем, раз уж тебе так хочется.

Расплатившись с хозяином, компаньоны очутились на площади. Перемена оказалась неблагоприятной для Титчи. На свежем воздухе его опьянение заметно увеличилось. Драгош боялся, что слишком напоил его.

— Скажи,—молвил он, указывая вниз,—этот Ладко...

— Какой Ладко?

— Лоцман. Там он живет?

— Нет.

Карл Драгош повернулся в сторону города.

— Там?

— Вовсе нет.

— Ну, тогда там? — Драгош указал вверх.

— Да, — пробормотал Титча.

Сыщик увлек своего компаньона. Тот шатался и позволял вести себя, бормоча несвязные слова; после пяти минут ходьбы он внезапно остановился, усиливаясь вернуть уверенность.

— Что же толковал Стрига, — запинаясь, сказал он, — что Ладко умер?

— Ну?

— Он не умер, потому что у него кто-то есть.

И Титча указал на лучи света, пробивавшиеся невдалеке сквозь ставни окна и падавшие на дорогу. Драгош поспешил к окну. Через щели ставней он и Титча заглянули в дом.

Они увидели не очень большую комнату, довольно хорошо обставленную. Беспорядок и слой пыли, покрывавший мебель, показывали, что эта комната, давно покинутая, послужила местом жестокой борьбы. В центре стоял большой стол, на который облокотился глубоко задумавшийся человек. Пальцы, судорожно вцепившиеся во всклокоченные волосы, красноречиво показывали

горестное смятение чувств. Из глаз его текли крупные слезы.

Карл Драгош узнал товарища по путешествию. Но не один он узнал его.

— Это он, — бормотал Титча, делая энергичные усилия побороть опьянение.

— Он?

— Ладко!

Титча провел рукой по лицу и, казалось, немного пришел в себя.

— Он не умер, каналья... — сказал он сквозь зубы.— Но это еще лучше... Турки заплатят за его шкуру дороже, чем она стоит... Стрига будет доволен... Не двигайся отсюда, товарищ, — сказал он, обращаясь к Карлу Драгошу. — Если он пойдет, хватай его!.. Зови на помощь, если понадобится... А я побегу за полицией...

Не дожидаясь ответа, Титча убежал. Он почти не шатался... Волнение вернуло ему равновесие.

Оставшись один, сыщик вошел в дом.

Сергей Ладко не пошевельнулся. Карл Драгош положил ему руку на плечо.

Несчастный поднял голову. Но мысли его были далеко, и блуждающий взгляд показал, что он не узнал своего пассажира. Тот произнес одно лишь слово:

— Натча!..

Сергей Ладко вскочил. Его глаза заблестели, встретившись с глазами Карла Драгоша.

— Идите за мной, — сказал сыщик, — и поспешим!

ВПЛАВЬ

Баржа летела по воде. Опьяненный гневом, возбужденный, Сергей Ладко более яростно, чем когда-либо, налегал на весло. Поборов законы природы силой страсти, он каждую ночь давал себе лишь немногие минуты покоя. Он падал, погружался в свинцовый сон, от которого пробуждался внезапно, часа через два, точно от удара колокола, и принимался за свой ужасающий труд.

Свидетель этой остервенелой погони, Карл Драгош удивлялся, что человеческий организм одарен такой выносливостью. Впрочем, человек, давший возможность

наблюдать это поразительное зрелище, черпал энергию из самого страшного отчаяния.

Стремясь ничем не отвлекать несчастного лоцмана, сыщик не нарушал молчания. Все, что следовало сказать, было сказано при отправлении из Рущука. Как только лодка понеслась по течению, Карл Драгош дал все необходимые объяснения. Прежде всего он открыл свое истинное положение. Потом в немногих словах объяснил, что он предпринял это путешествие с целью преследования дунайской банды, атаманом которой народная молва считала некоего Ладко из Рущука.

Лоцман выслушал этот рассказ рассеянно, проявляя лихорадочное нетерпение. Что ему до этого? У него одна мысль, одна цель, одна надежда: Натча!

Его внимание пробудилось лишь с того момента, когда Карл Драгош начал говорить о молодой женщине, рассказывать, как он узнал от Титчи, что Натча спускается по реке пленницей на борту шаланды, где капитаном атаман шайки, подлинное имя которого не Ладко, а Стрига.

При этом имени Сергей Ладко взревел от ярости.

— Стрига! — закричал он, и стиснутая рука его еще сильнее сжала весло.

Он больше не расспрашивал. С тех пор он спешил без отдыха, с наморщенными бровями, с безумными глазами, и вся душа его стремилась вперед, к цели. Он пи-

тал в сердце полную уверенность, что достигнет этой цели. Почему? Он не мог бы этого сказать. Он был уверен, и все тут. Шаланду, где Натча-пленница, он узнает с первого взгляда, даже среди тысячи других. Как? Он этого не мог сказать. Но он ее найдет. Об этом не могло быть и спора. Теперь он понял, почему ему казалось, что он знает тюремщика, приносившего еду во время первого заточения, и почему доносившиеся до него голоса будили смутный отзвук в его сердце. Тюремщик был Титча. Голоса были голосами Стриги и Натчи. И больше того, крик, долетевший до него в ночи, оказался криком Натчи, бесполезно призывавшей на помощь. Почему он тогда не остановился?.. Скольких сожалений, скольких упреков совести избежал бы он!..

После бегства он едва разглядел в темноте сумрачную массу плавучей тюрьмы, в которой он оставлял, сам того не зная, милую его сердцу. Ничего! Все придет в свое время! Немыслимо миновать шаланду Стриги; властно заговорит таинственный голос из глубины его существа.

В действительности, расчеты Сергея Ладко были менее самонадеянными, чем можно подумать. Возможность ошибки сильно упала с уменьшением количества шаланд на Дунае. После Орсовы их число не переставало убывать, сделалось совсем незначительным ниже Рущука, и последние остались позади в Силистре. Ниже этого города, который баржа миновала через двадцать четыре часа, на реке осталось только два парусника, рекой овладели почти исключительно паровые суда.

На широте Рущука Дунай огромен. На левом берегу он разливается нескончаемыми болотами, и ширина русла достигает восьми километров. Ниже он становится еще обширнее, и между Силистрой и Браилой он доходит в иных местах до двадцати километров ширины. Такое пространство воды — настоящее море, на нем хватает и бурь, и огромных пенистых волн; понятно, что плоскодонные шаланды, не приспособленные к морскому плаванию, избегают там появляться.

К счастью Сергея Ладко, погода стояла хорошая. В таком маленьком суденышке, с такими не «морскими» формами, он был бы принужден искать убежища в береговых заливах, если бы подул сильный ветер.

Карл Драгош, от чистого сердца принявший участие в заботах товарища, но преследовавший и другую цель, очень смущался пустынностью этого обширного угрюмого пространства. Не дал ли Титча ложные указания? Исчезновение с Дуная шаланд заставляло Драгоша опасаться, как бы Стрига не последовал их примеру. В конце концов он поделился своим беспокойством с Ладко.

— Может ли шаланда спуститься к морю? — спросил он.

— Да, — отвечал лоцман. — Это случается, хотя и редко.

— Вы и сами их водили?

— Иногда.

— Как они разгружаются?

— Заходят в укрытые бухты гирл[1] или передают груз на пароходы.

— Гирла, говорите вы. Ведь их несколько, в самом деле?

— Главных два, — ответил Сергей Ладко. — Одно, северное, у Килии; другое, южное, у Сулины. Это более значительное.

— Мы из-за этого не ошибемся? — спросил Карл Драгош.

— Нет, — уверил лоцман. — Кто скрывается, тот не направится через Сулину. Мы поплывем северным рукавом.

Карл Драгош не совсем удовлетворился этими ответами. Пока они следуют одним путем, банда прекрасно может ускользнуть по другому. Но тут приходилось рассчитывать только на счастье, потому что невозможно установить наблюдение за всеми гирлами реки.

Как будто угадывая его мысли, Сергей Ладко закончил объяснения очень убедительно:

— За килийским гирлом существует бухта, где шаланда может укрыться для перегрузки. Напротив, в сулинском рукаве надо разгружаться в порту Сулина, расположенном на морском берегу. Что же касается георгиевского гирла, оно едва проходимо, хотя и шире всех. Мы не ошибемся.

---

[1] Гирлами на западе Черного моря называют отдельные рукава в дельтах рек.

Утром 14 октября, на четвертый день после отъезда из Рущука, баржа, наконец, вошла в дунайскую дельту. Оставив направо сулинское гирло, лодка смело двинулась по килийскому. В полдень миновали последний значительный пункт — Измаил. Завтра утром они увидят Черное море.

До этого нагонят ли они шаланду Стриги? Едва ли. После того как они оставили главное русло, река стала совершенно пустынной. Насколько хватал глаз, нигде ни паруса, ни дымка. Карла Драгоша пожирало беспокойство.

Однако Сергей Ладко не выказывал опасений, если они и были. Согнувшись над веслом, он неутомимо гнал баржу вперед, следуя по руслу, которое только долгая практика позволяла находить среди низких болотистых берегов.

Его терпеливое упорство должно было получить награду. В тот же день около пяти часов пополудни показалась, наконец, шаланда, стоявшая на якоре в десятке километров ниже Килии. Сергей Ладко, остановив лодку, схватил подзорную трубу и внимательно рассматривал шаланду.

— Это он! — сказал Ладко глухим голосом, опуская трубу.

— Вы в этом уверены?

— Уверен. Я узнал Якуба Огула, искусного лоцмана из Рущука, преданного сообщника Стриги, и, конечно, он ведет его судно.

— Что же делать? — спросил Карл Драгош.

Сергей Ладко не ответил. Он думал.

Сыщик продолжал:

— Нужно вернуться в Килию, а если понадобится, то и в Измаил. Там мы получим подкрепление.

Лоцман отрицательно покачал головой.

— Возвращаться против течения в Измаил или даже только в Килию отнимет слишком много времени. Шаланда опередит нас, а в море мы ее не найдем. Нет, останемся здесь до ночи. У меня есть замысел. Если мне не удастся, станем следить за шаландой издалека и, когда узнаем место ее стоянки, будем искать помощи в Сулине.

В восемь часов, когда совсем стемнело, Сергей Ладко подвел баржу на расстояние в двести метров от шаланды. Там он тихо опустил якорь. Не говоря ни слова Карлу Драгошу, смотревшему на него с удивлением, он разделся и спустился в реку.

Рассекая воду сильной рукой, он направился прямо к шаланде, смутно видимой во мраке. Приблизившись к ней настолько, чтобы не быть замеченным, он обогнул судно и, борясь с течением, подплыл к рулю и ухватился за него. Он слушал. Почти заглушаемая плеском воды о борта судна, до него донеслась мелодия. Кто-то напевал вполголоса над его головой. Цепляясь руками и ногами за скользкий борт, Сергей Ладко поднялся мощным усилием до верхней части руля и узнал Якуба Огула.

На борту все было спокойно. Никакого шума не доносилось из рубки, где, без сомнения, находился Иван Стрига. Пять человек экипажа спокойно беседовали, растянувшись на палубе в передней части шаланды. Их голоса доносились еле слышно. Якуб Огул находился на корме один. Возвышаясь над рубкой, он сидел на рулевом брусе и, убаюканный ночным спокойствием, напевал любимую песенку.

Песня внезапно оборвалась. Две железные руки обвились вокруг горла певца, и он, сброшенный с места, упал и остался недвижимым. Был ли он мертв? Его бесчувственное тело с болтающимися руками и ногами свешивалось, как тряпка, с той и другой стороны узкого рулевого бруса. Сергей Ладко ослабил обхват, взял человека за пояс, потом, слегка сжимая коленями руль, соскользнул вниз и тихо погрузился в воду.

На шаланде никто не заподозрил нападения. Иван Стрига не вышел из рубки. Впереди пять собеседников невозмутимо продолжали разговор.

Тем временем Сергей Ладко плыл к барже. Возвращаться было труднее, чем плыть туда. Приходилось бороться с течением и поддерживать тело Якуба Огула. Если тот и не умер, то был близок к этому. Свежесть воды не оживила его; он не шевелился. Сергей Ладко начал бояться, что поступил с ним слишком круто.

Достаточно было пяти минут, чтобы доплыть от баржи до шаланды; но больше получаса потребовалось для

обратного перехода. Еще хорошо, что лоцман не заблудился в темноте.

— Помогите мне, — сказал он Карлу Драгошу, схватившись за борт лодки. — Я притащил одного.

С помощью сыщика Ладко перевалил Якуба Огула через борт и уложил в барже.

— Он мертв? — спросил лоцман.

Карл Драгош наклонился над пленником.

— Нет, дышит.

Сергей Ладко вздохнул с удовлетворением и, взяв весло, начал грести против течения.

— Тогда свяжите его, да покрепче, если не хотите, чтобы он ушел, не прощаясь, когда я ссажу вас на берег.

— Значит, мы должны разделиться? — спросил Карл Драгош.

— Да, — ответил Сергей Ладко. — Когда вы будете на суше, я вернусь к шаланде и завтра постараюсь войти на ее борт.

— Днем?

— Днем. У меня свой план. Будьте покойны, я не подвергнусь опасности, по крайней мере на первое время. Позже, когда мы будем у моря, положение может измениться, согласен. Но я буду рассчитывать на вас в этот момент, который постараюсь всячески оттянуть.

— На меня? Но что я могу сделать?

— Привести помощь.

— Я все сделаю для этого, — горячо заверил Карл Драгош.

— Не сомневаюсь в этом, но у вас будут затруднения. Постарайтесь как можно лучше преодолеть их, вот ваша задача. Не забывайте, что шаланда снимется с якоря завтра в полдень и, если ничто ее не задержит, будет в море в четыре часа. Так и рассчитывайте время.

— Почему вы не хотите остаться со мной? — спросил Карл Драгош, сильно беспокоясь за товарища.

— Потому что вы можете задержаться, и это позволит Стриге выиграть время и исчезнуть. Нельзя упустить его в море. И он его не достигнет, если вы даже явитесь слишком поздно, чтобы помочь мне вооруженной силой. Только в этом случае я, вероятно, погибну.

Лоцман говорил тоном, не допускающим возражений. Понимая, что невозможно заставить его изменить

решение, Карл Драгош не настаивал. Баржа подошла к берегу, и Якуб Огул, все еще бесчувственный, был положен на землю.

Сергей Ладко тотчас же оттолкнул баржу, и она исчезла во мраке.

ДУНАЙСКИЙ ЛОЦМАН

Когда Сергей Ладко исчез в темноте, Карл Драгош несколько мгновений раздумывал, что ему делать. Один, в начале ночи, в безлюдном месте бессарабской границы, с бесчувственным телом пленника, от которого долг службы запрещал ему отлучаться... Его положение было весьма затруднительным. Но помощь не придет, если он не станет ее искать, и следовало принять решение. Время не ждало. Одного часа, быть может, одной минуты достаточно будет, чтобы решить судьбу Сергея Ладко. Оставив Якуба Огула, все еще находившегося без сознания, но крепко связанного, так что тот не мог убежать, даже очнувшись, Драгош быстро направился вверх по берегу Дуная.

Через полчаса ходьбы по пустынной местности он уже начал бояться, что ему придется идти до Килии, когда, наконец, заметил дом на берегу реки.

Нелегкое было дело заставить открыть ворота этого дома, казавшегося довольно зажиточной фермой. В такой час и в таком месте недоверие было простительно, и обитатели жилища не решались впустить незнакомого гостя. Трудность увеличилась невозможностью объясниться, так как крестьяне говорили на местном наречии, которого Карл Драгош, хотя и знаток языков, не понимал. Изобретательно пользуясь смесью румынских, русских и немецких слов, Карл Драгош сумел завоевать доверие, и так энергично защищаемая дверь, наконец, открылась.

Оказавшись в доме, сыщик подвергся форменному допросу, из которого вышел с честью, потому что не прошло и двух часов с момента высадки, как к Якубу Огулу подъехала телега.

Пленник все еще не пришел в себя. Он не показал признаков жизни, когда с береговой травы его переложили в телегу, тотчас направившуюся к Килии. До фер-

мы пришлось ехать шагом, а дальше оказалась дорога, хотя и плохая, но все же позволившая ускорить аллюр.

Было за полночь, когда после этих приключений Карл Драгош въехал в Килию. Все спало в городе, и нелегко оказалось найти начальника полиции. Но это ему удалось, он приказал разбудить этого высокопоставленного чиновника, и тот, не слишком рассердившись, охотно предоставил себя в распоряжение Драгоша.

Сыщик воспользовался случаем, чтобы поместить в надежное место Якуба Огула, который начал открывать глаза. Потом, свободный в своих действиях, он мог, наконец, заняться арестом остальной шайки и спасением Сергея Ладко, о чем он беспокоился, быть может, еще больше.

С первого же шага он столкнулся с огромными трудностями. В Килии не нашлось ни одного парового судна, и, с другой стороны, начальник полиции решительно отказался послать своих людей на реку. Это гирло Дуная находилось тогда в нераздельном владении Румынии и Турции, и возникло опасение, что появление румынской полиции вызовет со стороны Высокой Порты протест, очень нежелательный в момент, когда назревала угроза войны. Если бы румынский чиновник мог перелистать книгу судеб, он прочел бы там, что эта война, предписанная с начала веков, обязательно вспыхнет через несколько месяцев, и был бы, вероятно, менее боязлив. Но, в неведении будущего, он дрожал при мысли замешаться в дипломатический конфликт и последовал мудрому правилу: «Не мое дело», которое, как известно, является девизом чиновников всего света.

Самое большое, на что он решился, это дать Карлу Драгошу совет отправиться в Сулину и указал ему человека, который мог проводить его в трудном путешествии за пятьдесят километров по дунайской дельте.

Разбудить этого человека, уговорить его запрячь телегу, переплыть на правый берег — все это отняло много времени. Было около трех часов утра, когда сыщика мелкой рысцой повезла лошадь, качества которой, к счастью, были лучше ее внешности.

Начальник килийской полиции справедливо предупреждал о трудностях переезда через дельту. По болотистой дороге, иногда покрытой слоем воды в несколько

сантиметров, телега продвигалась с трудом, и без опытности извозчика они несколько раз могли заблудиться на этой равнине, где не было дорожных знаков. Ехали не быстро, и приходилось время от времени давать отдых измученной лошади. Пробило полдень, когда Карл Драгош прибыл в Сулину. Срок, назначенный Сергеем Ладко, истекал через несколько часов! Не теряя времени на то, чтобы подкрепиться, Драгош побежал разыскивать местные власти.

Сулина, позднее перешедшая к Румынии по Берлинскому трактату [1], была в эпоху этих событий турецким городом. Отношения между Высокой Портой и ее западными соседями были в ту пору крайне напряженными, поэтому Карл Драгош, венгерский подданный, не мог надеяться, что его встретят с распростертыми объятиями, хотя он и защищал всеобщий интерес. Поэтому он не удивился, что местные власти оказали ему достаточно вялую поддержку.

Сулинская полиция, заявили они, не владеет судном, которое можно предоставить в распоряжение Драгоша; он должен рассчитывать на таможенный катер, который обязан помочь, потому что банду грабителей можно без большой натяжки приравнять к шайке контрабандистов. К несчастью, этот катер — паровое судно с достаточно быстрым ходом — как раз отсутствовал. Он крейсировал в море, но, вероятно, недалеко от берега. Карлу Драгошу надо только нанять рыбачью лодку, и когда они выйдут в море, без сомнения, найдут там катер.

Сыщик, в отчаянии от своего бессилия, решил последовать этому совету. В половине второго после полудня лодка подняла парус и вышла за мол в поисках катера. Оставалось не более ста пятидесяти минут, чтобы явиться на помощь Сергею Ладко!

А тот, пока Карл Драгош распутывал цепь неудач, настойчиво проводил свой план.

Все утро он был настороже, скрываясь с лодкой в береговых камышах, чтобы удостовериться, что шаланда не готовится к отплытию. Овладеть Якубом Огулом, —

[1] Берлинский трактат 1878 года — соглашение, принятое на международном конгрессе в Берлине, где из-за недоброжелательства великих держав были почти сведены на нет результаты победы России в войне с Турцией 1877—1878 годов.

быть может, несколько грубо, но тут не приходилось выбирать средства, — было первой целью, которую Ладко себе поставил. Как он и предвидел, Стрига не осмелился пуститься без лоцмана в весьма опасное плавание; обилие песчаных отмелей делало путь непроходимым для тех, кто не сделал его изучение своей профессией. Можно было опасаться, что пираты, не сумев объяснить исчезновение своего лоцмана, воспользуются первым случаем его заменить. Но гирло Килии не изобилует лоцманами, и до одиннадцати часов утра воды реки были совершенно пустынны, если не считать неподвижной шаланды и скрывающейся баржи. Только в одиннадцать часов со стороны моря показались два судна. Сергей Ладко в подзорную трубу узнал в одном из них лоцманскую лодку. Теперь Иван Стрига сможет получить помощь, которую, вероятно, ждет с нетерпением. Момент действовать настал.

Баржа вышла из камышей и приблизилась к шаланде.

— Эй, на шаланде! — закричал Сергей Ладко, подплыв на расстояние голоса.

— Эй! — был ответ.

На крыше рубки появился человек. Это был Иван Стрига.

Какая ярость бушевала в сердце Сергея Ладко, когда он увидел своего заклятого врага, этого негодяя, который столько месяцев держал Натчу в своей власти!

Но Ладко давно приготовился к этой встрече. Он сдержал гнев жестоким усилием и спросил спокойно:

— Не нужен ли вам лоцман?

Вместо того чтобы ответить, Стрига, защитив глаза рукой, долго всматривался. По правде говоря, одного взгляда было достаточно, чтобы установить личность вновь прибывшего. Но что перед ним муж Натчи, это ему показалось таким необычайным и, можно сказать, таким неожиданным, что он не верил своим глазам.

— Не вы ли Сергей Ладко из Рущука? — спросил он в свою очередь.

— Да, это я! — ответил лоцман.

— Вы меня не узнаете?

— Для этого надо быть слепым, — возразил Сергей Ладко. — Я вас прекрасно узнал, Иван Стрига.

— И предлагаете мне свои услуги?

— Почему же нет? Я — лоцман, — холодно ответил Сергей Ладко.

Стрига одно мгновение колебался. Тот, которого он ненавидел больше всего на свете, добровольно отдавался в его власть. Это было превосходно. Но не скрывалась ли тут ловушка? Однако какую опасность мог представлять один человек для многочисленного решительного экипажа? Пусть он ведет шаланду к морю, раз имел глупость это предложить! А на море, ну уж извините!..

— Причаливайте! — решил пират, губы которого искривила жестокая усмешка, ясно замеченная Сергеем Ладко.

Этот не заставил повторять приглашения. Его баржа подошла к шаланде, на борт которой он поднялся. Перед ним появился Стрига.

— Позвольте мне выразить удивление, — сказал он, — что я вас встречаю в устье Дуная!

Лоцман молчал.

— Вас считали мертвым, — продолжал Стрига, — после того как вы исчезли из Рущука.

Этот намек имел не более успеха, чем предыдущий.

— Но что же с вами случилось? — бесцеремонно спросил Стрига.

— Я не покидал морского берега, — ответил, наконец, Сергей Ладко.

— Так далеко от Рущука! — воскликнул Стрига.

Сергей Ладко нахмурил брови. Этот допрос начал его раздражать. Но, верный принятой на себя роли, он подавил нетерпение и просто объяснил:

— Смутные времена неблагоприятны для дел.

Стрига насмешливо посмотрел на него.

— А вас еще называли патриотом! — иронически вскричал он.

— Я больше не занимаюсь политикой, — сухо сказал Сергей Ладко.

В этот момент взгляд Стриги упал на баржу, которую течение отнесло за корму шаланды. Он сильно вздрогнул. Ошибки быть не могло. Это та самая баржа, которой он пользовался целую неделю и которую видел причаленной у набережной Землина. Значит, Сергей Ладко лжет, уверяя, что не покидал дельту Дуная?

— С тех пор как вы исчезли из Рущука, вы не удалялись из этих краев? — переспросил Стрига, глядя в глаза собеседнику.

— Нет, — ответил Сергей Ладко.

— Вы меня удивляете, — молвил Стрига.

— Почему? Разве вы встречали меня где-нибудь в другом месте?

— Вас? Нет. Но эту лодку... Я готов поклясться, что видел ее вверху, на реке.

— Это вполне возможно, — равнодушно ответил Сергей Ладко. — Я купил ее три дня назад у человека, который говорил, что приплыл из Вены.

— А какой он был? — живо спросил Стрига, подозрения которого перенеслись на Карла Драгоша.

— Брюнет, в темных очках.

— Ага! — задумчиво сказал Стрига.

Ответы лоцмана, видимо, его поколебали. Он не знал теперь, что думать. Но скоро он отделался от всяких предубеждений. Какое ему до всего этого дело? Правду или нет говорит Сергей Ладко, он все равно в его руках. Дурак, полез в пасть волку! Живым он с шаланды не уйдет. Вот уже целые месяцы Стрига лгал Натче, уверяя, что она вдова. Как только они выйдут в море, ложь станет правдой!

— Отправляемся! — заключил он свои мысли.

— В полдень, — спокойно ответил Сергей Ладко и, достав провизию из мешка, который держал в руке, приготовился завтракать.

Пират сделал нетерпеливый жест. Сергей Ладко притворился, что ничего не видит.

— Я должен вас предупредить, — сказал Стрига, — что рассчитываю быть в море до ночи.

— Будете, — заверил лоцман, не показывая ни малейшего желания изменить свое поведение.

Стрига удалился на нос шаланды. Судя по задумчивому выражению лица бандита, его беспокойство не прошло. Что муж предложил провести как раз ту шаланду, где его жену держали пленницей, это совпадение было, в конце концов, не слишком необычайным. И раз уж Сергей Ладко оказался один на борту против шести решительных людей, Стрига поступил бы благоразумно, если бы не стал расспрашивать дальше. Но он напрасно

успокаивал себя таким непогрешимым рассуждением. Ему захотелось узнать, известно ли об исчезновении Натчи главному заинтересованному лицу. Его возбужденное любопытство не давало ему покоя, и он не выдержал.

— Получали ли вы известия из Рущука с тех пор, как его покинули? — спросил он, возвращаясь к лоцману, спокойно продолжавшему завтрак.

— Нет, — ответил тот.

— Это молчание вас не удивляло?

— Почему оно должно было меня удивлять? — спросил Сергей Ладко, пристально смотря на собеседника.

Как ни был смел бандит, но он смутился от этого твердого взгляда.

— Я думал, — пробормотал он, — что вы там оставили жену.

— А я думаю, — холодно ответил Сергей Ладко, — мы можем вести разговор на всякую тему, кроме этой!

Стрига воздержался от замечания.

Через несколько минут после полудня лоцман отдал приказ вытащить якорь, потом подняли парус, и он стал к рулю. В этот момент к нему приблизился Стрига.

— Я должен вас предупредить, — сказал он, — что шаланде нужна глубина.

— Она под балластом, — возразил Сергей Ладко. — Двух футов воды достаточно.

— Ей нужно семь, — заявил Стрига.

— Семь! — вскричал лоцман, для которого одно это слово явилось откровением.

Вот почему дунайская банда до сих пор ускользала от всяких преследований! Ее судно было остроумным обманом. То, что виднелось из воды, было только фальшивой внешностью. Настоящая шаланда была под водой, и в этом тайнике складывалось награбленное. Тайник, как Сергей Ладко знал по опыту, мог превращаться в тюрьму, не имеющую выхода.

— Семь, — повторил Стрига в ответ на восклицание лоцмана.

— Хорошо, — ответил тот без малейших замечаний.

В первые моменты после отплытия Стрига не переставал бдительно наблюдать. Но действия Сергея Ладко его успокоили. Старательно выполняя свои обязанности,

лоцман, видимо, не питал враждебных намерений и доказывал, что репутация вполне им заслужена. Под его управлением шаланда послушно маневрировала между невидимыми отмелями и следовала с математической точностью по извилинам фарватера.

Мало-помалу последние опасения пирата исчезли. Плавание шло без происшествий. Скоро они будут в море.

Было четыре часа, когда на последнем изгибе реки море и небо слились на горизонте.

Стрига обратился к лоцману.

— Мы, кажется, пришли? Не пора ли передать управление всегдашнему рулевому?

— Нет еще, — ответил Сергей Ладко. — Самое трудное впереди.

По мере того как приближались к устью, перед глазами открывался все более обширный вид. Находясь на подвижной вершине треугольника, стороны которого открывались мало-помалу, Стрига упорно смотрел на море. Внезапно он схватил подзорную трубу, направил ее на маленький пароход в четыреста-пятьсот тонн, который огибал мыс Северный, и после недолгого наблюдения приказал поднять флаг на верхушке мачты. Таким же сигналом ответили с борта парохода, который, повернув направо, начал приближаться к лиману.

В этот момент Сергей Ладко положил руль сильно налево, шаланда бросилась направо и, пересекая наискось поток, взяла направление на юго-восток, как будто для того, чтобы причалить к правому берегу.

Удивленный Стрига посмотрел на лоцмана, неподвижность которого его успокоила. Без сомнения, песчаная мель заставляла здесь суда следовать по такому извилистому пути.

Стрига не ошибся. Да, песчаная мель, в самом деле, была на дне реки, но не в стороне моря, и прямо на эту мель Сергей Ладко правил твердой рукой.

Внезапно раздался ужасный треск. Шаланда вся затряслась. От удара упала мачта, начисто сломавшись у основания, и парус скатился, накрывая складками людей, находившихся впереди. Шаланда, безнадежно севшая на мель, стала неподвижно.

На борту все свалились с ног, в том числе и Стрига, который поднялся, опьянев от ярости.

Он бросил взгляд на Сергея Ладко. Лоцмана, казалось, не взволновало происшествие. Он стоял, бросив руль, с руками в карманах куртки, и наблюдал врага, выжидая, что будет дальше.

— Каналья! — взревел Стрига и, размахивая револьвером, бросился к корме.

На расстоянии трех шагов он выстрелил.

Сергей Ладко нагнулся. Пуля пролетела над ним, не задев. Тотчас выпрямившись, он прыгнул на противника и вонзил ему нож в сердце. Стрига рухнул безжизненной массой.

Драма развернулась так быстро, что пять человек экипажа, запутавшиеся, впрочем, в складках паруса, не имели времени вмешаться. Но как они зарычали, увидев, что их атаман упал!

Сергей Ладко бросился по верхней палубе вперед, чтобы их встретить. Там он господствовал над нижней палубой, где люди толпились в смятении.

— Назад! — вскричал он с двумя револьверами в руках, из которых один был вырван у Стриги.

Люди остановились. Они не имели оружия, и, чтобы им завладеть, нужно было проникнуть в рубку под огнем неприятеля.

— Одно слово, ребята, — сказал Сергей Ладко, не оставляя угрожающей позы. — У меня одиннадцать зарядов. Это больше, чем нужно, чтобы перебить вас до последнего. Я вас предупреждаю, что буду стрелять, если вы не отступите немедленно на нос судна.

Экипаж совещался в нерешительности. Сергей Ладко понял, что, если они ринутся все зараз, он, без сомнения, уложит некоторых, но остальные убьют его.

— Внимание! Я считаю до трех! — объявил он, не давая им времени опомниться. — Раз!

Люди не двинулись.

— Два! — возгласил лоцман.

В группе произошло движение. Трое готовились к атаке, двое собрались отступать.

— Три! — сказал Ладко и спустил курок.

Один упал с плечом, пробитым пулей, остальные пустились в бегство.

Сергей Ладко, не покидая наблюдательного поста, бросил взгляд на пароход, который повиновался сигналу Стриги. До него оставалось менее мили. Когда оно станет борт о борт с шаландой, когда его экипаж присоединится к пиратам, с которыми он более или менее связан, положение сделается самым серьезным.

Пароход все приближался. Он был не более чем в трех кабельтовых, когда, быстро повернув направо, описал большую дугу и удалился в открытое море. Что означал этот маневр? Обеспокоило ли его что-то такое, чего не мог еще заметить Сергей Ладко?

Он ждал с бьющимся сердцем. Прошло несколько минут, и другое судно показалось из-за мыса Южного. Его труба выпускала тучи дыма. Держа направление на шаланду, оно мчалось на всех парах. Сергей Ладко рассмотрел на носу катера фигуру друга, своего пассажира, господина Иегера, он же сыщик Карл Драгош.

Сергей Ладко был спасен.

Мгновение спустя палубу шаланды наводнила полиция; экипаж сдался, понимая бесполезность сопротивления.

В это время Сергей Ладко устремился в рубку. Он осматривал каюты, одну за другой. Одна из дверей была закрыта. Он высадил ее ударом плеча и остановился на пороге, обезумев от радости.

Натча, вновь завоеванная, протягивала к нему руки.

ЭПИЛОГ

Процесс дунайской банды прошел незамеченным в громе русско-турецкой войны. Негодяи, включая и Титчу, легко пойманного в Рущуке, были повешены, не возбудив всеобщего внимания, что случилось бы в менее трагические времена.

Судебный процесс дал главным заинтересованным лицам объяснение того, что еще оставалось для них непонятным. Сергей Ладко узнал, как по недоразумению он был заточен в шаланду вместо Карла Драгоша, и как Стрига, узнав из газет о посылке следственной комиссии в Сальку, явился в дом рыболова Илиа Бруша, чтобы ответить на вопросы полицейского комиссара из Грона.

Он узнал также, как Натча, захваченная дунайской бандой, боролась против притязаний Стриги, а этот последний, думая, что убил врага, не переставал ее уверять, что она вдова. Однажды вечером Стрига в подкрепление своих слов показал молодой женщине ее собственный портрет, утверждая, что отбил его в кровавой схватке у законного владельца. Произошла жестокая сцена, во время которой Стрига дошел до угроз. Тогда-то вырвался у Натчи крик, слышанный беглецом в ночной тиши.

Но это старая история. Сергей Ладко не вспоминал больше о тяжелых днях с тех пор, как имел счастье найти свою дорогую Натчу.

Счастливая пара не могла возвратиться в Болгарию после рассказанных событий и устроилась сначала в румынском городе Журжево. Там и жила она, когда в мае следующего года царь объявил войну султану. Сергей Ладко одним из первых вступил в русскую армию и оказал ей важные услуги благодаря превосходному знанию театра военных действий.

Война кончилась. Болгария стала, наконец, свободной. Сергей Ладко с Натчей вернулись в Рущук, в родной дом, и он снова стал лоцманом. Они живут там еще и теперь, счастливые и уважаемые.

Карл Драгош остался их другом. Долгое время он спускался по Дунаю, по крайней мере раз в год, чтобы побывать в Рущуке. Теперь железные дороги, сеть которых все время развивается, позволяют ему сократить время переездов. Но Сергей Ладко наносил визиты в Будапешт только по извилинам реки, во время своих лоцманских поездок.

Натча подарила ему трех сыновей, которые теперь уже взрослые. Младший после строгого ученичества под началом Карла Драгоша стоит на хорошем пути к самым высоким ступеням судебной администрации Болгарии.

Средний, достойный наследник лауреата «Дунайской лиги», посвятил себя рыбной ловле. Закидывая удочку, он совершенствует методы борьбы с рыбой. Его ловля осетров доставила ему всеобщую известность и состояние, которое обещает стать значительным.

Старший же заменил отца, когда для того пробил час ухода с реки. Он водит теперь шаланды и пароходы

от Вены до моря, через извилистые проходы и коварные отмели великой реки. Он продолжает род дунайских лоцманов.

Но, какова бы ни была разница их общественного положения, сердца трех сыновей Сергея Ладко бьются заодно. Разбросанные жизнью по различным дорогам, они сходятся на их перекрестке. Этот перекресток — одинаковое почитание отца, нежность к матери, любовь к болгарской родине.

Конец.

Необыкновенные приключения экспедиции Барсака

Роман

Часть первая

ДЕЛО ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА

Смелый налет на Центральный банк, волновавший прессу и в продолжение двух недель занимавший ее страницы под сенсационными заголовками, не изгладился из памяти людей, несмотря на протекшие годы. Мало преступлений, в самом деле, возбуждало всеобщее любопытство в такой мере, как это; не много случалось дел, соединивших в себе привлекательность тайны и злодейскую изобретательность и потребовавших для выполнения невероятной смелости и свирепой решимости.

Рассказ об этом, хотя и не полный, но совершенно правдивый, возможно, будет прочитан с интересом. Если этот рассказ не осветит с абсолютной ясностью все пункты, до сих пор остающиеся в тени, то он сообщит, по крайней мере, некоторые новые точные данные, исправит и поставит в связь противоречивые сообщения, помещенные в ту эпоху в газетах.

Грабеж произошел в Агентстве ДК Центрального банка, расположенного близ Лондонской биржи, на углу Треднидл-стрита и Олд-Брод-стрита; Агентством управлял тогда Льюис Роберт Бакстон, сын лорда Гленора.

Агентство занимало одну большую комнату, разделенную на две неравные части длинной дубовой конторкой, стороны которой сходились под прямым углом.

В Агентство входили с перекрестка уже упомянутых улиц через застекленную дверь, которой предшествовало нечто вроде тамбура на одном уровне с тротуаром. Налево у входа, за решеткой с крупными ячейками, была касса, сообщавшаяся дверью, тоже зарешеченной, с помещением служащих. Направо дубовая конторка прерывалась на конце подвижной створкой, позволявшей проходить из части, предназначенной для публики, в помещение служащих. В глубине этого последнего, близ конторки, была дверь в кабинет директора Агентства, не имевший другого выхода. Далее, следуя по стенке, перпендикулярной Треднидл-стриту, начинался коридор, который вел в общий вестибюль дома, где помещалось Агентство.

С одной стороны вестибюль проходил перед швейцарской и вел на Треднидл-стрит. С другой, у главной лестницы, он оканчивался стеклянной двустворчатой дверью, не позволявшей видеть снаружи вход в подвалы и черную лестницу, расположенную напротив парадной.

Такова была обстановка, где развернулась эта таинственная драма.

В момент, когда она началась, в пять часов без двадцати минут вечера пять служащих Агентства занимались обычной работой. Двое из них писали. Трое других беседовали с посетителями, облокотившимися на конторку. Кассир под защитой решетки подсчитывал наличность, достигнувшую в тот день, завершавший месячные расчеты, внушительной суммы в 72 079 фунтов 2 шиллинга и 4 пенса, или в 1 816 393 франка 80 сантимов.

Как уже сказано, часы Агентства показывали без двадцати пять. Следовательно, через двадцать минут Агентство закроется, железные шторы будут спущены, и немного позже служащие разойдутся, закончив трудовой день. Заглушенный грохот экипажей и шум толпы проникали снаружи через оконные стекла, потемневшие в сумерках последнего дня ноября.

В это время открылась дверь, и вошел человек. Он бросил быстрый взгляд, полуобернулся и сделал наружу, без сомнения, компаньону, оставшемуся на тротуаре,

жест правой рукой; большой, указательный и средний пальцы его изображали число три.

Служащие не видели этого жеста из-за полуоткрытой двери; но и увидев, вряд ли заметили бы соответствие числа клиентов, облокотившихся на конторку, числу поднятых пальцев.

Подав сигнал, человек вошел в банк и встал позади одного из клиентов.

Один из двух свободных конторщиков поднялся и, подойдя к нему, спросил:

— Что вам угодно, сударь?

— Благодарю вас, — ответил новый посетитель, — я подожду, — и он показал жестом, что желает иметь дело именно с тем служащим, около которого остановился.

Конторщик не настаивал, сел за свой стол и принялся за работу. Человек ждал, и никто не обращал на него внимания.

А между тем его странная внешность заслуживала самого серьезного внимания.

Это был здоровяк высокого роста. Судя по ширине плеч, он обладал необыкновенной силой. Великолепная белокурая борода окаймляла смуглое лицо. Об его общественном положении нельзя было судить: костюм был скрыт длинным плащом-пыльником из шелка-сырца.

Клиент, стоявший впереди, кончил свое дело, человек в пыльнике стал на его место и начал, в свою очередь, разговор со служащим Центрального банка о тех операциях, которые он хотел предпринять. В это время посетитель, которого он заменил, отворил наружную дверь и покинул Агентство.

Дверь немедленно открылась, и вошел второй субъект, настолько же странный, как и первый, копией которого в некотором роде он являлся: тот же рост, та же ширина плеч, такая же белокурая борода, окружавшая загорелое лицо, такой же длинный плащ скрывал одежду.

Этот второй субъект поступил, как его двойник, он терпеливо ожидал позади одного из двух посетителей, еще стоявших у конторки, потом, когда пришла очередь,

завел разговор с освободившимся служащим; клиент в это время оставил помещение.

И, как перед этим, дверь тотчас открылась. Третий человек вошел и занял очередь за последним из трех первоначальных клиентов. Среднего роста, широкий и коренастый, с красным лицом, обрамленным черной бородой, в одежде, прикрытой длинным серым плащом, он одновременно и отличался и походил на тех, что вошли перед ним.

Наконец, лишь только последний из трех посетителей, которые до этого находились в Агентстве, закончил дела и освободил место, как открывшаяся дверь дала проход сразу двоим. Эти два человека, из которых один, казалось, обладал геркулесовской силой, были одеты, хотя погода этого еще и не требовала, в длинные просторные пальто, обычно называемые ульстерами; как и у трех первых, густые бороды украшали их загорелые лица.

Они вошли странным образом: более высокий появился первым, едва войдя, остановился так, что прикрыл компаньона; тот, притворившись, будто зацепился за ручку двери, проделал с ней какую-то таинственную операцию. Задержка продолжалась недолго, — и дверь закрылась; но в этот момент у нее осталась только внутренняя ручка, позволявшая выйти, а наружная исчезла. Таким образом, больше никто не мог войти в контору. Можно было постучать в окно, чтобы открыли, но никто не попытался бы это сделать, так как наклейка на двери извещала заинтересованных лиц, что Агентство на этот день закрыто.

Служащие не подозревали, что были отрезаны от внешнего мира. Да, впрочем, если б они и знали это, то лишь посмеялись бы. О чем можно было беспокоиться в центре города, в самое рабочее время дня, когда к ним доносилось эхо деятельной жизни улицы, от которой их отделяла лишь тонкая пленка стекла?

Двое незанятых конторщиков устремились ко вновь пришедшим с любезным видом, так как заметили, что часы уже показывают около пяти. Значит, визит посетителей будет коротким, и от них можно будет отделаться меньше чем через пять минут. Один из запоздалых клиентов принял услугу, в то время как другой, более высокий, пожелал переговорить с директором.

— Я посмотрю, здесь ли он, — был ответ.

Служащий исчез через дверь в глубине бюро, недоступную для публики, и тотчас появился.

— Потрудитесь войти! — предложил он, открывая подвижную створку в конце конторки.

Человек в ульстере последовал приглашению и прошел в кабинет директора, тогда как конторщик, закрыв за ним дверь, вернулся к работе.

Что произошло между директором Агентства и его посетителем?

Впоследствии, отвечая на вопросы, служащие утверждали, что ничего не знают, и этому можно поверить. Произведенное следствие свелось к различным предположениям на этот счет, и даже теперь мы в неведении о сцене, которая разыгралась за закрытой дверью.

Одно достоверно: не прошло и двух минут, как дверь снова открылась, и человек в ульстере показался на пороге.

В безразличной манере, не обращаясь ни к кому из служащих в частности, он произнес совершенно спокойным тоном:

— Пожалуйста... Господин директор желает говорить с кассиром.

— Хорошо, сударь, — ответил тот из конторщиков, который не был занят.

Повернувшись, он позвал:

— Стор!

— Мистер Берклей?

— Вас спрашивает директор.

— Иду! — ответил кассир.

С аккуратностью, свойственной людям его профессии, кассир бросил в несгораемый шкаф портфель и три мешка, содержавших в билетах и звонкой монете кассовую наличность, шумно захлопнул тяжелую дверку, потом, опустив окошечко, вышел из зарешеченной клетки и, заботливо закрыв ее за собой, направился к кабинету начальника. Ожидавший посетитель пропустил кассира и вошел вслед за ним.

Войдя в кабинет, Стор с изумлением заметил отсутствие того, кто его будто бы вызывал: комната была пуста. Но ему не хватило времени разъяснить загадку: стальные руки схватили его сзади за горло. Напрасно

он пытался биться, кричать; убийственные руки сжимали его все крепче, пока он не повалился на ковер без дыхания, без чувств.

Ни малейший шум не выдал этого свирепого нападения. В большой зале служащие спокойно продолжали свое дело: четверо — занятые с клиентами, отделенными от них конторкой, пятый — погруженный в расчеты, касающиеся работы.

Человек в ульстере вытер со лба капельки пота, потом наклонился к своей жертве. Быстро и ловко он связал кассира и заткнул ему рот.

Покончив с этим, он тихонько приоткрыл дверь и бросил взгляд в большую залу. Удовлетворенный осмотром, он слегка кашлянул, как бы для того, чтобы привлечь внимание четырех странных запоздалых клиентов, потом одним толчком открыл дверь, его скрывавшую.

Это был, без сомнения, заранее условленный сигнал к сцене, буквально фантастической. Человек в ульстере пересек одним прыжком залу и, обрушившись как гром на одинокого счетовода, безжалостно стал душить его, и в то же время четверо остальных конторщиков подверглись той же участи.

Клиент, стоявший у конца конторки, перескочил через дверку и опрокинул навзничь служащего, который был перед ним. Из трех остальных посетителей двое протянули руки через конторку и, схватив за горло своих почтительных собеседников, стали жестоко ударять их о дубовую стойку. Последний же, самый низкорослый, не мог схватить визави из-за большого расстояния, их разделявшего; он перепрыгнул через конторку и схватил за горло своего противника с силой, удвоенной прыжком.

Не раздалось ни одного крика. Драма продолжалась не более тридцати секунд.

Когда жертвы потеряли сознание, душители закончили битву. План налета был продуман до мельчайших подробностей. Все было наготове, не замечалось никакого раздумья. Нападающие сразу вытащили из карманов необходимые принадлежности. Рты всех служащих банка были заткнуты ватой и завязаны, хотя это и грозило жертвам смертью от удушья, руки завернуты на-

зад и скручены, ноги крепко связаны, и вытянутые тела опутаны стальной проволокой.

Все было кончено в одно мгновение. Одновременно пять нападающих выпрямились.

— Штора! — приказал тот, кто просил свидания с директором. Он, очевидно, командовал.

Трое бандитов бросились к железным рукояткам у витрин. Ставни начали спускаться, постепенно заглушая уличный шум.

Дело было выполнено наполовину, как вдруг раздался телефонный звонок.

— Стоп! — приказал атаман шайки.

Когда штора перестала опускаться, он приблизился к аппарату и снял трубку. Произошел следующий разговор, лишь половина которого достигла до слуха временно бездействовавших грабителей.

— Алло!

— Я слушаю.

— Это вы, Бакстон?

— Да.

— Странно, я не узнаю вашего голоса.

— Аппарат поврежден.

— Не у нас...

— Это здесь. Я тоже не узнаю вашего голоса.

— Мистер Лазон.

— Ага, так, так! Теперь я узнал...

— Скажите, Бакстон, карета уже была?

— Нет еще, — ответил бандит после краткого колебания.

— Когда она придет, прикажите ей завернуть в Агентство S. Мне сейчас звонили, что они только что получили значительный вклад после закрытия конторы и отправки фондов.

— Большая сумма?

— Приличная. Около двадцати тысяч фунтов [1].

— Черт побери!

— Принимаете поручение?

— Рассчитывайте на меня.

— До свиданья, Бакстон!

— До свиданья!

---

[1] Больше 500 тысяч франков — *Прим. Ж. Верна.*

Незнакомец положил трубку и остался на мгновение в задумчивой неподвижности.

Внезапно он принял решение и собрал сообщников вокруг себя.

— Надо действовать, друзья, — сказал он тихо, начиная лихорадочно раздеваться. — Живо! Дайте-ка мне шкуру с того парня!

Он указал пальцем на Стора, еще лишенного чувств.

В мгновение ока кассир был раздет, и грабитель натянул на себя его одежду, хотя она была ему немного коротка. Найдя в одном из карманов ключи от кассы, он открыл кабинку, затем несгораемый ящик, откуда вынул мешки со звонкой монетой, портфель с билетами и пачки ценных бумаг.

Едва он кончил, как послышался стук кареты, остановившейся у тротуара. Почти тотчас же постучали в стекло двери, полузакрытой металлической шторой.

— Внимание! — поспешно сказал атаман банды душителей, сопровождая слова выразительными жестами. — Долой плащи, пусть будут видны ваши пиджаки, и по местам — в момент!.. Чтобы не всполошить того, кто войдет! И без шума!.. Потом, когда закроется дверь, не открывать никому, кроме меня!..

Нагруженный портфелем и несколькими пачками бумаг, он, все еще говоря, приблизился к двери. Трое сообщников сели по его знаку на места служащих, затолкнув тех ногами под конторку; четвертый поместился у выхода. Он открыл дверь твердой рукой. Внезапно ворвался уличный шум.

Перед Агентством в самом деле остановилась банковская карета. Видно было в темноте, как блестят ее фонари. Кучер, оставаясь на козлах, разговаривал с человеком, стоявшим у тротуара. Это был инкассатор[1] Центрального банка, который только что постучал в дверь.

Не спеша, избегая прохожих, поток которых не прерывался, смелый бандит пересек тротуар и подошел к карете.

— Привет! — сказал он.

---

[1] *Инкассатор* — кассир, перевозящий ценности из местных отделений в центральное учреждение.

— Привет! — ответили ему.

Кучер, взглянув на того, кто к ним обращался, по-видимому, удивился.

— Смотрите! Да это не Стор! — вскричал он.

— Сегодня у него отпуск. Я его заменяю, — объяснил мнимый кассир. Затем он обратился к инкассатору, стоявшему перед ним: — Эй! Помоги немножко, приятель!

— В чем дело?

— Там один из наших мешков... Сегодня получили много монеты, а это тяжелая штука.

— Мне запрещено покидать карету, — сказал инкассатор, колеблясь.

— Ба! На минутку! Впрочем, я тебя замещу здесь. Один из служащих поможет тебе, пока я разгружу портфель...

Инкассатор удалился, не возражая больше, и вошел в дверь, которая закрылась за ним.

— Слушай, приятель! — сказал кучеру тот, кто подменил Стора. — Открой карету!

— Иду! — согласился кучер.

Кузов кареты не имел выхода ни сзади, ни по бокам: единственным отверстием была двустворчатая железная дверка позади козел. Таким образом, риск воровства сводился до минимума.

Чтобы проникнуть в карету, следовало отвернуть скамейку кучера, половина которой была сделана подвижной. Но когда речь шла только о том, чтобы положить несколько пакетов в один из ящиков, находившихся внутри кареты, кучер счел возможным избавить себя от этой работы и просто толкнул дверку

— Давай портфель! — сказал он.

Получив то, что просил, кучер, склонившись с козел, исчез до половины внутри кареты, а ноги уравновешивали его снаружи. В этом положении он не мог видеть, что его предполагаемый сослуживец поднялся на подножку, а затем и на сиденье, таким манером, чтобы отрезать кучера от вожжей. Распростершись над кучером, мнимый кассир, точно ему было любопытно посмотреть, что находится внутри кареты, в свою очередь, засунул туда голову и плечи, и его рука с силой устремилась в темноту.

Если бы одному из многочисленных прохожих пришла в этот момент мысль взглянуть поближе, он увидел бы, что ноги кучера внезапно и странно окостенели, а потом бессильно опустились на доску сиденья, а туловище обмякло с другой стороны скамейки. Грабитель мгновенно схватил безжизненное тело и бросил в карету посреди мешков и пакетов.

Все эти поступки, выполненные с изумительной точностью и смелостью, заняли несколько секунд. Прохожие продолжали мирно идти мимо, не подозревая о необычных событиях, происходивших тут же, среди толпы.

Человек еще сильнее наклонился в карету, чтобы его не ослепляли уличные огни, и посмотрел внутрь. На полу, в луже крови, увеличивавшейся на глазах, валялся кучер с ножом в затылке. Он не двигался: смерть настигла его молниеносно.

Убийца, боясь, как бы кровь не просочилась через пол и не начала капать на землю, спустил ноги со скамейки, целиком влез в карету и стащил с мертвеца куртку. Он заткнул ею ужасную рану. Заботливо обтерев нож и свои окровавленные руки, он закрыл железную дверцу, уверенный, что если кровь будет течь, то шерсть впитает ее, как губка.

Приняв эти предосторожности, он выбрался из кареты и постучал особенным образом в дверь Агентства, которая немедленно открылась и затем закрылась.

— Человек? — спросил он, войдя.

Ему указали на конторку.

— Вместе с другими. Связан.

— Хорошо! Его одежду, живо!

Приказание было поспешно выполнено, и он сменил костюм кассира Стора на одежду инкассатора.

— Двое останутся здесь, — распорядился он, продолжая преображаться. — Остальные со мной, чтобы очистить повозку.

Не дожидаясь ответа, он снова открыл дверь, вышел в сопровождении двух приспешников, поднялся на сиденье, вошел в карету, и грабеж начался.

Он передавал один пакет за другим сообщникам, и те переносили их в Агентство. Свет, проникавший через

распахнутую дверь, вырезал блестящий квадрат на тротуаре.

Прохожие, выходя из темноты улицы, чтобы тотчас в нее вернуться, беззаботно пересекали светлую полосу. Ничто не помешало бы им войти. Но такая мысль не приходила никому, и толпа текла, равнодушная к операции, которая ее не касалась и в которой ничто не представлялось подозрительным.

Через пять минут карета опустела. Закрыв входную дверь, приступили к разборке. Ценные бумаги, акции и облигации были отложены в одну сторону, деньги — в другую. Первые, безжалостно отброшенные, усыпали паркет. Банковые билеты разделили на пять частей, и, взяв по одной, каждый спрятал свою под пиджак.

— А мешки с монетой? — спросил один из бандитов.

— Набейте карманы, — отвечал главарь. — Что останется, в повозку. Я займусь ею.

Ему быстро повиновались.

— Минутку! — вскричал он. — Условимся обо всем. Когда я отправлюсь, останьтесь здесь и закончите спуск шторы. Потом, — добавил он, показывая на коридор, открывавшийся в глубине залы, — выйдете отсюда. Последний закроет дверь двойным оборотом и бросит ключ в водосток. Не забудьте о простофиле! Вы помните приказ?

— Да, да! — отвечали ему. — Будь спокоен.

Собираясь выйти, он еще задержался.

— Черт! — сказал он. — Я не подумал о самом главном. Здесь должен быть список других агентств...

Ему показали приклеенное в уголке стекла желтое объявление, содержавшее необходимые сведения. Он пробежал его глазами.

— Да, насчет плащей, — сказал он, найдя адрес Агентства S, — бросьте их в угол. Пусть их здесь найдут. Важно, чтобы их не видели больше на наших спинах. Встретимся, знаете где... В путь!

Не поместившееся в карманах грабителей золото и серебро было перенесено в карету.

— Это все? — спросил один из бандитов.

Атаман подумал, потом воскликнул, пораженный внезапной мыслью:

— Черт возьми, конечно, нет! А мои пожитки?

Бандит пустился рысью и тотчас вернулся, таща одежду, незадолго перед тем смененную атаманом на костюм Стора; он на лету швырнул ее в кузов кареты.

— Теперь уж все? — спросил он снова.

— Да! И не копайтесь! — был ответ.

Бандит скрылся в Агентстве; железная штора окончательно опустилась.

А в это время импровизированный кучер схватил вожжи и разбудил лошадей ударом кнута. Карета закачалась, покатилась по Олд-Брод-стриту, завернула на Трогмортон-стрит, проследовала по Лотбург-стриту, потом по Грехем-стриту, повернула на Олдергэт-стрит и у номера 29 наконец остановилась перед Агентством S.

Мнимый кучер смело вошел туда и направился в кассу.

— Кажется, у вас есть для меня пакет? — сказал он.

Кассир поднял глаза.

— Как, — удивился он, — это не Бодрюк!

— Честное слово, нет! — подтвердил мнимый инкассатор с грубым смехом.

— Я не понимаю, — заворчал недовольный кассир, — почему правление посылает незнакомых людей...

— Это потому, что я не в своем участке. Мне велели в Агентстве В приехать сюда после телефонного звонка из Банка. Кажется, вы получили здоровый вклад после закрытия.

Он тотчас нашел этот правдоподобный ответ, так как перечень агентств Центрального банка был еще свеж в его памяти.

— Да... — согласился кассир с невольным подозрением. — Все равно, мне не нравится, что я вас не знаю.

— А вам-то что? — возразил тот с удивлением.

— Ведь столько воров!.. Но, впрочем, это можно устроить. Я полагаю, ваш документ с вами?

Если что-нибудь могло смутить бандита, это был как раз такой вопрос. О каком документе шла речь? Но он не смутился. Когда отваживаются на такие приключения, надо иметь особые качества и, сверх всех прочих, абсолютное хладнокровие. Этим качеством мнимый инкассатор Центрального банка владел в высшей степе-

ни. Если он и взволновался так неожиданно предложенным вопросом, то ничем этого не показал и ответил самым естественным тоном:

— Черт побери, разумеется!

Он естественно рассудил так: если предполагают, что «документ» при нем, то это, должно быть, какое-то удостоверение, всегда носимое служащими Центрального банка с собой. Роясь в куртке инкассатора, которого он заменил, он найдет, без сомнения, этот знаменитый «документ».

— Я поищу, — добавил он спокойно, садясь на скамью и принимаясь опоражнивать карманы.

Он доставал многочисленные бумажки, письма, служебные записки и прочее, все обтрепанное и помятое, как всегда бывает с тем, что долго носят при себе. Подражая неловкости мастеровых, у которых опухшие пальцы больше привычны к грубой работе, чем к обращению с документами, он развертывал одну бумажку за другой.

После трех попыток он раскрыл печатный документ с пробелами, заполненными от руки, которым некий Бодрюк назначался на должность инкассатора Центрального банка. Очевидно, это было то, что он искал, однако затруднение оставалось. Фамилия, вписанная в документ, составляла, быть может, самую большую опасность: ведь этого Бодрюка хорошо знал кассир Агентства S, который удивлялся, что не с ним имеет дело.

Не теряя хладнокровия, смелый бандит мгновенно измыслил необходимое средство. Воспользовавшись невнимательностью кассира, он разорвал на две половинки официальную бумагу. Верхнюю половинку, с уличавшей его фамилией, он перемешал в левой руке с просмотренными бумагами, а нижняя часть осталась в правой.

— Вот несчастье! — сердито вскричал он, когда эта операция пришла к благополучному концу. — Документ-то при мне, да осталась только половинка!

— Половинка? — спросил кассир.

— Да, он старый и совсем изношенный, истаскался в кармане. Он разодрался пополам, и у меня, дурака, осталась только половинка!

— Гм!.. — проворчал недовольный кассир.

Бандит притворился оскорбленным.

— Ну, хватит с меня! — заявил он, поднявшись и направляясь к двери. — Мне велели захватить ваши деньжонки: я явился. Не хотите давать? Караульте сами. Поссоритесь с правлением, а мне на это наплевать!

Равнодушие, им высказанное, содействовало успеху предприятия лучше, чем самые сильные доводы. И еще больше помогла угрожающая фраза, которую он пустил, удаляясь, как парфянскую стрелу[1]. Поменьше историй — вот вечная цель всех служащих на земле.

— Минуточку! — сказал кассир, подзывая его. — Покажите мне его, ваш документ!

— Вот он! — отвечал инкассатор, предъявляя половинку документа, где не была вписана фамилия.

— Тут есть подпись директора, — с удовлетворением заметил кассир. И, наконец, решившись, показал запечатанный пакет. — Вот деньги. Пожалуйста, распишитесь!

Мнимый инкассатор, нацарапав на предложенном ему листке первую пришедшую на ум фамилию, удалился с недовольным видом.

— Желаю здравствовать, — проворчал он, как человек, раздраженный несправедливым подозрением.

Выйдя наружу, он ускорил шаги к карете, поднялся на козлы и исчез среди ночи.

Так совершился грабеж, ставший столь широко известным.

Как сказано, он раскрылся в тот же вечер, раньше, чем, вероятно, предполагали его виновники. Агентство было крепко заперто, персонал беспомощен, кучер кареты уничтожен, и они смело могли думать, что до следующего утра никто ничего не заметит. Утром конторский мальчик, придя производить ежедневную уборку, поневоле подымет тревогу, но было много шансов, что до того происшествие останется в тайне.

Но в действительности все повернулось иначе.

---

[1] Древние парфяне во время битвы притворно отступали и, заманивая врагов, пускали в них стрелы. Парфянская стрела — предательский, коварный удар.

В половине шестого мистер Лазон, банковский контролер, звонивший по телефону в первый раз около пяти часов, чтобы осведомиться о приезде кареты сборщика, обеспокоился тем, что она еще не вернулась, и снова позвонил в Агентство ДК. Он не получил ответа: воры, заканчивавшие тогда дележ добычи, сняли трубку, чтобы избежать звонков, настойчивость которых могла возбудить внимание соседей. Контролер удовлетворился тем, что обвинил телефонистку.

Но время шло, карета не возвращалась, и Лазон сделал вторую попытку. Она осталась бесплодной, как и первая, и телефонная станция уверила его, что Агентство ДК молчит. Контролер послал банковского рассыльного узнать, почему не отвечают. В половине седьмого рассыльный воротился. Он сообщил, что Агентство закрыто, и внутри никого нет.

Контролер, очень удивленный, что мистер Бакстон закончил операцию так рано в последний день месяца, когда персоналу иногда приходится работать до девяти часов, ждал карету сборщика с возрастающим нетерпением.

Он ожидал до четверти восьмого, когда узнал важную новость. Один из служащих Центрального правления, возвращавшийся домой после работы, обнаружил карету позади Гайд-парка, на Холленд-стрите, малолюдной улице Кенсингтона. Этот служащий, удивленный появлением кареты Центрального банка на сравнительно пустынной и темной улице, поднялся на козлы, толкнул незапертую дверцу и при свете спички увидел уже холодный труп кучера. Он бегом вернулся в Центральное правление и поднял тревогу.

Тотчас же телефоны заработали по всем направлениям. Около восьми часов наряд полиции окружил брошенную карету, а в это время толпа теснилась перед Агентством ДК, где другой взвод открывал двери с помощью приглашенного слесаря.

Читатель уже знает, что там должны были найти.

Дознание началось немедленно. К счастью, никто из служащих Агентства не умер, хотя, по правде говоря, они были недалеки от этого. Полузадушенные, со ртом, набитым ватой и тряпками, они валялись без чувств, когда к ним явилась помощь; не оставалось никаких сомне-

ний, что они распростились бы с жизнью, если бы пробыли в таком положении до утра.

С трудом их привели в сознание. Но они могли дать лишь самые скудные сведения: пять бородатых людей, одетых в дорожные плащи и в пальто-ульстеры, напали на них. Больше они ничего не знали.

Не было сомнения в их чистосердечности. Лишь только начался розыск, нашли пять пальто, которые лежали в углу на виду, как будто преступники хотели оставить следы своего пребывания. Впрочем, эти одеяния, тщательно исследованные лучшими сыщиками Скотленд-ярда [1], не сообщили ничего о тех, кем они были брошены. Сделанные из обычной, ходовой материи, они не носили марки портного или магазина, что и объясняло, почему их не унесли.

Все это не представляло ничего существенного, и следователь должен был отказаться от мысли узнать больше. Напрасно он расспрашивал и переспрашивал свидетелей: из них ничего нельзя было вытянуть.

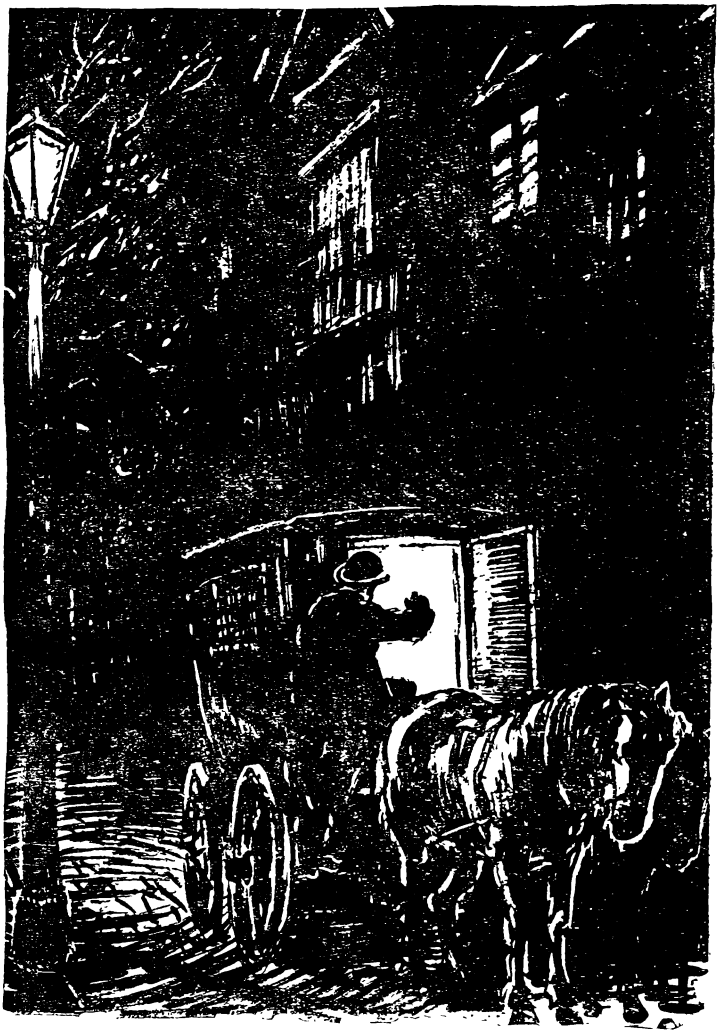
Последним важным свидетелем был швейцар дома. Дверь Агентства была закрыта внутренним ставнем, следовательно, преступникам пришлось выйти через общий вестибюль дома. Швейцар должен был их видеть.

Но этот последний мог только признаться в своем неведении. Слишком многочисленны были помещения, над которыми он вел надзор. В этот день швейцар не заметил ничего подозрительного. Если похитители и прошли мимо него, как можно было предполагать, он их принял за служащих Агентства.

Подвергнутый более тщательному допросу и принуждаемый порыться в памяти, он назвал имена четырех жильцов, которые прошли через вестибюль незадолго до преступления или немного спустя. Жильцы были немедленно вызваны; они оказались людьми безукоризненно честными и выходили пообедать.

Швейцар рассказал также о разносчике угля, который явился с объемистым мешком около половины восьмого, незадолго до появления полиции, и на которого он обратил внимание только потому, что не принято доставлять уголь в подобный час. Разносчик так настой-

[1] Центральное управление лондонской уголовной полиции.

чизо спрашивал жильца из пятого этажа, что швейцару пришлось пропустить его и указать черную лестницу.

Разносчик угля поднялся, но спустился через четверть часа, таща мешок. Спрошенный швейцаром, он сказал, что ошибся адресом. Говорил он прерывающимся голосом, как человек, поднявшийся на пятый этаж с тяжелой ношей на плечах. На улице он положил мешок в ручную тележку у тротуара и удалился, не слишком спеша.

— Знаете ли вы, — спросил следователь, — от какой фирмы был разносчик?

Швейцар этого не знал.

Следователь, оставив этот пункт для дальнейшего выяснения, допросил жильца пятого этажа. Тот заявил, что разносчик угля действительно звонил у черной двери около половины восьмого. Служанка, открывшая ему, уверила его в ошибке, и тот ушел, не настаивая. Но свидетельские показания в этом пункте не сходились, так как служанка из пятого этажа утверждала, не соглашаясь с швейцаром, что при человеке не было никакого мешка.

— Он оставил его внизу, поднимаясь, — объяснил следователь.

Скоро оказалось, что объяснение было недостаточным, так как в подвальном коридоре нашли содержимое мешка, а швейцар уверял, что за несколько часов перед тем его там не было. Было очевидно, что таинственный разносчик угля опорожнил там принесенный им мешок. Но тогда что же он унес, если, по показаниям швейцара, мешок при уходе разносчика казался таким же полным и тяжелым, как при его приходе?

— Не будем пока этим заниматься, — заключил следователь, отказываясь от разрешения непосильной задачи. — Это выяснится завтра. — Чиновник шел по следу, который считал наиболее важным, и не хотел отклоняться в сторону.

В самом деле, весь персонал Агентства был налицо. Но директора не было. Мистер Льюис Роберт Бакстон исчез.

Служащие не могли дать никаких объяснений на этот счет. Они только знали, что незадолго до пяти часов один клиент вошел к директору и несколько минут спу-

стя позвал кассира Стора; тот пошел на вызов и не вернулся. Тотчас же после этого произошло нападение. Мистера же Бакстона никто не видел.

Заключение напрашивалось само собой: если было несомненно, что Агентство подверглось нападению пяти переодетых и загримированных бандитов, то очевидным казалось и то, что бандиты имели сообщника на месте и этим сообщником был сам директор.

Вот почему еще до окончания детального следствия немедленно был подписан приказ об аресте Льюиса Роберта Бакстона, директора Агентства ДК Центрального банка, обвиняемого в грабеже и сообщничестве в убийстве. Его приметы, хорошо известные, были телеграфно сообщены по всем направлениям; приметы сообщников остались неизвестными.

Виновный еще не мог покинуть Англию. Его, без сомнения, арестуют внутри страны или в порту — быстрый успех, которым полиция справедливо сможет гордиться.

Убаюкивая себя такой приятной перспективой, следователь и сыщики отправились на заслуженный отдых.

А в эту ночь, в два часа утра, пять загорелых людей, одни гладко выбритые, другие с усами, вышли в Саутгемптоне из лондонского экспресса по одиночке, как и садились. После выгрузки нескольких тюков и одного громадного тяжелого ящика они наняли карету в порт, где у набережной их ожидал пароход приблизительно в две тысячи тонн водоизмещением, из труб которого валил густой дым.

С четырехчасовым приливом, когда спал весь Саутгемптон, где еще не знали о преступлении на Олд-Бродстрите, пароход вышел из гавани, миновал мол и направился в открытое море.

Никто не воспротивился его отправлению. И почему, в самом деле, можно было заподозрить это честное судно, открыто погрузившее несходные меж собой, но не вызывающие никаких сомнений товары, с назначением в Котону, порт в Дагомее [1]?

---

[1] *Дагомея* — французская колония в Африке, на берегу Гвинейского залива.

Итак, пароход спокойно удалился со своими товарами, с пятью пассажирами, с тюками и огромным сундуком, который один из пассажиров, самый высокий, поместил у себя в каюте. А в это время полиция, прервав розыски, наслаждалась вполне заслуженным покоем.

Назавтра и в последующие дни дознание было возобновлено, но, как уже известно читателю, не привело ни к чему. Дни проходили за днями, преступников не нашли. Льюис Роберт Бакстон не был разыскан. Никакой луч света не мог осветить непроницаемую тайну. Не могли также узнать, какой фирмой был послан разносчик угля, привлекший на момент внимание полиции. Выбившись из сил, дело прекратили.

Последующий рассказ впервые дает полное разрешение загадки. Читателю предоставляется право сказать, мог ли он вообразить что-нибудь более неожиданное и более странное.

ЭКСПЕДИЦИЯ

Конакри, столица Французской Гвинеи и резиденция губернатора, — очень приятный город, улицы которого, со знанием дела распланированные губернатором Баллеем, пересекаются под прямым углом и, по американской моде, называются порядковыми номерами. Построенный на острове Томбо, он отделен от материка узким каналом. Через канал перекинут мост, где движутся всадники, пешеходы, экипажи, а также проходит железная дорога, кончающаяся в Курусе, близ Нигера. Это самая здоровая береговая местность в Гвинее. Там много представителей белой расы, особенно французов и англичан, причем эти последние живут преимущественно в пригороде Ньютаун.

Но во время событий, составляющих сюжет этого рассказа, Конакри еще не достиг процветания и был просто большим местечком.

27 ноября в Конакри был праздник. По приглашению губернатора господина Генри Вальдона население собиралось у моря, готовое горячо, как его об этом просили, встретить знатных путешественников, которые вот-вот должны были высадиться с парохода «Туат» компании «Фрейсине».

Приезжие, так взбудоражившие город Конакри, были, в самом деле, влиятельными людьми. Их было семеро, и они составляли парламентскую комиссию, направленную центральными властями в исследовательскую экспедицию в область Судана, известную под названием «Петли Нигера». По правде говоря, президент совета господин Граншан и министр колоний господин Шазелль отправили эту комиссию и предписали исследование против своей воли. Их вынудила к этому Палата депутатов и необходимость прервать ожесточенные прения, грозившие затянуться до бесконечности.

За несколько месяцев до того, во время дебатов по вопросам африканских колоний, которые было поручено изучить парламентской комиссии, французская Палата депутатов разделилась на численно равные партии, под предводительством двух непримиримых противников.

Одного из них звали Барсак, другого — Бодрьер. Первый — толстенький, с небольшим брюшком — носил пышную черную бороду веером. Веселый и симпатичный южанин из Прованса, с громким голосом, Барсак был одарен если не красноречием, то, по крайней мере, многоречивостью. Бодрьер, депутат одного из северных департаментов, если будет позволено такое смелое выражение, представлял его «в длину». Тощий, угловатый, с сухим лицом, с жиденькими усами, оттеняющими тонкие губы, он был замкнут и имел печальный вид. Насколько его коллега великодушно раскрывался перед всеми, настолько Бодрьер жил, замкнувшись в самом себе, с душой, закрытой на замок, как сундук скупца.

Оба депутата с давних пор посвятили себя колониальным вопросам, и оба прослыли авторитетами. Однако — это размышление напрашивается невольно — было поистине чудом, что их терпеливые труды редко приводили к одинаковым выводам. Они редко соглашались между собой. Если Барсак излагал свое мнение по какому-нибудь вопросу, можно было держать пари, десять против одного, что Бодрьер будет утверждать обратное, и поэтому Палата, невзирая на их рассуждения, обычно голосовала так, как хотелось министерству.

На этот раз Барсак и Бодрьер не хотели уступить ни на волос, и спор длился без конца. Он начался по

случаю внесения Барсаком законопроекта о создании пяти депутатских мест для Сенегамбии, Верхней Гвинеи и части Французского Судана, расположенной к западу от Нигера, и о предоставлении неграм права избирать и быть избранными без различия племени. Тотчас же, как обычно, Бодрьер энергично выступил против предложения Барсака, и два непримиримых противника осыпали друг друга картечью аргументов.

Первый, ссылаясь на свидетельства военных и гражданских путешественников, заявлял, что негры уже достигли довольно высокой ступени цивилизации. Он добавил, что мало отменить рабство: надо дать покоренным народам те же права, что имеют победители, и, кстати, при шумных аплодисментах части Палаты, произнес великие слова: «Свобода, равенство и братство».

Другой, напротив, объявил, что негры еще коснеют в самом постыдном варварстве и что не может быть и речи о том, чтобы дать им право голоса, потому что с больным ребенком не советуются о лекарстве, которое ему нужно дать. Он добавил, что, во всяком случае, момент неблагоприятен для такого опасного опыта и что следовало бы усилить оккупационные войска, так как тревожные признаки заставляют опасаться близкой смуты в этих краях. Он, как и его противник, привел мнение путешественников и в заключение потребовал посылки новой интервенционной армии, провозгласив с патриотической энергией, что владения, завоеванные французской кровью, священны и неприкосновенны. Ему так же яростно аплодировала другая часть Палаты.

Министр колоний затруднялся стать на сторону одного из двух пылких ораторов. Часть правды была заключена в обоих выступлениях. Было верно, что черные народности, обитавшие в Петле Нигера и Сенегамбии, казалось, начинали свыкаться с французским владычеством, что просвещение сделало некоторые шаги среди этих, прежде столь невежественных, племен и что жить на территории колонии становилось безопаснее. Но, с другой стороны, в настоящее время положение менялось в неблагоприятном смысле. Получались известия о смутах и грабежах; целые деревни, неизвестно почему, были покинуты обитателями. И, наконец, следовало принять во внимание, правда, не преувеличивая, достаточно не-

ясные и таинственные слухи, бежавшие по зарослям вдоль берегов Нигера, о каком-то независимом государстве, которое начало образовываться в неведомом пункте Африки. Так как каждый из двух ораторов умело приводил в споре аргументы, свидетельствовавшие в его пользу, то оба считали себя победителями, и спор продолжался, пока один из депутатов, измучившись, не крикнул среди шума:

— Раз не могут сговориться, пусть посмотрят сами!

Господин Шазелль возразил, что эти страны часто исследовались, и нет надобности открывать их еще раз. Тем не менее, он готов пойти навстречу желаниям Палаты, если она считает, что экспедиция принесет какую-то пользу; он будет счастлив поручить ей это предприятие и поставить во главе ее того из депутатов, на которого укажет Палата.

Предложение имело успех. Его тут же приняли, и министерству было предложено организовать экспедицию, которая обследует Петлю Нигера и по отчету которой Палата примет окончательное решение.

Труднее оказалось выбрать начальника экспедиции: два раза Барсак и Бодрьер получили равное количество голосов. Надо было с этим покончить.

— Черт возьми! Назначим обоих! — вскричал какой-то насмешник.

Эта мысль была с энтузиазмом принята Палатой, которая, без сомнения, увидела в ней спасительное средство не слышать разговоров о колониях в течение нескольких месяцев. Барсак и Бодрьер были избраны, и возраст должен был решить, кто из них будет первенствовать. Преимущество досталось Барсаку, он оказался старше на три дня. Оскорбленному Бодрьеру пришлось удовлетвориться ролью помощника.

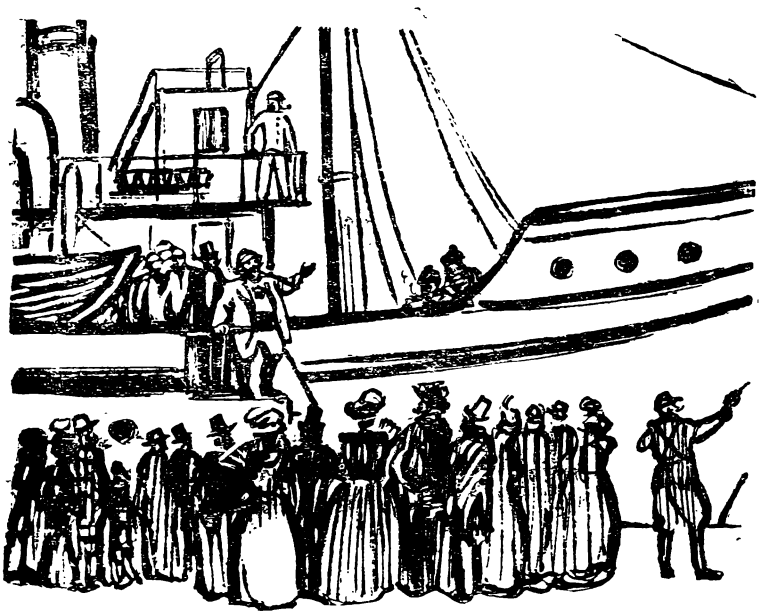
В комиссию правительство включило еще несколько человек, менее блестящих, но, быть может, более полезных, так что по прибытии в Конакри она состояла из семи членов, включая Барсака и Бодрьера.

Среди прочих выделялся доктор Шатонней, замечательный медик; рост его превышал пять футов восемь дюймов; его веселую физиономию венчала курчавая шевелюра, совершенно седая, хотя ему было всего пятьдесят лет, густые усы его были белы, как снег. Доктор

Шатонней был превосходный человек, чувствительный и веселый, шумно смеявшийся по всякому поводу.

Можно еще отметить г. Исидора Тассена, корреспондента Географического общества, маленького, сухого, решительного человека и страстного географа.

Последних трех членов экспедиции — гг. Понсена, Кирье и Эйрье — чиновников разных министерств — не замечали: это были самые обыкновенные люди.

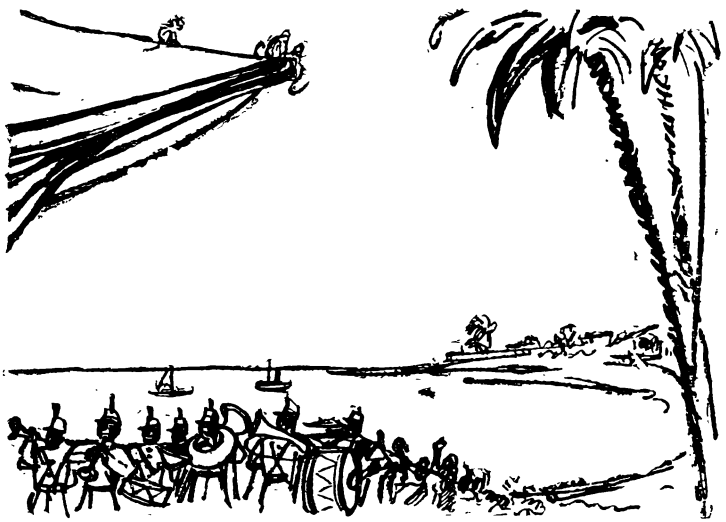
Помимо перечисленных лиц в экспедиции участвовал восьмой путешественник, блондин энергичного и решительного вида, по имени Амедей Флоранс, деятельный и находчивый корреспондент газеты «Экспансьон Франсез».

Таковы были особы, высадившиеся 27 ноября с парохода «Туат» компании «Фрейсине».

Событие неизбежно должно было сопровождаться речами. Администраторы и важные чиновники не ограничиваются при встречах пожатием руки и словом «здравствуйте». Они считают необходимым обмениваться реча-

ми, в то время как публика, несмотря на привычку, забавляющаяся комической стороной этой формальности, выстраивается в кружок вокруг ораторов.

Для правдивости рассказа отметим, что на месте высадки господин Вальдон, сопровождаемый главными чиновниками, которых он позаботился представить, торжественно приветствовал прибывших; он сделал это в такой манере, точно они к нему прибыли если не с неба,

то по крайней мере из-за океанских далей. Впрочем, отдадим ему справедливость — он был краток, и его небольшая речь имела заслуженный успех.

Барсак отвечал в качестве начальника экспедиции.

— Господин губернатор, господа! — произнес он с выражением признательности (южанин!). Потом, кашлянув, чтобы прочистить горло, продолжал: — Мои коллеги и я глубоко тронуты словами, которые только что услышали. Сердечность вашего приема — благоприятное предзнаменование для нас в тот момент, когда фактически начинается предприятие, трудности которого мы,

впрочем, не преувеличиваем. Нам известно, что под великодушным управлением метрополии эти области, некогда с такими опасностями исследованные смелыми пионерами родины, узнали, наконец, французский мир [1], если позволительно употребить это торжественное выражение, заимствованное у наших предков римлян. Вот почему здесь, у ворот этого прекрасного города Конакри, окруженные тесными рядами соотечественников, мы испытываем такое чувство, точно не покидали Францию. Вот почему, углубляясь внутрь страны, мы по-прежнему не покинем родины, так как трудолюбивое население этих областей начнет отныне преображаться в граждан увеличившейся, расширенной Франции. Пусть наше пребывание среди них даст им доказательство бдительной заботливости выборной власти. И пусть оно еще увеличит, если это возможно, их привязанность к родине, их преданность Франции!

Губернатор Вальдон, как это принято, дал сигнал к «невольным» аплодисментам. Барсак отступил на шаг назад, а Бодрьер тотчас же шагнул вперед.

После нескончаемых тайных совещаний в канцелярии министра было решено назначить Бодрьера не просто помощником, а заместителем начальника экспедиции. И вот, — о таинственное могущество слов! — из этого получилось то, что если Барсак держал речь в торжественной церемонии, Бодрьер немедленно выступал после него. Так была решена нелегкая задача удовлетворения самолюбий.

— Господин губернатор, господа, — начал Бодрьер, обрывая аплодисменты, которыми были награждены разглагольствования его предшественника. — Я полностью присоединяюсь к красноречивым высказываниям моего коллеги и друга. Как он превосходно выразился, каждый из нас отдает себе точный отчет в трудностях и опасностях, которые может представить наше исследование. Эти трудности мы преодолеем со всем нашим усердием. А опасности не могут нас волновать, потому что между ними и нами встанут французские штыки. Да

---

[1] Подражание латинскому выражению *«Pax romana»* — «римский мир», означавшему то умиротворение или спокойствие, которое римляне, по их мнению, приносили завоеванным народам.

позволено мне будет предпослать нашим первым шагам по африканской земле сердечный привет конвою, который, по возможности, избавит нас от опасностей. И — не заблуждайтесь, господа! — приветствуя этот немногочисленный конвой, я отдаю почет армии, так как разве не вся она будет представлена скромным отрядом, который пойдет с нами? Армия, столь дорогая французским сердцам, присоединится к нашим трудам, и с ее помощью посредством этого сопряженного с известным риском предприятия возрастут престиж родины и величие республики, как возрастали они в столь многих привычных армии славных приключениях!

Снова прогремели аплодисменты, такие же бурные и «невольные», как первые, затем все отправились в резиденцию губернатора, где члены экспедиции должны были в продолжение трех дней выработать подробный план исследования.

Этот план был обширен.

Область, затронутая законопроектом Барсака, превышала 1 500 тысяч квадратных километров. Это почти втрое больше территории Франции. Не могло быть и речи о том, чтобы посетить все населенные пункты этого огромного пространства. Но, по крайней мере, следовало наметить достаточно извилистый путь, чтобы впечатления, собранные обследователями, до известной степени соответствовали действительности. В самом деле, этот путь тянулся для некоторых членов комиссии более чем на 2 500 километров, а для других он составлял около 3 500 километров.

Экспедиция должна была разделиться, чтобы расширить район своих действий. Выехав из Конакри, путешественники отправятся сначала в Канкан через Уоссу, Тимбо — важный центр южного Фута-Джалон — и Курусу — станцию, построенную на Нигере, недалеко от его истоков.

Из Канкана они пройдут через Форабу, Форабакуру, Тиолу, Уасулу и Кенедугу до Сикасо, главного города страны того же названия.

В Сикасо, за 1 100 километров от моря, экспедиция разделится на две части. Одна, под начальством Бодрьера, спустится к югу, направится к горной цепи Конг и достигнет ее через Ситардугу, Ниамбуамбо и различ-

ные, более или менее значительные поселения. От Конга она двинется к Бауле, чтобы достигнуть, наконец, в Гран-Бассаме Берега Слоновой Кости.

Другая часть, с Барсаком, будет продолжать путь к востоку, пройдет через Уагадугу и достигнет Нигера у Сея, потом, идя параллельно реке, она пересечет Мосси и, наконец, через Гурму и Бургу кончит путь в Котону, на дагомейском берегу.

Считая изгибы пути и неизбежные замедления, нужно было ожидать, что путешествие продлится не менее восьми месяцев для первой части и от десяти до двенадцати — для второй. Отправятся вместе 1 декабря из Конакри. Бодрьер достигнет Гран-Бассама не ранее 1 августа следующего года, а Барсак прибудет в Котону около 1 октября.

Речь шла о долгом путешествии. И, однако, господин Исидор Тассен не мог льстить себя надеждой, что ему удастся сделать какое-нибудь значительное географическое открытие. По правде говоря, присутствие члена Географического общества было излишним. Мечта «открыть» Петлю Нигера казалась такой же неосуществимой, как и «открыть» Америку. Но господин Тассен не был привередлив. Земной шар уже избороздили во всех направлениях, и ему приходилось довольствоваться малым.

Таким образом, он благоразумно решил ограничить свои притязания. Петля Нигера давно уже перестала быть недоступной и таинственной областью, какой она слыла в течение стольких лет. Начиная с немецкого доктора Барта, который первый пересек ее в 1853 и 1854 годах, целая плеяда храбрецов завоевывала ее часть за частью. Это были в 1887 году лейтенант флота Карон и превосходный во всех отношениях исследователь капитан Бингер; в 1889 году — лейтенант флота Жем; в 1890 году — доктор Кроза; в 1891 году — капитан Монтейль; в 1893 и 1894 годах — погибшие славной смертью лейтенант Об и полковник Бонье; взявший Тимбукту лейтенант Буате, к которому вскоре присоединился комендант Жоффр. В том же 1894 и следующем 1895 году туда были направлены капитан Туте и лейтенант Тарж; в 1896 году лейтенант флота Урст и много других, выступивших, чтобы завершить кампанию, в про-

должение которой полковник Одеу захватил Конг и сломил могущество Самори[1]. С тех пор Западный Судан перестал заслуживать название дикого; административные власти завершили его покорение, умножились посты, все надежнее укрепляя благодетельное французское владычество.

В то время когда парламентская комиссия собиралась в свою очередь проникнуть в эти области, умиротворение еще не было полным; но безопасность уже упрочилась, и можно было надеяться, что путешествие произойдет если не без приключений, то, во всяком случае, без несчастных случаев, и что все сведется к прогулке среди мирных племен, которые Барсак считал созревшими, чтобы наслаждаться радостями избирательного права.

Отправление было назначено на 1 декабря.

Накануне отъезда, 30 ноября, официальный обед должен был в последний раз собрать членов экспедиции за столом губернатора. В продолжение обеда обменялись, как полагается, тостами при обязательном исполнении национального гимна; были подняты последние бокалы за успех экспедиции и за славу республики.

В этот день Барсак, усталый от прогулки под раскаленным солнцем Конакри, только что вернулся в свою комнату. Он блаженно обмахивался в ожидании, когда придет час скинуть черный сюртук, от которого никакая температура не может избавить официальных лиц при исполнении ими служебных обязанностей; в это время вестовой, солдат сверхсрочной службы, знавший все уголки колонии, доложил, что две особы просят их принять.

— Кто это? — спросил Барсак.

Вестовой жестом показал, что не знает.

— Тип и дама, — сказал он простодушно.

— Колонисты?

— Не думаю, судя по их странному виду, — отвечал вестовой. — Мужчина — долговязый, с реденькой травкой на булыжнике.

---

[1] *Самори* (1870—1898) — глава государства с тем же названием, занимавшего обширную площадь к северу от Гвинейского залива.

— На булыжнике?..

— Да ведь он лысый! С баками из кудели и с глазами, как шарики, которыми украшают кровати.

— У вас богатое воображение! — заметил Барсак. — А женщина?

— Женщина?..

— Да. Какова она? Молодая?

— Молодая.

— Красивая?

— Да, и нарядная!

Барсак машинально покрутил ус и сказал:

— Пусть войдут.

Отдав этот приказ, он невольно посмотрелся в зеркало, отразившее его дородную фигуру. Если бы он не думал о другом, он мог бы заметить, что часы показывали шесть вечера.

Принимая во внимание разницу в долготе, это был тот самый момент, когда началось нападение на Агентство ДК Центрального банка, описанное в первой главе нашего рассказа.

Посетители, мужчина лет сорока, сопровождаемый девушкой двадцати — двадцати пяти лет, были введены в комнату, где Барсак вкушал прелесть отдыха перед тем, как подвергнуться скуке официального обеда.

Мужчина был очень высок. Пара бесконечно длинных ног поддерживала короткое туловище, оканчивавшееся длинной костлявой шеей, которая служила пьедесталом для сильно вытянутой вверх головы. Если его глаза и не были похожи на кроватные шарики, как заявил вестовой, злоупотребляя чрезмерными сравнениями, нельзя было оспаривать, что они навыкате, что нос велик, что губы, над которыми неумолимая бритва уничтожила усы, слишком толсты. Наоборот, короткие бакенбарды на манер тех, какие излюблены австрийцами, и венчик курчавых волос, окружавших необычайно блестящий голый череп, позволяли утверждать, что вестовому не хватало точности в выборе определений. «Кудель», — сказал он. Слово неподходящее. По-настоящему, субъект был рыжий.

Этот портрет избавляет от необходимости говорить, что мужчина не отличался красотой, но безобразие его было симпатично: его толстые губы выражали чисто-

сердечие, а в глазах сверкала лукавая доброта, которую наши предки называли очаровательным словом «простодушие».

За ним шла молодая девушка. Нужно признаться, что часовой, объявив ее красивой, на этот раз ничуть не преувеличил. Высокая, тонкая, с изящной талией, со свежим, прекрасно очерченным ртом, с тонким прямым носом, большими глазами, очаровательными бровями и пышной шевелюрой черных волос, со всеми чертами лица, непогрешимо правильными, она была совершенной красавицей.

Барсак предложил посетителям сесть, и мужчина заговорил:

— Простите нас, господин депутат, за беспокойство и извините, что мы сами вам представимся, так как подругому сделать невозможно. Меня зовут — вы мне позволите прибавить согласно моей привычке, — я сожалею, что меня зовут, так как это смешное имя, Аженор де Сен-Берен, домовладелец, холостяк и гражданин города Ренна. — Рассказав таким образом о своем общественном положении, Аженор де Сен-Берен выдержал небольшую паузу, потом, сделав жест, представил: — Мадемуазель Жанна Морна, моя тетка.

— Ваша тетка? — изумился Барсак.

— Да. Мадемуазель Морна — действительно моя тетка настолько, насколько можно быть чьей-нибудь теткой! — уверил Аженор де Сен-Берен, в то время как веселая улыбка полуоткрыла губы молодой девушки.

Ее прекрасное лицо, единственным недостатком которого была излишняя серьезность, сразу осветилось.

— Господин де Сен-Берен, — объяснила она с легким английским акцентом, — по праву называется моим племянником и никогда не упускает случая объявить нашу степень родства.

— Это меня молодит, — прервал племянник.

— Но, — продолжала Жанна Морна, — раз эффект произведен, и его законное право установлено, он соглашается перемениться ролями и становится дядюшкой Аженором, каковым, по семейной традиции, он всегда был с моего рождения.

— И что больше подходит к моему возрасту, — объяснил дядя-племянник. — Но, покончив с представ-

лениями, позвольте мне, господин депутат, объяснить цель нашего прихода. Мадемуазель Морна и я — исследователи. Моя тетка-племянница — неустрашимая путешественница, а я, как добрый дядюшка-племянник, позволил ей увлечь себя в эти отдаленные страны. Мы хотели бы под вашим руководством устремиться внутрь страны в рискованных поисках новых впечатлений и зрелищ. Наши приготовления закончены, и мы готовы были выехать, когда узнали, что по тому же пути, как и наш, должна отправиться экспедиция под вашим предводительством. Я тогда сказал мадемуазель Морна, что как ни спокойна эта страна, мне кажется, нам следует присоединиться к экспедиции, если только нас захотят принять. Мы пришли просить у вас разрешения отправиться в путешествие вместе с вами.

— Принципиально я не вижу в этом никаких неудобств, — ответил Барсак, — но я должен, вы понимаете, посоветоваться с моими товарищами.

— Это вполне естественно, — одобрил Сен-Берен.

— Может быть, — предположил Барсак, — они побоятся, что присутствие женщины замедлит наш путь и будет несовместимо с выполнением нашей программы... В этом случае...

— Пусть они не боятся! — запротестовал дядюшка Аженор. — Мадемуазель Морна — настоящий мальчик. Она сама просит вас рассматривать ее как товарища.

— Конечно, — подтвердила Жанна Морна. — Я добавлю, что с материальной точки зрения мы вас ничуть не стесним. У нас есть лошади и носильщики, и мы даже наняли проводников и переводчиков, двух бамбара — старых сенегальских стрелков. Вы видите, что нас безбоязненно можно принять.

— На таких условиях, в самом деле... — согласился Барсак. — Я поговорю с коллегами сегодня же вечером, и если они не будут возражать, это — решенное дело. Где я смогу дать вам окончательный ответ?

— Завтра, в момент отправления, так как, во всяком случае, мы покидаем Конакри завтра.

Посетители простились.

На обеде у губернатора Барсак передал коллегам полученную им просьбу. Она встретила благоприятный прием. Лишь один Бодрьер счел нужным сделать ого-

ворки. Не то чтобы он окончательно отказывался удовлетворить просьбу этой приятной дорожной компаньонки, которую Барсак защищал, быть может, с бо́льшим жаром, чем требовали обстоятельства, но все же он испытывал некоторые колебания. Событие казалось несколько странным. Допустимо ли молодой девушке отваживаться на такое путешествие? Нет, конечно, высказанный предлог несерьезен, и надо думать, что истинную цель скрывают. Предположив это, нет ли оснований бояться, что в просьбе заключена ловушка? Кто знает, нет ли тут какой-нибудь связи с таинственными слухами, на которые министр слегка намекнул с парламентской трибуны?..

Бодрьера успокоили, смеясь.

— Я не знаю ни господина Сен-Берена, ни мадемуазель Морна, — заявил Вальдон, — но я их заметил за две недели их пребывания в Конакри.

— Их по крайней мере замечают! — убежденно вскричал Барсак.

— Да, девушка очень красива, — согласился Вальдон. — Мне передали, что она и ее дядя прибыли из сенегальского порта Сен-Луи на судне, курсирующем вдоль берегов, и, как ни кажется это странным, можно допустить, что они путешествуют для удовольствия, как заявили господину Барсаку. Я, со своей стороны, не думаю, чтобы было какое-нибудь неудобство в выполнении их просьбы.

Мнение губернатора полностью восторжествовало. Таким образом, экспедиция Барсака увеличилась на два новых члена. Их стало теперь десять, включая Амедея Флоранса, репортера «Экспансьон Франсез», но не считая носильщиков и воинского отряда.

И вот на следующее утро случай благоприятствовал Пьеру Марсенею, капитану колониальной пехоты и командиру конвоя. Он сумел предупредить Барсака, когда тот спешил к мадемуазель Морна, насколько позволяла скорость его раскормленного четвероногого, чтобы помочь ей подняться на седло.

— Armis cedat insigne! [1] — показывая пальцем на

[1] «*Armis cedat insigne!*» — латинская пословица, означающая: «Оружию подобает почет».

место, где полагается носить шарф[1], молвил Барсак, когда-то учивший в гимназии латынь.

Но чувствовалось, что он был недоволен.

ЛОРД БАКСТОН ГЛЕНОР

К моменту, когда начинается этот рассказ, прошли уже годы, как лорд Бакстон нигде не бывал. Двери замка Гленор, где он обитал, в сердце Англии, около городка Утокзетера, не открывались для посетителей, а окна личных апартаментов лорда упорно оставались закрытыми. Заточение лорда Бакстона, полное, абсолютное, было вызвано драмой, которая запятнала честь семьи, разбила его жизнь.

За шестьдесят лет до событий, о которых только что рассказано, лорд Бакстон прямо со скамьи военной школы вошел в общество, получив от предков богатство, знатное имя и славу.

История Бакстонов, с самом деле, сливается с историей самой Англии, за которую они так часто великодушно проливали свою кровь. В эпоху, когда слово «родина» еще не приобрело ту цену, которую ей придало долгое существование нации, мысль об этом уже была глубоко запечатлена в сердцах мужчин этой фамилии. Происходя от норманских завоевателей[2], они жили только для войны и войной служили своей стране. В продолжение веков ни одна слабость не уменьшила блеск их имени, никогда ни одно пятно не запачкало их герб.

Эдуард Алан Бакстон был достойным преемником этой вереницы храбрецов. По примеру предков, он не мыслил другой цели в жизни, кроме ярого культа чести и страстной любви к родине. Если бы атавизм[3] или наследственность, как ни называть тот таинственный закон, который делает сыновей похожими на отцов, не вну-

---

[1] *Шарф* — знак различия у французских официальных лиц.

[2] Англия была покорена норманским герцогом Вильгельмом Завоевателем в 1066 году.

[3] *Атавизм* — появление наследственных признаков через много поколений.

шили ему этих принципов, это сделало бы воспитание. Английская история, наполненная славными делами его предков, непременно вдохновила бы юношу и вызвала желание поступать, как они, и даже лучше.

Двадцати двух лет Эдуард Алан Бакстон женился на молодой девушке из знатнейшей английской семьи; через год после свадьбы родилась дочь. Это было разочарованием для Эдуарда Бакстона, и он стал нетерпеливо ждать второго ребенка.

Только через двадцать лет леди Бакстон, здоровье которой сильно пострадало от первого материнства, подарила ему желанного сына, получившего имя Джорджа; почти в это же время его дочь, вышедшая замуж за француза де Сен-Берена, родила сына Аженора, того самого Аженора, который сорок лет спустя представился депутату Барсаку, как уже рассказано.

Прошло еще пять лет, и у лорда Гленора родился второй сын, Льюис Роберт, которому судьба тридцать пять лет спустя предназначила такую прискорбную роль в драме Центрального банка, открывающей этот рассказ.

Это большое счастье иметь второго сына, так сказать, второго продолжателя рода, оказалось сопряженным с самым ужасным несчастьем. Рождение этого сына стоило жизни матери, и лорд Бакстон навсегда потерял ту, которая в продолжение четверти века была его подругой.

Пораженный так жестоко, лорд Бакстон заколебался под ударом. Угнетенный, разочарованный, он отказался от честолюбивых замыслов и, хотя был еще сравнительно молод, покинул флот, где служил со времени окончания школы, и где ему недолго оставалось ждать получения высших чинов.

Долгие годы после великого несчастья он жил замкнуто, но время смягчило огромное горе. После девяти лет одиночества лорд Бакстон попытался восстановить разрушенный семейный очаг: он женился на вдове товарища по военной службе Маргарите Ферней, принесшей ему вместо приданого шестнадцатилетнего сына Вильяма.

Но судьба захотела, чтобы лорд Гленор пришел одиноким к концу жизненного пути: несколько лет спустя

у него родился четвертый ребенок, дочь, названная Жанной, и он вторично стал вдовцом.

Лорду Гленору было в то время шестьдесят лет. В этом возрасте он уже не думал больше заново строить жизнь. Так жестоко и упорно поражаемый в самых дорогих привязанностях, он целиком отдался выполнению отцовского долга. Если не считать первой дочери, госпожи де Сен-Берен, давно уже ускользнувшей от его забот, у него еще оставалось четверо детей, после двух скончавшихся жен. Из них старшему едва было двадцать лет, — это был Вильям Ферней, которого он не отделял от двух своих кровных сыновей и дочери.

Но судьба не истощила своих жестокостей, и лорду Гленору суждено было узнать страдание, перед которым прежнее горе показалось ему очень легким.

Первые огорчения, которые готовила судьба, причинил ему Вильям Ферней, сын второй жены. Лорд любил его, как собственного сына, но молодой человек, скрытный, сварливый, лицемерный, не отвечал на нежность, которую ему расточали, и оставался одиноким в семье, так широко раскрывшей для него свой дом и свои сердца. Он был нечувствителен ко всем доказательствам привязанности, которые ему давали. Напротив, чем больше к нему проявляли участия, тем яростнее он уединялся; чем больше ему выказывали дружбы, тем больше он ненавидел окружавших. Зависть, отчаянная, ужасная зависть, пожирала сердце Вильяма Фернея. Это отвратительное чувство он испытал в первый же день, когда они с матерью вошли в замок Гленор. Он тотчас сравнил в своем уме судьбу, которая ждала двух сыновей лорда и его, Вильяма Фернея. С тех пор он затаил жестокую ненависть к Джорджу и Льюису, наследникам лорда Бакстона, которые когда-нибудь станут богаты, тогда как он останется бедным, лишенным наследства сыном Маргариты Ферней.

Эта ненависть возросла, когда родилась Жанна, его сестра по крови: ведь она также разделит богатство, от которого он был отстранен и от которого ему лишь из милости достанется скромная часть. Ненависть Вильяма дошла до крайних пределов, когда умерла его мать и когда исчезло единственное существо, умевшее находить дорогу к этому уязвленному сердцу.

Ничто не могло укротить его ненависть — ни братская дружба сыновей лорда Бакстона, ни отцовские заботы этого последнего. Со дня на день завистник все дальше уходил от семьи и вел обособленную жизнь, тайну которой позволяли разгадать только постоянные скандалы. Стало известно, что Вильям Ферней сошелся с самыми испорченными молодыми людьми, каких только смог найти среди лондонского населения.

Слухи о его бесчинствах дошли до лорда Бакстона, который напрасно тратил время в бесполезных увещаниях. Скоро появились долги, которые лорд вначале платил в память умершей, но которым обязан был положить предел.

Вынужденный существовать на скромные средства, Вильям Ферней не изменил образа жизни. Долго не могли понять, откуда он добывал деньги, но однажды в замок Гленор был представлен вексель на крупную сумму с ловко подделанной подписью лорда Бакстона. Лорд уплатил, не сказав ни слова, но, не желая жить вместе с аферистом, он приказал виновному явиться и изгнал его из замка, все же назначив ему хорошее содержание.

Вильям Ферней выслушал все с тем же лицемерным видом упреки и советы, затем, не сказав ни слова и даже не получив содержание за первый месяц, покинул замок Гленор и исчез.

Что с ним случилось, лорд Бакстон не знал до самого момента, когда начинается этот рассказ. Он никогда ничего о нем не слышал, и мало-помалу годы изгладили тяжелые воспоминания.

К счастью, собственные дети давали ему столько же удовлетворения, сколько тягостей причинил чужой ребенок. В то время как Вильям исчез, чтобы никогда не вернуться, старший, Джордж, продолжая семейные традиции, первым окончил школу в Аскотте и в поисках приключений поступил в колониальную армию. К большому сожалению лорда Бакстона, второй сын, Льюис, выказал менее воинственные вкусы, но во всех остальных отношениях был достоин его любви. Это был мальчик положительный, методичный, серьезный, один из тех, на кого можно рассчитывать.

В продолжение многих лет, прошедших после отъезда

Вильяма, память об отступнике постепенно изгладилась, и жизнь молодых людей шла правильным чередом.

У Льюиса укрепилось призвание к деловой карьере. Он поступил в Центральный банк, где его высоко ценили, продвигали по служебной лестнице и предсказывали, что придет время, когда он станет во главе этого колоссального учреждения. В это время Джордж, переезжая из одной колонии в другую, сделался в некотором роде героем и завоевывал чины шпагой.

Лорд Бакстон уже думал, что он покончил с враждебной судьбой и, обремененный старостью, видел перед собой только счастливые перспективы, когда его внезапно постигло несчастье, более ужасное, чем все испытанное им до сих пор. На этот раз не только было поражено сердце, но незапятнанная честь Гленоров была навсегда замарана самым отвратительным предательством.

Быть может, память об ужасной драме, печальным героем которой стал старший сын лорда Гленора, еще сохранилась, несмотря на прошедшие годы.

Джордж Бакстон, по военным соображениям временно находившийся за штатом, был тогда на службе крупной изыскательской компании. В продолжение двух лет во главе полурегулярного отряда, набранного компанией, он бороздил страну ашантиев, когда вдруг стало известно, что сын лорда оказался главарем банды и поднял открытый мятеж против своей страны. Новость распространилась с быстротой молнии. Одновременно узнали о мятеже и об его жестоком подавлении. Тогда же пришли вести о предательстве капитана Бакстона и его людей, превратившихся в авантюристов, об их грабежах, вымогательствах и жестокостях и о последовавшем за этим возмездии.

Газеты рассказывали со всеми подробностями о драме, которая тогда развертывалась. Они поведали, как шайка мятежников постепенно отступала перед посланными против них солдатами, которые их без отдыха преследовали. Они сообщили, как капитан Бакстон, укрывшись с некоторыми из сообщников в зоне французского влияния, был, наконец, настигнут близ деревушки Кубо, у подножья гор Хомбори; он был убит первым же залпом. Повсюду стало известно о смерти командира регулярного английского отряда, замученного

лихорадкой, когда он возвращался к берегу, исполнив печальный долг — уничтожение предводителя мятежников и большей части его сообщников, разгон прочих и подавление отвратительного и бессмысленного предприятия в самом зародыше. Если возмездие обошлось дорого, зато оно было полным и быстрым.

Еще памятно волнение, потрясшее Англию, когда она узнала об этой удивительной авантюре. Потом волнение улеглось, и саван забвения покрыл мертвецов.

Но было жилище, где память об одном из них осталась навсегда. Это было жилище лорда Бакстона.

Приближавшийся тогда к семидесятипятилетней годовщине, лорд Гленор воспринял удар, как иногда принимают его большие деревья, пораженные грозой. Случается, что молния, ударив в вершину, выжигает сердцевину до самых корней, потом уходит в землю, оставляя за собой колосс из одной коры, еще стоящий прямо; ничто в нем не обличает внутреннего опустошения; но, в сущности, он пуст внутри, и первый сильный порыв ветра его опрокинет.

Так случилось и со старым моряком.

Пораженный сразу и в страстной любви к сыну и в своей чести, которая была ему еще дороже, он не согнулся под ударом, и только бледность на лице выдавала его горе. Не задав ни одного вопроса о нестерпимом для него событии, он замкнулся в высокомерном одиночестве и гордом молчании.

Начиная с этого дня, он перестал делать обычные ежедневные прогулки. Закрывшись в доме от всех, даже от самых дорогих друзей, он жил в заточении, почти недвижимый, немой, одинокий.

Одинокий? Не совсем. Три существа еще оставались около него, находя в почтении, которое он им внушал, силы выносить ужасное существование с живой статуей, с призраком, сохранившим силу живого человека, но добровольно замуровавшим себя в вечном молчании.

Прежде всего, это был его второй сын, Льюис Роберт Бакстон, еженедельно проводивший в Гленоре день, свободный от занятий в Центральном банке.

Это был затем внук, Аженор де Сен-Берен, пытавшийся развеселить добродушной улыбкой жилище, мрачное, как монастырь.

Ко времени непонятного преступления Джорджа Бакстона Аженор де Сен-Берен точка в точку походил на тот мало лестный для него портрет, который мы уже нарисовали; но с нравственной стороны это был превосходный человек, услужливый, обязательный, с чувствительным сердцем и непоколебимой верностью. Три особенности отличали его от остальных людей: невероятная рассеянность, необузданная страсть к ужению рыбы и, наконец, самая несчастная — свирепое отвращение к женскому полу.

Владелец большого состояния, унаследованного от умерших родителей, и потому не зависевший ни от кого, он покинул Францию при первом известии о драме, поразившей деда, и устроился в вилле по соседству с замком Гленор, где проводил бо́льшую часть своего времени.

Около виллы протекала речка, в которую Аженор погружал свои удочки с усердием, столько же горячим, сколько необъяснимым.

Зачем было, в самом деле, вкладывать столько страсти в это занятие, раз он всегда думал о другом, и все рыбы в мире могли клевать, а он даже не замечал поплавка? И больше того: если какая-нибудь уклейка или пескарь, сумевшие переупрямить рассеянного рыболова, сами себя подсекали, чувствительный Аженор без колебаний спешил бросить рыбешку обратно в воду, быть может, даже извиняясь перед ней.

Хороший человек, как мы уже сказали. И какой закоренелый холостяк! Тем, кто соглашался его слушать, он высказывал свое презрение к женщинам. Он приписывал им все недостатки, все пороки. «Обманчивые, вероломные, лживые, расточительные», — провозглашал он, обычно не в ущерб другим оскорбительным эпитетам, которых у него был достаточный запас.

Ему иногда советовали жениться.

— Мне! — восклицал он. — Мне соединиться с одним из этих неверных и ветреных созданий!

А если настаивали, он серьезно заявлял:

— Я только тогда поверю в любовь женщины, когда увижу, как она умрет от отчаяния на моей могиле!..

И так как это условие являлось невыполнимым, мож-

но было держать пари, что Аженор останется холостяком.

Неприязнь к женскому полу допускала у него лишь одно исключение. Привилегированной особой оказалась Жанна Бакстон, последняя из детей лорда Гленора, следовательно, тетка Аженора, но тетка почти на два десятка лет моложе его, тетка, которую он знал совсем маленькой, которую учил ходить и покровителем которой стал, когда несчастный лорд удалился от мира. Он питал к ней поистине отеческую нежность, глубокую привязанность, такую же, как и молодая девушка к нему. Вообще говоря, это был наставник, но наставник, делавший все, чего хотела ученица. Они не расставались. Они вместе гуляли по лесам пешком или ездили на лошадях, плавали в лодке, охотились и занимались всевозможным спортом, что позволяло старому племяннику говорить о юной тетке, воспитанной, как мальчик: «Вы увидите, что она в конце концов сделается мужчиной!»

Жанна Бакстон была третьей особой, которая заботилась о старом лорде и окружила его печальную старость почти материнской лаской. Она отдала бы жизнь, чтобы увидеть его улыбку. Возвратить хотя бы немного счастья в уязвленную душу отца — эта мысль ее не покидала. Это была единственная цель всех ее замыслов, всех поступков.

В период драмы, когда ее брат нашел смерть, она видела, как отец больше плакал над своим обесславленным именем, чем над жалким концом сына, пораженного справедливым возмездием. Она же не плакала.

Она не была равнодушна к потере нежно любимого брата и к пятну, которым его преступление запятнало честь семьи. Но в то же время ее сердце вместе с горем испытывало возмущение. Как! Льюис и отец так легко поверили в позор Джорджа! Без колебаний они приняли как доказанные все обвинения, пришедшие из заморской дали! Что значат эти официальные донесения? Против этих донесений, против самой очевидности восставало прошлое Джорджа. Мог ли оказаться предателем ее старший брат, такой правдивый, такой добрый, такой чистый, вся жизнь которого свидетельствовала о героизме и честности? Нет, это было невозможно!

Весь свет отрекся от бедного мертвеца, но она чтила его память, и ее вера в него никогда не угасала.

Время только усилило первые впечатления Жанны Бакстон. По мере того как проходили дни, все горячее становилось ее убеждение в невиновности брата, хотя она и не могла поддержать его никакими доказательствами. Пришел, наконец, момент — это было несколько лет спустя после драмы, — когда она в первый раз осмелилась нарушить абсолютное молчание, которым, по немому соглашению, все обитатели замка окружали трагедию в Кубо.

— Дядюшка? — спросила она в этот день Аженора де Сен-Берена.

Хотя он был в действительности ее племянником, было решено практически переменить степень родства, что более соответствовало их возрастам. Вот почему Аженор обычно звал Жанну племянницей, тогда как та присудила ему титул дяди. Так было всегда.

Впрочем, нет... Если получалось так, что этот дядя по соглашению давал повод для жалоб своей мнимой племяннице или же решался противоречить ее воле, какому-нибудь капризу, эта последняя немедленно принимала звание, принадлежащее ей по праву, и объявляла своему «племяннику», что он должен оказывать почтение старшим родственникам. Видя, что дело оборачивается плохо, «племянник», быстро присмирев, спешил успокоить свою почтенную «тетушку».

— Дядюшка? — спросила Жанна в этот день.

— Да, моя дорогая, — ответил Аженор, погруженный в чтение огромного тома, посвященного искусству рыбной ловли на удочку.

— Я хочу говорить с вами о Джордже.

Пораженный Аженор оставил книгу.

— О Джордже? — повторил он немного смущенно. — О каком Джордже?

— О моем брате Джордже, — спокойно уточнила Жанна.

Аженор побледнел.

— Но ты же знаешь, — возразил он дрожащим голосом, — что эта тема запрещена, что это имя не должно здесь произноситься.

Жанна отбросила возражение кивком головы.

— Неважно, — спокойно сказала она. — Говорите со мной о Джордже, дядюшка.

— О чем же прикажешь говорить?

— Обо всем. Обо всей истории.

— Никогда в жизни!

Жанна нахмурила брови.

— Племянник! — бросила она угрожающим тоном. Этого было достаточно.

— Вот! Вот! — забормотал Аженор и принялся рассказывать печальную историю.

Он ее рассказывал с начала до конца, ничего не пропуская. Жанна слушала молча и, когда он окончил, не задала ни одного вопроса. Аженор думал, что все кончено, и испустил вздох облегчения.

Он ошибся. Через несколько дней Жанна возобновила попытку.

— Дядюшка? — спросила она снова.

— Да, моя дорогая, — снова ответил Аженор.

— А если Джордж все-таки невиновен?

Аженору показалось, что он не понял.

— Невиновен? — повторил он. — Увы! Мое бедное дитя, в этом вопросе нет никаких сомнений. Измена и смерть несчастного Джорджа — исторические факты, доказательства которых многочисленны.

— Какие? — спросила Жанна.

Аженор возобновил рассказ. Он приводил газетные статьи, официальные донесения, против которых никто не возражал. Он сослался, наконец, на отсутствие Джорджа, что было самым сильным доказательством его смерти.

— Смерти, пусть, — ответила Жанна, — но измены?

— Одно есть следствие другого, — ответил Аженор, смущенный таким упрямством.

Упрямства у девушки было еще больше, чем он предполагал. Начиная с этого дня, она часто возвращалась к тягостной теме, изводя Аженора вопросами, из которых легко было заключить, что она сохраняла незыблемую веру в невиновность брата.

В этом пункте Аженор был, однако, неисправим. Вместо ответа на самые сильные доводы он лишь уныло покачивал головой, как человек, который хочет избе-

жать бесполезного спора; но Жанна чувствовала, что его мнение непоколебимо.

И, наконец, пришел день, когда она решила воспользоваться своим авторитетом.

— Дядюшка?.. — сказала она в этот день.

— Да, моя дорогая?.. — как всегда отозвался Аженор.

— Я много думала, дядюшка, и решительно пришла к убеждению, что Джордж невиновен в ужасном преступлении, которое ему приписывают.

— Однако, моя дорогая... — начал Аженор.

— Здесь нет никаких «однако»! — повелительно оборвала его Жанна. — Джордж невиновен, дядюшка!

— Однако...

Жанна выпрямилась с трепещущими от гнева ноздрями.

— Я вам говорю, племянник, — заявила она сухим тоном, — что мой брат Джордж невиновен.

Аженор смирился.

— Да, это так, тетушка, — униженно согласился он.

С тех пор невиновность Джорджа стала признанным фактом, и Аженор де Сен-Берен не осмеливался больше ее оспаривать. Больше того: утверждения Жанны не остались без влияния на его настроение. Если у него еще не было полной уверенности в невиновности мятежного капитана, то, по крайней мере, убежденность в его вине была поколеблена.

В продолжение следующих лет горячая вера Жанны все укреплялась, но основана она была более на чувствах, чем на рассудке. Выиграв сторонника в лице племянника, она кое-чего добилась, но этого было мало. К чему провозглашать невиновность брата, если нельзя ее доказать?

После долгих размышлений ей показалось, что она нашла средство.

— Само собой разумеется, — сказала она в один прекрасный день Аженору, — недостаточно, чтобы мы с вами были убеждены в невиновности Джорджа.

— Да, моя дорогая, — согласился Аженор, который, впрочем, не чувствовал столько уверенности, чтобы спорить.

— Он был слишком умен, — продолжала Жанна, —

чтобы допустить такую глупость, слишком горд, чтобы пасть так низко. Он слишком любил свою страну, чтобы ее предать.

— Это очевидно.

— Мы жили бок о бок. Я знала его мысли, как свои собственные. У него не было другого культа, кроме чести, другой любви, кроме любви к отцу, другого честолюбия, кроме славы отечества. И вы хотите, чтобы он задумал проект предательства и обесчестил себя флибустьерским[1] предприятием, покрыв позором и себя и семью? Скажите, вы этого хотите, Аженор?

— Я?! Да я ничего не хочу, тетушка, — запротестовал Аженор, рассудив, что будет благоразумнее присвоить Жанне это почтительное обращение, прежде чем его к тому призовут.

— Что вы на меня так смотрите своими большими круглыми глазами, точно никогда меня не видели! Вы прекрасно знаете, однако, что такое гнусное намерение не могло зародиться в его мозгу! Если вы это знаете, говорите!

— Я это говорю, тетушка, я говорю!

— Это не он виновен, несчастный!.. А те, которые выдумали эту легенду со всеми ее подробностями, негодяи!

— Бандиты!..

— На каторгу их послать!

— Или повесить!..

— Вместе с теми газетчиками, которые распространяли лживые новости и стали, таким образом, причиной нашего отчаяния и позора!

— Да, эти газетчики! Повесить их! Расстрелять!

— Значит, вы, наконец, убедились?

— Абсолютно!

— Впрочем, хотела бы я посмотреть, как бы вы осмелились высказать на этот счет иное мнение, чем мое!

— Я не имею желания...

— В добрый час!.. А без этого, вы меня знаете, я бы прогнала вас с глаз, и вы никогда в жизни меня не увидели бы...

---

[1] *Флибустьеры* — морские разбойники.

— Сохрани меня боже! — вскричал бедный Аженор, совершенно потрясенный такой ужасной угрозой.

Жанна сделала паузу и посмотрела на свою жертву уголком глаза. Очевидно, она нашла ее в желательном виде, так как приглушила свою жестокость, более искусственную, чем чистосердечную, и продолжала более мягким тоном:

— Ведь недостаточно, чтобы мы с вами были убеждены в невиновности Джорджа. Надо дать доказательства, вы понимаете, мой дорогой дядюшка?

При этом обращении физиономия Аженора расцвела. Гроза, решительно, прошла мимо.

— Это очевидно, — согласился он со вздохом облегчения.

— Без этого мы можем кричать со всех крыш, что Джорджа осудили напрасно, и нам никто не поверит.

— Это слишком очевидно, моя бедная крошка.

— Когда мой отец, сам отец, принял на веру слухи, происхождения которых не знает, когда он умирает от горя и стыда на наших глазах, не проверив отвратительных россказней, когда он не вскричал, слыша обвинения против сына: «Вы лжете! Джордж не способен на такое преступление!», — как хотим мы убедить чужих, не дав им неопровержимых доказательств невиновности моего брата?

— Это ясно, как день, — одобрил Аженор, почесывая подбородок. — Но вот... эти доказательства... Где их найти?

— Не здесь, конечно... — Жанна сделала паузу и прибавила вполголоса: — В другом месте, быть может...

— В другом? Где же, мое дорогое дитя?

— Там, где произошла драма. В Кубо.

— В Кубо?

— Да, в Кубо. Там находится могила Джорджа, потому что там он умер, судя по рассказам, и если это так, станет видно, какой смертью он погиб. Потом нужно найти людей, переживших драму. Джордж командовал многочисленным отрядом. Невозможно, чтобы они все исчезли... Нужно допросить свидетелей и через них выяснить истину.

Лицо Жанны озарялось по мере того, как она говорила, голос ее дрожал от сдерживаемого энтузиазма.

— Ты права, девочка! — вскричал Аженор, незаметно попадая в западню.

Жанна приняла задорный вид.

— Ну, — сказала она, — раз я права, едем!

— Куда? — вскричал остолбеневший Аженор.

— В Кубо, дядюшка!

— В Кубо? Какого же черта ты хочешь послать в Кубо?

Жанна обвила руки вокруг шеи Аженора.

— Вас, мой добрый дядюшка, — шепнула она нежно.

— Меня?!

Аженор высвободился. На этот раз он серьезно рассердился.

— Ты с ума сошла! — запротестовал он, пытаясь уйти.

— Совсем нет! — ответила Жанна, преграждая ему дорогу. — Почему бы, в самом деле, вам не поехать в Кубо? Разве вы не любите путешествий?

— Я их ненавижу. Явиться на поезд в назначенный час — это свыше моих сил.

— А рыбная ловля, вы ее тоже ненавидите, не правда ли?

— Рыбная ловля?.. Я не вижу...

— А что вы скажете о рыбе, выуженной из Нигера и положенной на сковородку? Вот это не банально! В Нигере пескари огромны, как акулы, а уклейки похожи на тунцов! И это вас не соблазняет?

— Я не говорю нет... Однако...

— Занимаясь рыбной ловлей, вы сделаете расследования, допросите туземцев...

— А на каком языке? — насмешливо перебил Аженор. — Я не думаю, чтобы они говорили по-английски.

— И вот потому-то, — хладнокровно сказала Жанна, — лучше с ними говорить на языке бамбара.

— На бамбара? А разве я знаю бамбара?

— Так выучите его.

— В моем возрасте?

— Я же его выучила, а я ваша тетка!

— Ты! Ты говоришь на бамбара?

— Без сомнения. Послушайте только: *«Джи докхо а бе на»*.

— Что это за тарабарщина?

— Это значит: «Я хочу пить». А вот еще: *«И ду, ноно и мита»*.

— Я признаюсь, что... ноно... мита...

— Это означает: «Войди, ты будешь пить молоко». А вот: *«Кукхо бе на, куну уарара уте а ман думуни»*. Не отгадывайте! Перевод: «Я очень голоден, я не ел со вчерашнего вечера».

— И надо все это учить?

— Да, и не теряйте времени, так как день отправления недалек.

— Какой день отправления? Но я не отправлюсь! Вот еще идея! Нет, я не буду вести пустую болтовню с твоими туземцами.

Жанна, по-видимому, отказалась от мысли его убедить.

— Тогда я еду одна, — сказала она печально.

— Одна, — пробормотал ошеломленный Аженор. — Ты хочешь ехать одна...

— В Кубо? Конечно.

— За полторы тысячи километров от берега!

— За тысячу восемьсот, дядюшка!

— Подвергнуться самым большим опасностям! И совсем одна!..

— Придется, раз вы не хотите ехать со мной, — ответила Жанна сухим тоном.

— Но это безумие! Это умственное заблуждение! Белая горячка! — закричал Аженор и убежал, хлопнув дверью.

Но когда назавтра он хотел увидеть Жанну, ему ответили, что она не принимает, и так было и в следующие дни. Аженор не вынес этой игры. Через четыре дня он спустил флаг.

Впрочем, каждый раз, как его молодая тетушка выражала какое-нибудь желание, он постепенно склонялся на ее сторону. Это путешествие, сначала казавшееся ему бессмысленным, на второй день стало представляться возможным, на третий — очень выполнимым, на четвертый — чрезвычайно легким.

Вот почему не прошло четырежды двадцать четыре часа, как он почетно сдался, признал свою ошибку и заявил, что готов отправиться.

Жанна имела великодушие не упрекать его.

— Изучите сначала язык страны, — сказала она, целуя его в обе щеки.

С этих пор Аженора только и можно было видеть старательно изучающим язык бамбара.

Прежде чем пуститься в путь, Жанна должна была получить согласие отца. Она получила его легче, чем надеялась. Едва лишь она сказала, что хочет предпринять путешествие, как он сделал жест, выражавший согласие, и тотчас погрузился в свою угрюмую печаль. Слышал ли даже он слова дочери? По всей очевидности, здесь его ничто уже не интересовало.

Устроив эту сторону дела, Жанна и Аженор начали готовиться к путешествию. Они еще не знали в то время, какую поддержку может им оказать экспедиция Барсака. Они поступали так, точно им придется предпринять одним и лишь с собственными ресурсами эту сумасшедшую скачку за три-четыре тысячи километров.

Уже несколько лет Жанна тщательно изучала географию тех областей, которые собиралась пересечь. Труды Флеттерса, доктора Барта, капитана Бингера, полковника Монтейля дали ей точное понятие об этом крае и его обитателях. Она также узнала, что, если организует вооруженную экспедицию, то есть окружит себя внушительным отрядом в триста-четыреста добровольцев, которых придется вооружить, кормить и оплачивать, то ей придется понести значительные расходы, и, кроме того, она столкнется с воинственными племенами, которые противопоставят силе силу. Ей придется сражаться, чтобы достигнуть цели, если только она ее достигнет.

Капитан Бингер заявлял, что если туземцы захотят помешать экспедиции пройти, они всегда это сделают или атакуя ее, или опустошая все перед ней и вынуждая отступить из-за недостатка припасов.

Жанна, крайне пораженная этим замечанием, решила предпринять мирное путешествие. Поменьше оружия на виду, несколько преданных, надежных людей, и жизненный нерв войны — деньги и, кроме них, — подарки, предназначенные вождям селений и их чиновникам.

Заготовив полотняную одежду для сухого времени года и шерстяную для дождливого, Жанна и Аженор уложили ее в сундуки, доведя их число до минимума. Они упаковали подарки туземцам: негодные к употреблению скверные ружья, узорчатые материи, яркие и пестрые шелковые платки, поддельный жемчуг, иголки, булавки, галантерейные товары, парижские вещицы, галуны, пуговицы, карандаши и прочее — в общем целый мелочной базар.

Они увозили также с собой аптечку, оружие, подзорные трубы, компасы, лагерные палатки, несколько книг, словари, самые свежие географические карты, кухонную посуду, туалетные принадлежности, чай, провизию, словом, целый груз необходимых предметов, старательно выбранных для долгого пребывания в лесах, вдали от каких-либо центров снабжения.

Наконец, металлический футляр, никель которого блестел на солнце, содержал набор удилищ, лесок и крючков в количестве, достаточном для полдюжины рыболовов. Это был личный багаж Аженора.

Тетка и племянник, или дядя и племянница, как вам больше нравится, решили отправиться в Ливерпуль, где должны были сесть на судно линии Уайт — Стар — «Серес», идущее в Африку. Их первоначальное намерение было отправиться в английскую Гамбию. Но узнав позднее — во время остановки в Сен-Луи, что в Конакри ждут французскую экспедицию, которая должна следовать по пути, сходному с их путем, они решили присоединиться к соотечественникам де Сен-Берена.

В конце сентября они отправили в Ливерпуль свой многочисленный багаж, а 2 октября позавтракали в последний раз вдвоем (лорд Бакстон никогда не покидал своей комнаты) в большой столовой замка Гленор. Этот последний завтрак был печален и молчалив. Каково бы ни было величие задачи, которую она на себя возложила, Жанна Бакстон не могла помешать себе думать, что она, быть может, не увидит больше замка, колыбели ее детства и юности, а если и вернется, то старый отец, возможно, уже не раскроет ей свои объятия.

И, однако, для него она делала эту попытку, полную опасностей и трудов. Для того чтобы принести хоть немного радости в опустошенную душу, хотела она восста-

новить семейную честь, смыть грязь, запачкавшую их герб.

Когда приблизился час отправления, Жанна попросила у отца разрешения проститься с ним. Она была введена вместе с Аженором в комнату старика. Он сидел у высокого окна, из которого открывался вид на поля. Его пристальный взгляд терялся в дали, как будто он ожидал, что оттуда кто-то явится. Кто же? Джордж, его сын Джордж, изменник?

Услышав, как вошла дочь, он тихо повернул голову, и его потухший взгляд заблестел. Но то был лишь отблеск. Ресницы упали; лицо приняло свою обычную неподвижность.

— Прощайте, отец! — пробормотала Жанна, сдерживая слезы.

Лорд Гленор не отвечал. Поднявшись на кресле, он протянул руку молодой девушке, потом, нежно прижав ее к груди, поцеловал в лоб.

Боясь разразиться рыданиями, Жанна вырвалась и убежала. Старик схватил руку де Сен-Берена, с силой сжал ее, и как бы прося покровительства, указал на дверь, через которую удалилась Жанна.

— Рассчитывайте на меня, — пробормотал растроганный Аженор.

И тотчас же лорд Бакстон занял прежнее место, и взгляд его снова устремился в поля.

Карета ожидала путешественников во дворе замка, чтобы отвезти их на вокзал в Утокзетер за две мили.

— Куда ехать? — спросил неисправимый Аженор, который в смущении от пережитой сцены забыл, почему они покидают Гленор.

Жанна только пожала плечами. Они отправились. Но едва они проехали метров пятьсот, как де Сен-Берен внезапно обнаружил необыкновенное возбуждение. Он не мог говорить, он задыхался.

— Мои удочки! Мои удочки! — кричал он раздирающим душу голосом.

Пришлось вернуться в замок и разыскать знаменитые удочки, которые рассеянный рыболов позабыл. Из-за этого потеряли добрую четверть часа. Когда прибыли на станцию, поезд уже стоял у перрона. Путешественни-

ки только-только успели войти, и Аженор сказал не без гордости:

— Это во второй раз в жизни я не опоздал на поезд.

Жанна невольно улыбнулась сквозь слезы, бежавшие по ее щекам.

И так началось путешествие, которое привело двух исследователей к поразительным неожиданностям. Предприняла бы его Жанна, если бы знала, что произойдет в ее отсутствие? Покинула бы она своего несчастного отца, если бы подозревала, какой удар снова поразит лорда Гленора в то время, как она рисковала жизнью, чтобы спасти его от отчаяния?

Но ничто не предвещало Жанне трагедии, которая должна была совершиться в Агентстве Центрального банка, и позорного обвинения, которое падет на ее брата Льюиса. Думая услужить отцу, она его покинула в момент, когда ее заботы были для него всего нужнее.

Принесенная слишком усердным слугой новость об исчезновении Льюиса Роберта Бакстона достигла ушей лорда Гленора в утро, последовавшее за преступлением в Агентстве ДК, то есть 1 декабря. Потрясение было подобно грубому удару дубиной. Этот безупречный потомок длинной цепи героев, этот беспощадный служитель чести узнал, что из двух сыновей его один — изменник, а другой — вор.

Несчастный старик испустил глухой стон, поднес руки к горлу и без сознания упал на паркет.

Около него засуетились. Его подняли. Его окружили заботами, пока он не открыл глаза. Взгляд этих глаз отныне был единственным признаком, что жизнь еще не покинула исстрадавшееся сердце. Он жил, но его тело было парализовано и приговорено к вечной неподвижности. Но и этого было недостаточно, чтобы исчерпать жестокость судьбы. В этом навсегда неподвижном теле жил ясный ум. Бесчувственный, немой, недвижимый, лорд Бакстон думал!

И вот, принимая во внимание разность долготы, как раз в тот самый момент, когда ее отец упал без чувств, Жанна Бакстон при помощи капитана Марсенея поставила ногу в стремя и, переехав мост, соединяющий Конакри с материком, начала свое путешествие, сделав первые шаги в дебри таинственной Африки.

СТАТЬЯ В «ЭКСПАНСЬОН ФРАНСЕЗ»

1 января читатели «Экспансьон Франсез» смаковали новогодний подарок, статью, заглавие которой было напечатано крупными буквами, а содержание довольно фантастично — хорошо выдумывать тому, кто приходит издалека! Статью эту написал искусный репортер газеты, господин Амедей Флоранс, которому читатель пусть простит иногда слишком вольный стиль.

ЭКСПЕДИЦИЯ БАРСАКА

(От нашего специального корреспондента).

Экспедиция старается обращать на себя поменьше внимания. — Мы отправляемся. — Удар ослиного копыта. — Кушанья черных. — Видел ли ты луну? — Слишком много червяков. — Щеголиха. — Вновь завербованная.

В зарослях. 1 декабря. Как я вам писал в последнем письме, экспедиция Барсака должна была тронуться в путь сегодня, в шесть часов утра. Все было готово, когда к экспедиции присоединились двое добровольцев. Один из этих добровольцев — восхитительная молодая девушка, француженка, воспитанная в Англии, откуда она привезла чрезвычайно приятный английский акцент. Ее имя — мадемуазель Жанна Морна. Другой доброволец — ее дядя, если только он не племянник, так как я не могу еще распутать их родственные связи. Его зовут Аженор де Сен-Берен. Это большой чудак, рассеянность которого, уже сделавшаяся легендарной в Конакри, надеюсь, доставит нам немало веселых минут.

Мадемуазель Морна и господин де Сен-Берен путешествуют для своего удовольствия. Я согрешу против правил вежливости, если не добавлю: и для нашего. У них двое слуг-негров, старых сенегальских стрелков, которые должны служить им проводниками, если не переводчиками, так как наши путешественники неплохо говорят на бамбара и других африканских языках. В частности, мадемуазель Морна приветствует нас особым манером, говоря: «Ини-тье», что означает: «Здравствуйте»! То же самое и я говорю вам!

Господин Барсак подхватил словечко и повторяет его

по всякому поводу, но в его устах оно совсем не имеет такого очарования.

Итак, утром 1 декабря, в пять с половиной часов, мы собрались на большой площади Конакри, около резиденции губернатора.

Как я уже вам раньше объяснил, господин Барсак желает организовать мирную, исключительно гражданскую экспедицию. Все такой же оптимист, как на трибуне парламента, он хотел бы представиться местным племенам с оливковой ветвью[1] в руке и сделать таким манером простую прогулку для здоровья от Конакри до Котону, следуя параллельно Нигеру. Ту же мысль поддерживает мадемуазель Морна, которая боится испугать туземцев слишком большой концентрацией сил.

Но партия Барсак — Морна сталкивается с оппозицией партии Бодрьера. Заместитель начальника экспедиции — и не вздумайте улыбнуться над этим! — рисует мрачную картину опасностей, навстречу которым мы идем, говорит о важности миссии, возглавляемой двумя представителями французского народа, о престиже, который ей создаст конвой из солдат регулярной армии. Что нас удивило, его поддерживает губернатор, господин Вальдон.

Не оспаривая того, что французское проникновение в значительной степени умиротворило черную страну, губернатор повторил выступление министра колоний господина Шазелля с парламентской трибуны. Господин Вальдон сказал нам, что достаточно таинственные или, по меньшей мере, необъяснимые факты оправдывают боязнь где-то готовящегося восстания. Кажется, за последние двенадцать лет и даже совсем недавно, преимущественно в области Нигера, от Сея до Дженне целые деревни были внезапно покинуты, и их обитатели исчезли, а другие поселения неизвестно кем разграблены и сожжены. В конце концов слухи заставляют верить: что-то — неизвестно, что! — готовится втайне.

Самое элементарное благоразумие потребовало, чтобы экспедицию сопровождал вооруженный отряд. Это мнение восторжествовало к большому удовлетворению Бодрьера, и Барсаку пришлось покориться необходимо-

[1] *Оливковая ветвь* — символ мира.

сти: нас конвоирует капитан Марсеней с двумястами кавалеристов.

В шесть часов обоз выстраивается по указанию негра, который уже несколько раз проделал путь от Конакри до Сикасо. Он будет нашим проводником. Зовут его Морилире. Это здоровый парень лет тридцати, бывший «дугукуссадигуи» (офицер) Самори. Он одет в короткие штаны и старую куртку колониальной пехоты с потертыми и грязными галунами. У него голые ноги, а голова покрыта некогда белым полотняным шлемом, украшенным великолепным трехцветным султаном. Знак его обязанностей — солидная дубинка, которой он будет пользоваться, чтобы его лучше понимали носильщики и ослы.

Тотчас за ним место мадемуазель Морна, а по бокам ее господин Барсак и капитан Марсеней. Гм, гм!.. Кажется, они не остались нечувствительными к красоте молодой девушки. Держу пари, что в продолжение путешествия они будут состязаться в любезности. Читатели могут быть уверены, что я буду держать их в курсе всех перипетий этого матча.

Господин Бодрьер следует за первой группой на лошади (говорил ли я, что все мы едем верхом?), но его суровый взгляд выражает неодобрение коллеге Барсаку: тот уж слишком явно показывает, как пришлась ему по вкусу наша приятная компаньонка. Уголком глаза я смотрю на заместителя начальника. Как он тощ! и холоден! и печален! Ах! Черт возьми, вот кто не умеет улыбаться!

На три шага позади почтенного депутата Севера едут Эйрье, Понсен и Кирье, далее доктор Шатонней и географ Тассен, которые спорят, — увы! — об этнографии [1].

За ними следует конвой.

Обоз наш состоит из пятидесяти ослов, управляемых двадцатью пятью погонщиками, и пятидесяти носильщиков; десять из них наняты мадемуазель Морна и господином де Сен-Береном. По бокам обоза выстраиваются кавалеристы капитана Марсенея. Что же касается вашего покорного слуги, он гарцует вдоль колонны и переходит от одного к другому.

---

[1] *Этнография* — народоведение, изучение культуры народов всех частей света.

Чумуки и Тонгане, слуги мадемуазель Морна, составляют арьергард[1].

Ровно в шесть часов утра дан сигнал. Колонна начинает двигаться. На резиденции — виноват! буду соблюдать местный колорит — на «казе» губернатора поднимается трехцветное знамя, и сам господин Вальдон в парадной форме, как полагается, в последний раз приветствует нас с высоты своего балкона. Звучат трубы и барабаны отряда колониальной пехоты, расквартированного в Конакри. Мы снимаем шапки: момент торжественный, и, — смейтесь, если хотите, — ресницы мои становятся влажными, я в этом признаюсь.

Но почему торжество должен был смутить смешной случай?

Сен-Берен? Где Сен-Берен? Сен-Берена забыли. Его ищут, зовут. Эхо окрестностей повторяет его имя. Напрасно! Сен-Берен не отвечает.

Начинают опасаться несчастья. Впрочем, мадемуазель Морна не волнуется и успокаивает нас.

Нет, мадемуазель Морна не беспокоится, она разъярена!

— Я приведу господина Сен-Берена через три минуты, — сказала она, стиснув зубы, и пришпорила лошадь.

Сначала, однако, она приостановилась и, повернувшись в мою сторону, сказала: «Господин Флоранс?» В ее взоре была просьба, которую я сразу понял. Вот почему я тоже пришпорил лошадь и поскакал за ней.

В несколько скачков мы очутились на берегу океана (вы ведь знаете, без сомнения, что Конакри расположен на острове), и что я там вижу?

Господина де Сен-Берена! Да, дамы и господа, господина де Сен-Берена собственной персоной, как вы и я.

Что он мог там делать? Чтобы это узнать, мы на мгновение остановились.

Господин Сен-Берен, удобно сидя на береговом песке, казалось, совсем не думал о том, что заставляет ждать целую официальную миссию. Он дружески разговаривал с негром, который показывал ему рыболовные крючки, вероятно, особой формы, неизвестной в Европе, и много-

[1] *Арьергард* — отряд, замыкающий колонну на походе.

словно объяснял их употребление. Потом оба поднялись и направились к лодке, наполовину вытащенной на берег, и негр вошел в нее... Прости меня, боже! Уж не собирается ли господин де Сен-Берен отплыть на рыбную ловлю!..

Ему не пришлось это сделать.

— Племянник! — внезапно позвала мадемуазель Морна суровым голосом.

(Решительно, это ее племянник!)

Этого слова было достаточно. Господин де Сен-Берен обернулся и заметил свою тетку. Можно подумать, что это освежило его память, так как он испустил отчаянный вопль, поднял руки к небу, бросил своему другу негру пригоршню мелочи, взамен чего овладел кучей крючков, которые как попало рассовал по карманам, и побежал к нам со всех ног.

Это было так смешно, что мы разразились хохотом. При этом мадемуазель Морна открыла двойной ряд ослепительных зубов. Ослепительных, я настаиваю на этом слове.

Мы повернули назад, и господин де Сен-Берен трусил рядом с нашими лошадьми. Но мадемуазель Морна пожалела беднягу и, переведя лошадь на шаг, молвила нежно:

— Не спешите так, дядюшка! С вас льется пот.

(Так он ее дядя? Ох, моя бедная головушка!)

Мы возвратились к конвою, где нас встретили иронические улыбками. Господин де Сен-Берен не смутился из-за такой малости. Казалось, он даже удивился, увидев на площади столько народу.

— Значит, я опоздал? — невинно спросил он.

Тогда вся колонна загремела смехом, и господин де Сен-Берен присоединился к общему хору. Он мне нравится, этот парень.

Но мы все еще не отправились.

В тот момент, когда господин де Сен-Берен наклонился, чтобы проверить, как хороший наездник, подпругу, футляр для удочек, который он носит на перевязи, по несчастью стукнул в бок одного из ослов. Животное оказалось чувствительно, оно лягнуло несчастного Сен-Берена, и тот покатился в пыль.

К нему бросились на помощь. Но наш чудак уже был на ногах.

— Это много хорошо! Мусье иметь много счастья, — сказал ему Тонгане. — Если укусить пчела либо лягнуть лошадь, большое путешествие много хорошо!

Не отвечая ему, де Сен-Берен, тщательно обметенный и почищенный, вспрыгнул в седло, и отряд смог, наконец, двинуться.

Тем временем солнце встало, и его первые лучи весело осветили наш путь.

За мостом, соединяющим Конакри с материком, начинается отличная дорога шириной от пяти до шести метров, где свободно может пройти повозка. Она доведет нас до Тимбо, за четыреста километров. Значит, до Тимбо мы можем не бояться трудностей. Погода хорошая, температура едва 17 градусов в тени, и нам не грозят тропические ливни: их сезон миновал.

Вперед! Все к лучшему в этом лучшем из миров!

Около десяти часов мы перешли по мосту речку, которую Тассен назвал притоком Манеа или Моребайа, а может, это и есть одна из этих двух рек. Сейчас мы находимся в самой жестокой неуверенности на этот счет!

Впрочем, переход через речки — разменная монета путешествий в этой части Африки. Не проходит дня, чтобы не приходилось пересечь одну или несколько. Само собой разумеется, мои статьи — не курс географии, и я не буду говорить о всяких мелочах, если они так или иначе не выйдут из пределов обычного.

В окрестностях Конакри дорога идет почти прямо, по слегка холмистой стране. Она окаймлена достаточно хорошо возделанными полями. Плантации маиса или проса, кое-где виднеются рощи хлопчатника, банановых деревьев. Изредка встречаются совершенно незначительные деревушки, которым Тассен с уверенностью дает названия, по-моему, совершенно фантастические. Но нам-то это все равно, они все для нас одинаковы.

Около десяти часов, когда жара усилилась, капитан Марсеней командует остановку. Мы прошли двадцать километров от Конакри, и это очень хорошо. В пять часов пополудни, позавтракав и отдохнув, мы снова тронемся в путь, а около девяти вечера устроимся лагерем на ночь.

Это программа на каждый день, и я не буду к ней возвращаться, так как не намерен докучать читателям мелочными подробностями пути. Я буду заносить в свои путевые заметки только интересные факты.

Сказав об этом, продолжаю.

Место для стоянки капитан Марсеней выбрал удачно. Мы остановились в тени маленького леска, где сможем укрыться от солнечных лучей. Пока солдаты разбрелись, мы — я подразумеваю членов парламентской комиссии, мадемуазель Морна, капитана, господина де Сен-Берена и вашего покорного слугу, — мы, говорю я, расположились на хорошенькой лужайке. Я предлагаю нашей компаньонке подушку, но капитан Марсеней и господин Барсак предупредили меня и притащили по складному стулу. Вот затруднение! Мадемуазель Морна не знает, что выбрать. Уже капитан и глава экспедиции смотрят друг на друга исподлобья, но мадемуазель Морна водворяет между ними согласие, садясь на мою подушку. Оба вздыхателя смотрят на меня страшными глазами.

Бодрьер садится в сторонке на кучку травы посреди группы тех, кого я окрестил «нейтралистами». Это более или менее компетентные представители министерств, Эйрье, Кирье и Понсен.

Этот последний, самый замечательный из троих, не перестает делать заметки после нашего отправления. Но я не знаю, какие. Если бы он был менее «официален», я бы осмелился намекнуть, что он чудесно воплощает тип присяжного оценщика, но его величие затыкает рот. Какой лоб! С таким лбом человек бывает или удивительно умным или поразительно глупым. К какой из этих категорий отнести Понсена? Я это увижу на деле.

Доктор Шатонней и господин Тассен, которых мы сравниваем с птичками-неразлучниками, устроились под фиговым деревом. Они разостлали на земле географические карты. В их собственных интересах надеюсь, что они не будут их единственной пищей!

Морилире решительно находчивый парень: он притащил для нашей группы стол, затем и скамейку, на которой я устроился, оставив местечко и Сен-Берену.

Сен-Берена здесь нет. Впрочем, Сен-Берен никогда не бывает здесь.

Морилире позаботился о походной печке. С помощью

Чумуки и Тонгане он будет нам стряпать, так как условлено беречь консервы и провизию, привезенную из Европы, на те случаи, редкие, как мы надеемся, когда мы не сумеем достать свежей.

Морилире купил мяса в Конакри. Он показал его нам.

— Мой из него сделать хорошее рагу с ягненком, нежное, как маленький ребенок! — сказал он.

Нежное, как ребенок! Это сравнение заставляет нас дрожать. Неужели Морилире пробовал человеческое мясо? Мы спрашиваем его об этом. Он лицемерно отвечает, что сам никогда не ел, но слышал, как хвалили его превосходный вкус. Гм!..

Наш первый завтрак ничуть не напоминает завтрака Английского кафе[1], но тем не менее он превосходен. Судите сами: ягненок, зажаренный с просяной кашей, пирожное из маиса, фиги, бананы и кокосовые орехи. Салат — из сердцевины пальмы, питье — чистая вода из источника, протекающего у наших ног, а для желающих — пальмовое вино.

Этим различным кушаньям предшествовала закуска, которой не предвидел наш метрдотель[2]. Но не будем забегать вперед, как говорится в хорошо построенных романах.

Пока Морилире и его два помощника приготовляли нам объявленное кушанье, доктор Шатонней, приблизившись, дал нам на этот счет объяснения, которые я называю техническими.

— Об ягненке, — сказал он, — я не говорю; об этом вы знаете столько же, сколько я. Просо, которое его сопровождает на нашем столе, это злак, подобный хлебу. Смешанное с маслом из карите или из се, так как дерево, его доставляющее, носит оба эти названия, оно представляет достаточно съедобный соус при условии, что масло хорошее. Масло извлекается из плодов дерева, похожих на орехи или каштаны. Этого достигают целой серией отжиманий и плавлений, и, наконец, его очищают, растапливая в последний раз и бросая в него несколько капель холодной воды, пока оно кипит. Масло тогда становится весьма ценным.

---

[1] Одно из лучших кафе Парижа.

[2] *Метрдотель* — распорядитель в ресторане.

— Вы все знаете, доктор, — восхитилась мадемуазель Морна.

— Нет, мадемуазель, но я много об этом читал, и особенно в замечательном труде капитана Бингера. И это позволяет мне объяснить, что такое салат из пальмы. Эти пальмы разделяются на мужские и женские экземпляры. Мужские не дают плодов, но доставляют превосходную плотную древесину, которая не гниет в воде и недоступна челюстям термитов [1]. Женские экземпляры дают плоды, приятные на вкус. Листья пальмы употребляются на крыши для хижин, на изготовление вееров, циновок, веревок. Ими даже можно пользоваться, как бумагой. Вот полезное растение! А салат приготовляется из сердцевины молодой пальмы в самом нежном возрасте...

Я перебиваю:

— Ну, доктор! Это элегия, честное слово!

Доктор добродушно улыбается. Он продолжает:

— Конец моего рассказа будет менее поэтичен, потому что эту сердцевину иногда кладут в уксус и получаются... корнишоны! [2]

Превосходный доктор продолжал бы свои научные объяснения, но наше внимание привлекли крики из лесу. Мы тотчас узнали, кто их испускает.

Держу пари, что, если бы я предложил вашим читателям вопрос: «Кому принадлежал этот голос?», они немедленно ответили бы хором: «Черт побери! Господину де Сен-Берену!»

Ваши читатели не ошиблись бы. Конечно, это Сен-Берен взывал о помощи.

Я бросился на его крик в сопровождении капитана Марсенея и Барсака. Мы нашли Сен-Берена в болоте, увязшего в грязь до пояса.

Когда мы вытащили его на сухое место, я спросил:

— Как вы попали в эту трясину или в этот «маригот», выражаясь местным языком?

---

[1] Крупные насекомые до двух сантиметров длины; живут большими «общинами». Термитов иногда неправильно называют муравьями.

[2] Маринованные огурчики.

— Я поскользнулся, когда ловил, — ответил он, забрызгав меня грязью.

— На удочку?

— Необдуманный вопрос! Руками, мой дорогой!

— Руками?

Сен-Берен показал нам свой колониальный[1] шлем, завернутый в полотняный пиджак.

— Подождите, — сказал он, не ответив на мой вопрос. — Нужно осторожно развернуть мой пиджак, а то они ускачут.

— Кто они?

— Лягушки.

Пока мы беседовали, Сен-Берен ловил лягушек. Вот полоумный!

— Поздравляю, — одобрил Барсак. — Лягушки — питательная вещь! Но послушайте, как квакают те, которых вы поймали. Очевидно, не хотят быть съеденными...

— Если только они не просят, чтобы им прислали короля![2] — рискнул я пошутить.

Не слишком остроумно, признаюсь. Но в трущобе сойдет!..

Мы вернулись в лагерь. Сен-Берен переменил одежду, а Морилире зажарил плоды его охоты. Стол был накрыт, и мы ели с аппетитом: ведь мы проделали двадцать километров верхом.

Разумеется, мадемуазель Морна председательствовала. Она поистине была восхитительна. (Я это уже, кажется, говорил, но не боюсь повторений.) Простодушный, добрый ребенок с милыми мальчишескими манерами, она установила среди нас полную непринужденность.

— Дядюшка, — сказала она... (Итак, это все-таки ее дядя? Решено?). — Дядюшка воспитал меня, как мальчика, и сделал из меня мужчину. Пожалуйста, забудьте мой пол и рассматривайте меня как товарища.

Но это не помешало ей, говоря таким образом, адресовать капитану Марсенею одну из тех полуулыбок, которые ясно как день показывают, что у мальчиков такого сорта кокетство никогда не теряет своих прав.

---

[1] Белый, полотняный — для защиты от жарких лучей солнца.

[2] Намек на басню Лафонтена: «Лягушки, просящие царя». На русский язык переведена И. А. Крыловым.

Мы выпили кофе, а потом, растянувшись на высоких травах в тени пальм, предались сладостному отдыху.

Отправление было назначено, как я уже говорил, в пять часов; но, когда понадобилось собрать конвой, оказалось, что он вышел в тираж, если осмелюсь употребить такое выражение.

Напрасно Морилире, когда пришло время, приказывал своим людям приготовиться. К нашему большому удивлению, они отказались, крича все разом, что они не видели луны, что они не отправятся до тех пор, пока не увидят луну!

Мы были ошеломлены, но ученый господин Тассен разъяснил нам эту тайну.

— Я знаю, что это такое, — сказал он. — Все исследователи рассказывали об этом в путевых отчетах. Когда месяц молодой, — а ему в этот вечер только двое суток, — негры обычно говорят: «Это плохой знак. Никто не видел луну. Дорога будет плохая».

— Иоо! Иоо! (Да! Да!) — шумно согласились погонщики и носильщики, столпившиеся вокруг нас, которым Морилире перевел слова ученого географа. — Каро! Каро! (Луна! Луна!)

Стало ясно, что если наш спутник будет продолжать отказывать в своем появлении, эти упрямцы не согласятся отправиться. А было еще светло, и небо покрывали тучи.

Негры упорствовали, и, быть может, мы оставались бы на том же месте еще долго, если бы около шести часов бледный серп луны не показался среди двух тучек. Черные испустили радостные крики.

— Аллах та тула кенде, каро кутайе! — восклицали они, ударяя себя по лбу правой рукой. (Господь мне послал здоровье: я вижу новый месяц!)

Без всяких затруднений колонна двинулась.

Но мы потеряли два часа, и вечерний переход был, таким образом, сокращен.

Около девяти часов остановились в густом лесу и раскинули палатки. Впрочем, местность была не совсем пустынна. Направо от дороги стояла покинутая туземная хижина, а слева виднелась другая — обитаемая.

Капитан Марсеней посетил первую и, найдя, что она достаточно пригодна, предложил мадемуазель Морна

устроиться в ней на ночь. Она согласилась и исчезла в этом неожиданном отеле.

Но не прошло и десяти минут, как послышались громкие крики. Мы прибежали и нашли ее стоящей перед хижиной; она показывала на пол жестом отвращения.

— Что это? — спрашивала она.

Это были бесчисленные белые черви. Они вышли из земли и ползали по ней в таком изумительном количестве, что почва как будто волновалась.

— Подумайте, господа, — сказала мадемуазель Морна, — как я перепугалась, почувствовав их холодное прикосновение к моему лицу, рукам! Я их нашла везде, даже в карманах! Я стала отряхиваться, и они градом падали с моей одежды. Пффф... Скверные твари!

Тем временем прибежал Сен-Берен. Он без труда нашел слово, чтобы охарактеризовать положение.

— Эх! — вскричал он с сияющим лицом. — Да ведь это червяки!

И это, действительно, были червяки, уж он-то в этом разбирается, господин де Сен-Берен!

Он наклонился, чтобы набрать их про запас.

— Твой в них не нуждается, — сказал Тонгане. — Много их на дороге. Они много скверные, везде попадаться. Невозможно все задавить.

Это обещает нам хорошие ночлеги! А туземцы, как они свыклись с этими легионами червей?

Без сомнения, я подумал об этом вслух.

— Кушать их, мусье, — сказал Тонгане. — Вкусно!

Мадемуазель Морна, не обладавшая простыми вкусами обитателей этих краев, собирается попросту устроиться в одной из палаток, когда Морилире сообщает ей, что молодая негритянка, служанка земледельца-негра, которого нет дома, предлагает ей гостеприимство в чистой хижине, где даже есть — невероятная вещь! — настоящая европейская кушетка.

Мадемуазель Морна принимает предложение, и мы торжественно провожаем ее в новое жилище. Служанка нас ждет. Она стоит возле одного из деревьев карите, о которых я уже говорил.

Это девочка среднего роста, лет пятнадцати. Она совсем недурна. Так как на ней нет никакой другой одежды, кроме простого листка, который, очевидно, не куплен

ни в «Лувре»[1], ни в «Дешевой распродаже», но «быть может, у весны», как тонко заметил Сен-Берен, то она походит на красивую статую из черного мрамора.

В данное время статуя очень занята тем, что собирает что-то в листве карите.

— Она собирает гусениц, которых выдавит, высушит и из которых — только не пугайтесь! — сделает соус, — объяснил доктор Шатонней, блестящий знаток негритянской кухни. — Эти гусеницы называются «сетомбо». Это единственно съедобные, и, кажется, у них приятный вкус.

— Верно, — подтверждает Морилире. — Их вкусные!

Миленькая негритянка, завидев нас, идет навстречу. К нашему большому удивлению, она говорит на довольно правильном французском языке.

— Я, — обращается она к мадемуазель Морна, — воспитана во французской школе, служила у белой женщины, жены офицера, вернулась в деревню во время большой битвы и попала в плен. Умею делать постель, как белые. Ты будешь довольна.

Она ласково берет за руку мадемуазель Морна и увлекает в хижину. Мы возвращаемся, довольные, что наша компаньонка хорошо устроилась. Но час сна еще не пришел ни для нее, ни для нас.

Не прошло и получаса, как мадемуазель Морна зовет нас на помощь. Мы бежим и при свете факелов видим неожиданное зрелище. На земле, у порога хижины, распростерта маленькая черная служанка. Ее спина исполосована красными рубцами. Несчастная отчаянно рыдает. Перед ней стоит, защищая ее, мадемуазель Морна, — она великолепна, когда гневается, — а в пяти шагах ужасный негр строит отвратительные гримасы, держа в руке палку.

Мы спрашиваем объяснений.

— Представьте себе, — говорит мадемуазель Морна, — я только что легла в постель. Малик, так зовут маленькую негритянку, — хорошенькое имя, не правда ли, оно напоминает о Бретани? — Малик обмахивала меня, и я начала засыпать. И вот этот зверь, ее хозяин, внезапно вернулся. Увидев меня, он пришел в ярость, потащил

---

[1] *Лувр* — название одного из богатых парижских магазинов.

бедное дитя и принялся избивать, чтобы научить ее, как водить белых в его хижину.

— Хорошенькие нравы! — ворчит Бодрьер.

Он прав, этот веселый Бодрьер! Но он неправ, когда, злоупотребляя положением, принимает ораторскую позу и разражается следующим изумительным обращением:

— Вот они, господа, эти варварские народности, которых вам угодно превратить в миролюбивых избирателей!

Очевидно, он воображает себя на трибуне.

Барсак вздрагивает, точно его укусила муха. Он выпрямляется и сухо отвечает:

— Обращайтесь к тем, кто никогда не видел, как француз бьет женщину!

Он тоже прав, господин Барсак!

Неужели нам придется присутствовать при состязании в красноречии? Нет: Бодрьер не отвечает. Барсак повертывается к негру с палкой.

— Эта малютка тебя покинет, — говорит он. — Мы уведем ее с собой.

Негр протестует: негритянка его невольница. Он за нее заплатил. Неужели мы будем терять время, доказывая ему, что рабство запрещено на французской территории? Он все равно не поймет. Нравы преобразуются законами не в один день.

Господин Барсак находит лучший выход.

— Я покупаю твою невольницу, — говорит он. — Сколько?

Браво, господин Барсак! Вот хорошая идея!

Негр видит случай сделать выгодное дело и успокаивается. Он просит осла, ружье и пятьдесят франков.

— Пятьдесят ударов палки! — отвечает капитан. — Ты их вполне заслуживаешь.

Стали торговаться. Наконец, мошенник уступает служанку за старое кремневое ружье, кусок материи и двадцать пять франков. Все это ему выдают.

Пока продолжается спор, мадемуазель Морна поднимает Малик и перевязывает ее раны, смазав маслом карите. Когда же сделка совершилась, она уводит ее в наш лагерь, одевает в белую блузку и говорит, положив ей в руку несколько монет:

— Ты больше не раба: я тебе возвращаю свободу.

Но Малик разражается рыданиями: она одна на свете, ей некуда идти, и она не хочет покидать «такую добрую белую»: она будет служить у нее горничной. Она плачет, умоляет.

— Оставь ее, девочка, — вмешивается Сен-Берен. — Она тебе, конечно, будет полезна. Она тебе окажет те тысячи мелких услуг, в которых женщина всегда нуждается, будь она даже мужчиной.

Мадемуазель Морна соглашается тем охотнее, что ей этого очень хочется. Малик, не зная, как выразить благодарность Сен-Берену, который заступился за нее, бросается к нему на шею и целует в обе щеки. Назавтра Сен-Берен признался мне, что никогда и ничто ему не было так неприятно!

Бесполезно прибавлять, что мадемуазель Морна не думала искать гостеприимства у туземцев в третий раз. Ей разбили палатку, и ничто больше не смущало ее сна.

Таков был первый день нашего путешествия.

Без сомнения, следующие будут очень походить на него. Поэтому я не буду рассказывать о них подробно, и, если не случится чего-либо особенного, руководитесь пословицей: „*Ab uno disce omnes*“[1].

Амедей Флоранс.

ВТОРАЯ СТАТЬЯ АМЕДЕЯ ФЛОРАНСА

Вторая статья Амедея Флоранса была опубликована в «Экспансьон Франсез» 18 января. Вы ее найдете здесь целиком.

ЭКСПЕДИЦИЯ БАРСАКА

(От нашего специального корреспондента)

Дни идут за днями. — Мой гость. — Балет! — Я совершаю нескромность. — Чудесная ловля господина де Сен-Берена. — Боронья. — Чтобы сделать мне честь. — Тимбо! — Сорок восемь часов остановки. — Буфет. — Даухерико. — Розовая жизнь в черной стране. — Прав ли господин Барсак? — Я оказываюсь в затруднении.

Даухерико. 16 декабря. Со времени моего последнего письма, написанного при дрожащем свете фонаря в за-

[1] Цитата из «Энеиды» римского поэта Вергилия, означающая: «По одному суди о всех».

рослях в вечер нашего отправления, путешествие продолжалось без особенных происшествий.

2 декабря мы подняли лагерь в пять часов утра, и наша колонна, увеличившись на одну единицу, — осмелюсь ли я сказать, на пол-единицы, так как один белый стоит двух черных? — двинулась в путь.

Пришлось разгрузить одного осла, переложив на других его поклажу, чтобы посадить Малик. Маленькая негритянка, казалось, по-детски забыла недавние горести: она все время смеется. Счастливая натура!

Мы продолжали путь легко и спокойно, и если бы не цвет населения, нас окружающего, и не бедность пейзажа, можно было бы подумать, что мы не покидали Франции.

Пейзаж некрасив: мы пересекаем плоскую или чуть волнистую страну с небольшими возвышенностями на северном горизонте и, докуда хватает глаз, видим только чахлую растительность — смесь кустарника и злаков высотой от двух до трех метров, носящую название «зарослей».

Кое-где попадаются рощицы деревьев, хилых по причине периодических пожаров, опустошающих эти степи в сухое время года, и возделанные поля, «луганы», по местному выражению, за которыми следуют обычно большие деревья. Все это свидетельствует о близости деревни.

Эти деревни носят глупые имена: Фонгумби, Манфуру, Кафу, Уоссу и так далее, я не продолжаю. Почему бы им не называться Нейльи или Леваллуа, как у людей?

Одно из названий этих поселений нас позабавило. Довольно значительный город, расположенный на английской границе Сиерра-Леоне и который мы поэтому оставляем далеко в стороне от нашего пути, называется Тассен. Наш великий географ немало возгордился, открыв такого однофамильца в ста тридцати шести километрах от Конакри.

Жители смотрят на нас приветливо и имеют совершенно безобидный вид. Я не думаю, что у них ум Виктора Гюго или Пастера, но так как ум не составляет условия для подачи избирательного бюллетеня, как доказано долгим опытом, можно полагать, что господин Барсак прав.

Бесполезно упоминать, что начальник экспедиции

входит в самые бедные деревушки и ведет долгие разговоры с их обитателями. Позади него господин Бодрьер производит свое следствие.

Господа Барсак и Бодрьер, как и следовало предполагать, делают прямо противоположные выводы из того, что видят, и возвращаются к нам в одинаковом восхищении. Таким образом, все довольны. Это прекрасно.

Мы пересекаем речки или следуем вдоль них: Форекарьях, Меллакоре, Скари, Наба, Дьегупко и т. д., и проходим из долины в долину, почти не замечая их. Во всем этом нет животрепещущего интереса.

Я смотрю в свои записки и не нахожу в них ничего интересного до 6 декабря, когда господин де Сен-Берен, который на пути к тому, чтобы стать моим другом Сен-Береном, учинил выходку для моего развлечения и, надеюсь, для вашего.

В этот вечер мы остановились лагерем поблизости от деревушки Уалья. Когда пришло время, я возвращаюсь в палатку с законным намерением уснуть. Я нахожу там Сен-Берена, раздетого вплоть до рубашки и кальсон. Его одежда разбросана повсюду. Постель приготовлена. Очевидно, Сен-Берен вознамерился спать у меня. Я останавливаюсь у входа и созерцаю неожиданного обитателя моей палатки, занятого своими делами.

Сен-Берен нисколько не удивляется, увидев меня. Вообще, Сен-Берен никогда не удивляется. Он очень взволнован, повсюду роется и разбрасывает содержимое моего чемодана по земле. Но он не находит того, что ищет, и это его раздражает. Он подходит ко мне и провозглашает убежденным тоном:

— Ненавижу рассеянных людей. Они отвратительны!

Я соглашаюсь, не моргнув глазом:

— Отвратительны! Но что с вами случилось, Сен-Берен?

— Представьте себе, — отвечал он, — я не могу найти моей пижамы. Я держу пари, что это животное Чумуки забыл ее на последней остановке. Это весело!

Я подсказываю:

— Если только она не в вашем чемодане!

— В моем...

— Так как это мой чемодан, дорогой друг, как и эта гостеприимная палатка, и эта постель...

Сен-Берен выкатывает удивленные глаза. Внезапно, поняв ошибку, он хватает разбросанную одежду и спасается бегством, как будто по его пятам гонится куча людоедов. Я падаю на постель и катаюсь от хохота. Что за восхитительное создание!

Назавтра, 7 декабря, мы собираемся сесть за стол после утреннего перехода, когда замечаем негров, которые как будто за нами шпионят. Капитан Марсеней приказывает своим людям прогнать их. Они убегают, потом возвращаются.

— Гонитесь за туземцем, он пустится в галоп, — изрекает по этому случаю доктор Шатонней, у которого мания по всякому поводу, а еще чаще без повода, цитировать стихи, обыкновенно не имеющие никакого отношения к делу. Но у всякого свои причуды.

Морилире на наши расспросы сказал, что эти черные (их было около десятка) — торговцы и колдуны, у которых нет враждебных намерений, и они только хотят, одни — продать нам свой товар, а другие — развлечь нас.

— Приготовьте мелочь и введите их в столовую! — сказал смеясь господин Барсак.

Вошли черные, один безобразнее и грязнее другого. Среди них были «нуну», искусники тридцати шести ремесел, мастера горшков и корзинок, безделушек, деревянных и железных изделий; «дьюла» или «марраба», продававшие оружие, материи и особенно орехи «кола», которых мы сделали большой запас. Известны возбуждающие средства этого плода, который доктор Шатонней называет «пищей бережливости». Мы были очень рады приобрести большое количество их в обмен за соль. В областях, которые мы пересекаем, соль редка, ей тут, как говорится, нет цены. Ценность соли все увеличивается по мере того, как мы удаляемся от берега. Мы ее везем с собой несколько бочонков.

Потом мы подзываем колдунов и приказываем им петь самые лучшие песни в честь нашей милой компании.

Этих трубадуров[1] черной страны двое. Первый держит в руке гитару. Что за гитара! Вообразите себе тыкву, проткнутую тремя бамбуковыми пластинками со струнами из кишок. Этот инструмент называют «дьянне».

[1] *Трубадуры* — певцы и музыканты в старой Франции.

Второй колдун, старик с воспалением глаз, что здесь часто случается, был вооружен чем-то вроде флейты, «фабразоро» на языке бамбара. Это простая тростинка, к каждому концу которой прилажена маленькая тыква.

Концерт начался. Второй колдун, на котором была только «била», род повязки в три пальца шириной, обернутой вокруг бедер, принялся танцевать. А его товарищ, более прилично одетый в одну из длинных блуз, которые называют «дороке», но страшно грязную, сел на землю, щипал струны гитары и испускал горловые крики, которые, как я полагаю, он хотел выдать за песню, адресованную солнцу, луне, звездам и мадемуазель Морна.

Судорожные прыжки одного и завывания другого, странные звуки, извлекаемые двумя виртуозами из их инструментов, возбуждающе подействовали на наших ослов. Они бросили свое просо, рис и кукурузу и устроили не совсем обычный балет.

Увлеченные примером, мы расхватали кастрюли и котлы и грянули по ним ложками и вилками. Господин де Сен-Берен разбил тарелку, воспользовался осколками, как кастаньетами, и пустился в разнузданное фанданго[1] с вашим покорным слугой в качестве партнера. Господин Барсак, — должен ли я об этом говорить? — сам господин Барсак, утратив всякую сдержанность, свернул себе чалму из салфетки и, в то время, когда господин Бодрьер, депутат Севера, закрыл лицо, почтенный депутат Юга исполнил па самого сверхъюжного фантастического танца.

Но нет такой хорошей шутки, которая не кончилась бы. После пяти минут суматохи мы принуждены были остановиться, истощенные. Мадемуазель Морна смеялась до слез.

Вечером этого самого дня Амедеем Флорансом, нижеподписавшимся, был совершен проступок, в котором он признался в заголовке этой статьи. По правде говоря, к таким проступкам я уже привык, нескромность — маленький грех репортеров.

Итак, в этот вечер мою палатку случайно поставили возле палатки мадемуазель Морна; я ложился спать,

[1] Испанский народный танец.

когда услышал по соседству разговор. Вместо того чтобы заткнуть уши, я слушал: это мой недостаток.

Мадемуазель Морна говорит со своим слугой Тонгане, тот отвечает на фантастическом английском языке, который я выправляю для удобства читателей. Разговор, без сомнения, начался раньше. Мадемуазель Морна расспрашивает Тонгане о его прошлой жизни. В момент, когда я навострил уши, она спрашивала:

— Как ты, ашантий...

Вот как! Тонгане — не бамбара; я этого никогда не думал.

— ...сделался сенегальским стрелком? Ты мне это уже говорил, когда нанимался, но я не помню.

Мне кажется, мадемуазель Морна нечистосердечна. Тонгане отвечает:

— Это после дела Бакстона...

Бакстон? Это имя мне о чем-то говорит. Но о чем?

Продолжая слушать, я роюсь в памяти.

— Я служил в его отряде, — продолжает Тонгане, — когда пришли англичане и стали в нас стрелять.

— Знаешь ты, почему они стреляли? — спрашивает мадемуазель Морна.

— Потому что капитан Бакстон всех грабил и убивал.

— Это все верно?

— Очень верно. Жгли деревни. Убивали бедных негров, женщин, маленьких детей.

— И капитан Бакстон сам приказывал совершать все эти жестокости? — настаивает мадемуазель Морна изменившимся голосом.

— Нет, не сам, — отвечает Тонгане. — Его никогда не видали. Он больше не выходил из палатки, после прихода другого белого. Этот белый давал нам приказы от имени капитана.

— Он долго был с вами, этот другой белый?

— Очень долго. Пять, шесть месяцев, может быть, больше.

— Где вы его встретили?

— В зарослях.

— И капитан Бакстон легко принял его?

— Они не расставались до того дня, когда капитан больше не вышел из своей палатки.

— И, без сомнения, жестокости начались с этого дня?

Тонгане колеблется.

— Я не знаю, — признается он.

— А этот белый? — спрашивает мадемуазель Морна. — Ты помнишь его имя?

Шум снаружи покрывает голос Тонгане. Я не знаю, что он отвечает. В конце концов, мне безразлично. Это какая-то старая история, меня она не интересует.

Мадемуазель Морна спрашивает снова:

— И после того как англичане стреляли в вас, что с тобой случилось?

— Я вам говорил в Дакаре, где вы меня нанимали, — отвечает Тонгане. — Я и много других — мы очень испугались и убежали в заросли. Потом я вернулся, но уже никого не было на месте битвы. Там были только мертвецы. Я похоронил своих друзей, а также начальника, капитана Бакстона.

Я слышу заглушенное восклицание.

— После этого, — продолжает Тонгане, — я бродил из деревни в деревню и достиг Нигера. Я поднялся по нему в украденной лодке и пришел, наконец, в Тимбукту, как раз когда туда явились французы. На путешествие у меня ушло около пяти лет. В Тимбукту я нанялся стрелком, а когда меня освободили, я отправился в Сенегал, где вы меня встретили.

После долгого молчания мадемуазель Морна спрашивает:

— *Итак, капитан* Бакстон умер?

— Да, госпожа.

— И ты его похоронил?

— Да, госпожа.

— Ты знаешь, где его могила?

Тонгане смеется.

— Очень хорошо, — говорит он. — Я дойду до нее с закрытыми глазами.

Снова молчание, потом я слышу:

— Доброй ночи, Тонгане!

— Доброй ночи, госпожа! — отвечает негр, выходит из палатки и удаляется.

Я немедленно укладываюсь спать, но едва я затушил фонарь, как ко мне приходят воспоминания.

«Бакстон? Черт возьми, если я этого не знаю! Где была моя голова?! Какой восхитительный репортаж я тогда упустил».

В это уже довольно отдаленное время, — прошу извинить личные воспоминания! — я работал в «Дидро» и предложил моему директору отправить меня корреспондентом на место преступлений капитана-бандита. В продолжение нескольких месяцев он отказывал, боясь расходов. Что вы хотите? Ни у кого нет чувства важности событий. Когда же, наконец, он согласился, было слишком поздно. Я узнал в Бордо в момент посадки, что капитан Бакстон убит.

Но все это старая история, и если вы меня спросите, зачем я вам рассказал этот удивительный разговор Тонгане и его госпожи, то я отвечу, что, по правде говоря, я и сам не знаю.

8 декабря я снова нахожу в моей записной книжке имя Сен-Берена. Он неистощим, Сен-Берен! На сей раз это пустячок, но он нас очень позабавил. Пусть он и вас развеселит на несколько минут.

Мы ехали около двух часов во время утреннего этапа, когда Сен-Берен начал испускать нечленораздельные звуки и задергался на седле самым потешным образом. По привычке мы уже начали смеяться. Но Сен-Берен не смеялся. Он еле-еле сполз с лошади и поднес руку к той части туловища, на которой привык сидеть, а сам все дергался, непонятно почему.

К нему поспешили. Его спрашивали. Что случилось?

— Крючки!.. — простонал Сен-Берен умирающим голосом.

Крючки?.. Это не объяснило нам ничего. Только когда беда была поправлена, нам открылся смысл этого восклицания.

Читатели, быть может, еще не забыли, что в момент, когда мы покидали Конакри, Сен-Берен, призванный к порядку теткой, — или племянницей? — поспешил подбежать, засовывая горстями в карман купленные им крючки. Конечно, он потом про них не думал. И эти самые крючки теперь отомстили за такое пренебрежение. Путем обходных маневров они поместились между седлом и всадником, и три из них прочно вцепились в кожу своего владельца.

Понадобилось вмешательство доктора Шатоннея, чтобы освободить Сен-Берена. Для этого достаточно было трех ударов ланцета, которые доктор не преминул сопровождать комментариями. И он, смеясь, говорил, что такая работа — одно удовольствие.

— Можно сказать, что вы «клевали»! — убежденно вскричал он, исследуя результаты первой операции.

— Ой! — крикнул вместо ответа Сен-Берен, освобожденный от первого крючка.

— Хорошая была рыбалка! — возгласил доктор во второй раз.

— Ой! — снова крикнул Сен-Берен.

И, наконец, после третьего раза доктор поздравил:

— Вы можете гордиться, что поймали такую большую штуку!

— Ой! — в последний раз вздохнул Сен-Берен.

Операция закончилась. Осталось только перевязать раненого, который затем поднялся на лошадь и в продолжение двух дней принимал на седле самые причудливые позы.

12 декабря мы прибыли в Боронью. Боронья — маленькая деревушка, как и все прочие, но обладает преимуществом в лице исключительно любезного старшины. Этот юный старшина, всего лет семнадцати-восемнадцати, усиленно размахивал руками и раздавал удары кнута любопытным, которые подходили к нам слишком близко. Он устремился к каравану с рукой у сердца и сделал нам тысячу уверений в дружбе, за что мы вознаградили его солью, порохом и двумя бритвами. При виде этих сокровищ он заплясал от радости.

В знак признательности он приказал построить за деревней шалаши, в которых мы могли бы лечь. Когда я вступил во владение своим, я увидел «нуну», усердно занимавшихся тем, что углаживали и утаптывали почву, покрыв ее сушеным коровьим навозом. Я их спросил, к чему такой роскошный ковер; они ответили, что это помешает белым червям выползать из земли. Я был благодарен за внимание и заплатил им горстью каури [1]. Они пришли в восхищение.

[1] *Каури* — местная монета, шестнадцать сотен которой стоят пять франков. — *Прим. Ж. Верна.* Каури — особый вид раковин.

13 декабря утром мы достигли Тимбо без особых приключений. Это поселение, наиболее значительное из всех, которые мы до сих пор миновали, окружено «тата», стеной из битой глины, толщина которой меняется в разных частях и позади которой возведены деревянные леса, где проходит дорожка для караула.

«Тата» Тимбо окружает три деревни, отделенные одна от другой обширными возделанными или лесистыми пространствами, где пасутся домашние животные. В каждой из деревень есть маленький ежедневный рынок, а в самой крупной раз в неделю бывает большой базар.

Из каждых четырех хижин одна необитаема. Она наполнена мусором и всякой дрянью, как, впрочем, и улицы. Нет сомнения, что в этих краях не хватает мельщиков. И здесь не только грязно, но и очень бедно. Мы видели детей, большей частью худых, как скелеты, рывшихся в отбросах в поисках пищи. А женщины отвратительно тощие.

Это, впрочем, не мешает им быть кокетками. Так как был базарный день, деревенские богачки разрядились. Поверх «парадных» туалетов они надели голубые в белую полоску передники; верх туловища окутывался куском белого коленкора или дешевенькой тафты ослепительной расцветки; уши оттягивали тяжелые металлические кольца, поддерживаемые серебряными цепочками, которые перекрещивались на макушке; их шеи, запястья и щиколотки украшали браслеты и ожерелья из коралла или фальшивого жемчуга.

Почти у всех прически были в форме каски. У иных было выбрито темя и на верхушке головы красовался пашлемник из волос, украшенный мелким стеклярусом. Другие ходили совершенно бритыми. Самые изящные щеголяли головой клоуна: острый пучок волос надо лбом и два хохолка по бокам. Кажется, по их прическам можно узнать, к какой расе они принадлежат: пель, манде, бамбара и т. д. Но у меня нет достаточных знаний, и я прохожу мимо этих этнографических подробностей, о которых господин Тассен по возвращении должен распространиться в книге, по меньшей мере серьезно обоснованной.

Мужчины одеты в белые блузы или передники. Они носят самые разнообразные головные уборы — от крас-

ной суконной шапочки до соломенной шляпы и колпака, украшенного жестянками или кусочками цветной материи. Чтобы вас приветствовать, они ударяют себя в грудь ладонью добрых пять минут, повторяя слово «дагаре», что, как и «ини-тье», означает «здравствуйте».

Мы отправились на большой базар, где нашли в сборе всю аристократию Тимбо. Торговцы уже с утра устроились в шалашах, расположенных в два ряда, или под полотнищами, укрепленными на четырех кольях; но «высший свет» явился только к одиннадцати часам.

Здесь продается всего понемножку: просо, рис, масло из карите по 50 сантимов[1] за килограмм, соль по 77 франков 50 сантимов за бочонок в 25 килограммов, быки, козы, бараны, а также куры по 3 франка 30 сантимов за штуку, что недорого; далее идут кремневые ружья, орехи кола, табак, галеты из просяной или кукурузной муки, «койо» (ленты для передников), различные материи — гвинейская кисея и коленкор; шапки, тюрбаны, нитки, иголки, порох, кремни для ружей и т. д. и т. д.; и, наконец, разложенные на сухих кожах кучки гнилого мяса со своеобразным запахом — для лакомок.

Тимбо, как я уже говорил, первый более или менее значительный центр, который мы встретили. Там мы оставались 13 и 14 декабря, не потому, что мы очень устали, а потому, что животные и носильщики, в сущности тоже вьючные животные, выказывали законное утомление.

В продолжение этих 48 часов мы сделали многочисленные прогулки внутри «тата». Я ограничивался здесь самыми существенными наблюдениями. Не ждите от меня полных описаний, которые вы, впрочем, без труда найдете в специальных трактатах. Моя роль быть только историком экспедиции Барсака, и эта роль мне нравится. Меня вдохновляет муза истории Клио, но я не люблю географию. Пусть это будет сказано раз и навсегда.

На следующий день после нашего прибытия, то есть 14 декабря, мы очень беспокоились о проводнике: в продолжение целого дня его напрасно искали. Он исчез.

Успокойтесь: 15 декабря, в момент отправки, он был на своем месте и ко времени нашего пробуждения успел

---

[1] *Сантим* — сотая часть франка.

раздать немало палочных ударов, чтобы погонщики не сомневались в его присутствии.

Допрошенный Барсаком, Морилире упрямо отвечал, что он накануне совсем не покидал лагеря. Так как у нас не было уверенности, да и проступок был незначителен, казалось извинительным, что Морилире немного погулял на свободе, и об этом случае скоро забыли.

Мы покинули Тимбо 15 декабря, в обычный час, и путешествие продолжалось без особых трудностей по обычному расписанию. Только стало заметно, что ноги наших лошадей уже не топчут дорогу, по которой мы до того следовали.

Дорога после Тимбо постепенно превратилась в тропинку. Мы стали теперь настоящими исследователями.

Изменилась и местность: она стала неровной, за подъемом следовал спуск, за спуском — подъем. Выйдя из Тимбо, мы должны были подняться на довольно крутой холм, спустились с него, прошли равниной и снова начали подъем к деревне Даухерико, у которой наметили остановиться на ночь.

Люди и животные хорошо отдохнули, караван шел быстрее, чем обычно, и было всего шесть часов вечера, когда мы дошли до этой деревни.

Нас ожидала самая дружеская встреча: сам старшина пришел к нам с подарками. Барсак благодарил, ему отвечали приветственными криками.

— Меня не так горячо принимают в Эксе [1], когда я прохожу там курс лечения, — убежденно сказал Барсак. — Я в этом был уверен: неграм только и недостает избирательных прав.

Кажется, господин Барсак прав, хотя господин Бодрьер сомнительно покачивал головой.

Старшина продолжал расточать любезности. Он предложил нам расположиться в лучших хижинах деревни, а нашу спутницу просил принять гостеприимство в его собственном жилище. Этот горячий прием пришелся нам по сердцу, и дальнейшее путешествие уже представлялось нам в розовом свете, когда Малик, приблизившись к мадемуазель Морна, быстро сказала ей тихим голосом:

— Не ходи, госпожа, умрешь!

---

[1] *Экс* — город в Провансе, где имеются минеральные источники.

Мадемуазель Морна в изумлении взглянула на маленькую негритянку. Само собой разумеется, что я тоже услышал ее слова: это долг всякого уважающего себя репортера. Но их услышал и капитан Марсеней, хотя это и не его ремесло. Сначала он казался изумленным, потом, после короткого размышления, решился.

Он в два счета освободился от назойливого старшины и отдал приказ устраивать лагерь. Я заключаю, что нас будут хорошо охранять.

Эти предосторожности заставляют меня задуматься. Капитан — знаток страны черных; неужели и он верит в опасность, о которой предупредила Малик?

Значит?..

Значит, я должен предложить себе перед сном вопрос: «Кто же прав, Барсак или Бодрьер?»

Быть может, я это завтра узнаю.

В ожидании я остаюсь в затруднении.

Амедей Флоранс.

ТРЕТЬЯ СТАТЬЯ АМЕДЕЯ ФЛОРАНСА

«Экспансьон Франсез» опубликовала третью статью своего специального корреспондента 5 февраля. По причинам, которые читатель скоро узнает, это была последняя статья, полученная газетой от ее ловкого репортера. Поэтому читатели «Экспансьон Франсез» долгие месяцы не разгадали загадки, поставленной Амедеем Флорансом в последних строках его статьи, той загадки, полное разрешение которой даст последующий рассказ.

ЭКСПЕДИЦИЯ БАРСАКА

(От нашего специального корреспондента)

Чего боялась Малик? — Дунг-коно. — Станем друзьями! — Гель-тапе. — Крещение ослов. — Терпение. — Канкан. — Колдун. — Будем рассуждать. — Ночной шум.

Канкан[1]. *24 декабря.* Мы прибыли сюда вчера утром и отправимся в дальнейший путь завтра, в день рождества.

---

[1] Сейчас от Конакри до Канкана проходит железная дорога (длиной 662 километра).

Рождество!.. Мои мысли уносятся на родину, от которой мы так далеки (шестьсот пятьдесят километров от Конакри, по сведениям непогрешимого господина Тассена). Я думаю с удовольствием, которого прежде не испытывал, о равнинах, покрытых снегом, и в первый раз за многие годы у меня появилось страстное желание положить свои башмаки в камин, что, по меньшей мере, доказывает, что когда-то у меня был такой.

Но не будем умиляться и вернемся к тому месту, где оборвались мои записки об экспедиции Барсака.

Итак, в предыдущей статье я рассказал, что в момент, когда старшина и жители Даухерико приглашали нас принять их гостеприимство, Малик сказала на своем наречии мадемуазель Морна:

— Не ходи, госпожа, умрешь!

После этой фразы, услышанной капитаном, решено было устроить лагерь вне деревни, в том месте, где мы остановились. Капитан Марсеней, посовещавшись с Малик, приказал туземцам удалиться, чего требовали обстоятельства. Они возражали, уверяя в своих добрых чувствах, но капитан Марсеней не поддался и твердо велел им удалиться и не подходить к лагерю ближе чем на пятьсот метров. Мы скоро увидим, что эти предосторожности не были излишними.

Господин Бодрьер, верный сторонник благоразумия, горячо одобрил принятые решения, хотя и не знал их причины. Господин Барсак, которому уже представлялось, как его с триумфом проносят под лиственными арками, украшенными трехцветными лентами, не мог скрыть досады.

— Кто здесь приказывает, господин капитан?

— Вы, господин депутат! — холодно, но вежливо ответил офицер.

— В таком случае, почему вы, не спросив моего мнения, приказали разбить лагерь в поле, вместо того чтобы остановиться в деревне, и прогнали добрых негров, воодушевленных самыми лучшими намерениями?

Капитан сделал паузу, как в театре, и спокойно ответил:

— Господин депутат, если вы в качестве начальника экспедиции выбираете путь и устанавливаете походный порядок, то и я должен защищать вас, выполняя мой

долг. Правда, мне следовало предупредить вас и раскрыть причины моего поведения, но приходилось спешить. Я прошу меня извинить, если я пренебрег этой...

До сих пор все было хорошо. Капитан Марсеней признал свою вину, и господин Барсак счел себя удовлетворенным. К несчастью, — и, возможно, тут сыграло роль другое соперничество, — капитан волнуется, когда он раздражен, и вот он бросил неловкое слово, как искру в порох:

— ...Если я пренебрег этой формальностью, — закончил он.

— Формальностью?! — повторил господин Барсак, багровея от гнева.

Ведь он с юга, господин Барсак, а об южанах говорят, что у них в жилах течет ртуть. Я чувствую, что начинается бестолковщина.

Барсак начал, весь дрожа:

— А теперь, по крайней мере, не соблаговолите ли вы открыть те могущественные мотивы, которые так вас взволновали?

Так я и предчувствовал! Теперь очередь капитана сердиться. Он отвечает сухим тоном:

— Я узнал, что против нас устроен заговор.

— Заговор! — иронически восклицает Барсак. — Среди этих честных негров! В тридцати пяти километрах от Тимбо!.. В самом деле!.. Ну, и кто же открыл вам этот... заговор?

Нужно видеть, как Барсак произносит слово «заговор»! Он раздувает щеки, округляет глаза. Боже! Что, если бы он был в этот момент в Марселе?

— Малик, — коротко отвечает капитан.

Барсак принимается хохотать. И как хохотать!

— Малик! Эта маленькая рабыня, за которую я заплатил двадцать пять су!..

Барсак извращает факты. Во-первых, Малик не рабыня, так как рабства нет на французской территории. Депутат должен это знать. И затем, Малик — очень «дорогая» женщина. За нее заплачено целых двадцать пять франков, старое ружье и кусок материи.

Однако Барсак продолжает:

— ...двадцать пять су!.. Вот большой авторитет, в самом деле, и я чувствую, что вас обуял страх...

Капитан чувствует удар. При слове «страх» он делает гримасу. Он овладевает собой, но я понимаю, что он разъярен.

— Позвольте мне не разделить ваши опасения, — продолжает между тем Барсак, все больше и больше разгорячаясь. — Я буду героем, я! Я один отправлюсь в деревню на ночлег и завоюю отдых!

Вот уж начинаются настоящие глупости. Я это предвидел.

— Я вам этого не советую, — возражает капитан. — Я не знаю, ошиблась Малик или нет, но в случае сомнения надо принимать решение, которого требует благоразумие. Мои инструкции на этот счет строги, и я не задумаюсь, в случае надобности, действовать против вашей воли.

— Против моей воли!..

— Если вы попытаетесь нарушить приказ военного командира и выйдете из лагеря, я, к сожалению, принужден буду держать вас в вашей палатке под надежной охраной. А теперь — ваш покорнейший слуга, господин депутат! Я должен наблюдать за устройством лагеря, и у меня нет больше времени спорить. Имею честь вас приветствовать!

И с этими словами капитан поднес руку к кепи, повернулся по всем правилам военных уставов и удалился, оставив депутата Юга на волосок от апоплексического удара.

Впрочем, откровенно говоря, я и сам был недалек от этого.

Злоба Барсака была тем сильнее, что эта сцена произошла в присутствии мадемуазель Морна. Депутат устремился за капитаном с очевидным намерением затеять ссору, которая могла кончиться трагически, когда наша компаньонка задержала его:

— Оставайтесь здесь, господин Барсак! Капитан не прав, что не предупредил вас, это верно; но он извинился, а вы оскорбили его в свою очередь. Вдобавок, защищая вас против вашей воли, он выполняет свой долг, рискуя навлечь ваш гнев и испортить себе будущность.

Если бы у вас было хоть немного великодушия, вы бы его поблагодарили!

— Ну, это уж чересчур!

— Побольше спокойствия, прошу вас, и выслушайте меня. Я только что говорила с Малик. Это она предупредила господина Марсенея и сообщила о заговоре, который готовится против нас. Знаете ли вы что-нибудь о «дунг-коно»?

Барсак отрицательно покачал головой. Он уже не пенился, но еще бурлил.

— Я знаю, — перебил подошедший доктор Шатонней. — Это — смертельный яд, особенность которого в том, что он убивает свои жертвы только через неделю. Хотите узнать, как его добывают? Это достаточно любопытно.

Барсак, по-видимому, не хотел слушать. Погасший вулкан еще дымился.

За депутата ответила мадемуазель Морна:

— Расскажите, доктор!

— Я попытаюсь объяснить, — сказал доктор Шатонней не без колебания, — потому что это очень щекотливый вопрос... Ну, да ладно! Так знайте же, что для приготовления «дунг-коно» берут просяную соломинку и вводят ее в кишки трупа. Через двадцать дней ее вынимают, сушат и толкут. Полученный порошок кладут в молоко, или в соус, или в вино, или в иное питье, и, так как он не имеет никакого вкуса, его проглатывают, не замечая. Через восемь или десять дней человек пухнет. Его желудок раздувается до невероятных размеров. И через двадцать четыре часа человек погибает, и ничто, никакое средство, никакое противоядие не избавит его от этой зловещей судьбы, которая «коль недостойна Атрея, прилична Тиесту»[1]. Хорошо? Вот вам еще один стих! Я думаю, он рифмуется, но с чем, черт побери?

— Вот какой заговор, — сказала мадемуазель Морна, — был устроен против нас. Малик подслушала, как

---

[1] По греческой легенде, микенский царь Атрей из ненависти к своему брату Тиесту приказал убить двух его сыновей, приготовить из них кушанье и подать его на пиру Тиесту, который съел его, ничего не подозревая.

старшина Даухерико говорил об этом с соседними старшинами. Доло Саррон, так зовут старшину, должен был оказать нам сердечный прием, пригласить в свой дом, других — в дома сообщников. Там нам намеревались предложить местные кушанья и напитки, от которых мы не отказались бы. В это же время напоили бы наших солдат. Назавтра мы отправились бы, ничего не замечая, а через несколько дней почувствовали бы действие яда.

Разумеется, все негры из окрестностей дожидались бы этого момента, и, когда наш конвой не в силах был бы действовать, они разграбили бы наш багаж, взяли бы ослов и лошадей, а погонщиков и носильщиков увели бы в рабство. Малик открыла этот заговор, предупредила капитана Марсенея, и вы знаете остальное.

Можно себе представить, как взволновал нас этот рассказ! Господин Барсак был потрясен.

— Ну? Что я вам говорил? — вскричал Бодрьер с торжествующим видом. — Вот они, цивилизованные племена! Знаменитые мошенники...

— Я не могу опомниться, — дрожа ответил Барсак.— Я поражен, буквально поражен! Этот Доло Саррон с его приветливым видом! Ах!.. Но мы еще посмеемся! Завтра я прикажу сжечь деревню, а с этим негодяем Доло Сарроном...

— Одумайтесь, господин Барсак! — воскликнула мадемуазель Морна. — Вспомните, что ведь нам еще надо пройти сотни и сотни километров. Благоразумие...

Ее перебил Бодрьер. Он спросил:

— Да уж так ли нам необходимо упорствовать в продолжении этого путешествия? Нам был предложен вопрос: «Достаточно или недостаточно цивилизованы племена в Петле Нигера для того, чтобы можно было предоставить им политические права?» Мне кажется, мы уже знаем ответ. Опыт нескольких дней и особенно сегодняшнего вечера достаточен.

Атакованный таким образом, Барсак выпрямился и собрался отвечать. Его предупредила мадемуазель Морна.

— Господин Бодрьер не слишком требователен, — сказала она. — Он походит на того англичанина, который заявил, что все французы рыжие, только потому,

что, высадившись в Кале[1], встретил одного рыжего; нельзя судить о целом народе по нескольким злодеям. Да разве мало совершается преступлений в Европе!..

Барсак убежденно согласился. Но язык у него чесался. Он заговорил.

— Совершенно справедливо! — вскричал он. — Но, господа, есть и другая сторона вопроса. Разве допустимо, чтобы мы, представители Республики, едва лишь на пороге большого предприятия, оставили его...

Он хорошо говорит, господин Барсак!

— ...оставили его, обескураженные первыми шагами, как боязливые дети? Нет, господа, тем, кому выпала честь нести знамя Франции, надлежит здраво владеть твердостью и смелостью, которых ничто не сломит. Итак, они по справедливости оценят важность опасностей, к которым идут, и, вполне сознавая эти опасности, они встретят их лицом к лицу, не бледнея. Но эти пионеры цивилизации...

Клянусь небом, вот так речь! И в какое время!

— ...эти пионеры цивилизации должны превыше всего дать доказательства осторожности и не должны поспешно выносить суждение обо всей огромной стране, основываясь на единственном факте, правдивость которого к тому же не доказана. Как превосходно сказал предыдущий оратор...

Предыдущий оратор это была просто-напросто мадемуазель Морна. Он улыбался, этот предыдущий оратор, и, чтобы прервать поток красноречия господина Барсака, поспешил зааплодировать с большим шумом. Мы последовали ее примеру, разумеется, за исключением господина Бодрьера.

— Вопрос разобран, — сказала мадемуазель Морна посреди шума, — и путешествие продолжается. Я повторяю, что благоразумие предписывает нам избегать всякого кровопролития, которое может повлечь возмездие. Если мы будем рассудительны, мы примем за главное правило — продвигаться мирно. Таково, по крайней мере, мнение господина Марсенея.

— О, конечно! Раз уж это мнение господина Марсенея!.. — скрепя сердце одобрил Барсак.

---

[1] *Кале* — французский порт.

— Не принимайте иронического вида, господин Барсак! — молвила мадемуазель Морна. — Лучше разыщите капитана, с которым вы обошлись так невежливо, и протяните ему руку! Ведь мы, быть может, обязаны ему жизнью.

Вспыльчивый господин Барсак — честный, превосходный человек. Он поколебался ровно столько, сколько нужно было, чтобы придать цену своему самопожертвованию, потом направился к капитану Марсенею, кончавшему устанавливать охрану лагеря.

— Капитан, на одно словечко, — позвал он.

— К вашим услугам, господин депутат, — отвечал офицер, вытягиваясь по-военному.

— Капитан, — продолжал Барсак, — мы сейчас оба были неправы, но я больше, чем вы. Я прошу меня извинить. Сделайте честь подать мне руку!

Это было сказано с большим достоинством и без всякого унижения, уверяю вас. Господин Марсеней был сильно взволнован.

— Ах, господин депутат! — воскликнул он. — Это уж слишком! Я все давно забыл!

Они пожали друг другу руки, и я думаю, они теперь лучшие друзья в мире... до новой стычки!

Инцидент Барсак — Марсеней закончился ко всеобщему удовлетворению, и каждый вернулся в свое убежище. Я собирался лечь спать, когда заметил, что Сен-Берена, по обыкновению, не было. Уж не вышел ли он из лагеря, несмотря на приказ?

Не предупреждая компаньонов по путешествию, я отправился на розыски. Мне удалось сразу же встретить его слугу, Тонгане, который сказал:

— Твой искать мусье Аженора? Твой идти тихонько: мы смотреть его исподтишка... Его сильно смешной!

Тонгане привел меня на берег речушки, по нашу сторону от линии часовых, и, скрывшись за баобабом, я в самом деле увидел Сен-Берена. Казалось, он был очень занят и держал в пальцах какое-то животное, которое я не мог разглядеть.

— Там нтори, — шепнул мне Тонгане.

Нтори — это жаба.

Сен-Берен широко открыл пасть животного и старался ввести внутрь стальной прутик, утонченный на концах. К середине прутика была привязана крепкая бечевка, другой конец которой он держал.

Самое странное, что во время этой операции Сен-Берен, не переставая, испускал душераздирающие вздохи. Казалось, он жестоко страдал, и я ничего не понимал. Наконец я нашел разгадку. Сен-Берен в самом деле страдал, но только из-за того, что ему *пришлось* подвергнуть несчастную ютори такому варварскому обращению. В то время как он уступал своей рыболовной страсти, его чувствительность протестовала.

Потом, закинув жабу среди речных трав, он *притаился за* деревом с большой палкой в руке. Мы последовали его примеру.

Нам не пришлось долго ждать. Почти тотчас же показалось странное животное, похожее на огромную ящерицу.

— Твой глядеть, — шептал мне Тонгане, — здоровая гель-тапе!

Гель-тапе?.. Доктор сказал мне на следующий день, что так называют одну из пород игуан.

Гель-тапе проглотила жабу и хотела вернуться в воду. Почувствовав, что ее держит бечевка, она забилась, и стальные острия вонзились ей в мясо. Она была пой-

мана. Сен-Берен подтянул животное к себе, поднял палку...

Что еще сказать? Палка бессильно опустилась, а Сен-Берен застонал... Один, два, три раза палка угрожающе поднималась; один, два, три раза она безобидно опускалась, сопровождаемая жалобным вздохом.

Тонгане потерял терпение. Он выскочил из засады и мощным ударом положил конец нерешительности своего господина и существованию гель-тапе.

Сен-Берен испустил еще один вздох, на этот раз удовлетворенный. Тонгане завладел игуаной.

— Завтра, — сказал он, — кушать гель-тапе. Мой его жарить. Будет много вкусно!

16 декабря мы встали на рассвете. Сначала мы обогнули деревню, где заметили мало обитателей в этот утренний час. Старый басурман Доло Саррон проводил нас взглядом, и мне показалось, что он сделал по нашему адресу угрожающий жест.

В километре оттуда мы пересекли лес из карите, нтаба и банов, о чем нам поведал доктор Шатонней.

— Нтаба, — сказал он, — это фикус огромных размеров. Его листья, шириной от двадцати пяти до тридцати сантиметров, употребляются для крыш. Его плоды, созревающие в июне, состоят из трех-четырех больших бобов, купающихся в сладком соке. Туземцы очень их ценят. Мы, европейцы, предпочитаем плод саба, который напоминает нашу вишню. Бан — это род пальмы, его плод, как видите, походит на сосновую шишку. Его ветви употребляют на крыши для хижин, на большие корзины для переноски грузов, какие есть и в нашем караване. Из его листьев плетут шляпы, скатерти, сумки для провизии. Наконец, из высушенных и расколотых ветвей получаются превосходные факелы. Мы все время освещаемся такими факелами.

Незадолго до девяти часов тропинку пересекла речка, где кишели, как обычно, кайманы [1]. А мы должны были перейти ее вброд. Я тогда заметил, что мы впервые попали в такую передрягу. До сих пор мы находили мосты, или вода была едва по щиколотки нашим животным. А на этот раз перед нами была порядочная речка.

---

[1] *Кайманы* — порода крокодила.

К счастью, ее уровень оказался ниже, чем мы предполагали. Он был всего по грудь нашим лошадям, и они перешли без затруднений.

Но для ослов это было совершенно другое дело. Едва лишь эти животные, впрочем, сильно нагруженные, достигли середины речки, как дружно остановились. Погонщики напрасно старались подогнать их. Они были нечувствительны как к ободряющим крикам, так и к ударам палки.

— Ага! Мой знать! — сказал один из погонщиков. — Их хотеть креститься.

— Да, да! — загалдели его товарищи. — Их ждать креститься.

Каждый из погонщиков, наклонясь, взял в горсть немного воды и вылил на голову животного, к которому был приставлен, произнося при этом непонятные слова.

Господин Тассен объяснил:

— Этот обычай ведется здесь с незапамятных времен. На первом же броде, который попадается на пути, обычай требует крестить ослов. Вы увидите, что теперь, когда обряд выполнен, они пойдут вперед без всяких затруднений.

Однако это было не совсем так.

Было около 30° в тени. Ослам, вероятно, понравилась свежесть воды, и они решили, что ванна будет еще приятнее. После двух-трех радостных прыжков они весело повалились в речку и катались по дну с таким удовольствием, что плохо привязанные грузы начали отрываться.

Пришлось их вытаскивать. Погонщики занялись этим с характеризующей их мудрой медлительностью, так что если бы не солдаты капитана Марсенея, мы лишились бы половины нашей провизии, подарков, товаров для обмена, что было бы невознаградимой потерей.

Когда Барсак выражал нетерпение и дурное настроение в крепких выражениях и вставлял обидные прованс альские [1] словечки по адресу флегматичных погонщиков, к нему приблизился Морилире.

— Мани тигуи (начальник), — сказал он сладко, — твой не кричать.

---

[1] *Прованс* — провинция на юге Франции.

— А пусть меня не сердят! Эти скоты утопят у меня на сто тысяч франков товара!

— Нет хорошо, — продолжал проводник. — Твой надо много терпеть. Тюки падать, негры ссориться, твой не надо кричать. Их много говорить, но неплохие. Потом много хорошо...

Может быть, вас не позабавит то, что я рассказываю, хотя все это правда. Отправившись с экспедицией Барсака, я ожидал, что смогу дать необычайный репортаж, посылать живые рассказы о сказочных приключениях. Таинственная сень девственных лесов, борьба с природой, битвы со свирепыми животными, сражения с бесчисленными полчищами негров — вот что носилось передо мной в мечтах. Мне пришлось разочароваться. Наши леса — это заросли, и мы не сталкиваемся ни с какими природными трудностями. А из животных мы только и видим бегемотов да кайманов, правда, весьма многочисленных; к ним надо прибавить стада антилоп и кое-где несколько слонов. Вместо кровожадных негров мы встречаем только друзей, если не считать старого мошенника Доло Саррона. Вот крайне однообразное путешествие.

Покинув печальной памяти Даухерико, мы сначала взбираемся на склон, потом спускаемся к Багарейе, в долину Тинкиссо. За отсутствием более интересных наблюдений, я замечаю в этот момент, что Чумуки оставил арьергард и идет в компании с Морилире. Значит, он поссорился с Тонгане? Чумуки и Морилире разговаривают как лучшие друзья в мире. Ну что ж? Тем лучше!

Тонгане, кажется, совсем не жалеет о ссоре с товарищем. Идя позади конвоя, он беседует с маленькой Малик и, по-видимому, очень воодушевлен. Начинается идиллия?

После деревушки Багарейя нас снова встретили заросли, все более и более желтеющие с наступлением сухого времени года, потом опять равнина, простирающаяся до самого Канкана, которого мы достигли вчера, 23 декабря, и откуда я посылаю эту статью.

Днем 22-го, в Курусе, мы перешли Джолибу, которую Тассен не считает Нигером. Но в Канкане мы нашли другую, тоже значительную реку, которая направляется к первой и сливается с ней, кажется, в восьмидесяти километрах к северу. Может быть, эта река, назы-

ваемая Мило, и есть настоящий, подлинный Нигер? Тассен с довольно презрительным видом уверяет меня, что это не так, но не объясняет почему. Впрочем, мне все равно.

А приключения? — спросите вы. Неужели в продолжение этих девяти дней ничего не случилось?

Ничего, или почти ничего!

Я могу рассматривать свою записную книжку в лупу, но нахожу там только два факта, заслуживающих, чтобы их отметили. Первый незначителен. А второй... Черт побери, я не знаю, что думать о втором.

Но, впрочем, сначала расскажу о первом.

Три дня спустя после того, как мы оставили Даухерико, мы шли мимо довольно хорошо возделанных полей, — знак того, что приближаемся к деревне. Вдруг туземцы, встречавшиеся нам на дороге, стали выказывать явный страх и пустились в бегство.

— Марфа! Марфа! — кричали они, работая ногами.

«Марфа» означает ружье на языке бамбара. Мы сначала *не поняли* смысла этих восклицаний. Чтобы не пугать негров, капитан Марсеней еще в самом начале путешествия приказал своим людям спрятать ружья в чехлы из бурой кожи, не похожие по форме на оружие. На виду не было ни одного ружья. Откуда же этот ужас негров?

Мы напрасно спрашивали себя, когда услышали металлический грохот, сопровождаемый негодующими воплями Сен-Берена.

— *Мошенники!* — яростно кричал он. — Они бросают камни в мой футляр для удочек. Они погнули его. Подождите! Подождите, негодяи!

С огромным трудом удалось помешать ему преследовать нападающих, и даже понадобилось вмешательство мадемуазель Морна. Негры, видя, как его красивый никелированный футляр сверкает на солнце, приняли его за ствол ружья. Отсюда и их страх.

Чтобы избежать повторения подобных инцидентов, которые могли вовлечь нас в скверное дело, Барсак попросил Сен-Берена спрятать свою блестящую штуку в багаж, на спину осла. Но упрямого рыболова никак не удавалось убедить; он заявил, что ни за какие блага в мире не расстанется с удочками. Сумели добиться лишь

того, что он закутал никелированный футляр в лоскут материи, чтобы скрыть его блеск.

Ну и чудак мой друг Сен-Берен!

Другой случай произошел в Канкане, куда мы прибыли утром 23-го, с запозданием на двенадцать часов по причине нового бегства Морилире: он исчез 22-го, во время второго дневного привала. Пришлось его ждать до следующего утра, когда наш проводник оказался на посту и занялся отправлением каравана, как будто ничего не случилось. На этот раз он уже никак не мог отрицать своего отсутствия. И Морилире не терял времени на бесполезные отнекивания. Он объяснил, что ему пришлось вернуться на место предыдущей стоянки, где он забыл карты капитана Марсенея. Капитан его крепко выругал, и тем дело кончилось.

Я не упомянул бы об этом событии, если бы Сен-Берен не попытался его преувеличить. Мучимый бессонницей в эту ночь, он будто бы видел возвращение нашего проводника и под большим секретом сообщил капитану Марсенею, что Морилире вернулся не с запада, откуда мы пришли, а с востока, то есть со стороны Канкана, куда мы направляемся, и где он не мог искать никаких забытых вещей; следовательно, наш проводник лгал.

Такое сообщение, быть может, заслуживало бы внимания, если бы оно исходило не от Сен-Берена. Но Сен-Берен! Он так рассеян, что легко мог спутать запад с востоком.

Однако возвратимся к теме. Мы бродили по Канкану: мадемуазель Морна, Барсак, Сен-Берен и я под руководством Чумуки и Морилире.

Но я замечаю, что забыл зажечь фонарь и что мне следует начать издалека.

Знайте, что в предыдущие дни Морилире не переставал нам надоедать, расхваливая заслуги некоего предсказателя Кеньелалы, живущего в Канкане.

Если его послушать, этот Кеньелала обладает удивительным «вторым зрением». Морилире несколько раз настаивал, чтобы мы лично в этом убедились. Бесполезно говорить, что все мы, не сговариваясь, отправляли его прогуляться подальше. Мы не для того приехали в сердце Африки, чтобы обращаться к ясновидцам, пусть даже самым выдающимся.

И вот, когда мы гуляли по Канкану, Морилире и Чумуки останавливаются в двух шагах от хижины, не представлявшей ничего особенного. По случайности, которая, по-видимому, была подстроена, мы оказались перед жилищем знаменитого Кеньелалы. Они снова советуют нам посетить его, мы снова отказываемся. Но они не желают признать свое поражение и непоколебимо возобновляют хвалы почтенному колдуну.

Зачем нужно Морилире и его товарищу Чумуки, чтобы мы пошли к их Кеньелале? Неужели нравы этой страны настолько «просветились», что наши два бездельника получат комиссионные от их феномена?[1] Быть может, они наняты им привлекать клиентов, как венецианские гондольеры заманивают туристов к фабрикантам хрусталя и кружев? Вот довод в пользу господина Барсака!

Два сообщника не унимаются. Они так настаивают, что мы, наконец, уступаем, чтобы только ублаготворить их. Доставим им это удовольствие, и если они заработают несколько монеток, тем лучше для них.

Мы входим в отвратительную, грязную хижину, куда совсем не проникает свет. Кеньелала стоит посреди своего жилища. После того как он пять минут бил себя в грудь и повторял «ини-тили», что означает «добрый день», он садится на циновку и приглашает нас последовать его примеру.

Он берет горсть мелкого песку, с помощью маленькой метелки рассыпает его веером. Потом выпрашивает у нас дюжину орехов кола, наполовину красных, наполовину белых, и, бормоча непонятные слова, быстро раскладывает их на песке в виде различных фигур — кругов, квадратов, ромбов, прямоугольников, треугольников, и делает над ними странные знаки, как бы благословляя их. Наконец, он заботливо собирает орехи и протягивает грязную руку, в которую мы кладем плату за предсказание.

Теперь нам остается только спрашивать. Он вдохновился. Он будет говорить.

Мы должны предложить ему по очереди несколько вопросов, он без промедления будет отвечать. Когда мы кончаем спрашивать, он говорит, в свою очередь, очень живо и быстро, как человек, знающий свое дело. Они

[1] *Феномен* — непонятное, необычайное явление.

невеселы, предсказания нашего мага! Если мы им поверим, — чего, к счастью, не случится, — мы выйдем из его заведения, полные забот и беспокойства.

Он начинает с меня; я спрашиваю о судьбе того, что для меня всего дороже на свете, — о моих статьях, которые я вам посылаю.

— Скоро, — говорит он мне по-арабски, — никто не будет получать от тебя известий.

Вот так удача! Но волшебник говорит: «Скоро». Значит, за это письмо я могу быть спокоен.

Кеньелала переходит к Сен-Берену.

— Ты получишь, — предсказывает он ему, — рану, которая помешает тебе сидеть.

Я думаю о крючках. Он опоздал, старый шут. Он блуждает в прошлом, потемки которого ему, без сомнения, осветили Морилире и Чумуки.

Теперь очередь мадемуазель Морна.

— Тебя поразит удар в сердце, — произносит Кеньелала.

Ну, ну! Не глупо! Заметьте, он не уточнил, будет ли рана физической или моральной. Я склоняюсь ко второму предположению и подозреваю, что наши два проводника не без греха и тут. Мадемуазель Морна, очевидно, поняла пророка, как и я, потому что она краснеет. Держу пари, что она думает о капитане Марсенее.

Но наш волшебник умолкает, потом смотрит на Барсака с угрожающим видом. Ясно, что нам предстоит самое важное предсказание. Он пророчит:

— За Сикасо я вижу белых. Для вас это — рабство или смерть.

Он очень весел, этот дед.

— Белых? — повторяет мадемуазель Морна.—Вы хотите сказать: черных?

— Я говорю: белых, — торжественно подтверждает Кеньелала, который симулирует вдохновение самым забавным образом. — Не переходите за Сикасо. Иначе — рабство или смерть.

Разумеется, мы принимаем предупреждение иронически. Кого этот гадатель хочет уверить, что на французской земле есть достаточно многочисленная группа белых, которая может быть опасной для такой значительной колонны, как наша?

За обедом мы все, не исключая боязливого Бодрьера, много смеялись над этой историей, а потом больше о ней не думали.

Но я думал, и думал очень серьезно. В конце концов, ложась спать, я пришел к заключению, что... что... Да вот, судите сами.

Запишем сначала условия задачи.

Существуют два с половиной факта.

Половина факта — это отсутствие Морилире в Тимбо и на последней остановке, перед Канканом.

Два факта — предполагаемое отравление ядом «дунг-коно» и зловещие предсказания черного колдуна.

Установив это, будем рассуждать.

Факт первый. Мыслимо ли, чтобы старшина ничтожной деревушки задумал бессмысленный проект атаковать экспедицию, охраняемую двумястами сабель, и это в Сенегамбии, давно уже занятой нашими войсками, в тридцати пяти километрах от Тимбо, где находится значительный французский гарнизон? Нет, это невероятно. Наоборот, это недопустимо, абсолютно недопустимо.

Факт второй. Мыслимо ли, чтобы старый негр, глупый и невежественный, обладал властью читать в будущем? У него нет такой власти, в этом я совершенно убежден.

Случай с «дунг-коно» достоверен; по меньшей мере, раз мною доказано, что такой проект не мог быть задуман всерьез, его организовали так, чтобы заставить нас поверить в его реальность.

Верно и то, что Кеньелала, предоставленный самому себе и говорящий наугад, сказал бы нам все, что угодно; однако он упрямо предсказывал нам рабство или смерть за Сикасо.

Заключение: нас хотят напугать.

Кто? Почему? — спросите вы.

Кто? — Этого я не знаю.

Почему? — Чтобы заставить нас отказаться от путешествия. Мы кого-то стесняем, и этот кто-то не хочет, чтобы мы перешли Сикасо. Теперь о полуфакте Морилире: или он не означает ничего, или, если Сен-Берен не проявил обычной рассеянности, Морилире — сообщник тех, кто пытается остановить наше путешествие. Его настойчивое желание заставить нас побывать у Кеньелалы

очень подозрительно, и можно думать, что его подкупили. Надо выяснить этот пункт.

Таковы мои заключения. Будущее покажет, основательны они или нет. Поживем — увидим.

Амедей Флоранс.

В зарослях, день пути от Канкана. 26 декабря. Я добавляю эти строчки к моему позавчерашнему письму, которое Чумуки обязался вам препроводить.

То, что случилось этой ночью, необыкновенно.

Мы покинули Канкан вчера утром, 25 декабря, и после двух больших переходов, сделав в общем около тридцати километров, расположились лагерем в открытом поле. Местность мало населена. Последняя деревня Дьянгана осталась в двадцати километрах позади, и пятьдесят километров отделяют нас от ближайшего поселения Сикоро.

В обычный час лагерь спал. Среди ночи мы были внезапно разбужены странным шумом, которого никто из нас не мог объяснить. Это было как бы чудовищное гуденье, похожее на гул паровой машины или, точнее, на жужжанье насекомых, но насекомых гигантских, величиной со слона. По объяснению часовых, необычайный шум донесся с запада. Сначала очень слабый, он постепенно усиливался. В момент, когда мы выскочили из палаток, он достиг наибольшей силы. Страннее всего, что он доносился до нас сверху, с воздуха, с неба. Причина этого шума находилась над нами. Но какова она была?

Мы напрасно таращим глаза. Невозможно ничего увидеть: густые тучи скрывают луну, и ночь черна, как чернила.

Пока мы бесполезно пытаемся просверлить глазами потемки, гуденье удаляется к востоку, уменьшается, замирает... Но, прежде чем оно окончательно замерло, мы слышим другое, которое к нам доносится с запада. Как и первое, это гуденье увеличивается, достигает максимума, постепенно уменьшается и удаляется на восток.

Лагерь поражен ужасом. Носильщики лежат лицом к земле. Мы все собираемся около капитана Марсенея. Здесь также Чумуки и Тонгане; пожив около белых, они

приобрели некоторую силу духа. Напротив, Морилире я не вижу. Без сомнения, он лежит где-нибудь на брюхе и дрожит от страха...

Пять раз рождается ужасающий гул, увеличивается и угасает. Потом ночь возобновляет свое обычное спокойствие и кончается мирно.

Утром, это другое дело: когда начали строить колонну, испуганные негры упрямо отказываются идти. Капитан Марсеней в конце концов урезонивает их, и мы трогаемся в путь с трехчасовым запозданием.

Чудесное событие этой ночи, естественно, занимает всех, но никто не может его объяснить. Мало-помалу начинают говорить о другом. Прошли около двух километров от оставленного лагеря, как вдруг капитан Марсеней, который едет впереди, замечает, что почва изрыта колеями, длиной около полсотни метров, направленными с запада на восток. Эти колеи, глубиной около десяти сантиметров на западной стороне, постепенно сглаживаются к востоку. Их десять, расположенных пятью группами, по две колеи в каждой.

Имеют ли они какое-нибудь отношение к шуму этой ночи? Сначала пытаемся ответить: нет.

И, однако, у них направление с запада на восток; они соответствуют в числе: пять пар колей, пять последовательных гулов...

Итак?

Итак, я не знаю.

Амедей Флоранс.

В СИКАСО

Экспедиция Барсака достигла Сикасо 12 января. В шесть недель, делая в среднем по двадцать пять километров в день, она прошла 1 100 километров, отделяющих от берега эту старинную столицу Кенедугу, сделавшуюся впоследствии последней крепостью Самори.

«Экспансьон Франсез» перестала получать статьи Амедея Флоранса после третьей, отправленной через два дня после оставления Канкана, и мы не имели бы никаких сведений о путешествии, если бы не записная книжка, в которую искусный репортер ежедневно вносил свои

заметки и наблюдения. Автор настоящего рассказа имеет ее перед глазами и будет делать из нее, в случае надобности, обширные заимствования.

От Канкана до Сикасо путешествие прошло монотонно, неинтересно. Помимо нескольких шуток насчет рассеянности Сен-Берена и подробного описания незначительных случаев, о которых читатель уже имеет достаточное понятие, Амедей Флоранс ограничивался описанием пути. До Тиолы местность была ровная, а начиная с этого городка сделалась гористой. Репортер коротко отметил, что Чумуки, избегая компании своего товарища Тонгане, по-видимому, заключил союз с главным проводником Морилире. Он, впрочем, не рассуждал по этому поводу, да и, в самом деле, вопрос о взаимоотношениях между этими тремя неграми не был настолько важным, чтобы занимать его внимание.

По молчанию Амедея Флоранса следовало заключить, что ничего существенного не случилось. Это означало, что ни одно из предсказаний Кеньелалы не начало исполняться ни в малейшей мере, как и следовало ожидать. Амедей Флоранс продолжал составлять свои письма и вручать Чумуки, который гарантировал их аккуратную доставку в Европу; и если, по той или иной причине, это обещание не выполнялось, репортер об этом не знал. Сен-Берен продолжал гарцевать на лошади. Жанна Морна, — мы оставляем ей псевдоним, который она выбрала, — не получила еще никакой раны в сердце, по крайней мере никакой физической раны. А насчет моральной раны, напротив, выходило, что третье предсказание было ближе всех к выполнению, если принимать его в переносном смысле, как думал Амедей Флоранс. В самом деле, он посвятил две одобрительных строчки все более интимной дружбе между Жанной Морна и капитаном Марсенеем и о растущем удовлетворении, которое молодые люди в ней находили.

Что же касается четвертого предсказания, самого серьезного и самого мрачного, ничто, абсолютно ничто не указывало, что какой-нибудь факт может его подтвердить. Экспедиция не была ни уничтожена, ни захвачена в рабство и спокойно продвигалась под охраной двухсот сабель капитана Марсенея. Ее верховые и вьючные животные были в добром здоровье, багаж в хорошем со-

стоянии и при переправах через реки подмокал лишь в малой степени, неизбежной при услугах негров.

И в самом деле, рассуждения Амедея Флоранса в конце статьи, отправленной из Канкана, выражавшие его мысли в то время, когда он писал, не оправдались последующими событиями. Никто не устраивал действительных или мнимых покушений на колонну, и никакой другой Кеньелала не встретился на пути, чтобы изрекать угрожающие пророчества. Если даже Амедей Флоранс открыл истину и где-то существовал кто-то, строивший абсурдные планы запугать экспедицию и заставить ее вернуться, то, вероятно, он от них отказался.

Вдобавок, сам Амедей Флоранс не имел ясного мнения по этому вопросу на пути в Сикасо. Факты, на которых основывались его рассуждения: более или менее правдоподобная попытка отравить экспедицию ядом «дунг-коно» и зловещие предсказания колдуна-негра, устарели.

Хотя еще не прибыли в Сикасо, а предсказанная опасность начиналась только после этой древней столицы, репортер успокаивался со дня на день: настолько ему казалось абсурдным утверждение, что эти безобидные негры, которые время от времени попадались на дороге, рискнут напасть на такой крупный отряд регулярных солдат. Подобным происшествиям не было примера, и только такой тиран, как Самори, силой принуждал эти несозревшие племена воевать.

И все-таки Амедей Флоранс, быть может, чересчур успокоился, полагаясь только на солдат капитана Марсенея, так как в Сикасо воинская сила должна была уменьшиться наполовину.

В Сикасо, если не забыл читатель, экспедиция Барсака должна была разделиться. Одна часть, под начальством самого Барсака, достигнув Нигера, через Уагадугу, столицу Мосси, возьмет путь к югу и вернется к океану через Бургу и Дагомею. Вторая, под управлением Бодрьера, сразу спустится на юг и направится почти по прямой линии на Гран-Бассам. Разумеется, каждая из частей экспедиции имела право на одинаковую защиту, одинаковый эскорт, сведенный, таким образом, до сотни людей в том и другом отряде.

В тот момент, как экспедиция в полном своем составе

прибыла в Сикасо, прошло не очень много времени с тех пор, когда эта крепость Самори, взятая штурмом в начале 1898 года войсками полковника Одеу, стала принадлежать Франции. В окрестностях Сикасо страна еще чувствовала следы беспрестанных грабежей, которым подвергал ее тот пагубный торговец невольниками, которого мы украсили, неизвестно почему, пышным именем д'Альмани. Повсюду встречались только сожженные или опустошенные деревни — доказательства перенесенных несчастий.

Город Сикасо, — если только позволительно применить это выражение к черному поселению, — находится почти в таком же состоянии, как застал его полковник Одеу. Это — скопление нескольких деревушек, разделяемых возделанными полями; их объединяет ограда, как принято в этих краях, «тата», которая в Сикасо достигает не менее шести метров высоты и восьми метров толщины у основания.

Внутри «тата» французская администрация занималась только самыми неотложными делами и, не считая работ по очистке, воздвигла лишь необходимые сооружения, где помещался гарнизон.

Этот гарнизон составляли в то время три роты: одна колониальной пехоты и две — сенегальских стрелков под начальством французских офицеров и сержантов. Можно себе представить, с какой радостью встретили экспедицию Барсака молодые офицеры, так давно оторванные от себе подобных! Особенно велика была радость, когда во главе колонны увидели капитана Марсенея, который нашел на этом отдаленном посту несколько лучших своих друзей; эта радость дошла до предела, когда в составе экспедиции обнаружили белую женщину.

Знатным посетителям оказали торжественный прием. Развевающиеся по ветру знамена, звуки труб, бой барабанов, триумфальные арки из листвы, восклицания негров, искусно сведенных в толпы, — все было, и даже речь Барсака!

Вечером офицеры устроили торжественный пунш, где царило самое непринужденное веселье. На празднике председательствовала Жанна Морна. Можно себе представить, какой успех она имела! Ее окружили, вокруг нее теснились. Вся эта горячая молодежь радостно сорев-

новалась из-за прекрасных глаз соотечественницы, которая принесла в их изгнание луч солнца.

Но Жанну Морна не опьянил успех. Среди всех почестей легче всего находили дорогу к ее сердцу те, которые оказывал ей капитан Марсеней, а он на них не скупился.

Это предпочтение, которое она проявляла, даже не замечая, было таким невинным, и о нем знали все. Товарищи капитана Марсенея, как истые французы, деликатно и постепенно потушили свой пыл, и один за другим обращались к счастливому капитану со скромными поздравлениями, от которых тот напрасно пытался уклониться.

Марсеней опускал глаза, отнекивался, уверял, что он не понимает их речей. Напротив, он-то их хорошо понимал и утопал в блаженстве.

Так любовь, которую питали друг к другу Жанна Морна и Марсеней, явилась откровением для них самих.

На следующий день начали заниматься вопросом о том, как разделить экспедицию, и внезапно столкнулись с непредвиденными трудностями.

Относительно европейцев дело было просто. С Бодрьером отправлялись Эйрье и Кирье — согласно полученным ими инструкциям — и Тассен — по своему личному вкусу. К Барсаку присоединились Понсен и доктор Шатонней. К ним же примкнул и Амедей Флоранс, так как более длинный путь этой части экспедиции обещал дать обширный репортерский материал.

Капитан Марсеней имел приказ: откомандировать в конвой Бодрьера сто своих людей под командой лейтенанта из гарнизона Сикасо, самому же с другой сотней присоединиться к Барсаку. Приученный к дисциплине, он был очень смущен и с тоскою спрашивал себя, к какой части присоединятся Жанна Морна и Сен-Берен.

Какой вздох облегчения, когда молодая девушка объявила, что она сопровождает Барсака! И какой вздох разочарования последовал за первым, когда Жанна прибавила, что она и Сен-Берен ненадолго останутся с почтенным депутатом Юга и намерены покинуть его через несколько переходов, чтобы продолжать собственные исследования севернее.

Среди офицеров поднялся всеобщий шум возмущения. Не было ни одного, кто не порицал бы девушку за такой

неблагоразумный проект. Как! Одна, без эскорта она рискует углубляться в эти почти неизведанные области, куда не проникала даже французская армия? Ей доказывали, что такое путешествие невыполнимо, что она рискует жизнью, в лучшем же случае старшины деревень не позволят ей пройти.

Ничто не помогало. Жанна Морна оставалась непоколебимой, и даже капитан Марсеней не мог на нее повлиять.

— Вы теряете время, — смеясь заявила она. — Вы лишь застращаете дядюшку, который выкатывает вон там испуганные глаза.

— Я?! — запротестовал Аженор, захваченный врасплох.

— Да, вы! — подтвердила Жанна Морна. — Вы умираете от страха, это видно. Значит, на вас повлияли все эти предсказатели несчастья?

— На меня?! — снова повторил бедный Сен-Берен.

— Чего вы боитесь, племянник? — спросила Жанна с величавым видом. — Ведь я буду с вами!

— Но я не боюсь! — возражал Сен-Берен, разъяренный тем, что к нему были привлечены все взгляды.

Жанна Морна обратилась к собеседникам.

— Я покинула Европу с целью пересечь Хомбори и достигнуть Нигера в вершине петли у Гао. Я пересеку Хомбори и достигну Гао.

— А туареги ауэлиммидены, которые занимают в этой области оба берега Нигера?

— Я смеюсь над туарегами, — ответила Жанна Морна, — я пройду среди них.

— Но почему Гао, а не какой-либо иной пункт? Какая могущественная причина заставляет вас направиться именно туда, раз вы путешествуете для удовольствия?

— Мой каприз! — ответила Жанна Морна.

Раздались аплодисменты. Офицеры нашли, что ответ вполне во французском духе.

— Это, в самом деле, могущественный мотив, — провозгласил комендант Вергез. — Каприз хорошенькой женщины это ultima ratio[1], и мы не будем спорить.

---

[1] *Ultima ratio (лат.)* — высший довод.

Когда закончилось распределение официального и полуофициального персонала экспедиции, оставалось распределить низший, что казалось легким.

Десять ослов, пять погонщиков и десять носильщиков, принадлежавших Жанне Морна и Сен-Берену, естественно, следовали за теми, кто их нанял. Остальных погонщиков, носильщиков и вьючных животных разделили на две неравные группы: более многочисленная должна присоединиться к той из двух экспедиций, которой предстоит более долгий путь, то есть к экспедиции Барсака, и у нее же должен был остаться проводник Морилире. Все без возражений с этим согласились.

Но когда дошло до осуществления этой комбинации, начались затруднения.

При первых же словах, сказанных на этот счет, Морилире заявил решительный отказ, и его не могли образумить никакие доводы. По его словам, он нанимался только до Сикасо, и ничто в мире не заставит его идти дальше. Напрасно настаивали; напрасно употребляли всякие средства, включая запугивание, от Морилире только удалось добиться согласия сопровождать экспедицию Бодрьера. А убедить упрямого негра идти на восток с Барсаком оказалось невозможным.

Вдобавок ко всему этому появились такие же затруднения с погонщиками и носильщиками; за исключением нанятых Жанной Морна и ее племянником, они единодушно отказались идти дальше Сикасо. Просьбы, обещания, угрозы — все было бесполезно. Точно столкнулись со стеной; пришлось отказаться от мысли переспорить их.

Стали искать нового проводника и других слуг. Не стоило большого труда набрать слуг, но несколько дней прошло, прежде чем нашли проводника-туземца, внушающего некоторое доверие. Это был негр лет 35—40 по имени Бала Конере, уроженец Ньелы, из поселка Фоллона, расположенного на пути экспедиции Бодрьера, но знакомого с некоторыми местностями в Мосси. Этот Бала Конере был нанят.

И сейчас же резкая перемена с Морилире. Равнодушно, даже насмешливо наблюдавший бесплодные поиски своих начальников, он сразу изменил позицию, как только поиски увенчались успехом. Он смиренно просил у Барсака прощения за упрямство, объясняя его

страхом, и предложил сопровождать экспедицию до Уагадугу и Дагомеи, как и нанимался. Сразу исчезло и сопротивление погонщиков и носильщиков, объявивших, что они готовы следовать за своим проводником, куда бы он их ни повел.

Это внезапное единодушие с очевидностью показало, что Морилире был единственным виновником неожиданной стачки, и на мгновение явилась мысль отклонить его запоздалые предложения. Но было выгодно воспользоваться услугами испытанного персонала и проводника, уроженца страны, которую нужно было пересечь, поэтому на проделки Морилире закрыли глаза.

Решили, что Бала Конере поступит к Бодрьеру с меньшей частью прежнего персонала, к которому присоединят несколько новых носильщиков, а за Барсаком остается Морилире и большая часть старых погонщиков и носильщиков.

Все эти колебания и перемены потребовали значительного времени. Войдя в Сикасо 12 января, Бодрьер и Барсак могли его покинуть только 21-го.

В этот день, на рассвете, роты снова выстроились под оружием; они выровняли ряды под командованием своих офицеров в парадной форме. Снова развевались по ветру знамена, снова гремели трубы. Экспедиция Барсака первой, экспедиция Бодрьера второй прошли среди двух рядов солдат. Колонна тронулась за ними и проводила до ограды.

Там, за «тата», обменялись приветствиями. Офицеры гарнизона высказывали пожелания счастливого путешествия, а Барсак и Бодрьер не без живого волнения пожали друг другу руки. Пока отряд возвращался в свои казармы, два каравана тронулись в путь, каждый в свою сторону. Бодрьер со своим эскортом удалился в направлении к югу. Барсак, Понсен, доктор Шатонней, Амедей Флоранс, Жанна Морна и Сен-Берен, окруженные сотней всадников под командой капитана Марсенея, повернули налево и исчезли на востоке.

Но этим почти одинаковым колоннам была предназначена совершенно различная судьба. Если первой не предстояло встретить на своем пути никакой опасности, никакой серьезной трудности, не так получилось со второй. Бодрьер мирно выполнил свое назначение, без труда

собрал все данные для отчета, которого ждала от него Палата депутатов, и, наконец, прибыл в Гран-Бассам почти в намеченный срок. Зато судьба захотела, чтобы с Барсаком и его друзьями случились события самые необыкновенные и ужасные, какие только можно вообразить.

И вот почему, пренебрегая мелкими событиями, отметившими спокойный путь Бодрьера, этот рассказ отныне прикован исключительно к той части экспедиции, которая удаляется на восток и под предводительством проводника Морилире все дальше уходит в глубь черной страны.

МОРИЛИРЕ

(Из записной книжки Амедея Флоранса)

22 января. Прошло два дня, как мы покинули Сикасо, а у меня впечатление, что дела идут неладно. Я повторяю, это только впечатление, но мне кажется, что настроение у наших слуг хуже, что погонщики проявляют еще меньше усердия и сильнее замедляют шаг ослов, если только это возможно, и что носильщики утомляются быстрее и требуют более частых остановок. Быть может, это моя фантазия, и я нахожусь под влиянием предсказаний Кеньелалы из Канкана. Нет ничего невероятного в том, что эти почти забытые предсказания приобрели некоторый вес с тех пор, как мы покинули Сикасо и наш конвой уменьшился наполовину.

Боюсь ли я? Почему бы и нет! Или, скорее, если я и боюсь, то только того, что глупец Кеньелала не одарен «вторым зрением», а просто бестолково повторял свой урок. Чего я хочу? Приключений, приключений и еще раз приключений, которые я превратил бы в хороший отчет. Да, я жду настоящих приключений.

23 января. Я продолжаю настаивать, что мы ползем, как караван черепах. Правда, природа местности не способствует быстрому продвижению. Только подъемы да спуски. И все же скверные намерения наших негров мне кажутся несомненными.

24 января. Что я говорил? Вечером мы прибыли в Кафеле. Мы сделали в четыре дня пятьдесят километ-

ров. Двенадцать километров в день — это неплохо как рекорд.

31 января. Ну! Он побит, этот рекорд! Мы употребили шесть дней, чтобы пройти следующие пятьдесят километров. Итого: сто километров в десять дней! И вот мы в маленькой деревушке Кокоро. Прошу вас поверить, что я не нанял бы там дачу — провести лето на берегу моря. Какая дыра! Оставив три дня назад деревню Нгана — кой черт выдумывает эти имена?! — и преодолев последний достаточно крутой подъем, мы спустились в долину, по которой сейчас идем. Горы на западе, севере и юге. Перед нами, на востоке, равнина.

К довершению несчастья, мы задержались на некоторое время в Кокоро. Это не потому, что мы были там пленниками; наоборот, старшина деревни, некий Пинтье-Ба, — наш сердечный друг. Но...

Но я чувствую, что литературные правила требуют начинать с самого скучного. Поэтому я быстро набросаю несколько этнографических заметок, прежде чем продолжать мой рассказ.

В Кокоро начинается страна бобо. Название скорее смешное, но жители не так смешны: настоящие скоты.

Несколько слов об этих скотах.

Мужчины, в большинстве достаточно хорошо сложенные, совершенно нагие. Старики носят вокруг бедер повязку, называемую «била». Старухи заменяют «била» пучком листьев внизу живота: это кокетливее. Некоторые молодые люди, законодатели мод, используют «била», украшая ее позади хвостом из бумажной материи, собранной на конце пучком. Это последний крик моды! Добавьте к этому простому одеянию ожерелье из трех рядов раковин, подвязки под коленями, пальмовый лист вокруг лодыжки, железные серьги и костяную или тростниковую стрелу, протыкающую нос: вот вам тип щеголя у бобо.

Женщины отвратительны с их слишком большими бюстами и чересчур короткими ногами, с выдающимся, заостренным животом, с их толстой нижней губой, проколотой костью или пучком листьев толщиной со свечку. Надо видеть это!

Их оружие — копья и несколько кремневых ружей,

Кое-кто носит кнутики, к концу которых подвешены священные амулеты [1].

Эти молодчики не очень разборчивы насчет пищи. Они без всякого отвращения едят полуразложившуюся падаль. Пффф!.. Их умственное развитие соответствует всему этому. Можно судить о нем по тому, как они нас встретили.

Этот искусный литературный переход возвращает меня к нити моего рассказа.

Сцена в Кокоро, вчера, 30 января. Ночь.

Подходя к деревне, мы сталкиваемся с завывающей толпой негров. Мы их насчитали при свете факелов по меньшей мере восемьсот; кажется, они настроены совсем не дружественно. Мы в первый раз встречаем такой прием и потому останавливаемся немного удивленные.

Удивленные, но не слишком обеспокоенные. Все эти парни могут сколько угодно размахивать оружием; нам ясно, что один ружейный залп начисто выметет весь этот превосходный народ.

Капитан Марсеней отдает приказ. Его люди расстегивают футляры, но не вытаскивают из них ружей. Капитан выжидает. Стрелять в своего ближнего всегда серьезная штука, даже если этот ближний — бобо. Оружие остается немым, и, кажется, оно не заговорит.

Так обстоит дело, когда лошадь Сен-Берена, испуганная криками, становится на дыбы. Выбитый из седла Сен-Берен летит вниз головой и падает прямо в кучу негров. Они испускают свирепые завывания и устремляются на нашего несчастного друга, когда...

...когда мадемуазель Морна погоняет свою лошадь и во весь опор мчится на толпу. Тотчас же внимание отвлекается от Сен-Берена. Смелую наездницу окружают. Двадцать копий направляются на нее...

— Манто! — кричит она нападающим. — Нте а бе суба! (Молчание! Я волшебница!)

При этих словах она вытаскивает электрический фонарь, который, к счастью, при ней находился, и зажигает его, потом тушит и снова зажигает, чтобы показать, что она по своей воле распоряжается лучами света. При виде

[1] *Амулет* — маленький предмет, будто бы предохраняющий от болезни, ран, «дурного глаза» и т. д.

этого завывания умолкают, и вокруг нее образуется почтительный круг, на середину которого выходит уже упомянутый Пинтье-Ба. Он хочет держать речь: это болезнь всех правителей на земле. Но мадемуазель Морна призывает его к молчанию. Она спешит на помощь Сен-Берену, который не шевелится после падения и, очевидно, ранен.

По заключению доктора Шатоннея, который проник в круг с таким же спокойствием, как входит к пациенту, Сен-Берен действительно ранен. Он покрыт кровью. Он упал так неудачно, что острый камень нанес ему широкую рану пониже поясницы. В этот момент я думаю, что одно из предсказаний Кеньелалы исполнилось. Это подает мне надежду на исполнение остальных, но по моей спине пробегает холодок, когда я думаю о судьбе моих статей.

Доктор Шатонней берет чемодан с инструментами, промывает и перевязывает рану, в то время как негры созерцают его в глубоком изумлении.

Пока длится операция, мадемуазель Морна, остающаяся на лошади, разрешает Пинтье-Ба говорить. Он приближается и спрашивает на языке бамбара, почему тубаб (тубаб — это Сен-Берен) атаковал их с ружьем. Мадемуазель Морна отрицает это. Старшина настаивает, показывая на футляр с удочками, который Сен-Берен носит на перевязи. Ему объясняют истину. Напрасный труд. Чтобы его убедить, приходится стянуть покрышку, открыть футляр, сверкающий при свете факелов, и показать удочки.

Глаза Пинтье-Ба блестят жадностью. Его руки протягиваются к блестящему предмету. Как избалованный ребенок, он его просит, он хочет, он требует. Сен-Берен гневно отказывает.

Напрасно мадемуазель Морна настаивает, желая укрепить только что установленный мир. Наконец, она сердится.

— Племянник! — говорит она сурово и направляет на упрямого рыболова электрический фонарь.

Сен-Берен немедленно уступает и передает футляр от удочек Пинтье-Ба, который приписывает свой успех магической силе электрического фонаря и влиянию волшебницы. Завладев сокровищем, бездельник безумствует. Он отплясывает дьявольский танец, потом по его знаку все оружие исчезает, и Пинтье-Ба приглашает нас в деревню, где мы можем жить сколько угодно.

Старшина держит речь, в которой, как кажется, приказывает устроить завтра «там-там» в нашу честь.

Ввиду мирного настроения бобо капитан Марсеней не видит никакого неудобства в том, что мы примем их приглашение. На следующий день, то есть сегодня, после полудня, мы нанесли визит нашим новым друзьям, тогда как наш конвой и черный персонал оставались снаружи, за «тата».

Ах, дорогие мои друзья, что мы увидели! О вкусах не спорят, но что касается меня, я предпочитаю Елисейские поля! [1]

Мы направились прямо во «дворец» дугутигуи [2]. Это скопление хижин, расположенных посреди деревни, возле центральной кучи нечистот, отвратительно пахнущих. Хижины, построенные из битой глины, снаружи окрашены разведенной в воде золой. Ну, а уж внутри! Двор — трясина, где бродят быки и бараны. Вокруг — жилые помещения, больше похожие на пещеры, так как, чтобы туда проникнуть, нужно спускаться. Но лучше не пробовать! Оттуда поднимается хватающий за горло отвратительный запах, и еще приходится сталкиваться с козами, курами и другими обитателями птичьего двора, которые там свободно гуляют.

---

[1] *Елисейские поля* — одна из лучших улиц Парижа.

[2] *Дугутигуи* — старшина.

После описания «дворца» легко себе представить, как выглядят жилища простых граждан. Это—логовища, где кишат крысы, ящерицы, тысяченожки и тараканы, среди всевозможных нечистот, испускающих удушливый запах.

Очаровательные пристанища!

Во «дворце» нам был устроен официальный «прием». Он состоял в том, что мы преподнесли Пинтье-Ба подарки, впрочем, не имеющие никакой цены: куски дешевой материи, висячие замки без ключей, старые кремневые пистолеты, нитки, иголки.

Буквально очарованный этими великолепными подарками, дугутигуи дал сигнал начинать «там-там».

Сначала музыканты прошли по деревне, играя кто на бодото — трубе из рога антилопы, кто на бурсие (тоже труба из слонового клыка), а кто на табале, что означает по-французски барабан. Два человека несли эту табалу, а третий колотил по ней дубинкой, название которой «табала калама». По этому случаю капитан Бингер справедливо замечает, что слово «калама», по-видимому, происходит от слова «каламус» [1] и что, следовательно, «табала калама» буквально означает: «перо, чтобы писать на барабане».

При звуках этих разнообразных инструментов бобо собираются на площади, и праздник начинается.

Появляется суданский полишинель[2], мокко миссе ку, и пляшет с гримасами и ужимками. Он одет в трико из красной материи и колпак, украшенный коровьими хвостами, с которого ниспадает лоскуток, закрывающий его лицо. Он носит на перевязи мешок, наполненный гремящими железками; каждое его движение заставляет бренчать бубенчики и погремушки, прикрепленные к его лодыжкам и запястьям. Концами коровьих хвостов он щекочет лица зрителей.

Когда он окончил свои выходки, которые, казалось, очень позабавили Пинтье-Ба и его приближенных, эти последние, по знаку вождя, испустили рычанье диких зверей, что, по моему мнению, изображало единодушные аплодисменты.

---

[1] *Calamus* (*лат.*) означает камыш, тростник; впоследствии стало означать перо.

[2] *Полишинель* — петрушка, клоун.

Когда водворилась тишина, Пинтье-Ба приказал принести зонт, украшенный раковинами и амулетами, и не потому, что он в нем нуждался, но потому, что у дугутигуи будет недостаточно важности, если над его головой не будет широко раскрыт зонт — символ его власти.

Тотчас же начались танцы. Мужчины, женщины и дети образовали круг, колдуны ударили по своим табала, и две танцовщицы расположились на противоположных сторонах площади. После трех быстрых пируэтов они устремились навстречу друг другу, но не лицом, а спинами, и, сошедшись, оттолкнулись изо всей силы.

За этими двумя танцовщицами последовали другие, и, наконец, все присутствующие, испуская дикие крики, начали бешеную кадриль, перед которой наши самые вольные танцы кажутся очень вялыми и скромными.

Танцы закончились процессией. Бобо маршировали перед Пинтье-Ба, распевая хором в сопровождении оглушительного шума табала, труб и тростниковых дудок, резкие звуки которых раздирали уши.

Наступил час обеда, и началась кровавая оргия.

На площадь принесли дюжину баранов, заколотых в хижинах. От дерева до дерева туземцы натянули длинные веревки и окружили ими квадрат, посредине которого женщины нагромоздили сухих сучьев. Потом, вооружившись ножами, негры ободрали животных и разрезали на куски, а женщины подвесили куски к веревкам; в то же время был зажжен костер.

Когда баранина достаточно зажарилась, Пинтье-Ба подал знак; негры бросились на мясо, расхватали его и начали рвать зубами. Зрелище было отвратительное.

— Это людоеды! — вскричала мадемуазель Морна, вся бледная.

— Увы, да, мое дорогое дитя! — ответил доктор Шатонней. — Но еда — единственное удовольствие этих бедняг, у которых всегдашнее страдание — голод.

Чувствуя отвращение, мы не замедлили возвратиться в свои палатки, а у негров праздник продолжался допоздна; почти всю ночь мы слышали доносившиеся до нас крики.

2 февраля. Мы все еще в Кокоро, где нас задерживает рана Сен-Берена. Дядя-племянник (я решительно называю его так) не может держаться на лошади.

3 февраля. Все еще Кокоро! Весело!

4 февраля, 6 часов утра. Наконец, отправляемся.

В тот же день, вечером. Фальшивый выход. Мы еще в Кокоро. В это утро, на рассвете, мы распрощались с нашими друзьями бобо (заводишь друзей, где придется!). Вся деревня на ногах с дугутигуи во главе, и на нас льется поток пожеланий. «Пусть ньялла (бог) поведет вас в добром здоровье!», «Пусть даст вам гладкий путь!», «Пусть пошлет вам хороших лошадей!». Услышав последнее пожелание, Сен-Берен делает гримасу: его рана еще дает себя чувствовать.

Мы кладем конец этим изъявлениям чувств, и колонна трогается.

Она трогается, но не продвигается. Это еще хуже, чем в Кокоро. Кричащая недоброжелательность. Каждую минуту останавливается один из носильщиков, и его приходится ждать, или падает вьюк с осла, и его надо водворять на место. К десяти часам, к моменту остановки, мы не сделали и шести километров.

Я восхищен терпением капитана Марсенея. Он ни разу не вышел из состояния совершенного спокойствия. Ничто его не обескураживает, не утомляет. Он борется со спокойной и холодной энергией с этим немым заговором.

Но в момент, когда нужно отправляться в вечерний переход, начинается другая песня: Морилире заявляет, что он ошибся. Начинается совещание с проводниками мадемуазель Морна. Чумуки поддерживает Морилире. Тонгане, напротив, утверждает, что мы на верном пути. Хорошо же мы осведомлены! Кому верить?

После долгих колебаний соглашаемся с мнением большинства и идем назад. Теперь мы идем восхитительно. Носильщики больше не устают, поклажа ослов укрепилась сама собой. В один час мы проходим расстояние, которое утром потребовало четырех, и еще до ночи возвращаемся в свой утренний лагерь близ Кокоро.

6 февраля. Вчера, 5 февраля, мы отправились без больших затруднений и, удивительное дело, по той же самой дороге, от которой накануне отказались. Морилире объявил, что, поразмыслив как следует, он видит, что ошибался вечером, а не утром. И снова его поддерживает Чумуки. Я склонен думать, что эти двое сговорились продать нас.

В этот день все по-прежнему, и мы уже начали свыкаться с недоброжелательством, но вдруг произошли два важных случая. Во время утреннего перехода внезапно падает мул. Его хотят поднять. Он мертв. Разумеется, эта смерть могла быть естественной. Но признаюсь, что я думаю о «дунг-коно» и других ядах страны.

Никто ничего не говорит. Поклажу с издохшего мула перекладывают на других, и мы возобновляем поход.

После полудня второй случай: пропадает носильщик. Что с ним случилось? Тайна. Капитан Марсеней грызет ус. Я вижу, что он озабочен. Если негры нас оставят, наше дело рухнет. Ведь нет ничего заразительней, чем микроб дезертирства. С этого времени надзор становится более строгим. Мы принуждены маршировать, как на параде, и всадники конвоя не позволяют никаких личных фантазий. Эта суровая дисциплина меня стесняет, и все-таки я ее одобряю.

Вечером новый сюрприз: несколько негров пьяны. Кто их напоил? Капитан организует самую тщательную охрану лагеря, затем подходит к Барсаку, с которым я как раз обсуждал положение, так ухудшившееся после Сикасо. К нам присоединяются доктор Шатонней, Понсен, мадемуазель Морна, Сен-Берен, и мы составляем военный совет.

Капитан в немногих словах излагает факты, обвиняя во всем Морилире. Он предлагает подвергнуть вероломного проводника допросу и применить силу. Каждого носильщика будет сопровождать стрелок, который заставит его идти, хотя бы под страхом смерти.

Барсак не согласен, Сен-Берен — тем более. Допросить Морилире — значит предостеречь его, показать ему, что он открыт. Ведь мы не имеем против него никаких доказательств и даже не можем вообразить, с какой целью он нас предает. Морилире будет все отрицать, и мы ни в чем не сможем его уличить. А как заставить идти носильщиков? Что делать, если они лягут и силе противопоставят бездействие? Расстреливать их — плохой способ заставить служить нам.

Решено хранить молчание, вооружиться терпением и строго следить за Морилире.

Все это очень хорошо, но я начинаю размышлять. Зачем упорствовать в продолжении путешествия? Экспеди-

ция имеет цель убедиться в умственном развитии негров в Петле Нигера и в степени их цивилизованности. Ну что ж! Мы узнали их развитие. Племена, обитающие между берегом и Канканом, и даже, в крайнем случае, близ Тиолы и Сикасо, достаточно созрели, чтобы быть достойными некоторых политических прав; я готов с этим согласиться, хотя это и не мое мнение. Но за Сикасо?.. Я считаю, что дикари, которые нас окружают, эти бобо, более похожие на животных, чем на людей, не могут быть превращены в избирателей. Так зачем же упрямиться? Разве не очевидно, что чем дальше углубляться к востоку, то есть уходить от моря, тем меньше туземцы входят там в соприкосновение с европейцами, и, следовательно, лоск цивилизации (?) у них сходит на нет.

Эти истины кажутся мне неоспоримыми, и я удивляюсь, почему их не видят мои компаньоны по путешествию.

Так ли это? Может быть, они их и видят, но имеют свои причины закрывать глаза? Исследуем вопрос.

Первое. Капитан Марсеней. В отношении него вопрос ясен. Капитан не может спорить: он обязан повиноваться. Кроме того, я не думаю, что ему пришла бы в голову мысль отступать, даже в случае приказа, пока мадемуазель Морна идет вперед. Симпатия, которую они испытывают друг к другу, очень быстро возрастает после Сикасо. Мы видим настоящую любовь, которая признана той и другой стороной и которая логически должна закончиться браком. Все это настолько ясно, что даже сам господин Барсак отказался от завоевательных замашек и снова стал тем превосходным человеком, какой он, в сущности, и есть. Итак, продолжаем.

Второе. Понсен. Господин Понсен тоже подчиненный, и он тоже повинуется. И очень хитер будет тот, кто узнает, что у него внутри. Понсен делает заметки утром и вечером, но не даст в них отчета и самому Гермесу[1].

Я поклянусь, что с момента отъезда он не произнес и десяти слов. Мое личное мнение, что он ничем не интересуется. Итак, проходим мимо Понсена.

Третье. Сен-Берен. О, с этим другое дело! Сен-Бе-

[1] *Гермес* — по греческой мифологии — вестник богов, символ скрытности.

рен смотрит на все глазами своей тетки-племянницы; он живет только для нее. Впрочем, Сен-Берен настолько рассеян, что, быть может, он даже не сознает, что он в Африке. Итак, проходим мимо номера третьего.

Четвертое. Мадемуазель Морна. Мы знаем о цели ее путешествия. Она нам ее открыла: каприз. Этой причины достаточно, и если в действительности существует другая, деликатность не позволит нам ее отыскивать.

Пятое. Я. Пятый номер — единственный, который действует вполне логично. Какова цель моей жизни? Репортаж. И потому, чем больше будет неприятностей всякого рода, тем больше я напишу статей и тем более буду доволен. Потому я и не думаю о возвращении назад.

Остается Барсак. Он никому не повинуется, ни в кого не влюблен, он знает, что мы в Африке, он слишком серьезен, чтобы поддаться капризу, и ему не приходится заботиться о репортаже. Но тогда?

Этот вопрос меня настолько беспокоит, что я решаюсь предложить его самому Барсаку.

Барсак смотрит на меня, покачивает головой сверху вниз и отвечает мне жестом, который не обозначает ровно ничего. Это все, что мне удается из него вытянуть. Видно, что он привык давать интервью.

7 февраля. Есть новости. Ночь была очень беспокойной. Мы не могли отправиться в обычный час и сделали только один переход — вечерний.

Изложим факты: из них видно, что и рассеянность иногда бывает полезна. Вчера было решено бдительно следить за Морилире. Не посвящая людей конвоя в наши страхи, мы решили бодрствовать поочередно. Так как нас шестеро, включая мадемуазель Морна, которая хочет, чтобы ее считали за мужчину, это несложное дело.

Сообразуясь с такой программой, ночь с девяти часов вечера до пяти утра разделили на шесть одинаковых вахт и бросили жребий. Выпал такой порядок: мадемуазель Морна, Барсак, капитан Марсеней, я, Сен-Берен и Понсен. Это приговор судьбы.

В час ночи я замещаю капитана Марсенея. Он мне говорит, что все хорошо, и показывает на Морилире, который спит недалеко от нас, завернувшись в свой дорожке. Полная луна позволяет различить черное лицо плута и его белую одежду.

Вахта началась спокойно. Но около половины второго мне кажется, что я слышу то же гуденье, которое нас так озадачило в первый вечер после Канкана. Шум как будто доносится с востока, но такой отдаленный, что я до сих пор не уверен, действительно ли я его слышал.

В четверть третьего я передаю пост Сен-Берену и ложусь спать. Я не могу уснуть. Быть может, отсутствие привычки, но прерванный сон не возобновляется. После получаса бесполезных попыток я встаю с намерением закончить ночь на свежем воздухе. В этот момент я слышу снова — и так слабо, что можно думать о новом обмане слуха, — тот же гудящий звук. Я бросаюсь наружу, настораживаю уши...

Ничего, или, по меньшей мере, очень мало!.. Это — как дуновение, которое убывает, убывает и нечувствительно замирает на востоке. Я так и остаюсь в сомнении.

Я решаю найти Сен-Берена, который должен нести вахту.

Сюрприз! Впрочем, какой это сюрприз? Сен-Берена нет на посту. Бьюсь об заклад, что неисправимый субъект забыл о своих обязанностях и занимается каким-нибудь другим делом. Лишь бы только этим не воспользовался Морилире, чтобы уйти, не простившись. Я удостоверяюсь, что Морилире не убежал, а блаженно спит, распластавшись на земле. Я вижу его черное лицо и белый дороке.

Успокоившись, я иду на поиски Сен-Берена, чтобы отчитать его за недисциплинированность. Я знаю, где его искать, так как заметил речку невдалеке от лагеря. Я иду прямо туда и, как и предполагал, замечаю тень среди потока. Но как он может находиться на таком расстоянии от берега? Видно, он умеет ходить по воде?

Как я узнал сегодня утром, Сен-Берен просто-напросто соорудил из трех кусков дерева плот, достаточный, чтобы выдержать его вес, потом с помощью длинной ветки вместо шеста оттолкнулся на несколько метров от берега. Там он стал на якорь, спустив большой камень на веревке из волокон пальмовых листьев. И на всю эту работу у него ушло не более получаса. Он очень изобретателен.

Но в данное время не это меня занимает.

Я приближаюсь к берегу и зову приглушенным голосом:

— Сен-Берен!

— Здесь! — отвечает мне тень с воды.

— Что вы здесь делаете, Сен-Берен?

Я слышу легонький смешок, потом тень отвечает:

— Я браконьерствую, мой дорогой!

Мне кажется, я грежу. Браконьерствовать? В Судане? Я не знал, что рыбная ловля подчинена здесь каким-нибудь правилам. Я повторяю:

— Вы браконьерствуете? Что вы мне тут поете?

— Без сомнения, — отвечает Сен-Берен, — так как я ловлю ночью на рыболовную сеть. Это абсолютно запрещено!

Эта мысль его очень забавляет. Животное! Он еще смеется надо мной.

— А Морилире? — спрашиваю я, рассердившись.

Среди ночи раздается ужасное проклятие, которое мое перо отказывается передать, потом тень приходит в движение, и Сен-Берен, мокрый до колен, прыгает на берег. Теперь он обезумел от беспокойства, но несколько поздно.

— Морилире? — повторяет он задыхающимся голосом.

— Да, Морилире, — говорю я ему. — Что вы сделали, несчастный?

Новое проклятие, и Сен-Берен спешит на свой пост, которого не должен был покидать.

К счастью, Морилире все еще спит. Я могу даже утверждать, что он не сделал ни одного движения с тех пор, как меня разбудил капитан Марсеней. Это замечает и Сен-Берен.

— Вы меня напугали! — вздыхает он.

В этот момент мы слышим сильный шум со стороны реки. Можно покляться, что кто-то тонет.

Мы бежим к берегу и в самом деле различаем вблизи импровизированного плота что-то черное, барахтающееся в реке.

— Это негр, — говорит Сен-Берен.

Он поднимается на плот, освобождает негра и втаскивает его на берег, объясняя мне:

— Он запутался в сети, которую я позабыл. (Конечно, мой славный Сен-Берен!). Но какого черта он тут делает?

Мы наклоняемся над беднягой, и с наших губ срывается крик:

— Морилире!

Это в самом деле Морилире, совершенно голый, мокрый с головы до пят, наполовину захлебнувшийся. Ясно, что проводник покинул лагерь, переплыл речку, сделал прогулку в поле и по возвращении попал в сеть, по воле провидения забытую Сен-Береном. Без его драгоценной рассеянности путешествие предателя, быть может, навсегда осталось бы нам неизвестным. Но внезапно мне приходит такая мысль: а другой Морилире, который так спокойно спит при лунном свете?

Я бегу к этому соне, я его трясу. Недурно! Я должен был об этом подумать: дороже пуст и остается у меня в руке. А черное лицо — кусок дерева, подложенный под каску с пером, которой бывший стрелок украшает свои натуральные прелести.

На этот раз негодяй пойман на месте преступления. Нужно, чтобы он сознался. Я возвращаюсь к Сен-Берену и его пленнику. Этот последний, кажется, приходит в себя.

Я говорю кажется, так как он внезапно вскакивает и бросается к реке с очевидным намерением принять новую ванну.

Но Морилире плохо рассчитал: рука Сен-Берена опускается на запястье беглеца.

Чистосердечно говоря, Сен-Берен не так красив, как Аполлон Бельведерский, но он силен, как Геркулес. У него ужасная хватка, если судить по судорогам и гримасам пленника. Менее чем в минуту Морилире побежден, падает на колени и просит пощады.

В то же самое время из его руки что-то падает. Я наклоняюсь и поднимаю. К несчастью, мы слишком мало остерегаемся. Морилире делает отчаянное усилие, бросается на меня, свободной рукой выхватывает вещь, и она исчезает у него во рту.

У Сен-Берена вырывается третье проклятие. Я прыгаю к горлу пленника, которое мой компаньон сжимает другой рукой. Морилире, полузадушенный, должен воз-

вратить похищенное, но, увы, он возвращает только половину: своими стальными зубами он перекусил подозрительный предмет, половина исчезла в глубине его желудка.

Я смотрю на свой приз: это маленький листок бумаги, на котором что-то написано.

— Держите крепче эту каналью, — говорю я Сен-Берену.

Сен-Берен успокаивает меня, и я иду искать капитана Марсенея. Первая забота капитана — посадить крепко связанного Морилире в палатку, вокруг которой он расставляет четырех часовых с самыми строгими инструкциями. Потом мы все трое идем к капитану в нетерпении узнать, что написано на листке бумаги.

При свете фонаря видно, что это арабские буквы. Капитан, выдающийся знаток арабского языка, без труда прочел бы их, если бы документ был цел. Но почерк отвратительный, и мы владеем лишь частью текста. В таком виде это просто ребус, который нельзя расшифровать при свете фонаря. Надо ждать дня.

Когда приходит день, мы видим, что это бесполезный труд. Но, может быть, Морилире, не надеясь больше нас обмануть, постарается купить снисхождение, признается в своей вине и даст полный перевод?

Мы направляемся к палатке-тюрьме, входим туда...

Изумленные, мы останавливаемся у входа: веревки пленника валяются на земле, палатка пуста.

ПО ПРИКАЗУ СВЫШЕ

(Из записной книжки Амедея Флоранса)

В тот же день. Мне пришлось оторваться от записной книжки, так как капитан Марсеней позвал меня, чтобы показать перевод лоскутка документа, вырванного из зубов Морилире. Возвращаюсь к последовательному изложению событий.

Итак, мы нашли палатку пустой. Морилире исчез. Очень раздраженный, капитан Марсеней допрашивает караульных. Но бедные ребята так же удивлены, как он. Они уверяют, что не покидали поста и не слышали никакого подозрительного шума. Ничего невозможно понять. Мы возвращаемся в палатку и замечаем в ней дыру, про-

деланную у самого верха и достаточную, чтобы пропустить человека. Над дырой толстая ветка дерева. Все объясняется. Плохо связанный Морилире освободился от веревок и, вскарабкавшись по центральному шесту, бежал по деревьям.

Гнаться за ним? Бессмысленно! Беглец имеет час выигрыша, да и как найти человека в зарослях? Для этого надо иметь собак.

Согласившись с этим, мы подчиняемся неизбежности. Капитан велит снять палатку, где так плохо стерегли Морилире, и отпускает четырех стрелков со строгим приказом молчать о происшествии под угрозой сурового наказания. Он уходит к себе, чтобы разобраться в таинственном документе. Я занимаюсь составлением своих записок. В это время Сен-Берен может ввести наших компаньонов в курс событий, если только не позабудет.

Час спустя капитан Марсеней посылает за мной, как я уже говорил. Я нахожу его в палатке Барсака, где собрались все европейцы. Все лица выражают самое естественное удивление. Кому, в самом деле, на пользу предательство Морилире? Действует ли он в пользу кого-то постороннего, вмешательство которого я подозревал, и давно ли? Через несколько минут мы это, быть может, узнаем.

— Арабское письмо, — объясняет нам капитан Марсеней, — идет справа налево, но его надо читать сквозь бумагу, повернув к себе изнанку, чтобы оно пришло в привычный для нас порядок.

Он вручил нам бумагу, куда были перенесены слова с той записки, которой мы овладели. Она разорвалась неправильно, и я прочел на ней следующие слова на языке бамбара:

«Манса а ман гнигни тубабул
Мену нимбе мандо кафа
батаке манаета софа
А ката, Бату
и а ка фоло. Манса а бе»

Во всяком случае, не мне расшифровать эту тарабарщину!

Бумага переходит из рук в руки. Мадемуазель Морна и Сен-Берен, кажется, что-то понимают. Удивляюсь об-

ширности их сведений. Барсак и Понсен знают столько же, сколько я.

— Последние слова первой и второй строк неполны, — объясняет нам капитан Марсеней. — Первое надо читать тубабуленго, что значит «европейцы», буквально «рыжие европейцы», а второе — кафама, то есть «еще». Вот перевод дополненного таким образом текста:

«Господин (или король) не хочет, чтобы европейцы... потому что они продвигаются еще... письмо уведет солдат... Он будет приказывать. Повинуйся... ты начал. Господин (или король)...».

Мы делали гримасы. Не очень-то это ясно. Впрочем, капитан Марсеней продолжает объяснения:

— Первый обрывок фразы легко понять. Есть где-то господин, или король, который не хочет, чтобы мы что-то сделали. Что? Второй отрывок говорит об этом. Он не хочет, чтобы мы продвигались в страну негров. По какой-то причине мы ему, вероятно, мешаем. Этот второй отрывок начинает, без сомнения, изложение плана, которого мы не знаем. Две следующие строчки менее ясны. «Письмо уведет солдат» — это ничего не говорит нам; четвертая строка — приказ, обращенный к Морилире, но мы не знаем, кто это «он», который будет приказывать. Что же касается последних слов, то для нас они не имеют смысла.

Мы разочарованно смотрим друг на друга. Не очень-то мы продвинулись! Барсак подводит итоги:

— Из всего, что мы до сих пор наблюдали, включая сегодняшние события, можно заключить: первое — проводник предавал нас кому-то третьему, который, по неизвестным причинам, пробует воспротивиться нашему путешествию; второе — этот незнакомец располагает известной властью, потому что заставил нас взять в Конакри подосланного им проводника; третье — эта власть не слишком велика, так как до сих пор, чтобы достигнуть своих целей, он нашел только ребяческие средства.

— Простите, — замечаю я, — таинственный незнакомец делал попытки и другого сорта.

И я сообщаю почтенной аудитории мои размышления о яде «дунг-коно» и о предсказаниях Кеньелалы. Я был награжден за мою проницательность.

— Изобретательные умозаключения господина Флоранса, — добавляет Барсак, — только подтверждают мои,

Я продолжаю настаивать, что наш противник, кто бы он ни был, не слишком страшен, иначе он употребил бы против нас более действенные средства. — Барсак прав. Это Мудрость, сама Мудрость греков с большой буквы говорит его устами.

— Мое мнение таково, — продолжал Барсак, — что не следует преувеличивать это дело. Я скажу: будем благоразумны, но не позволим запугать нас.

Все его одобряют, что меня не удивляет, так как я знаю тайные мотивы каждого. Но меня удивляет упрямство Барсака. Почему он не воспользуется этим случаем, чтобы прервать бесполезное путешествие?!

Как бы то ни было, нам необходимы новые проводники. Мадемуазель Морна предлагает своих: они знают страну, потому что они по этой причине и наняты. Чтобы решить вопрос, надо сравнить Чумуки и Тонгане.

Манеры первого мне не нравятся. Он уверяет, что на него можно рассчитывать, но кажется смущенным, и, пока говорит, я не могу поймать его бегающий взгляд. Это говорит о лживости. По-моему, он не лучше Морилире.

Тонгане, напротив, очень честен. Он превосходно знает страну и поведет нас куда угодно. Он также уверяет, что справится с носильщиками и погонщиками. Этот парень производит хорошее впечатление. У него откровенный голос, прямой взгляд. С этого момента я верю Тонгане и не доверяю Чумуки.

Новые проводники говорят с носильщиками. Они сообщают им официальную версию, что Морилире съеден кайманом и что теперь они будут приказывать вместо него. После отдыха отправляемся в путь.

9 февраля. Морилире нет, но все идет совершенно так же. С Чумуки и Тонгане мы идем не быстрее, чем с их предшественником.

Между двумя проводниками постоянно возникают споры о направлении пути. Они никогда не согласны между собой, и их ссоры нескончаемы. Я всегда склоняюсь на сторону Тонгане, потому что он кричит громче, и опыт доказывает, что я прав. Если же случайно большинство высказывается в пользу Чумуки, то расспросы в первой же попавшейся деревне неизменно доказывают

нашу ошибку. Тогда приходится колесить, иногда по местам, почти непроходимым, чтобы выбраться на покинутую нами правильную дорогу.

Иногда спор двух черных продолжается так долго, что наступает жара, и мы остаемся на месте.

При таких условиях нельзя идти быстро. И вот, за два с половиной дня мы едва прошли тридцать километров. Это плохо.

Мы идем все той же долиной, в которую вошли у Кокоро. Она расширилась, и высоты находятся только справа от нас, на юге.

Дорога вообще не из трудных, и если бы не постоянные переправы через реки, изредка по деревянным мостам, на три четверти разрушенным, а чаще вброд в неудобных местах, где, притом, нередки кайманы, то нам почти не приходилось бы сталкиваться с материальными трудностями.

11 февраля. Рано утром мы находимся посреди возделанных полей, что указывает на близость деревни. Поля были бы в достаточно хорошем состоянии, если бы большая часть их не была опустошена термитами, этими ужасными разрушителями.

Эти насекомые строят муравейники в форме шампиньонов[1], иногда высотой в рост человека. Термиты оставляют их в начале зимы, превращаясь в крылатых муравьев. Тогда они наводняют деревни. Но человек никогда не теряет случая немного развлечься. Появление крылатых муравьев становится сигналом для праздников и разгула. Повсюду зажигаются костры, на свет прилетают насекомые и опаляют крылья. Женщины и дети собирают их и жарят на масле карите. Но ведь надо не только есть, но и пить. К вечеру вся деревня пьяна.

Около восьми часов утра мы заметили деревню Бама, которой принадлежали поля. Когда мы к ней приближались, то встретили процессию «ду», обходившую поля, чтобы прогнать злых духов и вымолить дождь. Эти «ду» — негры, одетые в блузы, на которых нашиты пеньковые и пальмовые волокна. Их головы целиком покрыты пеньковыми колпаками с дырами для глаз, с гребнями из красного дерева и с клювами хищных птиц.

---

[1] *Шампиньоны* — грибы.

Они шли, приплясывая, в сопровождении зевак и мальчишек, которых без стеснения били своими «священными» жезлами. Когда они проходили мимо одной из хижин, им подносили доло — просяное пиво и пальмовое вино. Этого было достаточно, чтобы после часа прогулки процессия валялась пьяная.

Через полчаса мы прибыли в Баму. С лицемерным видом Чумуки доложил капитану Марсенею, что негры очень устали, отказываются делать второй этап и просят остановиться в Баме на весь день.

Капитан не моргнул глазом; несмотря на знаки неодобрения, которые делал Тонгане за спиной товарища, он принял удивленный вид и сказал, что просьба бесполезна, так как уже решено сделать сегодня длительную остановку. Чумуки удалился озадаченный, а Тонгане воздел руки к небу и выразил свое негодование Малик.

Мы воспользовались неожиданной остановкой, чтобы посетить деревню, и не раскаялись, так как она совсем не походит на те, которые мы видели до сих пор.

Чтобы войти туда, нам пришлось сначала подняться на кровлю хижины, и нас провели по крышам до жилища дугутигуи.

Этот дугутигуи — старый негр с большими усами и походит на отставного сержанта. Он курит длинную медную трубку, огонь в которой поддерживает безобразный маленький негритенок.

Он принял нас сердечно и предложил доло. Чтобы не отстать в вежливости, мы сделали ему подарки. Исполнив эту обрядность, мы превратились в туристов.

На площади бродячий цирюльник работал на открытом воздухе. Близ него мальчики делали всем желающим педикюр и маникюр: они стригли большими ножницами ногти на ногах и руках. Четыре каури с человека — такова цена за их услуги, но они должны были возвращать клиентам обрезки ногтей, а те торопились закопать их в землю. Через посредство немного понимавшего язык Сен-Берена я хотел узнать причины странного обычая, но ничего не вышло.

В нескольких шагах «медик» лечил больного по всем правилам негритянского искусства. Мы издалека наблюдали «консультацию».

Больной, истощенный человек, со впалыми глазами, дрожал от лихорадки. «Доктор» велел ему лечь на землю посреди кружка любопытных, затем выбелил его лицо разведенной золой, так как белый цвет почитается в этих краях; он поставил возле него грубо вырезанную из дерева фигурку, изображение милостивого божества. Затем он исполнил вокруг больного бешеный танец, дико завывая. Наконец, он приказал показать ему, где болит, и внезапно, с радостным ревом, притворился, что вытащил оттуда осколок кости, спрятанный у него в руке. Больной тотчас встал и пошел, заявляя, что он излечился; новое доказательство истины: спасает лишь вера.

Но достаточно ли было этой веры у нашего больного? В этом можно усомниться, так как улучшение, о котором он говорил, продолжалось очень недолго. В тот же вечер он пришел к нам в лагерь. Узнав от одного из наших негров, что среди европейцев есть «тубаб», он пришел умолять о помощи белого колдуна, потому что черный колдун ему не помог.

После общего осмотра доктор Шатонней просто дал ему дозу хинина. Пациент не поскупился на благодарности, но, удаляясь, скептически покачивал головой, как человек, не очень верящий в средство, действенность которого не была усилена ни пением, ни заклинаниями.

12 февраля. Сегодня то же самое, что и вчера, по словам конвойных, и даже хуже. Мы сделаем не больше одного этапа как сегодня, так и завтра.

В момент, когда наша колонна трогается, появляется вчерашний больной. Ему стало настолько лучше, что он захотел поблагодарить своего спасителя еще раз. Доктор дал ему несколько пакетиков хинина с наставлением, как его употреблять.

Все идет хорошо до остановки. Движемся быстро. Ни одной задержки, ни одной жалобы от негров. Это слишком хорошо.

В самом деле, в час остановки, пока устраиваемся на отдых, Чумуки приближается к капитану Марсенею и заводит ту же речь, что и накануне. Капитан отвечает, что Чумуки совершенно прав и что мы не двинемся в путь ни после обеда, ни даже весь следующий день, но потом, после этого большого отдыха, мы не будем останавли-

ваться, пока не проделаем с утра самое меньшее двадцать километров.

Капитан говорит это громким голосом, чтобы все слышали. Негры понимают, что с этих пор ими будет управлять твердая рука. Внушительный тон капитана, очевидно, на них подействовал. Они ничего не говорят и скромно удаляются, потихоньку обмениваясь взглядами.

В тот же день, в 11 часов вечера. Это начинает меня раздражать. Вечером, около шести часов, мы внезапно слышим все тот же жужжащий шум, который впервые поразил нас у Канкана.

Сегодня этот шум опять доносится с востока. Он очень слаб, но достаточно силен, чтобы исключить возможность ошибки. И к тому же не один я его слышу. Все поднимают головы к нему, а черные выказывают страх. Еще светло, как я уже сказал, но мы ничего не видим.

Небо чисто. Правда, высокий холм загораживает вид как раз с востока. Я спешу на его вершину.

Пока я взбираюсь на холм со всей возможной быстротой, шум понемногу усиливается, потом внезапно прекращается, и, когда я достигаю вершины, ничто не тревожит тишины.

Передо мной до самого горизонта равнина, покрытая зарослями. Я напрасно осматриваюсь: равнина пустынна, я не вижу ничего.

Я остаюсь на вершине холма до самой ночи. Глубокие потемки покрывают поле, так как луна находится в последней четверти и, следовательно, восходит поздно; упорствовать бесполезно, и я спускаюсь.

Я еще не был и на половине спуска, как шум возобновляется. От этого можно сойти с ума, честное слово! Шум возникает, как и прекратился, внезапно, потом понемногу уменьшается, как будто удаляется на восток. Через несколько минут снова тишина.

Я заканчиваю спуск в задумчивости и, возвратившись в палатку, набрасываю эти краткие заметки.

13 февраля. Сегодня отдых. Каждый занимается своими делами.

Барсак прохаживается взад и вперед. Он кажется озабоченным.

Понсен заносит в книжку большого формата заметки, без сомнения, относящиеся к его обязанностям. Судя по движениям его карандаша, кажется, он занимается вычислениями. Какими вычислениями? Я могу спросить его, но ответит ли он? Между нами, я боюсь, что он онемел.

Сен-Берен... Стойте, а где же Сен-Берен?.. Наверно, где-нибудь дразнит пескарей.

Капитан Марсеней разговаривает с мадемуазель Морна. Не будем их беспокоить.

На другом конце лагеря я вижу Тонгане в компании Малик. У них такой вид, точно время не кажется им долгим.

Носильщики и погонщики спят там и сям; спит и конвой, за исключением часовых.

Я провожу большую часть дня, заканчивая статью на основании заметок предшествующих дней.

Кончив ее, я зову Чумуки, заведующего почтовой связью. Чумуки не отвечает. Я отправляю на его поиски стрелка. Через полчаса стрелок возвращается и говорит, что не мог найти Чумуки. Я сам его ищу, и тоже безуспешно. Чумуки исчез, и я должен отказаться от отправки моей статьи.

14 февраля. Сегодня утром важное неожиданное событие.

Около восьми часов, когда, потеряв часть утра в бесплодных поисках Чумуки, мы решаем отправиться, на западе, то есть со стороны Бамы, показывается приближающаяся к нам многочисленная группа всадников.

Капитан Марсеней замечает их прежде меня и отдает приказ. В мгновение ока наш конвой принимает боевое положение. Но предосторожности излишни. Мы различаем французскую форму или, по крайней мере, то, что заменяет ее в этой стране. Незнакомый отряд приближается, и мы видим, что он состоит из двадцати черных кавалеристов на лошадях, с регулярным вооружением, и трех европейцев, тоже верхом, — двух сержантов и лейтенанта колониальной пехоты.

Один из наших сержантов послан навстречу вновь прибывшим, которые тоже высылают одного из своих. Оба парламентера обмениваются несколькими словами,

затем отряд, остановившийся на это время, возобновляет свое движение к нам.

Он входит в наш лагерь с ружьями за плечами, и командующий им лейтенант приближается к капитану Марсенею. До наших ушей доносится разговор:

— Капитан Марсеней?

— Это я, лейтенант...

— Лейтенант Лакур, 72-го пехотного полка, ныне командир конного отряда суданских волонтеров. Я прибыл из Бамако, капитан, и догоняю вас от Сикасо, где я не застал вас, опоздав всего на несколько дней.

— С какой целью?

— Этот пакет объяснит ее, капитан.

Капитан Марсеней берет письмо. Пока он читает, я замечаю, что его лицо выражает удивление и разочарование.

— Хорошо, лейтенант, — говорит он, — позвольте мне посвятить господина Барсака и его компаньонов в курс дела.

Лейтенант кланяется. Капитан отдает приказ людям и приближается к нашей группе.

— Я сообщаю вам поразительную новость, господин депутат, — говорит он Барсаку. — Я должен вас покинуть.

— Покинуть нас?!

Я должен сказать, что это восклицание принадлежало мадемуазель Морна. Она побледнела и кусает себе губы. Если бы я не знал ее энергии, я поклялся бы, что она вот-вот заплачет.

Мы тоже все ошеломлены, кроме Барсака, в котором преобладает гнев.

— Что это значит, капитан? — спрашивает тот.

— Это значит, господин депутат, что я получил приказ отправиться в Тимбукту.

— Это невообразимо! — кричит уязвленный Барсак.

— Но это так, — отвечает капитан. — Читайте.

Он протягивает Барсаку письмо. Начальник экспедиции пробегает его глазами с видимым негодованием, после чего показывает письмо нам и призывает нас в свидетели проявленной к нему бесцеремонности.

Я ухитряюсь получить письмо последним, чтобы его списать. Вот оно:

«ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Генерал-губернаторство Сенегал,
округ Бамако.

Приказ капитану Пьеру Марсенею и его отряду отправиться форсированным маршем в Сегу-Сикоро и оттуда по Нигеру в Тимбукту, где он поступит в распоряжение коменданта города. Лошади отряда капитана Марсенея должны быть оставлены на прокормление в Сегу-Сикоро.

Лейтенант Лакур, 72-го полка колониальной пехоты, командир конного отряда двадцати суданских волонтеров, доставит настоящий приказ капитану Марсенею в Сикасо и поступит в распоряжение господина депутата Барсака, начальника парламентской экспедиции в области Петля Нигера (первая секция), которого он будет конвоировать до пункта прибытия.

Комендант округа Бамако
полковник Сент-Обан».

Пока я лихорадочно списываю, Барсак продолжает изливать гнев:

— Это беспримерно! Дать нам всего двадцать человек конвоя! И как раз в то время, когда мы сталкиваемся с наибольшими трудностями. Нет, это так не пройдет! В Париже мы посмотрим, одобрит ли Палата такое развязное обращение с ее депутатом.

— А пока нужно повиноваться, — говорит капитан Марсеней; он даже не пытается скрыть печаль.

Барсак увлекает капитана в сторону, но у меня репортерское ухо, и я хорошо слышу.

— Однако, капитан, а если приказ поддельный? — внушает ему Барсак вполголоса.

Капитан быстро отстраняется.

— Поддельный! — повторяет он. — Вы не подумали, господин депутат. К сожалению, нет никаких сомнений. Письмо снабжено официальными печатями. К тому же я служил под начальством полковника Сент-Обана и прекрасно знаю его подпись.

Дурное настроение извиняет многое. Я нахожу все-таки, что Барсак заходит слишком далеко. К счастью, лейтенант Лакур не слышит. Это ему не польстило бы.

Барсак не находит ответа и хранит молчание.

— Позвольте мне, господин депутат, представить вам лейтенанта Лакура, — говорит капитан, — и распрощаться с вами.

Барсак соглашается. Представление состоялось.

— Знаете ли вы, лейтенант, — спрашивает тогда Барсак, — причины, вызвавшие доставленный вами приказ?

— Конечно, господин депутат, — отвечает лейтенант. — Туареги ауэлиммидены волнуются и угрожают нашим линиям. Необходимо усилить гарнизон Тимбукту. Полковник берет то, что у него под рукой.

— А мы? — возражает глава экспедиции. — Благоразумно ли уменьшить наш конвой?

Лейтенант Лакур улыбается:

— Это не причинит никаких неудобств. Область абсолютно спокойна.

— Не говорите, однако, — возражает Барсак. — Министр колоний говорил в Палате, и губернатор Конакри подтвердил, что берега Нигера являются местом очень тревожных событий.

— Это было когда-то, — отвечает лейтенант Лакур, продолжая улыбаться, — но теперь об этом нет и речи. Это старая история.

— Однако мы сами могли констатировать... — настаивает Барсак и рассказывает лейтенанту о наших приключениях.

Но тот не смущается.

— Видите ли, — говорит он, — незнакомец, смущающий вас больше, чем следует, по-видимому, очень маленькая персона. Как! По-вашему, он хотел преградить вам путь и не придумал ничего другого, чтобы вас остановить? Это несерьезно, господин депутат!

Так как это собственное мнение Барсака, он не знает, что возразить.

Капитан Марсеней приближается.

— Позвольте мне, господин депутат, проститься с вами, — говорит он.

— Как? Так скоро?! — восклицает Барсак.

— Так нужно, — отвечает капитан. — У меня формальный приказ. Я должен отправиться в Сегу-Сикоро и Тимбукту, не теряя ни часа.

— Выполняйте же приказ, капитан, — уступает, протягивая ему руку, Барсак, у которого волнение укрощает гнев, — и будьте уверены, что вы уносите с собой наши наилучшие пожелания. Никто из нас не забудет этих дней, проведенных вместе, и я уверен, что говорю от имени всех, выражая признательность за ваше бдительное покровительство и вашу непоколебимую преданность.

— Спасибо, господин депутат, — отвечает капитан, искренне взволнованный.

Он прощается с каждым из нас поочередно и после всех, разумеется, с мадемуазель Морна. Я украдкой подсматриваю за ними.

Но я напрасно любопытствую. Все происходит необычайно просто.

— До свиданья, мадемуазель, — говорит капитан.

— До свиданья, капитан, — отвечает мадемуазель Морна.

Больше ничего. Но для нас, знающих, в чем дело, эти простые слова имеют смысл, какой обычно им не придается. Мы понимаем, что они равносильны двойному формальному обещанию.

Так понимает их и капитан: его лицо сияет. Он берет руку мадемуазель Морна, почтительно целует ее, удаляется, вспрыгивает на лошадь и становится во главе своих людей. В последний раз он приветствует нас, потом поднимает саблю, и отряд отправляется крупной рысью. Мы не без смущения провожаем их глазами. Через несколько минут они скрываются из виду.

И вот мы остаемся с лейтенантом Лакуром, его двумя сержантами и двадцатью волонтерами, о существовании которых час тому назад и не подозревали. Приключение развернулось так быстро, что мы все ошеломлены. Теперь надо вернуть себе спокойствие.

Ко мне спокойствие возвращается достаточно быстро. Я взглядываю на наш новый конвой, чтобы познакомиться с ним. И тут происходит любопытная вещь: при первом брошенном на них взгляде меня пробирает дрожь — у них вид людей, с которыми я не хотел бы встретиться в темном уголке!

НОВЫЙ КОНВОЙ

(Из записной книжки Амедея Флоранса)

В тот же день, вечером. Нет, я не хотел бы встретиться с ними в темном углу, и, однако, я с ними в зарослях, а это несравненно хуже.

Такое положение в моих глазах полно очарования. Сознавать, что близко опасность, и не знать, в чем она; напрягать ум, чтобы разгадать, где она скрывается; держать глаза и уши настороже, чтобы отразить готовящийся удар, не зная, откуда он придет, — нет ничего более возбуждающего. В такие часы живешь самой напряженной жизнью, и эти ощущения далеко превосходят удовольствие пить кофе со сливками на террасе «Наполитена»[1].

Ну! Кажется, я опять увлекаюсь. Не играет ли со мной воображение скверной шутки, показывая мне бандитов, тогда как, без сомнения, мы имеем дело с самыми обыкновенными стрелками? А письмо, подлинное письмо полковника Сент-Обана? Письмо меня смущает, согласен, но ничто не может изгладить впечатления, которое произвели на меня новый конвой и его командир.

И прежде всего — эти сержанты и солдаты — «военные» ли они? С черными этого не узнаешь. Негры все на одно лицо. Относительно офицера приходится сказать «да». Напротив, только с большими колебаниями можно говорить о двух сержантах. Из стрелков ли эти головушки? Из стрелков другого сорта! Не надо быть френологом[2], физиономистом или каким-нибудь другим «истом», чтобы читать на этих лицах беспокойство загнанного зверя, любовь к грубым наслаждениям, неуменье сдерживать свои чувства, жестокость. Очаровательный портрет!

Прежде всего меня поразила одна деталь, но эта деталь открывает цепь моих размышлений. Не странно ли, в самом деле, что эти люди, включая сержантов, покрыты пылью, как и подобает людям, догонявшим нас пятнадцать дней, а их начальник свеж, точно выскочил из коробки. Он свеж до невероятия! Чистое белье, свер-

---

[1] Одно из парижских кафе.

[2] *Френолог* — лжеученый, утверждающий, будто бы между формой черепа и духовными качествами человека есть связь.

кающие ботинки, напомаженные усы. А его мундир? Можно подумать, что лейтенант Лакур отправляется на смотр. Он вылощен, как адъютант высокого командира: все на месте до последней пуговки и нитки и даже до складки на брюках, будто только что купленных в магазине! Не часто встретишь в зарослях такую элегантность.

Эта форма говорит понимающему человеку, что ее никогда не надевали, что она совершенно новенькая, и тот, кто ее носит, в своем желании иметь вид «офицера» перешел границы правдоподобия.

Чтобы быть щеголем в то время, когда его подчиненные так грязны, лейтенант Лакур не должен был догонять нас вместе с ними.

Оба сержанта, напротив, отвратительно грязны, но если в них нет преувеличенной элегантности офицера, то они, по моему мнению, вдаются в противоположную крайность. Их «мундиры» точно из лавки старьевщика; они даже в лохмотьях. Их панталоны слишком коротки и все в заплатах, и нет никакого номера, никакого значка полка, к которому они принадлежат. Я едва верю, что можно так содержать французских солдат, даже если они нанялись на короткий срок. Другое замечание, которое трудно объяснить: мне кажется, владельцы этих мундиров не привыкли их носить. Я не могу в точности объяснить, почему, но они словно «в гостях» в своих одеяниях.

Таков полный перечень моих замечаний и наблюдений. Быть может, найдут, что это скудно и что я виноват, увлекаясь незначительными частностями, которые, возможно, объясняются весьма просто. Все может быть, я и сам склонен согласиться с таким мнением. Оценивая причины моего недоверия, чтобы занести их в записную книжку, я первый нахожу их слабыми. Но это недоверие просто инстинктивно, и я не могу выразить его словами.

Как бы то ни было, мне нечего прибавить к сказанному. Насчет дисциплины ничего нельзя сказать. По моему мнению, она даже слишком строга. Часовые стоят на своих постах и сменяются регулярно. Военная выправка превосходна и даже, возможно, чересчур.

Конвой разделяется на три группы, которые держатся в стороне друг от друга. Первую составляют двадцать

суданских стрелков. В свободные от караула часы они не расстаются и, странная вещь среди черных, почти не разговаривают. Они либо съедают свою стряпню в молчании, либо спят. Их не слышно. Они повинуются мановению пальца или глаза своих сержантов, которых, по-видимому, очень боятся. В общем создается впечатление, что эти двадцать негров очень печальны и их гнетет страх.

Во второй группе два сержанта. Эти разговаривают, но только между собой и всегда вполголоса. Несмотря на мои репортерские уши, я ни разу не мог подхватить из их разговора ничего, кроме незначительных слов.

Последнюю группу составляет сам лейтенант Лакур.

Лейтенант Лакур — человек маленького роста, и кажется мне несговорчивым субъектом. У него бледно-голубые глаза, цвета стали, как говорится, отнюдь не выражающие всеобъемлющей благожелательности; он молчалив и нелюдим. После полудня он выходит из своей палатки только два раза с единственной целью проверить людей. Эта операция всегда происходит одинаково. Заметив командира, стрелки поднимаются и выстраиваются в ряд. Лейтенант, прямой, как кол, проходит перед ними, а его ледяной взгляд обегает их с головы до ног, потом он уходит к себе, не сказав никому ни слова. Если даже все повернется к лучшему, я осмеливаюсь сказать, что этот элегантный офицер не будет приятным компаньоном.

Весь день я не вижу мадемуазель Морна. Не видно и Чумуки, и потому моя статья все еще лежит у меня в кармане.

15 февраля. Утром я не замечаю приготовлений к отправке. От Тонгане я узнаю, что мы не двинемся весь день. После вчерашнего отдыха эта остановка кажется мне странной.

Случай сталкивает меня с лейтенантом Лакуром, все таким же прямым и непогрешимо изящным. Я спрашиваю его о причине задержки.

— Приказ господина Барсака, — лаконически отвечает он.

Три слова, военный поклон и поворот на пятках. Лейтенант Лакур не из тех, кого называют блестящими собеседниками.

Почему так поступил начальник экспедиции? Уж не отказывается ли он продолжать путешествие с конвоем, уменьшенным в пять раз? Это меня интригует. Но это меня также и беспокоит, потому что такое решение может положить конец репортажу, который как раз начинает становиться сенсационным.

Около десяти часов я замечаю Барсака. Он прогуливается большими шагами, руки за спину, глаза в землю, и кажется не в добром настроении. Момент, по-видимому, не очень хорошо выбран, чтобы спрашивать, каковы его проекты. Но это меня не останавливает, и я решаюсь получить интервью.

Барсак не сердится. Он останавливается, молча смотрит некоторое время. Наконец, говорит:

— Несколько дней назад, господин Флоранс, вы предлагали мне тот же вопрос. Я вам не ответил. Я вам скажу сегодня, что и сам не знаю, какой ответ вам дать.

— Значит, вы не приняли еще никаких решений, господин депутат?

— Никаких. Я раздумываю, я нащупываю почву, взвешиваю все «за» и «против»... — Новое молчание, потом внезапно: — Но почему бы нам не рассмотреть вопрос вместе? Вы человек практичный, полный здравого смысла. (Спасибо, господин Барсак!) Вы мне дадите совет.

Я кланяюсь.

— К вашим услугам, господин депутат.

— Рассмотрим сначала, — продолжает Барсак, — благоразумно ли продолжать это путешествие, иначе говоря, возможно ли оно?

Я подсказываю:

— Быть может, стоит сначала рассмотреть, полезно ли оно?

— Его польза несомненна со всех точек зрения, — возражает Барсак.

Я удивлен. Однако Барсак продолжает:

— Задача такова: можем ли мы совершить это путешествие? Еще вчера я не поставил бы этот вопрос, так как вчера наш путь не был отмечен никаким серьезным происшествием. Это и ваше мнение, не так ли?

— Конечно.

— Первое, действительно важное происшествие, это неожиданная смена конвоя и его уменьшение до двадцати человек. Могут ли двадцать человек обеспечить нашу безопасность посреди этого негритянского населения, вот вопрос.

— Если его так ставить, — говорю я, — то можно дать только утвердительный ответ. Мне кажется, что двадцать человек вполне достаточно, если мы не столкнемся с враждебностью негров. Другие исследователи совершали более долгие путешествия с меньшим конвоем и даже совсем без конвоя. Но...

— Я знаю, что вы хотите сказать, — перебивает Барсак. — Вы будете говорить о таинственном незнакомце, который, кажется, не желает видеть нас в этой стране. Я не скрывал своего мнения на этот счет, и все меня одобрили. С тех пор не случилось ничего нового, значит, по-моему, бесполезно к этому возвращаться.

Я спорю.

— Извините, господин депутат, но мне, напротив, кажется, что случилось новое.

— Ба! — говорит удивленный Барсак. — Тогда это новое от меня скрыли. Объяснитесь!

При поставленном в упор вопросе я чувствую, что затрудняюсь. Мои наблюдения казались мне такими значительными, а их следствия я считал так хорошо выведенными, когда сам рассматривал их одно за другим. Но когда мне пришлось говорить о них полным голосом, они показались мне еще более незначительными и спорными, чем когда я писал о них в книжке. Однако раз уж я глупо влез в эту кашу, то мой долг, во всяком случае, высказаться до конца.

И я высказываюсь. Я сообщаю Барсаку мои наблюдения над нашим конвоем и его командиром и в заключение боязливо выражаю предположение, что если эти люди — не настоящие солдаты, то они могут быть на службе у нашего неведомого врага, которого мы до сих пор не считали опасным.

Слушая эти неправдоподобные вещи, Барсак хохочет.

— Это из романа! — восклицает он. — У вас блестящее воображение, господин Флоранс. Оно вам пригодится, когда вы вздумаете писать для сцены. Но я вам советую не доверяться ему в действительной жизни.

— Все-таки... — говорю я, задетый.

— Тут нет «все-таки». Тут факты. Подписанный приказ прежде всего.

— Он может быть фальшивым.

— Нет, — возражает господин Барсак, — ведь капитан Марсеней нашел его действительным и повиновался без колебаний.

— Он мог быть украден...

— Опять роман! Как, скажите пожалуйста, могли заменить настоящий конвой? При этом предположении надо было иметь наготове отряд, достаточно многочисленный, чтобы, во-первых, уничтожить настоящих солдат вплоть до последнего человека, вы понимаете — вплоть до последнего! — и, во-вторых, чтобы, захватив приказ, заменить настоящих солдат фальшивым отрядом, абсолютно тождественным, и это в то время, когда никто не мог знать ни о составе нового конвоя, ни даже о том, что этот конвой будет послан полковником Сент-Обаном. Никто из людей лейтенанта Лакура не ранен, значит, этому отряду следовало быть очень многочисленным, так как настоящие солдаты не позволили бы истребить себя, не защищаясь. И вы хотите, чтобы присутствие такой значительной шайки не было замечено, чтобы слухи о битве не дошли до нас, тогда как новости в зарослях распространяются от деревни к деревне с быстротой телеграммы. Вот с какими невозможными вещами сталкиваешься, когда даешь волю воображению!

Барсак прав, приказ не украден. Он продолжает:

— Ну, а на чем основано впечатление, которое на вас произвели эти люди и их начальник? И чем эти стрелки, которых вы видите отсюда, отличаются от всех черных стрелков?

Я смотрю туда и принужден сознаться, что Барсак прав. Где у меня вчера вечером была голова? Я сам себе внушил все это. Новые негры походят на всех негров.

Барсак сознает свое преимущество. Он продолжает с уверенностью (и бог знает, однако, не слишком ли много у него этой уверенности!):

— Перейдем к сержантам. Что вы находите в них особенного? Они очень грязны, это верно, но не более, чем некоторые сержанты капитана Марсенея. В зарослях нельзя быть слишком требовательным к мундирам.

Золотые слова! Я робко отступаю, так как, действительно, поколеблен.

— Все-таки лейтенант Лакур...

— О! Он необычайно корректен! — восклицает, улыбаясь, Барсак. — Он очень беспокоится о своей персоне и своем туалете. Но это — не преступление.

Конечно, это так. Я делаю последнее усилие.

— Все же, совершенно новый мундир — это странно...

— Потому что старый — в чемодане лейтенанта, — объясняет Барсак, у которого есть ответ на все. — Так как он запылился, то господин Лакур привел себя в порядок, прежде чем представиться нам.

Барсак, по-видимому, находит такую заботу вполне естественной. В конце концов, это я, быть может, не отдаю себе точного отчета в значительности персоны начальника экспедиции.

— Впрочем, я долго разговаривал с лейтенантом Лакуром вчера после обеда (наверно, пока я писал мои заметки). Это очаровательный человек, несмотря на свое чрезмерное стремление к изяществу. Вежливый, хорошо воспитанный, даже почтительный. — Здесь Барсак выпячивает грудь. — ...даже почтительный. Я нашел в нем очень приятного собеседника и очень сговорчивого подчиненного.

Я спрашиваю:

— Лейтенант Лакур не видит никаких неудобств продолжать наше путешествие в таких условиях?

— Никаких.

— Вы, однако, колеблетесь, господин депутат.

— Я не колеблюсь, — провозглашает Барсак, который в разговоре убедил самого себя. — Мы отправляемся завтра.

Я интересуюсь:

— Не исследовав пользу дальнейшего путешествия, после того как вы установили его возможность?

Скромная ирония моего вопроса проходит незамеченной.

— А к чему? — отвечает Барсак. — Это путешествие не только полезно, — оно необходимо.

Я повторяю, не понимая:

— Необходимо?

Все еще в хорошем настроении, Барсак фамильярно берет меня под руку и доверительным тоном объясняет:

— Между нами говоря, мой дорогой, я хочу вам признаться, что с некоторого времени я считаю черных, которых мы здесь встречаем, достаточно далекими от возможности получения избирательных прав. Я даже вам признаюсь, если будете настаивать, что у нас нет шансов изменить это мнение, удаляясь от берега. Но то, что я вам говорю, я не скажу с парламентской трибуны. Наоборот, если мы закончим наше путешествие, дело обернется так: Бодрьер и я представим отчеты с совершенно противоположными заключениями. Эти отчеты будут переданы в комиссию. Там после обсуждения или предоставят избирательные права нескольким племенам на берегу океана, что явится моей победой, или же комиссия не придет к соглашению, и дело будет погребено. Через неделю о нем забудут, и никто не станет разбирать, прав я был или неправ. В обоих случаях ничто не помешает Бодрьеру или мне при подходящем случае получить портфель министра колоний. Если же я, напротив, вернусь, не доведя миссию до конца, этим я сам признаю, что заблуждался, мои враги закричат во все горло, что я старая тупица, и меня окончательно утопят. — Барсак немного помолчал и закончил такой глубокой мыслью: — Не забывайте никогда святой истины, господин Флоранс: «Политик может ошибаться. Это абсолютно неважно. Но если он признает свою ошибку, он погиб!»

Я смакую эту истину и удаляюсь довольный. Я очень доволен, в самом деле, так как теперь знаю мотивы каждого.

Покинув Барсака, я вдруг натыкаюсь на записную книжку Понсена, которую тот случайно забыл на своем складном стуле. Мои инстинкты журналиста берут верх над хорошим воспитанием, и я решительно открываю книжку: уж слишком долго она меня интересует. Слишком долго я себя спрашиваю, что наш молчаливый компаньон может писать с утра до вечера. Я желаю, наконец, это узнать.

Увы! Я наказан за мое любопытство. Я вижу только нагромождение цифр и букв, разбросанных как попало и совершенно непонятных. Это только «р. д. 0,009», «н. кв. км. 135, 08», «в ср. 76, 18» и тому подобное.

Еще одна тайна! Для чего эти секретные записи? Неужели Понсену нужно что-то скрывать? Уж не предатель ли и он?

Ну, я сел на своего конька! Хватит возиться с этим. Что за мысль подозревать такого славного человека? Я делаю ему слишком много чести, так как, — я могу признаться в этом своей записной книжке, — он не слишком умен, господин Понсен!

Но ты газетчик или нет? На всякий случай я переписываю образцы иероглифов, выбранные среди тех, которые попадаются почти ежедневно. Вот они:

5 д. пр. д. 7; м. 3306, в ср. 472,28; ж. 1895, н. к. д. $1895 : 7 = 270{,}71$; кв. км. 122; н. кв. км. $3306 : 122 = 27{,}09$.

Нас. в ц.: $27{,}09 \times 54600 = 1\,479\,114$ ч.

12 ф. пр. д. 81; м. 12085, в ср. 149,19; ж. 6654, н. к. д. $6654 : 81 = 82{,}15$; кв. км. 1401; н. кв. км. $12085 : 1401 = 8{,}62$.

Нас. в ц.: $8{,}62 \times 54600 = 470\,652$ ч.

Я кладу блокнот на место и спасаюсь со своей добычей. Может быть, это пригодится. Вперед ведь не узнаешь.

После полудня я прогуливаюсь. Меня сопровождает Тонгане на лошади Чумуки: она лучше его собственной. Мы едем по полю мелкой рысцой.

Через пять минут Тонгане, у которого чешется язык, заявляет с места в карьер:

— Хорошо, Чумуки убежал. Чумуки — паршивый предатель.

Вот и другой! Как? Чумуки тоже нас предавал? Я понимаю, что надо собрать сведения, и притворяюсь удивленным.

— Ты хочешь сказать: Морилире?

— Морилире плохой, — энергично говорит Тонгане.— Но Чумуки все равно как Морилире. Говорил неграм: «Плохо идти!» Давал много доло тубаб (водки), много серебро, много золото.

Золото в руках Морилире и Чумуки? Это невероятно!

— Ты хочешь сказать, они давали неграм каури, чтобы расположить их к себе?

— Не каури, — настаивает Тонгане. — Много золо-

то, — и прибавляет деталь, которая меня ошеломляет: — Много английское золото!

— Так ты знаешь английское золото, Тонгане?

— Да, — отвечает он. — Мой ашантий. Мой знает фустерлинги.

Я понимаю, что Тонгане на своем странном наречии называет так фунты стерлингов. Смешное слово. Я попытался написать, как он его произносит, но в устах Тонгане оно звучит еще забавнее. Однако в этот момент мне не до смеха. Золото — английское золото! — в руках Чумуки и Морилире. Я смущен. Разумеется, я делаю вид, что не придаю никакой важности его сообщениям.

— Ты славный парень, Тонгане, — говорю я ему, — и раз уж ты так хорошо знаешь фустерлинги, возьми эту золотую монету с гербом Французской республики.

— Хорошая республика! — радостно кричит Тонгане, подбрасывая в воздух монету; он ловит ее на лету и спускает в седельную сумку.

Тотчас его физиономия выражает удивление: его рука вытаскивает большой сверток бумаги, предмет, редкий у негров, в самом деле. Я испускаю крик и вырываю у Тонгане сверток, который прекрасно узнаю.

Мои статьи! Это мои статьи! Мои замечательные статьи остались в сумке негодяя Чумуки! Я проверяю. Увы! Они все тут, начиная с четвертой. Как же сурово осуждают меня теперь в «Экспансьон Франсез»! Я обесчещен, я навеки потерял репутацию!

Пока я предаюсь печальным размышлениям, наша прогулка продолжается. Приблизительно в шести километрах от лагеря я внезапно останавливаюсь.

Почти у самой дороги, на пространстве шириной от шести до семи метров, длиной около пятидесяти, резко очерчен след посреди зарослей. На этом пространстве высокая трава помята, раздавлена, а кое-где даже как будто начисто скошена гигантской косой. И — что особенно привлекает мое внимание — в самой обнаженной части его я различаю две параллельные колеи, подобные тем, какие мы видели возле Канкана: их глубина от восьми до десяти сантиметров с одного конца, и они незаметно изглаживаются к другому концу. На этот раз глубокая сторона на западе.

Невольно я сопоставляю эту пару колей с жужжанием, слышанным три дня назад. В Канкане мы также слышали странное жужжание, до того как заметили на земле эти необъяснимые следы.

Какая связь между этими явлениями — жужжанием, парой колей — и Кеньелалой из Канкана?

Я не вижу тут никакой связи. И, однако, эта связь должна существовать. Когда я смотрю на загадочные борозды, мое подсознание вызывает скверную фигуру колдуна-негра. И мне внезапно вспоминается, что из четырех предсказаний этого балагура исполнилось уже три!

И тогда меня, одинокого с моим черным компаньоном в безграничной пустыне, с головы до пяток пронизывает дрожь, и это уже во второй раз. Когда я думаю об окружающей меня тайне, я боюсь.

Это извинительно в таких обстоятельствах. К несчастью, это продолжается недолго: я создан так, что не умею бояться. Моя слабость — любопытство. И, пока мы возвращаемся, я упрямо стараюсь разгадать досадные загадки. Это занятие так меня поглощает, что я ничего не вижу вокруг.

Приближаясь к лагерю, я подпрыгиваю в седле. Тонгане без всяких предисловий говорит:

— Тулатигуи (лейтенант) нехорош. Паршивая обезьянья голова!

— Правильно! — отвечаю я, не подумав, и это меня извиняет.

17 февраля. Большой переход сегодня и еще бо́льший вчера. Пятьдесят километров за два дня. Чумуки не появляется — каналья! Это заметно. Под управлением одного Тонгане наши погонщики и носильщики делают чудеса.

В продолжение этих двух дней мои страхи, признаюсь, значительно уменьшились. Конвой точно выполняет свои обязанности, которые, впрочем, нетрудны. Двадцать людей в две линии окружают караван, как и при капитане Марсенее. Только я замечаю, что они не обмениваются с нашим черным персоналом теми шуточками, на которые были так щедры их предшественники. Впрочем, это делает честь их дисциплинированности.

Два сержанта остаются преимущественно в арьергарде, когда не проезжают вдоль линии стрелков. Они ни с

кем не разговаривают, кроме своих людей, к которым по временам обращаются с короткими приказами, тотчас выполняемыми. Приходится признать, что если наш конвой немногочислен, зато он под крепким управлением.

Лейтенант Лакур держится во главе колонны, почти на том же месте, которое занимал капитан Марсеней, около господина Барсака. Я замечаю, что мадемуазель Морна отодвинулась на несколько рядов. Она теперь с Сен-Береном, позади доктора Шатоннея и господина Понсена. По-видимому, мадемуазель Морна не желает находиться в обществе лейтенанта.

О нем, впрочем, ничего не скажешь. Он мало говорит, но действует. Очевидно, его энергичные манеры привели к достаточно удовлетворительным результатам двух последних дней похода. Нельзя ничего сказать. И однако...

Но это у меня навязчивая идея. Тайна, которую я чувствую вокруг нас, странные факты, мною замеченные, наверно, повредили мои мозги, и я склонен, без сомнения, слишком склонен, повсюду видеть предательство.

Как бы то ни было, вот мотивы моего убеждения.

Это было сегодня утром, около девяти часов. Проходя через совершенно пустынную маленькую деревушку, мы услышали в одной хижине стоны. По приказу господина Барсака конвой останавливается, и доктор Шатоннеи, сопровождаемый лейтенантом Лакуром и двумя стрелками, входит в хижину. Разумеется, пресса, то есть я, проникает вместе с ними.

Ужасное зрелище! Двое мертвых и раненый. Оба трупа, мужчина и женщина, отвратительно изуродованы.

Кто убил и ранил этих бедных людей? Кто виноват в этом жестоком истреблении?

Доктор Шатоннеи сначала занимается раненым.

Так как в хижине слишком темно, стрелки по приказу доктора выносят раненого наружу. Это старый негр. Он ранен в плечо, и рана его ужасна. Кость ключицы обнажена. Я спрашиваю себя: каким оружием можно причинить такие страшные повреждения?

Доктор промывает рану и вытаскивает из нее многочисленные осколки свинца. Он заботливо перевязывает рану бинтами, которые ему подает лейтенант Лакур. Раненый жалобно стонет. Но когда перевязка окончена, ему становится легче.

Но доктор озабочен. Он снова входит в хижину, осматривает трупы и выходит еще более озабоченный. Он приближается к раненому и расспрашивает его с помощью Тонгане.

По рассказу бедного негра, 11 февраля, то есть за три дня до смены нашего конвоя, деревушка была атакована отрядом черных под командой двух белых. Обитатели спаслись в зарослях, за исключением мужчины и женщины, которые не успели убежать и трупы которых мы нашли. Раненый был с другими. К несчастью, пока он бежал, пуля ударила его в плечо. Он все же имел силы спрятаться в зарослях и, таким образом, ускользнул от нападающих. Когда отряд удалился, все возвратились в деревню, но снова скрылись, увидев наш конвой, приближавшийся с той стороны, куда ушел первый.

Этот рассказ нас очень беспокоит. Не очень приятно, в самом деле, узнать, что шайка негодяев бродит по стране. И очень возможно, что мы столкнемся с ней, так как, по словам раненого, она идет нам навстречу.

Бедняга трогательно выражает свою признательность доктору Шатоннею, но вдруг умолкает, глаза его, полные ужаса, устремлены на что-то позади нас. Мы оборачиваемся и оказываемся лицом к лицу с одним из сержантов нашего конвоя. Вид этого человека и вызвал у негра такой страх.

Впрочем, сержант спокоен. Он взволновался лишь тогда, когда ледяные глаза лейтенанта Лакура метнули на него ужасный взгляд, в котором смешаны упрек и угроза. Я ловлю этот взгляд на лету, но не могу его объяснить. Сержант дотрагивается до лба, показывая, что раненый бредит, и возвращается к своим людям.

Мы подходим к больному. Но теперь он смотрит на нас с ужасом, и невозможно вытянуть из него ни слова. Его переносят в хижину, и мы отправляемся дальше, успокоенные, впрочем, за его судьбу.

Не знаю, что думают мои компаньоны. Меня же занимает новая задача: почему вид сержанта так испугал старика? И почему он не обратил никакого внимания на лейтенанта Лакура?

На эту загадку тоже нет ответа. Случай ставит нам неразрешимые вопросы, и это начинает крайне раздражать.

В этот вечер мы довольно поздно раскинули палатки у деревушки Каду. Мы были настроены печально, так как здесь, в Каду, мадемуазель Морна и Сен-Берен собираются нас покинуть. Мы будем продолжать путь к Уагадугу и Нигеру, они же поднимутся к северу, к Гао, и к тому же Нигеру, своей конечной цели. Надо ли говорить, что мы сделали все возможное, чтобы отговорить их от этого бессмысленного проекта? Наши усилия были бесполезны. Я осмеливаюсь предвидеть, что будущая половина капитана Марсенея не из податливых. Когда мадемуазель Морна что-нибудь заберет себе в голову, она и черту не уступит. В отчаянии от неудачи мы обратились за поддержкой к лейтенанту Лакуру и просили его доказать, в свою очередь, нашей компаньонке, какое безумие она собирается совершить. Я был убежден, что ему придется напрасно расточать слова, но он и не принял на себя эту забо-

ту. Лейтенант Лакур не произнес ни слова. Он сделал уклончивый жест и улыбнулся очень странно, не знаю, по какой причине.

Итак, остановились около Каду. В момент, когда я собираюсь удалиться в палатку, меня задерживает доктор Шатонней. Он говорит:

— Я хочу сообщить вам одну вещь, господин Флоранс: пули, которыми поражены были негры, разрывные.

И он уходит, не дожидаясь ответа.

Так! Еще одна тайна! Разрывные пули! Кто может употреблять такое оружие? Как подобное оружие может существовать в этой стране?

Еще два вопроса прибавляются к моей коллекции вопросов, которая беспрерывно обогащается. Зато коллекция ответов ничуть не увеличивается!

18 февраля. Последняя новость дня, без комментариев. Наш конвой ушел. Я говорю прямо: ушел.

Это невероятно, но я настаиваю, я повторяю: конвой ушел. Проснувшись три или четыре часа назад, мы его не нашли. Он испарился, улетучился ночью и с ним все носильщики, все погонщики без исключения.

Понятно? Лейтенант Лакур, его два сержанта и весь конвой, все двадцать человек ушли не для того, чтобы сделать утреннюю прогулку и вернуться к завтраку. Они ушли, бес-по-во-рот-но у-шли.

И вот мы одни в зарослях, с нашими лошадьми, с нашим личным оружием, тридцатью шестью ослами, с запасом провизии на пять дней, с Малик и с Тонгане.

Ага! Я хотел приключений!

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Когда члены экспедиции Барсака, накануне прибывшие в Каду, проснувшись 18 февраля, заметили исчезновение конвоя и своих носильщиков и погонщиков, они остолбенели. Эта двойная измена и особенно измена конвоя была настолько невероятна, что они долго отказывались в нее поверить, если бы им тотчас не было дано доказательство, что слуги и солдаты ушли без намерения вернуться.

Разбудил своих компаньонов Амедей Флоранс, который первым вышел из палатки. Все, включая Малик, которая провела ночь в палатке Жанны Морна, моментально собрались, обмениваясь восклицаниями.

Как и обычно, обсуждение началось достаточно беспорядочно. Больше обменивались восклицаниями, чем размышлениями. Прежде чем устраивать будущее, они удивлялись настоящему.

Пока они так шумели, из соседней чащи донесся стон. Сен-Берен, Амедей Флоранс и доктор Шатонней побежали и нашли Тонгане связанного, с заткнутым ртом и, что хуже всего, раной в левом боку.

Тонгане освободили от уз, привели в чувство, перевязали и расспросили. Частью на своем негритянском жаргоне, частью на языке бамбара, причем переводчицей служила Жанна Морна, Тонгане рассказал все, что знал о ночных событиях.

Бегство было совершено между часом и двумя ночи. В этот момент Тонгане, разбуженный необычным шумом, которого не слышали европейцы в своих шатрах, удивился, увидев стрелков на лошадях, в некотором расстоянии от лагеря; слуги под предводительством лейтенанта Лакура и двух сержантов копошились над какой-то работой, которую ночная темнота не позволяла рассмотреть. Заинтересованный, Тонгане поднялся и направился к носильщикам и погонщикам, чтобы узнать, в чем дело. Он не дошел. На полдороге на него бросились двое, и один из них схватил его за горло, помешав ему крикнуть. В

одно мгновение он был повален, связан, ему заткнули рот. Падая, он успел заметить, что черные нагружали на себя тюки, выбранные из поклажи. Тонгане был бессилен что-либо предпринять. Напавшие на него уже удалялись, когда к ним подошел лейтенант Лакур и отрывисто спросил:

— Готово?

— Да, — ответил один из нападавших, в котором Тонгане узнал сержанта.

Молчание. Тонгане почувствовал, что над ним наклонились, его ощупали.

— Вы с ума спятили, честное слово! — сказал лейтенант. — Вы оставляете молодца, который слишком много видел. Роберт, удар штыка для этой нечисти!

Приказ был исполнен мгновенно, но Тонгане, к счастью, удалось извернуться, и штык, вместо того чтобы пронзить ему грудь, скользнул по боку, нанеся рану, более болезненную, чем опасную. В темноте Лакур и его помощники ошиблись: штык был покрыт кровью, а находчивый негр испустил вздох, как бы прощаясь с жизнью, и затаил дыхание.

— Сделано? — повторил голос лейтенанта Лакура, когда удар был нанесен.

— Все в порядке, — ответил тот, кто нанес удар, и кого начальник назвал Робертом.

Три человека удалились, и Тонгане больше ничего не слышал. Скоро он потерял сознание как из-за потери крови, так и потому, что рот его был забит тряпками. Больше он ничего не знал.

Этого рассказа было достаточно, чтобы убедиться, что измена задумана и подготовлена заранее.

Установив все это, члены экспедиции смотрели друг на друга, изумленные и потрясенные. Первым прервал молчание Амедей Флоранс, для которого еще раз испрашивается снисхождение читателя.

— Наше положение трудное! — вскричал репортер, выразив общую мысль.

Эти слова точно открыли источник, и полились предложения, как улучшить положение. Прежде всего надо было подвести итоги. Сделав подсчеты, убедились, что осталась дюжина револьверов, семь ружей, из них шесть охотничьих, все это с достаточным запасом патронов; семь лошадей, тридцать шесть ослов, около ста пятидесяти килограммов разных товаров и на четыре дня провизии. Таким образом, средства защиты и транспорта были налицо. О провизии не стоило беспокоиться: ее можно было доставать, как и прежде, в деревнях. Вдобавок, шесть европейцев обладали превосходным оружием, и можно было охотиться. Пересчитав инвентарь, пришли к заключению, что партия, им располагающая, не столкнется ни с какими непреодолимыми препятствиями с материальной стороны.

Решили продать ослов, которые при отсутствии опытных погонщиков могли стать серьезным бременем. Сделав это, можно будет выработать план действий. Если придут к решению продолжать путешествие еще некоторое время, придется нанять пять-шесть негров, которые понесут товары. По мере надобности эти товары можно обменивать в деревнях на необходимые продукты. В противном случае следует с этими товарами распроститься за любую цену; не нужны станут носильщики, и можно будет двигаться гораздо быстрее.

Жанна Морна и Сен-Берен, которые одни лишь могли объясняться с туземцами, вошли в переговоры с обитателями Каду. Они встретили в деревне превосходный при-

ем и подарками завоевали симпатии старшины. С его помощью ослы были проданы в Каду и окружающих деревнях по десять тысяч каури (около тридцати франков) за каждого, а всего за триста пятьдесят тысяч каури. Одной этой суммой существование членов экспедиции и оплата пяти носильщиков были обеспечены на двадцать дней.

С другой стороны, старшина обещал предоставить пять носильщиков и даже более, если понадобится. Торговые сделки потребовали нескольких дней. Они были закончены вечером 22 февраля. Это время не пропало даром, так как раньше Тонгане не мог тронуться в путь, а к этому времени его рана зарубцевалась, и ничто уже не мешало отправлению.

Утром 23-го расположили кружком шесть складных стульев, посредине разложили карты. Тонгане и Малик составляли аудиторию. Обсуждение началось под председательством Барсака.

— Заседание открыто, — по привычке сказал Барсак. — Кто просит слова?

Все незаметно улыбнулись. Амедей Флоранс иронически ответил, не моргнув глазом:

— Мы будем говорить после вас, господин председатель.

— Как вам угодно, — согласился Барсак, ничуть не удивленный этим титулом. — Обсудим положение. Мы покинуты нашим конвоем, но вооружены, имеем товары для обмена и находимся в центре Судана, на большом расстоянии от берега...

При этих словах Понсен вытащил из кармана свой большой блокнот, и, водрузив очки на нос, он, никогда не говоривший, сказал:

— Точно на 1 408 километров 583 метра и 17 сантиметров, включая извилины и считая от центрального кола моей палатки.

— Подобная точность бесполезна, господин Понсен, — заметил Барсак. — Достаточно знать, что мы находимся приблизительно за 1 400 километров от Конакри. Вы знаете, что мы намерены были идти дальше, но новое положение потребует, может быть, новых решений. По-моему, мы должны добраться если не самым быстрым, то са-

мым надежным путем до какого-нибудь французского поста и там спокойно решить, что делать дальше.

Одобрение было единодушное.

— Мы должны постараться достигнуть Нигера, — продолжал Барсак, рассматривая карту. — Нельзя ли пройти к Сею через Уагадугу и Надианго? После взятия Тимбукту французские посты продвигаются вниз по реке. Признаюсь, я не знаю, дошли ли они сейчас до Сея, но это возможно, даже вероятно. В случае, если нам удастся получить другой конвой, эта комбинация будет иметь то преимущество, что согласуется с нашими планами.

— Но она имеет то неудобство, господин председатель, — порывисто вскричал Понсен, лихорадочно рассматривая цифры в своей книжке, — что нам предлагается путь в 800 километров. А наш шаг в среднем равен 72 сантиметрам, я в этом уверен. 800 километров составляют 1 111 111 шагов с дробью. Отбросим дробь. Мы делаем в час в среднем 5 143 шага с дробью. Отбросим дробь. Но есть еще остановки, которые требуют в час, в среднем, 18 минут 40 секунд, я это проверил. Остается 2 520 секунд, то есть 3 600 шагов и одна десятая. Переход в 800 километров потребует 1 111 111 шагов, разделенных на 3 600 и одну десятую, то есть 308 и двадцать две тысячи восемьсот две тридцатишеститысячных часа. Это составляет 1 111 680 секунд с дробью. Отбросим дробь. Мы в действительности идем 5 часов 45 минут и 12 секунд в день, считая все остановки, то есть 20 712 секунд. Следовательно, чтобы пройти 800 километров, нам потребуется 1 111 680 секунд, деленных на 20 712, что дает 53 и тринадцать миллионов девятьсот четыре двадцатимиллионных дня. Чтобы определить величину этой последней дроби, надо перевести ее в часы, минуты и секунды. И тогда получится...

— О! О!! О!!! — прокричал Амедей Флоранс, нервы которого не выдержали. — Неужели вы не могли попросту сказать, что нам понадобится 53 дня, если мы будем проходить по 15 километров в день, и только 40, если будем ежедневно делать 20? Чего вы хотите добиться этими невероятными вычислениями?

— А вот чего, — ответил Понсен, с уязвленным видом закрывая свой внушительный блокнот, — что лучше до-

стигнуть Нигера у Дженне. Таким образом, расстояние уменьшится наполовину и сократится до 400 километров.

— Было бы еще лучше, — возразил Амедей Флоранс, указывая по карте предлагаемый им путь, — выйти к Нигеру у Сегу-Сикоро через Баму, Уаттару, Джитаману и так далее. Переход будет около 300 километров, но, помимо того, что мы будем идти по пути капитана Марсенея, мы выгадаем 100 километров, потому что не придется подниматься по реке от Дженне до Сегу. Кроме того, это последнее поселение довольно значительное, и мы, конечно, найдем там помощь.

— Хорошо придумано, — одобрил доктор Шатонней.— Но есть еще более удобное решение вопроса. Надо просто возвратиться если не к морю, то, по крайней мере, в Сикасо, от которого нас отделяет всего 200 километров; там мы найдем соотечественников, которые нас так сердечно принимали. Там мы решим, следует ли отправиться в Бамако или же, что предпочтительнее, как считает господин Амедей Флоранс, подняться до Сегу-Сикоро.

— Доктор прав, — согласился Флоранс. — Это самое благоразумное решение.

После того как каждый выразил свое мнение, дискуссия на время прервалась.

— Можно согласиться, господин Флоранс, — начал после минутного раздумья Барсак, который захотел дать своим компаньонам лестное понятие о его героизме, — что и вы и доктор правы. Я вас прошу, однако, подумать, что возвращение в Сикасо означает оставление, хотя и временное, той цели, которую я себе поставил. Да, господа, долг прежде всего...

— Мы понимаем ваши опасения, господин Барсак, — перебил Флоранс, — но бывают случаи, когда долг — это благоразумие.

— Остается обсудить, — возразил Барсак, — что получится в том и другом случае. Наш конвой, правда, дезертировал, но напрасно искать опасностей, которые нам угрожали бы. Те опасности, к которым мы до сих пор шли навстречу, исходят, возможно, от предполагаемого врага, существование которого нам доказывают только те удары, которые он нам наносит. Но расценим эти удары, и они покажутся нам очень слабыми. Какие затруднения нам созданы? По словам господина Флоранса, нас снача-

ла пытались запугать; я предполагаю, что наш неведомый враг позднее возмутил наш персонал в Сикасо и далее и, наконец, каким-то неведомым способом подменил настоящий конвой фальшивым. Но соблаговолите подумать, что, поступая таким образом, нам дали доказательства очень большой умеренности. Этот мнимый конвой, вместо того чтобы сбежать, легко мог перебить нас всех! Он этого не сделал. Больше того: нам оставили провизию, оружие, патроны, лошадей и некоторый запас товаров. Поступки не из числа самых страшных.

— Но есть и Тонгане, — мягко возразил доктор Шатонней.

— Тонгане — негр, — ответил Барсак, — а для некоторых людей жизнь негра ничего не стоит.

— Господин Барсак прав, — вмешался Флоранс. — Да, с нами, действительно, поступили умеренно; верно, что до сих пор нашей смерти не хотели. Я говорю: до сих пор, так как наш неведомый противник может употребить приемы нападения более действенные, если мы будем продолжать путь в направлении, которое ему не нравится. Рана же Тонгане доказывает нам, что те, кого мы стесняем, скоры на расправу.

— Правильно, — одобрил доктор.

За одобрением доктора Шатоннея последовало несколько минут молчания, которые Барсак употребил на глубокое раздумье. Конечно, умозаключения Амедея Флоранса были справедливы, и, очевидно, почтенный депутат Юга не хотел подвергать опасности свое драгоценное существование с единственной целью избежать критики, которая ждет его в Париже, если он вернется, не выполнив полностью свою миссию. Да, впрочем, разве этим критикам нельзя возразить?

— Серьезно поразмыслив, — сказал Барсак, пытаясь испробовать на теперешних слушателях аргументы, которые ему впоследствии послужат в споре с коллегами из парламента, — я склоняюсь к предложению господина Амедея Флоранса, и особенно в той форме, которую придал ему наш уважаемый сотоварищ, доктор Шатонней. Я голосую за возвращение в Сикасо, имея конечной целью Сегу-Сикоро. Если же, господа...

Амедей Флоранс, утомленный дискуссией, перестал слушать оратора и начал думать о другом.

— ...если же, господа, кто-нибудь попытается порицать меня за прекращение этого безусловно необходимого путешествия, я отвечу, что ответственность за это прекращение падает на правительство, долг которого был обеспечить нашей экспедиции действенную защиту. Если серьезная необходимость принудила правительство отозвать состав нашего конвоя, оно должно было принять все необходимые меры, чтобы шайка авантюристов не могла подменить подлинный отряд, который нам предназначался; или же, чтобы такой подмен не совершился, оно обязано было с бо́льшим тактом избрать командира, которому доверило нашу безопасность. Этому командиру следовало не так послушно выполнять приказы, происхождение которых не наше дело выяснять. Расследование, кажущееся мне необходимым, расследование, господа...

— Простите, господин председатель, — перебил Амедей Флоранс, — если вы мне позволите...

Сначала репортер хотел предложить самое благоразумное решение, которое быстро подсказал ему здравый смысл. Но это предложение перестало интересовать Флоранса, лишь только он понял, что его примут. А через несколько минут немногого недоставало, чтобы он начал сожалеть о прекращении путешествия, как раз когда оно обещало стать интересным.

Он еще был во власти этих размышлений, когда его взгляд случайно упал на Жанну Морна и Сен-Берена. Он без всяких колебаний перебил Барсака, которого не слушал, как уже было отмечено.

— Простите, господин председатель, — перебил Амедей Флоранс. — С вашего позволения, я замечу, что мы принимаем решение, не спросив мнения мадемуазель Морна и господина де Сен-Берена: они имеют голос, как и все мы.

Замечание было основательное. Жанна Морна и Сен-Берен слушали спор молча, не принимая в нем никакого участия.

— Господин Флоранс прав, — признался Барсак, обращаясь к Жанне Морна. — Прошу, мадемуазель, выразить ваше мнение.

— Благодарю вас за желание узнать мое мнение, — спокойно ответила Жанна Морна, — но мы должны

остаться непричастными к обсуждению, которое нас не касается.

— Не касается вас? Почему же, мадемуазель? Мы, кажется, все под одним знаменем.

— Совсем нет, господин Барсак, — ответила Жанна Морна. — Если в силу обстоятельств вы отказываетесь от своей цели, то мы своей не оставляем. Нам не хотелось бы отделяться от вас в момент, когда у вас такие неприятности, но мы все-таки намерены продолжать свой путь.

— Вы все еще настаиваете на путешествии в Гао?

— Больше чем когда-либо.

— Одни? Без конвоя?

— Мы и не рассчитывали попасть туда с конвоем.

— Без носильщиков?

— Мы найдем других. Если это невозможно, обойдемся без них.

— Несмотря на эту враждебность, причин которой мы не знаем, но реальность которой неоспорима?

— Несмотря на эту враждебность, которая, впрочем, мне кажется, направлена больше против вас.

— Как это знать, раз мы идем одним путем? Во всяком случае, я боюсь, что именно на вас нападет неизвестный противник, если вы одни отправитесь к Нигеру.

— Пусть, это так, но мы не боимся неведомого врага.

— Но это безумие! — вскричал Барсак. — Мы не допустим вас совершить такой неблагоразумный поступок единственно для удовлетворения вашего каприза.

Жанна Морна одно мгновение колебалась, потом печально ответила:

— К несчастью, это не каприз, как я вам говорила до сих пор.

— Так о чем же идет речь? — вскричал изумленный Барсак.

Жанна Морна снова задумалась; после краткого молчания она сказала серьезно:

— О выполнении долга.

Барсак, доктор Шатонней и Амедей Флоранс смотрели на Жанну Морна с интересом и изумлением. Барсак и Шатонней спрашивали себя, что подразумевает девушка под словом, которое она произнесла, и какой долг мог оказаться настолько повелительным, чтобы повести ее в

самую дальнюю область Петли Нигера? Амедей Флоранс, который из любопытства старался разузнать, какие причины заставляли его компаньонов совершать это путешествие, испытывал глубокое удовлетворение при мысли, что узнáет еще одну из причин, которая до тех пор оставалась для него тайной.

Жанна Морна снова заговорила:

— Простите меня, господа, я вас обманывала...

— Вы обманывали? — спросил Барсак с возрастающим изумлением.

— Да, я вас обманывала. Господин де Сен-Берен сказал вам свое настоящее имя, он, действительно, француз, как и вы. Я же представилась вам под ложным именем и чужой национальностью. Я англичанка, зовут меня Жанна Бакстон. Я дочь лорда Гленора, сестра капитана Джорджа Бакстона. Около Кубо покоятся останки моего несчастного брата. Туда я должна отправиться, и только там смогу я завершить предпринятое мною дело.

Тогда Жанна Бакстон — ее имя отныне восстанавливается — рассказала о драме в Кубо, об обвинениях против Джорджа Бакстона, о его смерти, о стыде и отчаянии лорда Гленора. Она говорила о священной цели, которую поставила перед собой: восстановить честь брата, стереть пятно с его имени и возвратить покой старику, жизнь которого протекала в мрачном уединении замка близ Утокзетера.

Живое волнение овладело слушателями. Они удивлялись этой молодой девушке, благородный порыв которой не удерживали ни усталость, ни опасности.

— Мисс Бакстон, — довольно резко сказал Амедей Флоранс, когда она кончила говорить, — позвольте мне бросить вам упрек.

— Упрек? Мне? — удивилась Жанна, ожидавшая совсем другого эффекта от своего рассказа.

— Да, упрек, и серьезный! Какое странное и нелестное мнение у вас о французах вообще и об Амедее Флорансе в частности!

— Что вы хотите сказать, господин Флоранс? — пробормотала смущенная Жанна Бакстон.

— Как! — вскричал репортер негодующим тоном. — Вы вообразили, что Амедей Флоранс позволит вам сделать маленькую прогулку в Кубо без него?

— О! Господин Флоранс!.. — возразила с чувством Жанна, которая начала понимать.

— Хорошенькое дело! — продолжал Амедей Флоранс, все еще изображая живейшее негодование. — Какой эгоизм!

— Я не вижу... — пыталась сказать Жанна с полуулыбкой.

— Пожалуйста, позвольте мне говорить, — с достоинством перебил Флоранс. — Вы позабыли, что я журналист, больше того: репортер. А знаете ли вы, что скажет мне мой директор, когда узнает, что я прозевал сенсационный репортаж по делу Бакстона? Ну? Он мне скажет: «Мой маленький Флоранс, вы просто осел!» И выставит меня за дверь в два счета. А я дорожу местом. Итак, я отправляюсь с вами.

— О, господин Флоранс! — повторила Жанна, глубоко взволнованная.

Репортер посмотрел ей в глаза.

— Я отправляюсь с вами, мисс Бакстон, — энергично проговорил он. — И не теряйте времени, пытаясь меня отговаривать. Я думаю, что сам лучше вас знаю, что делать.

Жанна пожала руку славного и мужественного человека.

— Я принимаю, господин Флоранс, — сказала она, и две крупные слезы скатились из ее глаз.

— А меня, мисс Бакстон, меня вы возьмете? — спросил внезапно грубым голосом доктор Шатонней.

— Вас, доктор?

— Конечно, меня. Такая экспедиция не может обойтись без медика. Раз вы отправляетесь туда, где вас могут изрубить в мелкие кусочки, мне надо быть там, чтобы их сшить.

— О, доктор! — снова повторила Жанна, начиная плакать от счастья.

Но каково было ее волнение, когда она услышала гневный голос Барсака:

— Ну! А я? Я вижу, что никто не желает спросить моего мнения?

Барсак был действительно разъярен. Ведь он тоже хотел присоединиться к мисс Бакстон. Одним ударом он убивал двух зайцев, так как путь молодой девушки поч-

ти совпадал с его собственным, а неблагоразумие поступка оправдывалось благородной целью. Вдобавок, разве четверо мужчин, четверо французов могли хладнокровно бросить эту девушку в зарослях и предоставить ей одной пуститься в опасное приключение?

Флоранс и доктор Шатонней вырвали у него из-под носа эффект, как говорят в театре, а это всегда очень неприятно.

— Я не говорю о господине Флорансе, — продолжал он, еще увеличивая для видимости свое дурное настроение, — он человек свободный. Но вы, доктор, вы член экспедиции, главой которой являюсь я, как мне думается. И вы составляете проект дезертировать в свою очередь, чтобы ваш командир лишился последнего солдата?

— Уверяю вас, господин Барсак... — сказал доктор, который не подумал над этой стороной вопроса.

— Если ваше намерение не таково, сударь, быть может, у вас есть мысль, что я тоже отправлюсь в Кубо? Но разве вам принадлежит право решать, куда мы направим путь? И ваше ли дело давать мне уроки?

— Позвольте, господин Барсак... — пытался вставить слово бедный доктор.

— Нет, доктор, нет, я не позволяю, — возразил Барсак, голос которого все повышался. — И знайте, что я, ответственный начальник экспедиции на Нигер, не одобряю ваших проектов. Совершенно напротив, принимая во внимание, что единственный проводник, который у нас остался, нанят мисс Бакстон и находится в ее исключительном распоряжении, принимая во внимание, что мы не можем объясняться с туземцами без помощи мисс Бакстон и господина де Сен-Берена, которые одни среди нас могут разговаривать на языке бамбара, я хочу, я намереваюсь, я приказываю...

Барсак, голос которого достиг потрясающей звучности, сделал искусную паузу, потом очень простым тоном закончил:

— ...отправляться всем к Нигеру через Кубо.

— Как, господин Барсак? — спросила Жанна, боясь, что она не поняла.

— Так, мисс Бакстон, — отрезал Барсак. — Нужно, чтоб вы решились поддерживать нас до конца.

— О, господин Барсак? — прошептала Жанна и расплакалась всерьез.

Но не у одной Жанны были влажные глаза. Волнение было всеобщим. Мужчины, впрочем, старались его скрыть, и оно выразилось у них в возбужденном потоке бесполезных слов.

— Это самая простая прогулка, — восклицал Флоранс, — раз мы имеем провизию!

— На пять дней! — говорил доктор Шатонней таким тоном, будто речь шла о пяти месяцах.

— Только на четыре, — поправлял Барсак, — но мы купим еще.

— Впрочем, охота, — подсказывал доктор.

— И рыбная ловля! — прибавил Сен-Берен.

— И фрукты, которые я неплохо знаю, — утверждал доктор.

— Мой знает плоды: пататы, ямс, — вставлял Тонгане.

— Я могу делать масло карите, — старалась превзойти его Малик.

— Гип, гип, ура! — кричал Амедей Флоранс. — Это Капуя, Ханаанская страна, земной рай[1]!

— Мы отправляемся завтра, — приказал наконец Барсак. — Приготовимся, чтобы не терять ни часа.

Стоит отметить, что Понсен до сих пор ни разу не открыл рта. Напротив, лишь только все решили идти в Кубо, Понсен вытащил свой блокнот, страницы которого он покрыл бесконечными вычислениями.

— Все это очень хорошо, — сказал он в ответ на последние слова Барсака. — Не мешает отметить, что путь в Кубо, сравниваемый с таковым же в Сегу-Сикоро, представляет увеличение на 400 километров. Так как наш шаг составляет, как известно, 72 сантиметра, это составляет 555 555 шагов с дробью. Отбросим дробь. И мы делаем в час, как уже сказано, 3 600 шагов и одну десятую и идем каждый день 5 часов 45 минут и 12 секунд. Следовательно...

---

[1] *Капуя* — город в Южной Италии; в древности там вели праздную, изнеженную жизнь войска карфагенского полководца Ганнибала. *Ханаанская страна,* по библейской легенде, обладала необычайным изобилием плодов земных.

Но никто не слушал Понсена. Барсак, доктор Шатонней, Амедей Флоранс, Жанна Бакстон и Сен-Берен уже занялись деятельными приготовлениями к завтрашнему дню, и Понсен проповедовал в пустыне.

МОГИЛА, КОСТИ

Сопровождаемые шестью носильщиками, предоставленными старшиной Каду, остатки экспедиции Барсака покинули эту деревню утром 24 февраля. Как ни тревожны были последние события, путешественники выступили весело, исключая Понсена, внутренние чувства которого оставались непроницаемыми. Все были приятно возбуждены перспективой совершить великодушный, даже героический поступок и взаимно поздравляли друг друга с принятым решением. Впрочем, ничего еще не было потеряно. Шесть европейцев и Тонгане, взявший Малик на круп лошади, владели верховыми животными, у них было оружие, продукты, предметы обмена.

С другой стороны, местность казалась спокойной, и можно было надеяться, что неведомый противник, с которым они до сих пор сталкивались, прекратит свои преследования; а больше никого не приходилось опасаться. По-видимому, ничто не помешает экспедиции достигнуть Кубо без серьезных испытаний.

Ничто не препятствовало быстрому маршу, так как его уже не замедляло многочисленное стадо ослов. Чтобы ускорить поход, были принесены тяжелые жертвы. Старшине Каду за его услуги оставили бо́льшую часть товара, сохранив лишь то, что можно было легко доставить в Гао. Более тягостная жертва: отказались от палаток и лишь одну сохранили для Жанны Бакстон, хотя она категорически возражала; мужчины будут ночевать в деревнях или на открытом воздухе. В сухое время года и при сравнительно коротком походе это не могло причинить особых неудобств.

Дело шло о расстоянии в пятьсот километров, то есть о переходе в пятнадцать или двадцать дней. Вероятно, в Кубо будут между 10 и 15 марта. Начало пути оправдало благоприятные предзнаменования. Свежие носильщики были усердны, намеченные этапы выполнялись, и только пять дней потребовалось, чтобы преодолеть сто

сорок километров, отделяющих Каду от Санабо, куда прибыли днем 28 февраля. Никаких происшествий не случилось во время этой первой части путешествия.

Как и предполагалось, на ночлег устраивались в туземных хижинах, правда, очень грязных, но все же удовлетворительных. Если же во второй части дня поблизости не оказывалось деревушки, ночь мирно проходила на открытом воздухе. Повсюду хорошо принимаемые, путешественники питались без затруднений и сохранили свои запасы провизии, когда покинули Санабо 1 марта. До сих пор у них не было причин раскаиваться в принятом решении.

— Это слишком хорошо! — провозгласил Амедей Флоранс в разговоре со своим другом Сен-Береном, когда они ехали бок о бок 2 марта. — Как глубокий мыслитель, я должен был бы беспокоиться и рассчитывать, какая дробь обычного соотношения между добром и злом приходится нам во вред. Но я лучше хочу предполагать, что судьба время от времени берет пример с господина Понсена и отбрасывает дробь.

— Это результат хорошего поступка, дорогой друг, — ответил Сен-Берен. — Вы нас не покинули, и небо вас вознаграждает.

— Судя по тому, как идут дела, у нас нет большой заслуги, — сказал, поворачиваясь в седле, доктор Шатонней, ехавший впереди двух друзей.

— Кто знает! — молвил Сен-Берен. — Мы еще не пришли к концу.

— Ба! — вскричал Амедей Флоранс. — Все равно. На этот раз нам дует попутный ветер. Такие вещи чувствуются, черт возьми! Я утверждаю, что мы приедем в Кубо, как на кресле, без малейших приключений, что, впрочем, не слишком утешительно для журналиста, директор которого... Эй! — прервал он внезапно речь, обращая восклицание к своей лошади, которая споткнулась.

— В чем дело? — спросил Барсак.

— Моя лошадь, — объяснил Флоранс. — Я не знаю, что с ней. Она беспрестанно спотыкается сегодня утром. Надо ее осмотреть...

Он не успел кончить: лошадь внезапно остановилась, задрожала и закачалась. Репортер едва успел соскочить, как животное согнуло колени и вытянулось на земле. На

помощь бедной лошади поспешили; она стонала и дышала тяжело. С нее сняли седло, промыли ноздри водой из соседнего ручейка. Ничто не помогло. Час спустя лошадь издохла.

— Мне надо было подержаться за сучок, — жалобно сказал Амедей Флоранс, превратившийся в пешехода. — Поздравляя себя с удачей, обязательно накличешь беду: это уж известно.

— Вы становитесь суеверным, господин Флоранс? — улыбаясь, спросила Жанна Бакстон.

— Не совсем, мадемуазель. Мне только досадно, очень досадно!

Лошадь Тонгане была отдана репортеру. Жанна Бакстон посадила Малик сзади, и после двухчасовой задержки снова двинулись в путь, оставив позади труп лошади и ее сбрую, которую нельзя было увезти. Дневной переход из-за этого происшествия сократился.

С наступлением ночи остановились около рощи, раскинувшейся полукругом у края дороги; с этого пункта, расположенного на небольшой возвышенности, можно было осматривать местность по всем направлениям. Эта роща, где можно было не опасаться нечаянного нападения, была удачно избрана для ночлега. Ее удобства, очевидно, привлекали и других путешественников. Судя по следам, здесь останавливалась довольно многочисленная группа людей, и у них были лошади. Кто эти люди? Негры или белые? Второе предположение, более вероятное, так как негры обычно не пользуются лошадьми, превратилось в уверенность, когда Амедей Флоранс нашел и показал спутникам пуговицу — предмет цивилизации, мало употребляемый черными и неопровержимо свидетельствовавший о цвете кожи ее прежнего владельца.

Высокая трава уже выпрямилась, — значит, люди были здесь не менее двенадцати дней назад. Так как путники с ними не столкнулись, можно было заключить, что и они следуют на северо-запад, — значит, встретиться с ними не придется.

День 3 марта не принес ничего особенного, но 4-го путешественники потерпели новый урон в конском составе. Вечером лошадь Барсака пала точно так же, как лошадь Амедея Флоранса. Это уже начало казаться странным.

Доктор Шатонней, осмотрев мертвую лошадь. сказал Флорансу, когда они были вдвоем:

— Я поджидал этого, господин Флоранс, чтобы сказать вам достаточно серьезную вещь.

— Какую же? — спросил удивленный репортер.

— Наши лошади отравлены.

— Невозможно! — вскричал репортер. — Кто их отравил? Негры, нанятые в Каду? Не в их интересах создавать нам трудности.

— Я никого не обвиняю, но настаиваю на том, что сказал. После первого несчастья я сомневался. После второго у меня полная уверенность. Признаки неопровержимы. Последний невежда не ошибется.

— Итак, ваше мнение, доктор?

— Насчет чего?

— Насчет того, что мы должны делать.

— Я знаю это не больше вас. Мой долг предупредить вас, и я сделал это конфиденциальным образом, чтобы вы сообщили нашим товарищам, за исключением мисс Бакстон, которую, мне думается, не стоит волновать.

— Конечно, — согласился Флоранс. — Но скажите, доктор, неужели так необходимо предполагать злой умысел в этих двух случаях? Неужели нельзя объяснить это иначе? Не могли ли наши лошади съесть ядовитую траву?

— Это не только возможно, — сказал доктор, — но и очевидно. Остается узнать: случайность ли примешала к их пище ядовитую траву, или же случай носит имя человека? Пока я об этом знаю не больше вас.

Решили наблюдать строже, чем когда-либо, за пятью уцелевшими лошадьми, чтобы избежать повторения несчастий. Один из европейцев или Тонгане всегда оставались с ними во время привалов, чтобы к ним никто не мог подойти. По причине ли этих предосторожностей или просто потому, что две первые смерти были случайны, следующие два дня прошли без приключений, и все немного успокоились. Вдобавок, потеря двух лошадей была до сих пор единственным несчастным происшествием.

Местность была очень ровной, продвигались без усталости, настолько быстро, насколько позволял шаг носильщиков; в деревушках легко доставали продовольствие, что позволяло сохранять первоначальный запас про-

дуктов на четыре дня. Во второй половине дня 5 марта и за весь день 6-го не заметили ни одной деревни, и этот резерв пришлось затронуть. Впрочем, об этом не беспокоились, так как Тонгане уверял, что они скоро встретят значительное поселение, где легко будет достать пропитание.

Вечером 6 марта в самом деле подошли к деревне Яхо, но предсказания Тонгане не оправдались. Лишь только приблизились к «тата» — стене, окружавшей деревню, — раздались бранные крики и даже выстрелы из кремневых ружей, и на вершине «тата» появилась многочисленная толпа негров. Экспедиция в первый раз встретила такой прием, если не считать выходки туземцев в Кокоро. В Кокоро еще удалось превратить их воинственные чувства в более дружеские, а в Яхо даже невозможно было попытаться достигнуть подобного результата.

Барсак напрасно пытался вступить в сношения с жителями деревни, — не помогали никакие средства. Был поднят белый флаг на конце палки. Эта мирная эмблема, понятная повсюду на земле, вызвала ураган завываний, сопровождаемый тучей пуль, которые были бы смертельны для посланного, если бы он не постарался держаться на достаточной дистанции. Тонгане и два носильщика, люди того же племени, как и обитатели Яхо, были посланы парламентерами. Но их отказались слушать и отвечали камнями и пулями, которые, впрочем, неловкость стрелков делала безобидными. Было ясно, что обитатели деревни по той или иной причине решили не входить ни в какие отношения с чужестранцами и даже не желают знать их намерения. Впрочем, эти негостеприимные негры ограничились лишь тем, что заперлись за «тата», не впускали туда путешественников, но не отваживались на более решительные враждебные действия.

Каковы бы ни были причины такого поведения, путешественники не могли запастись провизией, как надеялись, и 7 марта им пришлось отправиться с запасом провизии всего на два дня. Положение, впрочем, не внушало еще тревоги. Экспедиция уже сделала больше трехсот километров от Каду, то есть более половины намеченного пути. И можно было думать, что ближайшие деревни окажут более дружеский прием, чем Яхо.

По дороге не встретилось жилья, и этот вопрос в продолжение дня 7 марта не мог разрешиться. День был удачен по числу пройденных километров, но принес новое несчастье: пала третья лошадь, совершенно так же, как две предыдущие.

— Кому-то все же удается отравлять наших лошадей, несмотря на строгий надзор? — спросил Флоранс доктора Шатоннея.

— Это мало вероятно, — ответил доктор. — Яд был дан до нашего отправления из Каду, может быть, в ту ночь, когда дезертировал наш конвой. Если же лошади умирают одна за другой, то объясняется это различием их организмов, и, без сомнения, различием доз.

— А пока, — сказал Флоранс, — нас трое пешеходов на четыре всадника. Не слишком забавно!

8 марта пустились в путь с беспокойством. С какой стороны ни взгляни, будущее представлялось мрачным. Уже невозможно было скрывать, что могущественный противник, от которого путешественники, по их мнению, освободились, позаботился отравить лошадей, прежде чем отделиться от экспедиции, и это указывало на постоянство ненависти, столь же ужасное, как и необъяснимое. С другой стороны, провизии оставалось только на один день, и придется страдать от голода, если до заката солнца не встретится деревня.

Этого не пришлось долго ждать. Еще не прошел первый час пути, как вдали показалась группа хижин. Путешественники немного помедлили, гадая о том, какой прием их ждет. На обширной равнине, развертывавшейся перед их глазами, они ничего не различали. Деревня казалась мертвой, поле было пустынно. Виднелись лишь пышный ковер зарослей да просека дороги, на которой кое-где чернели пятна.

Барсак и его спутники двинулись к деревне. Они не сделали и километра, как отвратительный запах стеснил им дыхание. Через несколько шагов они были около одного из черных пятен, замеченных издали. Они попятились. Черное пятно оказалось полуразложившимся трупом негра. До самой деревни они насчитали на дороге десять таких похоронных вех.

Доктор Шатонней, осмотревший один из трупов, сказал Амедею Флорансу:

— Видите, как невелико входное отверстие от пули, поразившей этого человека, и как, наоборот, обширно выходное, когда пуля пронизывает тело насквозь. И вы можете заметить, какие ужасающие разрушения она производит, когда встречает кость. В этих людей стреляли разрывными пулями.

— Опять?! — вскричал Амедей Флоранс.

— Опять.

— Как в того старого негра, о котором мы позаботились в деревушке, во время первого перехода с новым конвоем?

— Да, как в тот день, — подтвердил доктор Шатонней.

Амедей Флоранс и доктор присоединились к спутникам в молчании. Они в задумчивости спрашивали себя, какое заключение следует вывести из необъяснимого повторения такого ужасного случая?

В деревне зрелище было еще страшнее. Многочисленные признаки говорили, что она была местом жестокой битвы. После боя победители сожгли деревню, и бо́льшая часть хижин погибла от огня. В уцелевших хижинах нашли трупы.

— Смерть этих несчастных произошла, по крайней мере, десять дней назад, — сказал доктор, — и тоже произошла от разрывных пуль.

— Но кто же негодяи, устроившие такую резню? — вскричал Сен-Берен.

— Может быть, те люди, следы которых мы заметили несколько дней назад?—предположил Амедей Флоранс.— Мы тогда считали, что они опередили нас на двенадцать дней. Это сходится с датой, установленной доктором.

— Это, несомненно, они, — с негодованием сказал Барсак.

— Так это им мы обязаны недавним приемом в Яхо, — прибавил Флоранс. — Они хотели разграбить Яхо, но деревня окружена «тата», и они не могли туда войти. Вот почему испуганные негры с этого времени держатся на оборонительном положении.

— Это логично, — одобрил доктор Шатонней.

— Но кто же эти негодяи, — спросила Жанна Бакстон, — и не опасно ли для нас их присутствие?

— Кто они, я не знаю, — ответил Флоранс, — но мне

кажется, что нам не следует бояться. Они опередили нас на десять — двенадцать дней, и так как они на лошадях, то мало вероятно, чтобы мы их когда-нибудь догнали.

Через сожженную деревню прошли, не встретив ни одного живого существа. Она была совершенно пустынна, так как те, кого не уничтожили пули, скрылись. Вдобавок, деревня была разграблена. Все, что не истребил огонь, было пущено на ветер. То же зрелище в окрестностях, где расстилались опустошенные поля. Злая, разрушительная воля была очевидна.

Во власти самых печальных размышлений путники оставили позади злополучное селение.

Вечером остановились в поле. Провизии оставалось лишь на один раз. Ее разделили на две части, из которых одну сохранили на следующее утро.

Днем 9 марта встретили две деревни. К первой не могли приблизиться, так как она была защищена «тата», и их встретили, как в Яхо, вторая, незащищенная, была разрушена, сожжена и совершенно пуста, как виденная накануне.

— Поистине можно сказать, — заметил Барсак, — что эти люди задались целью создать перед нами пустыню.

Замечание было верное. Не убив путешественников иным способом, их решили заморить голодом.

— Ба! — умышленно беспечно сказал Амедей Флоранс. — Мы наперекор им все же пройдем эту пустыню. До Кубо не больше полутораста километров. В конце концов это не море переплыть. Уж если мясники и бакалейщики забастовали, то охота доставит нам бифштексы.

За исключением Понсена, неспособного владеть оружием, все остальные последовали превосходному совету. К несчастью, высокая трава закрывала вид, а местность была не слишком обильна дичью. За весь день добычу составили только дрофа, две цесарки и две куропатки. Этого едва хватило на четырнадцать человек.

Вечером Флоранс и доктор заметили, что на месте их лагеря останавливались и другие путешественники. Казалось, время, на которое те их опередили, стало меньше, так как трава была помята не так давно. Пока они рассуждали по этому поводу, их позвал Тонгане. Упали сразу две лошади. Помочь было невозможно, и они погибли после часа мучений.

Осталось всего две лошади, но и их не суждено было сохранить: они пали 10 марта.

Были ли носильщики, нанятые в Каду, напуганы этими постоянными смертями? А может быть, просто они побоялись голода, так как охота 10 марта дала смехотворные результаты? Как бы то ни было, они скрылись ночью с 10 на 11 марта, и когда настало утро, шесть европейцев, Тонгане и Малик оказались без носильщиков, без лошадей и без провизии.

На момент они испытали упадок духа, вполне естественный из-за слабости, которую они начали чувствовать. Особенно удручена была Жанна Бакстон, упрекавшая себя за то, что вовлекла своих товарищей в это плачевное путешествие. Она обвиняла себя за их несчастья и просила прощенья.

Флоранс почувствовал необходимость бороться со всеобщим унынием.

— Какие бесполезные слова! — вскричал он нарочито грубым тоном, обращаясь к Жанне Бакстон. — Мы еще, кажется, не умерли. Охота не была хороша эти дни... Что ж! Завтра она будет лучше, вот и все.

— Не забудем, — заметил доктор Шатонней, приходя на помощь репортеру, — что наши негры, сбежав, избавили нас от шести едоков.

— В наших обстоятельствах это прямо благодеяние, — заключил Флоранс. — Если бы они не ушли сами, я уж намеревался отправить их к любезным семействам.

— Спасибо, господин Флоранс, спасибо, господа, — сказала Жанна Бакстон, глубоко растроганная. — Поверьте, что я никогда не забуду вашей доброты.

— Без нежностей, — перебил Флоранс. — Нет ничего хуже перед завтраком. Лучше пойдем на охоту и потом будем есть до несварения желудка. А чувства будем изливать за десертом.

Уход носильщиков сделал невозможной переноску тюков, пришлось оставить последнюю палатку и остатки меновых товаров. Жанна Бакстон отныне будет спать на открытом воздухе, если не найдется убежища в покинутой деревне. Потеря предметов обмена не вызвала больших сожалений. К чему они, раз страна пустынна? Впрочем, разве они не имели золота на случай, если станет возможно вести торговлю!

В этих печальных обстоятельствах поход возобновился. 12 марта прошли через деревню, где нашли многочисленные трупы негров. Доктор заметил, что смерть этих несчастных произошла недавно, не более двух дней назад. Не следовало ли отсюда заключить, что они догоняют шайку убийц и могут с ней столкнуться в тот или другой день?

Несмотря на эту малоутешительную перспективу, они продолжали продвигаться к северу. Что другое могли они сделать? Возвращаться к югу, по дороге, где снова встретятся враждебные или разрушенные деревни, невозможно. Лучше любой ценой достигнуть Нигера, потому что там они могут получить помощь.

Истощенные путешественники на своем пути встречали полное опустошение. Деревни, защищенные «тата» против разгрома, были настроены воинственно, остальные — разграблены. Нигде не удавалось достать продовольствия, и экспедиция существовала только по милости счастливых случайностей: ямс, пататы или другие корни, вырытые в опустошенном поле, удачный выстрел, а иногда какая-нибудь жалкая рыбешка, выловленная Сен-Береном во время привала. Но это случалось реже всего. Хотя несчастье ничуть не уменьшило постоянную рассеянность и повышенную чувствительность странного племянника Жанны Бакстон, но они шли местами, где реки попадались не часто. Не раз страдали от жажды: колодцы на их пути были неизменно засыпаны. Злая сила, изощрявшаяся в преследовании путешественников, ничего не забывала.

Но энергия их все же не иссякла. Сжигаемые солнечными лучами, с трудом таща ноги, когда им не попадалась дичь, сокращая переходы из-за возрастающей слабости, они отважно стремились к северу день за днем, шаг за шагом, несмотря на усталость, жажду, голод.

Двое негров выносили испытания с удивительным терпением. Привыкшие к невзгодам суровой жизни, они страдали как будто меньше, чем европейцы. Они проявляли самую трогательную преданность.

— Мой не очень голоден, — говорил Тонгане Малик, предлагая ей какой-нибудь найденный им корень.

Малик принимала подарок, но лишь для того, чтобы

предложить его Жанне Бакстон, а та присоединяла его к общему запасу.

И так каждый выполнял долг, действуя сообразно со своим характером.

Барсак был больше всего склонен к гневу. Он молчал, а если иногда с его уст срывалось слово, оно было обращено к французскому правительству, небрежность которого поставила его, Барсака, в такое трудное положение. Он уже видел себя на трибуне парламента. В ожидании он готовил свои громы, которые метнет вокруг, как некий Юпитер с высоты парламентского Олимпа [1].

Доктор Шатонней тоже мало говорил, но, хотя и неспособный к охоте, был очень полезен. Он искал съедобные фрукты, которые открывал довольно часто, и, стараясь сохранить хотя бы видимость веселого настроения, никогда не забывал хохотать с характерным шумом выпускаемого из машины пара при малейшей шутке Амедея Флоранса.

Понсен еще меньше говорил, он совсем почти не открывал рта. Он не охотился, не удил, но зато и не жаловался. Он ничего не делал, Понсен, если не считать того, что по временам записывал в свою таинственную книжку какие-то заметки, всегда очень интриговавшие Амедея Флоранса.

Казалось, Жанна Бакстон с меньшим терпением выносила испытания, посылаемые судьбой, и, однако, не этими испытаниями объяснялась ее растущая печаль. Никогда не надеясь, что путешествие пройдет без трудностей, она с твердым сердцем встречала препятствия на своем пути. Похудевшая, ослабевшая от лишений и всевозможных страданий, она сохраняла всю энергию, и мысль ее постоянно была устремлена к намеченной цели. Но по мере приближения к ней беспокойство и тоска увеличивались против ее воли. Что скажет ей могила в Кубо? Что покажет расследование, которое она предпримет, приняв за центр розысков то место, где погиб ее брат? Не вернется ли она с пустыми руками?

Эти вопросы теснились в ее мозгу, становясь каждый день все более неотвязными и повелительными.

---

[1] *Юпитер (Зевс)* — бог грома у древних, живший, по их верованиям, на горе Олимп.

Амедей Флоранс видел печаль Жанны Бакстон и всячески старался ее рассеять. На деле он был душой этого маленького мирка, и самые худшие испытания не влияли на его постоянную веселость. Если его послушать, надо было благодарить небо за отеческую заботливость, потому что никакой другой род жизни не соответствует так строго правилам гигиены, если ее хорошо понимать. Что бы ни случилось, он рукоплескал. Жажда? Нет ничего более благоприятного при начинающемся расширении желудка. Голод? Прекрасно — это излечит его от грозящего ему артрита [1]. Вы истощены усталостью? По его мнению, вы лучше будете спать. И он во всем этом искал поддержки доктора Шатоннея, который одобрял и восхищался смелостью и энергией славного парня.

Заслуги Амедея Флоранса были тем больше, что, кроме общих забот, он испытывал беспокойство другого рода, о котором его товарищи даже не подозревали. Началось это 12 марта, когда они пересекли деревню, разграбленную, казалось, накануне. С этого дня Амедей Флоранс втайне убедился, что за ними наблюдают, шпионят. Он был уверен, что враги сторожат их в зарослях, шаг за шагом следуют за расстроенной экспедицией, видят ее агонию и готовы в тот момент, когда спасение будет близко, уничтожить все усилия этих потерпевших крушение на суше. Будучи всегда настороже, он получал многочисленные доказательства своих подозрений: днем — следы недавнего лагеря, едва слышные выстрелы, галоп лошади вдали; ночью — шепот, тихие шаги, неясные тени среди глубокой тьмы. О своих наблюдениях, размышлениях, страхах он ничего не говорил товарищам и приказал молчать Тонгане, который заметил то же самое. Они удовлетворились тем, что усиленно караулили.

Путешествие, связанное с такими трудностями, не могло уложиться в намеченные сроки. Только вечером 23 марта они сделали последнюю остановку перед Кубо. Семь-восемь километров отделяли от него истощенных путников, но менее чем за два километра находилась, по словам Тонгане, могила, где покоились останки капитана Джорджа Бакстона.

---

[1] *Артрит* — воспаление суставов.

На рассвете следующего дня они пустятся в путь. Покинув проторенную тропу, они сначала пойдут туда, где был уничтожен мятежный отряд, а потом направятся к деревне. Если она в лучшем состоянии, чем другие, они найдут там продовольствие и отдохнут несколько дней, пока Жанна Бакстон будет продолжать розыски. В противном случае они или повернут к Гао, или изберут дорогу в Тимбукту или Дженне, в надежде встретить на севере или востоке менее разоренные области.

В этот момент Амедей Флоранс счел нужным рассказать товарищам о фактах, которые его занимали. Пока они отдыхали от дневной усталости, а Малик готовила скудный ужин на огне из сухой травы, он рассказал им о своих дневных и ночных наблюдениях и выразил уверенность, что они не могут сделать ни одного шага, который не был бы известен невидимым, но всегда присутствующим поблизости врагам.

— Я иду дальше, — прибавил он, — и осмеливаюсь утверждать, что наши противники — это старинные знакомцы. Я упорно настаиваю, пока мне не докажут противного, что они состоят в точности из двадцати черных и трех белых и что один из них походит, как двойник, на нашего изящного друга, так называемого лейтенанта Лакура, с такой выгодной стороны известного моим почтенным собеседникам.

— На чем вы основываете свои предположения, господин Флоранс? — спросил Барсак.

— Прежде всего на том, что наш так называемый конвой легко мог узнать наши намерения и предшествовать на выбранном нами пути. Зачем? Чтобы сделать на нашу беду ту хорошенькую работу, которой вы могли восхищаться. Кроме того, трудно допустить присутствие другого отряда, который, не зная о нашем местонахождении, занимался бы подобными развлечениями с необъяснимой целью. Есть еще и другое. Обитатели уничтоженных деревень и старый негр, которого перевязывал доктор еще до Каду, поражены одинаковым оружием. Убийцы были поблизости от нас до прибытия второго конвоя, так же, как они здесь после его ухода.

— Может быть, вы и правы, господин Флоранс, — согласился Барсак, — но, в конце концов, вы не открыли нам ничего нового. Никто из нас никогда не сомневался,

что опустошение страны производится во вред нам. Но, будь ли опустошение делом лейтенанта Лакура или другого, это не меняет положения, равно как и то, что бандиты окружают нас, вместо того чтобы идти впереди, как мы предполагали.

— Я не согласен, — возразил Амедей Флоранс. — Я до такой степени не согласен, что решил сегодня говорить, после того как долго молчал, чтоб не увеличивать напрасно ваших опасений. Но мы у цели, несмотря ни на что. Завтра мы или будем в Кубо, следовательно, под защитой, или нас заставят изменить направление, а быть может, перестанут преследовать. И я хотел бы, признаюсь, обмануть на этот раз преследователей, чтоб они не знали наших намерений.

— Почему? — спросил Барсак.

— Сам не знаю, — признался Флоранс. — Просто мне пришла такая мысль. Мне кажется, в интересах мисс Бакстон, чтобы цель ее путешествия не была известна, прежде чем она сделает расследование.

— Я согласна с господином Флорансом, — одобрила Жанна Бакстон. — Кто знает, быть может, завтра они на нас нападут открыто, и я потерплю крушение в порту. Я не хотела бы, зайдя так далеко, не достигнуть цели. Господин Флоранс прав: надо ускользнуть от шпионов, которые нас окружают. К несчастью, я не вижу средства, как это сделать.

— Нет ничего проще, — разъяснил Флоранс. — Несомненно, что по крайней мере до сих пор наши враги не рискнули на прямое покушение. Они лишь следуют за нами, шпионят, и, если мысль мисс Бакстон правильна, вмешаются более действенно, когда наше упорство истощит их терпение. Вероятно, их бдительность утихает, когда мы останавливаемся на ночлег. Постоянство наших привычек должно их успокоить, и они не сомневаются в том, что найдут нас утром там, где оставили вечером. Нет оснований предполагать, что сегодня их стража бдительнее, чем в другие дни, по крайней мере, если они не решились еще на немедленную атаку. И даже в этом случае будет выгоднее, чем когда-либо, попытаться ускользнуть в сторону. А если это и не так, проще всего отправиться немедленно, воспользовавшись темнотой. Мы бесшумно пойдем один за другим в определенном направле-

нии и встретимся в условленном месте. В конце концов за нами по пятам идет не бесчисленная армия, и это будет необычайное несчастье, если мы попадем прямо к прелестному лейтенанту Лакуру.

План, горячо одобренный Жанной Бакстон, был принят. Условились идти на запад, к группе деревьев, находившейся на расстоянии одного километра и замеченной до наступления темноты. Теперь эти деревья исчезли из глаз, но было известно, в каком направлении они находятся, и их можно было достигнуть с уверенностью, руководясь звездой, блестевшей на горизонте под густыми тучами, еще увеличивавшими темноту. Первым пошел Тонгане, за ним Жанна Бакстон, потом Малик. Остальные европейцы последовали друг за другом; шествие замыкал Амедей Флоранс.

Переход совершился без приключений. Через два часа шесть европейцев и двое черных соединились на опушке рощи; беглецы поспешно пересекли ее, чтоб поставить заслон между собой и врагами. Теперь двигались гораздо свободнее. Близость цели придала силы даже самым слабым. Никто не чувствовал усталости.

Полчаса быстрой ходьбы — и Тонгане остановился. По его словам, они пришли туда, где был истреблен мятежный отряд Джорджа Бакстона, но в темноте ночи он не смог с точностью указать пункт, интересовавший Жанну Бакстон. Нужно было ждать дня.

В течение нескольких часов отдыхали. Только Жанна Бакстон, не зная, что ей принесет грядущий день, не могла заснуть. Более настоятельно, чем когда-либо, перед ней теснилась сотня вопросов. Действительно ли ее несчастный брат умер, и откроет ли она доказательства, не уничтоженные временем? Если такие доказательства существуют, сможет ли она убедиться в преступности или, наоборот, в невиновности брата или останется все в той же неуверенности? И как она завтра начнет расследование, на которое решилась? Не рассеялись ли, не исчезли ли последние свидетели драмы, быть может, тоже умершие, и есть ли надежда найти кого-либо из них? И если она их найдет, какова будет истина, которую она услышит из их уст?..

Еще не было шести часов, как все уже были на ногах. Пока рассветало, Тонгане осматривал окрестности и при-

поминал знакомые места. Все следили за ним с живым волнением.

— Там! — сказал, наконец, негр, указывая на уединенное дерево, одиноко поднимавшееся на равнине в 300—400 метрах от них.

Через несколько минут все были у подножия этого дерева и копали почву в том месте, где указал Тонгане, хотя там не было никаких признаков могилы. Ножи лихорадочно разрывали землю, ее выбрасывали руками, и яма быстро росла.

— Внимание! — крикнул репортер. — Вот кости...

Мисс Бакстон, очень взволнованная, должна была опереться на руку доктора.

Начали осторожно расчищать яму. Показалось тело, или, вернее, скелет, прекрасно сохранившийся. Вокруг руки остались клочки материи и золотая нашивка — знак чина. Среди костей нашли портфель, сильно поврежденный временем. Его открыли: в нем был лишь один документ — письмо, адресованное Джорджу Бакстону его сестрой.

Слезы брызнули из глаз молодой девушки. Она поднесла к губам кусок пожелтевшей бумаги, которая рассыпалась у ней между пальцев; потом, обессиленная, Жанна приблизилась к могиле.

— Доктор, прошу вас, — сказала она дрожащим голосом, — не будете ли вы так добры освидетельствовать останки моего несчастного брата?

— К вашим услугам, мисс Бакстон, — отвечал взволнованный доктор, даже позабыв, что его внутренности терзает голод.

Он спустился в могилу и произвел осмотр по всем правилам судебной медицины. Когда он кончил, лицо его было серьезно и выражало глубокое волнение.

— Я, Лоран Шатонней, доктор медицины Парижского университета, — торжественно произнес он среди глубокого молчания, — удостоверяю следующее: во-первых, кости, подвергнутые мной исследованию, которые мисс Жанна Бакстон объявила костями ее брата Джорджа Бакстона, не носят никаких признаков раны, нанесенной огнестрельным оружием; во-вторых, человек, от которого остались эти кости, был убит; в-третьих, смерть последовала от удара кинжалом, нанесенного сзади сверху вниз;

кинжал пронзил левую лопатку и задел верхнюю долю сердца; в-четвертых, вот оружие преступления, собственноручно извлеченное мною из кости, в которой оно засело.

— Заколот!.. — пробормотала ошеломленная Жанна Бакстон.

— Заколот, я это утверждаю, — повторил доктор Шатонней.

— И сзади!

— Сзади.

— Значит, Джордж невиновен! — вскричала Жанна, разразившись рыданиями.

— Невиновность вашего брата выходит из пределов моей компетенции, мисс Бакстон, — мягко заметил доктор Шатонней, — и я не могу о ней судить с такой же смелостью, как о фактах, мною констатированных, но она мне кажется чрезвычайно вероятной. В самом деле, из моего осмотра вытекает, что ваш брат не был убит в битве, как думали до сих пор, но умерщвлен сзади. Удар нанесен не солдатом регулярной армии, так как кинжал не военное оружие.

— Спасибо, доктор, — сказала Жанна, понемногу приходя в себя. — Первые результаты моего путешествия дают надежду... Еще одна просьба, доктор... Не можете ли вы письменно подтвердить то, что вы сегодня установили, а все остальные не будут ли добры послужить свидетелями?

Все горячо отдали себя в распоряжение Жанны Бакстон. Амедей Флоранс на листке бумаги, который Понсен согласился вырвать из блокнота, написал протокол, подписанный доктором Шатоннеем и всеми присутствующими. Он был вручен Жанне Бакстон вместе с оружием, найденным в могиле ее брата.

Это оружие молодая девушка взяла, задрожав. Крепкий четырехугольный клинок кинжала, с вырезанными на нем глубокими желобками, был покрыт толстым слоем ржавчины, может быть, смешанной с кровью. На рукоятке из слоновой кости можно было разобрать следы исчезнувшей надписи.

— Смотрите, господа, — сказала Жанна, показывая почти невидимые линии, — это оружие некогда носило имя убийцы.

— Досадно, что оно стерлось, — вздохнул Амедей Флоранс, исследуя оружие в свою очередь. — Но подождите, что-то видно: «и» и, кажется, «л».

— Этого мало, — заметил Барсак.

— Может быть, будет достаточно, чтобы разоблачить убийцу, — серьезно сказала Жанна Бакстон.

По ее приказу Тонгане засыпал останки Джорджа Бакстона землей, потом, оставив одинокую, трагическую могилу, все направились к Кубо. Но через три-четыре километра пришлось остановиться. У Жанны Бакстон не было сил: колени ее подгибались, и она должна была лечь.

— Волнение, — объяснил доктор Шатонней.

— И голод, — справедливо добавил Амедей Флоранс. — Ну, старина Сен-Берен, мы не должны уморить голодной смертью вашу племянницу, даже если она вам тетка, чему я никогда не поверю! На охоту!

К несчастью, дичь попадалась редко. Большая часть дня прошла, прежде чем два охотника увидели дичь на

мушке своего ружья. Только к концу дня судьба им улыбнулась. Две дрофы и куропатка пали под выстрелами. В первый раз за долгое время путники имели обильный ужин. Зато пришлось отказаться от мысли достигнуть Кубо в тот же вечер, и они решились провести последнюю ночь на открытой равнине.

Истомленные усталостью, убежденные, что они сбили со следа врагов, путешественники пренебрегли в эту ночь обычным караулом. Вот почему никто из них не видел странных явлений, случившихся ночью. На востоке замигали слабые огоньки. Им ответили с запада другие огни, очень яркие и с большой высоты, хотя на этой совершенно плоской равнине не было никакой горы. Мало-помалу слабые искорки с востока и мощные огни с запада приближались друг к другу. И они сошлись там, где спали путники.

Внезапно спящих разбудило странное гуденье, которое они уже слышали возле Канкана. Но теперь гуденье было ближе и неизмеримо сильнее. Едва они открыли глаза, как блуждающие огни, подобные электрическим прожекторам, внезапно брызнули с запада, менее чем в сотне метров от них. Они еще пытались разгадать причину этого явления, как люди, вынырнув из темноты, ринулись на ослепленных и оглушенных путешественников. В одно мгновение они были опрокинуты.

Среди ночи грубый голос спросил по-французски:

— Готово, ребята?

Потом после молчания:

— Первому, кто пошевелится, — пуля в голову... Ну, в путь!

Конец первой части.

Часть вторая

БЛЕКЛАНД

На пересечении второго меридиана восточной долготы и шестнадцатой параллели северной широты, то есть немного ниже самой северной точки Нигера, на левом берегу этой реки, которая здесь составляет юго-восточную границу Сахары, находится город Гао-Гао. Дальше начинается Великая пустыня, простирающаяся на север до Марокко, Алжира и Триполи, на запад — до Египта и Нубии, на юг — до европейских владений Центральной Африки и на восток — до океана. Ближайшие к Гао-Гао оазисы — Адрар на севере и Аир на западе — отделены от него первый четырьмястами, второй девятьюстами километров песков. Даже на новейших и самых точных картах это огромное пространство в триста шестьдесят тысяч квадратных километров представляет неисследованную страну. В эпоху же, когда экспедиция депутата Барсака подверглась испытаниям, описанным в первой части нашего рассказа, никто еще туда не проникал. Она была совершенно неизвестна.

В то время среди прибрежных обитателей Нигера ходили странные легенды об этой неисследованной области. Иногда, рассказывали туземцы, над сухими равнинами проносились огромные черные птицы с огненными глазами. Иногда, если верить неграм, из таинственной страны являлась орда больших рыжих чертей на горячих лошадях. Фантастические всадники галопом проносились по

деревушкам, убивая, разрушая все на своем пути, и снова исчезали в пустыне, увозя на седлах мужчин, женщин, детей, которые никогда больше не возвращались.

Кто были эти страшные создания, что разрушали и грабили деревни, присваивая скудные пожитки бедных негров, и исчезали, оставляя за собой отчаяние, разорение и смерть? Никто этого не знал. Никто не пытался это узнать. Кто осмелился бы, в самом деле, пойти по следу врагов, которым народное воображение приписывало сверхъестественную мощь и которых считали свирепыми божествами пустыни?

Таковы были слухи, которые разносились в ту эпоху вдоль Нигера и Арибинды на Гурме, больше чем за сто пятьдесят километров от ее правого берега.

Но если бы самый смелый из этих малодушных негров углубился в пустыню и после 260-километрового перехода достиг пункта, расположенного на 1° 40′ западной долготы и 15° 50′ северной широты, он был бы вознагражден за смелость, так как увидел бы то, чего еще никогда не видели здесь ни географы, ни исследователи, ни караваны: город [1].

Да, настоящий город, не отмеченный ни на одной карте и о существовании которого никто не подозревал, хотя число его обитателей достигало 6 808 человек, не считая детей!

Если бы предполагаемый путешественник спросил о названии города одного из обитателей и если бы тот согласился ответить, он, возможно, сказал бы по-английски *„Blackland isthe name of this city“*, но мог ответить и по-итальянски: *„Questa citta é Terra Nera“*, на языке бамбара: *„Ni dougouba ntocko a bè Bankou Fing“*, по-португальски: *„Hista cidade e Terranegra“*, по-испански: *„Esta ciudud es Tierranegra“*. Но на любом языке эти ответы означали бы название этого города — «Черная страна».

Нет ничего невозможного, если бы даже ответ был дан по-латыни: *„Ista urbs Terra Nigra est“*. Это слу-

---

[1] С того времени, когда развернулись описанные здесь события, область, расположенная к западу от Гао-Гао, наконец, исследована. Продолжение рассказа объяснит, почему там не найдено следов города, о котором идет речь. — *Примечание Жюля Верна.*

чилось бы, если бы спрашивающий обратился к Жозиасу Эберли, бывшему профессору, который, не найдя в Блекланде дела по своим знаниям, открыл лавочку и превратился в аптекаря и торговца красками, о чем говорила вывеска: «Жозиас Эберли. Аптекарь. Краски».

На всех языках говорили в этой новой Вавилонской башне [1], население которой в момент, когда экспедиция Барсака потерпела бедствие в Кубо, кроме 5 778 негров и негритянок, насчитывало 1 030 белых из всех стран мира. В огромном большинстве это были ускользнувшие от суда и убежавшие из тюрьмы авантюристы, готовые на самые худшие дела. Так как представители английской расы господствовали в этой причудливой толпе, то и английский язык имел преимущество над остальными. На английском языке составлялись приказания Господина, акты гражданского состояния, насколько там существовало гражданское состояние, и издавалась местная официальная газета «Блекландский гром».

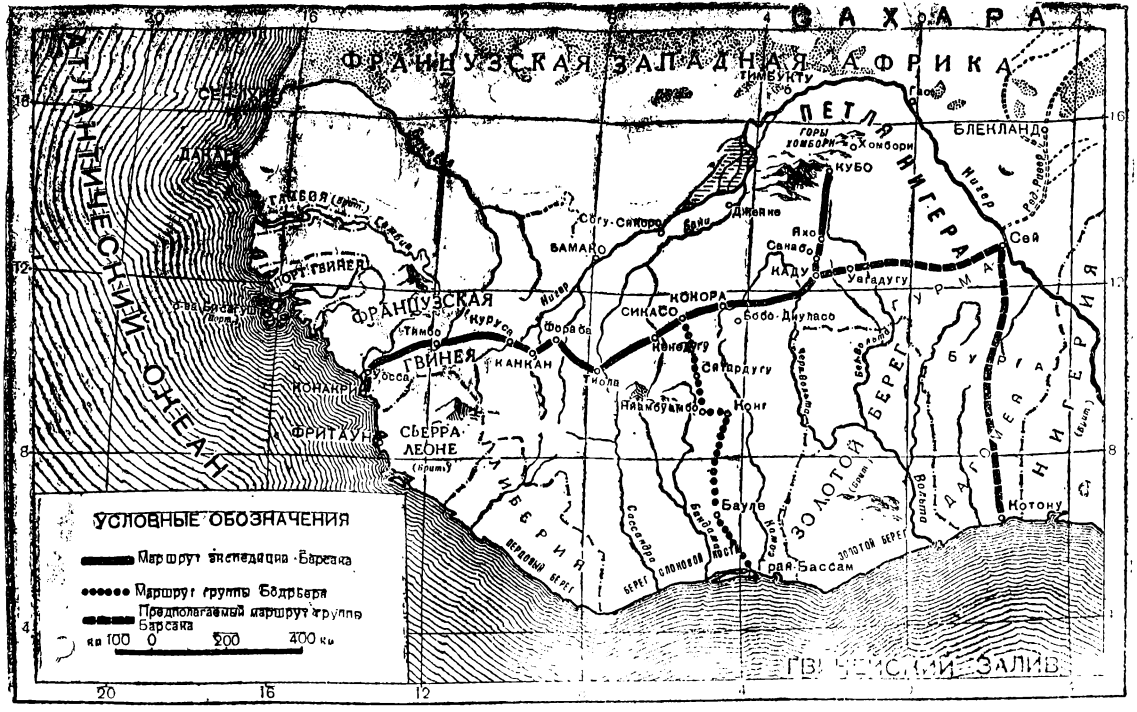
Очень любопытна была эта газета, насколько можно судить по отрывкам, извлеченным из нескольких номеров:

«Вчера Джон Эндрью повесил негра Коромоко, который забыл подать ему трубку после завтрака».

«Завтра вечером, в 6 часов, отправление в Куркусу и Биди десяти планеров с десятью Веселыми ребятами под командой полковника Хирама Герберта. Намечено полное разграбление этих двух деревень, которых мы не посещали уже три года. Возвращение состоится в ту же ночь».

«Мы уже сообщали, что французская экспедиция, предводимая депутатом по имени Барсак, скоро должна отправиться из Конакри. По-видимому, экспедиция имеет намерение достигнуть Нигера через Сикасо и Уагадугу. Все предосторожности приняты. Двадцать человек Черной стражи и двое Веселых ребят немедленно отправляются в путь. Капитан Эдуард Руфус к ним присоединится в надлежащее время. Эдуард Руфус, являющийся, как известно, дезертиром колониальной пехоты, сыграет

[1] По библейской легенде, бог наказал возгордившихся строителей Вавилонской башни (они хотели довести ее до небес) тем, что заставил всех говорить на разных языках.

САХАРА
ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАПАДНАЯ АФРИКА
ПОРТУГАЛЬСКАЯ ГВИНЕЯ
ФРАНЦУЗСКАЯ ГВИНЕЯ
ГВИНЕЙСКИЙ ЗАЛИВ
ПЕТЛЯ НИГЕРА
ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ
ДАГОМЕЯ
ГОРЫ ХОМБОРИ
БЛЕКЛАНДО
ТИМБУКТУ
ГАО
ДАКАР
СЕН-ЛУИ
ТАМБАКУНДА
СЕГУ-СИКОРО
БАМАКО
ДЖЕННЕ
ЯХО
САНАДО
НИОРО
КУБО
СЕЙ
НИГЕР
ВОЛЬТА
ГУРМА
БУРГУ
НИГЕРИЯ
КОНАКРИ
ФРИТАУН
СЬЕРРА-ЛЕОНЕ
ТИМБО
КАНКАН
ФОРАБА
КОНОРА
СИНКО
БОБО-ДИУЛАССО
КОНАДУГУ
ЯНДУГУ
УАГАДУГУ
НАВРОГУАМБО
КОНГ
БАУЛЕ
КОТОНУ
ГРАН-БАССАМ
ЛИБЕРИЯ
ПЕРЕЧНЫЙ БЕРЕГ
СЕСЕСТОУ
БАРБОТТЕ
ПОСТ
СЛОНОВЫЙ БЕРЕГ
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Маршрут экспедиции Барсака
Маршрут группы Бодрбера
Предполагаемый маршрут группы Барсака
на 100 0 200 400 км
20
16
12
8
4

под именем Лакура роль французского лейтенанта и воспользуется превосходным знанием военных обычаев этой нации, чтобы задержать тем или иным способом указанного Барсака, который, конечно, не достигнет Нигера».

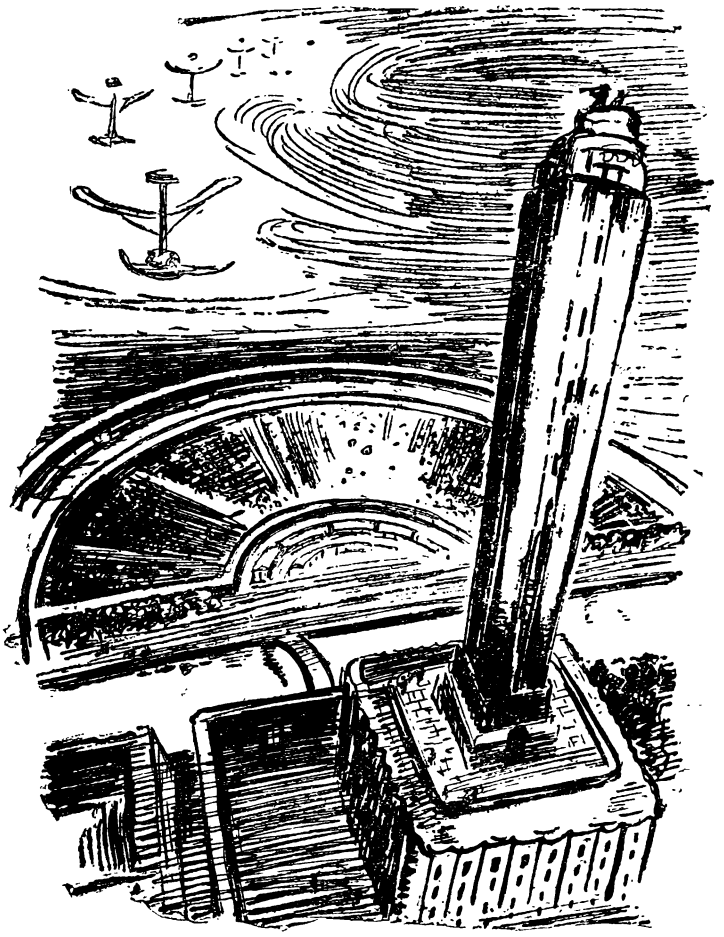
«Вчера на Садовом мосту в результате спора советник Эль Уиллис оказался в необходимости всадить порцию свинца в голову Веселого парня Константина Бернарда. Этот последний упал в Ред Ривер [1] и, увлеченный чрезмерным весом только что запломбированной головы, утонул. Немедленно был открыт конкурс с целью замещения покойного. Победу одержал Гильман Эли с помощью семнадцати приговоров, произнесенных французскими, английскими и немецкими судами, в целом составляющих двадцать девять лет тюрьмы и тридцать пять лет каторги. Гильман Эли переходит, таким образом, из Гражданского корпуса к Веселым ребятам. Да сопутствуют ему наши наилучшие пожелания!»

Как уже, без сомнения, заметил читатель, Джон Эндрью, Хирам Герберт, Эдуард Руфус, Эль Уиллис, Константин Бернард, Гильман Эли не имели фамилий, а лишь сочетание двух имен. Такой обычай был общим в Блекланде, где всякого вновь прибывшего «крестили» заново, и он терял фамилию, которую никто не знал, кроме Господина. Единственный из обитателей белой расы, помимо особой части населения, о которой будет речь впереди, этот Господин имел фамилию, но она звучала зловещей кличкой. Его звали Гарри Киллер, то есть, в буквальном смысле слова, Гарри Смертоносный, Гарри Убийца.

Лет за десять до похищения экспедиции Барсака, которым оканчивается первая часть этого рассказа, Гарри Киллер с несколькими субъектами такого же сорта прибыл неизвестно откуда в пустыню, раскинул палатку и сказал: «Здесь будет город». И Блекланд возник из песков, точно по волшебству.

Это был очень странный город. Он стоял на равнине, на правом берегу Тафасассета, реки, совершенно высохшей до того дня, когда воля Гарри Киллера наполнила ее проточной водой; город имел форму правильного полу-

[1] *Ред Ривер* (англ.) — Красная река.

круга и насчитывал ровно тысячу двести метров с северо-запада на юго-восток, параллельно течению реки, и шестьсот метров с северо-востока на юго-запад. Его площадь, достигавшая, таким образом, пятидесяти шести гектаров, была разделена на три неравные части, окруженные концентрическими неприступными глинобитными

стенами высотой в десять метров и почти такой же толщины у основания.

Непосредственно у берега реки, которую Гарри Киллер назвал Ред Ривером, первая секция была очерчена радиусом в двести пятьдесят метров. Бульвар шириной в сто метров, соприкасающийся в двух местах со второй секцией и идущий по берегу реки, пока не встречался с третьей, значительно увеличивал площадь секции, которая достигала семнадцати гектаров.

В первой секции обитала аристократия Блекланда, которую со зловещим юмором называли Веселыми ребятами.

За исключением нескольких человек, призванных на более высокие посты, компаньоны Гарри Киллера в момент, когда он основал город, составили зародыш корпуса Веселых ребят. Вокруг первоначального ядра собралась кучка бандитов, сбежавших из тюрем и с каторги, которых Киллер привлек, обещая безграничное удовлетворение их преступных инстинктов. Вскоре число Веселых ребят достигло пятисот пятидесяти шести, и это число не должно было превышаться ни под каким предлогом.

Обязанности Веселых ребят были многообразны. Организованные на военный лад, управляемые полковником, пятью капитанами, десятью лейтенантами и пятьюдесятью сержантами, которые соответственно командовали пятьюстами, сотней, пятьюдесятью и десятью людьми, они составляли армию Блекланда. Война, которую они вели, заключалась в разграблении убогих деревушек и в убийстве тех обитателей, которых не уводили в рабство. Веселые ребята, кроме того, составляли городскую полицию и при помощи ударов бича и револьверных выстрелов управляли невольниками, на которых были возложены все без исключения работы и особенно сельское хозяйство. И, кроме всего, из них же набиралась стража Господина, слепо выполняющая его приказы.

Третья секция, самая удаленная от центра, представляла полукольцо, длиной в тысячу шестьсот метров, шириной в пятьдесят метров, оба конца которого примыкали к первой секции и к Ред Риверу; оно тянулось по окружности города, между наружной стеной и второй секцией, где были заключены рабы.

В третьей секции обитали под общим названием Гражданского корпуса белые, не вошедшие в первую секцию. В ожидании, пока освободится место в корпусе Веселых ребят (а это случалось нередко, потому что зверские нравы Блекланда приводили к частым стычкам), они «проходили стаж» в Гражданском корпусе, который можно было, таким образом, рассматривать, как чистилище [1], а за ним следовал рай — корпус Веселых ребят. Чтобы существовать, члены Гражданского корпуса занимались торговлей, так как только Веселые ребята содержались Господином на казенный счет. Секция Гражданского корпуса была коммерческим кварталом города, там Веселые ребята находили за деньги любые товары, вплоть до самых изысканных предметов роскоши. Товары покупались торговцами у Господина, добывавшего их или грабежом, или, когда речь шла о предметах европейского происхождения, такими способами, о которых знало лишь его непосредственное окружение.

В момент, когда Блекланд появляется в нашем рассказе, третья секция насчитывала 286 обитателей, среди них было 45 белых женщин, стоивших не более, чем их сограждане-мужчины.

Между первой и третьей секциями была вторая, площадь которой достигала 31 гектара, занимавшая все остальное городское пространство. Это был квартал рабов, число которых достигло тогда 5 778, из них 4 196 мужчин и 1 582 женщины. Здесь они и обитали за немногими исключениями. Здесь были их хижины. Здесь протекала их печальная жизнь.

Каждое утро четыре двери, пробуравленные в стене этого ада, открывались, и под надзором Веселых ребят, вооруженных дубинками и револьверами, негры, не занятые в городе, отправлялись, разделившись по бригадам, на сельскохозяйственные работы. Вечером плачевная толпа возвращалась таким же порядком, и тяжелые двери захлопывались до завтра. Никакого выхода наружу. С одной стороны — Веселые ребята, с другой — Граж-

---

[1] По католическому вероучению, души умерших, прежде чем попасть в рай, содержатся в чистилище более или менее долгое время, смотря по количеству грехов.

данский корпус. Со всех сторон существа одинаково жестокие и кровожадные.

Многие из несчастных умирали, не выдержав лишений или под ударами надзирателей, слишком часто превращавшихся в палачей. Об этом мало беспокоились. Набег немедленно пополнял убыль, и новые жертвы замещали тех, кого освободила смерть.

Но кварталы правого берега, которые мы только что кратко описали, не составляли всего Блекланда. На левой стороне Ред Ривера, на берегу, образовавшем холм вышиной до пятнадцати метров, городская стена продолжалась вдоль реки прямоугольником, длиной в тысячу двести метров и шириной в триста метров. Эта вторая часть города, немногим уступавшая по величине первой, так как ее площадь достигала тридцати шести гектаров, разделялась пополам высокой поперечной стеной.

В одной половине, расположенной на северо-западном склоне холма, находился публичный парк — Крепостной сад, соединенный Садовым мостом с секциями Веселых ребят и Гражданского корпуса. В другой половине, на вершине холма, находились жизненные центры города.

В северном углу, смежном с парком, поднималось обширное четырехугольное сооружение, окруженное уступчатой стеной; северо-восточный фасад его, высотой около тридцати метров, круто обрывался у Ред Ривера — это был дворец, как его обычно называли, — в нем жили Гарри Киллер и девять его старинных компаньонов, возведенных в сан советников. Странные это были советники, которых скорее следовало назвать сообщниками преступлений их главаря. Странные советники! Их главной обязанностью было проверять, выполнены ли приказы и безапелляционные приговоры никому не доступного и почти невидимого властелина.

Другой мост, загораживаемый на ночь крепкой решеткой, Дворцовый мост, соединял местопребывание Киллера с правым берегом.

К дворцу примыкали две казармы: одна — для дюжины рабов, выполнявших обязанности слуг, и для полсотни негров, выбранных из числа тех, кого природные инстинкты влекли к жестокости, и составлявших Черную стражу; другая — для сорока белых, отобранных по тому же

принципу, которым доверяли управление сорока летательными машинами, называемыми в Блекланде планерами [1].

Удивительное изобретение гениального мозга, эти чудесные машины, благодаря усовершенствованиям, о которых вскоре будет сказано, пролетали безостановочно пять тысяч километров со скоростью четыреста километров в час. Вездесущием, которым, казалось, обладали пираты Блекланда, они обязаны были планерам, позволявшим исчезать немедленно после совершения преступлений; на них же основывалось и деспотическое могущество Гарри Киллера.

В самом деле, посредством страха Киллер управлял неведомой империей, столицей которой был Блекланд; посредством страха он установил и поддерживал свою власть. Тем не менее самодержец предвидел возможность мятежа белых или черных подданных. Из благоразумия он построил дворец таким образом, что он господствовал над городом и держал под угрозой пушек жилые кварталы, сад, казарму. Всякое возмущение было бы сигналом ко всеобщему избиению, и мятежники не имели бы возможности убежать. Пустыня представляла непроходимый барьер, и читатель скоро увидит, что, раз попав в это логовище, нужно было отказаться от всякой надежды выбраться из него.

Вдобавок ко всему, Блекланд содержался в чистоте и обладал всевозможными удобствами. Не было у Веселых ребят или в Гражданском корпусе ни одного жилища без телефона. Не было улицы, дома, даже невольничьей хижины без водопровода и электричества.

В окрестностях города, основанного десять лет назад среди пустыни, превращение было еще чудеснее. Песчаный океан, окружавший его повсюду, начинался теперь лишь за несколько километров от городских стен. В непосредственной близости к городу пустыню до самого горизонта сменили поля, возделываемые по наиболее совершенным методам, где год от году лучше росли растения Африки и Европы.

Таково было создание Гарри Киллера, которое было бы чудесным, если бы не было основано на преступлени-

[1] Сейчас планерами называются безмоторные самолеты.

ях. Но как оно было осуществлено? Как он превратил в плодородные поля бесплодные, сухие равнины? Чтобы существовали человек и животные, чтобы приносила плоды земля, нужна вода. Как Гарри Киллер одарил ею область, где раньше за целые годы не выпадало ни капли дождя? Не был ли он наделен магической властью?

Нет, Гарри Киллер не владел никаким сверхъестественным могуществом и, предоставленный собственным силам, неспособен был бы осуществить такие чудеса. Но Гарри Киллер был не один. Дворец, где он обитал с теми, которых называл советниками, казармы Черной стражи и ангары для планеров занимали лишь меньшую часть последней секции Блекланда. Среди обширного свободного пространства там были еще строения, целый город, заключенный в первом; постройки, дворы и внутренние сады его занимали девять гектаров. Против дворца возвышался завод.

Завод был автономным, независимым городом, который Господин снабжал средствами, который он уважал и которого, не признаваясь в этом даже самому себе, немного побаивался.

Он только задумал город, но создан был этот город заводом, завод снабдил его и новейшими усовершенствованиями и сверх всего необычайными изобретениями, о которых Европа узнала лишь на несколько лет позже Блекланда.

Завод имел душу и тело. Душой завода был его директор. Телом — сотня рабочих разных национальностей, преимущественно французов и англичан, избранных среди лучших представителей своих профессий и привлеченных сюда могуществом золота. Каждому из них платили жалованье министра, но зато они должны были подчиняться непререкаемым законам Блекланда.

Среди рабочих были представители всякого рода профессий, но большинство составляли сборщики машин. Некоторые из них были женаты, и в описываемую эпоху истории Блекланда завод насчитывал двадцать семь женщин и небольшое количество детей.

Эти честные рабочие, представлявшие странный контраст с остальными обитателями города, жили на заводе, выходить откуда им было раз навсегда строго запрещено. Да если б они и захотели выйти, они не могли бы этого

сделать, так как Черная стража и Веселые ребята день и ночь бдительно надзирали за ними. Вдобавок они были предупреждены об этом при найме, и никто не пытался нарушить правило, объявленное при поступлении на работу. В обмен за огромную заработную плату рабочие были отрезаны от мира на все время пребывания в Блекланде. Они не только не могли выходить с завода, но даже не могли никому писать и получать письма извне. Таковы были условия найма.

Многих такая строгость условий заставляла отступать. Некоторые же время от времени соблазнялись весьма большим жалованьем. Что, в самом деле, терять, когда ты беден и бьешься из-за куска хлеба? Возможность разбогатеть стоила неприятности броситься в неизвестность. «В конце концов, — говорили они себе, — в этом приключении мы рискуем только жизнью».

Как только договор был заключен, он немедленно выполнялся. На указанном ему судне завербованный приезжал на один из островов Биссагушского архипелага, расположенного близ берега Португальской Гвинеи. Там ему завязывали глаза, и один из планеров, убежище для которых было устроено в пустынном уголке архипелага, менее чем в шесть часов доставлял его в Блекланд, расположенный в двух тысячах километров по прямому расстоянию. Планер спускался на эспланаду[1], отделяющую дворец от завода, и рабочий, освобожденный от повязки, входил на завод, чтобы не выходить оттуда до того дня, когда ему было угодно расторгнуть договор и он решал возвратиться на родину.

В этом вопросе контракт, в самом деле, представлял свободу завербованному рабочему. В Блекланде он был пленником, но имел право в заранее обусловленное время покинуть город навсегда. Тогда с той же самой эспланады, где он высадился с планера, другой планер увозил его на Биссагушские острова, где он находил пароход, чтобы вернуться в Европу. Так, по крайней мере, уверяли уезжающих рабочих. Но те, кто оставался на заводе, не знали, что люди, отправлявшиеся из Блекланда, никогда не прибывали по назначению, что кости их белели в пустыне и что заработанные деньги, которые они

[1] *Эспланада* — площадь перед большими зданиями.

увозили с собой, неизменно возвращались к тому, кто их платил. Так касса Господина не истощалась, и так сохранялся секрет существования Блекланда, и империя Гарри Киллера оставалась неизвестной.

Впрочем, такие отъезды случались редко. Рабочим невозможно было узнать и даже заподозрить, какой образ жизни ведут обитатели города, о котором у них не было никаких сведений; они лишь в крайних случаях покидали завод — этот маленький уединенный городок. Они жили там в своем кругу; девять невольников и невольниц, пленники, как и они сами, помогали женщинам в домашних заботах. В конце концов, они были счастливее, чем на родине, настолько увлекаясь работой, что иногда не бросали ее вплоть до ночи.

Единственным начальником рабочих был их директор, француз Марсель Камаре, и они были недалеки от того, чтобы считать его богом.

Марсель Камаре был единственным обитателем завода, который мог свободно из него выходить и бродить по улицам или в окрестностях Блекланда. Он пользовался свободой и гулял повсюду, однако из этого не следовало заключить, что он лучше подчиненных знал обычаи города, самое название которого было ему неизвестно.

Один рабочий спросил его однажды об этом. Камаре добросовестно подумал и, к большому изумлению подчиненного, ответил:

— Честное слово... Я не знаю...

И в самом деле он не позаботился осведомиться о такой «мелочи». Он об этом и не думал, пока ему не задали вопрос.

Вот каким странным существом был Марсель Камаре.

На вид ему было около сорока лет. Среднего роста, с узкими плечами, плоской грудью, с редкими белокурыми волосами, он имел хрупкую, изящную внешность. Его жесты были умеренны, спокойствие непоколебимо; он говорил, как робкий ребенок, слабым и нежным голосом, никогда не поднимавшимся до гневного окрика даже в нетерпении и при любых обстоятельствах. Его слишком тяжелая голова постоянно склонялась на левое плечо, и на бледно-матовом болезненном лице были прекрасны лишь удивительные голубые мечтательные глаза.

Внимательный наблюдатель нашел бы, что в этих чу-

десных глазах иногда появлялся смутный, тревожный блеск, что выражение их на мгновение становилось блуждающим. Удивленный этим блеском, он поспешил бы заключить, что Марсель Камаре сумасшедший, и, быть может, это суждение было бы не слишком далеко от истины. Ведь гениальность как-то граничит с безумием.

Несмотря на физическую слабость и нежность характера, Марсель Камаре был одарен безграничной энергией. Он не обращал внимания на опасности, не замечал никаких лишений и препятствий. Дело в том, что он о них не подозревал. Эти ясные голубые глаза смотрели только внутрь и не видели реальных предметов. Он жил вне времени, в волшебном мире, населенном химерами. Он думал. Он думал глубоко, думал всегда и везде. Марсель Камаре был только мыслительной машиной, машиной удивительной, беззащитной и ужасной.

Рассеянный в такой же мере, как и Сен-Берен, или, скорее, «чуждый» всему, что составляет реальную жизнь, он не раз падал в Ред Ривер, думая, что идет на мост. Слуга, за обезьянью наружность получивший прозвище Жоко, не мог заставить его есть вовремя. Марсель Камаре ел, когда был голоден, засыпал, когда приходил сон, так же легко в полдень, как и в полночь.

Десять лет назад обстоятельства свели его с Гарри Киллером. В это время мечтой Камаре был удивительный аппарат, способный, по словам изобретателя, вызывать дождь: одна из химер Камаре. Он охотно рассказывал о своей мечте всякому, кто хотел слушать. Узнал и Гарри Киллер об этом изобретении, тогда еще существовавшем только в теории. Но в то время как другие слушатели лишь смеялись над подобными глупостями, Гарри Киллер принял их всерьез и основал на них проект, который позже осуществил.

Гарри Киллер был бандитом, но бандитом с широким размахом, — он понял, как много может получить от непризнанного гения. Случай отдал Камаре ему во власть, он блеснул перед глазами ученого осуществлением его мечтаний, увлек в пустыню, где потом поднялся Блекланд, и сказал ему: «Пусть здесь идет обещанный дождь!» И дождь послушно начал идти.

С тех пор Камаре жил в постоянной лихорадке. Все его несбыточные мечты осуществлялись одна за другой.

Все химеры осуществлялись на деле. После машины, вызывающей дождь, появились сотни других изобретений; Гарри Киллер получал от них выгоду, а их творец никогда не беспокоился о том, как они применяются.

Конечно, изобретателя нельзя считать ответственным за зло, косвенной причиной которого он, однако, является. Никому, например, не приходит в голову обвинять того, кто изобрел револьвер, за все преступления, совершенные при помощи этого оружия, которое без него не появилось бы. И все-таки его создатель знал, что подобный инструмент может и должен убивать, и, очевидно, с этой целью он его и задумал.

Ничего подобного не было с Марселем Камаре. Положим, ему пришла бы фантазия изобрести самую дальнобойную пушку с самыми тяжелыми снарядами, какая только когда-либо существовала; он с удовольствием рассчитывал бы форму пушки, вес и профиль снаряда и заряд пороха, не видя в этом ничего, кроме научного любопытства. Его крайне удивило бы, если бы ему сказали, что его детище может стать при случае орудием зла.

Гарри Киллер хотел дождя, и Камаре сделал дождь. Гарри Киллеру нужны были земледельческие орудия, и Камаре создал усовершенствованные механические плуги, сеялки, пропалыватели, косилки и молотилки, которые пахали, сеяли, пололи, косили и молотили без автономных источников энергии. Гарри Киллер потребовал летающие машины, и Камаре дал ему планеры, способные покрывать пять тысяч километров со скоростью метеора.

Марселю Камаре не приходила мысль спросить себя, какое употребление может сделать его компаньон из этих различных изобретений. Стоя в стороне от жизни, он видел перед собой только проблемы и не интересовался ни их практическими приложениями, ни происхождением материальных средств, которые нужны были для их осуществления. Так же, как он присутствовал при зарождении Блекланда и последовательном возникновении плодоносных полей в пустыне, не замечая этого, точно так же он не имел ни малейшего желания знать, при помощи каких средств Гарри Киллер достал первые инструменты и первые машины, при

помощи которых завод производил следующие. Марсель Камаре потребовал как самой простой вещи, чтобы был построен завод, — и сотни негров его построили. Он потребовал инструменты, динамо и паровую машину — и через несколько месяцев они чудесно появились в пустыне. Он потребовал, наконец, рабочих — и один за другим рабочие появились в нужном количестве. Как происходили эти поразительные чудеса? Марсель Камаре об этом не заботился. Он требовал — ему давали.

Ничего не могло быть проще.

Не больше он заботился о том, чтобы оценить капитал, поглощаемый осуществлением его грез, и никогда не задавал естественного вопроса: «Откуда берутся деньги?»

Описав, таким образом, главные особенности Блекланда и его обитателей, можно их перечислить вкратце.

На левом берегу Ред Ривера — дворец с Гарри Киллером, его девятью приспешниками и двенадцатью черными слугами. Поблизости пятьдесят людей Черной стражи и сорок водителей планеров, каждая группа в своей казарме.

На том же берегу, напротив дворца, другой центр города — завод, его директор Марсель Камаре, «путешественник к звездной мечте», слуга Жоко, еще девять черных слуг и сотня рабочих, из которых двадцать семь женатых, все пленники в этом маленьком автономном городе и без всяких сношений с остальным Блекландом.

На правом берегу Веселые ребята в числе пятисот пятидесяти шести, включая офицеров, все отъявленные бандиты; двести сорок один мужчина и сорок пять женщин такого же сорта, составляющих Гражданский корпус, и, наконец, обширный центральный квартал черных, где жили, трудились и страдали невольники, общим числом пять тысяч семьсот шесть негров обоего пола.

Таковы были места, где начнут развертываться события, о которых мы расскажем во второй части этого повествования.

В момент, когда оно начинается, в Блекланде все шло обычным порядком. Завод работал, часть Веселых ребят наблюдала за неграми, занятыми на полевых

работах, которых требовало приближение дождливого времени; другие ежедневно предавались самым грубым удовольствиям. Гражданский корпус понемногу торговывал: занятие из числа самых пустых и непостоянных.

В одиннадцать часов утра Гарри Киллер был у себя. Он о чем-то думал, и, судя по выражению лица, мысли его не были приятны.

Зазвонил телефон.

— Слушаю! — сказал Гарри Киллер, беря трубку.

— На западе, семнадцать градусов к югу, десять планеров в виду.

— Поднимаюсь, — ответил Гарри Киллер.

Через несколько минут он был наверху дворца, над которым поднималась башенка высотой метров в двенадцать. На платформе башенки он нашел Веселого парня, который предупредил его.

— Там, — сказал он, указывая в пространство.

Гарри Киллер посмотрел в подзорную трубу.

— Это они, — молвил он после недолгого наблюдения.

Он снова обвел взглядом восточный горизонт. Потом опустил зрительную трубу:

— Позови советников, Родерик. Я спускаюсь.

Пока Веселый парень телефонировал членам совета, Гарри Киллер быстро спустился на эспланаду, устроенную между заводом и дворцом. Один за другим к нему присоединились девять советников. Они ждали, подняв глаза вверх.

Ожидание было недолгим. Планеры увеличивались на глазах. Через несколько минут они мягко приземлились на эспланаде.

Глаза Гарри Киллера заблестели от удовольствия. На четырех планерах были только их водители, зато шесть других везли каждый по два пассажира: человека Черной стражи и крепко связанного пленника с мешком на голове.

Шесть пленников были освобождены от уз. Когда их ослепленные глаза привыкли к свету, они посмотрели вокруг себя с изумлением. Они находились на обширной площади, окруженной неприступными стенами. В нескольких шагах странные аппараты, доставив-

шие их по воздуху. Перед ними колоссальная масса дворца, увенчанная башенкой, и тридцать негров Черной стражи, сбившихся в плотную группу. Ближе — другая группа из десяти людей малоуспокоительного вида. За ними, более чем в ста метрах, длинная стена без окон и дверей, над которой виднелась высокая заводская труба и еще более высокая легкая металлическая башенка, назначение которой нельзя было понять. Где они были? Что это за крепость, не обозначенная ни на одной из карт Африки, которые они изучали так внимательно и терпеливо?

Пока они предлагали себе вопросы, Гарри Киллер сделал знак, и на плечо каждого пленника опустилась грубая рука. Волей-неволей им пришлось идти ко дворцу, дверь которого открылась перед ними и затем, пропустив их, захлопнулась.

Жанна Бакстон, Сен-Берен, Барсак, Амедей Флоранс, Понсен и доктор Шатонней оказались в полной власти Гарри Киллера, самодержца Блекланда, неизвестной столицы неведомой империи.

ВО ВЕСЬ ДУХ

(Из записной книжки Амедея Флоранса)

25 марта. Вот уже почти сутки, как мы в... Где мы, в самом деле? Если мне скажут, что на Луне, я не очень удивлюсь, принимая во внимание способ передвижения, прелести которого мы только что испытали. Нет, я действительно не имею об этом никакого понятия. Как бы то ни было, я могу, без боязни ошибиться, сказать вот что: уже около двадцати четырех часов мы пленники, и только сегодня после ночи, впрочем превосходно проведенной, я чувствую себя в силах внести эти заметки в мой блокнот, в котором, осмелюсь сказать, начинают появляться удивительные вещи.

Несмотря на урок воздушной акробатики, который нам пришлось взять волей-неволей, общее здоровье удовлетворительно, и мы почти все были бы «в форме», если бы Сен-Берена жестокий прострел не приковал к постели крепче самой прочной стальной цепи. Бедняга, прямой, как кол, неспособен ни на малейшее движение,

й нам приходится заботиться о нем, как о ребенке. Но в этом нет ничего удивительного. Напротив, удивительно, что мы еще можем двигаться после вчерашней маленькой скачки.

Что касается меня, я вчера весь день был разбит, измолот, неспособен связать две мысли. Сегодня лучше, но не слишком. Попробую, однако, собраться с духом и перечислить необычайные события, злополучными героями которых стали я и мои товарищи.

Итак, третьего дня мы улеглись, сломленные усталостью, и спали сном праведников, когда, незадолго до рассвета, были разбужены адским шумом. Это было то же самое жужжание, которое уже интриговало меня трижды, но в тот день оно было гораздо более сильным. Едва мы открыли глаза, как закрыли их снова, ослепленные блестящими лучами, казалось падавшими с высоты.

Мы еще не опомнились от шума и иллюминации, одинаково необъяснимых, как на нас неожиданно набросились люди. Нас опрокинули, связали, заткнули рты, на головы надели мешки. На все потребовалось меньше времени, чем мне об этом написать. Ничего не скажешь, хорошая работа!

В два счета я был связан, как сосиска. На мои лодыжки, колени, на запястья, заботливо скрещенные за спиной, были накинуты веревки, врезавшиеся в мясо. Очаровательно!

Лишь только я начал ценить это приятное ощущение, как раздался голос, в котором я тотчас узнал пленительное произношение лейтенанта Лакура. Он сказал грубым тоном:

— Готово, ребята?

Потом почти тотчас же, не давая ребятам (без сомнения, чудесным ребятам!) времени ответить, тот же голос произнес еще более грубо:

— Первому, кто пошевелится, — пуля в голову! Ну, в путь!

Не нужно быть кандидатом филологических наук, чтобы понять, что вторая фраза для нас. Он очень добр, экс-комендант нашего конвоя! Двигаться?.. Он может говорить все, что угодно. Нет, я не двинусь, и у меня есть для этого основания. Но будем слушать.

Как раз кто-то отвечает проворному лейтенанту:

— *Wir können nicht hier heruntersteigen. Es sind zuviel Bäume.*

Хоть я ничего не понимаю в таком жаргоне, но тотчас побился об заклад с самим собой, что это по-немецки. Господин Барсак, хорошо разбирающийся в этом тяжеловесном наречии, сказал мне позднее, что я угадал, и даже перевел: «Мы не можем спуститься. Здесь слишком много деревьев».

В тот момент я ничего не понял, но меня поразило, что немецкая фраза донеслась издалека, и я бы сказал, сверху, посреди продолжавшегося шума. Едва она была закончена, как третий голос кричит:

— *It's necessary to take away your prisoners until the end of the trees.*

Вот как! Теперь по-английски. Понимая язык Шекспира, я тотчас перевожу: «Надо увести ваших пленников до конца деревьев».

Так называемый лейтенант Лакур спрашивает:

— В каком направлении?

— *Towards Kourkoussou*, — кричит сын коварного Альбиона [1].

— На какое расстояние? — снова спрашивает лейтенант.

— *Circa venti chilometri*, — гремит четвертый голос.

Такому латинисту, как я, не трудно было отгадать, что эти три слова итальянские и означают они: «Около двадцати километров». Уж я не в стране ли полиглотов [2]? В Вавилонской башне или, по крайней мере, в вавилонских зарослях?

Как бы то ни было, лейтенант Лакур отвечает:

— Хорошо, я отправлюсь на рассвете.

И мною уже никто не занимается. Я остаюсь, как был, на спине, связанный, ничего не видя, едва дыша, в малокомфортабельном капюшоне, который на меня напялили.

После ответа лейтенанта жужжание усилилось, потом стало постепенно ослабевать. Через несколько минут

---

[1] *Альбион* — Англия.

[2] *Полиглот* — человек, говорящий на многих языках.

его уже не было слышно. Какова была причина этого странного шума? Разумеется, моя затычка отрезала мне всякое сообщение с остальным миром. Я только самому себе могу предложить этот вопрос, и, понятно, на него не отвечаю.

Время идет. Примерно, через час, может быть, больше, меня хватают двое, один за ноги, другой за плечи, раскачивают, перебрасывают, как мешок, через седло, задняя лука которого врезается мне в спину, и лошадь несется бешеным галопом.

Я никогда не думал, даже в самых фантастических мечтах, что когда-нибудь мне придется разыгрывать роль Мазепы[1] в центре Африки, и прошу вас верить, что слава этого казака никогда не мешала мне спать.

Я спрашивал себя, удастся ли мне спастись, как ему, и не сделает ли меня судьба гетманом бамбара, как вдруг пьяный голос, исходящий из горла, которое следовало прополоскать керосином, сказал по-английски тоном, заставившим меня задрожать:

— Берегись, старая кровяная жаба! Если будешь двигаться, этот револьвер помешает тебе начать снова!

Вот уже во второй раз подобное предостережение, и все в такой же изысканно вежливой форме. Это уже роскошь.

Около меня мчатся другие лошади, и я по временам слышу глухие стоны: моим товарищам так же плохо, как и мне. Так как, по правде говоря, мне очень плохо! Я задыхаюсь, лицо мое налилось кровью. Кажется, моя голова лопнет, моя бедная голова, плачевно свесившаяся с правого бока лошади, в то время как мои ноги бьются о ее левый бок.

После часа безумной скачки кавалькада внезапно останавливается. Меня снимают с лошади, вернее — бросают на землю, как тюк белья. Проходит несколько мгновений, потом я смутно, так как мертв на три четверти, разбираю восклицания:

— Она умерла!

---

[1] По преданию, украинский гетман Мазепа был в молодости привязан к конскому хвосту, и коня выпустили в степь.

— Нет, она только в обмороке.

— Развяжите ее, — приказывает голос, который я приписываю лейтенанту Лакуру, — и освободите медика.

Женщина... Значит, мисс Бакстон в опасности?

Я чувствую, как меня вытаскивают из мешка и освобождают от повязки, мешающей видеть и дышать. Не воображают ли мои палачи, что под этими мало пригодными предметами туалета они найдут доктора Шатоннея? Да, это так, — потому-то они и занимаются моей скромной персоной. Обнаружив ошибку, начальник, которым, как я и думал, оказывается лейтенант Лакур, говорит:

— Это не он. Давайте другого...

Я смотрю на него и мысленно подбираю самые ядовитые проклятия. Как это я мог принять его за французского офицера? Конечно, к моей чести, я сразу заподозрил подмен, но только заподозрил, и не разоблачил бандита в чужом мундире, которым он, как говорится, одурачил нас, что меня бесит. Ах, каналья!.. Окажись ты в моей власти!..

В этот момент его зовут. Теперь я знаю его настоящее имя: капитан Эдуард Руфус. Пусть будет капитан. Он может быть и генералом — от этого он не станет лучше. Пока с ним говорят, капитан Руфус не обращает на меня внимания. Я пользуюсь этим и дышу вовсю. Еще немного, и я бы задохнулся. Это заметно, я, наверно, посинел, так как, взглянув на меня, капитан отдает приказ, которого я не расслышал. Тотчас же меня обшаривают. У меня отбирают оружие, деньги, но оставляют записную книжку. Животные не придают ценности статьям, подписанным Амедеем Флорансом. Праведное небо, с какими идиотами приходится иметь дело!

Эти невежды все же развязывают мне руки и ноги, и я могу двигаться. Я пользуюсь этим без замедления, чтобы осмотреть окрестности.

Первое, что привлекает мои взоры, это десять... чего десять?... машин... десять... гм!.. вещей... систем... десять предметов, наконец, так как, черт меня возьми, если я знаю их употребление. Они не походят ни на что виденное мною до сих пор. Представьте себе обширную платформу, покоящуюся на двух больших лыжах, загнутых с концов. На платформе возвышается металлическая решетчатая башенка, высотой от четырех до пяти метров, которая несет большой винт о двух лопастях и две... (Ну! Опять начинается! Невозможно подобрать подходящие слова.) Две... руки... две... плоскости... Нет, я нашел слова, так как предмет больше всего походит на колоссальную цаплю, стоящую на одной ноге, — два крыла из блестящего металла размахом около шести метров. Итак, я вижу десять механизмов, расположенных в ряд. Для чего они могут служить? Когда я насытился этим непонятным зрелищем, я замечаю, что меня окружает достаточно многочисленное общество.

Тут прежде всего экс-лейтенант Лакур, возведенный в чин капитана Руфуса, потом два бывших сержанта нашего второго конвоя, настоящего чина которых я не знаю, и двадцать человек черных стрелков (большую часть их я превосходно узнаю) и, наконец, десять белых с лицами висельников, — их я никогда не видел. Хотя общество и многочисленное, но оно не кажется избранным.

Среди этих людей мои товарищи. Я считаю их глазами. Мисс Бакстон распростерта на земле. Она бледна. Около нее хлопочут доктор Шатонней и горько плачущая Малик. Рядом я замечаю сидящего на земле Сен-Берена, он дышит с трудом. Вид его жалок. Его голый череп кирпично-красный, а большие глаза, кажется, вот-вот выскочат из орбит. Бедный Сен-Берен!

Барсак и Понсен, по-видимому, в лучшем состоянии. Они стоят и разминают суставы. Почему я не могу сделать, как они?

Но я нигде не вижу Тонгане. Что с ним? Неужели он убит во время внезапного нападения? Это возможно, и не потому ли рыдает Малик? Я испытываю настоящую печаль при этой мысли, и мне жаль храброго и верного Тонгане.

Я поднимаюсь и направляюсь к мисс Бакстон, мне ничего не говорят. Ноги затекли, и я иду медленно. Меня опережает капитан Руфус.

— Как себя чувствует мадемуазель Морна? — спрашивает он доктора.

Ага! Ведь экс-лейтенант Лакур знает нашу компаньонку только под ее вымышленным именем.

— Лучше, — говорит доктор. — Она открывает глаза.

— Можно отправляться? — спрашивает так называемый капитан.

— Не раньше, как через час, — твердо заявляет доктор Шатонней. — И если вы не хотите нас всех убить, я вам советую применять менее варварское обращение, чем до сих пор.

Капитан Руфус не отвечает и удаляется. Я приближаюсь и замечаю, что мисс Бакстон в самом деле приходит в себя. Она может выпрямиться, и доктор Шатонней, стоявший около нее на коленях, поднимается. В этот момент Барсак и Понсен присоединяются к нам. Мы все в сборе. Мы собираемся вокруг нее.

— Друзья мои, простите меня! — вдруг говорит нам мисс Бакстон, и крупные слезы бегут из ее глаз. — Я увлекла вас в это ужасное приключение, не будь меня, вы были бы теперь в безопасности.

Понятно, мы протестуем, но мисс Бакстон продолжает обвинять себя и просит у нас прощенья. У меня не развит нерв чрезмерной чувствительности, я думаю,

что это бесполезный разговор, и начинаю говорить о другом.

Так как мисс Бакстон известна здесь под именем мадемуазель Морна, ей лучше сохранить псевдоним. Разве не возможно, в самом деле, допустить, что среди окружающих негодяев окажутся бывшие подчиненные ее брата? К чему же, в таком случае, идти навстречу новой опасности? Эту мысль одобрили единодушно. Было решено, что мисс Бакстон станет, как прежде, мадемуазель Морна.

Мы вовремя пришли к соглашению, так как наш разговор внезапно прерван. По короткому приказу капитана Руфуса нас грубо хватают. Три человека специально занимаются моей скромной персоной. Я снова связан, и отвратительный мешок вновь отделяет меня от внешнего мира. Прежде чем меня ослепили, я замечаю, что мои компаньоны, включая мисс Бакстон, — извиняюсь! мадемуазель Морна, — подвергаются такому же обращению. Затем, как недавно, меня уносят... Неужели мне снова придется проделать маленькую порцию джигитовки на манер Мазепы?

Нет. Меня кладут ничком на твердую плоскую поверхность, которая никак не напоминает лошадиную спину. Проходит несколько минут, я слышу как бы сильные взмахи крыльев, и поверхность, на которой я лежу, начинает слабо дрожать. Это продолжается одно мгновение, потом внезапно меня оглушает знакомое жужжание, усиленное в пять, десять, сто раз, и вот меня ударяет ветер с необычайной силой, увеличивающейся с секунды на секунду. В то же самое время я испытываю ощущение... как бы сказать?.. ощущение подъема на лифте, или, точнее, на русских горах, когда тележка взлетает и спускается по искусственным холмам, когда обрывается дыхание, а сердце сжимает непобедимая тоска. Да, это так, вот что я испытываю.

Это ощущение длится минут пять, потом организм понемногу обретает привычное равновесие. Тогда, признаюсь, с головой, погруженной в проклятый мешок, лишенный воздуха и света, пронизываемый постоянным жужжанием, я чуть не заснул...

Меня внезапно разбудило изумление. Одна из моих рук шевельнулась. Плохо завязанные веревки распута-

лись и в бессознательном усилии руки отодвинулись одна от другой.

Сначала я остаюсь в неподвижности и прислушиваюсь: ведь я не один, как доказывают голоса, которые слышны в окружающем меня шуме. Разговаривают двое.

Один объясняется по-английски, голосом, охрипшим от алкоголя. Другой отвечает на том же языке, но с совершенно фантастической грамматикой, примешивая непонятные слова; думаю, что они принадлежат языку бамбара, так как в них часто слышатся созвучия, к которым я привык за четыре месяца пребывания в этой веселой стране. Один из собеседников подлинный англичанин, другой — негр. Я понимаю все меньше и меньше, а, впрочем, все равно. Пусть мои стражи белые или черные, не нужно, чтобы хотя малейшее движение мешка показало, что я частично получил свободу действий.

Медленно, осторожно я стаскиваю веревки, которые понемногу спадают с моих запястий. Медленно, осторожно я вытягиваю вдоль туловища освобожденные руки.

И вот это сделано. Теперь надо видеть.

Как это сделать, я знаю. У меня в кармане нож... нет, не нож, а маленький перочинный ножик, не замеченный бандитами; я не могу превратить его в оружие защиты, но им можно проделать маленькое окошко в мешке, который меня ослепляет, душит. Остается овладеть ножичком, не привлекая внимания.

Мне удается это сделать через четверть часа терпеливых усилий. Так вооруженная, моя правая рука поднимается к лицу, и я прорезаю мешок...

Праведное небо! Что я вижу? Я едва удерживаю крик удивления. Мои глаза, устремленные к земле, замечают ее внизу на огромном расстоянии, приблизительно в пятьсот метров. Мне открывается истина. Я на летательной машине, и она уносит меня по воздуху со скоростью экспресса, а может быть, и скорее.

Едва открывшись, мои глаза закрылись. Признаюсь, я изумился и испугался.

Когда мое сердце снова забилось правильно, я оглядываюсь спокойнее. Подо мной земля головокружитель-

но бежит назад. Какова наша скорость? Сто, двести километров в час? Больше? Как бы то ни было — внизу пустыня, песок, камни и кое-где группы малорослых пальм. Печальная страна!

Однако я представлял ее еще печальнее. Эти карликовые пальмы зелены, а между камнями в изобилии растет трава. Может быть, наперекор легендам, здесь иногда бывает дождь?

По временам я замечаю аппараты, подобные тому, который несет меня. Одни летят над нами, другие — выше нас. Эскадрилья механических птиц мчится в пространстве. Как ни серьезно мое положение, меня охватывает восторг. В конце концов, зрелище восхитительно, и наши враги, кто бы они ни были, необыкновенные люди, они осуществили с удивительным искусством древнюю легенду об Икаре[1].

Мое поле зрения невелико; я слегка поворачиваю голову, чтобы этого не замечали сторожа, и мой взгляд скользит между брусьями, окружающими металлическую платформу со всех сторон. Но так как я смотрю с высоты, мои глаза охватывают обширное пространство.

Страна начинает меняться. Через час полета я вдруг вижу пальмы, луга, сады. Это оазис, не очень большой, его диаметр не превышает ста пятидесяти метров. Он тотчас исчезает. Но едва мы оставили его позади, как на горизонте перед нами открывается другой, потом третий, и мы проносимся над ними, как буря.

В каждом оазисе только один домик. Оттуда выходит человек, привлеченный шумом нашего воздушного аппарата. Я не вижу других. Неужели эти островки имеют только по одному обитателю?

Но передо мной встает новая неразрешимая загадка. Начиная от первого оазиса, наша машина летит над линией столбов, так регулярно расположенных, что мне чудится соединяющая их металлическая нить. Не грежу ли я? Телеграф, телефон в пустыне?

Мы миновали третий оазис, четвертый; тогда впереди показался еще один, значительно более обширный.

---

[1] Древняя греческая легенда рассказывает, что художник Дедал и его сын Икар, слепив восковые крылья, летали на них.

Я замечаю деревья, не только пальмы, но карите, бомбаксы, баобабы, акации. Я вижу чудесно возделанные поля, на которых работают многочисленные негры. На горизонте появляются стены, — мы стремимся к ним.

Вот мы уже над этим неведомым городом. Наша волшебная птица начинает спускаться. Это город средних размеров, но какой странный! Я явственно различаю полукруглые, концентрические улицы, расположенные по строгому плану. Центральная часть несколько пустынна, в этот час дня там лишь немного негров, которые скрываются в хижины, заслышав жужжание летательных машин. Наоборот, на периферии нет недостатка в обитателях. Это белые; они на нас смотрят и, прости меня боже, кажется, показывают кулаки. Я себя напрасно спрашиваю, что мы им сделали?

Но несущая меня машина ускоряет спуск. Мы пересекаем узкую реку, потом у меня создается впечатление, что мы падаем, как камень. В действительности, мы описываем головокружительную спираль. У меня сердце уходит в пятки. Долечу ли я?..

Но жужжание винта прекращается, и наша машина касается земли. Она пробегает по земле несколько метров с уменьшающейся скоростью и останавливается.

Рука стаскивает мешок с моей головы. Я едва успеваю снова обмотать веревку вокруг рук, которым возвращаю первоначальное положение.

Мешок снят, мне освобождают конечности. Но тот, кто меня развязывает, замечает мошенничество.

— Какой проклятый собачий сын делал этот узел? — спрашивает по-английски пьяный голос.

Понятно, я поостерегся ответить. После рук мне развязывают ноги, я двигаю ими с удовольствием.

— Встаньте! — властно приказывает кто-то, кого я не вижу. Мне только этого и надо, но я повинуюсь с трудом. С того времени, когда в моих членах прекратилась циркуляция крови, они отказываются служить. После нескольких бесплодных попыток мне удается встать и бросить взгляд на все окружающее.

Картина не из веселых. Передо мной высокая, совершенно глухая стена, в противоположном направлении — такое же зрелище. Слева то же самое, — не очень

разнообразная перспектива! Но выше этой третьей стены, которая слева от меня, я замечаю род башни и высокую трубу. Уж не завод ли это? Возможно, мне все кажется возможным, только я не могу понять назначения этого бесконечно длинного решетчатого столба, который поднимается на добрую сотню метров выше башни.

Справа от меня другой вид, но он не более привлекателен. Я различаю два обширных строения, а впереди огромное сооружение, род крепости с уступами и машикулями [1].

Мои товарищи по плену все налицо, кроме Тонгане, к несчастью, и кроме Малик, которая была с нами утром. Что с ней? Не пользуясь преимуществом смотреть в дырочку во время перелета, подобно мне, мои товарищи чувствуют себя неудобно при дневном свете. Они не очень много видят, моргают и энергично протирают глаза.

Они еще протирают глаза, когда рука падает на плечо каждого из нас. Нас увлекают, толкают, остолбеневших, растерянных... Чего от нас, наконец, хотят, и где, у черта, можем мы находиться?

Увы! Через минуту мы были в тюрьме.

ДЕСПОТ

(Из записной книжки Амедея Флоранса)

26 марта. И вот я в тюрьме. После того как я разыгрывал Мазепу, я изображаю Сильвио Пеллико [2].

Как я только что отметил в этой книжке, нас заключили позавчера, после полудня. Меня схватили трое цветных и довольно грубо заставили подняться по лестнице, потом пройти по темному коридору, граничившему с длинной галереей, на которую выходили наши камеры. На концах галереи стояли часовые, держа ее под наблюдением. Сомнительно, чтобы отсюда удалось ускользнуть.

---

[1] *Машикули* — навесные бойницы, закрытые сверху и с боков.

[2] *Сильвио Пеллико* — итальянский политический деятель первой половины XIX века; много лет сидел в австрийских тюрьмах. Написал книгу «Мои темницы».

Меня вводят в комнату с зарешеченным окном, находящимся на четыре метра выше моей головы.

Комната обширна и хорошо проветрена. В ней стол с письменными принадлежностями, стул, чистая постель и все необходимое для туалета. К потолку прикреплена электрическая лампа. В конечном счете, «сырая солома темницы» достаточно комфортабельна, и я нашел бы эту студенческую комнату вполне удовлетворительной, будь я свободен.

Я сажусь, закуриваю сигаретку и жду. Чего? Событий. Жду и рассуждаю о прелестях путешествий.

Два часа спустя меня отрывает от размышления стук открываемой двери. Петли скрипят, замок щелкает, дверь приоткрывается и я вижу... Отгадать — один шанс на тысячу! Я вижу Чумуки, исчезнувшего с того дня, когда я в третий раз слышал таинственное гудение. Сколько у него нахальства! Явиться ко мне после того, что он сделал с моими статьями!

Чумуки, впрочем, готов к холодному приему. Прежде чем войти в комнату, он быстро оглядывается, благоразумно исследуя обстановку: хорошо ли его примут?

— Ага! Ты здесь, трижды мошенник! — кричу я, устремляясь к нему, чтобы дать заслуженную встряску, но натыкаюсь на дверь, быстро захлопнутую предателем.

Тем лучше, впрочем. Если я надеру ему уши, это только усложнит мое положение, которое и так не из веселых.

Чумуки, очевидно, разгадывает мои мирные рассуждения. Дверь приоткрывается вторично, и всклокоченная шевелюра негодяя показывается вновь. О! Теперь он может войти. Я занимаю свое место... и успокаиваюсь. Я повторяю тоном, в котором больше нет угрозы:

— Ага! Ты здесь, трижды мошенник! Что ты собираешься делать?

— Мой здесь слуга, — отвечает Чумуки, опустив глаза, и широко открывает дверь.

В коридоре еще два негра с кушаньями; Чумуки ставит блюда на стол. При виде этого у меня текут слюнки, я только теперь чувствую, что умираю от голода. В этом нет ничего удивительного: я голоден, а время — уже два часа пополудни.

Отбросив всякие заботы, я отдаю честь еде, почтительно подаваемой Чумуки, и расспрашиваю его. Он отвечает охотно. По его словам, я гость — невольный гость! — могущественного короля, его величества Гарри Киллера — скверное имечко! — и меня доставили в необычайный город, где «много большие дома» и «много хитрые выдумки тубабов», то есть много европейских изобретений. После знакомства с удивительными летательными машинами я готов этому верить.

Я продолжаю расспросы. Не этот ли король поместил его, Чумуки, на пути мадемуазель Морна, чтобы она взяла его в проводники, как выбирают против воли карту, подсунутую фокусником? Чумуки уверяет, что нет: он нанялся без всякой задней мысли. Он даже утверждает, что его контракт не нарушен, и он по-прежнему считает себя на службе у мадемуазель Морна и Сен-Берена, пока его хозяева остаются в Африке. Уж не издевается ли надо мной Чумуки? Я смотрю на него. Но нет, кажется, он говорит серьезно, и это гораздо смешнее.

Он уверяет, что его соблазнил Морилире, состоящий на службе монарха, держащего нас в плену. Не довольствуясь подкупом, Морилире в самых восторженных словах воспевал могущество и великодушие этого Гарри Киллера, которого Чумуки, впрочем, никогда не видел, и обещал ему легкую и веселую жизнь. Потому-то Чумуки и изменил нам.

Когда я спрашиваю, что случилось с его старым товарищем Тонгане, противная физиономия Чумуки принимает свирепое выражение, он проводит рукой по шее и делает:

— Куик!

Итак, мои догадки верны: бедный Тонгане погиб.

Чумуки продолжает свои излияния. Жужжание, которое я слышал в день его исчезновения, было произведено летательной машиной, доставившей лейтенанта Лакура, или, вернее, капитана Эдуарда Руфуса, люди которого шли нам навстречу под начальством двух сержантов и для развлечения разоряли деревни на своем пути. Лыжи летательной машины вырыли в момент приземления колеи, которые я заметил на следующий день, прогуливаясь с Тонгане. Вот как объясняется ободран-

ный вид солдат и непогрешимая элегантность офицера; отсюда и ужас негра, раненного разрывной пулей, когда он узнал одного из громил, и его равнодушное отношение к так называемому лейтенанту, которого он никогда не видел. Он, Чумуки, был привезен той же машиной сюда, в...

Чумуки произносит название, но страшно коверкает его. После того как я внимательно и долго вслушиваюсь, я догадываюсь, что он хочет сказать «Блекланд», то есть «Черная страна». Название подходящее! Итак, мы в Блекланде, чудесном, по словам Чумуки, городе, абсолютно неизвестном самым осведомленным географам.

Пока негр сообщает эти сведения, я размышляю. Если он предал нас из-за выгоды, не заставит ли его выгода изменить и новым хозяевам? Я намекаю об этом Чумуки и предлагаю большую сумму, которая на всю жизнь обеспечит ему восхитительное ничегонеделание. Мошенник находит предложение вполне естественным, но качает головой, как человек, не видящий возможности «заработать».

— Нельзя убежать, — говорит он. — Здесь много солдаты, много хитрые выдумки тубабов, много большие стены...

Он прибавляет, что город окружен пустыней, которую невозможно перейти. Это верно, как я сам видел во время воздушного перелета.

Неужели нам суждено остаться здесь до конца жизни?

Завтрак окончен. Чумуки удаляется, и я остаюсь один. Вечером мне подают обед (кухня вполне приличная), потом, когда мои часы показывают девять, лампочка внезапно гаснет. Я укладываюсь спать в потемках.

После превосходно проведенной ночи, как я уже говорил, я встал 25 марта и писал заметки, помеченные этим числом, где изложены перипетии нашего похищения и воздушного путешествия.

День проходит спокойно. Я не вижу никого, кроме Чумуки, аккуратно приносящего кушанья. Вечером, наученный опытом, я укладываюсь пораньше. Мне осталось только порадоваться. В тот же час, как и накану-

не, электричество гаснет. Очевидно, таков распорядок этого дома.

Вторая превосходная ночь, и вот сегодня утром, 26 марта, я просыпаюсь свежим и бодрым, но — увы! — все еще пленником. Глупое положение, так как чего же, наконец, от нас хотят? Когда я увижу кого-нибудь, кого можно будет об этом спросить?

В тот же день вечером. Мои желания исполнились. Мы видели его величество Гарри Киллера, и наше положение так изменилось после этой встречи, что я все еще взволнован и дрожу.

Около трех часов дня дверь открывается. На этот раз за ней оказывается не Чумуки, а другой старый знакомец — Морилире. (Лучше бы нам никогда не знать этого имени!) Морилире сопровождают около двадцати негров, которыми он командует. За конвоирами я вижу моих товарищей, включая и мисс Бакстон-Морна; но там нет Сен-Берена, который, по словам его юной тет-

ки, все еще не может двигаться. Я присоединяюсь к ним, думая, что пришел наш последний час и что нас ведут к месту казни.

Ничего подобного. Мы идем по коридорам и, наконец, попадаем в довольно обширную комнату, а конвой остается за дверью.

В комнате всего одно кресло из пальмовых волокон и стол, на котором стакан и бутылка с вином. В кресле сидит человек. Наши глаза устремляются на него. Он стоит того.

«Его величеству» Гарри Киллеру от сорока до сорока пяти лет, хотя, по некоторым признакам, ему можно дать больше. Он, по-видимому, высокого роста, ширина

плеч, огромные руки, могучие мускулы говорят о необыкновенной, геркулесовской силе.

Особенное внимание привлекает его голова. Гладкое лицо выражает одновременно силу воли и низость характера. Его венчает седеющая шевелюра, настоящая грива, к которой гребень, кажется, не прикасался с незапамятных времен. Лоб высок и показывает ум, но выдающиеся челюсти и тупой, квадратный подбородок обличают грубые, жестокие страсти. Впалые загорелые щеки усыпаны кроваво-красными прыщами. Тяжелые уши, толстые губы, нижняя немного отвисла, открывая зубы, сильные, здоровые, но желтые и плохо содержимые. Глаза, глубоко ушедшие в орбиты, горят под косматыми бровями необычайным, по временам невыносимым блеском.

Субъект не из банальных. Страсти, пороки, смелость — все собрано в нем одном. Он отвратителен и ужасен.

«Его величество» одет в охотничий костюм серого полотна, короткие панталоны, гамаши; все это засаленное, покрытое пятнами. На столе широкая фетровая шляпа, и около нее правая рука Киллера, сотрясаемая постоянной дрожью.

Уголком глаза доктор Шатонней показывает мне на эту дрожащую руку. Я понимаю: перед нами алкоголик, запойный пьяница.

Долгое время этот субъект молча смотрит на нас. Его глаза переходят от одного к другому. Мы терпеливо ждем, пока он натешится.

— Мне говорили, что вас шестеро, — говорит он, наконец, по-французски с сильным английским акцентом, голосом важным, но хриплым. — А я вижу только пятерых. Почему?

— Один из нас болен от тех мучений, которым его подвергли ваши люди, — отвечает господин Барсак.

Новое молчание, и вдруг неожиданный вопрос:

— Что вы хотите делать у меня?

Вопрос брошен так внезапно, что мы едва удерживаемся от хохота, несмотря на серьезность положения. Черт возьми! Если мы и у него, то против нашей воли!

Киллер снова говорит с угрожающим видом:

— Шпионить, без сомнения!

— Простите, сударь... — начинает Барсак.

Но тот перебивает. Охваченный внезапной яростью, он ударяет кулаком по столу и кричит громовым голосом:

— Меня называют владыкой!

Барсак в эту минуту великолепен. Привычный оратор, он выпрямляется, кладет левую руку на сердце, а правой делает широкий жест.

— С 1789 года французы не имеют владыки! — торжественно заявляет он.

Где-нибудь в другом месте торжественность Барсака показалась бы смешной, но перед лицом этого дикого зверя она была благородной, честное слово! Она означала, что мы никогда не согласимся унизиться перед пьяным авантюристом. Мы все одобряем оратора, вплоть до Понсена, который кричит в порыве энтузиазма:

— Лишите человека независимости, и вы отнимете у него свободу!

Храбрый господин Понсен! Во всяком случае, у него хорошие намерения.

Услышав это неоспоримое положение, Гарри Киллер высоко поднимает плечи и осматривает нас снова, как будто он нас еще не видал. Его глаза перебегают от одного к другому с необычайной быстротой. Он останавливает их, наконец, на Барсаке и бросает на него ужасный взгляд. Барсак выдерживает, не моргнув глазом. Поздравляю! Этот сын Юга не только болтлив: он смел и исполнен чувства собственного достоинства. Начальник экспедиции гигантски вырастает в моих глазах.

Гарри Киллеру удается овладеть собой, что, вероятно, с ним случается не часто, и он вдруг спрашивает со спокойствием, столь же внезапным, сколь неожиданно было его бешенство:

— Вы говорите по-английски?

— Да, — отвечает Барсак.

— А ваши товарищи?

— Также.

— Хорошо, — одобряет Гарри Киллер и тем же хриплым голосом повторяет по-английски: — Что вы явились делать у меня?

— Это мы должны, — возражает Барсак, — спросить у вас: по какому праву вы привезли нас сюда силой?

— По праву, которое мне принадлежит, — отрезает Гарри Киллер, сразу переходя к необузданному гневу.— Пока я жив, никто не приблизится к моей империи...

Его империя? Не понимаю.

Гарри Киллер встает. Обращаясь исключительно к Барсаку, осанка которого остается такой же смелой, он продолжает, колотя по столу огромным кулаком:

— Да, да, я знаю, ваши соотечественники в Тимбукту спускаются вниз по Нигеру, но они остановятся, или... И вот они осмеливаются подсылать шпионов... Я их разобью, ваших шпионов, как разбиваю этот стакан!

И, подтверждая свои слова действием, Гарри Киллер действительно разбивает стакан, разлетающийся на тысячу осколков.

— Стакан! — рычит Киллер, поворачиваясь к двери.

Охваченный невероятной яростью, буквально взбесившись, с пеной на сжатых губах, он страшен. Его нижняя челюсть, выдавшаяся вперед, придает ему вид дикого зверя, лицо побагровело, глаза налились кровью. Один из черных стражей устремляется ему помочь. Не обращая на него внимания, в исступлении, опершись на стол дрожащими руками, он снова наклоняется к неподвижному Барсаку и кричит, уставившись ему в лицо:

— Разве я вас не предупреждал? История с «дунг-коно», придуманная по моему приказу, была первым сигналом. Я поместил на вашем пути сочинителя историй, предсказания которого оправдались по вашей собственной вине. Я же вам подставил проводника, моего невольника Морилире, который пытался в Сикасо остановить вас в последний раз. Все бесполезно! Напрасно я лишил вас конвоя, напрасно изнурял голодом, вы упорно стремились к Нигеру... Ну что же! Вы его достигли, Нигера, вы даже перешли его и знаете то, что хотели знать... Вы далеко зашли! Но как вы расскажете виденное тем, кто вам платит?..

Охваченный необузданным возбуждением, Гарри Киллер ходит большими шагами. Без сомнения, это сумасшедший. Внезапно он останавливается, пораженный неожиданной мыслью.

— Но разве вашим местом назначения, — спрашивает он с удивительным спокойствием, — не был Сей?

— Да, — отвечает Барсак.

— По какой же причине вы изменили направление? Что вы собрались делать в Кубо?

Гарри Киллер сопровождает вопрос пронзительным взглядом, и нам становится не по себе. Вопрос неприятный, так как мы условились не произносить имени мисс Бакстон. К счастью, Барсак находит удовлетворительный ответ.

— Брошенные конвоем, мы направлялись в Тимбукту, — говорит он.

— Почему не в Сикасо? Это гораздо ближе.

— Нам казалось лучше идти в Тимбукту.

— Гм... — с видом сомнения говорит Гарри Киллер и спрашивает после короткого молчания: — Значит, у вас не было намерения идти на восток, к Нигеру?

— Нет, — уверяет Барсак.

— Если бы я это знал, — сообщает Гарри Киллер, — вы не были бы здесь сегодня.

Хорошенькая штука! Как будто он позаботился нас спросить!

Я пользуюсь новым молчанием, последовавшим за нелепым заявлением Гарри Киллера, чтобы взять слово в свою очередь. Я, пишущий эти строки, привык мыслить логически. Меня задевает все, что нелогично. Это на меня производит впечатление оружия, которое в беспорядке. Так вот, в этой истории есть пункт, сбивающий меня с толку.

И я говорю с изысканной вежливостью:

— Простите, мой дорогой, мне любопытно знать, почему нас позаботились привезти сюда, вместо того, чтобы попросту убить? Ваш капитан Эдуард Руфус и его люди могли это прекрасно сделать, так как мы их не остерегались, и это было бы лучшим способом избавиться от нас.

Гарри Киллер хмурит брови и смотрит на меня с презрением. Что за пигмей осмеливается с ним говорить? Однако он удостаивает меня ответом:

— Чтобы избежать розысков французских властей, которые вызвало бы истребление экспедиции.

Я не совсем удовлетворен и возражаю:

— Мне кажется, наше исчезновение будет иметь тот же результат.

— Очевидно, — соглашается Гарри Киллер, выказывая на момент здравый смысл. — Мне нужно было заставить вас отказаться от путешествия. Только упрямство привело вас сюда.

Я спешу ухватиться за его слова.

— Все это можно устроить. Раз вы теперь знаете, что мы не хотели достигнуть Нигера, следует доставить нас туда, откуда взяли, и вопрос будет исчерпан.

— Чтобы вы повсюду рассказали о том, что видели? Чтобы вы разоблачили существование этого города, неизвестного миру! — с силой говорит Гарри Киллер. — Слишком поздно. Кто входит в Блекланд, тот никогда не выходит из него!

Чтоб ему надорваться! Я уже начинаю привыкать к его выходкам. Я не смущаюсь и настаиваю:

— А все-таки розыски будут?

— Вероятно, — отвечает Гарри Киллер, у которого стрелка барометра снова переходит на хорошую погоду, — но мое положение окажется более выгодным: если я буду открыт и придется сражаться, у меня будет нечто большее, чем в том случае, если бы вы были убиты.

— Что же?

— Заложники.

Он не глуп, этот властитель. Он рассуждает здраво. Но и я прав, расспрашивая его, так как мне теперь ясно, что нас не хотят убить. Приятно!

Гарри Киллер снова садится в кресло. Непонятный субъект! Теперь он снова абсолютно спокоен и владеет собой.

— Рассмотрим положение, — говорит он ледяным тоном, новым для нас. — Вы в Блекланде и из него не выйдете. Ваша судьба зависит от вас самих. Я никому не даю отчета. Я могу держать вас в тюрьме или убить, или дать свободу в пределах моей империи.

Он смеется над нами!

— Это зависит от вас, — продолжает Гарри Киллер, обращаясь преимущественно к господину Барсаку, которого рассматривает как нашего начальника. — Вы будете у меня заложниками или...

Гарри Киллер делает паузу. Господин Барсак смотрит на него с удивлением. Кем же мы еще могли бы быть?

— Или сотрудниками, — холодно заканчивает Гарри Киллер.

Предложение Гарри Киллера приводит нас в величайшее изумление. Мы буквально остолбенели. А он продолжает тем же холодным тоном:

— Не думайте, что я ошибаюсь насчет движения французских войск. Если обо мне еще не знают, то все же, рано или поздно, я буду открыт. И тогда придется или воевать, или торговать. Не думайте, что я боюсь битвы. Я в состоянии защищаться. Но война — не единственный выход. Колонизация Петли Нигера займет Францию на долгие годы. Какой ей интерес рисковать поражением, двигаясь против моей воли на восток, через песчаный океан, который только я могу превратить в плодородные равнины? Выгодная торговля может повести к союзу...

Он насквозь пропитан тщеславием, этот странный человек! И он не сомневается, что Французская Республика войдет в союз с ним, с этим прыщеватым тираном!

— С вами? — восклицает остолбеневший Барсак, выражая общую нашу мысль.

Еще немного, и разразится буря. В самом деле, спокойствие длилось слишком долго. Это уже становится однообразным.

— Вы не находите меня достойным? — краснеет Гарри Киллер; его глаза сверкают, он опять стучит кулаком по ни в чем неповинному столу. — Или надеетесь ускользнуть от меня? Вы не знаете моего могущества... — Он встает и заканчивает угрожающим голосом: — Вы его узнаете.

По его зову входит конвой. Нас уводят. Мы поднимаемся по бесконечным лестницам и проходим обширную террасу, за которой идут другие лестницы. Наконец, мы входим на платформу башни; там к нам присоединяется Гарри Киллер.

Этот человек изменчив, как волна. У него нет полумер. Он мгновенно переходит от безумной ярости к ледяному спокойствию и обратно. Сейчас в нем нет и следа недавней злобы.

— Вы на высоте сорока метров, — говорит он тоном проводника, объясняющего окружающую панораму. — Горизонт находится на расстоянии двадцати трех километров. Вы можете убедиться, что, насколько хватает взор, пустыня превращена в плодородные поля. Империя, властителем которой я являюсь, достигает трех тысяч квадратных километров. Такова работа, выполненная в десять лет.

Гарри Киллер на мгновение останавливается. Достаточно насытив свою гордость, на сей раз вполне законную, он продолжает:

— Если кто-нибудь попытается проникнуть в это пространство или уйти из него, я буду немедленно предупрежден тройным кольцом постов, устроенных в пустыне и соединенных телефоном с дворцом...

Вот объяснение оазисов и телеграфных столбов, виденных мной. Но послушаем Гарри Киллера, который, показывая нам воздвигнутый на середине платформы стеклянный фонарь, похожий на фонарь маяка, но гораздо бо́льших размеров, продолжает тем же тоном:

— Никто не может пересечь против моей воли защитную зону шириной в километр, расположенную в пяти километрах от стен Блекланда, которую ночью освещают мощные прожекторы. Благодаря оптическому устройству этот инструмент, получивший название циклоскопа, выпрямляет по вертикали круговую полосу земли, все пункты которой, необычайно увеличенные, постоянно находятся перед глазами стража, находящегося в центре аппарата. Войдите в циклоскоп, я вам разрешаю, и убедитесь сами.

Наше любопытство страшно возбуждено; мы пользуемся разрешением и входим в фонарь через стеклянную дверку, сделанную в форме чечевицы, вращающейся на шарнирах. Внешний мир тотчас меняет свой вид. Куда бы мы ни посмотрели, мы видим вертикальную стенку, разделенную черной сеткой на множество квадратиков. Основание этой стенки отделено от нас темной бездной, а верх подымается на удивительную высоту, заполненную каким-то молочным светом.

Скоро мы начинаем различать, что цвет стенки не однообразен, а, напротив, она состоит из множества разноцветных пятен, с довольно неясными очертаниями.

Внимательно вглядевшись, мы узнаем в этих пятнах деревья, поля, дороги и людей, работающих на полях; все предметы настолько увеличены, что можно узнавать их без усилий.

— Вы видите этих негров, — говорит Гарри Киллер, указывая на два пятна, разделенные большим промежутком. — Предположим, им пришла идея убежать. Смотрите, это недолго!

Он хватает трубку телефона.

— Сто одиннадцатый круг. Отделение тысяча пятьсот двадцать восьмое, — говорит он. Потом, беря вторую трубку, добавляет: — Четырнадцатый круг, отделение шесть тысяч четыреста второе. — Наконец, поворачивается к нам: — Смотрите хорошенько.

После недолгого ожидания, во время которого мы не замечаем ничего особенного, одно из пятен внезапно скрывается за облачком дыма. Когда дым рассеивается, пятна уже нет: оно исчезло.

— Что стало с человеком, который там работал? — спрашивает мадемуазель Морна прерывающимся от волнения голосом.

— Он мертв, — хладнокровно отвечает Гарри Киллер.

— Мертв! — кричим мы. — Вы без всякого повода убили этого несчастного!

— Успокойтесь, это только негр, — спокойно отвечает Гарри Киллер, — дешевый товар. Легко достать сколько угодно. Он уничтожен воздушной миной. Особый сорт ракеты, с дальностью боя в двадцать пять километров. Можете оценить ее скорость и точность!

Пока мы слушаем объяснения, насколько позволяет нам волнение, вызванное этой отвратительной жестокостью, что-то появляется в нашем поле зрения, быстро поднимается по стене, и второе пятно также исчезает.

— А этот человек? — с трепетом спрашивает мадемуазель Морна. — Он тоже погиб?

— Нет, — отвечает Гарри Киллер. — Этот пока жив. Вы его сейчас увидите.

Он выходит, стража выталкивает нас. Мы снова на площадке башни. Мы смотрим вокруг и видим приближающийся со скоростью метеора аппарат, подобный тем,

которые привезли нас сюда. Под его нижней плоскостью мы различаем качающийся предмет.

— Вот планер, — говорит Гарри Киллер, сообщая нам название летательной машины. — Менее чем через минуту вы узнаете, можно ли войти сюда или выйти против моей воли.

Планер быстро приближается. Он растет на глазах. Нас охватывает внезапная дрожь: предмет, качающийся внизу, — это негр, которого огромные клещи схватили поперек туловища.

Планер все приближается... Вот он проходит над башней... Ужас! Клещи открываются, и несчастный негр разбивается у наших ног. Из размозженной головы во все стороны вылетает мозг, и мы забрызганы кровью.

У нас вырывается крик негодования. Но мадемуазель Морна не только кричит, она действует. Бледная, со сверкающими глазами, с обескровленными губами, она отталкивает удивленных стражников и бросается к Гарри Киллеру.

— Трус! Презренный убийца! — кричит она ему в лицо, и ее маленькие руки хватают бандита за горло.

Тот легко освобождается. Двое людей оттаскивают от него смелую девушку. Мы дрожим за ее судьбу. Увы! Мы не можем помочь ей. Стража схватила нас и держит.

К счастью, деспот в данный момент, кажется, не имеет намерения наказать нашу храбрую компаньонку. Рот его свирепо искажен, но какое-то выражение удовольствия мелькает в глазах, устремленных на дрожащую девушку.

— Эй! Эй! — говорит он довольно добродушно. — Решительная малютка! — Потом отталкивает ногой останки несчастного негра. — Ну! Не стоит волноваться из-за пустяков, моя крошка.

Он спускается, нас тащат за ним и снова вводят в ту же комнату с единственным сиденьем, которую мы по этой причине прозвали «тронной залой». Гарри Киллер усаживается на своем «троне» и смотрит на нас.

Что я говорю: «на нас»? По правде говоря, он смотрит только на мадемуазель Морна. Он не спускает с нее своих ужасных глаз, в которых загорается скверный огонь.

— Вы теперь знаете мое могущество, — говорит он, наконец, — я вам доказал, что мои предложения нельзя презирать. Я их возобновляю в последний раз. Мне говорили, что среди вас есть депутат, доктор, журналист и два бездельника...

Что касается Понсена, пусть! Но бедный Сен-Берен, какая несправедливость!

— Депутат в случае надобности будет торговать с Францией, для доктора я построю больницу, журналист станет работать в «Блекландском громе». Я посмотрю, как можно использовать двух остальных. Еще малютка. Она мне нравится... Я на ней женюсь.

Как гром поражает нас это неожиданное заключение. Но чего ждать от безумца?!

— Ничего этого не будет, — твердо заявляет господин Барсак. — Отвратительные преступления, свидетелями которых мы стали, не поколебали нас, напротив! Мы вынесем насилие, если будет нужно, но что бы ни случилось, останемся только вашими пленниками или жертвами. Что же касается мадемуазель Морна...

— Ага! Так мою будущую жену зовут Морна? — перебивает Гарри Киллер.

— Морна меня зовут или иначе, — кричит наша компаньонка, обезумев от гнева, — знайте, что я смотрю на вас, как на дикого зверя, как на презренное и отвратительное существо, и считаю ваше предложение самой гнусной обидой, самой постыдной, самой...

Слова останавливаются в горле мадемуазель Морна, и она разражается рыданиями. Гарри Киллер смеется. Погода решительно становится благоприятной.

— Хорошо! Хорошо! — говорит он. — Это не к спеху. Я даю вам месяц на размышление.

Но барометр внезапно падает, и хорошей погоде конец. Киллер поднимается и кричит громовым голосом:

— Увести их!

Господин Барсак одно мгновение сопротивляется стражам и обращается к Гарри Киллеру:

— Что вы сделаете с нами через месяц?

Ветер опять поворачивается. Деспот больше не занимается нами, его дрожащая рука подносит к губам стакан с вином, которое он только что налил.

— Не знаю... — нерешительно отвечает он на вопрос Барсака без всяких признаков злобы и поднимает глаза к потолку. — Может быть, прикажу вас повесить...

ОТ 26 МАРТА ДО 8 АПРЕЛЯ

Как рассказал Амедей Флоранс, пять пленников вышли из «тронной залы», глубоко потрясенные свиданием с Гарри Киллером. Смерть двух несчастных негров, и особенно ужасная судьба второго глубоко взволновали их. Неужели могли жить на свете такие свирепые существа, чтобы причинять подобные страдания беспричинно, из каприза, с единственной целью доказать свое отвратительное могущество?

По окончании волнующего свидания их ждал приятный сюрприз. Без сомнения, Гарри Киллер, предоставив месяц на размышление, хотел подкупить пленников хорошим обращением. Как бы то ни было, двери камер больше не закрывались, как до этого, и они свободно могли гулять по галерее, которая стала общей комнатой и где можно было собираться когда угодно.

С одного конца галереи вела лестница на верхнюю площадку углового бастиона, в котором были расположены камеры. Она была отдана в их распоряжение. И если они не могли пользоваться этим преимуществом в жаркие часы дня, то, напротив, чувствовали живейшее удовольствие, находясь там на свежем воздухе вечером так долго, как хотели, и никто им в этом не мешал.

В этих условиях жизнь была не так уж тяжела, и они были настолько довольны, насколько позволяло лишение свободы и законное беспокойство о будущем. Камеры, галерея и терраса составляли настоящие обособленные апартаменты, и ничто не напоминало бы тюрьмы, если бы не стража за запертой дверью галереи со стороны, противоположной лестнице. Голоса караульных и бряцание оружия постоянно напоминали пленникам о недосягаемой для них свободе.

Домашние услуги нес Чумуки, проявлявший большое усердие. Но он появлялся только для уборки камер и подачи кушаний, в остальное время пленники не видели негодяя, которому отчасти были обязаны своими несчастьями.

Днем они собирались вместе, гуляли по галерее, а на закате поднимались на платформу, куда Чумуки обычно подавал им обед.

Бастион, в который они были заключены, имел квадратную форму и занимал западный угол дворца; двумя сторонами он возвышался над обширной террасой, от которой его отделяла цепь внутренних дворов. По этим дворам пленники шли в центральную башню, где видели циклоскоп. Один из двух других фасадов дворца поднимался над расположенной между дворцом и заводом эспланадой, огромная стена которой примыкала к Ред Риверу; другой фасад отвесно спускался в реку с высоты около тридцати метров.

Бегство отсюда было немыслимо. Не говоря о невозможности ускользнуть от бдительности Гарри Киллера, действенность которой он так жестоко показал, нечего было даже думать выйти из дворца. Да если бы и удалось спуститься с бастиона на террасу, это не привело бы ни к чему: там беспрестанно сновали советники, Веселые ребята и Черная стража. Не больше выиграли бы они, *попав на эспланаду*, окруженную со всех сторон неприступными стенами. Только Ред Ривер мог послужить выходом, но пленники не владели ни лодкой, ни средством спуститься по вертикали с высоты тридцати метров.

С платформы они могли проследить взглядом течение реки. И вверх и вниз по течению она скрывалась среди двух рядов деревьев, уже достигавших значительной вышины, хотя были посажены только десять лет назад. За исключением Публичного парка, скрытого от них дворцом, весь Блекланд развертывался перед глазами пленников. Они видели его три секции, разделенные высокими стенами, полукруглые концентрические улицы, восточный и западный кварталы с их немногочисленным белым населением и центр, где на рассвете, перед тем как рассеяться по полям, кишела многочисленная толпа негров.

Их взгляды устремлялись и на завод, но то, что они видели, давало им слишком мало сведений об этом втором городе, заключенном в первом, с которым он, казалось, не имел никакого сообщения. Каково было назначение различных сооружений, увенчанных трубой, откуда никогда не поднимался столб дыма? Зачем там подним-

лась башня, подобная дворцовой, но значительно более высокая, в сто с лишним метров вышины? И к чему этот необъяснимый пилон — решетчатое сооружение, замеченное Амедеем Флорансом в момент прибытия в Блекланд? Что означали обширные сооружения, возвышавшиеся в огороженной части у берега Ред Ривера, из которых некоторые были покрыты толстым слоем земли, с зеленеющей травой наверху? Для каких надобностей служила эта вторая, более значительная часть, содержавшая огороды и сады? Зачем высокая металлическая стена, составляющая особую ограду этого места? Зачем у ее основания проходит широкий и глубокий ров? И для чего вообще эта ограда, если оба ее конца не примыкают ни к реке, ни к эспланаде, а за ней существует вторая, после которой начинаются поля? Казалось, хотели одновременно дать этому местечку дополнительную защиту и создать невозможность прямого сообщения с наружным миром. Все это было необъяснимо.

Спрошенный на этот счет Чумуки мог только сказать, что название внутреннего города — Завод. Слово «завод» он выговаривал с каким-то суеверным страхом, немилосердно коверкая его.

Впрочем, Чумуки, как новобранец Гарри Киллера, не мог больше и знать и был даже неспособен объяснить причины проявляемого им страха, который, очевидно, был только отголоском общего настроения в городе. Какая-то сила скрывалась за глухой стеной, ведущей к дворцу. Какова сущность этой силы? Смогут ли они когда-нибудь это узнать и обратить на пользу себе?

Если их свободу явно ограничили, как уже говорилось, нельзя было того же сказать о Жанне Бакстон. По приказу Гарри Киллера, Чумуки объявил, что она может без всяких ограничений ходить по дворцу и эспланаде. Ей только запрещалось переходить Ред Ривер, чего она, впрочем, и не могла бы сделать, так как караул Веселых ребят постоянно охранял Дворцовый мост.

Бесполезно говорить, что молодая девушка не воспользовалась разрешением: что бы ни случилось, судьба ее не должна отличаться от судьбы ее товарищей по несчастью. И она оставалась пленницей, к великому изумлению Чумуки, который, со своей стороны, считал великолепным предложение, сделанное его бывшей госпоже,

— Твоя остается в тюрьме, нехорошо, — говорил он. — Когда твоя женится на Господине, хорошо. Твоя освободит тубабы.

Но Жанна Бакстон равнодушно слушала эти похвальные речи в негритянском стиле, и Чумуки напрасно расточал красноречие.

Когда пленники не собирались на галерее или платформе бастиона, они занимались на досуге кто чем хотел.

Барсак имел слабость сверх меры возгордиться твердой позицией, которую занял при свидании с Гарри Киллером. Заслуженные комплименты воспламенили его тщеславие, и он готов был, не моргнув глазом, идти на муки, чтобы только получить новые похвалы. Все его чувства отливались в форме ораторских выступлений; с тех пор он неустанно работал над речью, которую произнесет перед тираном при первом удобном случае; он отделывал и переделывал мстительное обращение, которое «импровизированно» бросит Киллеру в лицо, если тот осмелится возобновить свои постыдные предложения.

Доктор Шатонней и Сен-Берен, излечившийся от прострела, оба оказались «безработными»; один из-за отсутствия больных, другой в силу обстоятельств, мешавших ему заниматься любимым спортом. Оба они чаще всего составляли компанию Жанне Бакстон, пытаясь ее утешить. Воспоминание об отце, покинутом в уединении замка Гленор, тем более удручало девушку, что она теперь чувствовала себя способной смягчить неизлечимое отчаяние старца. Сможет ли она когда-нибудь принести ему еще не полные, но уже волнующие доказательства невиновности Джорджа Бакстона?

Амедей Флоранс большую часть времени употреблял на ведение ежедневных записок. Ни на один день он не уклонился от выполнения профессионального долга. Если ему удастся вернуться в Европу, то, по крайней мере, приключения экспедиции Барсака станут известны до мельчайших подробностей.

Что касается Понсена, он не говорил и не делал ничего, не считая занесения в объемистый блокнот таинственных знаков, которыми так долго интересовался Амедей Флоранс.

— Не будет ли с моей стороны нескромностью, господин Понсен, — осмелился однажды репортер обратиться

к своему молчаливому компаньону, — спросить, что вы пишете с таким старанием?

Физиономия Понсена расцвела. О нет, это не будет нескромностью! Понсен, напротив, бесконечно польщен, что кто-то обратил внимание на его труды и проявил к ним интерес.

— Сейчас я решаю задачу, — сказал он с важным видом.

— Ба! — вскричал репортер.

— Да, сударь. Вот я сейчас занимаюсь такой: «А в два раза старше, чем был В, когда А было столько лет, сколько теперь В. Когда В будет в таком возрасте, в каком сейчас А, сумма их лет составит N. Сколько лет А и В?» Обозначая возраст А через *x*...

— Да это не задача, ваша маленькая выдумка, господин Понсен! — вскричал Амедей Флоранс. — Это просто китайская головоломка! И это упражнение вас забавляет?

— Скажите, страстно увлекает! Эта задача особенно изящна. Я без устали решаю ее с детства.

— С детства?!. — переспросил ошеломленный Флоранс.

— Да, сударь! — не без тщеславия уверил Понсен. — Я сегодня решил ее в тысяча сто девяносто седьмой раз, и у меня получился для А ответ 4 788 лет и 3 591 год для В.

— Это немолодые люди, — заметил Амедей Флоранс, не моргнув глазом. — Ну, а остальные тысяча сто девяносто шесть решений...

— Не менее верны. Все числа, кратные девяти, удовлетворяют уравнению, и количество точных решений бесконечно. Пусть я даже буду жить десять тысяч лет, я никогда не исчерпаю их все. Если мы примем возраст А за *x*, а возраст В за *y*...

— Ах нет, господин Понсен! — перебил испуганный Флоранс. — Лучше я предложу вам другую задачу, которая, по крайней мере, будет иметь для вас прелесть новизны.

— С удовольствием, — ответил Понсен, вооружаясь карандашом, чтобы записать условие.

— Три человека, — диктовал Амедей Флоранс, — один ростом в 1 метр 90 сантиметров, другой в 1 метр

68 сантиметров и третий в 27 сантиметров, пробежали 332 километра в 28 дней. Сколько километров пробегут за одну секунду 8 человек, из которых двое безногих, если известно, что их средний возраст 45 лет?

— Это задача на тройное правило, — сказал Понсен, глубокие морщины на лбу которого указывали на серьезное раздумье.

— Вы решите это на свежую голову, — поспешил посоветовать Амедей Флоранс. — И такие вычисления вы заносите в книжку во все время путешествия?

— Совсем нет, господин Флоранс! — запротестовал Понсен с значительным видом. — Задачи для меня лишь развлечение, отдых, игра ума. Обычно я занимаюсь вопросами гораздо более серьезными и высокими, поверьте!

— Осмелюсь ли спросить...

— Я — статистик, — скромно признался Понсен.

— Значит, здесь содержится статистика? — спросил Флоранс, показывая на знаменитый блокнот.

— Да, сударь, — ответил Понсен, положительно опьяневший от энтузиазма. — Эти заметки содержат неистощимые копи сведений! Я открыл поразительные вещи, сударь!

Понсен открыл книжку и начал быстро перелистывать страницы.

— Вот посмотрите на это, сударь, — вскричал он, показывая запись, датированную 16 февраля. — За 62 дня мы видели 9 стад антилоп, содержащих в целом 3 907 голов, сосчитанных мною, что в среднем дает на одно стадо 434 и одиннадцать сотых антилопы. В один год — это математика! — мы встретили бы 46 и девяносто три сотых стада, то есть 20 372 и семьдесят две сотых антилопы. Отсюда вытекает ма-те-ма-ти-че-ски, что 54 600 квадратных километров, которыми исчисляется площадь Петли Нигера, содержат 556 166 и восемьсот девяносто четыре тысячных антилопы. Это, как я полагаю, ценный результат с зоологической точки зрения!

— В самом деле... в самом деле... — забормотал ошеломленный Амедей Флоранс.

— Удивительнейшие вещи, я вам говорю! — бегло продолжал Понсен. — Я знаю, например, что в Петле Нигера содержится в среднем девять тысячных каймана и двадцать семь десятитысячных гиппопотама на метр

течения реки! Что она произведет в этом году 682 квадриллиона 321 триллион 233 миллиарда 107 миллионов 485 тысяч и 1 зерно проса! Что здесь ежедневно рождается в среднем двадцать восемь тысячных ребенка на каждую деревню и что эти двадцать восемь тысячных содержат двести шестьдесят семнадцатитысячных девочки и сто девяносто девять семнадцатитысячных мальчика! Что рисунки, нататуированные на коже негров этой области, будучи приложены друг к другу, накроют сто три тысячи пятьсот двадцать восьмых окружности земного шара! Что...

— Довольно!.. Довольно, господин Понсен! — перебил Флоранс, затыкая уши. — Это восхитительно, в самом деле, но чересчур сильно для меня, признаюсь. Последний вопрос! Эти иероглифы, которые я имел однажды вольность переписать, имеют такой же смысл?

— Безусловно, — заявил Понсен. — 5 д. и 12 ф. представляют дату и попросту обозначают 5 декабря и 12 февраля. Пр. д. значит пройденные деревни, м. — мужчины, в ср. — в среднем, ж. — женщины, н.к.д. — на каждую деревню, кв. км — квадратные километры и так далее. Это все очень просто. А самое интересное, это заключение, то есть общее количество населения в Петле Нигера. Вы видите запись на 5 декабря, нас в ц., то есть население в целом: 1 479 114 человек.

— Да, я вижу, — сказал Флоранс, — но я вижу также под датой 12 февраля: нас в ц. 470 652. Какое из этих чисел верное?

— Оба, — заверил Понсен. — Первое верно на 5 декабря, а второе на 12 февраля.

— Выходит, что в промежутке произошла ужаснейшая эпидемия, о которой мы ничего не слышали?

— Я этого не знаю, и не хочу знать, — с великолепным презрением заявил Понсен. — Статистик, достойный своего имени, не должен размышлять, сударь! Он смотрит, наблюдает, все подсчитывает, подсчитывает здесь и там, и из его исследований, наблюдений, вычислений результаты вытекают сами собой. Неважно, что они меняются! Это ма-те-ма-ти-че-ски неизбежно, если изменяются данные. Такая подробность не мешает сложению быть сложением, вычитанию — вычитанием, умножению...

— Умножением и так далее.

— И так далее, — машинально повторил Понсен. — Статистика — неизменяемая наука, но она постоянно эволюционирует, сударь!

Удовлетворив любопытство настолько, что даже этого не ожидал, Амедей Флоранс поспешил закончить разговор на этой восхитительной истине.

Собираясь вместе, пленники вели разговоры гораздо более серьезные. Как и можно думать, они чаще всего разговаривали о своем положении и о том, от кого оно зависело, о Гарри Киллере, который произвел на них неизгладимое впечатление.

— Кем мог бы быть этот субъект? — спросил однажды Барсак.

— Он англичанин, — ответила Жанна Бакстон. — Его акцент не позволяет в этом сомневаться.

— Пусть англичанин, — ответил Барсак, — но это ничего не объясняет. Во всяком случае, он человек необыкновенный. Создать такой город в десять лет, преобразить пустыню, привести воду туда, где ее не знали веками, — это доступно лишь гению, вооруженному обширными научными знаниями. Неоспоримо, что этот авантюрист наделен чудесными дарованиями.

— Это тем более непонятно для меня, — сказал Амедей Флоранс, — что я считаю Гарри Киллера сумасшедшим.

— Он по меньшей мере полусумасшедший, — подтвердил доктор Шатонней, — но полусумасшедший алкоголик, что еще ужасней.

— Соединение этих двух качеств, — сказал Амедей Флоранс, — создает классический тип деспота, то есть человека, поддающегося каждому своему побуждению. Судьба дала ему власть, и он распоряжается ею, как избалованный ребенок. Не терпя ни малейшего сопротивления, он мгновенно переходит от бешенства к спокойствию и обратно, и проявляет глубокое презрение к человеческой жизни, разумеется, к чужой.

— Подобные типы нередки в Африке, — объяснил доктор Шатонней. — Привычка жить постоянно в обществе людей, гораздо ниже стоящих по положению, которыми можно бесконтрольно распоряжаться, часто превра-

щает в жестоких сатрапов[1] тех европейцев, которых не защищают от такой заразы твердый характер и возвышенная душа. Деспотизм — местная болезнь колоний. Гарри Киллер зашел немного дальше других, вот и все.

— По-моему, он сумасшедший, я это повторяю, — заключил разговор Амедей Флоранс, — а на сумасшедших нельзя рассчитывать. Сейчас он о нас забыл, а, быть может, через пять минут прикажет казнить.

Но мрачные предположения Амедея Флоранса не оправдывались, и ближайшая неделя не принесла ничего нового. Зато 3 апреля произошли два события совершенно различного характера. Около трех часов дня пленники были приятно удивлены появлением Малик. Негритянка бросилась к ногам Жанны Бакстон и с трогательным пылом целовала руки своей госпожи, тоже очень взволнованной.

Оказалось, что маленькую негритянку не перевезли на планере, как других пленников, и она прибыла с четырнадцатью стрелками и двумя сержантами бывшего конвоя, по этапам, в продолжение которых ей пришлось испытывать дурное обращение. Пленники не спрашивали о Тонгане, так как, судя по ее печали, она ничего о нем не знала.

Два часа спустя после появления Малик произошло событие совсем другого характера. Около пяти часов в галерею прибежал возбужденный Чумуки. Он объявил, что его прислал Гарри Киллер с приказом привести к Господину мадемуазель Морна, его будущую жену.

Пленники ответили отказом, и Чумуки пришлось ретироваться, несмотря на его настояния. Лишь только он ушел, началось живое обсуждение странного приглашения Гарри Киллера. Все соглашались, что Жанне не следовало ни под каким предлогом отделяться от них.

— Благодарю вас, друзья мои, — сказала Жанна Бакстон, — за смелое покровительство, но не думайте, что я буду беззащитна в присутствии этого животного, не являющегося неуязвимым. Вас обыскивали, но подобные предосторожности сочли излишними по отношению к

---

[1] *Сатрап* — в древней Персии начальник области. Сейчас это слово означает жестокого, самовластного начальника, самодура.

женщине, и у меня осталось оружие, — Жанна Бакстон показала кинжал, найденный в могиле брата, который она носила за корсажем. — Будьте уверены, — заключила она, — в случае надобности я сумею им воспользоваться!

Едва она спрятала кинжал, как Чумуки возвратился совершенно растерянный. Гарри Киллер пришел в ярость, узнав ответ мадемуазель Морна, и потребовал, чтобы она явилась к нему немедленно. Если она не подчинится, все шесть пленников будут немедленно повешены.

Колебания были неуместны, и Жанна Бакстон, не желая подвергать подобной опасности тех, кого она же и вовлекла в это приключение, решила уступить, несмотря на сопротивление товарищей. Они напрасно пытались задержать ее силой. На призыв Чумуки в галерею ворвались негры, отделили мужчин, и Жанна Бакстон исчезла.

Она вернулась только в восемь вечера после трех долгих часов отсутствия, в течение которых ее товарищи и особенно несчастный Сен-Берен, плакавший горючими слезами, испытывали страшное беспокойство.

— Ну? — закричали все в один голос, увидев ее.

— Все кончилось хорошо, — ответила молодая девушка, еще дрожа.

— Чего он от вас хотел?

— Просто желал меня видеть, не больше. Когда я пришла, он уже начал пить, что, по-видимому, вошло в его привычки, и был полупьян. Он пригласил меня сесть и стал делать комплименты в своем духе. Он сказал, что я ему пришлась по вкусу, что приятно будет иметь маленькую хозяйку в моем роде, хвалился могуществом и богатством, которые огромны, если ему верить, и которыми я буду наслаждаться, как и он, когда стану его женой. Я слушала спокойно, напомнив ему, что нам дан месяц на размышление, из которого прошла лишь неделя. Как ни странно, он не рассердился. Мне кажется, я имею на этого безумца некоторое влияние. Он уверял, что примет решение не раньше месяца, но при условии, что я буду посвящать ему послеобеденные часы...

— Так тебе придется туда возвращаться, моя бедная крошка? — вскричал в отчаянии Сен-Берен.

— Это неизбежно, — ответила Жанна Бакстон, — но я думаю, что не подвергаюсь большому риску, судя по первому дню. После семи часов он совершенно опьянел, и моя роль состояла в том, что я набивала трубку и наполняла стакан до момента, когда это животное начало храпеть, чем я и воспользовалась, чтобы вернуться к вам.

Начиная с этого дня Жанна Бакстон, действительно, ежедневно отправлялась в три часа к Гарри Киллеру и оставалась у него до восьми часов. По ее рассказам, договор выполнялся без нарушений. Часы эти проходили всегда одинаково. Жанна заставала деспота в компании советников, которым он отдавал распоряжения, выказывая блестящий ум. В его инструкциях не было ничего особенного: они относились к управлению городом или к сельским работам, — и управление Блекландом не имело бы ничего таинственного, если бы Гарри Киллер по временам не наклонялся к уху одного из советников, чтобы сделать какое-нибудь секретное распоряжение, сущности которого Жанна не знала.

Совет продолжался до четырех часов, потом все удалялись, а Жанна Бакстон оставалась с Гарри Киллером. Но вскоре он оставлял ее одну. В половине пятого ежедневно он исчезал через маленькую дверь, ключа от которой никому не доверял. Куда он уходил, Жанна не знала.

В первые три дня вскоре после ухода Гарри Киллера до слуха Жанны Бакстон начинали доноситься странные звуки, похожие на отдаленные стоны пытаемого человека. Эти стоны продолжались четверть часа, потом прекращались, и после получасового отсутствия Гарри Киллер возвращался в превосходном настроении. Жанна набивала ему трубку, наполняла стакан, и он пил до полного опьянения.

В продолжение трех дней Жанна Бакстон поджидала прихода Гарри Киллера в комнате, где он ее оставлял. Но скоро отдаленные стоны, выражавшие страдания, прекратить которые было не в ее власти, стали для нее невыносимыми. Она взяла привычку во время его получасового отсутствия гулять по дворцу, прислуга которого и дежурные Веселые ребята начали к ней привыкать и даже оказывали некоторое почтение.

Каждый вечер приходил момент, когда опьянение отдавало Гарри Киллера в ее полную власть. Молодой девушке легко было убить пьяного тирана, поразив его кинжалом, найденным на останках ее несчастного брата. Однако она этого не делала: ее ужасала мысль о нападении на беззащитного, как бы он ни был отвратителен. Да и, кроме того, какую пользу принесло бы убийство?! После смерти Гарри Киллера останутся шайка негодяев, называемых советниками, полудикая Черная стража и весь подозрительный сброд, составляющий население Блекланда. Положение пленников не улучшилось бы, напротив, стало бы хуже после смерти, может быть, единственного человека в этом городе, который в свои светлые часы выказывал действительный ум и был способен понимать выгоды некоторого снисхождения к пленникам. Когда она посоветовалась с товарищами, они согласились с ней. Нет, никоим образом не следовало убивать Гарри Киллера.

Но, возможно, лучше был бы другой проект? Раз Жанна пользовалась доверием деспота, нельзя ли завладеть его особой? Заложники в свою очередь получили бы заложника и могли бы договариваться на равных условиях.

К несчастью, такой проект наталкивался на большие трудности. Как овладеть Гарри Киллером, когда столько прислуги во дворце и у ворот галереи стража? Пусть даже пленники победят эту первую трудность, не случится ли, что население Блекланда, довольное освобождением от Гарри Киллера, откажется вступить в торг, где ставкой будет свобода деспота? И если даже последнее предположение окажется неверным и мирный договор будет заключен, как они смогут обеспечить его выполнение? Столько проблем, решение которых было очень трудным!

Помимо этих, едва ли осуществимых проектов, Жанна Бакстон лелеяла еще один, которого не доверяла даже товарищам. Ее любопытство и сострадание были возбуждены постоянными отлучками Гарри Киллера и отдаленными стонами, которые всегда слышались в это время. Когда по вечерам Гарри Киллер, совершенно пьяный, находился в ее власти, у нее не раз являлось желание украсть у него ключ и посмотреть, что скрывается за

дверью. Но каждый раз у нее не хватало решимости, и она воздерживалась от поступка, который мог грозить важными последствиями.

Пять дней прошли таким образом, и настало 8 апреля.

В этот день, около девяти часов вечера, все пленники, включая Малик, собрались на платформе бастиона, расспрашивая Жанну Бакстон о событиях дня, который, впрочем, прошел, как и предыдущие. Этажом ниже Чумуки заканчивал свои дневные услуги, чтобы удалиться до завтра.

Тяжелые тучи угрожали разразиться дождем, ночь была очень темной, хотя луна не пришла еще в четвертую четверть. На платформе, куда не достигал свет с другого берега Ред Ривера, царила глубокая тьма.

Вдруг что-то с сухим стуком упало на плиты площадки. Пораженные, пленники прекратили разговор. Откуда к ним явился и каков мог быть предмет, которого они даже не различали в темноте?

Амедей Флоранс первым пришел в себя. В несколько мгновений он разыскал таинственный снаряд. Это был камень порядочных размеров, с привязанной бечевкой, другой конец которой, спускаясь через перила, должно быть, погружался в Ред Ривер.

Что это значило? Не скрывалась ли тут ловушка? Или пленники имели в Блекланде неведомого друга, посылавшего им весть? Чтобы это узнать, надо было только потащить бечевку, к которой в таком случае должна быть привязана записка. Амедей Флоранс не мешкая принялся за дело, но ему пришлось прибегнуть к помощи доктора Шатоннея. Тонкая бечевка скользила у него между пальцев, за ней тянулось что-то тяжелое. Не могло быть и речи о простой записке.

Когда бечевка кончилась, оказалось, что к ней прикреплен канат. Потянули и его. Метров тридцать — тридцать пять вытянули легко, потом почувствовали сопротивление, но не жесткое, не такое, как в том случае, когда веревка привязана к неподвижному предмету, а упругое, подобное сопротивлению человека, который тянет за другой конец. На несколько мгновений пришло сомнение. Что делать?

— Привяжем канат, — предложил Амедей Флоранс. — Тогда увидим, чего желает тот, кто его выбросил.

Так и сделали. Веревка тотчас натянулась. Кто-то взбирался по ней, и пленники, наклонившись над перилами, пытались его рассмотреть. Скоро они различили фигуру человека. Мгновение спустя неизвестный вскарабкался на перила и спрыгнул к остолбеневшим пленникам.

— Тонгане!! — вскричали они приглушенными голосами.

НОВАЯ ТЮРЬМА

Тонгане не только не был мертв, но, как выяснилось позже, не был даже ранен при неожиданном нападении в Кубо. Лучи прожектора его не захватили, и он незаметно скользнул под деревья, а нападающие не подумали заняться им.

Поступая так, Тонгане не собирался покинуть своих хозяев, тем более, что с ними была Малик. Наоборот, он хотел им помочь и справедливо решил, что для этого лучше находиться на свободе. Далекий от мысли бежать, он присоединился к похитителям. Он шел по следу за теми, которые везли Малик в Блекланд, ценой бесчисленных лишений пересек пустыню, живя крохами, собираемыми на местах их остановок. Пеший, он не отставал от лошадей и ежедневно одолевал пятьдесят километров.

Он отстал от них лишь по приближении к Блекланду. Достигнув возделанной зоны, он остановился и стал ждать ночи, чтобы проникнуть на неведомую территорию.

До утра он скрывался в густом кустарнике. Потом смешался с толпой негров, работал вместе с ними и получал удары бича, на которые так щедры были надсмотрщики, а вечером вошел с толпой в центральный квартал, не обратив на себя ничьего внимания.

Через несколько дней он утащил из заброшенной хижины веревку. С ее помощью ему удалось пробраться через Гражданский корпус, достигнуть реки, где он в продолжение двух долгих дней скрывался в сточной трубе, выжидая благоприятного случая.

В продолжение этих двух дней он наблюдал, как пленники по вечерам выходили на площадку бастиона, но напрасно пытался привлечь их внимание. Желанный случай представился лишь на третий день, 8 апреля. Густые тучи сделали ночь темной, и он воспользовался этим, чтобы выйти из убежища и забросить к своим господам веревку, по которой сможет проникнуть к ним.

Понятно, все эти объяснения были даны позднее. В первый же момент Тонгане лишь заявил, что все могут убежать той же дорогой, по которой он пришел. Внизу находилась лодка, которую ему удалось достать, — оставалось лишь спуститься в Ред Ривер.

Бесполезно говорить, что проект приняли без возражений. С четырьмя мужчинами на веслах можно было делать шесть миль в час вниз по течению. Отправившись в одиннадцать часов, до рассвета можно проплыть семьдесят пять километров, то есть миновать не только защитную зону, просматриваемую циклоскопом, но и границу возделанных земель, и, может быть, даже последние посты среди песков. Днем можно скрываться от планеров в какой-нибудь расщелине и возобновлять плавание по ночам, пока они не достигнут Нигера. Ред Ривер должен впадать в него в окрестностях Бикини, выше Сея, потому что он течет по старому руслу уэда[1] Тафасассета. Таким образом, путешествие в четыреста пятьдесят километров потребует четырех-пяти ночей плавания.

План был быстро обсужден и принят. Но прежде чем его привести в исполнение, следовало отделаться от Чумуки. Иногда негр вечером долго задерживался в галерее или на платформе. Некогда было ждать, пока он соизволит уйти. Нужно действовать быстро.

Оставив Жанну Бакстон, бесполезного Понсена и Тонгане на площадке бастиона, прочие пленники стали спускаться по лестнице. С первых ступенек они заметили в нижнем этаже Чумуки, лениво кончавшего дневную работу. Он продолжал свое дело, так как у него не было причин опасаться их. Поэтому они приблизились к негру, не привлекая его внимания.

Выполняя заранее намеченный план, Сен-Берен напал первым. Его сильные руки ухватили Чумуки за гор-

[1] Уэдами в Африке называются русла высохших рек.

ло, и тот даже не успел крикнуть. Трое остальных схватили мошенника за руки и за ноги, крепко связали, заткнули рот, заперли в. камеру и ключ бросили в Ред Ривер. Так замедлялось, насколько возможно, открытие бегства.

Покончив с этим делом, четыре европейца снова поднялись на платформу и попали под страшный ливень. Как они и предвидели, с неба полились потоки воды, гонимые порывами ветра. Погода благоприятствовала беглецам: в двадцати метрах ничего не было видно, и лишь едва различались смутные очертания освещенного квартала Веселых ребят на другом берегу.

Спуск начался немедленно и прошел благополучно. Один за другим, Амедей Флоранс первый, Тонгане последний, беглецы соскользнули по веревке, нижний конец которой был укреплен в лодке. Размеры ее оказались достаточны, чтобы поднять всех. Жанне Бакстон напрасно предлагали привязаться. Она энергично отказалась и доказала, что по спортивной ловкости не уступает компаньонам.

Тонгане, прежде чем покинуть платформу, позаботился отвязать веревку от зубца стены, к которому она была привязана. Закинув веревку за зубец, он спустился, держась за оба конца, а потом стянул ее вниз; таким образом не осталось никаких следов бегства.

Чуть позже десяти часов якорь был поднят, и лодка двинулась по течению. Беглецы прятались за бортами. За весла они возьмутся, когда будут за городом, наружная стена которого отстояла едва на шестьсот метров, и тогда скорость увеличится. До тех пор, хотя ураганный дождь и создавал непроницаемую завесу, лучше было не показываться.

Прошло несколько минут, и беглецы уже рассчитывали, что ускользнули из-под надзора, когда лодка наткнулась на препятствие и остановилась. Ощупав его, пленники с отчаянием убедились, что перед ними высокая железная решетка, покрытая сверху листами железа и уходящая глубоко в воду. Напрасно двигались они вдоль решетки: ее края были вделаны в стенки набережных; с одной стороны находились кварталы Гражданского корпуса и Веселых ребят, с другой — дорожка для часовых вдоль заводской стены. Выхода отсюда не было.

Гарри Киллер не лгал: он принял все меры предосторожности; свободное днем, течение Ред Ривера ночью перегораживалось.

Много времени прошло, прежде чем потрясенные беглецы опомнились. Убитые горем, они даже не чувствовали грозы, промочившей их до костей. Возвратиться назад, появиться с виноватым видом у двери дворца, самим отдаться в лапы сторожам? Они не могли на это решиться. Пробраться через железные листы без единой щели было невозможно. Тем более нельзя провести лодку через преграду. А как убежишь без лодки?

Если выйти на берег, слева — завод, справа — Веселые ребята. Путь закрыт.

— Не можем же мы здесь спать! — сказал Амедей Флоранс.

— А куда вы предлагаете направиться? — спросил обескураженный Барсак.

— Куда угодно, только не к «его величеству» Гарри Киллеру! — ответил репортер. — Раз у нас нет выбора, почему бы не устроиться в новом помещении, которое называется заводом.

В самом деле, стоило попытаться. В этом маленьком мирке, отделенном от города, они, может быть, найдут помощь. Хуже, во всяком случае, не будет, и стоило попробовать.

Они приплыли к левому берегу и причалили около стены

в нижней части дороги для караула, окружавшей завод. Дождевой занавес был настолько плотен, что даже на расстоянии всего в пятьдесят метров они не различали заводской стены. Хотя рев стихии заглушал все звуки, они пробирались с осторожностью по дороге для караула, которую предстояло пересечь.

На полпути была сделана остановка.

Беглецы разглядели в двадцати метрах от себя угол западной и северной стен завода, первая шла направо, параллельно городской ограде, а вторая продолжалась по берегу Ред Ривера, против течения. В противоположность дворцовому фасаду, расположенному таким же образом, эта часть стены не обрывалась прямо в воду; ее отделяло от реки довольно широкое пространство. Осмотрев местность, беглецы не решились продолжать путь: около угла заводской стены они заметили караульную будку. Это обеспокоило их. Очевидно, часовой скрывался в ней от дождя, так как его не было видно.

Но нельзя же оставаться в этом месте до бесконечности! Так легче всего они дадут себя захватить, если часовой выйдет из будки или неожиданно прекратится дождь.

Сделав товарищам знак следовать за ним, Амедей Флоранс поднялся на несколько метров по дорожке для часовых, удаляясь от Ред Ривера, потом начал ее пересекать, возвращаясь вдоль заводской стены. Таким образом, можно будет напасть с тыла: отверстие будки глядело в сторону реки.

Около угла стены остановились, чтобы посоветоваться, а затем Амедей Флоранс, Сен-Берен и Тонгане обогнули угол, вышли на набережную, помчались к будке и стремительно ворвались в нее. Там сидел Веселый парень. Захваченный внезапной атакой, которой невозможно было предвидеть, он не успел пустить в ход оружие, а крик его заглушила буря. Сен-Берен схватил его за горло и начал душить, как незадолго до этого душил злосчастного Чумуки. Белый свалился, как и негр. Тонгане притащил из лодки веревку, и Веселого парня крепко связали. Не теряя времени, беглецы поднялись по реке в направлении дворца и двинулись один за другим вдоль заводской стены.

Одной из особенностей завода являлось почти полное отсутствие дверей, ведущих наружу. Со стороны эспланады их не существовало, как можно было видеть с площадки бастиона. С противоположной стороны они тоже не замечали выхода настолько далеко, как позволял видеть плотный занавес дождя. Казалось, он такой же глухой, этот северный фасад, выходивший к реке.

Однако раз здесь была набережная, она для чего-то служила, хотя бы для разгрузки материалов, привозимых по реке. Значит, обязательно существовал вход в завод.

Это рассуждение было справедливо. Пройдя полтораста метров, беглецы, в самом деле, заметили двустворчатую дверь, сделанную, по-видимому, из полос железа, толстых и прочных, как стальные латы. Как открыть эту дверь, не имевшую наружного замка? Как сломать ее? Как привлечь внимание обитателей завода, не взбудоражив часовых, вероятно, находившихся неподалеку?

В стороне от этих ворот, на несколько метров вверх по реке, находилась такая же дверь, гораздо меньших размеров, одностворчатая, с отверстием для внутреннего замка. При отсутствии ключа или другого инструмента, который мог бы его заменить, от замочной скважины не много было толку.

После долгих колебаний беглецы решили стучать в дверь кулаками и ногами, как вдруг со стороны эспланады показалась тень. Неясная среди потоков дождя, тень приближалась к ним. Набережная имела выход только на караульную дорогу, которая, обогнув завод, возвращалась на эспланаду. Поэтому были шансы, что ночной гуляка, шедший с эспланады, направляется к одной из двух дверей. Беглецы притаились в амбразуре ворот, готовые в удобный момент прыгнуть на подходившего.

Но он беспечно приблизился, прошел, почти дотронувшись до них, и все же их не заметил, так что они отказались от насилия, не вызванного необходимостью. Пораженные необычайной рассеянностью незнакомца, беглецы пошли по его следам, выходя из амбразуры один за другим. Как и следовало предполагать, он остановился перед маленькой дверью, и, когда вставил ключ в замок, за ним стояло восемь внимательных зрителей, о существовании которых он даже не подозревал. Дверь открылась. Бесцеремонно толкая того, кто открыл ее, бег-

лецы устремились за ним, и последний из них толкнул дверь, закрывшуюся с глухим стуком.

Они очутились в глубокой тьме, и слабый голос, выражавший некоторое удивление, произнес:

— Ну! Что это значит? Чего от меня хотят?

Внезапно блеснул свет, показавшийся ослепительным среди тьмы. Это Жанна Бакстон зажгла электрический фонарь, который уже оказал ей услугу в Кокоро. В конусе света показались Тонгане и перед ним хилый человек с белокурыми волосами, в одежде, с которой струилась вода.

Взглянув друг на друга, Тонгане и белокурый незнакомец закричали одновременно, но в различной манере.

— Сержант Тонгане! — воскликнул незнакомец все тем же слабым голосом, в котором было небольшое удивление.

— Мусье Камаре! — вскричал негр, выкатив испуганные глаза.

Камаре! Жанна Бакстон задрожала, услышав имя, которое она хорошо знала, имя старого товарища ее брата.

Амедей Флоранс счел удобным вмешаться: он сделал шаг вперед и вошел в конус света. Раз тут обнаружилось знакомство, можно было обойтись без представлений.

— Господин Камаре! — сказал он. — Мои товарищи и я хотели бы с вами поговорить.

— Нет ничего проще, — ответил Камаре, не двигаясь.

Он тронул кнопку, и электрические лампы засверкали под потолком. Беглецы находились в пустой сводчатой комнате, по-видимому, передней.

Марсель Камаре открыл дверь, за которой начиналась лестница, и, отойдя в сторону, сказал с удивительной простотой:

— Потрудитесь войти!

МАРСЕЛЬ КАМАРЕ

Изумленные приемом, банальная вежливость которого казалась необыкновенной при подобных обстоятельствах, шесть европейцев в сопровождении двух негров поднялись по лестнице, ярко освещенной электричеством.

Пройдя около двадцати ступенек, они попали во второй вестибюль, где остановились. Поднявшись последним, Марсель Камаре пересек вестибюль и, открыв новую дверь, отстранился, как и прежде, предоставляя пройти неожиданным гостям.

Беглецы вошли в огромную комнату, где царил полный беспорядок. Чертежный стол стоял у одной из стен, обширная библиотека занимала остальные. Кое-как была расставлена дюжина стульев, заваленных книгами и бумагами.

Марсель Камаре спокойно сбросил со стула пачку бумаг и сел. Гости последовали его примеру, только Тонгане и Малик почтительно стояли.

— Чем могу служить? — спросил Марсель Камаре, казалось, находивший это необычное вторжение вполне естественным.

Усаживаясь, беглецы жадно рассматривали человека, в чьи владения они так смело ворвались, и вид его успокоил их. Было бесспорно, что он чудак, этот незнакомец, которого Тонгане назвал фамилией Камаре; что он крайне рассеян, так как, столкнувшись с ними на набережной, не заметил их; что «отсутствующий» вид, отчужденность от внешнего мира, спокойствие и простота, с которыми он принял их достаточно грубое вторжение, были поистине необычайны. Но все эти странности не находились в противоречии с очевидной честностью этого человека, несформировавшийся организм которого напоминал организм подростка. Обладатель такого высокого лба и ясных глаз не мог принадлежать к тому же моральному типу, как Гарри Киллер, хотя все показывало, что у них общая жизнь.

— Господин Камаре, — ответил Барсак, — мы просим вашей защиты.

— Моей защиты? — повторил Камаре с легким удивлением. — Но, боже мой, от кого?

— От хозяина, вернее, от деспота этого города, от Гарри Киллера.

— Гарри Киллер? Деспот? — снова повторил Камаре, который, казалось, ничего не понимал.

— Разве вы этого не знаете? — спросил изумленный в свою очередь Барсак.

— Честное слово, нет!

— Но вы не можете не знать, что у вас по соседству существует город?! — настаивал Барсак с некоторым нетерпением.

— Конечно! — согласился Марсель Камаре.

— И что этот город называется Блекландом?

— Ага! Так он называется Блекландом? — воскликнул Камаре. — В самом деле, неплохое имя. Я этого не знал, но теперь знаю, раз вы мне сказали. Мне, впрочем, безразлично.

— Если вы не знаете названия города, — с иронией сказал Барсак, — я думаю, вы все же знаете, что в нем обитает достаточно многочисленное население?

— Разумеется, — безмятежно ответил Камаре.

— В каждом городе нужна администрация, управление...

— Безусловно...

— А управление Блекландом всецело находится в руках Гарри Киллера, бандита, жестокого и кровавого деспота, грубого пьяницы, чтобы не сказать, безумца.

Марсель Камаре поднял на Барсака свои до сих пор опущенные глаза. Он был поражен, настолько поражен, что как будто упал с луны.

— О! О!.. — бормотал он растерянно. — Вы употребляете такие выражения...

— Слишком слабые по сравнению с фактами, которые их вызвали, — продолжал разгоряченный Барсак. — Но позвольте вам представиться.

Камаре согласился с равнодушным вежливым жестом, не слишком ободряющим.

Оставив за Жанной Бакстон избранный ею псевдоним, Барсак назвал своих товарищей и себя, указывая звание каждого.

— И, наконец, — заключил он, — вот Тонгане, о котором я не говорю, так как вы, по-видимому, его знаете.

— Да... да... — тихо сказал Камаре, снова опустив глаза.

— Назначенные французским правительством... Но вы, конечно, француз, господин Камаре?

— Да, да... — равнодушно пробормотал инженер.

— Назначенные французским правительством выполнить определенные поручения в Петле Нигера, мы без

конца боролись против препятствий, которые нагромождал перед нами Гарри Киллер.

— С какой же целью? — заинтересовался Камаре.

— С целью преградить нам путь к Нигеру, так как Гарри Киллер хочет, чтобы его логовище оставалось неизвестным. Он потому и старался удалить нас из этой области, чтобы мы ничего не узнали о Блекланде, существования которого никто в Европе не подозревает.

— Что вы говорите? — воскликнул Камаре с необычной живостью. — Невозможно, чтобы об этом городе не знали в Европе, куда возвратилось немало рабочих после более или менее долгого пребывания здесь.

— И все же это так, — ответил Барсак.

— Вы утверждаете, — настаивал Камаре, все более волнуясь, — что никто, я говорю: никто о нас не знает?

— Абсолютно никто.

— И что эту часть пустыни считают совершенно необитаемой?

— Да, сударь, я это утверждаю!

Камаре встал. Охваченный сильным волнением, он стал ходить по комнате.

— Непостижимо! Непостижимо! — бормотал он.

Но его возбуждение длилось недолго. Успокоив себя усилием воли, он сел и сказал, немного более бледный, чем обычно:

— Продолжайте, сударь, прошу вас.

— Не буду утомлять вас подробностями, — снова начал Барсак, следуя этому настоянию, — и рассказывать о всех неприятностях, которым нас подвергли. Достаточно сказать, что, лишив нас конвоя, Гарри Киллер, разъяренный тем, что мы продолжали продвигаться в том направлении, которое нам было воспрещено, прислал людей похитить нас ночью и привезти сюда, где нас держат в плену вот уже полмесяца и угрожают казнью...

Кровь бросилась в лицо Марселя Камаре, и взгляд его принял угрожающее выражение.

— Это просто невообразимо! — вскричал он, когда Барсак кончил говорить. — Как! Гарри Киллер ведет себя таким образом?!

— Это — не все, — сказал Барсак и рассказал об отвратительных преследованиях, жертвой которых стала Жанна Бакстон, и об убийстве двух негров, одного, пора-

женного воздушной торпедой, другого, захваченного планером и сброшенного на площадку башни, где он разбился насмерть.

Марсель Камаре был потрясен. Ему пришлось, быть может, в первый раз покинуть область чистой абстракции и столкнуться с действительностью. Его прирожденная честность жестоко пострадала от этого столкновения. Как! Он, не решавшийся раздавить даже насекомое, долгие годы жил, не зная этого, около существа, способного на такие жестокости!

— Это отвратительно! Ужасно! — восклицал он.

Ужас его был столь же велик, сколь и чистосердечен. Барсак и его спутники видели это. Но как было совместить эту чувствительность и моральную чистоту с присутствием Камаре в городе, который делали столь подозрительным качества его правителя?

Выражая общую мысль, Барсак заметил:

— Но, сударь, ведь человек, хладнокровно совершающий такие поступки, очевидно, ими не ограничивается. Гарри Киллер, конечно, имеет и другие преступления на своей совести. Вы о них не знаете?

— И вы осмеливаетесь предлагать мне такой вопрос! — запротестовал возмущенный Камаре. — Конечно, я о них не знаю, как не знал и о том, что вы мне сейчас открыли, и о других, еще более ужасных делах, в которых я его теперь подозреваю. Никогда не выходя с завода, занятый изобретением удивительных вещей, я ничего не видел, ничего не знал...

— Если мы вас хорошо поняли, — сказал Барсак, — вы нам ответите на один вопрос. Нам кажется невероятным, чтобы этот город и окружающие поля были делом Гарри Киллера. Только подумать, что десять лет назад здесь был песчаный океан! С какою бы целью это ни сделано, превращение поразительно! Но если даже Гарри Киллер и был одарен удивительным умом, его ум давно потонул в вине, и мы не могли себе объяснить, как этот дегенерат мог совершить такие чудеса.

— Он! — вскричал Марсель Камаре, охваченный внезапным негодованием. — Он! Это ничтожество! Этот нуль! И вы это думали?! Работа великолепная, но, чтобы ее выполнить, нужен не Гарри Киллер!

— Кто же ее проделал? — спросил Барсак.

— Я! — надменно произнес Марсель Камаре, и лицо его осветилось гордостью. — Я создал все, что здесь есть. Я пролил благодатный дождь на сухую, сожженную почву пустыни. Я превратил ее в плодородные, зеленые поля. Я из ничего создал этот город, как бог из небытия создал вселенную!

Барсак и его товарищи обменялись беспокойными взглядами. Дрожа от болезненного восторга и воспевая гимн собственной славе, Марсель Камаре поднял к небу блуждающие глаза, как бы ища того, с кем осмелился состязаться. Не попали ли они от одного безумца к другому?

— Если вы создатель всего, что мы здесь видели, почему же вы предоставили плоды ваших трудов Гарри Киллеру, не заботясь о том, что он из них сделает? — спросил доктор Шатонней.

— Когда вечное всемогущество бросает звезды в бесконечность, беспокоится ли оно о зле, которое может произойти? — гордо возразил Камаре.

— Оно иногда наказывает! — пробормотал доктор.

— И я накажу, как оно! — уверил Камаре, глаза которого снова загорелись беспокойным блеском.

Беглецы растерялись. Как можно надеяться на человека, может быть, и гениального, но, безусловно, неуравновешенного, одновременно способного к полному ослеплению и к необузданной гордости?

— Не будет ли нескромным, господин Камаре, — спросил Амедей Флоранс, переводя разговор на менее рискованные темы, — спросить, как вы познакомились с Гарри Киллером, и как родился в вашем мозгу проект основать Блекланд?

— Пожалуйста, — кротко ответил Марсель Камаре, успокаиваясь. — Проект — Гарри Киллера, выполнение — исключительно мое. Я узнал Гарри Киллера, когда участвовал в одной английской экспедиции, которой командовал капитан Джордж Бакстон...

При этом имени все посмотрели на Жанну. Она оставалась неподвижной.

— Тонгане служил в этой экспедиции сержантом, и вот почему я узнал его, хотя с тех пор прошло немало лет. Я был приглашен в качестве инженера, чтобы изучить горы, реки и особенно минеральные богатства ис-

следуемых областей. Отправившись из Асеры в страну ашантиев, мы шли к северу два месяца, и тогда в один прекрасный день среди нас появился Гарри Киллер. Хорошо принятый нашим начальником, он вошел в экспедицию и больше не покидал ее...

— Не будет ли точнее сказать, — спросила Жанна, — что он мало-помалу заместил капитана Бакстона, которого скоро перестали видеть?

Камаре повернулся к молодой девушке.

— Я не знаю... — нерешительно ответил он, не проявляя, впрочем, никакого удивления при этом вопросе. — Занятый работой, вы понимаете, я не заметил этих деталей и видел Гарри Киллера не чаще, чем Джорджа Бакстона. Как бы то ни было, возвратившись однажды после двухдневной отлучки, я уже не нашел экспедиции на том месте, где стоял до этого наш лагерь. Я не нашел там ни людей, ни материалов. В большом затруднении я не знал, куда направиться, но в это время встретил Гарри Киллера. Он рассказал, что капитан Бакстон вернулся к берегу и увел с собой бо́льшую часть людей, и что ему, Киллеру, поручено продолжать исследования со мной и полутора десятками людей. Мне было все равно, Гарри Киллер или капитан Бакстон, о котором я, вдобавок, не знал, куда он девался. Я без возражений последовал за Гарри Киллером. В то время у меня созрело несколько интересных проектов. Киллер доставил меня сюда и предложил их осуществить. Я согласился. Такова история моих отношений с Гарри Киллером.

— Позвольте мне, господин Камаре, дополнить ваши сведения и сообщить то, чего вы не знаете, — серьезно сказала Жанна Бакстон. — С того дня, как Гарри Киллер принял участие в экспедиции капитана Бакстона, отряд превратился в шайку бандитов. Они сжигали деревни, убивали людей, распарывали животы женщинам, резали на куски детей...

— Невозможно! — возразил Камаре. — Я был там, черт возьми! И я ничего подобного не видел.

— Вы не заметили нас, пройдя вплотную, и десять лет не видели поступков Гарри Киллера. Увы! События, о которых я рассказываю, стали историческими фактами, они известны всему свету.

— А я ничего об этом не знал, — пробормотал потрясенный Марсель Камаре.

— Как бы то ни было, — продолжала Жанна Бакстон, — слухи об этих жестокостях достигли Европы. Против мятежного отряда Джорджа Бакстона послали солдат, и отряд был уничтожен. В тот день, когда вы никого не нашли в лагере, Джордж Бакстон был мертв.

— Мертв! — повторил остолбеневший Камаре.

— Но не убит солдатскими пулями, как полагали до сих пор; Джордж Бакстон был заколот.

— Заколот!..

— Вас сейчас обманули. Меня зовут не Морна. Я Жанна Бакстон, сестра вашего старого начальника. Вот почему я узнала ваше имя, когда его назвал Тонгане. Я прибыла в Африку, чтобы найти доказательства невиновности моего брата, обвиняемого в преступлениях, которые совершил другой.

— Заколот! — повторил Камаре, подавленный тяжестью разоблачений.

— И заколот сзади, — добавила Жанна, вытаскивая из-за корсажа оружие, погубившее Джорджа Бакстона.— Я побывала на могиле брата в присутствии этих господ и выкопала его кости. Мы нашли кинжал, которым его поразили в сердце. Имя убийцы было когда-то вырезано на рукоятке. Время, к несчастью, его изгладило. Но остались две буквы: «и» и «л». И после того, что я от вас узнала, я не ошибусь, сказав, что это имя читается: Гарри Киллер.

Слушая эту трагическую историю, Марсель Камаре проявлял все возраставшее возбуждение. Он ломал пальцы, лихорадочно стирал со лба крупные капли пота.

— Это ужасно!.. Ужасно!.. И это сделал я!.. Я!.. — без конца повторял он, и тревожный блеск снова появился в его расширенных глазах.

— Вы нам дадите убежище? — спросил Барсак.

— Дам ли я? — ответил Камаре с непривычной горячностью. — Стоит ли спрашивать? Неужели вы считаете меня сообщником отвратительных преступлений, которые я накажу, будьте уверены?!

— Прежде чем говорить о наказании, надо защищаться, — возразил практичный Амедей Флоранс. — Разве

нет, в самом деле, опасности, что Гарри Киллер попытается нас снова захватить?

Марсель Камаре улыбнулся.

— Гарри Киллер не знает, что вы здесь, но даже когда он узнает... — он показал жестом, что мало об этом беспокоится. — Отдыхайте спокойно. Вы в безопасности, — он нажал кнопку звонка.

Появился черный слуга.

— Жоко, — просто сказал Камаре негру, испуганно вытаращившему глаза, — проведи этих господ и даму до их комнат. Спокойной ночи, господа, — вежливо сказал он и исчез, оставив в удивлении как гостей, так и негра, на которого возложил трудную задачу.

Где найдет постели несчастный Жоко? По своей воле никто не появлялся на заводе, и ничто не было предусмотрено для приема неожиданных посетителей. Неужели ему придется стучать в одну дверь за другой и будить рабочих?..

Видя затруднение негра, Барсак уверил, что он и его товарищи обойдутся без постелей. Они останутся здесь и только просили Жоко собрать кресла и одеяла, какие найдутся. Они как-нибудь устроятся, тем более, что значительная часть ночи прошла.

На креслах и стульях дождались рассвета. Ровно в шесть часов Марсель Камаре вошел. Он вовсе не удивился, что его кабинет превратился в спальню.

— Здравствуйте, господа, — спокойно сказал он гостям.

— Здравствуйте, господин Камаре, — ответили они в один голос.

— Господа, я обдумал то, что вы рассказали мне ночью. Такое положение не может продолжаться. Мы немедленно должны действовать, — он нажал кнопку, отовсюду послышался резкий звон. — Следуйте за мной.

Пройдя несколько коридоров, вошли в обширную залу, где было множество машин, пока еще неподвижных. Около машин толпились мужчины и женщины.

— Все здесь? — спросил Марсель Камаре. — Риго, пожалуйста, сделай перекличку.

Убедившись, что весь персонал завода налицо, Камаре рассказал о событиях прошлой ночи. Жестокости бакстоновского отряда, перешедшего под начальство Гарри

Киллера, совершенное, по всей вероятности, Киллером убийство начальника этого отряда, похищение и заключение в тюрьму экспедиции Барсака, преследование Жанны Бакстон, жестокое и несправедливое убийство негров — рассказано было все, что могло поразить его слушателей. Из всего этого вытекало, что они служили бандиту и что, следовательно, работа завода помогает выполнению новых преступлений. Такое положение не должно продолжаться и, вдобавок, честь запрещает им выдать пленников Гарри Киллеру, которых он удерживает без всякого права. Они должны прервать сношения с дворцом и потребовать возвращения на родину.

Выслушанный в глубоком молчании, рассказ Камаре сначала вызвал у этих честных рабочих вполне естественное удивление. Когда возбуждение несколько улеглось, заключение вызвало их полное одобрение. Да и кому из рабочих пришла бы в голову мысль высказать мнение, несогласное с мнением директора, которого они единодушно обожали?

Камаре окончательно убедил слушателей, предложив их вниманию следующие справедливые рассуждения.

— Среди всех невероятных вещей, которые я узнал этой ночью, — говорил Камаре, — меня больше всего удивляет, что в Европе не знают о существовании Блекланда. Мне известно, что он лежит вне караванных путей, в сердце пустыни, куда никто не является, и это понятно. Но ведь многим из наших товарищей, прожившим здесь несколько времени, страна не понравилась, и они пожелали вернуться. Я подсчитал ночью: со времени основания завода уехали сто тридцать семь человек. И если бы хоть некоторые из них вернулись в Европу, существование города не было бы тайной. А так как никто о нем не знает, то следует заключить, что ни один из этих ста тридцати семи не прибыл по назначению.

Ни одного восклицания не раздалось в толпе, но логика этого рассуждения потрясла рабочих.

— Узнав прошлое, — заключил Камаре, — следует сделать вывод, что никому из вас нельзя надеяться вернуться на родину, пока будет держаться власть Гарри Киллера, и что мы не должны ждать пощады, если попадем к нему в руки. В наших интересах и в интересах правосудия следует начать борьбу.

— Да! Да! Рассчитывайте на нас! — закричали со всех сторон.

Удрученные вначале тем, что они отделены от всего мира, рабочие воспрянули духом при мысли, что их директор с ними: так велико было доверие к Марселю Камаре. Все руки протянулись к нему в знак непоколебимой верности.

— Пусть работа идет, как всегда, и надейтесь на меня, друзья мои, — сказал Камаре и ушел, сопровождаемый бурной овацией.

Выйдя из механической мастерской, Камаре совещался некоторое время с мастером Риго. Когда тот принялся выполнять полученные им приказы, Камаре в сопровождении своих подзащитных возвратился в кабинет. Тотчас раздался звонок телефона. Камаре взял трубку. Беглецы слушали его нежный голос, говоривший: «Да», «Нет», «Хорошо», «Как хотите». Наконец он рассмеялся, бросил трубку и прервал сообщение.

— Мне звонил Гарри Киллер, — сказал он своим странным голосом, из которого никакое волнение не вытесняло обычной кротости. — Он знает, что вы здесь.

— Уже! — вскричал Барсак.

— Да. Кажется, нашли какого-то Чумуки. Открыли брошенную лодку на реке и связанного часового у завода. Выйти ночью из города, по словам Киллера, невозможно, и он заключил, что вы здесь. Я не стал отрицать. Он потребовал выдать вас. Я отказался. Он настаивал, в гневе угрожал взять вас силой. Это меня рассмешило, и я прекратил разговор.

Гости Камаре встали.

— Бесполезно говорить, что вы можете рассчитывать на нас, — уверил Барсак от имени всех. — Но нам нужно оружие.

— Оружие? — улыбаясь, повторил Камаре. — Зачем? Думаю, что здесь нет ни одного ружья. Тем не менее, не беспокойтесь. У нас есть другие средства.

— Средства бороться с пушками дворца?

— Да, и с пушками и с другим оружием. Если бы мне пришла фантазия разрушить город, я мог бы сделать это в одно мгновение. Но, думаю, мы не дойдем до такой крайности. Пушки дворца останутся немы, будьте уверены: Гарри Киллер знает мое могущество, да и не

осмелится разрушить завод, на котором основана вся его власть. Он попытается отбить вас у меня атакой. Но и это ему не удастся.

Как бы в ответ на утверждения Камаре, в нижнем этаже раздались глухие удары.

— Что я вам сказал? — кротко улыбнулся инженер. — Вот они атакуют главную дверь. Но она крепка.

— А если они направят на нее пушку? — спросил Сен-Берен, которого безмятежность Камаре успокаивала лишь наполовину.

— Даже в этом случае им нелегко ее пробить: чтобы привезти пушку из дворца на набережную, требуется время, а пока люди действуют тараном. Но они могут колотить целый век. Если хотите, пойдемте понаблюдаем за осадой. Спектакль будет интересен.

Они прошли через мастерскую не останавливаясь. Машины работали, как всегда, но рабочие не занимались делом с обычным усердием. Собравшись группами, они обсуждали новости. В мастерской был беспорядок, легко объясняемый событиями, и Камаре сделал вид, что ничего не замечает. Пройдя через мастерскую, все поднялись на площадку башни. Башня завода отличалась от дворцовой лишь тем, что на ней возвышался непонятный металлический пилон, верхушка которого поднималась в воздух больше чем на сто метров. Здесь, как и на дворцовой башне, был циклоскоп, расположенный внутри опор пилона. Камаре пригласил войти туда спутников.

— Этот циклоскоп, — объяснил он, — не направлен за пять километров, как тот, который я построил для Гарри Киллера. Благодаря серии наклонных зеркал, расположенных на верхушке заводской стены, он позволяет наблюдать все, что находится поблизости. Вы увидите отсюда наружную часть нашей стены вплоть до основания.

В самом деле, эспланада, набережная и дорога для караула хорошо были видны в циклоскопе, который давал изображения значительно более мелкие, чем дворцовый аппарат, но зато более ясные. В его стеклах спутники Камаре увидели большую толпу. Одни тащили лестницы и бегали вокруг завода, а человек тридцать бесплодно пытались разбить дверь.

— Как я и предвидел, — заметил Камаре, — будет штурм. Вот теперь станет интересно.

Штурм, действительно, начался. К стене было приставлено несколько лестниц, по которым поднимались Веселые ребята. Достигнув вершины стены, некоторые без всяких опасений схватились за нее руками. И тотчас же произошло нечто необычайное. Руки нападавших будто приклеивались к стене. Подвешенные к гребню ее, люди ганцевали какую-то дьявольскую пляску, как паяцы, которых дергают за веревочку.

— Все это очень просто, — объяснил Камаре. — Гребень стены покрыт металлическим сплавом моего состава, электропроводность которого в сто раз больше, чем у меди. Я пустил по облицовке постоянный ток приличного напряжения, и вот вам результат.

В это время некоторые из нападавших, что были на нижних ступеньках, схватили за ноги верхних, беспорядочные движения которых были им непонятны. И тотчас неосторожные подверглись таким же конвульсиям к большому удивлению тех, кто не последовал их примеру.

— Но почему не падают эти бездельники? — вскричал Сен-Берен.

— Они не могут, бедняги, — сказал Марсель Камаре. — Они останутся на стене до тех пор, пока мне будет угодно... Но я сделаю еще лучше.

Он повернул рукоятку. Тотчас же лестницы опрокинулись, будто отброшенные невидимой рукой, и те, кто на них был, полетели кучей, оставив на стене гроздья человеческих тел, продолжавших отчаянно биться.

— Не отвечаю за разбитые головы, — спокойно заметил Камаре. — Хотите знать причину того, что произошло у вас на глазах?

Когда все ответили утвердительно, он продолжал:

— Все это очень просто. По-моему, все силы — это колебания эфира в той или иной форме. Свет считают серией колебаний между определенным минимумом и максимумом частоты, а электричество — другая серия колебаний, отделенная от первой промежутком, природа которого нам еще неизвестна. Я склоняюсь к мысли, что эти промежуточные колебания имеют отношение к теплоте. Я могу их вызывать и заставляю производить любопытные эффекты, доказательство чего я вам дал.

В продолжение этих объяснений гроздья человеческих тел продолжали неистовый танец.

— Игра длится слишком долго, — сказал Марсель Камаре, поворачивая другую рукоятку.

Немедленно люди-паяцы отделились от стены и упали с десятиметровой высоты на землю, где и остались лежать без признаков жизни. После вполне понятного колебания их компаньоны решились поднять убитых и унести.

— Конец первого действия, — объявил Камаре обычным голосом. — Я думаю, оно разыгралось не в пользу Гарри Киллера, у которого вышло из строя человек тридцать. Давайте теперь займемся этими олухами, которые упрямо колотят в дверь.

Марсель Камаре взял трубку телефона.

— Ты готов, Риго? — спросил он.

— Да, сударь, — ответил голос, слышный во всех частях циклоскопа.

— Отправляй! — приказал Камаре.

Тотчас же, как будто самостоятельно повинуясь приказу, странный инструмент появился у подножия башни. Это было нечто вроде вертикального цилиндра, оконечность которого, направленная к земле, заканчивалась конусом. На другом конце четыре винта—один горизонтальный и три вертикальных — вращались с головокружительной быстротой. Странная машина поднялась в воздух и направилась к ограде. Когда она миновала ее, полет стал горизонтальным, и машина двинулась, строго следуя вдоль стены. За первой машиной показалась вторая, третья, еще несколько. Гости Камаре насчитали их двадцать. С правильными промежутками машины вылетали из башни, как птицы из гнезда, проделывая один и тот же маневр.

— Это мои «осы», — сказал Марсель Камаре, подчеркивая слово «мои». — Я потом объясню вам, как они действуют. Пока же полюбуйтесь их работой, — он снова взял телефонную трубку. — Предупреждение, Риго! — Он обратился к своим новым друзьям: — Зачем убивать этих бедняг, которые, к тому же, мне еще ничего не сделали? Достаточно будет предупреждения, если они захотят его понять.

С момента провала их попытки те из нападающих, которые хотели взобраться на ограду, оставались в бездействии. Унеся пострадавших товарищей, частью убитых, частью тяжело раненных, они очистили караульную дорогу, столпились на эспланаде, откуда созерцали заводскую стену с остолбенелым видом.

Напротив, атаковавшие дверь не прекращали свое дело. Они упрямо продолжали колотить огромным тяжелым бревном, которое раскачивали сорок крепких рук; но прочная сталь, казалось, не поддавалась их усилиям.

«Осы», как окрестил их Марсель Камаре, одна за другой пролетали над группой бандитов, не обращавших на них никакого внимания. Вдруг одна из машин выстрелила, и картечь усыпала землю на пространстве радиусом в пятьдесят метров. При звуке выстрела нападающие подняли головы. Они еще не поняли, в чем дело, когда раздался выстрел из второй машины и снова вылетела туча картечи. На этот раз смертоносное пространство приблизилось к ним. Несколько человек упали, задетые пулями. Остальные не долго раздумывали: бросив таран, они подхватили раненых и убежали. Наблюдавшие эту сцену не верили своим глазам.

После выстрела каждая «оса» послушно возвращалась в свою ячейку у подножия башни, а минуту спустя, снабженная новым зарядом, вылетала, чтобы занять место в общем хороводе машин.

— Я думаю, не стоит больше заниматься этими людьми, — сказал Марсель Камаре. — Если вам угодно посетить завод...

ЗАВОД В БЛЕКЛАНДЕ

Гости поспешили принять предложение.

Камаре сказал:

— Прежде чем спуститься с башни, куда мы, впрочем, вернемся, закончив осмотр, сначала познакомьтесь с общим расположением завода. Он занимает, как видите, прямоугольное пространство, в длину, параллельно реке, триста шестьдесят метров и в ширину двести пятьдесят метров. Его общая площадь девять гектаров. Западная часть, представляющая три пятых всего прямоугольника, отдана под сады.

— Зачем вам сады? — перебил Амедей Флоранс.

— Они обеспечивают некоторую долю нашего пропитания, остальное получаем извне. Только другая часть, примыкающая к набережной, шириной в сто метров, где мы находимся, составляет собственно завод. Посредине мастерские и мое личное жилище сгруппированы на протяжении двухсот пятидесяти метров у подножия этой башни, занимающей центр. С каждой стороны, где остается свободным пространство в пятьдесят пять метров, поднимаются, перпендикулярно реке, два ряда домов для рабочих, разделяемые широкой улицей. В каждом ряду семь четырехэтажных домов, и мы располагаем ста двадцатью квартирами.

— Какова численность вашего персонала? — спросил Барсак.

— Ровно сто человек, но некоторые женаты и имеют детей. Как вы можете видеть, мастерские состоят из одного этажа и покрыты толстым слоем земли с травой наверху. Снаряды мало опасны для них. Теперь, когда вы знаете главное, мы можем спуститься и начать осмотр.

Прежде чем последовать приглашению, слушатели Камаре бросили последний взгляд вокруг себя. Положение не изменилось. «Осы» продолжали свою круговую прогулку, и нападающие уже не осмеливались проникать в опасную зону.

Успокоенные слушатели покинули платформу.

Сначала Камаре повел их в тот этаж башни, который называл «ульем» и откуда двадцать «ос» вылетали из двадцати ячеек, между которыми находились аппараты для заряжания. Потом прошли ряд цехов: сборочный, столярный, кузнечный, литейный — и вышли в сад со стороны, обращенной к дворцу.

Высокая стена скрывала дворец. Но, когда они отошли от нее метров на пятьдесят, башня Гарри Киллера показалась над гребнем стены. Тотчас же с вершины башни прозвучал выстрел, и над гуляющими пронеслась пуля. Они поспешно отступили.

— Дурак!— пробормотал Камаре и поднял руку.

По его сигналу послышался сильный свист. Гости Камаре невольно повернулись к заводу. Но инженер показал на дворец. Циклоскоп, венчавший дворцовую башню, исчез.

— Это его проучит, — сказал Камаре. — У меня тоже есть воздушные мины, и побольше, чем у него; ведь это я их фабрикую. А циклоскоп я сделаю другой, вот и все.

— Но, сударь, — заметил Амедей Флоранс, — раз у вас есть снаряды, почему вы не воспользуетесь ими против Гарри Киллера?

— Я? — глухо ответил инженер. — Я буду атаковать свою работу?

Не возражая, Амедей Флоранс обменялся взглядом с товарищами. Да, этот удивительный человек имел изъян, и его изъяном была гордость. Путь продолжался в молчании. Урок был понят дворцом. Ничто более не беспокоило группу гуляющих, которая покинула сад, пройдя его насквозь.

— Мы попадаем в интересную часть, — сказал Камаре, открывая дверь. — Здесь старое машинное отделение, вот паровой двигатель, который мы топили дровами за неимением другого горючего. Это было неудобно, так как дрова приходилось привозить издалека, а нам их требовалось много. К счастью, это продолжалось недолго: как только в реке появилась вода после первых вызванных мною дождей, мы устроили гидроэлектростанцию в двенадцати километрах от города вниз по течению и пользуемся ее энергией. С тех пор мы уже не применяем этой устаревшей техники, и дым не идет из трубы, ставшей ненужной. Мы ограничиваемся тем, что трансформируем для наших нужд энергию, которую посылает нам станция.

Следуя за Камаре, они прошли в другую залу.

— Здесь, — сказал он, — и в следующих залах, наполненных, как и эта, трансформаторами, динамо, катушками, иногда очень внушительными, царство электричества.

— Как? — вскричал ошеломленный Флоранс. — Неужели вы могли привезти сюда эти машины!

— Только небольшую часть, — ответил Камаре. — Остальное мы сделали сами.

— Но ведь нужен был материал, — возразил Амедей Флоранс. — Кой черт доставил его в пустыню?

— Конечно! — сказал Камаре и остановился в задумчивости, как будто эта трудность впервые пришла ему на ум. — Вы правы, господин Флоранс. Как привезли сю-

да эти первые машины и материалы, из которых мы создали остальное? Признаюсь, я над этим никогда не думал. Я требовал, мне давали. Я не смотрел слишком далеко. Но теперь, когда вы обратили мое внимание...

— Какие же понадобились человеческие жертвы, чтобы перетащить все это через пустыню, пока вы еще не имели планеров!

— Это верно, — сказал побледневший Камаре.

— А деньги? Вся эта штука сожрала целую кучу деньжищ! — вскричал Флоранс на своем фамильярном языке.

— Деньги? — пробормотал Камаре.

— Да, деньги. Вы, верно, очень богаты?

— Я?! — запротестовал Камаре. — С тех пор как я здесь, у меня и пяти сантимов не было в кармане.

— Тогда?

— Это Гарри Киллер... — робко начал Камаре.

— Ну, ясно! А откуда он их брал? Что он, миллиардер — ваш Гарри Киллер?

Камаре развел руками с видом полнейшего неведения.

Казалось, он был совершенно расстроен вопросами Амедея Флоранса, и его глаза снова приняли то блуждающее выражение, которое затуманивало его взор при малейшем волнении. Принуждаемый разрешать проблемы, столь отличные от тех, с которыми он привык иметь дело и которые так внезапно возникли, он чувствовал головокружение перед новыми, неизвестными ему горизонтами. Вид у него был совершенно растерянный. Доктор Шатонней сжалился над ним.

— Мы потом разберемся в этом, — сказал он, — а пока будем продолжать осмотр.

Чтобы прогнать назойливые мысли, Камаре провел рукой по лбу и молча прошел в следующую залу.

— Здесь компрессоры, — заговорил он изменившимся от волнения голосом. — Мы употребляем воздух и другие газы в жидком виде. Как вы знаете, все газы способны сжижаться, если их сжимать и в достаточной степени понижать температуру; но, предоставленный самому себе, жидкий газ нагреется и более или менее быстро испарится. А если его содержать в закрытом сосуде, стенки сосуда подвергнутся такому давлению, что он может разлететься на куски. Одно из моих изобретений изменило

это. В самом деле, я нашел вещество абсолютно нетеплопроводное, то есть непроницаемое для тепловых лучей. Отсюда следует, что жидкий газ, например воздух, находящийся в сосудах из этого вещества, всегда сохраняется при одной и той же температуре, в виде жидкости, и не стремится взорваться. Это изобретение позволило мне осуществить некоторые другие, и особенно планеры с большим радиусом действия, которые вы знаете...

— Еще бы нам не знать! — вскричал Амедей Флоранс. — Скажите, что мы с ними чересчур хорошо познакомились! Так и это ваше дело — планеры?!

— А вы хотите, чтобы чье оно было? — возразил Камаре, внезапно охваченный новым приступом болезненной гордости.

По мере того как он говорил, его волнение понемногу рассеивалось. Оно бесследно исчезло, когда он снова вернулся к научным вопросам.

— Мои планеры имеют три главные особенности, относящиеся к устойчивости, подъему и движущей силе, о чем я дам понятие в немногих словах. Начнем с устойчивости. Когда на птицу налетает порыв бури, ей не приходится делать расчеты, чтобы поддержать равновесие. Ее нервная система или, вернее, та часть нервной системы, которую физиологи называют рефлексами, заработает и восстановит равновесие инстинктивно. Вы мои планеры видели и знаете, что они состоят из двух крыльев, помещенных на вершине пилона высотой в пять метров; у подножия пилона находится платформа, несущая мотор, водителя и пассажиров. Таким образом, центр тяжести находится внизу. Соединение пилона с крыльями подвижное. Пока он не закреплен частично или полностью посредством рулей направления и глубины, он может описывать маленькие дуги во всех направлениях вокруг вертикали. И вот, если крылья независимо от руля наклоняются поперек или вдоль, пилон, увлекаемый своим весом, стремится составить с ними другой угол. В этом движении он тотчас приводит в действие противовесы, скользящие параллельно или перпендикулярно крыльям, и в тот же момент крылья занимают надлежащее положение. Таким образом, немедленно — автоматически, как я уже сказал, — выправляются невольные уклонения планера.

Марсель Камаре, опустив глаза, давал объяснения с безмятежностью профессора, читающего лекцию. Он не колебался, не подыскивал слов, они приходили к нему сами. Без запинки он продолжал все так же:

— Перейдем ко второму пункту. В момент подъема крылья планера опускаются и складываются около пилона. В то же время ось винта, подвижная в вертикальной плоскости, перпендикулярной к крыльям, поднимается; плоскость крыльев становится горизонтальной, и аппарат превращается в геликоптер. Но когда он достигнет достаточной высоты, крылья открываются, ось винта одновременно наклоняется вперед и становится горизонтальной. Винт становится толкающим, и геликоптер превращается в планер. Что касается движущей силы, то ее доставляет жидкий воздух. Из резервуаров, сделанных из нетеплопроводного материала, о котором я вам говорил, и регулируемых системой клапанов, жидкий воздух вытекает в тонкие, постоянно прогреваемые цилиндры. Там он мгновенно переходит в газообразное состояние под огромным давлением и приводит в движение мотор.

— Какой скорости достигают ваши планеры? — спросил Амедей Флоранс.

— Четыреста километров в час и проходят без посадки пять тысяч километров, — ответил Камаре.

„Nil admirari“, — сказал Гораций [1], что означает: не следует удивляться ничему. Однако слушатели Камаре не могли удержать восхищения. Они не могли подобрать достаточно восторженные слова, чтобы прославить этого гения, когда вернулись в башню. Но странный человек, который иногда выказывал крайнее тщеславие, оставался равнодушен к этим похвалам, точно на него действовали только те, которые он сам себе расточал.

— Сейчас мы в сердце завода, — сказал Камаре, когда все возвратились наверх. — В этой башне десять этажей, заполненных различными аппаратами. Вы, конечно, заметили на ее вершине высокий металлический пилон? Это «прожектор волн». Впрочем, вся поверхность башни покрыта множеством прожекторов меньшего размера...

---

[1] *Гораций* (65—8 годы до нашей эры) — знаменитый римский поэт.

— «Прожекторы волн», говорите вы? — спросил доктор Шатонней.

— Я не хочу читать вам курс физики, — с улыбкой сказал Марсель Камаре, — но некоторые объяснения необходимы. Я вам напомню, если вы знаете, и расскажу, если это вам неизвестно, что знаменитый немецкий физик Герц давно уже заметил, что, когда между полюсами индукционной катушки проскакивает искра, она вызывает колеблющийся разряд: каждый полюс поочередно становится то положительным, то отрицательным. Скорость этих колебаний, или их частота, может быть очень большой — до ста миллиардов в секунду. И они не ограничиваются теми точками, между которыми происходят. Эти разряды колеблют эфир, заполняющий все мировое пространство и промежутки между молекулами материальных тел. Эфирные колебания, распространяющиеся все дальше и дальше, называются волнами Герца. Я понятно говорю?

— Восхитительно! — провозгласил Барсак, который, как политический деятель, менее всех понимал в научных вопросах.

— До меня, — продолжал Камаре, — волны Герца рассматривались как лабораторный курьез. Ими электризовали без соприкосновения более или менее удаленные металлические предметы. Основной недостаток этих волн в том, что они распространяются во все стороны, как концентрические круги в луже от брошенного в нее камня. Из этого вытекает, что их начальная энергия, распространяясь все дальше, уменьшается, слабеет, как бы улетучивается, и уже в нескольких метрах от своего источника дает лишь незначительные проявления. Ясно?

— Ослепительно! — уверил Амедей Флоранс.

— Еще до меня заметили, что эти волны, как и световые, могут отражаться, но не сделали отсюда никаких выводов. Благодаря открытию сверхпроводника, — это им покрыт гребень заводской стены, — я устроил рефлекторы, направляющие почти все испускаемые волны куда я хочу. Начальная энергия волн, таким образом, без потерь посылается в определенном направлении и там преобразуется в такую, которая может совершить работу. С другой стороны, средство изменять частоту колебаний известно, и я могу вообразить приемники волн, которые

будут чувствительны лишь к определенной частоте. В физике это называется «настройкой». Приемник будет реагировать на волны той частоты, на которую он настроен, и только на них. Число же возможных частот бесконечно. Я могу устроить бесчисленное множество двигателей, среди которых не будет двух, отвечающих на одну и ту же волну. Вам все понятно?

— Туговато, — признался Барсак. — Но понемножку тянемся.

— Я, впрочем, кончаю, — сказал Камаре. — Пользуясь этим, мы построили большое количество сельскохозяйственных машин, которым передается на расстоянии энергия от того или другого прожектора башни. Так же мы направляем и «ос». При каждом из четырех винтов находится маленький мотор, настроенный на известную волну. И этим же способом я могу разрушить весь город, если мне придет фантазия.

— Вы отсюда можете разрушить город?! — вскричал Барсак.

— Очень просто. Гарри Киллер просил меня сделать Блекланд неприступным, и я это выполнил. Под всеми улицами, домами, под дворцом и даже под заводом заложены большие порции взрывчатых веществ, снабженные взрывателями, настроенными на частоты, известные одному мне. Чтобы взорвать город, мне достаточно послать в направлении каждой мины волны определенной частоты.

Амедей Флоранс, лихорадочно черкавший в записной книжке, хотел спросить, не следует ли покончить этим способом с Гарри Киллером, но вспомнил, какой малый успех имело предложение употребить для этой же цели воздушные мины, и благоразумно воздержался.

— А большой пилон, что поднимается на башне? — спросил доктор Шатонней.

— К этому я и перехожу, и на этом кончу, — ответил Камаре. — Очень любопытно, что герцевские волны падают на землю, точно подверженные притяжению, и там теряются. На далекое расстояние их надо отправлять с высоты. Я же хочу посылать их не только далеко, но и высоко, что еще труднее. Все же мне удается это с помощью пилона, присоединенного к передатчику, и изобре-

тенного мною рефлектора, находящегося у оконечности пилона.

— Зачем же посылать волны в высоту? — спросил Амедей Флоранс, ничего не понимавший.

— Чтобы вызывать дождь. Вот принцип изобретения, которое я проектировал, когда познакомился с Гарри Киллером, и которое он помог мне осуществить. Посредством пилона и зеркала я посылаю волны к тучам и электризую до насыщения воду, которую они содержат в капельном состоянии. Когда разница потенциалов туч и земли или двух соседних туч сделается достаточной, разражается гроза и падает дождь. Превращение пустыни в плодородные поля доказывает возможность такого процесса.

— Однако надо иметь тучи, — заметил доктор Шатонней.

— Разумеется, либо достаточно влажную атмосферу. Но в тот или иной день тучи появляются. Задача в том, чтобы они разразились дождем здесь, а не в другом месте. Когда же возделаны поля и растут деревья, то устанавливается правильный кругооборот влаги, и тучи появляются все чаще. Лишь только приходит туча, я поворачиваю рукоятку, и волны передатчика в тысячу лошадиных сил начинают бомбардировать ее миллиардами колебаний.

— Чудесно! — воскликнули слушатели.

— Даже в данный момент, хотя вы того и не сознаете, — продолжал Камаре, постепенно воодушевляясь перечнем своих изобретений, — волны текут с вершины пилона и теряются в бесконечности. Но я мечтаю найти для них другую будущность. Я чувствую, я знаю, я даже уверен, что для волн можно создать сотню других применений. Например, можно телеграфировать или телефонировать по всей земле, не нуждаясь в соединении сообщающихся пунктов.

— Без проводов! — вскричали слушатели.

— Без проводов. Что для этого нужно? Очень мало. Просто надо изобрести подходящий приемник. Я ищу. Я почти у цели, но еще не достиг ее.

— Мы начинаем ничего не понимать, — признался Барсак.

— Нет ничего проще, — уверил Камаре, все более

возбуждаясь. — Вот аппарат Морзе, употребляемый при обычном телеграфировании, который я для своих опытов включил в замкнутую цепь. Мне остается лишь орудовать клавишей, — и, говоря это, он в самом деле ею орудовал, — чтобы ток, испускающий волны, зависел от этой цепи. Когда клавиша поднята, прожектор не испускает герцевских волн. Когда она опущена, волны вырываются из пилона. Их нужно послать не к небу, а в направлении предполагаемого приемника, соответственно управляя рефлектором, который их собирает и отражает. Если местоположение приемника неизвестно, достаточно убрать зеркало, как я делаю вот при помощи этого рычага. Волны будут распространяться в окружающем пространстве, и я могу телеграфировать в полной уверенности, что приемник получит их, если существует. К несчастью, он не существует...

— Вы сказали телеграфировать? — спросила Жанна Бакстон. — Что вы под этим понимаете?

— То, что понимают обычно. Мне только нужно работать клавишей, применяя азбуку Морзе, известную всем телеграфистам. Но вы лучше поймете на примере. Будем действовать, как будто приемник есть. Вы ведь постарались бы выйти из вашего теперешнего положения, я полагаю?

— Без сомнения, — ответила Жанна.

— Хорошо! В таком случае, кому вы хотите телеграфировать? — Камаре сел у аппарата.

— В этой стране я не знаю никого, — улыбаясь, сказала Жанна. — Разве только капитану Марсенею, — прибавила она, слегка покраснев.

— Пусть будет капитану Марсенею, — согласился Камаре, работая аппаратом Морзе и выстукивая точки и черточки этого алфавита. — Где он, этот капитан?

— Сейчас, я думаю, в Тимбукту, — нерешительно сказала Жанна.

— Тимбукту, — повторил Камаре, продолжая действовать клавишей. — Теперь, как вы говорите, капитану Марсенею. Я думаю, что-нибудь в этом роде: «Жанна Бакстон...»

— Простите, — перебила Жанна, — капитан Марсеней знает меня под фамилией Морна.

— Это неважно, так как депеша все равно не дойдет,

но поставим «Морна». Я телеграфирую: «Придите на помощь Жанне Морна, пленнице в Блекланде...» — Марсель Камаре прервал передачу. — Блекланд неизвестен миру, и я добавляю: «Северная широта 15°50′, долгота...» — Он быстро вскочил. — Вот как! Гарри Киллер выключил ток!

Его гости столпились вокруг, не понимая.

— Я уже вам говорил, что мы получаем энергию с гидростанции, расположенной в двенадцати километрах по реке. Гарри Киллер изолировал нас от нее, вот и все.

— Но тогда, — сказал доктор, — машины остановятся?

— Они уже остановились, — ответил Камаре.

— А «осы»?

— Они упали, это несомненно.

— Значит, Гарри Киллер овладеет ими? — вскричала Жанна Бакстон.

— В этом я не уверен, — возразил инженер. — Поднимемся наверх, и вы увидите, что все это пустяки.

Они быстро поднялись на башню и вошли в циклоскоп. Как и прежде, они увидели наружную часть стены и окаймляющий ее ров, в котором валялись неподвижные «осы».

На эспланаде Веселые ребята испускали победные крики. Они уже возобновили атаку. Некоторые спрыгивали в ров, чтобы расправиться с мертвыми «осами», которые раньше так устрашали их. Но едва дотронувшись до «ос», они в ужасе отпрыгивали и пытались вылезть изо рва. Никому это не удалось: все падали на дно без признаков жизни.

— Я не дам и двух су за их шкуры, — холодно сказал Марсель Камаре. — Я ведь предвидел, что произойдет, и принял меры. Выключив ток со станции, Гарри Киллер тем самым привел в действие приспособление, заставившее сосуды с жидкой углекислотой вылить в ров их содержимое, немедленно перешедшее в газообразное состояние. Этот газ, более тяжелый, чем воздух, остался во рву, и те, кто попал в него, погибли от удушья.

— Бедные люди! — сказала Жанна Бакстон.

— Тем хуже для них, — ответил Камаре. — Я не могу их спасти. Что же касается наших машин, я тоже принял предосторожности. Начиная с этого утра они будут

работать на жидком воздухе, которого у нас неисчерпаемый запас. Вот машины уже заработали, «осы» вылетают снова.

Винты «ос», в самом деле, завертелись, возобновляя свое головокружительное вращение, и аппараты начали совершать свой обход. Толпа Веселых ребят отступила к дворцу, оставив часть своих лежать во рву.

Марсель Камаре повернулся к гостям. Он был возбужден, и беспокойный блеск все чаще мелькал в его глазах.

— Мы, кажется, можем спать спокойно, — заметил он, переполненный простодушным тщеславием.

ПРИЗЫВ ИЗ ПРОСТРАНСТВА

С глубокой печалью покинул капитан Пьер Марсеней экспедицию Барсака и особенно ту, кого знал под именем Жанны Морна. Но он пустился в путь без колебаний и до Сегу-Сикоро удваивал переходы, так как торопился. Капитан Марсеней был прежде всего солдатом, и, быть может, высшая красота воинской профессии состоит в полном отречении от себя, в безоговорочном подчинении для достижения целей, о которых иногда имеешь не совсем ясное представление, но знаешь, что они идут на пользу родине.

Как ни спешил он, понадобилось девять дней, чтобы покрыть четыреста пятьдесят километров, отделявшие его от Сегу-Сикоро; он прибыл туда 22 февраля, поздно вечером. Только на следующее утро он представился коменданту крепости, полковнику Сержину, и вручил ему приказ полковника Сент-Обана.

Полковник Сержин прочитал приказ три раза подряд, и с каждым разом удивление его все возрастало. Он ничего не понимал.

— Какая дурацкая комбинация! — вскричал он, наконец. — Искать людей в Сикасо, чтобы послать в Тимбукту... это невообразимо!

— Значит, вы не предупреждены о нашем приходе, полковник?

— Ничуть!

— Лейтенант, вручивший мне приказ, сказал, что в Тимбукту вспыхнули волнения и что туареги ауэлимми-

дены ведут себя угрожающе, — объяснил капитан Марсеней.

— Первый раз слышу, — объявил полковник. — Капитан Пейроль, с которым вы, может быть, знакомы...

— Да, полковник. Два года назад мы служили в одном полку.

— Так вот, Пейроль проходил здесь по пути из Тимбукту в Дакар. Он был у меня только вчера и ни о чем подобном не упоминал.

Капитан Марсеней показал жестом, что он снимает с себя всякую ответственность.

— Вы правы, капитан, — сказал полковник Сержин.— Мы не можем рассуждать. Приказ есть, и он должен быть выполнен. Но черт меня побери, если я знаю, когда вы сможете отправиться!

Трудно было, в самом деле, подготовить столь неожиданную экспедицию. Потребовалось восемь дней, чтобы разместить лошадей, которых было приказано оставить в Сегу-Сикоро, и чтобы найти транспортные средства и достаточное количество провизии. Только 2 марта капитан Марсеней смог посадить отряд на суда и начать спускаться по Нигеру.

Путешествие в эти последние месяцы сухого сезона затруднялось мелководьем, оно заняло целых две недели, и бывший конвой экспедиции Барсака высадился в Кабара, порте Тимбукту, только 17 марта.

Когда капитан Марсеней представился коменданту полковнику Аллегру, тот посмотрел на него с таким же удивлением, как его коллега в Сегу-Сикоро. Он заявил, что в области не было никаких волнений, что он никогда не просил подкреплений, и ему совершенно непонятно, зачем полковник Сент-Обан послал ему без предупреждения сто человек, в которых он совершенно не нуждается.

Это становилось странным, и капитан Марсеней подумал, не был ли он обманут фальшивым документом. Но с какою целью? Ответ был ясен. Как ни казался необъяснимым такой факт, но если, в самом деле, имела место подделка, ее совершили, чтобы уничтожить обезоруженную экспедицию Барсака. Логически подойдя к такому заключению, капитан Марсеней испытывал крайнее беспокойство, думая о большой ответственности, падавшей на него, и об опасностях, которые угрожали маде-

муазель Морна, а память о ней переполняла его мысли и сердце.

Его тревога стала еще сильнее, когда в Тимбукту, как и в Сегу-Сикоро, он не смог получить никаких сведений о лейтенанте Лакуре. Никто его не знал. Больше того: никто не слышал о корпусе суданских волонтеров, хотя о нем было упомянуто самим полковником Сент-Обаном.

И, однако, приказ полковника, казавшийся подлинным при самом тщательном рассмотрении, имел силу, пока не была доказана его подложность. Капитану Марсенею и его людям предоставили жилища, и, как только явился случай, приказ был послан полковнику Сент-Обану, который один мог удостоверить его подлинность.

Но от Тимбукту до Бамако тысяча километров, и предстояло долго ждать, пока придет ответ.

Капитану Марсенею, лишенному определенных обязанностей и пожираемому беспокойством, время казалось очень долгим. К счастью, в конце марта приехал капитан Перриньи, старый товарищ по Сен-Сирской военной школе, с которым его когда-то связывала тесная дружба. Два друга были счастливы свидеться, и время для Марсенея потекло быстрее.

Посвященный в заботы товарища, Перриньи успокаивал его. Фабрикация приказа, достаточно хорошо подделанного, чтобы всех обмануть, казалась ему страничкой из романа. По его мнению, скорее можно было допустить, что лейтенант Лакур, плохо осведомленный об истинных мотивах решения полковника, сказал неточно о его причине. Удивление же полковника Аллегра легко объяснялось. В этой еще не организованной области могло случиться, что адресованная ему копия приказа затерялась.

Капитан Перриньи, присланный в Тимбукту на два года, привез массу ящиков, которые Марсеней помогал распаковывать. В некоторых было исключительно лабораторное оборудование. Если бы не его мундир, Перриньи считался бы ученым. Страстно преданный науке, он был в курсе всех новейших достижений, особенно в области электричества. В их содружестве Перриньи был представителем науки, Марсеней — войны. Разница во взглядах рождала частые дружеские споры. Они, смеясь, называли друг друга «старой библиотечной крысой» и

«дрянным таскателем сабли», хотя, разумеется, воинственность Марсенея не мешала ему быть человеком культурным и образованным, а Перриньи при своих знаниях оставался превосходным, храбрым офицером.

Через несколько дней после приезда друга капитан Марсеней застал его во дворе дома, где тот жил, за сборкой какого-то аппарата.

— Ты пришел кстати! — вскричал Перриньи. — Я тебе покажу кое-что интересное.

— Это? — спросил Марсеней, показывая на аппарат, состоявший из двух электрических батарей, электромагнита, маленькой стеклянной трубочки с металлическими опилками, и медного прута в несколько метров высоты.

— Оно самое. Безделушка, которую ты видишь, — волшебная выдумка. Это приемник беспроволочного телеграфа.

— Я слышал, как об этом говорят уже несколько лет, — сказал заинтересованный Марсеней. — Так проблема решена?

— Еще как! — вскричал Перриньи. — На земном шаре с ней столкнулись одновременно двое. Один — итальянец Маркони — нашел средство посылать в пространство волны Герца... Да ты слыхал ли о них, закоренелый солдатишка?

— Да, да, — ответил Марсеней. — Учил в школе. Впрочем, о Маркони говорили, когда я еще был в Европе. Ну, а другой изобретатель?

— Французский физик Бранли. Он сконструировал приемник — чудо изобретательной простоты.

— И аппарат, который я вижу?..

— Он и есть, и ты моментально поймешь его принцип. Бранли заметил, что железные опилки плохо проводят электричество, но становятся хорошим проводником под влиянием герцевских волн. Под действием этих волн опилки начинают взаимно притягиваться, и между ними возникает сцепление. Видишь трубочку?

— Вижу.

— Это когерер или улавливатель волн. Трубочка содержит железные опилки и включена в цепь обыкновенной электрической батареи. Тока в цепи нет, так как трубка с опилками — плохой проводник. Понятно?

— Да, продолжай.

— Когда приходит герцевская волна, ее подхватывает этот медный прут, называемый антенной. Тотчас же трубка, соединенная с ним, становится проводником, ток замкнут и идет по цепи. Ты все еще понимаешь, кровопийца?

— Да, ученый старикашка в очках. Дальше!

— Здесь вмешивается рассказчик, которого ты видишь. Благодаря приспособлению, мною изобретенному и скомбинированному с изобретением Бранли, ток приводит в движение бумажную ленту в аппарате Морзе, где получается отпечаток. Но в этот момент молоточек, который ты видишь, ударяет по когереру, его зерна разъединяются от удара, и восстанавливается их обычное сопротивление. Ток прекращается, и аппарат Морзе перестает работать. Ты скажешь, что так можно получить только одну точку на бумажной ленте? Но на самом деле последовательность всех этих явлений возобновится, так как антенна продолжает получать волны. А когда они перестанут приходить, на ленте аппарата уже не будет отпечатков до прихода следующих волн. От всего этого на ленте получается серия точек, соединенных в неравные группы, в черточки и точки азбуки Морзе, которые прочтет любой телеграфист.

— Например, ты?

— Например, я.

— А зачем ты притащил этот удивительный аппарат в нашу варварскую страну?

— Завтра я соберу передатчик, так как страшно увлекаюсь телеграфированием без проводов. Я хочу первым устроить беспроволочный телеграф в Судане. Вот почему я привез сюда эти два аппарата, которые еще очень редки, и в Африке их нет, за это я ручаюсь. Подумай только, если б можно было сообщаться прямо с Бамако... Быть может, даже с Сен-Луи!..

— О, с Сен-Луи! Это слишком далеко!

— Совсем недалеко, — запротестовал Перриньи. — Телеграфировали без проводов уже на очень большие расстояния.

— Невозможно!

— Вполне возможно, солдафон. И я рассчитываю усовершенствовать это дело. Я начну серию опытов вдоль Нигера...

Капитан Перриньи вдруг остановился. Глаза его округлились, полуоткрытый рот выразил глубокое изумление. Из аппарата Бранли послышался сухой треск, который уловило его опытное ухо.

— Что с тобой? — спросил изумленный капитан Марсеней.

Его другу пришлось сделать усилие, чтобы ответить. Удивление буквально душило его.

— Он работает! — пробормотал Перриньи, указывая на аппарат.

— Как? Он работает?! — с иронией вскричал Марсеней. — Ты грезишь, будущий академик! Ведь твой аппарат — единственный в Африке, он не может работать, как ты мне только что умело объяснил. Он испортился, вот и все.

Капитан Перриньи, не отвечая, подбежал к приемнику.

— Испортился! — возразил он в страшном возбуждении. — Он так мало испортился, что я ясно читаю на ленте: «Ка-пи-та-ну Мар-се-не-ю... Капитану Марсенею»!

— Мое имя! — подсмеивался последний. — Я очень боюсь, старина, что ты подшучиваешь надо мной!

— Твое имя! — уверял Перриньи с таким чистосердечным удивлением, что его товарищ был поражен.

Аппарат прекратил работу и оставался немым перед глазами офицеров, которые не спускали с него взора. Но скоро послышались новые тик-так.

— Снова! — закричал Перриньи, наклоняясь над лентой. — Вот! Теперь адрес: «Тим-бук-ту»!

— Тимбукту! — машинально повторил Марсеней и задрожал в свою очередь от необъяснимого волнения.

Пощелкивание прекратилось во второй раз; после короткого перерыва лента начала развертываться, чтобы снова остановиться через несколько мгновений.

— «Жан-на Бак-стон...» — прочел Перриньи.

— Не знаю такой, — объявил Марсеней, невольно испуская вздох облегчения. — Это чья-то шутка...

— Шутка? — задумчиво повторил Перриньи. — Как это возможно? Ах! Снова начинается! — и он наклонился над лентой. — «...При-ди-те на по-мощь Жан-не Морна...».

— Жанна Морна! — вскричал капитан Марсеней и, задыхаясь, расстегнул воротник мундира.

— Замолчи! — приказал Перриньи. — «Плен-ни-це... в Блек-лан-де...»

В четвертый раз замерло тиканье. Перриньи выпрямился и посмотрел на товарища. Тот был бледен.

— Что с тобой? — заботливо спросил он.

— Потом объясню, — с трудом ответил Марсеней. — Но Блекланд, откуда ты взял Блекланд?..

Перриньи не успел ответить. Аппарат заработал снова.

«...Се-вер-на-я ши-ро-та пят-над-цать гра-ду-сов пять-де-сят ми-нут, дол-го-та...»

Наклонившись над замолчавшим аппаратом, офицеры напрасно ждали несколько минут. Аппарат оставался немым.

Капитан Перриньи задумчиво пробормотал:

— Да, чересчур крепкий кофе, как говорится! Есть второй любитель беспроволочной телеграфии в этой гиблой стране! И он тебя знает... — Он тотчас заметил, как изменилось лицо Марсенея. — Да что с тобой? Как ты бледен!

В нескольких поспешных словах Марсеней объяснил другу причину своей тревоги. Он удивился, когда узнал, что его имя появилось на телеграфной ленте; но удивление перешло в глубокое волнение, когда Перриньи произнес имя Жанны Морна. Ведь он знал Жанну Морна, любил ее и надеялся, что она когда-нибудь станет его женой. Марсеней напомнил о своих опасениях, когда он заподозрил, что приказ полковника Сент-Обана фальшивый. Таинственное послание, донесшееся из пространства, означало, что Жанна Морна в опасности.

— И она просит помощи у меня! — заключил он с тоской, к которой примешивалась радость.

— Ну что ж! Это очень просто! — ответил Перриньи. — Нужно прийти ей на помощь.

— Разумеется! — вскричал Марсеней, которого оживила возможность действовать. — Но как?

— Мы это сейчас обсудим, — сказал Перриньи. — Сначала разберем факты и выведем логические заключения. Факты, по-моему, успокоительны...

— Ты полагаешь? — с горечью спросил Марсеней.

— Полагаю. Первое: мадемуазель Морна не одинока: ведь ты же знаешь, что у нее нет аппарата для беспроволочной телеграфии. Не говоря о спутниках, с которыми ты ее оставил, у нее есть покровитель, владеющий таким аппаратом. И он молодец, уж поверь мне!

Ободренный Марсеней поднял голову.

— Второе: мадемуазель Морна не грозит непосредственная опасность. Она телеграфирует в Тимбукту. Значит, она считает, что ты здесь, а не в другом месте, и что у тебя будет время откликнуться на призыв. И затем, раз она телеграфирует, значит, считает, что это не бесполезно. Если ей и угрожает опасность, то не такая уж близкая.

— Как ты думаешь, что можно сделать? — взволнованно спросил Марсеней.

— Прежде всего успокойся и надейся на хороший конец этого приключения. И пойдем к полковнику просить разрешения организовать экспедицию для освобождения депутата Барсака и мадемуазель Морна.

Оба капитана немедленно отправились к полковнику Аллегру и рассказали о чудесном событии, свидетелями которого были. Они положили перед ним ленту, отпечатанную аппаратом Морзе, которую Перриньи перевел на понятную запись.

— Здесь не говорится о господине Барсаке, — заметил полковник.

— Нет, — ответил Перриньи, — но так как мадемуазель Морна с ним...

— Кто вам сказал, что она его не оставила? — возразил полковник. — Я прекрасно знаю путь экспедиции Барсака и уверяю вас, что она не могла очутиться на такой широте. Экспедиция должна была пройти через Уагадугу на двенадцатом градусе и закончиться у Сея, на тринадцатом. А эта таинственная депеша говорит о пятнадцати градусах пятидесяти минутах, почти о шестнадцати градусах.

Замечание полковника оживило память Марсенея.

— Вы правы, полковник. Я вспоминаю, что мадемуазель Морна должна была отделиться от экспедиции за двести или триста километров от Сикасо и подняться к северу, чтобы достигнуть Нигера у Гао.

— Это меняет дело, — озабоченно сказал полков-

ник. — Чтобы освободить Барсака, депутата, официальное лицо, можно снарядить экспедицию, но мадемуазель Морна — частная особа...

— Однако, — живо заметил Марсеней, — если приказ подложный, как приходится думать, то господин Барсак стал жертвой негодяя с подложным документом...

— Может быть... может быть... — с сомнением сказал полковник. — Во всяком случае, надо ждать ответа из Бамако.

— Это безнадежно! — вскричал удрученный Марсеней. — Мы не можем бросить на гибель бедное дитя, призывающее меня на помощь.

— Здесь не говорится о гибели... — возразил полковник, не терявший спокойствия. — Эта барышня — пленница, не более... И затем, куда вы отправитесь на помощь? Где этот Блекланд, о котором идет речь?

— Она указала широту.

— Но нет долготы. Вы оставили мадемуазель Морна за Сикасо. Я предполагаю, что она не направилась к западу. Шестнадцатая параллель сначала пересекает Масину, потом Нигер и углубляется в пустынные, совершенно неведомые области. Блекланд не может быть в Масине, иначе мы знали бы этот город. Значит, он где-нибудь в сердце пустыни...

— Итак, полковник?..

— Итак, капитан, я не могу послать отряд в этом направлении и рисковать жизнью ста человек для спасения одной особы.

— Почему ста? — спросил Марсеней, видя, как исчезают его надежды. — Можно гораздо меньше.

— Не думаю, капитан. Вы знаете, какие слухи ходят по Нигеру. Черные говорят, что где-то, в точности неизвестно где, основано государство, и репутация его не из блестящих. Возможно, что Блекланд, совершенно нам неведомый, — столица или один из городов предполагаемого государства. Данная широта делает эту гипотезу еще более приемлемой, так как она соответствует той неисследованной области, где только и могло быть основано такое государство. Разве вас не поражает английское звучание слова «Блекланд»? Английская колония Сокото не очень удалена от его предполагаемого местонахождения... Могут быть дипломатические затруднения, очень

щекотливые... Словом, я думаю, что неблагоразумно вторгаться в совершенно неизвестный край без достаточных сил.

— Итак, полковник, вы отказываете?

— С сожалением, но отказываю, — ответил полковник Аллегр.

Капитан Марсеней продолжал настаивать. Он рассказал начальнику, как перед этим товарищу, какие узы связывают его с мадемуазель Морна. Он просил, чтобы с ним отпустили хотя бы часть отряда, который он привел, ведь на него здесь не рассчитывали. Полковник Аллегр был непоколебим.

— Я огорчен, капитан, глубоко огорчен, но мой долг ответить отрицательно. Ваши люди мне не нужны, это верно, но это люди, и я не могу так легко рисковать их жизнью. И, наконец, время терпит. Подождем новых сообщений от мадемуазель Морна. Если она телеграфировала раз, то, возможно, будет телеграфировать снова.

— А если она не сможет? — в отчаянии вскричал Марсеней. — Депеша оборвалась внезапно!

Полковник показал жестом, что он бесконечно сожалеет, но не может изменить решения.

— Тогда я отправлюсь один, — твердо заявил Марсеней.

— Один?

— Да. Я прошу у вас отпуска, в котором вы мне не откажете...

— Напротив, откажу, — возразил полковник. — Неужели вы думаете, что я позволю вам бросаться в авантюру, из которой вы не вернетесь?

— В таком случае, полковник, я прошу принять мою отставку.

— Вашу отставку?

— Да, полковник, — спокойно ответил Марсеней.

Полковник Аллегр ответил не сразу. Он посмотрел на подчиненного и понял, что тот в невменяемом состоянии.

— Вы знаете, капитан, — отечески сказал он, — что ваша отставка должна пройти по инстанциям, и я не имею права ее принять. Во всяком случае, это требует размышления. Подумайте и приходите завтра утром. Мы об этом поговорим.

Отдав военный салют, офицеры удалились. Перриньи сопровождал товарища и всячески утешал его. Но несчастный ничего не слушал.

Дойдя до своей двери, Марсеней распрощался с другом и заперся в своей комнате. Оставшись один, он бросился на постель и, утратив присутствие духа, беспомощный, разразился рыданиями.

КАТАСТРОФА

Отсутствие тока с гидростанции продолжалось недолго. Выключенный 9 апреля, около полудня, он был дан снова на следующее утро.

Это случилось потому, что Гарри Киллер стал первой жертвой своего маневра, показавшегося ему вначале очень ловким. Правда, он не давал энергии заводу, но зато и сам лишился ее. Сельскохозяйственные машины, лишенные энергии, передаваемой по эфиру, остановились; электрические насосы, накачивавшие воду из реки в два резервуара — один на заводе, а другой над казармой Черной стражи, — перестали действовать. Через два дня этот второй резервуар, из которого вода распределялась повсюду, истощится, и Блекланд останется без воды.

Наконец, когда настала ночь, город погрузился во тьму, так как никаких других осветительных средств не было; это взбесило Гарри Киллера, тем более, что завод сиял огнями своих мощных прожекторов.

Видя, что партии неравны, деспот уступил и решил дать ток на рассвете 10 апреля. В это же время он позвонил Марселю Камаре, который как раз находился в рабочем кабинете с теми, кого он взял под покровительство. Гости инженера снова слышали, как директор говорил «да», «нет», «хорошо» — слова, представляющие разменную монету таких разговоров, половина которых совершенно непонятна слушателям. Потом, как и накануне, он рассмеялся и прекратил разговор.

Он сообщил, что Гарри Киллер предложил соглашение. Условились, что Киллер снова даст ток со станции, завод же будет оказывать обычные услуги Блекланду. Но соглашение не меняло общего положения, которое оставалось очень странным. Мир устанавливался толь-

ко в границах договора, в остальном продолжалась война. Гарри Киллер по-прежнему настаивал на выдаче пленников, а Марсель Камаре отказывался их выдать.

В конце разговора Гарри Киллер просил инженера снабдить его жидким воздухом для планеров. Каждый раз, когда они возвращались из путешествия, их резервуары поступали на завод, где их наполняли снова. Теперь же Гарри Киллер лишился жидкого воздуха, и его сорок машин сделались бесполезными.

Марсель Камаре, не желая растрачивать своих запасов энергии и снабжать врага самым мощным оружием, отказал наотрез. Деспота охватила жестокая злоба, и он поклялся укротить завод голодом. Тогда-то инженер бросил трубку, смеясь над угрозой. Остальные, наоборот, приняли ее весьма серьезно. Завод, неприступный благодаря средствам защиты, изобретенным Камаре, был гораздо беднее средствами нападения; кроме того, Камаре не хотел пользоваться даже теми, какие имелись в его распоряжении. В таких условиях осада может длиться бесконечно, и придет день, когда голод заставит завод сдаться.

Камаре, которому Барсак изложил свои опасения, пожал плечами.

— Провизии нам хватит надолго, — уверил он.

— На какое же время? — настаивал Барсак.

— Я не знаю точно. Дней на пятнадцать, может быть, на три недели. Но это совершенно неважно, так как через сорок восемь часов мы кончим планер, находящийся у нас в постройке. Я вас приглашаю на испытания, которые мы произведем двенадцатого апреля в четыре часа утра, чтобы не видали из дворца.

Это было радостное и притом неожиданное известие. Планер в огромной степени улучшал положение. Но принесет ли он спасение?

— На заводе сто человек, — заметил Барсак. — Ваш планер не сможет увезти всех, как бы мощен он ни был.

— Он подымает десять, — ответил Камаре, — и это уже неплохо.

— Конечно, — согласился Барсак, — и, однако, этого недостаточно, чтобы выйти из положения.

— Ничуть, — возразил Камаре. — Отсюда триста пятьдесят километров до Сея и семьсот — до Тимбукту,

который, быть может, предпочтительнее. Так как мы будем летать ночью, чтобы избежать торпед, планер может делать по три полета в Сей или по два в Тимбукту. Сто пятьдесят человек населения завода, считая женщин и детей, будут освобождены в пять суток в первом случае и в восемь — во втором.

Страх, порожденный угрозами Гарри Киллера, уменьшился при сообщении об этом плане, вполне реальном, и все с нетерпением стали ждать его выполнения.

Два дня показались осажденным бесконечными. Они старались, как могли, убить время и часто прогуливались в саду под защитой стен. Понсен, в частности, находился там с утра до вечера. Постоянно наклоняясь над растениями, украшавшими сад, он производил измерения с помощью лупы и что-то взвешивал на маленьких точных весах.

— Какого черта вы тут делаете? — спросил Амедей Флоранс, застав его за таким занятием.

— Занимаюсь своей профессией, — не без важности ответил Понсен.

— Статистикой? — спросил удивленный Флоранс.

— Именно. Я в скором времени совсем просто определю, сколько людей может пропитать Петля Нигера.

— Ха-ха-ха! Все та же Петля? — сказал Амедей Флоранс, который, кажется, не очень ценил труды своего собеседника. — Однако, как я полагаю, мы ведь не в этой знаменитой Петле?

— Не запрещено рассуждать по аналогии, — поучительно заметил Понсен.

— Придворные, собравшиеся для роскошной оргии! — произнес голос позади них.

По этому стиху из «Возмездия» [1], сказанному просто для рифмы, Амедей Флоранс узнал доктора Шатоннея. В самом деле, это был он.

— Что вы тут делаете? — спросил добряк, оканчивая, таким образом, свое обращение.

— Господин Понсен объясняет мне методы статистики, — серьезно ответил Флоранс. — Прошу вас, господин Понсен, продолжайте!

---

[1] Сборник стихов Виктора Гюго, вышедший в 1853 году.

— Это очень просто, — объяснил тот. — Вот корень шпината, он занимает квадратный дециметр. Немного далее — цветная капуста: ей потребовалось четыре квадратных дециметра. Я измерил сотню выбранных наудачу растений и нашел среднюю площадь, занимаемую ими. Я также измерил их ежедневный рост. Вот, например, этот салат прибавил со вчерашнего дня 4 грамма 927 миллиграммов. Итак, я вычислил, ма-те-ма-ти-чески вычислил, что ежедневный прирост составляет 22 миллиграмма на квадратный сантиметр.

— Очень любопытно, — не моргнув глазом, заявил доктор Шатонней.

— Не правда ли? Эти научные вопросы всегда крайне интересны, — сказал Понсен, раздуваясь от гордости.— Петля Нигера содержит 546 триллионов квадратных сантиметров, значит, она может ежедневно производить 12 миллионов 12 тысяч тонн и ежегодно 1 миллиард 144 миллиона 380 тысяч тонн.

— «Я не могу от вас скрывать, что вы умеете считать!» — пропел доктор, пародируя стих из Корнеля[1], который пришел ему на память.

— Зная количество провианта, которое необходимо, чтобы обеспечить живого человека, легко отсюда вывести, какое население может существовать в Петле Нигера, — с апломбом закончил Понсен. — Таковы услуги, которые способно оказать знание, и время нашего заключения здесь не совсем потеряно.

— Благодаря вам, господин Понсен, — объявили в один голос Амедей Флоранс и доктор и оставили статистика продолжать его научные изыскания.

Час за часом прошли 10 и 11 апреля. Один случай, впрочем, незначительный, нарушил монотонность этого последнего дня. Около пяти часов дня Камаре доложили, что насос, подающий воду из реки в резервуар, не работает.

Сделав проверку, инженер убедился, что сообщение было правильным. Помпа металась, как бешеная, точно работала в пустоте, не встречая ни малейшего сопротивления. По приказу Камаре стали сменять поршень, оче-

[1] *Пьер Корнель* (1606—1684) — знаменитый французский драматург.

видно поврежденный и неплотно прилегающий к стенкам цилиндра. Речь, впрочем, шла о незначительной работе, которая будет закончена менее чем в двое суток.

На рассвете третьего дня окончилось нервное ожидание обитателей завода. Никто не пропустил зрелища, несмотря на ранний час, назначенный Марселем Камаре. Инженер сдержал обещание. Когда собрались в саду, планер уже был перенесен туда рабочими.

Инженер поднялся на платформу и пустил мотор. Прошло несколько минут, очень длинных для зрителей, боявшихся разочарования. Но скоро они успокоились.

Аппарат поднялся без усилий, потом, распустив крылья, пронесся по воздуху и вернулся туда, откуда отправился. Марсель Камаре, посадив на планер десять человек, поднялся снова и сделал три круга над садом. Испытания были закончены.

— Сегодня, в девять часов вечера, отправляется первая партия, — заявил Камаре, спускаясь с платформы.

И все было забыто: осада, плен, дни беспокойства и тоски. Через несколько часов кошмар окончится. Они будут свободны. Все поздравляли друг друга. Механики поместили планер в ангар, откуда он вылетит ночью в Тимбукту.

Так как эвакуация завода должна была отнять несколько дней, то обычные работы не прекращались. Двенадцатого закончили разборку насоса; в нем не оказалось никаких поломок. Приходилось искать причину аварии в другом месте, а пока решили немедленно собрать насос. В восемь с половиной часов вечера совсем стемнело, и Марсель Камаре дал сигнал к отправлению. Уже задолго до этого восемь пленников, вырванных из когтей Гарри Киллера, и две женщины, жены рабочих, — первая партия пассажиров — ожидали в саду, откуда должен был вылететь планер с опытным водителем. Повинуясь приказу начальника, десять механиков направились к ангару. Они уже открыли дверь...

И в этот момент произошла катастрофа. Когда отворилась дверь, раздался ужасающий взрыв. Ангар развалился, как карточный домик. На его месте осталась только куча обломков.

После минуты вполне понятного оцепенения все бросились на помощь рабочим. К счастью, лишь один из

них был легко ранен, остальные остались невредимы, так как не успели войти в ангар.

Но, хотя никого не пришлось оплакивать, все же осажденных постигло огромное несчастье, непоправимая беда. Планер разлетелся на мелкие кусочки, остались лишь ни к чему не пригодные обломки.

— Риго, — сказал Камаре со спокойствием, которое не покидало его в самых серьезных обстоятельствах, — надо разобрать обломки и выяснить причину взрыва.

Рук было много, и работа пошла быстро. К одиннадцати часам вечера почва была расчищена, и обнаружилась глубокая яма.

— Это динамит, — холодно сказал Камаре. — Но он ведь не мог прийти сам!

Пятна крови на обломках показывали, что при взрыве были жертвы; работа продолжалась с той же горячностью. Около полуночи нашли оторванную ногу негра, потом жестоко изуродованную руку и, наконец, голову.

Амедей Флоранс, как хороший репортер, внимательно следил за работой; он тотчас узнал того, кто оказался жертвой.

— Чумуки! — вскричал он.

Он объяснил Камаре, что Чумуки был предатель, перешедший от мисс Бакстон на службу к Гарри Киллеру. Теперь все объяснилось. Чумуки был виновником и первой жертвой взрыва. Оставалось узнать, как он проник на завод. Ведь тем же путем могли проникнуть и другие. Нужно было отбить охоту к этому у противников и поразить их страхом. С этой целью жалкие останки Чумуки по приказу Камаре были переброшены через стену на эспланаду, где их найдут люди Гарри Киллера. Они твердо убедятся, что вход на завод грозит опасностью.

Разборка обломков продолжалась; рабочие составили цепь, обломки выбрасывались в сад, и все бо́льшее пространство земли очищалось.

— Вот еще один! — внезапно вскричал рабочий.

Марсель Камаре приблизился. Среди камней показалась человеческая нога. Скоро было отрыто все туловище. Это был белый средних лет, плечо его было ужасно раздроблено обрушенной кровлей. Доктор Шатонней наклонился к раненому.

— Он жив! — сказал он.

Человек был перенесен в квартиру Камаре, где доктор сделал ему перевязку. Назавтра его допросят, если он будет в силах говорить.

— И если он захочет, — добавил Амедей Флоранс.

— Я позабочусь, чтобы он захотел, — сказал Марсель Камаре сквозь стиснутые зубы.

Разборка обломков закончилась. Стало ясно, что под развалинами больше нет никого. Рабочие пошли на отдых. Инженер и его гости также направились к себе. Через несколько шагов Амедей Флоранс остановился и спросил Камаре:

— Что же мы теперь будем делать без планера?

— Построим другой, — ответил Камаре.

— А у вас есть материалы? — спросил Барсак.

— Конечно.

— Сколько времени на это потребуется?

— Два месяца.

— Гм!.. — просто сказал Флоранс и задумался.

Два месяца! А у них было провизии на пятнадцать дней.

Чтобы выйти из такого трудного положения, репортер углубился в поиски идеи.

ИДЕЯ РЕПОРТЕРА ФЛОРАНСА

Мало кто сомкнул глаза в последние часы ночи. Вчера все были уверены, что приходит конец испытаниям, осажденные ликовали. Сегодня, потеряв всякую надежду, они были обескуражены и печальны. Как изменилось их положение с утра 13 апреля! Положение обсуждалось со всех сторон, но никто не видел выхода. Сам Марсель Камаре ничего не мог придумать, кроме постройки нового планера; но было бы самообманом возлагать надежды на аппарат, изготовление которого потребует двух долгих месяцев, когда провизии всего на пятнадцать дней.

Вдобавок, и это средство спасения оказалось еще менее реальным, чем думали. После тщательной проверки выяснилось, что они располагают провизией не на пятнадцать, а всего только на девять—десять дней. Не через два месяца, а уже в конце апреля они будут

страдать от голода. Чтобы оттянуть неизбежный конец, решено было немедленно перейти на порции. Если не удастся избежать печальной участи, по крайней мере осажденные продлят агонию.

Утро 13 апреля было посвящено выяснению запасов продовольствия и подготовке к постройке планера, на чем настаивал Марсель Камаре, хотя, вероятно, от этого не будет пользы. Только после обеда решили заняться пленником.

После завтрака, отличавшегося в этот раз крайней скромностью, Марсель Камаре, сопровождаемый гостями, внезапное вторжение которых стоило ему так дорого, отправился к раненому, так как доктор Шатонней заверил, что раненый может выдержать допрос.

— Кто вы такой? — спросил Марсель Камаре без видимого интереса, но сообразуясь с заранее выработанным планом.

Раненый молчал. Камаре повторил вопрос, но успех оказался тот же.

— Я должен предупредить, — мягко сказал инженер, — что заставлю вас говорить.

При этой угрозе человек не открыл рта, но по его губам пробежала ироническая улыбка. Его заставят говорить? Очевидно, это казалось ему маловероятным. Если судить по виду, казалось, что это человек выдающейся энергии.

Марсель Камаре пожал плечами и, не настаивая, приладил к большим пальцам рук и подошве ног упрямца четыре маленькие металлические пластинки, а затем соединил их с клеммами распределительной доски. Сделав это, он повернул выключатель.

Человек тотчас же скорчился в жестоких конвульсиях, вены на лбу раздулись и, казалось, готовы были лопнуть; на посиневшем лице выразилось невыносимое страдание.

Испытание было кратким. Через несколько секунд Камаре выключил ток.

— Будете говорить? — спросил он. И так как человек молчал, он молвил: — Хорошо! Начнем снова!

Он повернул рубильник, и те же явления возобновились, но уже с большей силой. Пот катился по лицу

пытаемого, глаза закатились, и грудь дышала, как кузнечные мехи.

— Станете говорить? — повторил Камаре, снова выключая ток.

— Да... да... — простонал человек, теряя силы.

— Черт возьми! — сказал Камаре. — Ваше имя?

— Фергус Давид.

— Это кличка. Скажите вашу настоящую фамилию.

— Даниэль Фран.

— Национальность?

— Англичанин.

Даниэль Фран (таково было его подлинное имя) решился говорить откровенно. Он сразу отвечал на предложенные вопросы.

— Голубчик, — сказал ему Камаре, — я должен получить кой-какие сведения. Если вы не согласны, мы снова начнем игру. Расположены вы говорить?

— Да, — ответил раненый.

— Прежде всего, каково ваше положение в Блекланде?

— Советник.

— Советник? — вопросительно повторил Камаре.

Фран удивился, что инженер не понимал этого слова. Он объяснил:

— Так называют тех, кто правит вместе с Киллером.

— Если я вас верно понимаю, вы в правительстве Блекланда?

— Да.

Казалось, Марселя Камаре этот ответ удовлетворил.

Он продолжал:

— Давно вы здесь?

— С самого начала.

— Вы знали Киллера прежде?

— Да. Я познакомился с ним в отряде капитана Бакстона.

Жанна задрожала, услышав эти слова: судьба посылала ей нового свидетеля.

— В отряде Бакстона? — повторил Камаре. — А почему я вас не узнал?

— Наверное, я очень изменился, — с философским равнодушием заметил раненый. — И все же я был с вами, господин Камаре.

Жанна Бакстон не могла выдержать и вмешалась:

— Извините, господин Камаре, разрешите мне сказать этому человеку несколько слов.

Марсель Камаре согласился, и она спросила у раненого:

— Вы были в отряде Бакстона, когда туда явился Киллер?

— Да.

— Почему капитан Бакстон так легко его принял?

— Не знаю.

— Правда ли, — продолжала Жанна, — что со дня, когда Гарри Киллер явился в отряд, он стал настоящим начальником?

— Правда, — ответил Фран, изумленный, что его допрашивают о таких давних событиях.

— Это по приказу Гарри Киллера отряд Бакстона занялся жестокостями, которые потом привели к его разгрому?

— Да, — подтвердил Фран.

— Капитан Бакстон к этому непричастен?

— Нет.

— Вы слышите, господа? — сказала Жанна, поворачиваясь к своим компаньонам. — Почему же капитан Бакстон уступил власть Гарри Киллеру?

— Откуда я могу это знать? — нетерпеливо возразил Фран.

Казалось, он был чистосердечен. Жанна перестала настаивать.

— Знаете ли вы, по крайней мере, какова была смерть капитана Бакстона? — спросила она, переходя на другое.

— Он погиб в битве, — с полной уверенностью ответил Фран. — Многие другие пали с ним.

Жанна Бакстон вздохнула. Значит, она и теперь не выяснит эти темные вопросы.

— Благодарю вас, — сказала она Камаре. — Я кончила.

Инженер возобновил допрос с того, на чем он прервался.

— Как вначале достали негров, строивших город?

Фран широко открыл глаза. Что за глупый вопрос! Неужели только для этого его сейчас подвергали пытке!

— Черт побери! В деревнях, конечно. Не нужно быть слишком сведущим, чтобы знать это.

— Каким образом?

Фран поднял здоровое плечо.

— Это насмешка!.. Точно вы не знаете! Их забирали, вот и все.

— Ага! — сказал Камаре и опустил голову с подавленным видом. — А машины, которые нужны были вначале... Откуда они?

— С луны, понятно, — язвительно сострил Фран.

— Они прибыли из Европы?

— Ясно.

— А как их доставили?

— Очевидно, не по воздуху. Господин Камаре, это смешные вопросы. Как вы хотите, чтобы они прибыли? Понятно, на пароходах.

— А где их выгрузили? — спокойно продолжал Камаре.

— В Котону.

— Но ведь от Котону до Блекланда далеко. Как их привезли сюда?

— На верблюдах, лошадях, быках, неграх, — лаконически ответил Фран, терпение которого истощилось.

— В продолжение этого пути, я думаю, умерло много негров?

— А мне неинтересно было считать их, — проворчал Фран.

Камаре перешел к другой теме:

— За машины надо было платить?

— Черт! — сказал Фран, который находил вопросы все более нелепыми.

— Значит, в Блекланде есть деньги?

— Денег-то хватает.

— Откуда они?

Фран потерял терпение:

— Когда вы кончите привязываться ко мне, господин Камаре, — сказал он, непритворно рассердившись,— и спрашивать о том, что должны знать лучше меня? Ведь планеры сделаны не для забавы! Вы знаете, что время от времени они перевозят Гарри Киллера и других на Биссагушские острова, откуда они едут на пароходе в маленькую прогулку по Европе, а чаще всего по

Англии. Ну, а вы знаете, что в Европе есть банки, богатые старушки и куча людей, которым выгодно нанести визит... без приглашения. А сделав визит, уходят, не попрощавшись.

— Эти поездки случались часто? — спросил Камаре, лицо которого покраснело от стыда.

Фран сделал жест отчаяния.

— Ну... раз уж это вас забавляет... По-разному... Три-четыре раза в год.

— Когда была последняя поездка?

— Последняя? — Фран добросовестно порылся в воспоминаниях. — Подождите... Месяца четыре, четыре с половиной назад.

— Кого посетили на этот раз?

— Не знаю. Я не был с ними. Кажется, банк. Но знаю, что никогда еще не случалось подобной удачи.

Камаре помолчал. Он был бледен и, казалось, сразу постарел на десять лет.

— Последнее слово, Фран, — сказал он. — Сколько негров работает на полях?

— Тысячи четыре. Может быть, и больше. И тысячи полторы женщин.

— Их достают так же, как и прежде?

— Нет, — ответил Фран самым естественным тоном. — Теперь, когда есть планеры, их увозят.

— Ага! — сказал Камаре. — Ну, а как вы вошли сюда?

Фран поколебался. Наконец-то ему был задан серьезный вопрос. И хотя он легко дал все предыдущие сведения, ему очень не хотелось открыть секрет. Все же пришлось ответить.

— Через резервуар, — неохотно буркнул он.

— Через резервуар? — переспросил удивленный Камаре.

— Да. Третьего дня закрыли щиты в реке, чтобы вы не могли поднимать воду, и опорожнили дворцовый резервуар. Резервуар завода также опустел, а он сообщается с нашим посредством прохода под эспланадой. Вот этим ходом мы и прошли с Чумуки.

За несколько часов до этого инженер без особого удивления узнал, что насос снова заработал. Он понял, что Гарри Киллер, на которого подействовала ужасная

гибель Чумуки, приписал ее защитникам завода, открыл щиты, и вода пошла, как обычно.

— Хорошо. Благодарю вас, — сказал Камаре, выяснивший все, что ему надо было знать, и удалился, не задавая других вопросов.

13 и 14 апреля прошли без новых происшествий. Блокада оставалась строгой. Кругом, на набережной, на эспланаде, были посты Веселых ребят, наблюдавшие за караульной дорожкой и за заводом, откуда никто не мог выйти. Казалось, такое положение не изменится вплоть до момента, когда голод заставит осажденных сдаться.

Это вполне справедливое размышление не переставало преследовать Амедея Флоранса. После гибели планера Амедей Флоранс все время искал способа выпутаться из затруднения и злился, что не мог его найти. Идея пришла к нему вечером 14 апреля. Обсужденная со всех сторон, она показалась ему хорошей. Утром 15-го он долго совещался с Тонгане, а потом пригласил друзей отправиться к инженеру, которому хотел сделать безотлагательное сообщение.

Со времени допроса Франа инженера не видели, он закрылся у себя в квартире. Там Камаре в уединении болезненно переживал открытые ему новости, охваченный головокружением над бездной, которую показал Фран.

Он узнал всю истину. Он узнал, что Блекланд основан и держится только на насилиях, грабежах и убийствах. Он узнал, что Европа и Африка, каждая на свой лад, были ареной «подвигов» Гарри Киллера и его банды. Ему стало известно постыдное происхождение золота, изобиловавшего в Блекланде, благодаря которому осуществилась его работа. Жестокости и преступления отряда Бакстона, уничтожение его командира, постоянные гекатомбы [1] несчастных негров, уводимых из деревень, грабежи, хищения, убийства в Африке и Европе и, как завершение, это отвратительное покушение на мирную экспедицию Барсака, — все это он теперь знал.

И он был соучастником бесчисленных преступлений! Не он ли, несмотря на личную невиновность, доставил средства для их выполнения? Думая о своей жизни за

[1] *Гекатомбы* — массовое убийство людей.

эти десять лет, он испытывал настоящий ужас, и его уже колеблющийся рассудок слабел. По временам он начинал ненавидеть Блекланд, свое детище, плоть от плоти его, это собрание чудес, воздвигнутое им для своей славы. Но неужели останутся безнаказанными жестокости, в которых виновны его обитатели? И разве он не проклят, этот город, гнездо стольких преступлений?

Амедей Флоранс и его товарищи нашли Камаре погруженным в мрачные мысли. Утонувший в кресле, неподвижный, с остановившимся взглядом, он, казалось, лишился последних сил. Впрочем, он уже двое суток ничего не ел.

Такой собеседник не подходил Флорансу, который желал видеть перед собой прежнего искусного инженера. По его приказу Тонгане принес пищу, которую предложили Камаре. Тот послушно поел, не обнаруживая аппетита, который был бы оправдан двухдневным воздержанием. Все же после еды кровь прилила к его бледным щекам.

— Я собрал здесь вас всех, потому что мне пришла мысль, как выбраться из безвыходного положения, — начал Флоранс. — После размышлений мне показалось, что мы можем обеспечить себе помощь многочисленных союзников, которые у нас под рукой.

— Каких союзников? — одновременно спросили Барсак и Шатонней.

— Негров из невольничьего квартала, — ответил Амедей Флоранс. — Как мы узнали позавчера, их четыре тысячи, не считая женщин, из которых каждая стоит двух мужчин, когда она разъярена. Вот сила, которой нельзя пренебрегать.

— Правильно, — сказал Барсак, — но эти негры безоружны и даже не знают о нашем существовании.

— А поэтому, — ответил Флоранс, — надо войти с ними в переговоры и вооружить их.

— Это легко сказать! — вскричал Барсак.

— А может быть, и сделать! — возразил Флоранс.

— В самом деле? — сказал Барсак. — Но, не говоря уже об оружии, кто пойдет к этим неграм?

— Такой же негр, как и они, — Тонгане.

— Как он пройдет? Ведь завод осажден! Если он появится, его встретит туча пуль.

— Ну, он не должен выходить через дверь. Это, впрочем, не приведет ни к чему: ведь против заводов кварталы белых. А ему надо попасть к черным. Самое лучшее сделать, как он уже раз поступил: выбраться ночью в поле, смешаться с толпой черных и войти с ними в город.

— Тогда он пройдет над караульной дорожкой и стеной? — заметил Барсак.

— А может быть, под ними, — возразил Флоранс и повернулся к Марселю Камаре. — Господин Камаре, нельзя ли просверлить тоннель под стенами завода и города, тоннель, который прошел бы под дорогой для караула и окончился бы в поле?

— Без сомнения, — ответил Камаре, поднимая голову.

— Сколько времени потребует эта работа?

— В обычных условиях надо ставить крепления, и это затянется надолго, — подумав, сказал Камаре. — Но можно сэкономить время посредством машины, идею которой я только что обдумывал и которая даст хорошие результаты в этой песчаной почве. Чтобы сделать чертежи, построить машину и пройти тоннель, достаточно будет пятнадцати дней.

— Значит, все это можно сделать к концу месяца?

— Конечно.

Как только перед Камаре оказалась техническая задача, он почувствовал себя в своей стихии. Мозг его уже заработал, взгляд оживился.

— Еще вопрос, господин Камаре, — сказал Флоранс. — Тоннель не займет всех ваших людей?

— Их еще останется достаточно.

— Не могут ли свободные от работы изготовить за тот же срок оружие в количестве трех-четырех тысяч штук.

— Какое оружие? Во всяком случае, не огнестрельное.

— Пики, ножи, топоры, дубины, всякие колющие, режущие и дробящие инструменты?

— Это возможно, — ответил Камаре.

— А сможете вы переправить в назначенный день это оружие в невольничий квартал так, чтобы не заметили люди Гарри Киллера?

— Это труднее, — безмятежно отвечал Камаре, — но можно сделать в темную ночь.

Амедей Флоранс вздохнул с облегчением.

— Тогда мы спасены! — вскричал он. — Вы понимаете, господин Камаре, Тонгане выйдет через тоннель, смешается с черными рабами и вечером войдет с ними в город. Ночью он подготовит восстание. Эти несчастные только и ждут случая сбросить ярмо. Получив оружие, они не станут колебаться. Надо немедленно начинать работу!

— Я начал, — спокойно ответил инженер, уже усевшийся у чертежного стола.

Осажденные вернулись, крайне возбужденные счастливой перспективой, которую открыл Амедей Флоранс. Конечно, его идея была хороша, и глупо было бы не воспользоваться помощью тысяч естественных союзников, страдавших на той стороне реки. Войти с ними в сношения казалось возможным после уверений Камаре, в которых не приходилось сомневаться.

На следующий день постройку начатого планера забросили, и все рабочие занялись кто изготовлением оружия, кто постройкой новой тоннельной машины, изобретенной Камаре. Некоторые зачем-то высверливали толстое бревно, и, наконец, еще одна партия рыла у подножия стены вне видимости из дворца широкий колодец, быстро углублявшийся.

21 апреля колодец достиг глубины десяти метров; Камаре счел это достаточным, и началась проходка горизонтальной галереи. Чтобы ее осуществить, инженер сконструировал стальной конус около пяти метров длиной и метр тридцать сантиметров в диаметре; на поверхности его правильно чередовались по винтовой линии возвышения и прорезы. Электромотор заставлял вращаться этот инструмент, который, проникая в рыхлую почву, буквально ввинчивался в нее; песок сыпался внутрь конуса через отверстия и удалялся через колодец.

Когда этот гигантский винт проник в почву, которую сам же и поддерживал и защищал от обвала, к нему присоединили цилиндр такого же диаметра, толкаемый мощными домкратами. Таким образом, готовый горизонтальный тоннель будет представлять металлическую

трубу длиной около восьмидесяти метров. Когда же он будет закончен, останется, пользуясь конусом меньших размеров, просверлить вертикальный ход к поверхности земли.

Пока выполнялись эти работы, Камаре нигде не было видно. Он появлялся с мрачным и рассеянным видом лишь для разрешения какой-нибудь сложной технической проблемы, требовавшей его присутствия, и снова скрывался в свое жилище, где в одиночестве съедал пищу, подаваемую слугой Жоко.

Тоннель был окончен в назначенный срок. На рассвете 30 апреля восемьдесят метров трубы были проложены, и осталось только прорыть выходной колодец; это следовало сделать до восхода солнца.

И пора было: уже за три дня до этого, 27 апреля, провизия пришла к концу; порции, и без того недостаточные, были еще уменьшены.

Хорошее настроение и спокойное отношение к трудностям жизни плохо вяжутся с пустым желудком.

Настроение заводского персонала понемногу менялось. Работали для спасения жизни усердно, но лица были сумрачны, и рабочие часто обменивались словами, полными горечи. Они все, видимо, уже начали постепенно терять слепое доверие к начальнику, которому еще недавно приписывали сверхъестественную силу. Да, этот волшебник, несмотря на свой гений, не мог помешать им умирать с голоду! Обаяние его меркло.

С другой стороны, по заводу стала гулять легенда, начало которой крылось в нескольких словах о Жанне Бакстон, сказанных Камаре во время первого выступления, перед разрывом с дворцом. В то время увлечению Гарри Киллера пленницей не придали большого значения. Это было принято, как одно из доказательств его деспотизма — ни более, ни менее. Но по мере того, как положение ухудшалось и истощение ослабляло рассудок осажденных, появилась общая тенденция выдвигать на первый план эту фантазию Гарри Киллера, о которой сам он давно позабыл. Эта идея, раз попав в мозги, уже не выходила оттуда и по закону кристаллизации поглотила все остальные.

В настоящее время это считалось признанным фактом. Рабочие стали твердо верить в то, что они страдают,

переносят осаду и голодовку исключительно из-за прекрасных глаз мисс Бакстон. Если бы она сдалась, был бы немедленно заключен мир. Жертвы, приносимые ста пятьюдесятью людьми ради спасения одной, казались чрезмерными.

Жанна Бакстон знала об этом повороте настроения; по некоторым уловленным словам, по мрачным взглядам она отгадала их враждебность и поняла, что на нее возлагают ответственность за опасности, которым подвергаются.

Хотя она была далека от мысли приписывать себе такое большое значение, все же это единодушие влияло на нее, и мало-помалу она сама начала склоняться к мысли, что если сдастся Гарри Киллеру, эта жертва, быть может, освободит других осажденных.

Без сомнения, жизнь ее будет ужасна возле человека, которого она подозревала в убийстве брата. Но ведь обвинение еще не доказано, и, кроме того, если не хватит сил, она может найти убежище в смерти. Наконец, это был ее долг, каким бы жестоким он ей ни казался.

Эта идея так овладела ею, что она не могла удержаться и открыла ее друзьям. Она обвиняла себя в трусости и говорила о сдаче Гарри Киллеру при условии, что он обеспечит безопасность остальных. Слушая ее, бедный Сен-Берен плакал.

— Вы хотите обесчестить нас, мадемуазель! — с негодованием кричал Амедей Флоранс. — И обесчестить бесполезно! Гарри Киллер слишком уверен, что получит нас всех, и не продаст этого удовольствия по дешевке. Да он и не сдержит своих обещаний, если даже их даст!

Барсак, доктор Шатонней и даже Понсен заговорили хором, и Жанна отказалась от своего благородного, но бессмысленного проекта.

Впрочем, теперь, когда тоннель был кончен, этот проект отпадал сам собой. Через несколько часов Тонгане скроется и на следующий день даст сигнал к восстанию и освобождению заключенных. После полудня 30 апреля началось сверление вертикального колодца. Никакая случайность не помешала работе, к полуночи труба вышла на свежий воздух, и верный Тонгане исчез в темноте.

Вертикальную трубу убрали, и песок засыпал узкий колодец. На поверхности осталось небольшое углубление в форме воронки, но при отсутствии других признаков вряд ли можно было предположить, что осаждающие догадаются о связи этой воронки с заводом, находившимся на расстоянии более восьмидесяти метров.

Если план Блекланда был обрисован достаточно ясно, читатель должен помнить, что прямо против завода находился угол стены, отделяющий квартал белых от квартала рабов.

С этого угла Тонгане должен был дать сигнал к отправлению оружия, как только представится благоприятный случай. И уже вечером 1 мая туда направились взоры осажденных, которые собрались на возвышенной площадке, устроенной по приказу Камаре над жилищами рабочих, ближайшими к Ред Риверу.

Но, как и следовало полагать, в этот день прождали напрасно. Если Тонгане даже попал в невольничий квартал, он еще не имел времени организовать восстание. Однако и на следующий день сигнала не было. На заводе начали беспокоиться. Успокоили себя лишь тем, что в эту ночь ярко светила полная луна. Как ни был остроумен способ, изобретенный Камаре, оружие, сложенное на площадке, нельзя было переправлять.

Тревога осажденных росла. 3 мая ночь выдалась темная. Бездействие Тонгане было тем опаснее, что в этот день доели последние крохи провизии. Через два, много три дня надо было победить или умереть с голоду.

День 4 мая показался бесконечным, и осажденные ждали темноты с лихорадочным беспокойством. Но и в этот вечер сигнал не появился над стеной черного квартала.

День 5 мая прошел при самых мрачных предзнаменованиях. Постились уже третий день, и желудки сжимались от голода.

Мастерские были пусты. Рабочие, их жены и дети угрюмо бродили по двору завода. Через два дня, если ничего не случится, придется без всяких условий сдаться победителю. Группы сходились и расходились, обмени-

ваясь словами, полными горечи, и без стеснения обвиняли Тонгане в том, что он забыл тех, кого обещал освободить. Черт возьми! Он не так глуп, чтобы заботиться о них.

Проходя мимо одной из групп, Жанна Бакстон услышала свое имя. Окруженные несколькими товарищами, рабочий и женщина спорили настолько ожесточенно, насколько позволяла слабость, и так громко, что Жанна могла остановиться в сторонке, не привлекая внимания.

— Пусть говорят, что угодно! — кричал мужчина, не беспокоясь, слушают его или нет. — Безобразие — терпеть такие вещи из-за какой-то вертушки! Уж если бы это только зависело от меня!

— Тебе не стыдно так говорить? — спросила его женщина.

— Стыдно? Ты смеешься, матушка! У меня ребенок, и он просит есть!

— А ты думаешь, у меня нет ребят?

— Это твое дело хотеть, чтоб они поумирали с голоду. Но если завтра мы еще будем здесь, я пойду к хозяину, и мы с ним потолкуем. Нельзя же оставаться в таком положении для удовольствия какой-то барышни, черт бы ее побрал!

— Ты просто трус! — с негодованием вскричала женщина. — У меня тоже ребятишки, но я предпочитаю видеть их в земле, чем пойти на такую подлость.

— У каждого свое мнение! — возразил рабочий. — Завтра посмотрим!..

Жанна Бакстон зашаталась, пораженная прямо в сердце. Вот как о ней, не стесняясь, говорят! В глазах этих несчастных она единственная причина их страданий! Эта мысль была для нее невыносима. Но как убедить их, что они ошибаются?

Час за часом, минута за минутой день 5 мая, наконец, прошел. Солнце село. Пришла ночь. Уже в третий раз после ухода Тонгане густые тучи скрывали луну. Воспользуется ли он этим благоприятным обстоятельством и даст ли долгожданный сигнал?

Никто уже не надеялся, и, однако, все глаза, как и каждый вечер, не отрывались от угла стены, где должен был появиться сигнал.

Семь часов... Восемь часов... Восемь с половиной пробило на часах завода. Ждали напрасно.

Несколько минут спустя после половины девятого по взволнованной толпе осажденных пробежала дрожь. Нет, Тонгане не покинул их! Над стеной черного квартала показался сигнал.

Нельзя было терять ни секунды. По приказу Камаре, на вышку принесли странное сооружение — деревянную пушку без колес и лафета. В ствол этой странной бомбарды, сделанной из пальмового ствола, вложили снаряд, и сжатый воздух выбросил его в пространство.

Он увлек с собой двойную стальную проволоку с крюком на конце, который должен был зацепиться за верхушку стены невольничьего квартала.

Вес снаряда, давление сжатого воздуха, прицел пушки, форма и расположение крюка — все было до мелочей рассчитано Камаре, который никому не позволил пустить в ход свою странную артиллерию.

Снаряд бесшумно пронесся над набережной, рекой, кварталом Веселых ребят и упал в невольничьем поселке. Удался ли выстрел и зацепился ли крюк за верхушку стены?

Камаре стал осторожно вращать барабан, на который была намотана проволока. Скоро он почувствовал сопротивление. Попытка увенчалась успехом. Между осажденными и невольниками пролегла воздушная дорога.

По этой дороге немедленно началась транспортировка оружия. Сначала пакет со взрывчатыми веществами, потом четыре тысячи ножей, топоров, пик были посланы друг за другом. Около одиннадцати часов операция закончилась. Все покинули площадку и, вооружившись чем попало, столпились у большой двери. Сбившись в плотную группу, с женщинами в центре, они ждали удобного момента для выступления.

Но в этой группе недоставало одной женщины — Жанны Бакстон. Сен-Берен, Амедей Флоранс, доктор Шатонней напрасно выкрикивали ее имя, напрасно искали её во всех уголках завода. Им пришлось примириться с фактом.

Жанна Бакстон исчезла.

ЧТО БЫЛО ЗА ДВЕРЬЮ

Жанна Бакстон в самом деле ушла, и самым простым образом. Она вышла через дверь, закрытую только на засов, но не на замок. Часовой у циклоскопа видел молодую девушку, покинувшую завод, но не узнал ее. Инструкции предписывали избегать ненужного кровопролития, и он не стал пускать против нее «ос», тем более, что она не пыталась войти в завод, а, напротив, вышла. Рапорт наблюдателя позволил установить, что, покинув завод, Жанна направилась по набережной — вверх по реке. Не оставалось никаких сомнений: Жанна пошла выполнять безумный проект сдаться Гарри Киллеру, как раз в тот момент, когда эта жертва стала бесполезной.

Набережная, примыкавшая внизу к караульной дорожке, вверху преграждалась стеной эспланады и превращалась в тупик. Здесь в стене была блиндированная дверь. Обычно она стояла закрытой, и ключи от нее были только у Гарри Киллера и Марселя Камаре; но с начала враждебных действий ее не закрывали. Жанна Бакстон сможет достичь эспланады и дойти до дворца, если Веселые ребята ее не задержат.

Жанна Бакстон убежала в припадке подлинного сумасшествия. Мысль, что ее считают причиной общего несчастья, была ей ужасна, тем более, что она видела, как из-за нее страдают все эти ненавидящие ее бедные люди. Но что, если они правы? Если она единственная добыча, которую Киллер надеется получить в борьбе? Тогда всякое промедление преступно, и она упрекала себя за то, что так долго колебалась. Даже если осажденные ошибались, что было слишком вероятно, когда ставили свое спасение в зависимость от нее одной, она докажет ошибку хотя бы ценой своей жизни.

Те дни, когда Тонгане медлил дать сигнал, так лихорадочно ожидаемый, дали Жанне Бакстон время на размышления. Лишения затемнили ее рассудок, и, наконец, вечером 5 мая она совсем потеряла голову и скрылась, считая, что выполняет свой долг.

Не отдавая себе отчета, едва сознавая, что делает, она открыла засовы, скользнула за дверь и, бесшумно

закрыв ее за собой, бросилась к дворцу, прижимаясь к стене, ярко освещенной прожекторами завода.

Веселые ребята, стоявшие на постах, заметили ее, как и наблюдатель у циклоскопа. Но и они не сочли нужным употребить оружие против одинокой фигуры, которая к тому же могла принадлежать их партии.

Миновав стену, Жанна пошла через обширную эспланаду, не обращая внимания на попадавшиеся группы Веселых ребят. Смелость девушки была причиной того, что никто ее не задержал, и только в двадцати шагах от дворца два человека подошли к ней. Эти люди ее узнали и вскрикнули от удивления. Не зная намерений Жанны, но помня о благосклонности к ней начальника, они пропустили девушку и даже проводили до дворца и открыли перед ней дверь.

Дверь захлопнулась, лишь только Жанна переступила порог. Хотела она того или нет, но отныне она была в полной власти Гарри Киллера и не могла надеяться на чью-либо помощь.

Во дворце ее прибытие вызвало изумление. Черный слуга поспешил проводить Жанну к Киллеру. Она прошла за слугой по темным лестницам и коридорам и вошла в ярко освещенную комнату, которую тотчас узнала: это была «тронная зала», иронически названная так Амедеем Флюрансом. Туда приводили пленников на единственное свидание с деспотом Блекланда, и тогда вся меблировка состояла из стола и одного кресла.

Кресло было и теперь, и в нем развалился Гарри Киллер за столом, уставленным бутылками и стаканами. Но теперь там оказалось еще девять стульев, из которых один пустовал. На остальных в небрежных позах сидели восемь человек с грубыми физиономиями. Гарри Киллер развлекался со своими советниками.

Заметив молодую девушку в рамке двери, эти полупьяные люди закричали от изумления: ничто не могло их удивить больше, чем это внезапное появление одной из осажденных.

— Мадемуазель Морна! — вскричали они, шумно поднимаясь.

— Одна? — спросил Гарри Киллер, наклоняясь над столом и бросая беспокойный взгляд по направлению к коридору.

— Одна, — дрожа, но твердым голосом ответила Жанна Бакстон.

Ноги ее ослабели, и ей пришлось опереться о косяк двери.

Пораженные люди долго молча смотрели на молодую девушку. Ее приход был необыкновенным событием. Она же под этими взглядами понемногу теряла уверенность и начинала горько сожалеть о своей смелой выходке.

— Вы пришли оттуда? — спросил, наконец, заплетающимся языком Гарри Киллер, показывая пальцем в направлении завода.

— Да, — пробормотала Жанна Бакстон.

— Зачем вы явились сюда?

Тон голоса был не из приятных. Значит, по всей вероятности, они ошибались, бедные, изголодавшиеся рабочие, возлагая на нее всю ответственность за свои несчастья; более чем когда-либо, она испугалась, что ее самоотречение не улучшит их судьбу.

— Я пришла сдаться, — прошептала она, с глубоким унижением, сознавая, как мало цены придают ее самопожертвованию.

— Так! Так! — насмешливо сказал Гарри Киллер и повернулся к своим компаньонам: — Оставьте нас!

Восемь советников поднялись и, покачиваясь, направились к двери. Гарри Киллер задержал их жестом и обратился к Жанне Бакстон:

— Я вас не спрашиваю о Чумуки; мы нашли его куски. Но что с другим?

— Это не мы убили Чумуки, — ответила Жанна. — Он погиб при взрыве планера. Его спутник ранен. О нем заботятся на заводе.

— А планер?

— Уничтожен.

Гарри Киллер, довольный, потер руки, а восемь советников исчезли.

— Итак, вы сдаетесь? — спросил он пленницу, когда они остались одни. — А для чего?

— Чтобы спасти других.

— Непостижимо! — вскричал Гарри Киллер издеваясь. — Те, другие, дошли до крайности?

— Да, — призналась Жанна, опустив глаза.

Гарри Киллер в порыве радости налил полный стакан и выпил одним духом.

— Дальше? — сказал он.

— Вы хотели на мне жениться, — пробормотала Жанна, покрываясь румянцем стыда. — Я согласна, но с условием, чтобы возвратили свободу остальным.

— Условия! — вскричал пораженный Гарри Киллер. — Вы думаете, что можете их ставить, моя крошка?! Завтра или послезавтра я возьму завод, и вы все равно оказались бы в моей власти. Вы сегодня могли не приходить. Я подождал бы еще денек, — он встал и, качаясь, пошел к ней. — У вас много самоуверенности... Условия, чтобы стать моей женой! Ха-ха! Вы будете моей, когда я этого захочу. Нет, в самом деле, кто мне может помешать, хотел бы я знать?

Он наступал на Жанну Бакстон, которая в страхе отступала, и тянул к ней дрожащие руки. Он почти коснулся ее. Прислонившись к стене, девушка чувствовала его горячее дыхание, пропитанное алкоголем.

— Можно умереть, — возразила Жанна.

— Умереть? — повторил, покачиваясь, Гарри Киллер, остановленный этим словом, произнесенным с холодной энергией. — Умереть... — снова сказал он, нерешительно почесывая подбородок, потом, после паузы, воскликнул, охваченный новой мыслью: — Ба! Завтра увидим... Мы договоримся, малютка... А пока будем веселиться! — он упал в кресло и протянул ей стакан: — Пить!

Стаканы следовали за стаканами. Через четверть часа Гарри Киллер, уже пьяный в момент прихода Жанны Бакстон, храпел.

Молодая девушка снова имела в своей власти это животное, убийцу брата. Она могла ударить его в сердце тем же оружием, которым он поразил Джорджа Бакстона. Но к чему? Не уничтожит ли она последнюю надежду помочь тем, ради кого сюда пришла?

Она долго смотрела в задумчивости на спящего деспота. Но внезапная боль заставила ее побледнеть. Голод, повелительный, жестокий голод терзал ей внутренности. На время она забыла свое положение, место, где находится, и даже самого Гарри Киллера, она все забыла, кроме своего голода. Она должна поесть немедленно, любой ценой.

Жанна осторожно открыла дверь, через которую ушли советники, и в соседней комнате увидела стол с остатками обеда. В этот вечер там пировали, прежде чем перейти в «тронную залу». Жанна Бакстон бросилась к столу и, схватив наугад несколько кусков, с жадностью проглотила их. По мере того как она ела, жизнь возвращалась в истощенный организм, она согревалась, сердце билось сильнее, к ней возвращались физические и моральные силы.

Подкрепившись, она вернулась в залу, где оставила Гарри Киллера. Он все еще спал и громко храпел. Жанна Бакстон села перед ним, решив дождаться его пробуждения.

Прошло несколько минут. Гарри Киллер пошевелился, и что-то покатилось на пол. Жанна наклонилась и подняла предмет, выпавший из кармана спящего. Это был маленький ключ. При виде этого ключа она вспомнила постоянные отлучки Гарри Киллера, вспомнила, как ей хотелось узнать, что там, за дверью. И вот случай дает ей возможность удовлетворить свое любопытство. Искушение было слишком сильным. Следовало воспользоваться случаем, который, без сомнения, не повторится.

Легкими шагами она приблизилась к двери, через которую ежедневно исчезал Гарри Киллер, и вставила ключ в замочную скважину. Дверь бесшумно открылась. За ней была лестница в нижние этажи. Осторожно прикрыв за собой дверь и ступая на цыпочках, Жанна Бакстон стала спускаться по лестнице, слабо освещенной единственной лампочкой.

Оставленная ею комната находилась во втором этаже дворца, но, опустившись в первый, она увидела новую лестницу, ведущую в подвальный этаж. После недолгого колебания она сошла вниз.

Жанна оказалась в прямоугольном вестибюле, на пороге которого остановилась в нерешительности. Негр-часовой, сидевший на диванчике, вскочил при ее появлении. Жанна тотчас успокоилась: часовой не имел враждебных намерений, наоборот, почтительно прислонился к стенке, чтобы дать пройти ночной посетительнице. Она поняла причину этого неожиданного уважения, когда узнала в часовом человека из Черной стражи. Как и Веселые ребята, встреченные на эспланаде, негр часто

видел Жанну и был убежден в ее влиянии на Господина.

Она твердым шагом прошла перед ним, и он не воспротивился. Но это было не все: за человеком находилась дверь.

Изображая уверенность, которой она на самом деле не чувствовала, Жанна Бакстон вставила ключ Гарри Киллера в замочную скважину. И эта дверь открылась перед ней, как и первая. Жанна оказалась в длинном коридоре, продолжавшем вестибюль, где направо и налево была дюжина дверей. Все они, кроме одной, были открыты. Жанна Бакстон окинула взглядом ближайшие комнаты, вернее, камеры, без свежего воздуха и света, меблированные лишь столом и жалким ложем. Камеры пустовали, и казалось, их никто уже давно не занимал.

Оставалась одна закрытая дверь. Жанна Бакстон в третий раз пустила в ход тот же ключ, и дверь открылась. Она сначала ничего не разглядела в комнате, там царил мрак. Потом ее глаза привыкли к темноте, она увидела смутную тень и услышала ровное дыхание спящего.

Точно предчувствуя каким-то сверхъестественным образом удивительное открытие, которое ей предстояло, Жанна ослабела. Трепещущая, с бьющимся сердцем, без сил, она оставалась на пороге, а ее взгляд напрасно пытался проникнуть во тьму. Наконец, она вспомнила, что в коридоре, у двери, есть выключатель, и повернула его.

Какое неожиданное и ужасное потрясение испытала Жанна Бакстон!

Если бы она увидела в этой подземной тюрьме одного из тех, кого только что оставила на заводе, если бы даже нашла там своего брата Джорджа Бакстона, в смерти которого была уверена десять лет, она не была бы так поражена.

Пробужденный внезапным светом, человек поднялся на кровати, поставленной в углу комнаты. Одетый в лохмотья, сквозь дыры которых просвечивало тело, покрытое бесчисленными ранами, худой, как скелет, он с трудом пытался распрямиться, поворачивая к свету расширенные от страха глаза.

Но, несмотря на ужасные следы долгих пыток, несмотря на изможденное лицо, бороду и всклокоченные

волосы, Жанна Бакстон не могла обмануться и без колебаний узнала несчастного узника.

Совершенно невероятным и поразительным было чудо, что в глубине блекландской темницы она узнала того, кого оставила шесть месяцев назад в Англии за мирным трудом. Этот человеческий обломок, это замученное существо был ее брат Роберт-Льюис Бакстон.

Шатаясь, с глазами, вышедшими из орбит, охваченная суеверным ужасом, Жанна оставалась недвижимой и немой.

— Льюис! — воскликнула она, наконец, устремляясь к несчастному брату, который бормотал с растерянным видом:

— Жанна! Ты здесь! Здесь!

Они упали друг другу в объятия и долго рыдали, не в силах вымолвить ни слова.

— Жанна! — прошептал, наконец, Льюис. — Как могло случиться, что ты пришла ко мне на помощь?

— Я расскажу потом, — ответила Жанна. — Поговорим о тебе. Объясни мне...

— Я ничего не могу сказать! — вскричал Льюис с жестом отчаяния. — Я ничего не помню. Пять месяцев назад, 30 ноября, в моем кабинете я был оглушен жестоким ударом в затылок. Я очнулся связанным, с заткнутым ртом, в каком-то ящике. Меня перевозили, как багаж, двадцатью разными способами. В какой я стране? Не знаю... Вот уже четыре месяца, как я не покидаю этого каземата, и каждый день мое тело терзают щипцами, меня бьют бичом...

— О! Льюис! Льюис! — застонала Жанна, рыдая. — Но кто же этот палач?

— Это — самое худшее... — печально начал Льюис. — Ты даже не отгадаешь, кто предается таким жестокостям... — Льюис внезапно замолк.

Его протянутая рука указывала на что-то в коридоре, а глаза выражали неописуемый ужас.

Жанна посмотрела на дверь. Она побледнела, и рука ее вытащила из-за корсажа оружие, найденное в Кубо, в могиле брата. С глазами, налитыми кровью, с пеной на губах, с хищно оскаленными зубами, свирепый, ужасный, отвратительный, перед ними стоял Гарри Киллер.

— Гарри Киллер! — вскричала Жанна.

— Гарри Киллер? — спросил Льюис Бакстон и удивленно посмотрел на сестру.

— Он самый, — проворчал Киллер хриплым голосом.

Он сделал шаг вперед, и его громадная фигура загородила всю дверь. Он опирался о косяки, стараясь утвердить равновесие, сильно поколебленное вечерними возлияниями.

— Это так, по-вашему, сдаются? — забормотал он со злобой. — Мадемуазель устраивает свидания без ведома будущего мужа?..

— Мужа?.. — повторил удивленный Льюис.

— Или вы думаете, что я уж так сговорчив? — прибавил Гарри Киллер, войдя в темницу и протянув к Жанне свои огромные волосатые руки.

— Не подходите! — вскричала Жанна, размахивая кинжалом.

— Ого! — иронически заметил Гарри Киллер. — У осы есть жало!

Все же он благоразумно остановился посреди камеры, не спуская глаз с кинжала, которым грозила ему Жанна Бакстон.

Воспользовавшись его нерешительностью, она увлекла с собой брата к двери, отрезая таким образом отступление противнику.

— Да, я имею оружие, — отвечала она дрожа, — и какое оружие! Я нашла этот кинжал в могиле... в Кубо!

— В Кубо? — повторил Льюис. — Не там ли, где Джордж...

— Да, в Кубо, где пал Джордж, погибший не от пули, но сраженный этим оружием, на котором написано имя убийцы — Киллер!

Гарри Киллер сделал шаг назад при упоминании о драме в Кубо.

Бледный, растерянный, он оперся о стену каземата и смотрел на Жанну с каким-то страхом.

— Киллер, говоришь ты? — вскричал в свою очередь Льюис. — Ты ошибаешься, Жанна. Не таково имя этого

человека... Оно другое, оно еще хуже и не ново для тебя...

— Другое?

— Да... Ты была еще малюткой, когда он нас покинул, но много раз слышала о нем. Это сын твоей матери, Вильям Ферней, это твой брат!

Разоблачение, сделанное Льюисом Бакстоном, произвело совершенно различное впечатление на двух других действующих лиц этой сцены. В то время, как Жанна, уничтоженная, бессильно опустила руку, Вильям Ферней — оставим за ним отныне его настоящее имя — вновь получил всю свою самоуверенность. Казалось, он сразу протрезвился. Он выпрямился и устремил на Жанну и Льюиса взгляд, горящий ненавистью и неумолимой жестокостью.

— А! Так вы Жанна Бакстон! — произнес он свистящим голосом. И он повторил еще раз, скрипя зубами: — А! Так вы Жанна Бакстон!

И внезапно, давая выход всем своим скверным чувствам, он заговорил так быстро, что не успевал выговаривать слова. Он выкрикивал короткие, обрубленные фразы, задыхаясь, глухим голосом, с безумными глазами:

— Я восхищен!.. Да, правда, я восхищен!.. Ага! Вы были в Кубо!.. Да, верно, я его убил... Вашего брата Джорджа... Красавчика Джорджа, которым так гордилось семейство Бакстонов!.. Я убил его два раза... Сначала душу... Потом тело... И теперь я держу здесь вас, вас обоих!.. В моей власти, под сапогом!.. Вы мои!.. Я могу сделать с вами что угодно!..

Его слова, вылетавшие из стиснутого горла, едва можно было понять. Он заикался, пьяный от радости, возбужденный, торжествующий.

— Подумать только... я поймал одного... И вот другая сама является ко мне!.. Это слишком смешно!..

Он шагнул вперед, но ни Жанна, ни Льюис не могли сделать ни одного движения. Он наклонился к ним:

— Вы думаете, что знаете очень много? Вы ничего не знаете!.. Но я вам расскажу... Все!.. И с удовольствием!.. Ага! Он меня выгнал, ваш отец!.. Пусть теперь порадуется!.. Мне недостает только одного... Я хочу, чтобы он знал... перед смертью... чья рука наносила ему удары... Эта рука... Вот она!.. Моя!..

Он еще приблизился. Он почти касался брата и сестры, которых ужасал этот приступ бешеной злобы.

— Ага! Меня выгнали... Разве мне нужны были эти жалкие деньги, которые мне предложили?.. Мне надо было золото, много золота, горы золота!.. И я его добыл... мешками... грудами... без вас... один!.. Как?.. Люди вашего сорта называют это преступлениями... Я грабил!.. Убивал!.. Всё!.. Все преступления!.. Но золото для меня — не всё... Была еще ненависть... к вам, к почтенной фамилии Гленоров!.. Вот зачем я явился в Африку... Я бродил вокруг отряда Джорджа Бакстона... Я явился к нему... разыграл комедию... сожаление... раскаяние... угрызение... Я лгал... лицемерил... Военная хитрость!.. Дурак попался!.. Раскрыл мне объятия... Я разделил с ним палатку... стол... Ха-ха! Я воспользовался его глупым доверием... Немножко порошка в пищу каждый день... Какого порошка?.. Не все ли равно?.. Опиум... гашиш... Это мое дело... Ищите Джорджа Бакстона!.. Ребенок, бессильный ребенок!..

Начальник?.. Я!.. И тогда какие подвиги!.. Все газеты кричат о них... Джордж Бакстон — сумасшедший... Джордж Бакстон — убийца... Джордж Бакстон — предатель... Только об этом и было слышно!.. Как я потом смеялся, читая эти громкие слова!.. Но дальше... Пришли солдаты... Джордж Бакстон мертв... Хорошо!.. Обесчещен... Еще лучше!.. Я убил его, чтобы он молчал...

Тогда я пришел сюда и основал этот город. Неплохо для того, кто был с позором выгнан? Здесь я начальник... господин... король... император... Я приказываю,

мне повинуются... Но радость моя была неполной... У старика еще остались сын и дочь... С этим надо было покончить!.. Сначала сын... Однажды, когда мне надо было денег, я взял у него... и его самого в придачу!.. Ха-ха! Сын оглушен... сын упакован, как окорок!.. Сын в ящике... И в путь!.. Поезда, пароходы, планеры, в путь!.. Сюда... Ко мне... В мою империю... И я его убью... Как того... Но не так быстро... Медленно... День за днем... А в это время... там... в Англии... Отец... Ох!.. Лорд!.. Богач!.. Отец думает, что его сын удрал... с кассой!.. Неплохо подстроено, прокляни меня боже!..

Остается дочка... моя сестра... Ха-ха! Моя сестра!.. Теперь ее очередь... Но куда она девалась?.. Искал... Черт! Она сама является!.. Вот так удача!.. Еще малость — и я бы на ней женился! Можно хохотать до упаду!.. Моя жена?.. Ну уж нет!.. Жена последнего из моих рабов!..

Что же ему осталось?.. Старому лорду? При его знатности и богатстве?.. Два сына?.. Один — предатель, другой — вор... Дочь?.. Исчезла... И он — один!.. Совсем один!.. Со своими старомодными идеями... И она кончилась — порода Гленоров!.. Я отомстил, я хорошо отомстил!

Эти ужасные проклятия окончились звериным ревом. Вильям Ферней остановился без голоса, задыхаясь от ярости. Он протягивал к своим жертвам скрюченные руки, жаждущие впиться в ненавистное тело. Это уже не было разумное существо: это был безумец, освирепевшее дикое животное.

Опасаясь больше за него, чем за самих себя, Жанна и Льюис Бакстон смотрели на безумца с ужасом. Как могла таиться в людской душе такая неукротимая ненависть?!

— На этот вечер, — заключило чудовище, переводя дыхание, — я вас оставлю вместе, это вас позабавит. Но завтра...

Шум взрыва, который был, очевидно, ужасным, если мог достигнуть каземата, покрыл голос Вильяма Фернея. Он сразу остановился, удивленный, встревоженный, прислушиваясь...

За взрывом последовала глубокая тишина, потом послышались крики, отдаленное завывание, шум бешеной

толпы, к которому примешивались редкие ружейные и револьверные выстрелы...

Вильям Ферней больше не думал ни о Жанне, ни о Льюисе Бакстон. Он прислушивался, стараясь отгадать, что означает это смятение.

Внезапно ворвался человек из Черной стражи, стоявший на карауле возле тюрьмы.

— Господин! — закричал он в ужасе. — Город в огне!..

Вильям Ферней громко выкрикнул проклятие и, отбросив одним толчком Жанну и Льюиса Бакстон, преграждавших путь, устремился в коридор и исчез.

Развязка была так неожиданна, что брат и сестра ничего не могли понять. В своей растерянности они едва услышали взрывы и крики, освободившие их от палача. Они остались одни, вначале даже не замечая этого и крепко обнимая друг друга. Подавленные жестокой сценой, истомленные долгими страданиями, угнетенные мыслью о старике, который умирал в отчаянии и стыде, они зарыдали.

КРОВАВАЯ НОЧЬ

Потрясенные только что пережитой ими ужасной сценой, забыв все, что не имело прямого отношения к их горю, Жанна и Льюис долго стояли обнявшись. Потом понемногу слезы их высохли, и, глубоко вздохнув и отодвинувшись друг от друга, они вспомнили о существовании внешнего мира.

Первое, что их поразило, несмотря на недалекий смутный шум, это — ощущение тревожной тишины. В коридоре, ярко освещенном электричеством, гробовое молчание. Дворец казался мертвым. Снаружи, напротив, крики, ружейные выстрелы, смятение увеличивались с минуты на минуту. Они прислушивались к этому необъяснимому шуму, и Жанна вдруг поняла его значение.

— Можешь ты идти? — обернулась она к брату.

— Попытаюсь.

— Идем!

Плачевная группа — девушка, поддерживающая мужчину, истощенного четырьмя месяцами мучений, — вышла из каземата. Они прошли по коридору и проник-

ли в вестибюль, где дежурил тюремщик. Вестибюль был пуст: негр исчез.

С трудом поднимались они от площадки к площадке. Ключом, похищенным у Вильяма Фернея, Жанна открыла дверь и оказалась вместе с Льюисом в той же комнате, где незадолго перед этим оставила в пьяном сне страшного безумца, еще не зная, что он ее брат.

Как и вестибюль, комната была пуста. Ничто не изменилось с тех пор, как она оттуда вышла. Кресло Вильяма Фернея еще было придвинуто к столу, уставленному бутылками и стаканами, и девять стульев стояли полукругом около него. Жанна усадила брата, ноги которого подгибались, и только тогда почувствовала странность положения. Что значит это безлюдье и эта тишина? Куда девался их палач? Повинуясь внезапному побуждению, она осмелилась оставить брата и дерзко отправилась осматривать дворец.

Она начала с первого этажа, не пропуская ни одного уголка. Проходя перед наружной дверью, она заметила, что та была заботливо закрыта. Она никого не нашла в первом этаже; но все его внутренние двери, широко распахнутые, доказывали, что обитатели дворца бежали сломя голову. С возрастающим удивлением она прошла остальные три этажа и также нашла их пустыми. Невероятно, но дворец был покинут.

Три верхних этажа пройдены, оставались лишь центральная башня и терраса, над которой она возвышалась. У подножия лестницы, ведущей на террасу, Жанна остановилась на мгновение и стала медленно по ней подниматься.

Нет, дворец не был покинут, как подумала Жанна. Когда она поднялась по лестнице, до нее снаружи донесся шум голосов. Она прошла последние пролеты и осторожно, защищенная тенью, осмотрела террасу, освещенную лучами заводских прожекторов.

Все население дворца собралось тут. С дрожью ужаса Жанна узнала Вильяма Фернея. Она различила также советников, которых видела два часа назад, нескольких людей из Черной стражи и дворцовых прислужников-негров.

Наклонившись над парапетом, они что-то показывали друг другу вдали, обмениваясь больше криками, чем

словами, и возбужденно жестикулируя. Что так волновало их?

Внезапно Вильям Ферней выпрямился, отдал громовым голосом какой-то приказ и, сопровождаемый своими людьми, устремился к лестнице, на верхних ступеньках которой находилась Жанна. Все они яростно размахивали револьверами и ружьями.

Еще секунда — и убежище Жанны будет открыто. Что сделают тогда с ней эти люди, охваченные свирепым возбуждением? Она погибла.

Испуганно оглядываясь, бессознательно ища немыслимую помощь, Жанна вдруг увидела дверь, отделявшую лестницу от террасы. Увидеть и толкнуть эту дверь, которая захлопнулась с шумом, было для Жанны Бакстон делом одного мгновения. Ее положение сразу переменилось от этого инстинктивного жеста.

Крики ярости и страшные проклятия донеслись к Жанне извне. Она еще не успела задвинуть последний засов, как люди с террасы стали наносить удары прикладами по неожиданному препятствию, появившемуся перед ними.

Испуганная ревом, ударами, всем этим шумом, Жанна стояла неподвижная, дрожащая. Она не смогла бы сделать ни одного движения даже для спасения своей жизни. Устремив глаза на дверь, она ожидала, что та с минуты на минуту упадет под ударами страшных врагов.

Но дверь не падала. Она даже не дрожала от яростных ударов, которые ей наносили. Тогда Жанна понемногу успокоилась и разглядела, что эта дверь, как и все двери на заводе и во дворце, была сделана из массивной, обитой железом доски, способной выдержать любой натиск. Нечего бояться, что Вильям Ферней взломает ее с теми слабыми средствами, которыми он располагал.

Успокоенная, она пошла к брату и тут заметила, что лестница от нижнего дворца этажа и до террасы была последовательно преграждена пятью прочными дверями. Все предвидел Вильям Ферней, устраивая себе убежище от нечаянного нападения. Его дворец разделялся заграждениями на многочисленные секции, которыми при-

шлось бы овладевать одной за другой. Но теперь его предосторожности обернулись против него.

Жанна заперла все эти пять дверей, как и первую, и спустилась в нижний этаж.

Окна дворца были защищены крепкими решетками и железными ставнями. Не теряя ни минуты, Жанна закрыла ставни во всех этажах, от первого и до последнего. Откуда явилась у нее сила ворочать эти тяжелые металлические створки? Она действовала лихорадочно, безотчетно, словно в лунатическом сне, ловко и быстро. В какой-нибудь час работа была закончена. Теперь она находилась в центре настоящей крепости из камня и стали, совершенно неприступной.

И только тогда почувствовала Жанна усталость. Ноги ее дрожали. С окровавленными руками, истомленная, она едва спустилась к Льюису.

— Что с тобой? — беспокойно спросил он, видя ее в таком состоянии.

Отдышавшись, Жанна рассказала ему, что она сделала.

— Мы хозяева дворца, — заключила она.

— Но нет ли другого выхода, кроме этой лестницы? — спросил брат, который никак не мог поверить такому повороту дела.

— Нет, я в этом уверена. Вильям заперт на террасе и не выйдет оттуда.

— Но зачем они все там собрались? — спросил Льюис. — Что тут происходит?

Этого Жанна и сама не знала. Занятая приготовлениями к защите, она ничего не замечала. Но теперь можно было узнать. Следовало выглянуть наружу. Они поднялись в верхний этаж и полуоткрыли один из ставней. Тут они сразу поняли возбуждение Вильяма Фернея и его компаньонов. У их ног, темная и молчаливая, лежала эспланада, зато на правом берегу Ред Ривера они увидели яркие огни, откуда к ним доносились свирепые крики. Все хижины негров пылали. Центр города, невольничий квартал, представлял один огромный костер.

Пожар свирепствовал и в Гражданском корпусе, начал загораться уже и квартал Веселых ребят. Из той части этого квартала, которая еще не была затронута

пожаром, доносились крики, проклятия, стоны, смешанные с беспрестанной пальбой.

— Это Тонгане! — сказала Жанна. — Невольники восстали.

— Невольники? Тонгане? — переспросил Льюис, который ничего не понял из этих слов.

Сестра коротко растолковала ему устройство Блекланда, насколько знала его по объяснениям Марселя Камаре, Тонгане и раненого советника Франа. Она рассказала в немногих словах, как очутилась в этом городе и по стечению каких обстоятельств стала здесь пленницей. Она также рассказала, зачем предприняла путешествие, как ей удалось установить невиновность их брата Джорджа Бакстона после того, как она присоединилась к экспедиции Барсака, как была схвачена с частью этой экспедиции. Она показала ему завод, блестевший за эспланадой огнями прожекторов, пояснила его значение, назвала своих товарищей, которые, кроме негра Тонгане, там укрывались. А Тонгане отправился поднимать черное население Блекланда, и зрелище, открывавшееся перед их глазами, доказывало, что ему это удалось.

Но у нее, Жанны, не хватило терпения ждать, и она убежала этим вечером, одна, в надежде спасти других осажденных. Так она появилась возле несчастного брата. Тонгане же, очевидно, дал в это время долгожданный сигнал, ему переправили оружие, и восстание развернулось. Вильям Ферней и его компаньоны, которым она внезапно преградила дорогу, очевидно, рвались в битву, которую могли наблюдать только с высокой террасы.

— А что же нам теперь делать? — спросил Льюис.

— Ждать, — ответила Жанна, — невольники нас не знают и в суматохе не различат от других. К тому же мы оказали бы им слабую помощь; ведь у нас нет оружия.

Когда Льюис справедливо заметил, что все же полезно было бы вооружиться, Жанна отправилась на поиски. Сбор был небогат. Все оружие, кроме того, которое люди носили при себе, хранилось на верхушке башни. Она нашла только ружье, два револьвера и небольшое количество патронов.

Когда Жанна вернулась с добычей, положение изменилось. Опьяненные погромом и кровью, в бешенстве, невольники нашли проход и наводнили эспланаду; их явилось туда больше трех тысяч. Они взяли приступом казармы Черной стражи, перебили людей и напали на ангары. Показались снопы пламени. Рабы мстили за свои долгие страдания, и было очевидно, что их ярость удовлетворится не прежде, чем они разрушат город и перебьют всех его обитателей.

Наблюдая это зрелище, Вильям Ферней, должно быть, бесился от бессильной ярости. Слышны были его дикий рев и проклятия. С террасы беспрерывно трещали выстрелы, и пули, попадая в плотную толпу негров, находили в ней многочисленные жертвы, но остававшиеся в живых, казалось, этого не замечали. После казарм и ангаров, пламя от которых освещало эспланаду, как гигантский факел, восставшие атаковали самый дворец, напрасно пытаясь разбить дверь тем, что попало под руку. Они были всецело поглощены этим занятием, когда со стороны Ред Ривера раздались громкие ружейные залпы. Организовав отряд, Веселые ребята перешли мост и, развертываясь на эспланаде, наудачу стреляли в толпу. Скоро трупы валялись на земле сотнями.

Невольники с яростными криками бросились на противников. Некоторое время продолжалась жестокая битва, неописуемое побоище. Не имея огнестрельного оружия, негры дрались врукопашную, сражались топорами, ножами, пиками и даже зубами. Веселые ребята отвечали ударами штыков и выстрелами в упор.

Исход битвы был ясен. Превосходство оружия восторжествовало над численностью. В поредевшей толпе негров началось колебание, они отступили и устремились на правый берег, оставляя эспланаду победителям.

А те пустились преследовать их, чтобы спасти все, что можно, то есть центр квартала Веселых ребят, еще не охваченный пожаром.

Когда они по пятам беглецов переходили мост, раздался чудовищный взрыв. С высоты дворца Жанна и Льюис видели, что он произошел на большом расстоянии, в самой отдаленной части Гражданского корпуса. При свете пожаров, пылавших повсюду, они увидели,

как часть этого квартала и некоторая часть стены обрушились.

Какова бы ни была причина этого взрыва, он открыл неграм широкий выход в поля. Побежденные негры могли теперь бежать через брешь и скрыться в кустарниках, спасаясь от врагов. Впрочем, преследование начало ослабевать. Четверть часа спустя белые оставили правый берег Ред Ривера и возвратились на эспланаду. Помимо того, что они уже не видели противников, их устрашили новые взрывы, беспрестанно следовавшие за первым.

Что было причиной этих взрывов? Никто не знал. Но было ясно, что они происходят не случайно, что их направляет чья-то воля. Первый взрыв произошел, как сказано, на окраине города, в самой удаленной от дворца части полуокружности, образуемой кварталом Гражданского корпуса.

Пять минут спустя послышались два других взрыва, справа и слева от этого пункта. Потом, после второго пятиминутного перерыва, еще два новых, слышнее, ближе. Взрывы приближались к реке по дуге Гражданского корпуса.

И вот тогда-то Веселые ребята, преследовавшие негров, стали искать убежища на эспланаде.

Начиная с этого времени необъяснимые взрывы продолжались с правильными промежутками. Через каждые полчаса слышался грохот, и новая часть Гражданского корпуса превращалась в развалины.

Еще остававшееся в живых белое население Блекланда, столпившись на эспланаде, с тупым изумлением смотрело на эти непонятные явления. Казалось, какая-то высшая и ужасная сила занялась методическим разрушением города. Бандиты, такие смелые против слабых, теперь дрожали от страха. Прижавшись к дворцу, они безуспешно пытались разбить дверь, с яростью кричали Вильяму Фернею, которого они видели на террасе, но не могли догадаться, почему тот их покинул. Ферней бесполезно пытался объясниться с ними жестами, которых они не понимали, слова же терялись в оглушительном шуме.

Так прошла ночь. Рассвет осветил ужасное зрелище. Эспланада была буквально усыпана несколькими сотнями трупов черных и белых. Едва ли осталось четыре-

ста не пострадавших людей из тех восьмисот, которые еще накануне составляли Гражданский корпус и корпус Веселых ребят. Остальные погибли или в начале восстания, при неожиданном нападении, или на эспланаде, подавляя мятеж.

Жанна и Льюис с высоты занимаемого ими пункта видели, как невольники рассеялись по окрестным полям. Некоторые из них ушли. Одни удалялись к западу, направляясь к Нигеру, от которого их отделял песчаный океан. Кому из них удастся проделать такое путешествие без воды, без провизии, без оружия? Другие, предпочитая путь более долгий, но верный, следовали по течению Ред Ривера и начали исчезать на юго-западе.

Но большинство не решалось удалиться от Блекланда. Видно было, как они бродили кучками среди полей и с растерянным видом смотрели на город, который последовательные взрывы обращали в кучу развалин, откуда подымался густой черный дым.

Взрывы происходили каждые полчаса. Когда взошло солнце, весь Гражданский корпус и половина невольничьего квартала стали грудами обломков.

В это время гулкий выстрел раздался на террасе дворца. За ним последовали другие, и последний сопровождался сильным грохотом. Льюис Бакстон в тревоге схватил руку сестры, обратив на нее вопросительный взгляд.

— Это Вильям разбивает пушечными выстрелами дверь террасы, — сказала Жанна, хорошо знавшая расположение дворца и отгадавшая причину грохота.

— Но тогда они спустятся? — и Льюис сжал револьвер. — Лучше умереть, чем снова попасть к ним в лапы!

Жанна остановила его.

— Их еще нет здесь, — спокойно сказала она. — Там пять таких дверей, и три последние расположены так, что против них нельзя поставить пушку.

Как бы оправдывая ее слова, выстрелы, в самом деле, прекратились. Донесшийся с террасы глухой рев, сопровождаемый яростными проклятиями, показал, что Вильям Ферней и его подчиненные пытались установить пушки против второй двери и что это удавалось им с большим трудом.

Вдобавок, эта работа была скоро брошена. Ее прервало новое происшествие, которое отвлекло внимание бандитов, так же как Льюиса Бакстона и Жанны. Дальние взрывы, гремевшие с правильными промежутками через полчаса, сменились в последний раз взрывом особенно сильным и гораздо более близким. Могущественный разрушитель напал на левый берег, это уже был сад завода. К небу взлетел сноп земли и камней, и, когда дым рассеялся, стало видно, что он разрушен на большом пространстве и что пострадала даже небольшая часть собственно завода.

Пыль от взрыва еще носилась в воздухе, когда Льюис и Жанна увидели толпу, стремившуюся на набережную из широко открытых дверей завода. Жанна узнала эту толпу. Там были ее товарищи по плену и рабочие Камаре, сбившиеся в плотную группу с женщинами и детьми в центре. Почему же несчастные покинули убежище и бегут на эспланаду, где столкнутся с рассвирепевшими Веселыми ребятами, которые яростно, но напрасно старались разбить дверь дворца?

Последние еще не замечали новых противников, которых скрывала стена эспланады. Но Вильям Ферней с террасы увидел их и показывал на них рукой. Его жестов не поняли. Беглецы с завода беспрепятственно достигли двери, соединявшей набережную с эспланадой, и проникли на эспланаду.

Когда Веселые ребята заметили их, они разразились бурей криков. Бросив бесполезное занятие, они схватили оружие и понеслись на новых врагов.

Но теперь пришлось иметь дело уже не с невольниками. Вооруженные чем попало: кузнечными молотами, щипцами, тяжелыми полосами железа, — рабочие сами ринулись вперед. Битва была ужасной. Оглушительные крики потрясали воздух. Потоки крови текли по эспланаде, уже наполненной жертвами ночного боя.

Закрыв глаза руками, Жанна Бакстон старалась не смотреть на страшное зрелище. Среди сражающихся у нее было столько друзей! Она дрожала за Барсака, за Амедея Флоранса, за чудесного доктора Шатоннея и особенно за Сен-Берена, которого так нежно любила.

Но свирепые крики начали умолкать. Численность и лучшее оружие торжествовали. Отряд, вышедший из за-

вода, раскололся. Часть с боем отступала к набережной, защищая каждый шаг, а другая была отброшена ко дворцу.

Этим не оставалось никакой надежды на спасение. Прижатые к стене, они видели перед собой Веселых ребят, а с высоты террасы Вильям Ферней и его компаньоны без всякого риска для себя расстреливали несчастных, которым даже некуда было бежать.

Внезапно у них вырвались крики радости. Дверь, у которой они столпились, широко открылась, и на пороге появилась Жанна Бакстон. Теснимые врагами, беглецы устремились во дворец, в то время как Жанна и Льюис выстрелами задерживали наступающих.

Изумленные этим вмешательством, в котором ничего не могли понять, Веселые ребята колебались одно мгновение. Опомнившись, они бросились на приступ, но поздно. Тяжелая дверь снова захлопнулась.

КОНЕЦ БЛЕКЛАНДА

Накрепко заперев дверь, беглецы занялись многочисленными ранеными. С помощью Барсака и Амедея Флоранса, который сам получил легкую рану, Жанна заботилась о тех, кого насмешливая судьба заставила искать спасение в жилище их неумолимого врага.

Когда перевязки были закончены, другая забота встала перед девушкой — накормить несчастных, в продолжение нескольких суток жестоко страдавших от голода. Но удастся ли это, найдется ли во дворце пищи на столько ртов? После тщательных поисков пищи во всех этажах людей кое-как накормили. Но положение все же оставалось крайне серьезным, неизбежная развязка, казалось, лишь оттянулась на несколько часов.

Было одиннадцать часов утра. Взрывы продолжались; на эспланаде слышался крик Веселых ребят, которые время от времени напрасно штурмовали дверь, а с террасы доносились проклятия Вильяма Фернея и его компаньонов. Люди привыкают ко всему; постепенно Жанна и ее товарищи свыклись и с этим шумом и грохотом. Беглецы сознавали, что их крепость почти неприступна, и все меньше думали об озлобленных наступающих врагах.

Как только нашлось время, Жанна Бакстон спросила Амедея Флоранса, почему они покинули завод и приняли бой на эспланаде в таких неравных условиях. Репортер рассказал, что случилось после ее ухода. Он рассказал, как Тонгане, наконец, подал долгожданный сигнал и как Марсель Камаре переправил в центральный квартал несколько пачек динамита и большое количество холодного оружия, без ведома белых обитателей Блекланда. Закончив эту первую операцию около одиннадцати часов вечера, осажденные собрались около двери, готовые вмешаться в битву, как только она начнется. Тогда-то они и заметили отсутствие Жанны Бакстон.

Амедей Флоранс описал девушке отчаяние Сен-Берена, которого, конечно, и теперь еще мучит жестокое беспокойство, если он пережил последнюю битву.

Полчаса спустя после отправки оружия раздался взрыв. Это Тонгане разрушил одну из дверей черного квартала. Хижины запылали, а рабы рассыпались по Гражданскому корпусу, убивая всех встречных, судя по крикам, которые оттуда доносились.

Остальное Жанна знала. Она знала, что негры были так быстро отброшены с эспланады, что им не успели прийти на помощь. Рабочие, правда, вышли с завода, но им пришлось быстро отступить, так как большинство невольников уже бежало с эспланады.

Вынужденные снова укрыться на заводе, осажденные провели томительную ночь. Неудача восстания не позволяла им надеяться, что они сумеют покончить с Гарри Киллером. И им пришлось быть свидетелями тех беспрестанных взрывов, причины которых Жанна не могла понять.

Амедей Флоранс объяснил ей, что они были делом Марселя Камаре, который окончательно сошел с ума.

Камаре, гениальный изобретатель, всегда был на грани сумасшествия, как показывали многочисленные его странности, несовместимые со здравым, уравновешенным умом. Происшествия последнего месяца привели его к полному безумию.

Разоблачения, сделанные бежавшими с завода пленниками Гарри Киллера, нанесли первый удар. Вторым, еще более жестоким ударом были признания Даниэля Франа, советника, раненного при взрыве планера. Узнав

всю истину, Камаре день ото дня приближался к потере рассудка. Жанна Бакстон припомнила, как часто он запирался в своем жилище, с каким печальным и сумрачным видом проходил по мастерским, когда ему приходилось там показываться.

Посылка оружия Тонгане была его последним сознательным действием. Когда раздался взрыв и пламя осветило невольничий квартал и Гражданский корпус, те, кто был около инженера, видели, как он внезапно побледнел и поднес руку к горлу, словно задыхался. В то же время он быстро бормотал бессвязные слова. Можно было только понять: «Гибель моего дела! Гибель моего дела!» — без конца повторяемые тихим голосом.

Долгое время, может быть, целую четверть часа, Марсель Камаре произносил эти слова, беспрестанно качая головой, потом вдруг выпрямился и, ударив себя в грудь, закричал: «Бог проклял Блекланд!..»

В его сознании богом, очевидно, был он сам, судя по жестам, которыми сопровождались проклятия.

Его не успели остановить, и он убежал, громко повторяя неузнаваемым голосом: «Бог проклял Блекланд!.. Бог проклял Блекланд!..»

Он укрылся в башне, поднявшись на самый верх и закрыв за собой все двери. Защитная система башни была такой же, как во дворце, и добраться до него было так же невозможно, как Гарри Киллеру невозможно спуститься с террасы, где его заперла Жанна. Пока Камаре поднимался на башню, слышался его голос, повторявший с возрастающей силой: «Бог проклял Блекланд!.. Бог проклял Блекланд!..»

И почти сейчас же раздался первый взрыв.

Под предводительством Риго, удрученного таким состоянием обожаемого им гения, несколько рабочих, несмотря на свою слабость, бросились на завод и попытались изолировать башню, выключив ток. Но у Камаре имелся запас энергии и даже динамо, работавшие на жидком воздухе, и этого ему было достаточно на несколько дней. Взрывы не прекращались. Зато «осы» прекратили защитный хоровод и попадали в ров. Тогда снова дали ток в башню, и Камаре, несмотря на свое безумие, тотчас привел «ос» в действие.

Так прошла ночь в постоянном нервном напряжении.

На рассвете Марсель Камаре показался на площадке башни. С этого возвышенного пункта он произнес длинную речь, но уловить из нее можно было только отрывочные слова: «божий гнев», «небесный огонь», «всеобщее разрушение». Стало ясно, что его безумие ничуть не уменьшилось. Камаре закончил речь криком, слышным во всех концах завода: «Бегите!.. Бегите все!..» — и снова скрылся в башне.

И тогда прогремел первый взрыв уже на левом берегу. Этот взрыв на самом заводе испугал его обитателей. Они решили испытать судьбу, так как выбирать приходилось только между двумя видами гибели.

К несчастью, на эспланаде они столкнулись с Веселыми ребятами, от которых их до того отделяла стена. Потеряв в битве многих товарищей и разбившись на две части, одни искали убежища во дворце самого Гарри Киллера, а другие принуждены были отступить на набережную, закрыв за собой дверь, соединявшую ее с эспланадой.

Эту группу рабочих видно было из дворца. Не осмеливаясь на новое выступление, бесполезность которого стала очевидной, и не решаясь вернуться на завод, где они снова очутились бы во власти сумасшедшего, умирающие с голоду, бессильные, они лежали на земле, подвергаясь атакам неприятеля, который без риска для себя мог расстреливать их с правого берега реки или с возвышенной террасы дворца и, наконец, мог атаковать с тыла, пройдя по караульной дороге.

Жанна Бакстон узнала среди них Сен-Берена и доктора Шатоннея. Никто из ее друзей, и особенно тот, кто был ей всего дороже, не погиб.

Едва лишь Жанна несколько утешилась, как в верхних этажах дворца послышались глухие удары. Эти удары доносились с террасы, пленники которой пытались поднять ее каменные плиты. Но постройка была крепка и сопротивлялась всем усилиям. Без сомнения, если бы Вильям Ферней и его компаньоны не ослабели от голода, они скорее преуспели бы в своих намерениях. И все же около шести часов вечера пол террасы был пробит, и они спустились в четвертый этаж.

Осажденные укрылись в третьем этаже, тщательно закрыв за собой блиндированные двери, и стали ждать.

Жанна Бакстон воспользовалась моментом, чтобы рассказать Барсаку и Амедею Флорансу свои приключения после того, как покинула завод. Она объяснила им состав своей семьи. Призывая в свидетели брата Льюиса, о смелом похищении и долгом мученичестве которого рассказала, Жанна призналась, какое жестокое открытие она сделала, узнав в Гарри Киллере давно исчезнувшего брата Вильяма Фернея. Если судьба позволит Жанне вернуться в Англию, Амедей Флоранс и Барсак будут защитниками Джорджа и Льюиса Бакстонов, обвиненных в преступлениях, которых они не совершали.

Около семи часов вечера потолок третьего этажа начал дрожать от гулких ударов. Вильям Ферней и его шайка, отдохнув, принялись за работу. Пришлось опять спускаться.

Пробить следующий потолок было так же трудно, как и первый. До двух часов утра непрестанные удары разносились по дворцу. Потом последовало двухчасовое молчание. Гарри Киллер спустился из четвертого этажа в третий, и утомленные бандиты отдыхали.

Удары в потолок второго этажа начались в четыре часа утра. Не ожидая, пока он будет пробит, все укрылись в первом этаже. Блиндированные двери снова тщательно заперли, хотя их никто не старался разрушить.

Это было последнее убежище осажденных. Когда Вильям Ферней пробьет два потолка, которые их еще разделяли, и когда ружейные стволы покажутся у них над головами, им либо придется спускаться в подземное убежище, либо отступать до тех пор, пока за их спиной не окажется наружная стена дворца. И тогда останется только смерть.

Пока Вильям Ферней силился разбить препятствия, преграждавшие ему путь, солнце взошло на ясном небе. И теперь стали отчетливо видны размеры катастрофы. Отныне блекландский деспот будет царствовать над развалинами. Город был совершенно разрушен. Только два дома оставались еще в квартале Веселых ребят, как раз напротив дворца. Но через несколько минут после восхода солнца взлетели и они, довершив полное разрушение правого берега.

Но взрывы не кончились, напротив, они стали еще чаще и ближе. Разрушив правый берег, Марсель Камаре напал на левый, и теперь пришла очередь завода. Но Камаре управлял делом уничтожения осторожно и ловко. Он взрывал дома рабочих, мастерские, склады понемногу, как бы для того, чтобы продлить удовольствие, но не трогал важных частей завода, например машин, дававших энергию для его ужасного дела.

При первом же взрыве на левом берегу Веселые ребята с эспланады, проводившие последние часы ночи в относительном спокойствии и как будто оставившие бесполезные нападения на дверь, снова с криками стали ее штурмовать.

Их ожесточение удивило осажденных. Почему они упорствуют? Ведь Блекланд уже не существует, на что же они могут надеяться? Не лучше ли им покинуть этот мертвый город и пуститься к Нигеру?

Обрывки громких разговоров, долетевшие с эспланады и услышанные через дверь, объяснили поведение Веселых ребят. Они и не думали освобождать своего начальника, которого обвиняли в измене. Бандиты стремились лишь к тому, чтобы оставить разрушенный город, но прежде хотели овладеть сокровищами, которыми, по их мнению, Гарри Киллер наполнил дворец. Разделив их, они сбегут и будут искать счастья под другими небесами.

Осажденные охотно доставили бы им это удовольствие. К несчастью, они сами не знали, где эти сокровища, если только их имел бывший деспот Блекланда, и потому не могли отделаться таким способом от врагов.

К девяти часам утра положение не изменилось, если не считать все более и более частых взрывов со стороны завода. Вильям Ферней пробивал потолок второго этажа, а Веселые ребята продолжали атаки на дверь, которая, однако, продолжала держаться крепко. Но вдруг последние изменили тактику. Устав напрасно ломиться в дверь, они обратили внимание на окружавшую ее каменную кладку. В продолжение часа слышен был шум орудий, долбивших камень, потом сильный взрыв заставил разлететься в куски нижнюю часть правого косяка. Дверь еще держалась, но следующий заряд

динамита должен был неминуемо ее разрушить. Через дыру уже показались угрожающие дула ружей.

Осажденным пришлось укрыться в одной из самых отдаленных комнат первого этажа, а Веселые ребята начали долбить дыру для второй мины.

Почти в то же время шум обвала показал, что потолок второго этажа пробит. Несколько минут спустя осажденные услышали шаги во втором этаже, и удары загремели прямо над их головами.

Положение начинало становиться отчаянным. Снаружи три или четыре сотни Веселых ребят, которые ворвутся через полчаса. Наверху два десятка свирепых бандитов, которые уже теперь могут стрелять в первый этаж через потолок. Несчастные не могли больше бороться с судьбой. Жанна и Льюис Бакстон, Амедей Флоранс и Барсак напрасно пытались их утешить. Растянувшись на полу, они обреченно ждали последнего удара.

Но вдруг все переменилось. И Веселые ребята и Вильям Ферней одновременно прервали свою работу. Раздался гулкий звук, который нельзя было смешать со взрывами, происходящими по соседству. За выстрелом, по-видимому, произведенным из пушки, последовали другие, и не прошло пяти минут, как в стене, отделявшей юго-восточную часть эспланады от полей, открылась обширная брешь.

С ужасными проклятиями некоторые из Веселых ребят бросились к бреши. Очевидно, то, что они увидели за ней, не пришлось им по вкусу, потому что они отбежали обратно и стали совещаться, отчаянно жестикулируя. Затем все они в беспорядке поспешили на правый берег, а Вильям Ферней, отказавшись от мысли проникнуть в первый этаж, быстро поднялся на башню.

Веселые ребята, в необъяснимой панике торопившиеся на правый берег, еще не достигли его, как взрывы, стоившие жизни полусотне людей, сразу разрушили Дворцовый и Садовый мосты. Сообщение с правым берегом было прервано, и те из Веселых ребят, которые еще не достигли моста в момент взрыва, бросились вплавь.

В одно мгновение эспланада опустела, и, если не считать взрывов, гремевших через правильные промежут-

ки времени, глубокая тишина внезапно сменила смятение и шум.

Осажденные в удивлении не знали, что им делать, как вдруг обрушился угол дворца. Марсель Камаре доканчивал свою разрушительную работу. Надо было спасаться.

Они выбежали на эспланаду и, желая узнать причину паники, охватившей Веселых ребят, бросились, в свою очередь, к бреши. Они ее еще не достигли, как ясный звук трубы раздался снаружи, из-за части стены, которая не была разрушена.

Не веря в освобождение, которое им несла эта труба, они остановились в нерешительности, как и их товарищи, укрывшиеся на набережной и спешившие сюда же.

И вот капитан Марсеней — это был он, как, безусловно, отгадал читатель, а пушечные выстрелы и звуки трубы возвещали его прибытие, — увидел несчастных, собравшихся на эспланаде, бледных, истощенных, бессильных, дрожащих от голода и слабости.

Они же, увидев стрелков, показавшихся в бреши, хотели побежать навстречу, но так велики были слабость и волнение этих бедных людей, что они могли только протягивать руки к своим спасителям, а некоторые без чувств свалились на землю.

Плачевное зрелище представилось капитану Марсенею, когда он во главе своих людей вступил на эспланаду. За рекой огромное пространство в развалинах, откуда вырывались клубы дыма; справа и слева эспланады два величествен-

ных сооружения, частью разрушенных, но увенчанных еще нетронутыми высокими башнями. Перед ним обширная площадь, усыпанная сотнями тел. Среди площади небольшая группа живых, откуда раздавались жалобы и стоны. К ним и направился капитан Марсеней. Выпадет ли ему счастье найти ту, кого он искал, кого хотел спасти прежде всех?

Скоро он испытал радость, не имевшую границ. Заметив капитана Марсенея, Жанна Бакстон поднялась и подбежала к нему. В этом несчастном создании, с мертвенно бледным лицом, с ввалившимися щеками, с лихорадочно блестевшими глазами, капитан едва узнал ту, которую оставил меньше трех месяцев назад в расцвете сил и здоровья. Он бросился к ней как раз вовремя, чтобы подхватить ее, лишившуюся чувств, в свои объятия.

Пока он старался ей помочь, раздались два ужасающих взрыва, потрясшие почву эспланады. Завод и дворец резрушились одновременно. Среди развалин одиноко стояли две башни — высокие, крепкие, нетронутые. На вершине дворцовой башни видны были Вильям Ферней, его восемь советников, девять слуг и пять человек из Черной стражи, всего двадцать три человека; наклонившись над парапетом, они звали на помощь.

На вершине другой был только один человек. Три раза подряд он обежал вокруг платформы, выкрикивая в пространство непонятные слова и широко размахивая руками. Этот человек кричал во весь голос; несмотря на расстояние, ясно послышалось два раза подряд:

— Горе!.. Горе Блекланду!..

Эти слова услышал и Вильям Ферней; он яростно схватил ружье и, не целясь, послал пулю на башню завода, от которой его отделяло четыреста метров. Пущенная наугад пуля нашла свою жертву: Марсель Камаре поднес руки к груди и, шатаясь, исчез в башне.

И почти тотчас же раздался двойной взрыв, более сильный, чем все предшествующие, и обе башни рассыпались одновременно с чудовищным грохотом, погребая под обломками одна — Вильяма Фернея и его сообщников, другая — самого Марселя Камаре.

После оглушительного грохота наступила глубокая тишина. Пораженные зрители долго смотрели, когда

уже не на что было смотреть, долго слушали, когда нечего было слушать.

Все было кончено. Блекланд, разрушенный до основания тем, кто его создал, стал только грудой камня. Чудесное, но несчастное творение Марселя Камаре более не существовало.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так погибли Марсель Камаре и Вильям Ферней, он же Гарри Киллер. Так погиб удивительный город Блекланд, созданный втайне от мира, и с ним все чудесные изобретения Камаре.

От города осталась куча развалин, которые скоро исчезнут под песчаным покровом. Тучи перестанут посылать живительный дождь, Ред Ривер иссякнет, поля пересохнут, и пустыня, восстановив свою власть, скоро изгладит малейшие следы человека.

Дело Камаре по воле его создателя погибло целиком, и ничто не передаст грядущим векам имени гениального и безумного изобретателя.

Капитан Марсеней сделал все возможное, чтобы сократить пребывание в этих опустевших местах. Но прошел месяц, прежде чем он мог пуститься в обратный путь. Нужно было похоронить сотни трупов, дождаться, пока раненые смогут вынести путешествие и пока вернутся силы к тем, кого он спас в самую последнюю минуту от гибели.

Многие из рабочих не увидят больше родины. Погибло около двадцати мужчин, три женщины и двое детей. Но судьба благоприятствовала членам экспедиции Барсака. За исключением легко раненного Амедея Флоранса, все они остались невредимы вплоть до Тонгане и Малик, идиллия которых возобновилась: они давали друг другу тумаки и весело скалили зубы.

Пока спасенные отдыхали от испытанных потрясений, а раненые выздоравливали, капитан Марсеней собирал разбежавшееся население Блекланда. Часть бандитов, уцелевших от пуль, вняла голосу рассудка и сдалась; других задержали, и судьба их решится потом. Негров собрали и успокоили. Потом их отведут к Нигеру, и каждый из них вернется к домашнему очагу.

Только 10 июня могла двинуться колонна, предварительно запасшись провизией, в изобилии найденной в городских развалинах и окрестных полях. Несколько человек, тяжело раненных, не могли идти, и пришлось нести их на носилках. Но было время пускаться в путь. Приближался дождливый сезон, который в Судане называют зимой, хотя он совпадает с астрономическим летом. По этим причинам переход совершался медленно.

Мы не будем следить за обратным путешествием на всех его этапах. Оно было трудным, но не сопровождалось ни важными происшествиями, ни серьезными опасностями.

Шесть недель спустя по выступлении из Блекланда отряд капитана Марсенея прибыл в Тимбукту, а еще через два месяца герои этих драматических приключений высадились в Европе, одни — в Англии, другие — во Франции.

Потребуется не много слов, чтобы рассказать читателю об их дальнейшей судьбе.

Каждому своя честь. Понсен возвратился в свое министерство и предался, как прежде, наслаждениям статистикой. Он продолжает время от времени открывать «поразительные» вещи. Его последние труды: среднее число волос у различных человеческих рас и средний рост ногтей в год, в месяц, в час и в секунду по различным временам года.

Понсен счастлив, и всегда останется таким, пока на земном шаре будет что считать. Однако в его жизни есть темное пятно: он до сих пор не решил задачу, предложенную ему Амедеем Флорансом. Но нет ничего совершенного в здешнем мире!

Доктор Шатонней вернулся к своей профессии и пациентам, здоровье которых очень пострадало. С тех пор как они получили своего терапевта, все пришло в порядок. Они могли оплачивать роскошь болеть по своему капризу, но всегда с выгодой, так как медик должен был решать за них: ходить им или оставаться либо в постели, либо в комнате.

Депутат Барсак по-прежнему пребывает в парламенте. Хотя вопрос с избирательным правом негров погребен надолго, провал принципа, поддерживаемого депутатом Юга, ничуть не повредил его автору. Наоборот, перене-

сенные испытания и опасности, кажется, дают ему право на вознаграждение. Его положение прочнее, чем когда-либо, и о нем начинают поговаривать, как о министре колоний в ближайшем будущем.

Малик и Тонгане покинули Африку. Они последовали за своей госпожой в Англию и здесь поженились. На британской почве сейчас процветает достаточно многочисленное их семейство; старшие дети уже большие.

Сен-Берен... Но Сен-Берен не имеет истории. Он ловит рыбу, охотится, он называет «мадам» своих усатых собеседников и «сударь» лиц женского пола. Таковы его главные занятия. Но, помимо всего, история Сен-Берена — это история Жанны Бакстон, а так как история Жанны Бакстон тесно соединена с историей ее брата Льюиса и капитана Марсенея, мы одновременно расскажем о судьбе всех четверых.

Понятно, что капитан Марсеней, вернувшись в Тимбукту, снова просил отпуск у полковника Аллегра и, получив его на этот раз без всяких затруднений, сопровождал Жанну Бакстон, Льюиса и Сен-Берена в Англию.

В продолжение месяца, проведенного на развалинах Блекланда, он рассказал невесте, каким сверхъестественным случаем телеграмма Марселя Камаре прибыла по адресу через эфир, как он обращался к полковнику Аллегру и как тосковал, получив категорический отказ. К счастью, на другой же день пришел ответ от полковника Сент-Обана. Полковник объявил приказ, врученный мнимым лейтенантом Лакуром, фальшивым и предписывал срочно идти на помощь депутату Барсаку, судьба которого внушала серьезное беспокойство. Немедленно была организована экспедиция. Спустившись вниз по Нигеру до Гао, капитан Марсеней пересек пустыню и, несмотря на огромные трудности, вовремя достиг Блекланда форсированным маршем.

Едва высадившись в Англии, Жанна и Льюис Бакстон, капитан Марсеней и Сен-Берен поспешили в замок Гленор, куда была послана телеграмма.

Прошел почти год, как Жанна покинула замок. Она возвращалась с успехом, восстановив честь семьи. В каком состоянии ее отец? Нашел ли в себе силы восьмидесятичетырехлетний старец выдержать отсутствие дочери, вынести новый стыд при известии о грабеже в агент-

стве Центрального банка и исчезновении второго сына? Впрочем, газеты, раньше наделавшие столько зла, теперь всячески старались его исправить. Благодаря стараниям Амедея Флоранса всему миру стала известна невиновность Джорджа и Льюиса Бакстон.

Но читал ли газеты лорд Гленор, и не придет ли к нему счастье слишком поздно? Жанна Бакстон уже знала, в каком состоянии оказался ее отец. Но, как ни была велика ее печаль, желание свидеться было еще больше.

Жанна прибыла, наконец, и склонилась у постели старика, приговоренного к вечной неподвижности. Но осмысленный взгляд Гленора доказывал, что его умственные способности были в полной силе.

Жанна Бакстон, в обществе Льюиса, Сен-Берена и капитана Марсенея, своего жениха, рассказала отцу о путешествии. Она назвала свидетелей, показала протокол, написанный у могилы в Кубо, она открыла то, о чем газеты еще молчали, — страшную ненависть презренного Вильяма Фернея к семейству Бакстон.

Все было ясно. Лорд Гленор не мог больше сомневаться. Если один из его сыновей погиб, то честь обоих спасена.

Старик, устремив глаза на дочь, внимательно слушал. Когда она кончила, кровь прилила к его лицу, губы задрожали, легкая дрожь потрясла Гленора с головы до ног. Его воля боролась с тяжестью оков, связавших истощенное тело.

Те, кто присутствовал при этой трагической борьбе, следили за ней с невыразимым волнением. И воля, более сильная, восторжествовала! В первый раз после стольких месяцев лорд Гленор сделал движение. Он заговорил!

Его лицо повернулось к Жанне, и пока дрожащая рука искала руку преданной, неустрашимой девушки, его губы пробормотали: «Спасибо!»

Потом, как будто утратив с этого мгновения всякую волю к жизни, он испустил глубокий вздох, закрыл глаза и перестал дышать. Напрасно бросились к нему на помощь. Лорд Бакстон Гленор отошел в вечный покой, как вечером отходят ко сну. Он умер незаметно, точно уснул.

Здесь кончается эта история.

Теперь известна судьба всех героев: Барсака, будущего министра; Понсена, опьяненного статистикой; док-

тора Шатоннея, возвратившегося к больным; Сен-Берена, счастливого возле своей тетки-племянницы, и Жанны, счастливой жены капитана Марсенея; Льюиса Бакстона, главы Центрального банка; и, наконец, Малик и Тонгане, матери и отца процветающего потомства.

Что же касается меня...

Ну! Я раньше времени раскрываю секрет! Скажем так: что касается Амедея Флоранса, он снова начал работать в «Экспансьон Франсез», опубликовал рассказ о своих приключениях, оцененный редактором по тридцать сантимов за строчку. Чтобы побольше заработать, небогатый репортер решил убить одним ударом двух зайцев и сделал из этих приключений роман.

Роман, скажете вы? Какой роман? Тот самый, который вы, друзья-читатели, только что кончили читать.

Как глубокий психолог, Амедей Флоранс справедливо рассудил, что если он просто расскажет факты, читатель будет зевать, тогда как изложенные в форме романа они займут его внимание. Так уж устроен свет. История с большой буквы нас усыпляет. Нас занимают только истории... иногда. Что вы хотите, мы во Франции несерьезны.

Так как эти приключения были подлинными, Амедей Флоранс, скрыв свою личность с ловкостью, которая впервые принесла ему публичную похвалу, «закамуфлировал» их под роман и надеется на переиздания. Эта манера переходить от газетной статьи к запискам, которые ведутся изо дня в день, затем к рассказу от третьего лица; манера делать свой стиль немного вольным и дойти до того, чтобы объявить себя смелым и умным парнем; едкая критика, преувеличенная лесть — все это трюки, чтобы лучше скрыть подлинного автора.

Но вот он выполнил задачу. Плохая или хорошая, занимательная или скучная, книга перед вами. Теперь можно раскрыть инкогнито без всякого неудобства и заявить о правдивости этого рассказа. И тот, кто его составил, ваш покорный слуга, может подписать свое имя: Амедей Флоранс, репортер «Экспансьон Франсез», прежде чем написать большое, высокое, царственное слово

Конец.

ПОЗДНИЕ РОМАНЫ Ж. ВЕРНА

Произведения Жюля Верна пользуются большим успехом во всех странах. Ими зачитываются и дети, и взрослые, и старики. Романами прославленного писателя увлекался на склоне лет Л. Н. Толстой, их любил И. С. Тургенев.

Ж. Верн был неутомимым тружеником, для которого литературная работа была единственной целью жизни. Он радовался и страдал с героями своих книг. Даже в последние годы, почти лишенный зрения, с утра до вечера писатель занимался любимым делом.

Жюль Верн умер в 1905 году, но еще шесть лет после его смерти ежегодно выходили два тома «Необыкновенных путешествий». Девять романов в тринадцати книгах — наследство Жюля Верна признательным читателям...

Сто томов произведений Жюля Верна—колоссальный памятник материальной и духовной культуры XIX века. Трудно назвать такую отрасль науки или техники, проблемы которой не были бы затронуты в романах непревзойденного фантаста. Физика, химия, баллистика, астрономия, геодезия, биология, электротехника и радиотехника, навигация на море и в воздухе... Перечень можно было бы продолжить.

Регулярно выходившие научно-фантастические романы показывали такую эрудицию, такое глубокое знакомство со всевозможными проблемами науки и техники, что читающая публика приходила в недоумение. Казалось немыслимым, чтобы эту грандиозную работу совершил один человек. Создавалась легенда, что под псевдонимом Жюля Верна работает целый коллектив авторов. Но легенда рассеялась, и остался величавый образ неутомимого труженика пера, страстного энтузиаста своего дела и, безусловно, человека выдающихся способностей и огромной воли.

Большая часть романов Жюля Верна посвящена географии и путешествиям. Ведь недаром задуманному еще в молодости гигантскому труду писатель дал название «Необыкновенные путешествия».

И где только не странствовали энергичные, смелые, находчивые герои Жюля Верна! Попадали ли они в неведомые воды под-

земного моря, летели ли на шаре необычайной конструкции, боролись ли с полярными льдами, носились ли по мировому пространству в ядре или на комете — никогда они не теряли присутствия духа, всегда оставались смелыми и бодрыми.

Нет ни одного материка или крупного острова, ни одной сколько-нибудь значительной страны, где не побывали бы персонажи «Необыкновенных путешествий». И как эти персонажи разнообразны по своему общественному положению и расовой принадлежности! Есть среди них представители высшей аристократии: индийский принц Даккар — знаменитый капитан Немо — и Кау-Джер (из «Потерпевших крушение на «Джонатане»»), для которого Ж. Верну, по-видимому, послужил прототипом русский анархист князь Кропоткин. Целый корабль можно укомплектовать капитанами дальнего плавания: капитан Гаттерас, капитан Грант, капитан Антифер, пятнадцатилетний капитан Дик Занд и целая плеяда других... А сколько изображено Ж. Верном инженеров, изобретателей, журналистов, учителей, музыкантов, врачей, цирковых артистов... Для него каждая профессия облагораживает человека.

Гуманно относился Жюль Верн к представителям различных национальностей и рас, придавая своим героям положительные или отрицательные черты вне зависимости от того, к какому племени они принадлежат — французы, англичане, русские, немцы, американцы, негры, индейцы, эскимосы...

«Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний!..», — выражаясь словами Пушкина, можно сказать об огромной интернациональной толпе, населяющей страницы произведений Жюля Верна. В маленькой общине тружеников «Таинственного острова» скромный негр Наб такой же равноправный член, как высокообразованный инженер Сайрес Смит или блестящий журналист Спилетт. Остров Линкольн — гуманистический прообраз будущей Америки, где исчезнет расовая дискриминация, где белые и негры будут трудиться рука об руку, как братья. Индейцы Карроли и Хальг — верные друзья и спутники Кау-Джера, потомка знатного княжеского рода и главы государства Остия. Эскимоска Калюмах наравне с белыми, уносимыми в океан на дрейфующей льдине («В стране мехов»), разделяет общие труды и опасности и пользуется всеобщей любовью и уважением...

О Жюле Верне с полным правом можно сказать, что он был великим демократом и уважал в людях не знатность и богатство (кстати, богачи редко бывают симпатичны в его произведениях), а нравственные качества, любовь к труду, знания...

* * *

Романы «Дунайский лоцман» и «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» написаны Ж. Верном в последние годы жизни. Произведения этого периода отличаются большой глубиной. В них наиболее полно выражено мировоззрение писателя.

Советские литературоведы (К. Андреев, Е. Брандис) показали, что Жюль Верн был сторонником утопического социализма. Они вывели это из анализа таких произведений, как «Таинственный остров», «500 миллионов бегумы», и др. Необходимо сказать, что

роман «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» — тоже социальная утопия, в нем писатель нарисовал одно из государств такого типа, какие мыслились ему в будущем.

Политическое предвидение Жюля Верна оказалось поразительным: изображенное им государство Блекланд, хотя и миниатюрное по размерам, во многом походило на будущую фашистскую империю Гитлера.

Английский авантюрист Вильям Ферней, укрывшийся под маской Гарри Киллера, как позднее австрийский авантюрист Шикльгрубер присвоил себе псевдоним Гитлера, такой же фюрер в своем маленьком государстве, каким был Гитлер в созданной им недолговечной империи. Киллера все обязаны называть Господином или Владыкой, он дает волю разнузданным страстям своих сообщников, его власть держится на страхе, который он внушает подданным; его гвардия — Веселые ребята — те же эсэсовцы... Все это — черты фашизма.

Фашизм и агрессия неотделимы, и Блекланд живет плодами беспрестанной агрессии.

«...Над сухими равнинами проносились огромные черные птицы с огненными глазами... Из таинственной страны являлась орда больших рыжих чертей на горячих лошадях. Фантастические всадники галопом проносились по деревушкам, убивая, разрушая все на своем пути, и снова исчезали в пустыне, увозя на седлах мужчин, женщин, детей, которые никогда больше не возвращались».

Захваченные обращались в рабство. Это выразительно, с огромным сочувствием к угнетаемым описано на страницах романа. Белые в Блекланде (если не считать рабочих на заводе) вели паразитический образ жизни, и самый большой труд, который они на себя брали, это поездки в Европу с целью грабежа.

Жертвой такого грабежа стало Агентство ДК Центрального банка в Лондоне и его директор Льюис Бакстон. Мастерски изображенная сцена грабежа составляет завязку романа, но истинная сущность этого события и причины исчезновения Льюиса Бакстона искусно скрываются от читателя. Только в самом конце романа, в его последних главах связываются воедино все нити интриги, ведущие к одному и тому же лицу, к авантюристу и бандиту — зловещему фюреру Блекланда.

Киллер обрисован очень выразительно. Любопытно отметить, что он такой же истерик, каким был и Гитлер. Власть вскружила Киллеру голову, он считает себя крупным властелином в той неисследованной части Африки, где он основал Блекланд. Он понимает, что рано или поздно ему придется столкнуться с французскими завоевателями, упорно пробивавшимися в глубь Африки. Но Киллер не очень боится этого: у него мощные средства защиты и нападения, и он считает, что Франции нет смысла затевать с ним ссору.

«Какой интерес Франции, — говорит он, — рисковать поражением, двигаясь против моей воли на восток через песчаный океан, который только я могу превратить в плодородные равнины? Выгодная торговля может повести к союзу...»

И надо признать, что он был прав. Напрасно Амедей Флоранс иронически восклицал: «Он насквозь пропитан тщеславием,

этот странный человек! И он не сомневается, что Французская республика войдет в союз с ним, с этим прыщеватым тираном!»

Никогда еще в истории дипломатии красота или безобразие черт лица того или иного политического деятеля или его нравственные качества не влияли на заключение политических союзов или коалиций. И Гарри Киллер не без веских оснований рассуждает о возможности союза с Францией. Больше того, стоило ему отдаться под покровительство Англии, и его карликовое государство стало бы непреодолимой преградой на пути французской экспансии. Такая точка опоры, как Блекланд, была бы для Англии неоценима. Это подтверждают исторические факты — захват англичанами Гибралтара, Мальты, Сингапура, Гонконга.

Не внешние причины повлекли гибель Блекланда, не действия великих держав, в политической игре которых он явился бы важным козырем, — нет, к этому повела роковая ссора Гарри Киллера с Марселем Камаре.

Киллер, по свидетельству автора, был человек большого ума, но главной причиной его «успехов» на преступном пути явилось сотрудничество с Марселем Камаре. В сущности, создателем Блекланда был не Киллер, а Камаре, изобретатель с необычайными способностями, «мыслительная машина удивительная, беззащитная и ужасная».

«Экспедиция Барсака» — последний из посмертно опубликованных романов Жюля Верна: во Франции он появился в газете «Матен» в 1914 году. Первая мировая война задержала выход отдельного издания, и оно было выпущено после ее окончания, в 1919 году. Широкому советскому читателю роман стал известен только в 1939 году, когда был впервые переведен (в значительном сокращении) на русский язык и напечатан в журнале «Пионер». В ту пору среди московских писателей ходили слухи, что якобы этот роман — подделка, что он не принадлежит перу Жюля Верна.

С опубликованием более подробных биографических сведений о Ж. Верне эти разговоры, естественно, прекратились. Но и без того, анализируя роман (в настоящем издании дается его полный текст, без каких-либо сокращений), можно с полной уверенностью утверждать, что «Экспедиция Барсака» — бесспорно создание великого фантаста. Вся манера, в которой написан роман, образы ловкого репортера Флоранса, депутата Барсака и его политического противника Бодрьера, фигуры рассеянного рыболова Сен-Берена и статистика Понсена, диалоги и географические описания — все это типично жюльверновское.

Но особенно типичен для Ж. Верна характерный образ сумасшедшего изобретателя Марселя Камаре, стоящий в одном ряду с образом другого сумасшедшего изобретателя — Томаса Роша из более раннего романа «Равнение на знамя». Оба они — французы, наделенные безграничным честолюбием, и из-за этого их изобретения попадают в преступные руки. И, наконец, пюняв в момент развязки, каким зловещим целям послужили их работы, они уничтожают их и самих себя...

Что изобрел Марсель Камаре? Прежде всего, надо сказать о практическом применении радиотехники, которая в годы написа-

ния романа находилась в зачаточном состоянии. До появления в печати «Экспедиции Барсака» считалось, что Ж. Верн совсем не знал о радио или, по крайней мере, не писал о нем. Знакомство с романом опровергает такое мнение и еще раз подтверждает удивительную способность писателя по незначительному ростку определять, какое могучее дерево из него вырастет. Еще когда радио ограничивалось передачей телеграмм без проводов, Жюль Верн развертывает широкую картину использования телеуправляемых аппаратов — боевых «ос» и сельскохозяйственных машин. Мотор каждой машины настроен на определенную волну и получает энергию по эфиру. Мины, заложенные под зданиями Блекланда, снабжены взрывателями, настроенными на определенные частоты. Читая роман, можно лишь еще и еще раз удивляться предвидениям Жюля Верна в области радиотехники.

Можно задать такой вопрос: почему писатель приписывает изобретение радио Маркони, а не Попову? На такой вопрос ответить просто. Русское правительство не защитило приоритета Попова, и Маркони, мягко выражаясь, «позаимствовал» чужое изобретение. А. С. Попов сделал первый публичный доклад и продемонстрировал первый радиоприемник в 1895 году. А в 1897 году Маркони запатентовал в Англии «свое» изобретение, где схема приемника полностью повторила схему Попова, опубликованную им в 1896 году.

Передо мной номер журнала «Нива» от 28 июня 1897 года, и в нем статья «Телеграф без проволоки». Читаю в ней:

«...Маркони несколько месяцев работал в специальной лаборатории, предоставленной ему лондонским телеграфным ведомством, и с помощью имевшихся там у него под руками аппаратов ему удалось довести дальность передачи телеграфных сообщений без проволоки на расстояние девяти английских миль...» И далее идет описание аппарата. Во всей статье ни слова о Попове, хотя только за год до того Попов писал о своем изобретении в русском научном журнале.

Чего же требовать от Ж. Верна, если даже русская печать в самые первые годы после появления радио приписывала всю заслугу ловкому «комбинатору» Маркони? Просто писатель не был достаточно осведомлен.

Вторым выдающимся изобретением Камаре были планеры, как Жюль Верн назвал аэропланы. С большим пониманием дела романист рассказывает об автоматическом равновесии летательного аппарата. Правда, двигатель, работающий на жидком воздухе, не мог быть очень мощным, но важно то, что он работал по реактивному принципу. Существенно и то, что планеры были ближе к вертолетам, чем к самолетам, и могли совершать посадку на ограниченной площадке.

Жюль Верн много занимался вопросами воздушных сообщений. Первый роман, принесший ему славу и определивший его писательский путь, — «Пять недель на воздушном шаре». Развитию авиации посвящены романы «Робур победитель» и «Властелин мира». Но в «Экспедиции Барсака» изображена наиболее совершенная летательная машина, какую когда-либо представлял себе писатель. Это создание его фантазии на десятки лет опередило действительное развитие авиации.

Автор уделил много внимания психологии Камаре. Он ясно показывает, куда заводит Марселя Камаре его необузданное честолюбие, его желание видеть во что бы то ни стало свои замыслы осуществленными. «...Камаре жил в постоянной лихорадке. Все его несбыточные мечты осуществлялись одна за другой. После машины, вызывающей дождь, появились сотни других изобретений. Гарри Киллер получал от них выгоду, а их творец никогда не беспокоился о том, как они применяются».

Марсель Камаре был настолько далек от окружающей действительности, что даже не поинтересовался, как назвали созданный им город. Это, в сущности, неважно; но ведь Камаре десять лет не замечал совершавшихся вокруг него жестокостей и насилий. Он не задумывался, какой ценой выполнялись его грандиозные замыслы, каких человеческих страданий они стоили. И когда случайно попавшие на завод Флоранс, Барсак и другие открывают ему глаза, Камаре глубоко и мучительно страдает от сознания того, что он соучастник множества страшных дел бандита Киллера. Он окончательно лишается рассудка. Не отделяя свое творение от преступных дел бандитов, изобретатель уничтожает Блекланд до основания, хотя было бы гораздо проще истребить Киллера и его банду и оставить чудесный город существовать в пустыне на пользу человеку.

Но фашистское государство обречено на гибель, все следы его должны исчезнуть, и самый факт его существования должен изгладиться из людской памяти...

Киллер и его сообщники — расисты. Для них негры — низшая раса, «дешевый товар», который легко достать. Негров можно убивать за самые ничтожные проступки и даже без всякой причины, просто, чтобы доказать свое могущество.

Но далеко ли ушли в своих взглядах на взаимоотношения между белой и черной расами депутат Барсак и журналист Флоранс, репортер газеты с многозначительным названием «Экспансьон Франсез»? [1]

Барсак внес законопроект о предоставлении племенам, населяющим Петлю Нигера, избирательных прав. Означает ли это, что он воодушевлен желанием продвинуть черных по пути прогресса, улучшить условия их существования? Ни в коей мере. Для Барсака, человека в сущности не плохого, но буржуазного политика, избирательное право для негров — только средство парламентской борьбы с Бодрьером, соперником на пути к портфелю министра колоний.

В порыве откровенности Барсак выбалтывает Амедею Флорансу истинную причину того упорства, с которым он настаивает на продолжении путешествия. Барсак совершенно равнодушен к вопросу об избирательных правах негров, ему важно сохранить свою репутацию. «...Не забывайте никогда святой истины, господин Флоранс: Политик может ошибаться. Это абсолютно неважно. Но если он признает свою ошибку, он погиб!»

---

[1] *Экспансьон франсез (франц.)* — французское распространение, проникновение.

Не этой ли аксиомой буржуазных политиков руководствовались господа Иден и Ги Молле в войне за Суэцкий канал и последующих событиях? Они ведь быстро поняли, что, развязав кровавую агрессию против свободолюбивого народа Египта, они совершили грубейшую ошибку и подорвали авторитет своих стран, прежде всего на Среднем Востоке, а потом и во всем мире. Но разве можно признать такую ошибку?

Депутат Барсак смотрит на негров равнодушно, они только ступенька в его политической карьере. Но журналист Флоранс настроен явно расистски. Понятно, что хотя роман и ведется от лица Флоранса, но не надо смешивать с ним писателя.

Вот как высказывается о неграх Амедей Флоранс, который не раз и довольно назойливо рекомендует себя, как умного, ловкого репортера и славного парня. «Эти деревни носят глупые имена: Фонгумби, Манфуру, Кафу, Уоссу и так далее, я не продолжаю. Почему им не называться Нейльи или Леваллуа, как у людей (то есть у французов. — *А. В.*)?» «...Наша колонна, увеличившись на одну единицу, — осмелюсь ли я сказать, на пол-единицы, так как один белый стоит двух черных? — двинулась в путь». «В Кокоро начинается страна бобо. Название скорее смешное, но жители не так смешны: настоящие скоты.

Несколько слов об этих скотах...»

И он описывает жилища, одежду и нравы негров с иронией и с нескрываемым высокомерием.

Можно было бы привести еще ряд фактов, рисующих скрытое лицо Амедея Флоранса, но и этого достаточно. Это внуки Амедея Флоранса, презиравшего негров и смеявшегося над ними, заливают кровью поля Алжира, стремясь во что бы то ни стало сохранить там свое колониальное господство. Это внуки Амедея Флоранса сбрасывали бомбы на беззащитные города Египта и их мирное население, а послали их внуки депутата Барсака, объявившие себя «социалистами».

Жюль Верн с ядовитой иронией описывает заседание французской палаты депутатов, когда решается вопрос о посылке экспедиции в область Нигера. «...Барсак... заявлял, что негры уже достигли довольно высокой ступени цивилизации. Он добавил, что мало отменить рабство: надо дать покоренным народам те же права, что имеют победители, и, кстати, при шумных аплодисментах части Палаты, произнес великие слова: «свобода, равенство и братство».

Бодрьер, напротив, объявил, что негры еще коснеют в самом постыдном варварстве и что не может быть и речи о том, чтобы дать им право голоса, потому что с больным ребенком не советуются о лекарстве, которое ему нужно дать. Он потребовал посылки новой интервенционной армии, провозгласив с патриотической энергией, что владения, завоеванные французской кровью, священны и неприкосновенны. Ему так же яростно аплодировала другая часть Палаты...»

Можно подумать, что отчет списан из газеты наших дней. Ведь и теперь все отвратительные дела колонизаторов совершаются под прикрытием громких слов о помощи отсталым народам, под видом заботы об их процветании.

Конечно, теперь напускать туман стало труднее: неизмеримо

выросло сознание народов, появился мощный лагерь социалистических государств. Но Жюль Верн жил и писал в те дни, когда светлое будущее народов еще только предсказывалось в трудах великих учителей марксизма. Однако писатель не был марксистом, не смог правильно понять ход исторического развития, отсюда и мрачные, пессимистические нотки в его последних произведениях.

Что еще остается сказать о романе «Экспедиция Барсака» и его героях?

Жанна Бакстон — одна из немногих женщин, выведенных в жюльверновских романах, и ее можно поставить наряду с Мери Грант, с русской девушкой Надей Строговой («Михаил Строгов»), с неустрашимой Долли Браникан («Миссис Браникан»). Жанна Бакстон одарена редкой силой духа и мужеством, еще ярче выделяющимися в сравнении с безвольным и рассеянным чудаком Сен-Береном, которого она увлекает в далекое и опасное путешествие для спасения чести семьи. Конечно, по всем канонам, ее предприятие должно увенчаться успехом и больше того: восстанавливая честное имя Джорджа, она вдобавок спасает честь и жизнь второго брата, Льюиса, — заслуженная награда за мужество и самоотвержение.

Образ Понсена, статистика, — смелая и удачная сатира на буржуазных ученых. Они отвлекаются сами и стараются отвлечь других от живых и волнующих проблем. Чего стоят расчеты Понсена численности населения одной и той же области, сделанные в разные дни года! Не секрет, что буржуазная статистика такими же методами исчисляет, например, доходность населения в США в среднем на душу, когда одна из этих душ — миллиардер Морган, а другая — кочегар Джон Смит.

Прекрасным положительным типом является храбрый и преданный негр Тонгане, не оставляющий в беде свою госпожу Жанну Бакстон. Это еще один чудесный представитель негритянской расы, стоящий наравне с Геркулесом из «Пятнадцатилетнего капитана», рабыней Зермой из романа «Север против Юга», Набом из «Таинственного острова...»

Многое изменилось за прошедшие полвека в той области, куда была направлена экспедиция Барсака. И дело не только в том, что на месте небольших поселков выросли города, а по прежним караванным путям проложены железные дороги. Не это главное. Главное в том, что за первую половину нашего века неизмеримо выросло самосознание прежних колониальных народов и со времени окончания второй мировой войны более миллиарда человек сбросило цепи колониального рабства. Независимыми суверенными государствами стали Тунис, Ливия, Триполи, Марокко, Гана и даже Судан, тот самый Судан, один из районов которого депутат Барсак собирался «осчастливить», предоставив избирательные права верхушке цветного населения в рамках буржуазной конституции.

Но и те народы и племена, которые еще не сумели добиться независимости, стало неизмеримо труднее эксплуатировать и выкачивать из них богатства в бездонные карманы кучки богачей. Горит почва под ногами угнетателей в Алжире и Кении, и как бы ни старались правители Франции и Англии затушить пожар, посылая на смерть французских и английских юношей, близок день, когда

над Алжиром, над Кенией и над всеми еще угнетаемыми странами Африки и Азии взовьется знамя независимости.

Борцом за эту независимость всегда был замечательный французский гуманист Жюль Верн.

* * *

Роман «Дунайский лоцман» был издан после смерти автора, в 1908 году. Русскому читателю он совершенно неизвестен, так как был напечатан только один раз, в 1909 году, небольшим тиражом, петербургским книгоиздательством «Досуг», и теперь это издание представляет большую библиографическую редкость. В советское время роман не издавался.

«Дунайский лоцман» принадлежит к серии романов-путешествий. Главный герой книги спускается по великой интернациональной реке Дунаю на лодке от верховьев до самого устья и переживает на пути опасные приключения, из которых выходит победителем благодаря своей незаурядной энергии.

Герой романа — обаятельный Сергей Ладко — болгарин, борец за национальное освобождение. Он силен, смел и честен, но самое главное — он горячий патриот. Его жизненная трагедия — несчастье родной страны, находящейся под турецким игом. И к этому примешивается личная трагедия — коварный преступник Иван Стрига действует, прикрываясь его именем, и Сергея Ладко проклинают жертвы дунайской разбойничьей шайки, его разыскивает полиция, чтобы наказать за преступления, которых он не совершал, о которых не слышал и не подозревал. Мало того, Стрига похищает жену Сергея Натчу и пытается добиться ее любви.

Болгарин Сергей Ладко под именем венгра Илиа Бруша пробирается в родной город Рущук под защитой репутации, созданной им для этого вымышленного имени на конкурсе рыболовов в Зигмарингене. Но и эту репутацию портит тот же Иван Стрига, совершая преступления под псевдонимом Илиа Бруша, когда дунайский лоцман томится у него в заточении. Три человека скрываются под одним и тем же псевдонимом, и власти недалеки от того, чтобы заподозрить Сергея Ладко в убийстве Илиа Бруша!

Получается почти водевильная ситуация, но это не водевиль, а трагедия, так как Сергей Ладко и Иван Стрига — смертельные враги и в общественном плане (Стригу подозревают в том, что он турецкий шпион) и в личном. С другой же стороны, сталкиваются представитель правосудия полицейский Карл Драгош, скрывающийся под личиной скромного коммивояжера Иегера, и предполагаемый преступник Сергей Ладко.

Но преследователь и преследуемый становятся друзьями, когда Карл Драгош выясняет истинное лицо Сергея Ладко. Дружба болгарина и венгра интернациональна.

Карл Драгош благороден, это не обычный тип бездушного полицейского, думающего лишь о собственной карьере. Он мог арестовать Ладко после того, как нашел портрет Натчи в вещах рыболова и узнал его настоящее имя, имя преступника, как он полагал, но ведь тот только что спас его жизнь...

Рассуждения Драгоша, которыми он оправдывает свою снисходительность, не рассуждения полицейского, а мысли человека, благодарного за сделанное ему добро. Он сочувствует патриотизму Сергея Ладко, так как и его родина — Венгрия — находится под чужеземной властью, ее угнетают немцы, и час свободы для нее еще далек...

Сюжет «Дунайского лоцмана» увлекателен. Неожиданные повороты событий, заимствование имен, железная энергия Сергея Ладко, драматические обстоятельства двух его побегов — все это захватывает читателя.

«Дунайский лоцман» — одно из немногих произведений Жюля Верна в детективном стиле, но и тут писатель сумел показать высокое мастерство романиста.

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ.

СОДЕРЖАНИЕ

Дунайский лоцман

Иллюстрации художника Н. Кривова.

На соревновании в Зигмарингене 5
В верховьях Дуная 14
Пассажир Илиа Бруша 25
Сергей Ладко 39
Карл Драгош 50
Голубые глаза 59
Охотники и дичь 69
Портрет женщины 78
Два поражения Карла Драгоша 93
Пленник 108
Во власти врага 118
Именем закона 138
Следственная комиссия 145
Между небом и землей 160
Цель близка! 173
Опустевший дом 180
Вплавь 190
Дунайский лоцман 197
Эпилог 206

Необыкновенные приключения экспедиции Барсака

Иллюстрации художника М. Рабиновича.

Часть первая

Дело Центрального банка 211
Экспедиция 230
Лорд Бакстон Гленор 244
Статья в «Экспансьон Франсез» 264
Вторая статья Амедея Флоранса 279
Третья статья Амедея Флоранса 291
В Сикасо 310
Морилире 318

По приказу свыше 332
Новый конвой 345
Что делать? 359
Могила, кости 373

Часть вторая

Блекланд 392
Во весь дух 409
Деспот 420
От 26 марта до 8 апреля 436
Новая тюрьма 449
Марсель Камаре 456
Завод в Блекланде 470
Призыв из пространства 482
Катастрофа 492
Идея репортера Флоранса 498
Что было за дверью 513
Гарри Киллер 520
Кровавая ночь 524
Конец Блекланда 533
Заключение 544

Поздние романы Ж. Верна — послесловие *Александра Волкова* 549

Редактор В. Фирсов.
Переплет художника Н. Кривова.
Техн. редактор А. Лилье.

Издательство «Московский рабочий», Москва, пр. Владимирова, 6.

Подписано к печати 16/VI 1958 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.
Бум. л. 8,75. Печ. л. 28,70. Уч.-изд. л. 29,40 Тираж 200.000.
Цена 10 р. 35 к. Зак. 309.

Типография изд-ва «Московский рабочий», Москва, Петровка, 17.

10 р. 35 к.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1958